КУЛЬТОВАЯ ЭПОПЕЯ

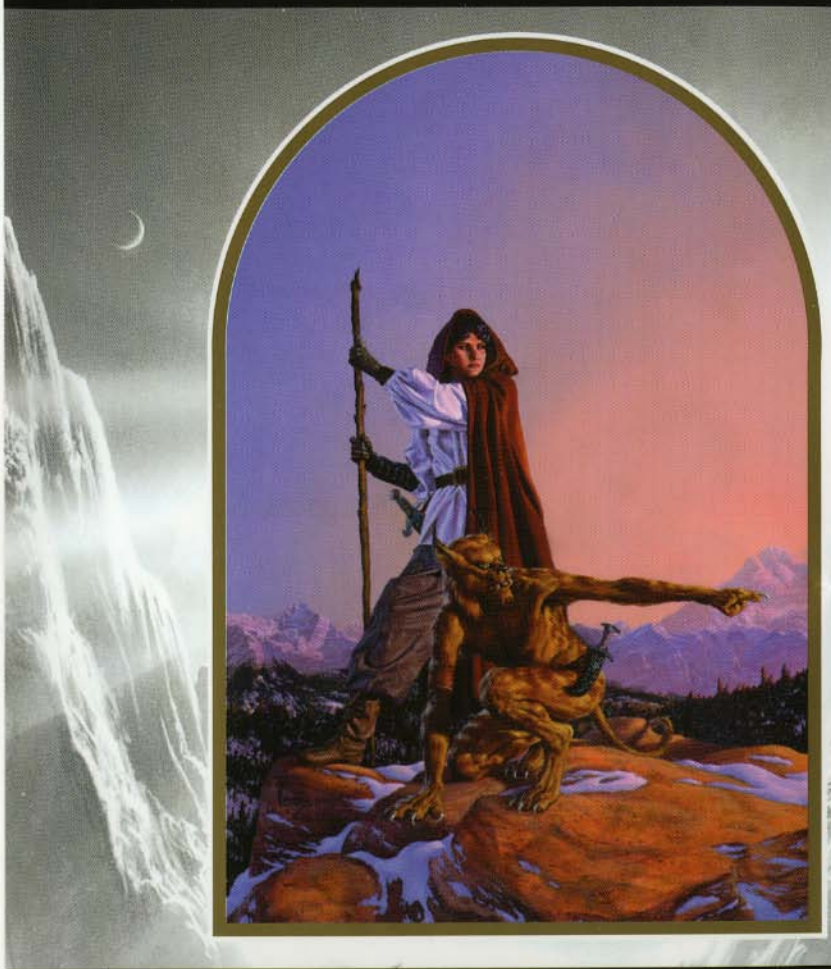
Стерлинг
ЛАНЬЕ

Странствия Иеро

ОДИН ПРОТИВ ПОРОЖДЕНИЙ ТЬМЫ

Эксмо

Стерлинг
ЛАНЬЕ



Странствия Иеро

Стерлинг

ЛАНЬЕ

Странствия Иеро

Стерлинг
ЛАНЬЕ

Путешествие Иеро

•

Иеро не забыт

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2008

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Стерлинг

ЛАНЬЕ

Странствия Иеро

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2008

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Л 22

Sterling E. Lanier

HIERO'S JOURNEY

© 1973 by Sterling E. Lanier

THE UNFORSAKEN HIERO

© 1983 by Sterling E. Lanier

This edition published by arrangement with Curtis Brown Ltd
and Synopsis Literary Agency

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Карты выполнены *И. Жмайловой* и *Ю. Каташинской*

Ланье С.

Л 22 Странствия Иеро: Фантастические романы / Стерлинг Ланье; [пер. с англ. М. Нахмансона, С. Нахмансона]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2008. — 688 с. — (Шедевры фантастики).

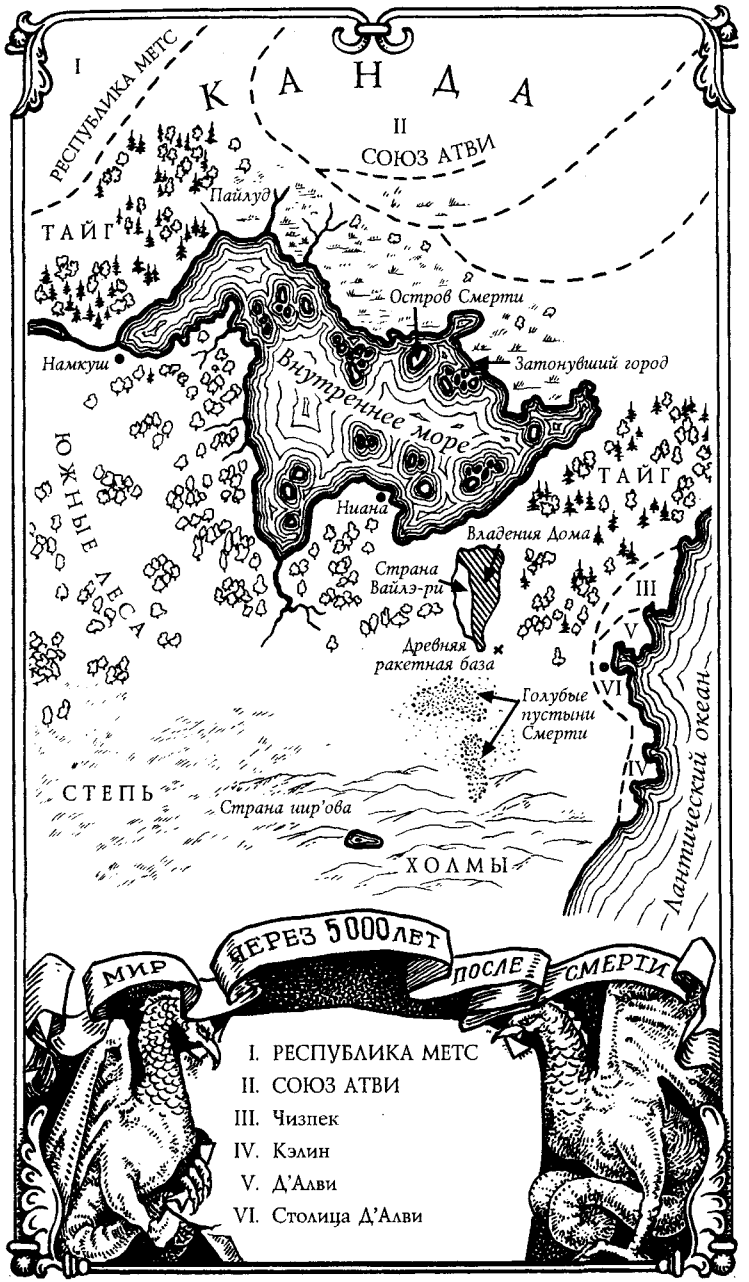
ISBN 978-5-699-27302-7

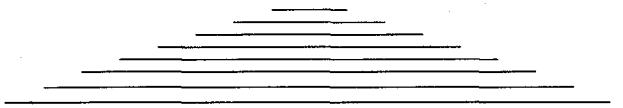
Седьмое тысячелетие от Рождества Христова. Мир, с трудом оправившийся после глобальной ядерной катастрофы, стоит на грани окончательного уничтожения. Полчища мутантов под предводительством Нечистого и его адептов, Мастеров из Темного Братства, наносят удар за ударом по спасшимся остаткам человечества. Аббатства Канды, хранители знаний, последняя людская надежда, снаряжают в путь лучшего из своих людей, воина-телепата Иеро Дистина, на поиски могущественного оружия, способного остановить Зло. Путь Иеро ведет на Юг, в области, где правит Нечистый...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-27302-7

© Перевод. М. Нахмансон, С. Нахмансон, 2008
© Оформление, издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2008





Путешествие Иеро

Глава 1

ЗНАК РЫБОЛОВНОГО КРЮЧКА

«Не человек, а дубина стоеросовая,— размышлял Иеро, покачиваясь в седле.— Здоровый, энергичный и слишком важный. К тому же,— добавил он в список своих отрицательных качеств,— из тех парней, что сперва рубят, а думают потом».

Под ним ритмично ходила волнами спина крупного лорса по кличке Клоц, который бежал иноходью по грязной дороге, пытаясь иногда ухватить пучок молодых листьев с ближайших деревьев. Его толстые, выпяченные наружу губы были прекрасно приспособлены для этой цели.

Пер Иеро Дистин, священник-заклинатель второй степени, страж границы и киллмен, отбросил свои бесплодные размышления и выпрямился, опершись ладонью о высокую луку седла. Лорс, перестав хватать листья, вдруг фыркнул, остановился и тревожно замер, высоко задирая разлапистые рога. Хотя сейчас их отростки были мягкими, огромный черный зверь, превосходивший размерами и мощью любую породу давно вымерших лошадей, являлся смертельно опасным бойцом. В этот период, когда ветвистая поросль рогов еще не отвердела, главным оружием Клоца оставались острые тяжелые копыта.

Иеро, сдерживая скакуна, чутко прислушался. Впереди нарастали смутный гул и рев, превращаясь в громкий топот, от которого наконец сотряслась земля. И всаднику, и лорсу были хорошо знакомы эти звуки: хотя еще стоял август, стада баферов уже начали свою осеннюю миграцию с севера в южные края, как они делали это бессчетное количество лет. Священник попытался разглядеть животных сквозь плотную стену лиственниц, пальм и ольхи, которыми заросла обочина тракта. Стволы деревьев и кустарник ограничивали обзор, но доносившиеся до путников звуки становились все отчетливей и сильнее.

Наконец Иеро решил положиться на чутье Клоца, который мог инстинктивно определить, куда направляется стадо. Им угрожала немалая опасность, если бы они очутились перед фронтом огромного скопища быков, не имея возможности убраться с их пути. Баферы не считались особенно зловредными тварями, но, кроме огня и неприступных гор, ничто не могло их остановить.

Лорс забеспокоился, чувствуя, что они оказались в опасном месте в опасное время. Иеро решил не медлить дольше и, свернув с тракта на юг, положился на Клоца, предоставив ему выбирать дорогу.

Едва они расстались с трактом, священник обернулся: стадо, бесконечный поток бурых тел и огромных косматых голов, увенчанных острыми рогами, проламывалось через подлесок на дорогу. Рев и топот животных стали теперь оглушающими; во главе их, яростно фыркая, мчались огромные быки.

Стиснув коленями косматые бока лорса, Иеро отдал ментальный приказ:

«Беги, парень, не медли! Ищи безопасное место, не то нас растопчут!»

Клоц рысью рванулся вперед, его большое мощное тело двигалось на удивление быстро. Огромное животное мчалось по лесу, уклоняясь от древесных ветвей и кустарника, но всаднику, который трясся на его спине, приходилось труднее; он внимательно следил за крупными ветками, способными вышибить его из седла.

Высокие сапоги, куртка и штаны из оленьей кожи являлись надежной защитой от тонких ветвей, хлеставших по ногам и плечам. Голова Иеро оставалась непокрытой, но в одной из сумок, притороченных к седлу, лежали кожаный подшлемник и медный шлем. Он поднял руку, прикрывая лицо, и мысленно пришпорил лорса. Могучий зверь увеличил скорость; раздражение поднималось в нем, и мозг Иеро ощутил эту волну ярости.

«Прости старина, если мешаю делать твою работу»,— мягко подумал он.

Ни одна домашняя тварь не была так предана людям, как лорсы. Выведенные много поколений назад путем направленных мутаций гигантского дикого лося, уцелевшего после Смерти, они сделались прекрасными боевыми и верховыми животными. Стада их в аббатствах тщательно охранялись, а высоко ценимых производителей продавали на сторону с большой неохотой и в самых редких случаях. Однако ментальная чувствительность и ум сочетались у лорсов с упрямой независимостью и капризностью нрава, которую никто не мог преодолеть; специалисты аббатств все еще продолжали селекционные работы с ними.

Внезапно Иеро выругался и хлопнул себя по лбу: атаковавшие его тучи москитов и веером взлетевшие брызги подсказали, что Клоц устремился в болото. Рев животных за спиной стал затихать — баферы не любили воду, хотя при необходимости могли проплыть несколько миль.

Иеро тоже не питал пристрастия к грязным болотным лужам. Он подал сигнал «стой!», слегка сжав ногами лорсиные бока, и Клоц остановился. Зверь тяжело дышал.

— Ах ты, неслух,— произнес Иеро, ласково потрепав шею скакуна.

Вокруг них темнели озерца и лужи, сливаясь впереди в довольно большой водоем с топкими пологими берегами. Путники остановились на скалистом мыске, загроможденном хаосом древесных стволов, принесенных в последнее половодье. Здесь царила тишина; топот стихал, еле слышный шум стада удалялся к востоку. Маленькая птичка в

темном оперении проскользнула вниз по упавшему стволу. Бурые сосны и похожие на зеленые свечки кипарисы вставали прямо из воды, затеняя лучи солнца и придавая пейзажу сумрачную угрюмоватую торжественность. Облака мошкары роились над головой; спасаясь от них, священник начал обмахиваться сломанной ветвью. Лорс топал ногами и недовольно фыркал.

Рябь на антрацитовом озерном зеркале — вот что их спасло. Хотя Иеро обладал превосходной реакцией, борьба с насекомыми поглощала все его внимание, и лишь случайный взгляд, скользнувший по стеклянистой глади водоема, заставил его насторожиться. Две расходившиеся полосы от какого-то предмета, что в полном безмолвии двигался под поверхностью воды, стремительно приближались к скакуну и всаднику.

— Беги! — крикнул он, пришпоривая лорса. Зверь рванулся вперед, так что между ними и берегом пролегло уже добрых десять футов, когда бронированная башка снапера показалась из воды.

Сражаться было делом бессмысленным. Метатель, висевший в чехле за спиной Иеро, а тем более его копье и меч — бесполезные игрушки против взрослого снапера. Клоц тоже чувствовал это, несмотря на всю свою силу и постоянную готовность к драке в любое время дня и ночи.

Отвратительная голова монстра достигала четырех футов в длину и трех в ширину. Припав на мгновение к земле, гигантская черепаха тут же стремительно рванулась вперед, царапая когтями неподатливый камень и расшвыривая загромождавшие берег бревна. Янтарные глаза чудовища сверкали, вода потоками струилась с выпуклого, зазубренного по краям панциря. Хотя монстр весил не меньше трех тонн, движения его казались на удивление проворными. До Смерти вес предков этих тварей составлял не больше шестидесяти пяти фунтов, но с тех пор они чудовищно выросли, сделавшись грозой озер и водоемов. Даже народ Плотины, для коего вода являлась самой привычной обителью, опасался их.

Все же, каким бы быстрым ни был снапер, он не мог состязаться на суше с перепуганным лорсом. Клоц сломя голову ринулся прочь с болота, и, когда монстр вылез на скалистый гребень мыска, лорс и его всадник уже мчались на сотню футов впереди, разбрызгивая воду в лужах и направляясь к дороге, по которой ехали ранее. Близорукий, как все представители его вида, снапер мог разглядеть только мелькающую впереди точку. Он с громким щелканьем захлопнул пасть, разочарованно наблюдая за исчезавшей в зарослях добычей.

Как только беглецы достигли сухого участка, Иеро вытер пот со лба, натянул поводья и прислушался: слабые звуки — топот и рев баферов — удалялись на юго-восток. Его дорога лежала в том же направлении, а потому, не колеблясь, он погнал лорса прямо за мигрирующим стадом. Оба они — и человек, и зверь — были потрясены своей неосторожностью. А в год от Рождества Христова семь тысяч четыреста семьдесят шестой потеря бдительности стоила дорого.

Иеро опять ехал по тракту, который незадолго перед тем покинул, уступая дорогу баферам. Всадник и скакун двигались неторопливо, чтобы не потревожить бегущих в арьергарде самок с телятами и старых ослабевших быков. Баферы ушли далеко вперед, но над дорогой в безветренном воздухе все еще витал тяжелый запах стада, почва была истоптана тысячами копыт, а ветви на деревьях обломаны. Смрад, исходивший от многочисленных куч помета, перебивал все другие запахи; и человек, и лорс ощущали неуверенность, так как привыкли полагаться на свое великолепное чутье ничуть не меньше, чем на зрение и слух.

Священник, однако, решил ехать за стадом, прикинув, что оно невелико, всего лишь тысячи две голов. Странствие вслед за могучими животными отчасти гарантировало от опасностей, которыми полнился зеленый океан Тайга. Правда, и тут был риск — в Тайге беда подстерегала всюду,— но осторожный и опытный путник всегда предпочтет меньшую опасность большей. К этим малым опасностям

относились хищники, тянувшиеся за стадом и пожиравшие раненых и старых животных, а также неокрепший молодняк. Сейчас на дороге перед Иеро маячила пара больших серых волков, которые то и дело с рычанием поворачивали к нему оскаленные пасти. Несмотря на резкую мутацию животных и растительных форм, невзирая на огромные перемены в окружающем мире, волки остались практически прежними. Казалось, они относятся к тем немногим существам, которые упорно сопротивляются спонтанным генетическим изменениям, и это выглядело едва ли не чудом: волки, пластичность генов которых позволила вывести в древние времена сотни пород собак, смогли сохранить после Смерти свой основной тип. Они, однако, сделались умнее и, по возможности, избегали столкновения с человеком — зато убивали любую домашнюю собаку, которую могли обнаружить, выслеживая ее с дьявольским упорством и терпением. Поэтому обитатели Тайга держали своих собак на дворе, надежно запирая их на ночь.

Иеро, будучи священником и заклинателем — а следовательно, человеком ученым,— превосходно все это знал. Он знал и то, что волки не доставят ему хлопот, если они с Клоцем не дадут к тому повода. Он мог мысленно ощутить — или, как говорили в аббатствах, «услышать» — исходившую от них эманацию ненависти; таким же даром эмпатии обладали его скакун и многие другие существа, обитавшие в лесах и водах. Впрочем — оба: и человек, и лорс — понимали, что грозящая им опасность в данном случае невелика.

Переставляя в мерной иноходи длинные ноги, Клоц двигался по следам стада, мчавшегося по дороге на расстоянии двух-трех миль от путников. Передвигаться по этому грязному разбитому тракту, на котором две повозки не разъехались бы, было тяжело, но он считался важной торговой артерией между Метсом, западной частью Канды, и востоком, куда лежал путь священника. Республика Метс, его родные края, располагалась на обширных землях с весьма нечеткими границами. Она поглотила ряд западных провинций древней Канады — Саскачеван, Манитобу и Альберту, а

также изрядную часть бывшей Северо-Восточной территории. Здесь обитало ничтожное число людей по сравнению с размерами области, а потому проводить границу в старом смысле слова было бы нелепостью. К тому же граждане республики являлись скорее этническим и религиозным сообществом, нежели национальным.

Тайг, огромный хвойный лес, который произрастал в этой части мира по крайней мере за миллион лет до Смерти, опять стал доминирующим фактором в северных землях. Он, однако, сильно изменился, включив в свой состав многие древесные породы, характерные прежде для теплых стран. Многие растения и животные погибли, исчезли полностью, но большинство выжили и адаптировались к более мягкому климату. Зимы на западе Канды были теперь сказочно мягкими; температура редко падала ниже пяти градусов по Цельсию. В эту эпоху полярные шапки планеты таяли и отступали; мир стоял на грани очередного межледникового периода. Потепление было причиной резких изменений как рода людского, так и животных и окружающей среды, и этот факт являлся отправным моментом обучения в школах аббатств. Древние книги предостерегали от последствий парникового эффекта, но пока накопилось слишком мало данных, позволявших утверждать что-то определенное. Ученые аббатств никогда не оставляли попыток раздобыть новые сведения о прошлых веках в надежде яснее предвидеть очертания будущего — тем более что древний ужас Смерти, несмотря на истекшие пять тысячелетий, все еще витал над миром. Догмат о том, что Смерть никогда не должна повториться снова, главенствовал во всей научной подготовке, и с этим были согласны все люди — кроме мерзавцев, объявленных вне закона, и приспешников Нечистого. Как искренне верующий священник аббатств, Иеро частенько размышлял о проблемах прошлого — даже сейчас, когда, казалось, он просто размечтался, мерно покачиваясь в седле.

Внешность у него была эффектной, и он, не без доли тщеславия, сознавал это: молодой человек, коренастый

и крепкий, чисто выбритый, с прямыми черными волосами, кожей цвета меди и орлиным носом коренного метса... Он гордился — конечно, в разумных переделах — чистотой своего происхождения и мог без ошибки перечислить тридцать поколений предков. Впрочем, Иеро довелось испытать глубокое изумление, когда в школе аббатств старый священник вежливо указал ему, что все истинные метсы, включая и самого отца Демеро, происходят от метисов, франко-индейских полукровок, которые в давние времена были почти бесправным меньшинством в Канаде и которых спас от Смерти уединенный образ жизни и изоляция от больших городов. После этого юный Иеро и его товарищи по обучению никогда больше не хвастались своим происхождением и кровью. Основное правило аббатств — место человека целиком определяется его заслугами — стало для подростков новым источником внутренней гордости.

За спиной Иеро, стянутой ремнем перевязи, торчал стальной тесак, похожий на короткий массивный меч с сорокадюймовым лезвием, заточенным с одного края. Старинная вещь, изготовленная еще до Смерти; Иеро он достался в качестве награды за школьные успехи. На лезвии были выгравированы буквы и цифры: «U. S.», дата — «1917», и еще надпись «Сделано в Филадельфии»; ниже находилось изображение предмета, похожего на луковицу с листьями. Иеро знал, что его оружие являлось невероятной древностью и когда-то принадлежало воину из Соединенных Штатов, огромной империи, владевшей некогда всем Югом. Это было все, что он или кто-либо другой в республике Метс могли поведать о корпусе морской пехоты США, сражавшемся в долгих кампаниях в Азии и Центральной Америке и полностью позабытом пять тысячелетий спустя. Но несмотря на почтенный возраст, тесак был отличным оружием, и Иеро любил ощущать в руке его вес.

В его снаряжение также входило короткое тяжелое копье с древком из ореха и десятидюймовым стальным наконечником. Копье не было старинным; его сделал для Иеро оружейный мастер аббатства в Саске, когда он прошел об-

ряды посвящения. За спиной у него висело еще одно орудие убийства, деревянный приклад которого торчал из кожаного чехла. То был метатель, заряжавшийся с дула гладкоствольный карабин, стрелявший шестидюймовыми разрывными снарядами. Оружие стоило безумно дорого; его ствол высверлили из бериллиевой бронзы, а снаряды производились вручную в маленькой мастерской, расположенной в тайном месте. Карабин был подарком отца, преподнесенным Иеро после окончания школы; его цена равнялась стоимости двадцати плащей из лучшего меха куницы. Мощное, однако не столь надежное оружие в сравнении с клинком — ведь когда запас снарядов истощится, метатель станет бесполезной игрушкой. Но в сумке, висевшей у седла, Иеро хранил пятьдесят маленьких ракет; не многие хищные твари выжили бы после их удара. Шестидюймовый нож с костяной рукояткой, висевший в ножнах на поясе, завершал боевое снаряжение священника.

Его одежда была легкой и отлично сшитой из коричневой оленьей замши, выделанной почти так же тонко, как ткань, но более прочной. В притороченных к седлу сумках хранились меховая куртка, перчатки и зимняя обувь, запас пищи, несколько кусков меди и серебра для обмена, а также принадлежности заклинателя. Ноги Иеро были обуты в кожаные сапожки с каблуками и прочными подошвами, легкие и удобные для ходьбы и бега. Символ аббатств — крест и меч в круге — сиял серебряным блеском на его груди; прочный ремень поддерживал тяжелый медальон. На бронзовом лице путника были нанесены знаки, определявшие его ранг в иерархии аббатств: желтый кленовый лист на лбу и под ним — две змеи, обвивающие древко копья. Эти символы считались очень древними, их ввел еще великий отец, первый глава аббатств, когда впервые устанавливал систему рангов. Каждое утро Иеро возобновлял их, пользуясь красками из маленьких баночек, лежавших в его сумках. Повсюду на Севере эти символы узнавали и почитали — кроме людей, стоявших по ту сторону закона, и мерзких созданий, лемутов, отродий Смерти, которые были величайшими врагами человечества.

В свои тридцать шесть лет Иеро еще оставался холост, хотя многие мужчины в его возрасте уже являлись главами больших семейств. Он также не хотел становиться аббатом и закончить жизнь в качестве администратора высокого ранга — вот в этом-то он был совершенно уверен! Когда ему слишком надоедали с подобными вопросами, он с непроницаемым лицом заявлял, что женщины интересуют его не более, чем сапоги, сношенные три года назад. Впрочем, он не давал обета безбрачия, так как религиозные доктрины изменились вместе с природой и климатом и целибат являлся частью погибшего прошлого. Сейчас считалось, что священники принадлежат миру, в котором они должны бороться и выживать,— а ведь нет ничего более мирского, чем женщина. Аббатства не были уверены, уцелел ли где-то за восточным океаном древний Рим, легендарное средоточие их веры, но даже если бы Рим еще существовал, их традиционное повиновение его Первосвященнику ушло безвозвратно, кануло в вечность вместе с искусством быстрого преодоления огромных расстояний и другими подобными знаниями.

Дружный хор птичьих голосов раздавался над головой; Иеро неторопливо ехал по разбитому тракту, прислушиваясь к пению птиц и купаясь в ярких лучах полуденного солнца. Небо было безоблачным, августовская жара — умеренной и приятной. Лорс бежал небыстрой иноходью; он мог двигаться так часами без каких-либо понуканий со стороны седока. Клоц любил своего хозяина и точно знал, насколько далеко дозволялось ему заходить в своих капризах, чтобы не вывести Иеро из терпения. Большие уши зверя слегка шевелились — звуки были источником новостей, а Клоц мог слышать шорох любой мелкой твари в лесу на расстоянии четверти мили. Но пыльная дорога, расстилавшаяся перед длинной мордой лорса и внимательными глазами всадника, была пуста. Волки исчезли, и только кучки помета напоминали о стаде баферов, мчавшемся где-то далеко впереди.

Их путь проходил через девственный лес. Большинство районов Канды еще не было заселено, и многое в них оставалось совершенно неизвестным и загадочным. Наиболее отважные и предприимчивые устремлялись на новые земли; волны колонизации расходились кругами от каждого из крупных центров аббатств, но случалось и так, что поселенцы исчезали без следа. Пионеры, отправившиеся в дикие области, утерявшие связь с центром, лишившиеся твердого руководства, пропадали таинственно и необъяснимо. Однажды какой-то лесной рейнджер — охотник или, возможно, священник, посланный пограничным аббатством,— нашел в глухом лесу развалины домов, заросшие сорняками поля и жалкие остатки раздробленных человеческих костей. Жители ближайших районов были предупреждены об опасности, но в народе прошел слух, что священники специально сдерживают поселенцев, чтобы воспрепятствовать захвату земель в дальних лесах. Однако ни у кого не появилось даже мысли, что аббатства сами могут быть причастны к этим трагедиям. Подобные слухи не отвечали бы реальности; секретов у аббатств имелось немного, и они никогда не накладывали запретов на повседневную жизнь людей. Совет аббатств повторил предостережение, призывая к осторожности в освоении новых территорий. Это, однако, не уменьшило стремления многих смельчаков к опасным скитаниям. Совет пытался строить новые аббатства в заселяемых районах, создавая форпосты цивилизации и знания, вокруг которых могли бы сплотиться поселенцы. Однако, хотя мужчин и женщин в Канде хватало, очень немногие из них могли стать хорошими священниками и солдатами. Это была медленная работа.

Размышляя на такие темы, Иеро покачивался в высоком седле. Специальная мнемоническая тренировка помогала ему без труда запоминать все увиденное для будущего отчета. Вздымающиеся в небо сосны, большие белокорые осины, масличные пальмы, огромная куропатка, мелькнувшая среди деревьев,— все было интересно священникам-регистраторам аббатства. Еще в ранней юности будущий служитель Бога усваивал, что в жестоком и ненадежном мире лишь знание является единственным реальным оружием.

Лорс и его всадник находились сейчас на расстоянии восьми дней пути от самого восточного аббатства Метсианской республики. Эта южная дорога, один из основных торговых трактов, связывающих Метс с союзом Атви, была малоизвестна. Иеро выбрал ее после длительных размышлений, потому что он собирался двигаться на юг и на восток одновременно, а также по той причине, что путешествие в этих краях могло дать новые сведения для исследовательских центров аббатств.

Постепенно мысли священника обратились к его миссии. Он был лишь одним из шести добровольцев, посланных аббатствами, и не питал никаких иллюзий относительно полученного задания: поручение было опасным. Смертельно опасным! Мир наполняли жестокие звери и еще более жестокие люди, которые не признавали никаких законов и заключили союз с темными силами и лемутами. А сами лемуты, что они такое? За свою жизнь он дважды сражался с ними; последний раз — два года назад. Свора из полусотни отвратительных обезьяноподобных тварей верхом на неоседланных полосатых собаках гигантских размеров атаковала караван на Великой восточной дороге, охраной которого он командовал. Несмотря на всю его бдительность, несмотря на то, что под его командой была сотня опытных солдат и целая армия торговцев, которые также являлись хорошими бойцами, нападение удалось отбить с большим трудом. Двадцать погибших, несколько исчезнувших повозок и ни одного пленника, ни живого, ни мертвого,— вряд ли это можно было считать победой! Если лемут падал сраженным, одно из пятнистых собакоподобных созданий хватало его и уносило прочь.

Изучая лемутов долгие годы, Иеро узнал о них немало подробностей — пожалуй, не меньше, чем специалист, имеющий высший ранг аббатства. Он знал о них достаточно, чтобы представить себе, сколь многого он еще не знает и что в этом огромном мире существуют вещи, о которых он не имеет ни малейшего понятия.

Мысль о том, что дальнейший путь и ближайшее будущее нуждаются в изучении, заставила его притормозить

лорса. Использование сил разума для дальновидения и прекогнистики, как с помощью лукинаги, так и без нее, являлось весьма опасным занятием — ведь слуги Нечистого тоже обладали телепатической мощью и способностью к восприятию не высказанных человеком слов. Не стоило гадать, что произойдет, если свора таких же монстров, как атаковавшие караван, наткнется на одинокого путника на безлюдной дороге.

Но если существовала какая-то опасность, дальновидение иногда помогало избежать ее — разумеется, если не впадать в крайности. В школе аббатств учили: «Ваш ум, ваши знания и ваши чувства являются наилучшими помощниками, которых не заменят телепатический поиск, дальновидение и предсказание будущего. И если слишком часто прибегать к этим средствам, они могут стать очень опасными». Это было очевидно, как божий день. Но пер Иеро Дистин, даже без всех своих талантов заклинателя, вовсе не был беспомощным; он являлся ветераном, опытным священником-воином, и все подобные соображения давно перешли у него из области разума в разряд безошибочно действующих инстинктов.

Он направил своего лорса на север, в сторону от дороги, различив близкое сопение баферов.

«Быстро они двигаются»,— подумал Иеро и удивился: с чего бы?

На маленькой солнечной прогалине в сотню ярдов длиной он натянул поводья, спешился и велел Клоцу стоять тихо и наблюдать. Большому лорсу эта процедура была известна не хуже, чем всаднику; он задрал голову вверх, встряхнул своими еще не окрепшими рогами и принюхался. Тем временем Иеро извлек из седельной сумки деревянные знаки сорока символов, кристалл и ритуальную накидку. Набросив ее на плечи, он уселся, скрестив ноги, на мягкую подстилку из сосновых игл и принялся сосредоточенно всматриваться в кристалл. Через некоторое время его левая рука шевельнулась, ладонь легла на кучку крохотных деревянных фигурок; одновременно он начертил правой рукой знак креста перед лбом и грудью.

— Во имя Отца, Сына и Святого Духа,— негромко произнес он.— Я, священник Божий, прошу показать мой дальнейший путь. Я, смиренный служитель человеческий, прошу помощи в моем странствовании. Я, существо земное, прошу Творца о знамении...— При этих словах он сконцентрировался, вглядываясь в кристалл и направив свои мысли на дорогу, на ее юго-восточную часть, являвшуюся ближайшей целью его путешествия.

Ясная глубина кристалла затуманилась, помутнела, наполнилась плывущей призрачной дымкой. Тысячи лет назад, еще до Смерти, антропологи двадцатого века отказывались верить собственным глазам, когда видели двух австралийских туземцев, пристально вглядывающихся в водяные лужи и обменивающихся мыслями на расстоянии сотен миль. Сейчас человек семьдесят пятого века готовился разглядеть то, что ждало его впереди в опасных странствиях.

Дымка рассеялась, и Иеро ощутил, что погружается в кристалл, как будто бы становясь его частью. Он отогнал прочь это привычное ощущение, и вдруг ему ясно представилось, что он парит в воздухе на высоте нескольких сотен футов и смотрит вниз на стадо баферов, на лес и на дорогу. В какой-то части его сознания мелькнула мысль, что на этот раз он использует глаза птицы, почти наверняка — ястреба. Возникшее перед ним изображение местности качалось взад и вперед по широкой дуге, пока он фиксировал в памяти все увиденное. Тут было озеро, южнее — река у большого болота, и мили три тракт тянулся через какие-то нагромождения валунов и каменные завалы. Они явились Иеро на краткое мгновение, и он не смог понять, что же это такое (птица не сознавала, с какой целью ее используют), но отметил, что здесь придется ехать с осторожностью. Он не держал птицу полностью под своим телепатическим контролем; это было бы трудное, почти невозможное дело. Но его сосредоточенность на предстоящем пути как бы притягивала сознание любого существа, которое видело этот путь яснее, чем он,— подобно тому, как магнит притягивает железо. Если бы в небе не оказалось птицы,

он увидел бы дорогу глазами белки на высоком дереве или даже глазами бафера — если бы не нашлось ничего более подходящего. Лучшими «глазами» являлись, конечно, ястребы и орлы, а так как здесь их водилось в избытке, шанс попасть в цель был достаточно велик. Их глаза не походили на человеческие, но, по крайней мере, обеспечивали бинокулярное зрение. Впрочем, разница не вызывала затруднений у человека с опытом Иеро; при нужде он мог воспользоваться глазами любого создания в лесу, в поле или в небесах.

Он заметил, что баферы двигаются быстро. На паническое бегство это не походило, но животные казались встревоженными. Волки, которых он видел раньше, не могли быть источником серьезной опасности для могучих быков. Что же их обеспокоило?

Привычным усилием воли Иеро вышел из транса и взглянул на свою левую руку. В его кулаке были зажаты две крохотные фигурки, два из сорока деревянных знаков священника-заклинателя. Он раскрыл ладонь и увидел в ней другую миниатюрную ладонь — Руку, вырезанную из дерева. Этот символ означал «друг». Иеро бросил его в кучку остальных фигурок и посмотрел на второй знак. То был маленький Рыболовный Крючок. Он медленно уронил его на кучку деревяшек, затем сложил их в кожаный мешочек, в котором хранились символы. Его опыт предсказателя-прекогниста подсказывал, что такая странная комбинация нуждается в обдумывании. Рыболовный Крючок имел несколько значений: одно из них — скрытая опасность, другое — скрытый смысл чего-либо. С добавлением других символов Крючок мог означать тайну, секрет, загадку. В сочетании с раскрытой Рукой его можно было истолковать двояко: как встречу с таинственным другом или как предостережение: «остерегайся, кажущийся другом сделает тебе зло». Все это не имело ничего общего ни с рыбой, ни с рыболовством.

С использованием лишь сорока символов смысл пророчества часто оставался неясным, а сама процедура — вызы-

вающей определенный скепсис. Но, как указывали всякому начинающему предсказателю, если неясное и сомнительное временами спасало вашу жизнь или чью-то жизнь вообще, то дело, пожалуй, того стоило, не так ли? Впрочем, одаренный человек, мужчина или женщина, обладавшие нужными способностями, могли многое сделать с этими деревянными фигурками. Иеро оценивал свои собственные таланты в данной области как средние; их нельзя было сравнить с его искусством дальновидения — то есть использованием глаз различных Божьих тварей для разведки. Но символы не раз помогали ему, и священник чувствовал себя уверенней, если пользовался ими.

Когда он упаковал седельную сумку, лорс, все еще стоявший на страже, вдруг фыркнул. Иеро стремительно обернулся, его тяжелый клинок, казалось, чудом вылетел из-за пояса и, стиснутый в сильной руке, замер в оборонительной позиции. Только тогда он поднял взгляд и увидел небольшого медведя.

Их порода тоже мутировала за прошедшие тысячелетия, как и большинство других животных. Сейчас перед священником находился черный медведь, и зоолог двадцатого века на первый взгляд не нашел бы никаких заметных перемен в его обличье — кроме, быть может, более выпуклого лба. Однако, хотя внешне зверь почти не изменился, в его глазах можно было явственно различить проблески разума. Медведей и раньше никто не назвал бы тупицами; теперь же они несомненно поднялись над уровнем мышления животного. Этот медведь, как заметил Иеро, подкрался один; других рядом не было. Качнув головой, медведь встал на задние лапы; передние забавно болтались перед грудью.

«Весит фунтов сто пятьдесят,— прикинул священник,— и выглядит подростком. Но не исключено, что зверь взрослый — какая-нибудь новая разновидность...»

Иеро мысленно настроился на животное, с осторожностью зондируя его мозг. Мысли, которые он принял в ответ, были поразительны:

«Друг — человек друг — пища (просьба). Друг — помогать — опасность (чувство жары). Друг — медведь (имеет в виду себя) — помогать — опасность».

Восприятие было на удивление четким и ясным. Иеро доводилось и раньше мысленно общаться с дикими существами, что всегда требовало большого напряжения, но это странное создание обладало такой же ментальной мощью, как самый тренированный человек.

«Сколь много удивительного в мире Божьем!» — подумал путник и сунул свой короткий меч в ножны.

Зверь опустился на задние лапы. Иеро, отдав мысленный приказ Клоцу стоять на страже, отметил про себя, что лорс, кажется, считает медведя безвредным. Подойдя к сумке, он достал пластину сухого пеммикана. Пища древних путников в северных краях — жир, кленовый сахар и сушеные ягоды, все смешанное и спрессованное,— сохранила свое название с древних времен.

Отломив кусок и протягивая его медведю, священник послал мысль: «Кто-что ты? Что-кто несет опасность?»

Медведь почти человеческим жестом зажал еду в передних лапах и расправился с пластинкой в один присест. Его мысли потеряли четкость на какое-то время, затем снова стали ясными.

«Пища — (хорошо/удовлетворение) — больше? Плохие существа идут — охотники — охотники-люди, охотники-звери, охотники на этого человека. Теперь — недалеко позади — недалеко впереди. Смерть вокруг — медведь помогать человеку?»

Затем последовала неясная мысль, из которой путник понял, что медведь пытается сообщить ему свое имя. Оно было непроизносимым; созвучие «Горм» являлось наиболее близким приближением. Иеро продолжал отчетливо воспринимать его мысли. Горм был молодым медведем, только трех лет от роду, и сравнительно недавно пришел в эту местность, двигаясь с востока. Опасность, о которой он сообщал, была вполне реальной и кольцом охватывала место их встречи. В коротком проблеске мысли своего

странного собеседника Иеро уловил ощущение холодной злобной вражды, исходящей от чего-то раздувающегося и мягкого, спрятанного в тайном месте и обвивающего паутиной ужаса весь лес. Медведь показал ему этот образ еще раз, более подробно, и теперь священник понял грозившую ему опасность. Лемуты, Нечистый! Ничто другое не могло вызвать подобного ужаса и отвращения у нормального человека или животного. Позади него Клоц фыркал и бил о землю копытами.

Иеро заканчивал паковать сумку, повернувшись спиной к Горму. Он был уже уверен, что ему не грозит опасность со стороны этого существа, почти детеныша, и что медведь сам был напуганным, нуждавшимся в помощи беглецом. Люди редко охотились на медведей, и старая вражда поселенцев-пионеров к этим зверям давно угасла.

Вскочив в высокое седло, священник послал ментальный вопрос сидевшему на земле животному:

«Где?»

«Идти безопасно — опасность первым — медленно идти»,— пришел ответ, и Горм, встав на все четыре лапы, направился вперед.

Клоц без понуканий побежал за ним на расстоянии примерно пятидесяти футов. То, что его скакун охотно двинулся за медведем, показалось путнику хорошим признаком. Лорсы были не только быстры и сильны, но и сообразительны; их телепатические способности ценились не меньше физических качеств.

Они двигались на юг, по пути, который Клоц уже проходил недавно, и вскоре пересекли дорогу. Тут медведь выкинул такое, что Иеро лишь раскрыл глаза от изумления. Подав ему сигнал остановиться, Горм опять перебежал пыльную тропу и затем переполз обратно, цепляясь за землю передними лапами. Его толстый живот полностью стер отпечатки широких копыт Клоца! Теперь только следы стада баферов виднелись на дороге.

«Идти Горм — идти твердая земля (тихо) — не оставлять следов,— пришла к священнику мысль медведя, и затем

опять: — Не говорить — идти за мной — другие услышат — говорить опасно».

Иеро кивнул. Этот медвежий подросток в самом деле оказался умным, очень умным! Должно быть, здесь или где-то поблизости находится логово лемутов, и если пользоваться мысленной речью, можно навести врагов на свой след. Вспомнив вспышку ненависти и страха в сознании Горма, когда тот показывал этих тварей, путник содрогнулся и направил своего скакуна вслед за медведем.

Горм, переваливаясь с боку на бок, шел вперед со скоростью, которая была прогулочной для быстроногого лорса. Иеро внимательно всматривался в чащу. Ему, ветерану, годами бродившему в Тайге, не составляло труда заметить, что они двигаются только по твердой почве и что лес вокруг неестественно тих. Обычно великий зеленый океан Канды наполняла жизнь, царившая на деревьях, на земле и в воздухе, но здесь и сейчас лес молчал. Любопытные белки не скакали по ветвям рядом с путниками, не свистели, не перекликались птицы, а следов крупных животных — таких как олени — не попадалось вовсе. В неподвижном знойном воздухе летнего дня их собственные, почти бесшумные движения громом отдавались в ушах священника. Что-то угнетало его разум; он ощущал какое-то давления извне, словно атмосфера приобрела вдруг плотность каменной скалы.

Иеро перекрестился. Странная тишина вокруг и испытываемое им томление не были естественными; они могли возникнуть только под влиянием сил тьмы, слуг Нечистого и их приспешников.

Внезапно Горм остановился. Хотя никакого сигнала не было подано, огромный лорс отреагировал мгновенно: он тоже замер, потом лег на землю около большой кучи листьев. Хотя Клоц весил около тонны, он опустился на колени с грацией танцора и совершенно бесшумно. В десяти футах от длинной губастой морды лорса распласталася на земле медведь; его маленькие глазки были устремлены в чащу. Иеро, прижимаясь к теплой спине лорса, тоже пытался разглядеть, что вызвало тревогу их проводника.

Все трое смотрели вниз, на широкую мелкую лощину, местами поросшую тонкой ольхой и кустарником. Пока они наблюдали за этой впадиной, из леса по другую ее сторону и справа от них внезапно появилась дюжина странных тварей.

Иеро знал много видов лемутов — людей-крыс, волосатых ревунов, вербэров (медведей-оборотней, которые не были настоящими медведями) и несколько других. Но эти были какой-то новой породой — и, подобно всем лемутам, выглядели они до крайности неприятно. Невысокие, примерно четырех футов роста, они имели очень широкое коренастое туловище, опиравшееся на полусогнутые задние лапы. Эти создания двигались, непрерывно приседая и подпрыгивая, а их лохматые хвосты волочились сзади по земле. Туловища покрывала длинная маслянистая шерсть желтовато-коричневого оттенка, на остроконечных вытянутых мордах, словно бусины, посверкивали маленькие глазки; их выражение казалось хитрым и злобным. Даже для опытных специалистов аббатств было бы непросто проследить их генетическое происхождение от дикой росомахи, и священник просто отметил их как новую опасную разновидность лемутов. Они имели подобие рук, и их круглые головы и блестящие глаза указывали на наличие интеллекта.

Эти твари не носили одежды, но каждая тащила дубинку с длинной рукоятью, усаженную осколками обсидиана. Волна злобы катилась перед ними словно облако пара; они перемещались своей забавной подпрыгивающей походкой весьма целенаправленно и быстро. Через каждые несколько футов идущий впереди лемут — по-видимому, предводитель — останавливался и нюхал воздух, а затем — землю, в то время как остальные внимательно озирались по сторонам. Троица на краю лощины замерла, стараясь не дышать. Мохнатые прыгуны, как назвал их Иеро, были примерно в двухстах ярдах; если, двигаясь по прямой, они пересекут лощину и поднимутся на другую сторону, схватка неминуема. Когда цепочка прыгающих фигур до-

стигла центра впадины, лемуты остановились. Иеро напрягся, его рука инстинктивно легла на рукоять меча, но тут из леса показалась другая фигура; мохнатые прыгуны тоже заметили ее.

Это оказался высокий человек, закутанный в длинный серый плащ, полностью скрывавший его тело. Отброшенный назад капюшон позволял разглядеть гладкий безволосый череп. Его кожа была так бледна, что казалась мертвенно-белой; цвет глаз на таком расстоянии различить было невозможно. Справа на плаще блестел знак в виде спирали; хотя его тоже было трудно рассмотреть, Иеро показалось, что этот символ состоял из переплетения линий и колец. Человек как будто не имел никакого оружия, но телепатическая сила, смешанная с ледяной угрозой, исходила от него, как холод от огромного айсберга.

Случай был исключительным, и священник прекрасно понимал это. У Нечистого, как гласила молва, имелись верные слуги среди людского рода, раса монстров, объединенных способностью к злому волшебству. Иногда этих колдунов видели мельком; они руководили атаками на караваны аббатств и на поселенцев, но информация о них являлась смутной и противоречивой. Два раза в республике были убиты люди, пытавшиеся проникнуть в тайные помещения архива, охраняемого стражей Центрального аббатства в Саске. В обоих случаях тела покойных почти мгновенно растаяли, не оставив для изучения ничего, кроме кучки пыли и обычной одежды, которую можно приобрести в Канде повсюду. Но каждый раз стражники и священники аббатства мысленно ощущали тревогу, и в каждом случае убитый успевал проникнуть далеко, а охраняющие помещения солдаты потом утверждали, что никого не видели.

Существо, которое Иеро сейчас наблюдал, являлось, вероятно, одним из этих наделенных мистической силой адептов, которыми, как полагали, правит сам Нечистый. Ни один нормальный человек, даже поставивший себя вне закона, не рискнул бы заключать союз с мерзкой сворой

лемутов; этот же явно чувствовал себя господином. Он направился прямо к мохнатым тварям, и лемуты с заметным ужасом отшатнулись, сохраняя почтительную дистанцию.

Лишь главарь мохнатых, низко согнувшись, подскочил к человеку в плаще; остальные беспокойно бродили вокруг, скуля и подвывая. Иеро мог видеть, как двигаются губы человека, потом желтые клыки вождя прыгунов сверкнули в ответ. Они действительно говорили друг с другом, не используя мысленной связи! Хотя священник продолжал испытывать гадливое чувство к мерзким тварям, такое достижение невольно восхитило его.

Встреча завершилась; казалось, человек в плаще отпустил мохнатых чудищ и, повернувшись, направился на юго-восток, к дальнему концу лощины. Мохнатые прыгуны окружили своего вожака, который что-то им прорычал; потом они снова построились в колонну и двинулись на запад.

Когда человек в темном плаще растворился в одном направлении, а стая лемутов — в другом, три путника на краю лощины немного пришли в себя. Но ни один не использовал мысленную речь — они просто сидели и ждали.

Прошло, должно быть, добрых полчаса. Наконец Горм по-медвежьи неуклюже встал и потянулся. Он посмотрел на Клоца и его всадника, не подавая никаких сигналов, но по взгляду медведя все было ясно и так. Большой лорс медленно и бесшумно поднялся с земли, и человек, прильнувший к его спине, осмотрел замершую в тревожном молчании чащу.

Вечернее солнце светило сквозь частокол сосновых стволов и зарослей ольхи, на земле ярко зеленели пятна мха и лишайников, кора сосен окрасилась в красновато-коричневые и золотистые тона.

«Как прекрасен мир,— невольно подумал священник,— и сколь полон он зла при всей своей чарующей прелести!»

Но Горм напомнил о деле, начав спускаться в лощину. Клоц последовал за ним; большие копыта лорса производили не больше шума, чем крадущаяся в траве мышь.

Иеро с тревогой заметил, что маленький медведь движется к дальней стороне лощины, в том же направлении, в котором исчезла зловещая фигура в плаще. Это показалось ему опасным; сейчас он не хотел бы внезапно наткнуться на человека, обладающего могучими ментальными силами. В конце концов, та миссия, ради которой его отправили на далекий восток, была главным делом. Он не рискнул послать Горму ментальный сигнал и подумал, что придется остановить медведя более осязаемым способом.

— Тсс...— тихо прошипел священник, свесившись с седла.

Горм повернулся и увидел, что человек жестом приказывает остановиться. Медведь присел на клочке земли, устланном листьями, и Клоц приблизился к нему.

Глядя на зверя сверху, Иеро размышлял над тем, как объяснить свои опасения. Он поддерживал непроницаемый ментальный барьер, ибо были все основания полагать, что даже крохотная щель в нем приведет сюда всю шайку дьяволов, как по компасной стрелке. Но Горм избавил его от хлопот. Проницательно взглянув на священника, медведь разгреб в стороны листья передними лапами, затем начертил на ровной земле длинным когтем линию, завершив ее стрелкой. Иеро вновь поразился; мнилось, лишь человек мог сделать такое! Но стрелка была лишь началом — она указывала направление, по которому они шли, а по обе ее стороны и позади нее Горм изобразил несколько маленьких кружков или спиралей. Изумленный священник узнал таинственный символ на плаще врага. Смысл рисунка был ясен: опасность лежала позади них и по сторонам; надо двигаться за лысым человеком, на этом направлении угроза будет меньшей, чем на любом другом. Медведь снова посмотрел на всадника, и Иеро кивнул головой. Горм засыпал листьями свою искусную работу и не спеша двинулся вперед. Человек поехал за ним.

Покачиваясь в седле, он вернулся к своим размышлениям.

Каким образом существа окружающего мира обретают разум? Взять хотя бы народ Плотины, мысливший столь же логично, как человек, хотя во многом взгляды гигантских бобров на жизнь не совпадали с человеческими. Большинство лемутов были не глупее людей, хотя являлись враждебными и опасными для любой нормальной формы жизни. Этот вопрос — сложная проблема для теологов аббатств, решил Иеро. Они продолжают спорить по поводу наличия души у народа Плотины, а тут еще этот медведь... Еще одна раса разумных существ, о которой ни слова не было сказано в Священном Писании... Это, пожалуй, будет трудновато объяснить!..

Солнечный свет угасал, и под покровом огромных деревьев наступила почти полная темнота. Но Клоц видел в сумерках не хуже кошки; медведь, по-видимому, тоже. Иеро чувствовал, что может положиться на своих спутников. Он и сам неплохо различал пейзаж при тусклом вечернем освещении; с детства привычный к темному лесу, усиливший свои способности тренировкой, он не боялся мрака. Он не испытывал усталости и не хотел делать остановку, желая поскорей убраться прочь из этого молчаливого леса, из зоны ментального гнета, который до сих пор ощущался каждым нервом, каждой клеточкой мозга.

Милю или две маленький отряд двигался по чистому сосновому бору без подлеска. Длинные хвойные иглы слегка похрустывали под копытами лорса и лапами медведя; солнечный свет умирал, последние его лучи скользили по стволам сосен.

Внезапно Горм зашагал быстрее, в единый миг оторвался футов на двадцать и в следующую секунду исчез в чаще. Клоц, наоборот, замедлил шаг. Его большие уши встали торчком, ноздри раздулись, как будто он почувствовал какой-то необычный для этого места запах. Иеро положил руку на гладкий приклад метателя и некоторое время внимательно смотрел вперед.

«Предательство? — бешено мчались его мысли.— Медведь — друг? Или он — тот самый изменник, о котором предупреждал символ Крючка? Какое из двух толкований было верным?»

Вытащенный из чехла метатель уже лежал на передней луке седла, когда лесное молчание прервали звуки человеческого голоса.

Сильный и глубокий, принадлежащий, видимо, опытному оратору, голос зазвенел под низко нависшими ветвями слева от них. Говоривший знал язык метсов.

— Безобразный зверь и еще более безобразный всадник... Так вот кто идет по следам С'нерга! Это и есть добыча, которую мы искали весь день?

Один из солнечных лучей упал на гладкий валун в двадцати футах от лорса. На нем, скрестив руки, с мерзкой улыбкой на лице стоял закутанный в плащ человек; глаза его холодно изучали Иеро.

— Священник, я вижу, и довольно высокого ранга в вашей дурацкой иерархии,— сказал человек в плаще, чье имя было, очевидно, С'нерг.— Ну что ж! Мы редко видим святых отцов в этих районах, где к ним питают большую неприязнь. Когда я набью из тебя чучело, мой маленький друг, мы станем любоваться на них чаще!

Слушая бледнокожего, Иеро медленно стискивал пальцы на стволе метателя, лежавшего на седельной луке по другую сторону от врага. Он не строил иллюзий насчет собственной безопасности, несмотря на то что С'нерг, казалось, не был вооружен. По мощности ментального излучения, генерируемого мозгом колдуна, священник уже понимал, что встретился с адептом Нечистого. Эта тварь обладала такой телепатической силой, которая, возможно, равнялась способностям члена Совета или даже самого верховного аббата. А значит, успешный выстрел или бросок копья было делом невероятной удачи.

Выпрямив руки, С'нерг спустился с валуна и шагнул к Иеро. Священник мгновенно повернул метатель в его сторону и попытался открыть огонь, однако не смог шевельнуть пальцем, лежавшим на спусковом крючке. Внезапно тело его оказалось скованным, словно бы окаменевшим;

несмотря на нечеловеческие усилия, он полностью утратил способность двигаться. Иеро в ужасе взглянул вниз, на С'нерга, который стоял уже рядом с лорсом, безмятежно разглядывая животное и всадника. Невероятная власть этого человека держала священника в жестких тисках. И не только его: он смутно ощущал, что огромный лорс пытается разорвать подобное оцепенение, действуя с тем же успехом, как и его хозяин.

На лбу Иеро выступила испарина; он использовал все приемы, которым был обучен, чтобы освободить свою волю от смертоносных ментальных объятий колдуна. Пристально посмотрев в лицо С'нерга, он содрогнулся: казалось, глаза колдуна не имели зрачков, они были подобны провалам серой пустоты, безразлично созерцавшим перед собой такую же пустоту. Несмотря на все попытки сопротивления, Иеро чувствовал, что им овладевает желание спешиться. Каким-то образом ему стало ясно, что, если он это сделает, контроль над его волей усилится; прямое соприкосновение с огромным телом Клоца хотя бы в малой степени ограничивало власть С'нерга над ним. Очевидно, подумал священник, физическая жизнеспособность и психическое поле лорса как-то поддерживают его собственные слабеющие силы. Глядя вниз в ужасные тусклые глаза, он заметил, что, несмотря на улыбку на жестоком лице колдуна, его лоб тоже покрылся бисеринками пота. Напряжение мысленного поединка сказывалось и на нем, но Иеро не мог больше сопротивляться и покачнулся в седле.

— Во имя Отца, Сына и...— задыхаясь, прошептал он, борясь из последних сил. По лицу адепта Нечистого расплылась холодная усмешка.

Внезапно из леса выскочил Горм — выпрыгнул, словно призрак, из мрака чащи и стремительно бросился на помощь. Даже у небольшого медведя челюсти обладают огромной силой, и сейчас они с лязгом сомкнулись на самой чувствительной части тела колдуна. Тот пронзительно вскрикнул от боли, пошатнулся и упал; сжимавшие Иеро тиски мгновенно исчезли, силы вернулась к нему, как и

воинская привычка действовать с решимостью и быстротой. Клоц еще содрогался от напряжения, когда его всадник уже спрыгнул с седла вниз. На земле, перепутавшись клубком, корчились человек и медведь. Священник выбрал удобный момент, и, когда С'нерг попробовал подняться, лезвие длинного кинжала перечертило белое горло. Фонтан темной крови запятнал искаженное лицо, раздался предсмертный хрип, и окутанная плащом фигура замерла в неподвижности смерти.

«Торопись,— пришла мысль медведя.— Сделали — много — шум. Теперь идти — идти быстро (бежать, скакать)».

«Ждать»,— скупо отозвался Иеро.

Он был занят осмотром тела колдуна. Рядом с трупом валялись странный тяжелый стержень из голубоватого металла футовой длины, нож, похожий на его собственный, запятнанный кровью клинок и свиток пергамента. Под плащом мертвый адепт носил костюм из ткани сероватого цвета, показавшейся Иеро на ощупь странно скользкой. В маленьком мешочке на поясе лежало нечто круглое, металлическое, походившее с первого взгляда на небольшой компас. Это было все. Священник бросил стержень, нож, пергамент и похожий на компас предмет в сумку и вскочил в седло.

«Теперь едем,— передал он.— Здесь сделано все».

Медведь немедленно пустился вперед легкой рысцой, придерживаясь направления, которым они шли раньше. Длинными прыжками лорс последовал за ним.

Оглянувшись, Иеро уже не увидел в наступившей темноте тела своего врага.

«По крайней мере,— подумал он,— этот не рассыпался пылью, как те, другие. Может быть, они даже не были людьми?»

Несколько миль троица двигалась с большой скоростью, пока не наступила ночь. Рассеянный свет звезд озарил лесную чащу, затем на небосводе появилась полная луна. К радости Иеро, ужасная лощина осталась далеко позади, и угнетающее чувство удушья, которое преследовало его в последние часы, рассеялось. Это, должно быть,

решил священник, закончилось действие телепатической эманации убитого колдуна.

Он не забыл вознести краткую благодарственную молитву, принятую среди солдат; он понимал, насколько приблизился к смерти — или, возможно, к чему-то еще более страшному, чем физическое уничтожение. Еще секунда-другая, и его разум был бы полностью подчинен чудовищной воле того, кто называл себя С'нергом... Он не хотел гадать о предстоявшей ему судьбе — то ли немедленной гибели, то ли пытках и допросах в каком-нибудь тайном логове; но он не сомневался, что рано или поздно слуги Нечистого уничтожили бы и его самого, и его животных. Нет, об этом лучше не думать! А если о чем и стоит сейчас поразмышлять, так это о Горме.

Горм поразил Иеро; он понял, каким огромным мужеством обладает молодой медведь. Зверь, которому Господь даровал разум, сумел выждать и неожиданно напасть на врага! Иеро определенно чувствовал уважение к своему новому союзнику.

Наконец медведь замедлил бег, его тяжелое хриплое дыхание говорило, что он устал. Клоц тоже сбавил темп, и теперь они двигались со скоростью быстро идущего человека. Темнота наполнилась шорохами и вскриками, но то были нормальные звуки Тайга — далекое утробное хрюканье грокона, гигантской свиньи, визг дикой кошки, болтовня белок высоко на деревьях и резкие вопли ночных сов. В этом шуме не ощущалось ничего, внушающего тревогу. Что-то большое, бледное, как привидение, неожиданно взметнулось с земли и помчалось прочь длинными прыжками, скрывшись во тьме. Одинокий огромный заяц был легкой добычей для любого хищника и никогда не чувствовал себя в безопасности.

По прикидке Иеро, они прошли не менее пяти миль, двигаясь на юго-восток, когда Горм дал сигнал остановиться. Они находились под большими темными ветвями, и гнилые стволы лежали вокруг на ковре из хвойных игл. Полная тьма царила под деревьями; даже отблеска слабого света звезд не проникало сюда.

«Стоять — отдыхать — теперь (безопасно) — здесь»,— пришли мысли Горма.

Соскочив на землю, Иеро направился туда, где темнел силуэт медведя, опустился на корточки и попробовал разглядеть глаза своего нового друга.

«Спасибо — помог (нам) — опасность — плохо»,— послал он мысль.

Похоже, с каждым разом ментальный обмен происходит все легче и легче. Он мог теперь говорить с животным почти с такой же легкостью, как с Маларо, своим товарищем по комнате в школе аббатства, с которым он был связан мысленно сильнее, чем с кем-либо другим. Обмен мыслями с медведем происходил примерно на таком же интеллектуальном уровне и резко отличался от телепатического контакта Иеро с большим лорсом. Ответы Клоца были очень простыми и не содержали абстрактных понятий.

Медведь отозвался. Священник почувствовал, как длинный шершавый язык Горма коснулся его носа и щек; он понял, что это были приветствие и ласка. Он ощутил также волну доброжелательности или эмоции, родственной ей и полной скрытого юмора. Кажется, Горм развлекался.

«(Почти) убил нас — плохими мыслями. (Я) увидел их (почувствовал их) — пошел вперед — (он) взял (поймал) меня — сделал меня неподвижным (неживым). Затем снова — стал живым — пришел — укусил — остановил (прекратил) — дурные мысли. Хорошо (удачно)?»

Вывалив розовый язык, медведь сделал паузу.

«Почему ты помог мне? — спросил Иеро.— Чего ты хочешь?»

Долгая пауза. Позади себя он слышал легкое пофыркивание Клоца; очевидно, лорс разыскивал в еловой хвое свое любимое лакомство — грибы. Наконец молодой медведь ответил. Его мысли были ясными, но отрывистыми — как будто бы он представлял, что хочет сказать, но не знал, какими словами.

«Идти с тобой — видеть новое — новые вещи, новые земли — видеть, что ты видишь, узнать, что ты узнаешь, найти, что ты найдешь».

Иеро в замешательстве откинулся назад. Мог ли Горм получить представление о его миссии? Но откуда? Как? Это казалось невероятным, невозможным! Сам он не говорил об этом никому; его путешествие было тайной.

«Ты знаешь, что я ищу, куда я иду?» — резко спросил он.

«Нет,— пришел отклик.— Но ты расскажешь. Расскажешь сейчас. Возможно, потом не будет времени».

Священник размышлял. С него взяли клятву ничего не говорить о своей миссии, но эта клятва не была нерушимой, так как давалась не на Священном Писании. Клятва означала скорее общую секретность его задачи; но он мог, исходя из собственного здравого смысла, искать себе любых союзников и помощников.

Он принял решение и больше не колебался.

Две фигуры лежали голова к голове в полном молчании.

Большой лорс наблюдал за лесом, его трепещущие ноздри и уши словно просеивали ночной воздух, выбирая новости, близкие и далекие. А в это время те, кого он охранял, беседовали — и каждый из них узнал много нового под темным пологом из еловых ветвей.

Глава 2

В НАЧАЛЕ...

— Мы проигрываем, Иеро, мы проигрываем — медленно, но неизбежно.— Высокая фигура отца Демеро, облаченная в коричневую рясу, безостановочно двигалась от стены к стене классной комнаты; тонкие руки сложены за спиной, белая борода спадает на грудь. В подземной келье было тихо, и эта звенящая тишина словно давила в уши.— Одной веры недостаточно, сын мой,— по крайней мере, для такого дела. В последние годы мы снова и снова сталкиваемся с враждебной волей человека — да, человека или

группы людей, замышляющих зло. Человекоподобные существа, убитые при попытке проникнуть в Саск, в Центральное аббатство, лишь малая часть проблемы. Имеется много больше фактов, но Совет принял мудрое решение не доводить их до народа.— Старик остановился, и его тонкое суровое лицо смягчилось в усмешке.

— Ни один из нас не имеет права рассказывать об этом даже своим женам! — Через мгновение он снова стал серьезным и, выбрав кусок мела в ящике, шагнул к классной доске. Его преподобие Кулас Демеро начинал свою карьеру в аббатстве как наставник молодежи и до сих пор сохранил старые привычки.

— Смотри,— произнес он и начал писать.— Наш большой караван два года назад наткнулся на засаду у северного берега Внутреннего моря, на главной дороге, ведущей из Атви. Захвачено десять фургонов, груженных старинными лабораторными инструментами; все найдены потом разбитыми и переломанными. Эти инструменты разведчики нашли в почти не поврежденном городе периода до-Смерти, что лежит на берегу Лантического океана. Мы думаем, что они использовались для производства оружия, о котором сейчас ничего не известно. Обозначим этот случай номером один.

Мел заскрипел по черной поверхности доски. Аббат продолжал, оглядываясь иногда на Иеро, сидевшего за длинным школьным столом:

— Второе. Мы послали большой отряд солдат и поселенцев под командой помощника аббата и двенадцати священников для строительства обители в районе недавно основанных у Гудзонова залива рыбных промыслов. Так как отряд направлялся на крайний север, в холодные места, он был отлично укомплектован и снабжен запасами на шесть месяцев. Ты слышал об этом, я полагаю; поход был крупным событием и кончился катастрофой. Несмотря на все предосторожности, непрерывную мысленную связь отряда с контактными центрами здесь, в Саске, и

в других аббатствах, тысяча сто молодых, полных сил мужчин и женщин исчезли. Мы узнали об этом лишь по внезапно оборвавшемуся потоку связи. Команда киллменов нашла двумя неделями позже место исчезновения поселенцев и брошенные припасы, частично ставшие добычей диких животных. Там были смутные следы Нечистого, но ничего определенного, ничего такого, что можно было бы подержать в руках. Одиннадцать сотен наших лучших людей! Это было ужасным ударом! Итак, как я говорил, обозначим этот случай номером два.— Лицо аббата помрачнело, он сделал паузу и взглянул на молодого священника.— Ты хочешь что-нибудь спросить?

— Нет, отец мой,— спокойно ответил молодой священник.

Тот, кто не был знаком с ним, счел бы его флегматиком, но старый аббат, наблюдавший за Иеро Дистином с юности, знал его лучше. Кивнув головой, он снова повернулся к доске:

— Отряд пропал около полутора лет назад. Следующий случай, который я обозначу номером третьим,— дело с кораблем. Лишь несколько членов Совета знают об этой истории, так что я полагаю, ты ничего не слышал. Спустя два месяца после того, как мы потеряли отряд колонистов, которые могли бы основать аббатство Сан-Джоан,— тень страдания снова промелькнула на лице старика,— на севере, в Ванке, как передали надежные люди с Западного побережья, появился большой корабль. Эта область называется Беллас; океан там полон скал, лесистых островов и крайне опасен для плавания. Люди, сообщившие о судне, не метсы; их раса на нашей земле является более древней...

— Это были чистокровные иннейцы,— подтвердил Иеро.— Их осталось немного, они бродят там и тут, живут маленькими охотничьими группами и не желают объединяться ни с кем. Некоторые из них хорошие люди, другие знаются с Нечистым и могут быть опасны. Давайте прекратим детский лепет, отец мой. Вы же знаете, я уже не юноша первого года обучения!

Несколько секунд старый аббат сконфуженно смотрел на своего бывшего ученика, потом рассмеялся:

— Извини, но я так привык беседовать в подобной манере с моими коллегами из Совета, что это стало привычкой. Итак, на чем мы остановились? Да, на корабле. Этот корабль — большое, странно выглядевшее судно, много больше, чем любой наш рыболовный баркас,— потерпел крушение на одном из внешних островов Белласа. И на его борту находились люди — представь, люди с другой стороны Западного океана! Погода была плохой, корабль налетел на скалы, и наши иннейские друзья пытались помочь мореходам, желтокожим и узкоглазым — таким, как и записано в старых хрониках. Именно такими и должны быть люди с западного побережья Великого океана. Несколько лодок с лучшими гребцами попытались достичь острова, но в штормовую погоду это оказалось невозможным. Как только мы получили сообщение о корабле, из ближайшего аббатства Святого Марта был отправлен на запад кавалерийский отряд. Если помнишь, в той части страны хорошие дороги. Когда наши люди прибыли к месту крушения, там уже ничего не осталось, ни желтокожих, ни их следов. В том месте на побережье есть три маленьких иннейских лагеря; они исчезли тоже, но от них сохранились кое-какие следы. Около одной из стоянок нашли в лесу старика — или же он сам вышел к нашим солдатам. Этот старый калека сидел в шалаше, где у иннейцев устроено что-то вроде парной бани, и его не заметили во время нападения на лагерь. Орда лемутов — как я полагаю, волосатых ревунов — появилась из воды. Они ехали верхом на огромных животных, похожих на больших тюленей,— наши люди видели потом таких около побережья. Они снесли до основания три иннейских лагеря, убили всех, кто мог двигаться, и швырнули мертвые тела в море; туда же было брошено имущество и запасы иннейцев. Старик не

знал, что случилось с кораблем; о судне он слышал от соплеменников, но сам его не видел. Ни корабля, ни людей, да упокоятся они в мире...— Аббат Демеро перекрестился и, нахмурившись, покачал головой.— Кто знает, какое новое знание о Потерянных годах мы упустили? Кто знает? — Он потер ладонью лоб и уставился на Иеро пронзительным суровым взглядом.— Ну, сын мой? Ты начинаешь улавливать нечто общее во всех этих случаях?

— Я думаю так,— откликнулся молодой священник.— Думаю, что нас уничтожают физически, но еще больше стремятся оградить от знаний, особенно от тех, которые могут представлять опасность для Нечистого и лемутов. Я думаю, их совместные действия кем-то организованы, и, когда к нам приходит весть о каком-нибудь новом знании, они стремятся тут же вырвать его из наших рук.

— Верно,— подтвердил аббат.— Это то, что я думаю, и другие в Совете думают так же. Но слушай, сын мой...

Год назад двадцать наших лучших молодых ученых, мужчин и женщин, работавших над проблемами мысленного контроля, которые открывают массу новых и удивительных возможностей, решили провести встречу. Они прибыли сюда, в город Саск, со всех концов республики.

Несколько членов Совета аббатств, входящих в наш постоянный научный комитет, приветствовали молодых ученых и были в курсе работы этого совещания. Как положено, у двери зала, где собрались ученые, стояли два охранника аббатства. И один из них, наблюдательный парень, заметил, что как-то утром мимо него прошел двадцать один человек.

Если бы он тотчас поднял тревогу... Но он колебался. Через некоторое время молодой страж все же заглянул в зал и увидел, как двадцать юношей и девушек в полном молчании убивают друг друга. Представь, они пустили в ход поясные ножи, обломки мебели и все, что попалось под руку! Охранник пронзительно закричал и разрушил наваждение. Но шесть человек оказались мертвы, а восемь получили тяжелые увечья... Как ты понимаешь, здесь мы

столкнулись со случаем сильнейшего ментального воздействия, подчинившего волю этих людей

Аббат прекратил расхаживать по комнате и сел на скамью напротив Иеро.

— Ученые мало что могли вспомнить. У них тоже было смутное чувство, что на их встрече присутствует кто-то лишний, но описать его они не могли. Страж тоже не сумел этого сделать. Но для нас ясно, что случилось. Это может произойти с любым... с тобой, со мной... Ты понимаешь?

— Да. Мозг огромной силы,— кивнул Иеро, с мрачным видом разглядывая свои сапоги.— По-видимому, то был один из колдунов, из легендарных адептов Нечистого. Они в самом деле существуют, отец мой, или же это фантастические домыслы?

— Боюсь, что домыслов тут не больше, чем в истории с кораблем или погибшими колонистами,— печально произнес аббат.— Ты хорошо знаком с сущностью мысленного внушения и понимаешь, что в данном случае мозг огромной силы должен внушить окружающим мысль о невидимости. Следовательно, надо держать их под постоянным контролем. Замечу, что сделать это в полной мере не удалось — парень из стражи сумел кое-что почувствовать, хотя бы присутствие лишнего человека... С другой стороны, внушая идею о своей невидимости, эта тварь одновременно пыталась усиливать мелкие ежедневные трения, несогласия и обиды, пока они не выросли в чудовищное, всепоглощающее стремление к убийству. Вот так, сын мой! Но возможно, ты заметил некое странное обстоятельство в этой истории, а?

— Молчание,— усмехнулся Иеро.— Да, молчание. Они убивали друг друга в полной тишине.

— Отлично, мой мальчик.— Его наставник одобрительно кивнул.— У тебя есть кое-что в голове, Иеро, несмотря на вид записного лентяя. Да, молчание. Какой мощный мозг! Заставить их, два десятка молодых людей с превосходной ментальной подготовкой, сражаться в полном молчании! Шум мог сорвать весь план, и он лишил их дара

речи. Я думаю, в республике найдется не более четырех человек, которые могли бы совершить нечто подобное.

— И вы — один из них, отец мой,— вымолвил молодой священник.— Вы хотите рассказать что-нибудь еще или мы можем теперь перейти к делу?

— Ты знаешь о тех двух нелюдях, что почти проникли в наши архивы и исследовательские лаборатории в Центральном аббатстве,— произнес Демеро.— Я полагаю, мы можем присвоить этому случаю номер четвертый. Сущность этих монстров свыше наших сегодняшних знаний. Если они были человекоподобными созданиями, то каким образом их плоть и кости могли превратиться в горстку пыли?.. Увы, Нечистый обогнал нас, Иеро! Есть и другие случаи, представляющие интерес в рассматриваемом нами аспекте. Небольшая часть наших разведчиков, прекрасно подготовленных людей, таких же умелых, как ты, исчезла бесследно в дальних странствиях. Вероятно, они наткнулись на засаду или на опасность, с которой не смогли справиться. Наши посланцы с сообщениями огромной важности для Восточного союза Атви тоже исчезали не раз. И так далее, и тому подобное... Все это говорит лишь об одном, сын мой,— это паутина, смертельная паутина, которая опутывает нас! — Старик настойчиво и внимательно смотрел на Иеро.— Но пока я не услышал от тебя, моего лучшего ученика, ни одного серьезного вопроса. Иеро, ты не можешь больше оставаться пассивным; соберись, сейчас нужен весь твой ум и опыт. Ты выполняешь работу, которую может сделать любой странствующий священник-заклинатель, ты бегаешь по лесам и шатаешься в прерии. А ведь во время обучения в аббатстве твои оценки были самыми высокими — и ты даже не очень старался! Теперь обрати слух ко мне, пер Дистин! Я взываю к твоему разуму от имени Бога нашего и твоих наставников на этой земле, и я хочу, чтобы ты выслушал меня с подобающим вниманием и серьезностью. Те члены Совета, кто знает тебя, вынуждены считать, что есть лишь две причины, оправдывающие твою нынешнюю жизнь. Во-первых, мы надеемся, что преодоление опасностей развило в тебе ответственность и усовершенствовало боевое искусство. Во-вторых, твои разносторонние таланты позволяют тебе достигнуть успеха во многих видах служения Господу. Но время твоей подготовки миновало. Миновало, сын мой! Теперь задавай серьезные вопросы, потому что нам еще многое предстоит обсудить.

Иеро выпрямился; его черные глаза сердито смотрели на старшего друга и наставника.

— Значит, вот что вы думаете обо мне,— промолвил он с обидой.— Бездельник, хоть и неплохой парень, живущий в свое удовольствие! Это не так, отец мой, и вы это знаете!

Аббат Демеро сидел, уставившись на Иеро и ничего не говоря.

Его взгляд выражал симпатию и добродушную насмешку; Иеро почувствовал, что его гнев остывает. В словах наставника была правда, и, как человек справедливый, он не мог этого не признать.

— Простите мой гнев, отец аббат,— с трудом пробормотал он.— Я думаю, что во мне намешано многое... не только от священника, но и от солдата... Что я должен сделать для вас?

— Хороший вопрос, Иеро,— усмехнулся аббат,— но не из тех, какие я сейчас хотел бы от тебя услышать. О том, что должно быть сделано, мы поговорим позже. Посмотрим сначала, мой друг, каковы твои заключения о том, что я тебе рассказал. Я имею в виду все — силу и слабости, оценку нашего положения и, наконец, способы и средства решения проблемы. Давай выслушаем твои собственные идеи по этому поводу.

— Ну,— сказал Иеро медленно,— первой мне пришла в голову мысль о том, что число трагедий, о которых вы рассказали, в последнее время возросло. Измена? Пожалуй... Предательство по крайней мере одного высокопоставленного лица в республике. Мне не нравится говорить об этом, но я предпочитаю правду. Что вы думаете о членах Совета?

— Хорошо, сын мой,— кивнул аббат,— просто отлично! Ты еще не разучился соображать, бегая по лесам! Да, здесь возможна измена, и следует быть осторожным, очень осторожным — даже здесь, в этой подземной келье. Ни мои коллеги в Совете, ни ты сам не имеете представления, какие шаги могут быть предприняты, если мы заподозрим предателя в таком маловероятном месте... следовательно, я не буду ничего тебе рассказывать на сей счет.

Они обменялись понимающими улыбками. Старый аббат как будто не сказал Иеро ничего; но теперь священнику стало ясно, что и Совет не гарантирован от проникновения предателя.

— Я не против конспирации,— согласился он.— Мы получили от кого-то ряд жестоких ударов, и все эти действия четко скоординированы. Хотя мы беседуем с вами, отец мой, под надежной охраной, утечка сведений возможна и отсюда. Наши мысли концентрируются на определенной теме, возникают ментальные волны, которые могут быть восприняты — особенно адептом такой силы, как вы описали. Что предпринято, дабы не допустить такой возможности? — Иеро скрестил руки на груди и пристально посмотрел на аббата.

— Вот это,— ответил старик.

Пока они беседовали, Иеро не обращал внимания на плоский деревянный ящик, украшавший дальний конец стола. Аббат приподнял его крышку и показал забавный механизм: маленький полированный маятник из материала, похожего на слоновую кость, подвешенный на тонкой деревянной оси. У обоих концов маятника были закреплены на гибких опорах два металлических диска.

— Этот маятник сделан из удивительного вещества — очевидно, еще в Потерянные годы. Если сюда проникнет чья-либо мысль, направленная на нас, ее ничтожное воздействие заставит колебаться маятник между этими дисками, и мы услышим звон. Мы проверяли это устройство два года, и пока ошибок не было. С помощью таких приборов нам удалось обнаружить двух шпионов в Центральном аббатстве. Нужно ли говорить тебе, что только очень немногие знают о нем?

— Не нужно,— с расстановкой произнес Иеро, разглядывая маленький сигнальный прибор.— Это меня успокаивает, отец аббат. Теперь, я думаю, вы хотите услышать мои соображения. Очевидно, Совет разработал план, чтобы предохранить нас от этой нарастающей опасности, и я являюсь его частью. Должно быть, возникла нужда в человеке опытном и хорошо подготовленном, так как план сопряжен с физическим риском. Что же меня ждет? Путешествие, разведка в некотором районе, занятом врагами? Я прав?

— Продолжай,— кивнул аббат.

— Хорошо.— Иеро усмехнулся.— Мне кажется, есть сведения о каком-то мощном древнем оружии. Чтобы проникнуть к нему, необходим храбрый человек, способный украдкой миновать занятую врагом область и добиться успеха там, где не может помочь целая армия. Откровенно говоря,— добавил он,— я уже утомился от всех этих секретов. Скажите ясно, отец мой, чего вы от меня хотите?

— Твои догадки близки к истине, Иеро. Ты и еще несколько хорошо подготовленных парней должны разыскать это самое секретное оружие. Мы хотим, чтобы ты попытался проникнуть в Забытые города на дальнем Юге. И мы полагаем, что тебе удастся раскрыть кое-какие тайны минувших времен, которые защитят нас от Нечистого, готового сокрушить Канду.

Несмотря на то что ожидалось что-то подобное, Иеро был заворожен. Он странствовал далеко на востоке, в Атви, и во многих других районах Севера, но дальний Юг оставался книгой за семью печатями — и для него, и для других разведчиков. На каждое мутировавшее растение или животное на севере континента приходилась целая дюжина на юге; здесь, по слухам, водились монстры, мощь которых равнялась силе стада лорсов и которые могли проглотить целиком крупного оленя; здесь росли деревья столь огромные, что человеку требовалось несколько ми-

нут, чтобы обойти вокруг ствола. Многие из этих историй были порождением фантазии охотников и лесных бродяг, но многое, как знал Иеро, было правдой. В своих странствиях он достигал южных границ Тайга, где бесчисленные сосны хвойных лесов начинали сменяться огромными лиственными деревьями. Забытая южная империя, легендарные Соединенные Штаты, лежала там, и каждый ребенок знал, что Смерть попировала в тех краях сильнее, чем где-либо в мире. Смерть явилась причиной чудовищного изменения всей жизни, которое лишь в незначительной степени коснулось глухих северных районов. Бесконечные болота, внутренние моря и огромные пространства радиоактивных пустынь простирались на юге; до сих пор там светились неугасимыми голубыми огнями зоны Смерти. А сами Забытые города, куда ему предстояло отправиться,— они были опаснее всего! Детей пугали историями об ужасных, медленно расползающихся утесах древних зданий, один взгляд на которые приносил гибель. На Севере тоже имелись Забытые города, но большинство из них были либо изолированы, либо исследованы, о чем знали все. Кроме того, разрушительная мощь Смерти только слегка задела их. Отважные охотники и вольные бродяги, невзирая на запрещение аббатств, иногда рисковали проникать на юг, но мало их уходило и еще меньше возвращалось. Все эти сведения промелькнули в голове молодого священника, пока он смотрел в старые мудрые глаза отца Демеро.

Он выпрямился на скамье и обвел взглядом длинную комнату без окон с низко нависшим потолком. Наконец его взгляд снова остановился на лице аббата.

— Вы представляете, что я должен искать там, отец? — спросил Иеро.— Или же это должно быть любое устройство, какое мы сумеем использовать для защиты?

— Ну, с этим все в порядке,— хмыкнул старик.— Мы немного представляем, что нам нужно. Разумеется, это оружие. Но страшное оружие породило Смерть, и мы не хотим будить ее снова. Атомный яд и все подобные вещи должны быть похоронены, иначе Нечистый оживет — и,

говорю тебе, я опасаюсь, что это возможно! Нет, такого мы не хотим. Но имеются и другие виды оружия — вернее, орудий, дающих его обладателю огромную силу. Все это трудно выразить в обычных словах, сын мой... Скажи-ка мне, ты когда-нибудь размышлял над нашими центральными архивами — здесь, в Саске?

— Конечно, отец,— отозвался молодой священник.— Но что вы имеете в виду под словом «размышлять»?

— Что ты думаешь о них, вот что я имею в виду,— с усмешкой произнес Демеро.— Насколько эффективна работа с ними? Они занимают площадь в две квадратные мили под землей, и ими пользуются около двух сотен высокообразованных священников и ученых. Являются ли эти архивы ценностью?

Иеро видел, что его старый наставник клонит к чему-то определенному, но понять его не мог.

— Конечно, эти архивы — большая ценность,— подтвердил он, мысли тяжело ворочались в его голове.— Без собранной в них информации мы бы ничего не могли сделать. Половина усилий наших ученых и разведчиков направлена на их непрерывное пополнение. Так в чем же дело?

— Дело вот в чем. Когда я запрашиваю информацию — сведения, которые, как я точно знаю, имеются в архивах,— часто нужно ждать днями, пока ее разыщут. Теперь, предположим, мне надо получить данные по нескольким вопросам — например, я хочу знать уровень дождей, выпавших на востоке провинции Саск, урожай хлебов на юге и сроки сезонной миграции баферов. Итак, требуется еще больше времени, чтобы разыскать все эти сведения. Затем, с помощью других специалистов, я оцениваю эти факторы и принимаю решение. Эта процедура тебе знакома, не так ли?

— Конечно,— с недоумением произнес Иеро.— Но зачем вы все это говорите? Обычная процедура поиска информации, только и всего!

— Да, это так. А теперь представь себе, что я иду по архивам и беседую с ними — обрати внимание, не с храни-

телями, а с самими архивами! — советуюсь по поводу угрожающей нам опасности. Не прерывай, мой мальчик, я еще не совсем потерял здравый смысл! Представь, что архивы сами выдают мне всю нужную информацию — например, через десять минут я получаю бумагу, на которой написано: «Если вы сделаете операцию X, затем Y и Z, то ваши враги будут обезврежены!» Ясно тебе? — Он внимательно посмотрел в глаза Иеро.

— Говорящие архивы и картотеки? — изумленно откликнулся тот.— Вы шутите, отец мой? Мы снова начинаем использовать радиосвязь, но радио, в конечном счете, всего лишь помогающий человеку прибор. А вы говорите о такой машине, которая не только хранит информацию, но и делает выводы! Разве это возможно?

Аббат удовлетворенно улыбнулся:

— Да, мой мальчик, и не только возможно, но и хорошо известно. Такие машины были созданы в период перед Смертью и названы компьютерами. Наши ученые нашли в архивах сведения о том, что были компьютеры, превосходившие размерами дом, в котором мы находимся. Можешь ты себе это представить?

Иеро сидел, уставившись на стену позади аббата Демеро, и его мысли мчались словно стадо бафероВ. Господь Вседержитель! Если такие вещи — не фантазия, то мир может быть изменен в течение суток! Все знания прошлого могут сохраниться где-то, в каком-то неведомом месте, в такой чудесной машине!

— Я вижу, ты начинаешь немного понимать, что нам надо,— сказал старый священник.— Совет аббатств посылает тебя на юго-восток, где, как мы полагаем, подобные устройства могли еще сохраниться. Еще пять человек пойдут в другие места, и будет лучше, если их маршруты останутся тебе неизвестными.

Сказанное не нуждалось в комментариях. Если кто-либо из шести попадет в руки Нечистого живым, чем меньше он будет знать о своих товарищах, тем лучше.

— Теперь подойди сюда, Иеро, я покажу твой путь по карте. На ней нанесены самые последние данные об этих

городах. Учти, ты не найдешь там ничего похожего на наши библиотеки, так как информация кодировалась в этих устройствах различными способами, которые мы пока представляем себе весьма смутно. Позже ты получишь инструкции от нескольких ученых, которые дальше других продвинулись в изучении этого вопроса...

Итак, история продолжалась. Рассказать медведю абсолютно все было бы невозможным делом: медведи, даже разумные, не умеют читать и писать. Поэтому Иеро излагал лишь основные факты, и делал это предельно просто. В предрассветный час, закончив свою историю, он решил немного поспать. Теперь Горму было ясно, что его друг отправился в длительное и опасное странствие, но, к радости священника, медведь снова подтвердил, что желает идти с ним. Зверь сообразил, что здесь шла речь о знании, которое он не может понять; пожалуй, первым в своем роду он попытался усвоить идею абстрактного знания вообще. Но были и вполне понятные вещи: скажем, то, что человек является врагом лемутов и что они должны разыскать в далеких землях некий загадочный предмет, обеспечивающий защиту от подобных тварей. Эти сведения его удовлетворили, и теперь он тоже задремал, всхрапывая время от времени. Застыв над распростертыми на земле человеком и медведем, большой лорс находился между дремой и бодрствованием, что не мешало ему бдительно охранять спящих. Клоц не устал; лорсы вообще никогда не спали лежа, хотя отдых был им, конечно, необходим. Но этой ночью Клоц только покачивался на своих длинных ногах, перетирая крепкими зубами жвачку и не оставляя без внимания ничего, что происходило в радиусе нескольких десятков ярдов.

С первым светом священник ощутил мягкое касание его рогов и увидел мокрую морду лорса в дюйме от своего лица. Довольный, что его хозяин пробудился, лорс отошел на несколько шагов в сторону, и по раздавшемуся оттуда хрусту кустарника Иеро сообразил, что его скакун вкушает завтрак.

Священник протер глаза. Он немного замерз; конечно, ему полагалось бы распаковать спальный мешок и выспаться как следует, но он так устал вчера вечером... Кроме того, он был настоящим лесным бродягой и провести ночь на голой земле не представляло для него проблемы. Осмотревшись вокруг, он увидел Горма, который уже проснулся и сейчас умывался, как кошка, вылизывая себя длинным тонким языком.

«Есть ли тут где-нибудь вода?» — послал сигнал Иеро.

«Прислушайся — услышишь ее»,— пришел ответ, но не от медведя, а от большого лорса. Мысленная картина ручья в сотне ярдов к востоку вспыхнула в его голове; он поднялся и пошел вслед за Клоцем.

Через двадцать минут странники, сытые и умывшиеся, готовы были продолжить свой путь. Проверив запасы пеммикана, Иеро выяснил, что его осталось не так уж много. Конечно, он мог охотиться, но это наверняка задержало бы их. Он в раздумье потер лоб, и внезапно в его голове вспыхнула мысль медведя.

«Сохрани сладкую пищу для себя,— передал он.— Я могу найти много еды в лесу».

Снова разум и бескорыстие странного создания, неожиданно вторгнувшегося в его жизнь, поразили священника. Он растер шкуру лорса пригоршней мха, чувствуя себя виноватым, что оставил своего скакуна оседланным на всю ночь, но животное, казалось, не испытывало каких-либо неудобств.

Поднялось солнце, и лес наполнился шорохами и писком. Они двинулись в путь по ручью под свист и щебет птиц. Священник увидел оленя и нескольких кроликов, услышал далекий рев грокона и невольно подумал, как не похож этот лес на вчерашнюю мертвую и зловещую чащу.

Прошлой ночью Горм пытался объяснить своему спутнику маршрут, которого, как он считал, им лучше всего придерживаться. Эта дорога вела прямо на юг. За трактом, по которому Иеро странствовал всю последнюю неделю, наблюдало множество невидимых и враждебных глаз; было

большой удачей, что они с Клоцем смогли проехать по нему так далеко, не подвергнувшись нападению. Люди с незапамятных времен не пользовались этой тропой; а тот, кто пользовался, не добирался живым до ее конца. Священник полагал, что им ни в коем случае нельзя возвращаться на прежнюю дорогу. Рано или поздно труп колдуна найдут, и тогда за ним устремится погоня.

Теперь путники двигались по стремительному течению ручья, стараясь оставлять как можно меньше следов. Прошло часа три, когда они внезапно получили свидетельство того, что и здесь их путь небезопасен: Иеро вдруг почувствовал, что лорс окаменел под ним, и через мгновение увидел медведя, застывшего на валуне посреди воды. Еще через секунду враждебная магия обрушилась и на него. Никогда прежде священник не испытывал подобных ощущений — казалось, будто кто-то чужой и злобный сжимает, скручивает его мозг, требуя ответа, кто он и где находится. Иеро собрал все силы, опыт и умение, накопленные годами тренировок, чтобы выстоять под этим властным зовом. Он сам и его спутники явно были целью телепатического поиска, и минуты, когда импульс чужого разума накрыл их, показались священнику долгими как вечность. Наконец он ощутил, что воздействие стало слабеть, как будто сдвинулось куда-то в сторону, но у него не было уверенности, что врагов удалось обмануть. Встряхнув головой, он посмотрел вперед и встретил помутневший взгляд Горма.

«Что-то плохое охотилось за нами,— пришел телепатический сигнал.— Я был (простым, обычным) медведем. Оно не узнало меня».

«Думаю, не узнало меня тоже,— ответил Иеро.— Клоц также не интересовал его. Оно не искало животных на четырех ногах».

«Здесь могут быть разные существа, похожие на злых Мохнатых (которых мы) видели вчера,— снова возникла мысль медведя.— В этом лесу есть существа, обладающие злой силой. Многие из них бегают на четырех ногах и имеют хороший нюх».

Священник испытывал все меньше трудностей в общении с медведем. На этот раз мысленный диалог, как и решение продолжать дальнейший путь по воде, осуществился в доли секунды.

Весь долгий день они шли по ручью, который постепенно расширялся и достиг глубины двух футов. Иеро не нашел эту речку на своих картах; очевидно, она была слишком мелкой. Враждебная сила, пытавшаяся обнаружить их, более не появлялась. К вечеру путники разбили лагерь на небольшом острове.

Пока медведь был занят поисками пищи, а Клоц, еще не расседланный, хрустел кустарником и ветками, Иеро поел немного пеммикана. Солнце еще стояло высоко; он специально разбил лагерь пораньше, так как нуждался в свете — ему хотелось изучить странные предметы, добычу, взятую с тела мертвого колдуна.

Первым он достал из сумки металлический стержень. Около дюйма толщиной и длиной в фут, из очень тяжелого голубоватого металла, он казался, на первый взгляд, совершенно гладким. При более внимательном осмотре священник обнаружил на поверхности стержня четыре небольших выступа, похожих на кнопки. Стоило нажать одну из них, как стержень начал вытягиваться; видимо, он состоял из нескольких трубок, плотно входивших одна в другую. Стержень рос и рос, пока не превратился в гладкий длинный прут около пяти футов длиной. Иеро снова надавил кнопку, и прут стал теперь укорачиваться; третье нажатие прекратило этот процесс. Затем священник коснулся другой кнопки, и тут же два гибких ответвления начали расти из толстого конца стержня; на них неожиданно возникли гладко отполированные диски. Иеро повернул стержень, внимательно изучая возникшую конструкцию, но постичь ее назначения не смог. Он поднял стержень вертикально на уровень глаз, чтобы рассмотреть диски получше; они закачались на своих гибких ответвлениях и вдруг коснулись его лба. Иеро в раздражении отдернул голову, затем вернул диски на прежнее место и выпустил стержни

из рук. Гибкие ответвления-зажимы плотно прижали диски к его вискам, стержень упруго покачивался перед лицом. Кажется, этот аппарат пришелся ему впору! Пораженный внезапной мыслью, он поднял руку и ткнул в первую кнопку. Стержень выдвинулся вверх на полную длину, и над головой священника закачалась металлическая антенна. С сильно бьющимся от возбуждения сердцем, он медленно надавил третий выступ.

Ужасный голос невероятной силы обрушился на него, терзая мозг.

«Где вы были, С'нерг? Почему не выходите на связь? Группа странных существ беспрепятственно движется по нашей территории. Возможно, это разведчики северных варваров...» Наступила пауза, и потрясенный Иеро почти осязаемо ощутил подозрение, что возникло в чужом разуме. «Кто это? — снова пришел мысленный голос.— Вы слышите, я...»

Раздался резкий щелчок — священник успел выключить странное устройство.

Он в изнеможении прислонился спиной к древесному стволу, одновременно испуганный и сердитый из-за своей оплошности. Эта штука была прибором связи и мощным ментальным усилителем; с его помощью дистанция передачи мысленного сигнала могла быть увеличена как минимум в десять раз. Иеро никогда не слышал о таком устройстве и сомневался, что о нем известно кому-нибудь из специалистов аббатств. Вывод был ясен: он должен доставить прибор в исследовательские лаборатории Саска. Должен, даже если кроме этой штуки он больше ничего не принесет!

Мысль, что у слуг Нечистого есть такие достижения, повергла его в ужас.

«Неудивительно, если аббат подпрыгнет, увидев этакое чудо»,— мрачно подумал он, снова посмотрел на стержень и осторожным нажатием кнопки свернул антенну.

Ответвления-зажимы вместе с дисками исчезли в металлическом цилиндре без всякого следа, как бы слившись

с ним и образовав единое целое. Священник бережно завернул трофей в кусок ткани и уже вознамерился сунуть обратно в сумку, но тут вспомнил о четвертой, еще не исследованной кнопке. Она располагалась отдельно от трех остальных, ближе к концу стержня. Некоторое время Иеро раздумывал, терзаемый то страхом, то любопытством, потом зажал стержень между двумя увесистыми камнями. Сломав гибкий ивовый прут восьмифутовой длины и предусмотрительно спрятавшись за ствол толстого дерева, он проверил, что сможет дотянуться своим шестом до загадочной кнопки.

Зловещие изготовители этого прибора могли сделать его самоуничтожающимся, но мысль об этом слишком поздно пришла ему в голову. Зато теперь он собирался действовать со всей возможной осторожностью: оглядевшись вокруг, убедился, что лорс пасется далеко, на расстоянии пары сотен футов, и, прячась за деревом, выставил шест, ткнул гибким концом в кнопку и замер. Раздался резкий металлический лязг, как будто была спущена тугая пружина, затем — молчание. Иеро подождал секунду-другую и выглянул из-за дерева. Последний трюк загадочного механизма был прост и эффектен: стержень снова развернулся во всю длину, сделав это одним стремительным движением. Теперь на его конце блестело острие, подобное наконечнику копья, полдюйма шириной и около фута длиной. Взяв в руки прут, превратившийся в отличную пику, Иеро стал разглядывать наконечник, смазанный каким-то липким веществом.

«Вряд ли это крем для бритья»,— пошутил он мысленно.

Нажав кнопку, он сложил оружие и, завернув его в ткань, бросил в седельную сумку.

Следующим был нож — недлинный, заточенный с одного края клинок в кожаных ножнах; им, очевидно, недавно пользовались, так как лезвие было покрыто липкими пятнами крови. Иеро почистил его и, удостоверившись, что там нет никаких надписей или знаков, положил нож обратно.

Затем он принялся изучать круглый предмет, напоминающий маленький компас. Многие из его товарищей все еще пользовались компасом, но ему такие устройства не были нужны — он обладал врожденным чувством направления и в школьные годы выигрывал немало споров, когда с завязанными глазами безошибочно указывал положение стран света.

Но если этот предмет и являлся компасом, то подобного циферблата Иеро никогда не видел. На нем не было традиционных обозначений севера и юга, востока и запада; вместо этого под стеклянной крышкой тонкими черными линиями был изображен круг, разбитый на ряд сегментов. Эти сегменты помечались какими-то символами, цифрами или буквами, абсолютно неизвестными Иеро. На линии, очерчивающей круг, находилась сверкающая капля света, которая чуть подрагивала, когда он покачивал футляр на своей ладони; ее движения напоминали колебания пузырька воздуха в обычном плотницком уровне. Хмурясь и морща лоб, Иеро присмотрелся к символам. Четыре более крупных значка находились в тех же местах, где и обозначения на настоящем компасе. Он попробовал ориентировать их по странам света, осторожно вращая футляр. Может быть, этот знак, похожий на петлю, обозначает север? Но светящаяся капля не указывала ни на север, ни на какую другую из сторон света!

«Если эта штука не компас, то что же она такое?» — с раздражением подумал священник.

Недоуменно пожав плечами, он положил свой трофей обратно в мешочек, решив, что на досуге еще раз изучит его.

Последним он достал свиток из желтоватого, похожего на пергамент материала. Иеро попытался надорвать краешек; это ему удалось, но с большим трудом — лист оказался очень прочным. Он определенно не имел отношения ни к бумаге, ни к пергаменту — какой-то синтетический материал, подобного которому священник никогда не видел.

Свиток распался на несколько скрученных трубочкой листов, большая часть которых была мелко исписана темно-

красными чернилами, производившими неприятное впечатление засохшей крови. Буквы, как и символы на круглом приборе, показались Иеро совершенно незнакомыми. Но на одном листе имелось изображение — карта, которую он изучил особенно тщательно. В общем этот чертеж центральной части североамериканского континента не слишком отличался от хранившегося в его сумке. На нем присутствовало Внутреннее море и дюжина хорошо известных дорог, идущих на север; одна из черных линий, несомненно, изображала главный тракт, соединявший республику Метс с союзом Атви и протянувшийся с запада на восток. Но многие значки на карте были непонятными, особенно те, что относились к южным районам. Несмотря на это, Иеро решил, что карта может оказаться полезной. Он попытался отыскать на ней обозначения для погибших городов той эпохи, что предшествовала Смерти,— некоторые из них были помечены на картах аббатств. Но на карте врага таких городов нашлось значительно больше — так много, что это казалось странным.

Иеро спрятал последний из своих трофеев и приготовил постель, развернув тюк со спальным мешком. Клоц кормился поблизости на острове; поведение лорса было спокойным, и его хозяин знал, что пока никакие опасности ему не угрожают. Медведь еще не вернулся, но предыдущие события убедили священника, что Горму можно доверять; он придет, когда закончит свои дела. С этой мыслью Иеро лег, последние лучи заходящего солнца скользнули по его лицу, и наступила темнота.

...Его разбудил дождь. Темные облака клубились на востоке, насыщенные влагой далекого океана. Иеро затянул капюшон спальника, полностью закрыв лицо. Время раннее, можно подремать еще часика два... Но вдруг он почувствовал запах мокрой шерсти. Горм стоял рядом с ним в напряженной позе, и поведение медведя вызывало тревогу.

«Что-то движется в ночи — (возможно) их много, но один наверняка. Слушай!»

Священник замер, чувствуя, что Клоц стоит неподалеку и тоже вслушивается в ночные шорохи. На мгновение дождь ослабел, и Иеро показалось, что он различает тихий плеск воды в ручье. Затем, далеко на западе, он уловил какие-то звуки.

Похоже на высокий пронзительный визг, почти на самом пороге звукового восприятия; разорвав тишину, он прозвучал дважды. Но ни человек, ни зверь не нуждались в повторении — все было ясно. Они слышали клич охотника, взявшего след; и не оставалось сомнений, кто является дичью. Погоня, которой они ждали каждый миг со вчерашнего дня, началась.

Иеро, опытному путешественнику, потребовалось не больше двух минут, чтобы свернуть лагерь. Вскочив в седло, он передвинул свой меч так, чтобы рукоять торчала над правым плечом. Медведь быстро заковылял по ручью, и Клоц тут же ринулся следом, вздымая фонтаны брызг. Ощущение времени у Иеро было не столь отчетливым, как чувство направления, но он знал, что сейчас не более двух часов пополуночи. Часы, подобно многим древним механизмам, были забыты, а потом изобретены вновь — правда, теперь они стали больше и грубей. Но киллмен с лесной границы не нуждался в часах; при необходимости точный отсчет времени можно было произвести по биению пульса. Долгая жизнь в диких лесах учит человека использовать все возможности своего тела.

Дождь стих, напитав воздух туманной мглой. Уже два часа они пробирались по ложу маленького ручья, который по-прежнему струился в нужном направлении. Наконец Иеро дал команду остановиться, спрыгнул на берег и, разминаясь, сделал несколько наклонов. Горм плюхнулся в траву рядом с ним, с блаженством задрав лапы кверху. Медведи умели совершать долгие странствия, но постоянное движение, день за днем, ночь за ночью, не было в их правилах. Клоц бродил по мелководью, поедая водоросли, богатые протеином.

Священник вознес краткую утреннюю молитву. Его слова и жесты вроде бы заинтересовали медведя, но ненадол-

го. Тем не менее Иеро отметил этот интерес, решив, что обсуждение теологических вопросов с разумным животным явилось бы делом богоугодным и чрезвычайно благочестивым.

Закончив молитву, он постоял, вслушиваясь и вглядываясь в серый предрассветный сумрак. И снова, как раньше, на островке, далекий вопль охотника прорезал ночную тишину. Несомненно, звуки пришли с более близкого расстояния, чем в первый раз.

Бурча проклятия, священник вскочил в седло, одновременно послав мысль медведю: «Поторапливайся, парень, не то нас схватят!»

Горм тут же пустился вперед неуклюжей рысцой. Фонтаны брызг опять взлетели вверх, когда большой лорс бросился за ним; его широкие, как тарелки, копыта били невидимую в темноте поверхность воды.

Иеро мчался в полумраке, прислушиваясь, пытаясь успокоиться и размышляя о грозившей им опасности. Он не представлял, кто гонится за ними, но, вероятно, их преследовала целая свора, и охотники обладали сверхъестественным чутьем и двигались с поразительной быстротой. Лорс и медведь тоже не ленились, и, с учетом ночного времени, путники шли в хорошем темпе. Но скачка в проточной воде ручья, как и прочие хитрости, не сбила погоню со следа. Кто же мчался за ними, нагоняя с каждой минутой?

Лишь одна слабая надежда мерцала у Иеро: любые твари, которые двигаются столь стремительно, не могут нести на спине человека. Каких бы чудищ ни пустили по их следам, они бежали без лишнего груза.

«Если я прав,— решил священник,— то неприятностей — вроде вчерашней, со С'нергом — в этот раз не будет».

Скорее всего, ему и животным угрожала чисто физическая опасность.

Едва эти мысли пришли в голову путнику, как злобный визг, ясно различимый сквозь плеск воды, раздался где-

то неподалеку. Охотники, кем бы они ни были, двигались уверенно — а значит, могли напасть на них в темноте. Это было плохо, очень плохо. До рассвета оставался еще целый час.

Отклонившись назад, Иеро нащупал левую седельную сумку, стараясь точно определить положение нужного ему свертка. Затем он распустил ремни на кобуре метателя и передвинул его так, чтобы карабин можно было выхватить быстро и одной рукой. Немного подумав, он опять полез в сумку и достал стержень, обнаруженный на мертвом теле С'нерга. В крайнем случае, если он потеряет копье, эта штука может пригодиться, решил священник, сунув стержень за пояс. Его собственное копье было надежно укреплено в специальном гнезде у седла и всегда находилось под руками.

Теперь его внимание сконцентрировалось на лорсе и медведе.

«Найди открытое место, и если удастся — поближе к ручью,— послал он мысленный приказ.— Мы будем сражаться. Кто бы ни гнался за нами, они бегут слишком быстро, и нам от них не уйти».

Иеро подумал, что Горм, оказавшийся столь полезным в прошлый раз, сейчас, очевидно, устал и от него будет мало проку в схватке — даже если он отдохнет. Но одно из правил боевого кодекса аббатств, навечно запечатленного в памяти любого киллмена, гласило: «Используй самое крохотное преимущество — возможно, тогда их будет меньше у врага».

Бегущий медведь не ответил на его призыв, но священник знал, что приказ Горму понятен. Он почувствовал также, что сознание Клоца начинает туманиться от ярости предстоящей схватки. Большой лорс был готов к битве с противником.

Позади них снова раздался леденящий вопль, отвратительный тонкий визг, раскатившийся в сыром ночном мраке. В это мгновение Иеро различил несколько голосов и понял, что расстояние сократилось до предела. Итак,

преследователь не один, и это вполне логично: одинокий охотник, каким бы стремительным он ни был, гораздо менее эффективен, чем стая.

Но что за стая мчалась за ними?

«Здесь,— пришла вдруг мысль Горма.— Вот место, поросшее травой и без деревьев. То, что ты хотел?»

«Да,— ответил человек.— Ложись и отдыхай, пока они идут. Не вступай в драку, если поймешь, что не в состоянии помочь».

Он погнал лорса на берег ручья, где простиралась довольно большая поляна. Первый проблеск света мелькнул на востоке, ночной сумрак, серея, отступал. Клоц остановился, вода текла с него ручьями; медведь немедленно растянулся на земле. Что касается Иеро, то он, окинув взглядом местность, размышлял над тактикой предстоящей битвы. Поляна имела около ста ярдов в ширину и понижалась к воде, напоминая формой грубый полукруг, в центре которого, на расстоянии пары сотен футов от ручья, находилась ровная площадка. Священник выехал на середину поляны и развернулся спиной к лесу, до которого оставалось теперь футов пятьдесят. Таким образом, никто не мог внезапно напасть на них сзади, используя деревья в качестве прикрытия. Подумав несколько секунд, Иеро достал из сумки и надел на голову подшлемник и круглый бронзовый шлем с изображениями креста и меча на верхушке. После этого он попытался уловить какие-либо мысли или чувства преследовавших их созданий. Это удалось; он ощутил, что их в самом деле несколько, что они приближаются с удивительной быстротой и что их основной эмоцией является голод. Слепой, всепоглощающий и ненасытный!

Человек и лорс спокойно ждали, готовые к битве. Они сделали все, что полагалось. Горм ускользнул в предрассветный сумрак, чтобы внезапным прыжком поспешить на помощь.

Ожидание не затянулось. Ночной мрак еще не рассеялся полностью, когда от ручья донесся плеск воды под

множеством стремительных лап. Скорее почувствовав, чем увидев нападающих, киллмен открутил головки двух осветительных гранат, которые он держал в руках, и швырнул их налево и направо от себя. Там, где они ударились о землю, вспыхнули столбы разрывов, и ослепительный белый свет залил поляну.

В этот момент Иеро догадался, какую ошибку совершил, двигаясь по ручью. Вид пяти лоснящихся гибких созданий, выскочивших на берег и похожих на огромных норок или каких-то других водоплавающих хищников, ясно говорил, что вода — последнее место, где стоило попытаться ускользнуть от них.

«Неудивительно, что они двигались так быстро»,— с запоздалым раскаянием подумал священник.

Их нижние челюсти, сильно выступавшие вперед, усеивали остроконечные зубы. От мокрых морд до кончиков длинных хвостов эти твари были футов десять в длину и весили, очевидно, не меньше взрослого мужчины. Ошейники из голубоватого металла, сверкавшие на гибких шеях, не оставляли сомнений, кто их хозяин. Очутившись на поляне, хищники не медлили ни секунды, с визгом и рычанием бросившись в атаку.

Иеро выпалил из карабина и одним движением отбросил его. Слишком долго перезаряжать метатель, а нападающие мчатся так быстро... Но крошечный снаряд сделал свое дело: хищник, бегущий впереди стаи, исчез в оранжевой вспышке взрыва, и еще одна тварь с пронзительным визгом поползла в сторону, волоча перебитую лапу.

Когда трое остальных замерли, ошеломленные взрывом и смертью вожака, Клоц с яростным ревом бросился вперед. Схватив копье и крепко сжимая коленями бока лорса, священник приготовился нанести удар.

Раненая тварь не смогла увернуться и закончила жизнь под страшным ударом передних копыт лорса. Другая, прыгнув на Иеро, напоролась прямо на копье, выбив его из рук священника. Зверь упал на землю, захлебываясь кровью; удар тяжелого меча закончил дело.

Но два оставшихся хищника не собирались отступать. Яростно оскалившись, они атаковали одновременно с двух сторон, прыгнув на всадника и не обращая внимания на лорса.

К счастью для Иеро, он отрабатывал такую ситуацию с Клоцем во время тренировок. Лорс автоматически развернулся к противнику слева, не обращая внимания на другую тварь, с которой предстояло сражаться его хозяину.

Приподнявшись в седле, киллмен вложил всю тяжесть тела в один точный и сильный удар. Древний клинок не подвел его; огромный хищник рухнул на землю, из его полуоткрытой пасти сочилась кровь.

В этот момент страшная боль в левой ноге пронзила Иеро. Самонадеянный Клоц недооценил скорость и ловкость противника — когда его огромное копыто опускалось вниз, зверь вильнул в сторону, и его клыки впились в тело человека. Икра Иеро была распорота почти до кости, и он покачнулся в седле, когда хищник отпрыгнул прочь.

Но лорс не повторял ошибок дважды. Понимая, что его хозяину причинили боль, Клоц пришел в холодную ярость. Он медленно надвигался на последнюю оставшуюся в живых тварь, угрожающе мотая головой и высоко вздымая страшные копыта. Зверь прыгнул, изогнувшись в воздухе и опять нацелившись на всадника, но Клоц был начеку: мелькнуло огромное копыто, раздался треск, и норка отлетела на траву с переломанным хребтом. Лорс бросился следом и в порыве ярости топтал визжавшего зверя, пока последние признаки жизни не покинули изуродованную плоть.

Иеро безвольно повис в седле, когда Клоц опустился на колени, чтобы человек мог сойти. Покачнувшись, священник рухнул на землю, упав около огромного потного лорсиного бока. Он тяжело дышал и пытался преодолеть слабость. Наконец ему удалось приподняться; он увидел озабоченную физиономию Горма в ярде от своего лица.

«Я был готов сражаться, но это (существо) было слишком проворным (для меня),— пришла его мысль.— Могу я помочь?»

«Нет,— с трудом отозвался Иеро.— Я должен перевязать (лечить) ногу. Пока я занят этим, слушай, наблюдай и стереги».

Медведь кивнул и отошел от него.

Преодолевая боль, священник стянул свой кожаный сапог, полный крови, и осмотрел рану. Она казалась чистой. Дрожащими руками он ощупывал сумки, преодолевая волну беспамятства, грозившую затопить сознание. Наконец он нашел мешочек с медицинскими принадлежностями, осторожно нанес тонкий слой мази на кровоточивший порез и туго забинтовал ногу. Затем он принял таблетку лукинаги. Этот препарат, расширяющий ментальные силы, был к тому же сильным снотворным и снимал боль. Последним ощущением Иеро была тревога, что кто-то может взять верх над его разумом, пока он находится в бессознательном состоянии. Больше он ничего не помнил.

Глава 3

КРЕСТ И ГЛАЗ

Иеро очнулся в сумерках. Тишина раннего вечера легла на страну деревьев; перистые листья пальмы неподвижно висели над его головой в безветренном воздухе. Очевидно, он проспал целый день. Оглядевшись, священник заметил, что лежит на куче пальмовых листьев и что его второй сапог снят. Инстинктивно его рука метнулась к поясу, где должен был находиться тяжелый нож. Оружие было на месте.

Он сел, ощущая небольшое головокружение. В нескольких футах от его постели лежал Горм, всхрапывая во сне. От ручья, из зарослей кустарника, доносился хруст. Иеро послал мысленный сигнал, и Клоц мгновенно очутился рядом; челюсти лорса ритмично двигались, перетирая траву и ветки. Клоц встряхнул головой, и фонтан брызг от его длинной мокрой шерсти ударил в лицо священнику.

— Прочь, прочь, невежа, ты утопишь меня! — отплевываясь, вскричал человек, но его сильные руки нежно гладили огромную голову и рога животного.

— Твои рога твердеют, мой мальчик, и это хорошо. Там, куда мы идем, никакое оружие не будет лишним...— Иеро перешел с речи на мысленную связь, велев лорсу стоять рядом, пока он попытается встать.

Он выяснил, что может выпрямиться с большим трудом; при каждом движении в ноге начинала пульсировать боль. Однако ему удалось расседлать Клоца и снять с него седельные сумки. Он отпустил лорса, но приказал ему оставаться поблизости от лагеря и продолжать наблюдение. Затем, опустившись на землю, он повернулся к Горму; тот проснулся и сидел в траве, уставившись на человека. Иеро протянул руку и осторожно погладил медвежий нос.

«Спасибо, братец,— передал он вместе с ощущением дружеской теплоты и привязанности.— Как тебе удалось сделать постель из листьев? И почему ты снял мой сапог?»

Последнее было неразрешимой загадкой для священника. Он полагал, что молодой медведь достаточно умен, чтобы соорудить постель — такую же, какую делают медведи в своих зимних берлогах. Но как это создание могло догадаться, что его ногам нужен отдых и что для этого следует снять второй сапог?

«Было в твоей голове,— услышал он поразительный ответ.— Я смотрел, чтобы понять (что) надо делать. Твое сознание не спало,— добавил Горм,— и можно было увидеть все, что в нем есть, если посмотреть. Я смотрел очень немного, но все, что увидел, постарался сделать».

Иеро вновь достал мешочек с бинтами и лекарствами и тщательно осмотрел раненую ногу. Одновременно он размышлял над услышанным от медведя. Невероятно! Но, должно быть, правда! Только он сам знал, что полагается делать, и молодой медведь получил это знание прямо из его мозга. Горм не мог оказать ему хирургической помощи, но сделал удобную постель и ухитрился стащить сапог, чтобы раненому было удобнее спать.

Священник собрал все силы и волю — то, что предстояло ему теперь, являлось неприятной, но нужной процедурой. Сначала он разрезал и содрал набухшую от крови повязку, наложенную утром; далее, подбадривая себя блокирующими боль психологическими приемами и небольшой дозой лукинаги, со сноровкой опытного врача промыл рану и соединил ее края. Сорок стежков легли затем вдоль длинного разреза; наконец рана была продезинфицирована и забинтована. Иеро натянул сапог на правую ногу, а на левую надел чистый чулок и мокасин, взятые из сумки. Покончив с этим, он велел медведю взять окровавленные тряпки и закопать их где-нибудь поглубже.

Сделав все это, он в изнеможении привалился спиной к стволу пальмы; руки его дрожали, крупные капли пота выступили на лбу. Прошло некоторое время, прежде чем у него хватило сил внимательно оглядеться вокруг. Уже темнело, но черные пятна крови, рассеянные тут и там по траве, были еще заметны; однако трупы его утренних противников исчезли.

Из сгущающихся сумерек пришел ответ Горма: «Большой (с рогами на голове) и я спрятали этих. Их тела привлекали других созданий, но только маленькие (животные) приходили. Мы отпугнули их».

Он передал образы шакалов, лис, дикого кота и других мелких хищников.

Итак, медведь и лорс могли работать вместе, даже когда он не руководил ими! Это поразительно, подумал Иеро. Это означает, что медведь способен предвидеть последствия своих действий и дать необходимые команды Клоцу. Обширное поле для размышлений и будущих исследований, решил человек.

«Ты не ощущаешь никакой опасности для нас?» — спросил он Горма.

«На каком расстоянии (как далеко)?» — ответил тот вопросом на вопрос.

Очевидно, медведю было неясно, какое расстояние до опасности имеет в виду человек.

Затем Горм попробовал пояснить свою мысль: «Длинный путь (имеется) много далеких опасностей. Но только одна близкая, и она пришла сверху (с неба)».

И медведь передал ощущение чего-то крылатого и неприятного.

Человек попытался вникнуть в этот образ, но достиг немногого. Ему представилось неясное видение какого-то объекта с крыльями, но явно не птицы. Этот предмет медведь наблюдал днем раньше, и от него исходило острое ощущение зла.

Отметив эту новую важную информацию, которую надо будет со временем уточнить, и решив не появляться на открытом пространстве, Иеро распаковал свое имущество. Хромая, он дотащился до воды и смыл с оружия кровь, после чего наточил копье и меч. Вернувшись обратно, он перезарядил метатель, сунув его обратно в чехол.

Снова усевшись под пальмой, священник поел немного пеммикана и сухарей. Он предложил пищу Горму, но тот отказался, заметив, что весь день ел чернику. Медведь показал Иеро место, где ягоды росли особенно густо, и человек, прихрамывая, набрал несколько горстей. Затем он наполнил водой большую флягу, висевшую у седла, и маленькую, которую обычно носил у пояса. Воспользовавшись последним светом угасавшего дня, обмылся в ручье, стараясь не замочить раненую ногу. Обсохнув и одевшись, Иеро произнес вечернюю молитву и улегся на груде пальмовых листьев. Казалось, ничто в ночи не предвещало опасности; звуки, доносившиеся из леса, не возбуждали тревоги. Предсмертный крик кролика, верещание белок, мяуканье дикого кота и поскрипывание сосновых стволов — естественный привычный голос Тайга. Иеро уснул спокойно.

На следующий день рассвет оказался туманным. Ветра не было, но сизые тучи клубились в небесах, временами закрывая солнце. Иеро вновь надел сбрую на своего скакуна, и после скудного завтрака человек и медведь решили покинуть речное русло. Они двинулись новым путем, ко-

торый все более отклонялся к югу. Нога священника теперь отзывалась только тупой болью; отдых и могучее здоровье восстановили его силы не хуже, чем целительные средства докторов аббатства.

В течение пяти дней они спокойно путешествовали под кронами великих сосен Тайга, постепенно продвигаясь на юг. Путники несли бдительное наблюдение, останавливаясь на отдых только под прикрытием деревьев, и редко использовали мысленную речь, хотя вокруг не было ничего угрожающего. Дичь тут водилась в изобилии, и Иеро проткнул копьем огромную куропатку, весившую втрое больше индюка прошлых времен. Разложив небольшой костерок, он наскоро прокоптил грудку птицы, весившую около одиннадцати фунтов; этого ему и Горму должно было хватить на несколько дней.

На шестые сутки священник прикинул, что они сделали около восьмидесяти миль; теперь можно было чувствовать себя спокойнее. Кого бы злоба Нечистого ни послала в погоню, они имеют теперь большое преимущество во времени, решил Иеро. Он не мог себе представить силу и возможности своих врагов, не мог угадать, какую ярость в них пробудило совершенное им убийство одного из высших членов их Темного братства.

К полудню почва стала болотистой и сырой. Было ясно, что, двигаясь в этом направлении, они достигнут болота или границы открытой воды. Иеро скомандовал остановку, достал свои карты и принялся изучать их, иногда советуясь с медведем.

Перед ними простирался огромный район, приблизительно изображенный на одной из метсианских карт,— гигантское болото Пайлуд, никем и никогда не пройденное. Опыт и знания медведя мало могли здесь помочь, хотя он и согласился с тем, что за полосой трясин должно лежать Внутреннее море, как это подсказывала карта. Горм инстинктивно чувствовал большую воду на расстоянии многих десятков миль, но никогда в своей жизни он не путешествовал так далеко, как сейчас с Иеро.

Наконец священник решил обратиться к своему кристаллу и магическим символам. Приготовив все необходимое, он сотворил молитву и велел животным не мешать ему. Фиксируя свои мысли на предстоящем пути и пристально глядя в кристалл, он послал телепатический импульс в поисках пары подходящих глаз.

Первая попытка была неудачной: он смотрел на безграничную морскую гладь с очень низкого холма, расположенного у самой воды. В направлении берега обзор был очень плохим, так как лягушка, глаза которой он использовал, скрывалась в засаде в тростниковых зарослях. Прервав связь, Иеро совершил еще один поиск, стараясь представить себя парящим над землей. Он полагал, что поблизости найдется коршун или какая-нибудь другая птица, подходящая для его целей.

Кристалл очистился, и в тот же миг ментальный поиск был завершен — но совсем не так, как он рассчитывал! Теперь он словно висел в воздухе — вероятно, очень высоко, на расстоянии мили от простиравшейся внизу земли. Он видел, как исчезали сосны Тайга и великий лес переходил в огромное болото, за которым сверкала поверхность Внутреннего моря. И его зрение было великолепным, просто изумительным! Он внедрился в сознание с высочайшим интеллектом, равным его собственному,— и этот мозг, в свою очередь, ощутил его присутствие и тут же попытался выяснить, кто он такой и где находится. Казалось, еще мгновение, и холодный безжалостный разум, с которым он случайно связался, сумеет это определить.

Иеро прервал связь так резко, что в голове разлилась тупая боль. Последний взгляд, который он бросил перед собой, воспользовавшись глазами этого странного существа, показал обтекаемый нос летательного аппарата и большие крылья по бокам, сделанные из чего-то похожего на окрашенную древесину.

Полет человека являлся для ученых аббатств не более чем мечтой, но они отлично знали о летательных аппаратах древности. Не было сомнений, что такую машину

удастся когда-нибудь вновь сконструировать, если в их распоряжении окажутся нужные материалы. Однако летающая машина уже существовала и находилась в руках слуг Нечистого! Высоко в голубом небе Тайга злые глаза обшаривали земли и воды; возможно, они уже выследили путников, сковав их незримыми цепями. И Иеро сам выдал безжалостному наблюдателю их тайное убежище! Выдал, причем таким способом, который позволит быстро организовать погоню!

При этой мысли священник вскочил на ноги.

— Туда, скорее! Ложись на землю! — приказал он лорсу вслух, показывая на густые заросли елей и свободной рукой подталкивая Горма. Медведь немедленно все понял и не пытался вступить в мысленную связь.

Лежа на спине у лорсиного бока, священник держал метатель стволом вверх, оперев его о согнутое колено. Прицельная дальность боя гладкоствольного карабина составляла три сотни футов, но его снаряд мог пролететь и вдвое большее расстояние; это было самое мощное оружие, которое имелось у Иеро. Напрягая зрение, он пытался разглядеть врага в просвете меж еловых ветвей и наконец увидел его: черная крылатая машина, похожая на огромного сокола или орла, описывала высоко в небе медленные круги. Священник отложил в сторону метатель и, протянув руку, вытащил из сумки подзорную трубу; затем он попробовал изучить аппарат более подробно. Машина была на самом деле безмоторным планером — пустой звук для Иеро; но все же он сумел рассмотреть крылья, немного изогнутые назад и придававшие машине сходство с хищной птицей.

«Должно быть,— мелькнула мысль,— эту штуку пытался описать медведь».

Итак, охота на него продолжалась, и расстояние, которое он прошел, не значило ровным счетом ничего; Нечистый снова взял его след. Иеро мрачно уставился в землю, потом перевел взгляд на свою левую руку, все еще стиснутую в кулак.

В кулак! Он внимательно огляделся по сторонам. Кучка деревянных фигурок и магический камень лежали там, где он их оставил. Он так торопился в укрытие, что совершенно забыл о своих гадательных принадлежностях. Он позволил врагу напугать себя, поколебать его мужество и веру! Иеро чертыхнулся, произнес слова молитвы и посмотрел вниз, на раскрытую ладонь левой руки. На три символа, которые он бессознательно стиснул в кулаке, прервав ментальную связь с паривши в небе колдуном.

Первый знак — Рыба — означал воду и все, что плавало в ней. Он символизировал корабли, верфи, сети и другие понятия, связанные с мореходством и рыбной ловлей. Он также обозначал мужскую силу. Вторым оказался знак Копья, предрекавший войну, включая все виды сражений, а также опасную охоту. Последний знак имел необычный вид: Крест, символ семитысячелетнего христианства, но в его центре, на перекрестье, находилось изображение Глаза. Крест и Глаз! Иеро ощутил, как холодные мурашки побежали по его спине. Этот редко выпадавший символ использовался для обозначения трансцендентного Зла, которое угрожало не только телу, но и бессмертной человеческой душе.

Осторожно положив резные фигурки на землю, он метнул взгляд вверх. Летательный аппарат был еле заметным, он удалялся на север и казался сейчас крохотной черной точкой в голубом небе. Успокоившись, Иеро вышел из-под прикрытия деревьев, собрал деревянные значки и поднял кристалл.

Спрятав в сумку свои магические принадлежности, он вернулся к размышлениям о смысле гадания. Итак, его путь ведет к большой воде, это несомненно; и если он попытается вернуться, это наверняка будет столь же опасным. Пилот летательного аппарата примерно установил, где находятся беглецы, и погоня, надо думать, уже выслана. Подслушать мысли врагов? Нет, он не хотел рисковать, пользуясь захваченным прибором, этим раздвигающимся стержнем; он боялся, что выдаст себя. Однако священник был убеж-

ден, что сейчас эфир трепещет от переговоров слуг Нечистого. Несомненно, на севере из всех берлог вылезают лемуты и готовится облава. А вот что ждет его на юге? Была ли здесь тоже расставлена западня?

Рыба, Копье и Крест с Глазом! Дьявольщина! Вода, сражение и ожидание какого-то духовного зла или горя! Но верно ли прочитаны знаки? Как правило, они допускали множество толкований; скажем, последний символ, Крест и Глаз, мог означать неотвратимую физическую опасность, но мог предсказывать также великое бесчестье, измену и смертный грех.

«Проклятье! — сердито подумал священник.— Что же все это значит?»

Перед тем как покинуть республику, он исповедался аббату Демеро. Однажды он сказал некой Луизе д'Ондот, что она никогда не станет его женой — ни первой, ни второй, ни любой другой, несмотря на ее исключительный талант падать на спину в любое время дня и ночи. Пожалуй, такое заявление было покруче самой грубой шутки, однако смертным грехом тут и не пахло. Этот эпизод с красоткой Луизой являлся самым тяжелым проступком в жизни Иеро, воспоминание о котором хранила его совесть.

Предположим, размышлял он, Копье означает охоту, а Рыба — лодку. Нет, это глупо в его теперешнем положении... что за лодки и охоты... Но тогда каковы же другие возможности?

Тянулся долгий теплый день, а он снова и снова перебирал в уме различные комбинации толкований трех символов, и знак Креста и Глаза неизменно маячил в его мыслях, загадочный и зловещий, как смрадное дыхание Нечистого. Смертный грех? Но в душе Иеро жила уверенность, что он никогда не совершал и не совершит смертного греха; значит, его ждет какое-то зло. Страшное зло, которое дьявол посылает Божьим слугам, дабы устрашить их, поколебать их в вере и уничтожить.

Что же касается летающего колдуна, то, после долгих размышлений, Иеро решил, что эта тварь — кем бы она

ни оказалась, человеком или лемутом,— не успела точно засечь их укрытие. Поэтому он вместе со своими спутниками остался под сенью елей, пока тусклое красное солнце не начало склоняться к западу. Тогда они покинули свое мрачное убежище и двинулись в путь по грязной тропинке, петлявшей между последними большими деревьями Тайга.

Вскоре вокруг стали появляться поблескивающие под светом ярких звезд озерца воды; их становилось все больше и больше, тогда как деревья уменьшались в размерах и в числе — и наконец исчезли совсем. Странное тревожное благоухание доносилось от огромных бледных ночных цветов, плавающих на поверхности озер, а вокруг водоемов тянулся к небесам чудовищных размеров папоротник; некоторые заросли скрывали Клоца с головой и были столь непроходимыми, что путникам приходилось огибать их. Воздух стал более теплым и сырым, и кроме аромата цветов в нем постоянно ощущался запах гниющих растений. Путники покинули Тайг с его свежими прохладными ветрами и дышали теперь испарениями Пайлуда, чудовищного болота, окаймлявшего на протяжении сотен миль северные границы Внутреннего моря. Это был опасный район, границы которого были известны только приблизительно.

Пока Иеро вспоминал все это, где-то впереди раздался оглушительный квакающий рев; словно мощная сирена, он перекрыл привычные ночные звуки, постоянное жужжание туч насекомых, птичий щебет и громкоголосый хор лягушек.

Клоц резко остановился, и впереди него, во мраке, Горм размазанной серой тенью припал к земле, возвышаясь над ковром травы и мха не больше чем на фут. Они замерли на несколько мгновений, вслушиваясь в темноту, однако нового вопля не последовало, и путники осторожно двинулись дальше. Однако они не успели пройти и сотню ярдов, как утробный рев снова разорвал тишину. Затем воцарилось внезапное молчание. Смолкли голоса

и шорохи мелких животных и птиц, и только мириады москитов продолжали зудеть над головой. Троица снова замерла, но ненадолго.

Послышался новый ужасный рев, на этот раз — прямо за их спинами и гораздо ближе, чем впереди. Иеро с отчаянием огляделся: они стояли на открытом пространстве, залитом лунным светом, под ногами чавкала голубоватая светящаяся грязь, но справа в темноте угадывались какие-то заросли.

«Быстро — туда! — послал он команду медведю и лорсу.— Прячьтесь в кусты и ложитесь на землю! Эти твари не должны заметить нас!»

Они едва успели повернуться, как нечто огромное возникло в конце прогалины, футах в ста от путников, и лик ночного кошмара воззрился на них. Иеро, все еще сохранявший здравомыслие, решил, что этот жуткий монстр — мутация лягушки или обычного головастика. Огромные опалесцирующие глаза сияли на высоте десяти футов над землей на скользкой, будто обрубленной морде. Казалось, что чудище присело на корточки, готовясь к прыжку; его гигантские задние лапы были согнуты, растопыренные пальцы впились в мягкую почву болота. Невероятно огромная разинутая пасть была усажена клыками футовой длины, блестевшими в лунном свете подобно слоновым бивням. Это было странно, так как лягушки никогда не имели зубов.

Лорс не шевелился; Горм, парализованный ужасом, сжался комочком в грязи. Подняв метатель, священник тщательно прицелился, бормоча про себя молитву. Стрелять или не стрелять? Сомнения мучили его. Каким бы мощным ни был заряд маленькой ракеты, она просто не предназначалась для охоты на чудовище таких размеров. Что будет, если выстрелить? Эта жуткая тварь могла покончить с ними одним ударом...

В этот момент Иеро ощутил, как Клоц оседает назад, напрягая мышцы; еще мгновение — и лорс сделает гигантский отчаянный прыжок.

«Ждать!» — приказал он, заметив, что внимание монстра отвлеклось.

Чудовище еще сильней согнуло гигантские лапы, медленно поворачивая голову налево, в сторону от застывших в ужасе путников.

Затем оно буквально взмыло в воздух. Колонноподобные задние ноги швырнули огромное тело с длинным, волочащимся по грязи хвостом вверх и вперед. Чудовищная тварь пронеслась над тремя путниками будто живая ракета и столкнулась с чем-то в темноте. Жуткие звуки донеслись оттуда; покрывающая почву густая грязь вспучилась волной, и целый ливень земли и остатков раздавленных растений, взлетев в воздух под ударами гигантских конечностей, тут же обрушился вниз. Там, во мраке, шло сражение, и священник вдруг вспомнил о втором чудовище, вопль которого они слышали впереди.

Медведь и лорс, испуганные звуками битвы, очнулись и бросились прочь, сквозь грязь и кустарник, разбрызгивая воду из мелких луж, заросших дурно пахнувшими травами. Наконец грохот схватки гигантских монстров затих позади, и Иеро велел остановиться. Они попали на узкую полоску земли, заваленной сухим тростником; все трое внимательно прислушивались к ночным шорохам, тяжело дыша после панического бегства.

Вокруг раздавались писк и жужжание насекомых, кваканье лягушек, но более — ни звука, ни движения под неярким серебряным светом луны. Их окружал высокий тростник, стволы которого достигали двух футов в окружности и вздымались выше рогов Клоца. Между стеблями тростника росли гигантские мальвы и еще какие-то цветы, незнакомые Иеро. Водяные протоки, будто блестящие сталью под светом луны, прихотливо извивались в зарослях. Эта странная, но прекрасная картина не оставила священника равнодушным; невольно он снова подумал о красоте и опасности окружавшего их мира.

С трудом оторвавшись от чарующего зрелища, он вернулся к реальности. Господь хранил их; только чудом они

избежали смерти в клыках лягушкоподобного монстра. Теперь надо было с толком использовать передышку и обдумать дальнейшие действия. Было ясно, что карты аббатств здесь бесполезны и что Горм как проводник стоит не больше самого Иеро в этом странном мире полузатопленной земли, воды и тростника. Что же делать дальше? Путники знали, куда следует двигаться — на юг; и где юг, им тоже было известно. Как, впрочем, и то, что слуги Нечистого, быть может, уже спешат по их следам с севера. Огромное пространство трясин и грязи тянулось перед ними до самого горизонта. Если идти прямо на юг, они быстрее всего достигнут границ болота — в этом убеждали и карты, и краткий взгляд на местность, брошенный Иеро с высоты, из кабины летательного аппарата. Ему казалось, что расстояние до южного края Пайлуда по прямой вряд ли превосходит пятьдесят миль.

Он подал команду, и весь остаток ночи они медленно двигались к югу, перебираясь вброд через мелкие лужи и обходя стороной более глубокие водоемы. Дважды им приходилось плыть, когда дорогу пересекали длинные протоки, обойти которые было невозможно. Первую они преодолели с легкостью, но, покидая вторую, Клоц вдруг приостановился. Оглянувшись, Иеро увидел, как угрожающе вздыбилась черная вода, будто что-то огромное двигалось под самой поверхностью. На всякий случай он вытащил метатель и замер, готовый действовать в любой миг; его страшило нападение из-под воды, откуда они были особенно уязвимы. Но лорс уже карабкался на топкий берег, спеша вслед за медведем.

Отъехав на безопасное расстояние от протоки, священник не смог сдержать печальную улыбку. Все трое были мокрыми, грязь налипла на шкуру медведя и ноги лорса, гнилостный запах трясины пропитал их до самых костей. Однако эта вонючая грязь хотя бы частично спасала животных от туч москитов, носившихся в воздухе. В своих странствиях по лесным дебрям священник привык к укусам кровососущих насекомых, но в Пайлуде их число было невообразимым!

Первый день они провели в чаще вздымающихся на двадцатифутовую высоту зеленых стволов тростника. Иеро не рискнул оставаться на открытом месте днем, где их мог заметить воздушный наблюдатель. Однако он отмечал свой путь в болоте тайными зарубками, которые, как ему казалось, увидеть сверху невозможно.

Августовское утро выдалось облачным, и мошкара, особенно многочисленная в тростниковых зарослях, свирепствовала еще сильней, чем ночью. Священник разрезал свой противомоскитный полог и соорудил из него защитные сетки для измученных животных; теперь они могли, по крайней мере, свободно дышать. Тела их, облепленные грязью, были неуязвимы для насекомых.

Мрачно осмотревшись по сторонам, Иеро решил, что недостатка в воде они испытывать не будут, а вот еда может стать проблемой. У него еще оставался большой кусок копченой куропатки, пеммикан и сухари, но пищу стоило поберечь. Лорс мог легко прокормиться водяными растениями и молодыми побегами тростника, но что делать бедному медведю? Вряд ли тут росли черника и малина, да и для пчел и медовых сот место казалось неподходящим... С Гормом, подумал Иеро, придется делить скудный рацион в течение нескольких дней, пока они не достигнут более благодатной территории.

Но тут в голове у него мелькнула идея, заставившая позабыть про удушливый зной и надоедливых насекомых. Он поспешно протянул руку к ближайшей седельной сумке и ощупал ее. Рыболовные снасти были на месте!

«Ну-ка, поглядим,— решил священник,— что я смогу вытащить из этих грязных вод».

Осторожно размотав блестящую прочную леску, он насадил на крючок кусочек мяса и забросил его в протоку, бурая и грязная вода которой струилась рядом с их убежищем.

С третьей попытки удача улыбнулась ему, и вскоре крупная рыбина фунта на три весом билась на земле; по виду она походила на окуня. Выловив еще двух таких же окуней,

Иеро дал одного на пробу Горму, который счел угощение отличным на вкус. Остальных рыбин священник вычистил и, отложив одну про запас, быстро расправился с другой. Он и прежде ел сырую рыбу без всякого вреда для себя.

В сумерках Иеро, успокоенный тем, что воздушный наблюдатель не показывался весь день, отпустил Клоца попастись на берег протоки. Присматриваясь к лорсу, он заметил, что животное старается держаться подальше от воды. Это было странно; Клоц очень любил купаться.

«Что-то (неизвестное) в глубокой воде,— пришел ответ на его безмолвный вопрос.— Что-то очень плохое».

Это суховатое замечание его скакуна заставило Иеро вскочить на ноги. Он поспешно оседлал Клоца и, позвав медведя, отправился к дальнему концу заросшего кустарником островка, на котором они провели день. Ему никогда еще не приходилось сомневаться в здравомыслии и тонкой наблюдательности Клоца. Если лорс сообщил, что в воде скрывается что-то плохое, значит, так оно и есть; если лорс боялся его, значит, это нечто чудовищное. В темных болотных водах могли водиться какие угодно твари, от огромных снаперов до лягушкоподобного монстра, с которым они встретились накануне.

«Или еще что-нибудь похуже»,— подумал Иеро.

Его удивляло отсутствие воздушного наблюдателя. Может быть, он не появлялся оттого, что поход через огромное болото был опасен и слуги Нечистого или не могли представить, что он пойдет на этот риск, или полагали, что из трясин Пайлуда ему не выбраться.

Ночью они снова слышали вопли чудовищных фрогов — так Иеро назвал лягушкоподобных тварей; к счастью, жуткие завывания раздавались где-то на востоке, далеко от их пути. Затем, позднее, из зарослей тростника, мимо которых они проходили, донеслось такое громкое шипенье, будто там скрывался прародитель всех ползучих гадов мира. Путники поспешно миновали это место, и Иеро в течение часа внимательно следил, не крадется ли кто-нибудь за ними.

Наконец сырой воздух всколыхнуло дыхание бриза, который принес странные ароматы и напомнил, что они приближаются к морю. Иеро, наблюдая, как широкие копыта Клоца месят грязь, подумал, что он, возможно, станет первым человеком, которому удалось преодолеть огромное болото.

Весь следующий день лил дождь, к счастью, теплый. Под утро Горм отыскал огромную кучу гниющих растений, поросшую тростником. С помощью медведя Иеро выкопал нечто вроде землянки, в которой они и провели светлое время дня.

Вечером ливень все еще продолжался. Несмотря на многочисленные попытки, священнику не везло с рыбной ловлей — он не смог поймать даже уклейку. Тогда он разделил с медведем остаток мяса, добавив немного сухарей. Что касается Клоца, тот был удовлетворен полностью, ибо мелкие лужи вокруг их убежища покрывали водоросли — любимая пища лорса.

Вечером они двинулись дальше. Горм, как обычно, переваливался впереди, с неподражаемым искусством выбирая твердые участки почвы и избегая открытых пространств, освещенных лунным светом. Глядя на него, Иеро подумал, что если он сумеет выбраться из трясин, то лишь благодаря своим спутникам. Действительно, оба были незаменимыми компаньонами для такого странствия — чуткий, бдительный и осторожный медведь и могучий лорс, неприхотливый и приспособленный к переходам по топям и грязи не хуже любой амфибии.

До сих пор им сопутствовала удача. За три дня они сумели глубоко проникнуть в эти дикие пространства, где смешались вода и твердь земная; они даже смогли, не подвергаясь особой опасности, наблюдать чудовищные формы жизни, обитавшие тут. И несмотря на мириады насекомых, причинявших путникам неимоверные муки, Иеро, самый уязвимый из них, не ощущал каких-либо симптомов болезни — смертельно опасной лихорадки Пайлуда.

Они шли вперед всю ночь. Священник снова помечал дорогу, оставляя зарубки на зеленых стволах тростников.

На исходе ночи странники разбили лагерь на краю темной глубокой лагуны. Эта черная маслянистая вода почему-то не обеспокоила Иеро, словно его обычная подозрительность уснула под чьим-то странным, убаюкивающим влиянием.

Священник настолько выдохся, что скоро почувствовал необоримую сонливость, несмотря на горящие укусы москитов и удушающую жару. Наступил день, а он все еще лежал и лежал в каком-то наркотическом оцепенении.

Его животные тоже спали, подергиваясь, когда насекомые или пиявки пробирались через корку грязи, покрывавшую их тела. Они были истощенными и усталыми, но дело заключалось не только в этом. В глубине одной из седельных сумок крошечная капля света на круглом циферблате со странными обозначениями разгоралась, тускнела и снова наливалась светом. Силы и токи, невидимые для глаз, но тем не менее мощные, реальные, пронизывали мглистый туман, который клубился над Пайлудом. Где-то за болотом, в южных землях, в неведомых тайных норах, совещались слуги Нечистого, спорили, высказывали опасения, принимали решения. В самом сердце трясины пылал контрольный сигнал — знак того, что некий противник, обладающий неизвестной мощью, проник в запретный район. Знак говорил, что пора собирать силы. И в затонувших городах, затерянных и похороненных навеки под топью и грязью болот, началось шевеление странной, опасной и неестественной жизни.

Миновало утро; бледное солнце слабо просвечивало сквозь туман. Ни один порыв ветра не рябил поверхности луж и озер; листья и стебли тростника неподвижно замерли в сыром воздухе. Путники все еще дремали, иногда всхрапывая или что-то бормоча во сне. Наступил и прошел полдень, но они все еще лежали неподвижно. Кончался день, солнце медленно садилось за облаками, затянувшими горизонт на востоке. Белесое ночное марево поднялось с темной поверхности воды, смешиваясь со светом уходящего дня.

И в этот сумрачный час явился Обитающий в Тумане. Никто не знал, в каком логове он скрывается, где прячется днем. Грандиозные космические силы, спущенные с цепи Смертью, породили странных и ужасных созданий, никогда не знавших дыхания истинной жизни. Одним из них был бродивший в туманах Пайлуда монстр. Оставалось лишь догадываться, каким образом смог он найти троих путников; возможно, ему помогло сигнальное устройство, спрятанное в седельной сумке. Так или иначе, он разыскал их, и этого было достаточно.

Внезапной атаки не получилось — разум Иеро, чуткий к ментальным переменам даже во сне, поднял тревогу. Священник очнулся, судорожно сжимая свой серебряный медальон, словно крохотные крест и меч могли защитить от подкравшейся к нему гибели.

Туман наконец поднялся над темной протокой, у которой они разбили лагерь, и теперь можно было разглядеть маленькое суденышко, выплывшее из-за соседнего островка. Размерами с небольшой баркас, с закругленными носом и кормой, оно было выкрашено в черный цвет, и его корпус почти сливался с поверхностью воды. В нем неподвижно застыла фигура, укутанная в белесый плащ с низко надвинутым капюшоном. Каким образом двигался этот странный челн, было непонятно, но он уверенно рассекал маслянистую воду, нацеливаясь прямо туда, где сидел изумленный священник.

Перед жуткой фигурой в саваноподобном одеянии распространялась мощная волна злобы, ударившая по сознанию человека, накрывшая его огромной холодной сетью. Позади Иеро покачивались два его верных спутника, спящие, недвижимые; телепатическая сила Обитающего в Тумане подняла животных на ноги, но не разбудила их, оставив погруженными в транс. Священник понял, что нечто ужасное захватило их всех, что это существо в челне может уничтожить животных, может командовать им самим и что цель жуткого монстра — не убийство, а порабощение его, Иеро, души, разума и тела. Он вдруг отчетливо осознал, что приближавшаяся тварь была воплощением той самой опасности, о которой предупреждали Крест и Глаз.

Все это пронеслось в его голове, пока он лихорадочно готовился к ментальному поединку. Черная лодка завершила свое безмолвное скольжение, уткнувшись носом в берег в десяти футах от священника, и он увидел в тени капюшона глаза Обитающего в Тумане. Два бездонных провала, источавших ужас и злобу...

Это был еще один телепатический бой, подобный тому, который Иеро пытался вести со С'нергом. Имелось, однако, отличие: колдун Нечистого, как бы страшен он ни был, все-таки являлся человеком, и его ментальная мощь питалась из источника врожденных способностей, развитых годами тренировок. Но это существо, возникшее из тумана, не имело ничего общего с родом людским. О существовании подобной твари Иеро ничего не знал; он мог лишь ощутить, что огромная телепатическая сила присуща самой природе этого монстра и является естественной для него. Это порождение болот искало мыслящие формы жизни, чтобы паразитировать на них, высасывая мозг так же, как вампиры пьют кровь своих жертв. Таким был способ его существования.

Иеро ощутил удушье; это чувство всегда сопутствовало появлению Обитающего в Тумане. Казалось, его мозг и тело сдавили могучие тиски, выжимавшие из него энергию и силы. Одновременно с этим он почувствовал странный покой и даже в какой-то степени удовольствие, как будто телепатический вампир убаюкивал его, чтобы быстрее сломить волю к сопротивлению. Атака этой болотной твари была сокрушительной! Напряжение ментального поля возрастало с каждой минутой, делаясь реальным, почти ощутимым физически, окутывая плотной телепатической аурой капюшон монстра, очертания которого виделись теперь искаженными и расплывчатыми.

Сжимая священный символ, висевший на груди, Иеро сражался с мужеством отчаяния. Он попробовал противо-

стоять убаюкивающему ощущению блаженства, сосредоточив мысль на идее аскетизма, чувстве долга и преданности Господу. Невольно ему вспомнились жестокие тренировки в школе аббатства, во время которых ученики вступали в молчаливое телепатическое противоборство друг с другом, стремясь подчинить соперника своей воле. Используя один из приемов отвлечения сознания, он начал повторять таблицы логарифмов, дабы восстановились логические связи в мозге, угнетенном внезапным ментальным ударом возникшего из тумана чудовища. Специалисты аббатств давно знали, что древние математические формулы являются действенной защитой от ментальных атак. Повторение и мысленное воспроизведение этих формул, основанных на логике и здравом смысле, создавали мощный барьер против иррационального распада разума, который являлся главным телепатическим оружием Нечистого. В этой борьбе Иеро чувствовал себя довольно уверенно. Но выматывающая, вытягивающая все силы телепатическая мощь Обитающего в Тумане казалась неисчерпаемой. Едва священник успевал отбить одну атаку, как немедленно начиналась другая, и чем сильнее становилось давление на его разум, волю и чувства, тем более безнадежным казалось сопротивление.

Однако, когда его силы начали слабеть, Иеро вдруг обнаружил в своей душе новый источник мощи — воспоминания о С'Нерге, убитом им колдуне. И сердце его воспрянуло, как развернувшая крылья птица; и понял он, что не иссякли его мужество, его мощь и его человеческая гордость перед лицом болотной нежити.

Священник сосредоточился, мир вокруг него исчез, подернутый пологом небытия; сейчас он не видел ничего, кроме озер ужаса и мрака, плескавшихся перед ним,— двух бездонных черных провалов, глаз Обитающего в Тумане. И в этих глазах он заметил — или почувствовал — какие-то перемены, что-то уклончивое и нерешительное. Его мысленная связь с вампиром в этот момент была столь тесной, что он сразу же осознал происходящее. Тварь больше не атаковала его! Сомнение в собственной силе, каким бы ничтожным

оно ни было, подтачивало мощь телепатических ударов монстра, разбивало его холодную сосредоточенность и решимость завладеть добычей.

Впервые с начала схватки Иеро получил возможность нанести своему противнику ответный удар. Этот ментальный выпад не был сильным; скорее, он мог показаться нерешительным и неуклюжим, но болотный вампир покачнулся. Никто и никогда не решался бросить ему вызов; он бродил в трясинах, безнаказанно настигая свои жертвы. Никто не знал, что происходит с ними, в какой ад они попадали и какой была их дальнейшая судьба; однако Иеро чувствовал, что их ожидало не только духовное порабощение, но и физические страдания.

Он снова нанес мысленный удар и увидел, как в ответ страшным отблеском сверкнули глаза призрака. Но он уже ощутил уверенность в своих силах, которая делала его непобедимым. Он вдруг снова начал осознавать окружающий мир, почувствовал прохладный ночной ветерок на разгоряченном лице и ясно увидел перед собой остроконечный капюшон, скрывающий врага. Он ударил еще раз и мощным телепатическим импульсом вдребезги разнес ментальные тиски, которыми вампир старался блокировать его разум. Теперь, призывая на помощь Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа, он начал сжимать в ментальных тисках мозг чудовища — точно так же, как тот пытался раньше сдавить его собственное сознание.

До сих пор ни один из сражавшихся в этом безмолвном поединке не шевельнул даже пальцем, не дрогнул мускулом. Но когда мощная, почти осязаемая ментальная сила воина-священника начала уничтожать Обитающего в Тумане, тот издал ужасный вопль, какой-то мяукающий звук, похожий на резкий звон оборвавшейся гитарной струны. Вампир отчаянно бился за свое существование, однако его усилия были напрасны: он еще жил, еще боролся, но был уже обречен.

Блокируя попытки призрака собраться с силами, Иеро всей мощью своей тренированной воли безжалостно сдав-

ливал его сознание, сжимал все сильнее и сильнее. Он напрягся в последнем страшном усилии — и неожиданно обнаружил, что воля врага сломлена. Тогда, глубоко вздохнув, священник нанес сокрушительный удар, остановивший все жизненные процессы в мозгу вампира. Последний раз ужасный визг прозвучал над болотной топью — предсмертный крик существа, никогда раньше не издававшего ни звука.

Затем — мгновенное разрежение воздуха, вакуум, беззвучный взрыв — и ничего более. Только посвист ночного ветра в верхушках тростников, писк насекомых и резкие трели лягушечьих голосов.

Черное судно по-прежнему стояло, приткнувшись к топкому берегу, прямо перед Иеро, но фигура в плаще с капюшоном больше не маячила на носу. Куча бесцветного тряпья свешивалась с планшира, из одежды медленно капала какая-то маслянистая субстанция, покрывая отвратительными пятнами освещенную луной поверхность воды. Мерзким зловонием тянуло от этой одежды; по сравнению с ним аммиачный запах болотных газов казался благоуханным.

Задыхаясь от вони, Иеро направился к черной ладье и с силой оттолкнул ее от берега. К его изумлению, суденышко не заскользило в направлении толчка, а двинулось обратно точно тем же маршрутом, которым пришло к берегу. Туман рассеялся, и в лунном свете он ясно различал черную тень, скользившую по воде к соседнему островку. Наконец лишенное своего страшного пассажира судно завернуло за остров и исчезло. С ним вместе исчезла последняя тайна Обитающего в Тумане.

Священник устало взглянул на полную луну, сиявшую над болотом. Ему казалось, что невероятная борьба, длившаяся не менее трех часов, заняла всего несколько мгновений. Однако он помнил, что в начале схватки небо на западе еще освещали лучи заходившего солнца; теперь же положение луны показывало, что время приближалось к десяти.

Он повернулся, взглянул на своих спутников, и впервые за последние часы на его изможденном лице появилась

улыбка. Спящий медведь, облепленный тучей москитов, тихонько повизгивал, его шкура мелко дрожала. Клоц тоже спал, и его могучий храп и фырканье иногда перекрывали визг медведя. Вне всякого сомнения, оба были живы и невредимы, хотя вряд ли им снились приятные сны.

Иеро произнес краткую благодарственную молитву. Он был еще слишком слаб; нервная энергия, израсходованная на борьбу с болотным монстром, восстанавливалась медленно. Он чувствовал себя так, словно скакал галопом целые сутки, не слезая с седла.

Но промедление было смерти подобно. Каким образом этот обитатель болотных туманов смог их найти? Эта загадка казалась сейчас неразрешимой, но, так или иначе, монстр сумел добраться до них! И он получил откуда-то помощь! Это Иеро успел прочитать в сознании гибнущей твари в последний миг, когда послал ее обратно в темную утробу Смерти, породившей вампира. И это не было связано с летательным аппаратом; путников выследили каким-то иным путем. Им надо двигаться — и немедленно, пока новые силы не брошены в погоню. Если вампир сумел найти их, то это же могли сделать и другие. Надо подумать, каким образом Нечистый обнаружил их след... но не сейчас, позже...

Его забавляло новое чувство уверенности в своих силах, питавшееся воспоминаниями о двух последних поединках. Они помогли ему осознать собственную телепатическую мощь. Внезапно Иеро понял — не удивившись даже, каким путем пришло к нему это знание,— что аббату Демеро и другим членам Совета было бы непросто справиться с ним в ментальном поединке. Он сердито отогнал грешные мысли, считая их недостойными, но они не исчезли, оттесненные в глубины сознания.

В школе аббатства его обучили, по сути дела, начальным приемам ментального искусства; в действительности же телепатическая сила росла в геометрической прогрессии в зависимости от того, как часто и как успешно ее использовали. Две схватки, которые Иеро выиграл, даже

при содействии медведя в первом случае, привели к такому усилению мощи его тренированного мозга, которое он даже не мог себе вообразить.

Священник снова повернулся к своим спутникам и, послав сильный ментальный импульс, разбудил их.

Медведь чихнул, втянул носом влажный ночной воздух и сообщил: «Ты сражался. Я чувствую. Это в воздухе. Но нет крови и мы (никто из нас) не ранены. Был враг, который сражался мысленно?»

В очередной раз удивленный чуткостью медведя, Иеро кратко поведал ему о нападении Обитающего в Тумане и об одержанной победе.

«Хорошо,— последовал ответ,— это очень хорошо. Но ты утомлен, и сильно! Утомлен и встревожен (как) враг нашел нас. Пойдем. Пойдем немедленно. Мы можем поесть позже!»

Большой лорс обнюхал хозяина и с отвращением сморщил губы, будто обнаружив какой-то неприятный запах, исходивший от покрытой болотной грязью кожи человека. Иеро оседлал его, попутно оторвав нескольких огромных пиявок, присосавшихся к ногам лорса. Прошло не более десяти минут, и они снова двинулись в дорогу под ярким светом луны.

Ночное путешествие протекало спокойно. Единственным событием была внезапная встреча с довольно крупной водяной змеей, попытавшейся укусить Клоца. Он раздавил ее копытом.

На рассвете путники разбили лагерь — как обычно, выбрав для него скрытное место в зарослях. Здесь уже рос не тростник, а густой высокий кустарник с темно-зелеными листьями, похожими на листья лавра. Иеро решил, что появление этой растительности, а также более твердая почва, по которой они двигались последние два-три часа, означают, что их странствие по болоту близится к концу. Нарубив тонких ветвей, он приготовил себе ложе и устало опустился на него. Он слышал, как лорс медленно пережевывает ветки, как тихо сопит во сне Горм; издалека до

него доносился смутный гул множества птичьих голосов. Затем он уснул.

Вечером, когда путешественники поели, священник занялся основной проблемой, над которой размышлял всю прошлую ночь, покачиваясь в высоком седле.

Каким образом вампир обнаружил их? Жидкая грязь, лужи и дождь мгновенно скрывали следы. Если бы враг искал их по слуху, они наверняка почувствовали бы приближение погони. Мог ли летчик, паривший в небе, наблюдать за их маршрутом? Возможно, противник, о котором ученым аббатств известно так мало, обладал умением видеть далеко и различать предметы в темноте? Но после долгих размышлений Иеро отказался от этой мысли. Образы, которые он извлек из памяти погибающего монстра, определенно указывали, что тот сам обнаружил их, но по какому-то следу, который они оставляли. Что это был за след?

Священник продолжал думать об этом, седлая Клоца и собирая свой нехитрый скарб. Он вскочил в седло и двинулся в путь под яркими звездами, неотступно размышляя, где и какая допущена ошибка. Хищники, похожие на огромных норок, просто бежали за ними по ручью, полагаясь на свое отличное обоняние. Или же у них была еще какая-то подсказка? Может ли случиться так, что и хищники, и пилот летательной машины, и подкравшийся в тумане монстр ориентировались по некоему указателю, который если не позволял определить точное положение троицы, то, по крайней мере, выдавал их присутствие в определенном районе?

«Проклятье! — с досадой подумал Иеро.— Они как будто что-то привязали ко мне! Что-то вроде неистребимого сильного запаха, по которому нас сумеет выследить любая тварь!»

Его мысли переместились к Нечистому и к возможностям, которыми тот мог обладать. Внезапно Иеро выругался, на сей раз — возмущенный своим легкомыслием, и тут же приказал остановиться. В этот момент они пересекали

отмель, и священник, не тратя времени даром, спрыгнул на твердый песок, открыл одну из седельных сумок, полез в нее и вытащил то, что искал, под свет яркой луны.

Гнев его был так велик, что руки начали дрожать. Он мрачно усмехнулся при мысли, что имущество мертвого С'нерга навело мстителей на след его убийцы. Бусинка света по-прежнему горела на циферблате похожего на компас прибора, слегка покачиваясь на линии, очерчивающей черный круг. Но Иеро не нуждался более в доказательствах, он *знал*. Чем бы ни являлся этот удивительный прибор — а у него, возможно, имелось несколько назначений,— он был своего рода указателем, сообщавшим, где находится его владелец. Взбешенный собственной глупостью, священник бросил прибор на землю и раздавил его каблуком. Стержня, взятого у С'нерга, он не опасался, так как изучил его возможности, а что касается ножа колдуна, то он был только ножом и ничем больше. Со спокойным сердцем Иеро вновь вскочил в седло и подал спутникам команду двигаться на юг.

...Далеко от него, в месте, недоступном свету солнца и звезд, высокая фигура в остроконечном капюшоне повернулась к панели, густо усеянной разноцветными светящимися лампочками. Заметив, что одна из них погасла, человек пожал плечами; больше здесь ему нечего было делать.

Глава 4

ЛУЧАР

Когда перед восходом солнца путники остановились на дневной привал, стало ясно, что трясины кончаются. Ночью им все чаще встречались полосы песчаного грунта, перемежавшиеся с топкой заболоченной почвой, а огромные бревна, явно занесенные весенним половодьем, показывали, что эту местность временами затопляют воды.

Высокие участки сухого грунта, попадавшиеся навстречу, поддерживали рост крупных деревьев, постепенно сменявших заросли тростника. Остроконечные скалы и крупные валуны, торчавшие из водоемов и проток, казались островами и целыми архипелагами в море грязи. Задержавшись на одном из этих утесов, Иеро бросил взгляд вперед и в предрассветном сумраке увидел несколько больших куполообразных предметов, черневших внизу на песке. Предметы двигались, и их неистовая активность поразила священника, но, присмотревшись, он понял, что натолкнулся на группу снаперов, откладывающих яйца в прогретый солнцем песок. Он спешился и ждал около часа, пока последняя из огромных черепах не скользнула обратно в воду; до следующего сезона их задача воспроизводства потомства была завершена.

Озираясь по сторонам, человек и медведь спустились вниз и разрыли рыхлый песок. В неглубокой яме лежало несколько огромных, золотистого цвета яиц, превосходивших размером ладонь взрослого мужчины. Горм с жадностью проглотил содержимое трех яиц, остальные Иеро сложил в одну из седельных сумок. Затем путники двинулись дальше. Горм, желудок которого был переполнен после сытного обеда, едва поспевал за длинноногим лорсом.

Когда они поднялись на небольшую возвышенность, священник придержал своего скакуна. Перед ним возвышалась гряда темных холмов или невысоких гор, закрывающих горизонт. Эти загадочные возвышенности, неожиданно появившиеся впереди, удивили его; их присутствие в равнинном краю болот и воды казалось необъяснимым. Он решил разбить здесь лагерь, выбрав удобную расщелину в большой скале, которая была недоступна для наблюдения сверху.

Взошло солнце, и Иеро, с нетерпением дожидавшийся рассвета, рассмеялся с радостью и облегчением, заставив медведя с испугом оглянуться на него. «Горы», возникшие перед ним в ночном сумраке, оказались гребнями высоких песчаных дюн, расположенных в миле от их убежища. Они пересекли Великое болото!

За этими дюнами лежало Внутреннее море, огромное, причудливо изрезанное водное пространство, легендарные Великие озера древней Америки. Дорога, тянувшаяся из республики Метс, вела дальше на запад, к шумному портовому городу Намкушу, находившемуся, очевидно, в сотнях миль от места их привала. Что касается ближайших окрестностей, то никому, кроме нескольких неразговорчивых и осторожных торговцев, забредавших иногда в Канду, не было известно, какие города и селения лежат на этих берегах. Люди купеческого сословия были, в основном, язычниками, неприязненно относившимися к аббатствам и к любой твердой государственной власти, кроме их собственного союза свободных торговцев. Они неохотно давали информацию, и, возможно, каждый второй из них являлся шпионом или прямым слугой Нечистого. Однако аббатства были вынуждены вести с ними дела; кроме того, некоторые из торговцев, люди отважные и честные, служили разведчиками и тайными посланниками аббатств, нередко принимая за это страшную смерть.

Слухи, передававшиеся иногда на тысячи миль, и любые сведения, полученные от странствующих торговцев относительно западной, центральной и южной областей Внутреннего моря, были противоречивыми и неточными. Тренированный мозг Иеро легко воскресил эти скудные сведения, внимательно изученные им перед началом странствия.

Множество кораблей плавало в водах Внутреннего моря, от небольших гребных баркасов до трехмачтовых парусных судов. Одни из них принадлежали пиратам, другие промышляли торговлей и перевозкой грузов, но подчас было трудно определить, кто есть кто; подобно легендарным викингам, честный купец мог с одинаковой легкостью ограбить своего партнера или совершить с ним торговую сделку. Словом, честность зависела от обстоятельств.

В глубоких водах, среди бесчисленных островов, можно было изредка наткнуться на странные, таинственные корабли, принадлежащие адептам Нечистого. Здесь также

водились огромные животные, которые обычно предпочитали большие глубины, но время от времени охотились на мелководье, вблизи берегов. Другие, гигантские безымянные чудища, поедали только растительную пищу, но тем не менее были очень опасными, ибо обладали большой силой и легко приходили в ярость.

Наихудшими из так называемых природных опасностей были все-таки самые старые, такие же древние, как само Внутреннее море, образовавшееся, как показывали карты аббатств, из пяти огромных озер. Имелись здесь места, где огонь страшной радиации, следствие последнего катаклизма, все еще отравлял воду и воздух. Пираты, рискуя жизнью, иногда отваживались на грабеж какого-нибудь из Забытых городов, расположенных на морском побережье и обозначенных пять тысяч лет назад как цели первого удара. Некоторые из этих опасных мест стали рассадником болезни; человек, рискнувший проникнуть туда, через некоторое время начинал ощущать тошноту и слабость, причем перед тем, как погибнуть, он передавал этот недуг своим близким и соседям. Обычно те, кто посещал Забытые города, стремились делать это тайно; в противном случае смельчака могли убить жители его же селения или члены пиратской команды его корабля, чтобы воспрепятствовать распространению заразы.

По берегам моря бродили группы кочевников, некоторые из них жили прямо на воде, другие основывали временные лагеря; почти все они без исключения занимались рыболовством. И почти все относились к чужакам недоверчиво и враждебно. Одним словом, Внутреннее море и его окрестности были оживленным и опасным местом, где человека могли прикончить разнообразными способами в течение каждого из двадцати четырех часов — и даже без предварительной подготовки.

Все это пронеслось в голове у Иеро, пока он пристально разглядывал дюны, стараясь представить то, что находилось за ними. Наконец он задремал; лучи солнца падали на его осунувшееся лицо, спутанные волосы и грязную

заскорузлую одежду. Он был похож на бродягу, принадлежащего к самым низким слоям человеческого общества; никто не узнал бы в нем священника-заклинателя, пера Универсальной церкви Канды, одного из лучших учеников аббатств.

Он проснулся вечером. Клоц меланхолично жевал молодые листья и побеги, стоя в тени скалы; рядом нетерпеливо переминался с ноги на ногу молодой медведь. Они быстро перекусили остатками куропатки пятидневной давности и сухарями и пустились в путь. Все трое испытывали чувство облегчения; казалось, тяготы последних дней близятся к концу.

Путники быстро преодолели узкую полосу земли, поросшей кустарником вперемежку с низкими кактусами, и достигли дюн. Песчаные холмы, как прикинул Иеро, возвышались не больше чем на сотню футов. Они поднялись на вершину ближайшей дюны и замерли в восхищении, разглядывая освещенное луной пространство.

Внизу, прямо перед ними, лежал большой залив Внутреннего моря. Не более тысячи шагов отделяло их от длинной узкой прибрежной полосы, покрытой песком и кое-где заваленной принесенными водой стволами деревьев. Прямо за тихим пляжем недвижно стыла освещенная лунным светом вода, простиравшаяся до темного ночного горизонта. Слева и справа в морскую гладь вдавались два мыса, окаймляющих залив; до них было не менее нескольких миль. Ветер стих, и поверхность воды казалась спокойной, как в ванне. Внутреннее море, в котором случались суровые и сильные штормы, сейчас тихо дремало под серебряными лучами луны.

Но море не было безжизненным. На гладком зеркале залива темнели огромные листья водяных лилий, круглых и достигавших пяти ярдов в диаметре. Кое-где над ними нависали гроздья цветов; их запах казался таким сильным, что Иеро без труда различал его даже с большого расстояния. На открытых водных пространствах между огромными листьями шумно плескались какие-то большие темные

тела; иногда они исчезали и вновь выныривали сотней футов дальше. Стадо громадных, похожих на бегемотов животных резвилось на мелководье, в относительной близости от берега; поднимаемые ими небольшие волны покачивали цветущие лилии и иногда набегали на песок пляжа.

Иеро опустился на берег и стал наблюдать за морем, размышляя о том, что купание придется временно отсрочить — хоть темнота искажала размеры, но было ясно, что любой из бегемотов раза в четыре крупнее Клоца. Горм и лорс, шумно фыркая, нюхали воздух, возбужденные ночными запахами и присутствием играющих в воде животных. Иеро велел им лечь, успокоиться и ждать вместе с ним.

Наконец одно огромное создание выбралось из воды и, неуклюже переваливаясь, двинулось по песку. Оно было массивным, с длинным и низким туловищем, опиравшимся на короткие толстые ноги с тремя пальцами. Его голова походила на большой, немного сплюснутый с боков бочонок с довольно длинным рылом, выдававшимся вперед. Неожиданно животное зевнуло, показав сверкнувшие в лунном свете огромные зубы. Вода ручьем сбегала с его широкой спины, мокрая короткая шерсть слегка блестела. Внимательно наблюдавший за ним священник понял, что оно является чем-то средним между свиньей и гиппопотамом; конечно, его размеры значительно превышали те, которые эти животные имели в период до Смерти. Бегемот начал поедать какие-то листья, чьи короткие стебли пробивались через песок. Это мирное занятие так резко контрастировало с его ужасающим видом, что Иеро тихонько рассмеялся.

Очевидно, слабый шорох или запах долетел от путников до гигантского создания; оно стало подозрительно озираться, его короткие уши поднялись торчком. Наконец животное решило, что, если даже скрывающиеся во тьме наблюдатели ничем ему не грозят, безопаснее все-таки удалиться. Оно плюхнулось в воду, подняв тучу брызг, и через несколько минут присоединилось к своим родичам, продолжавшим резвиться среди лилий.

Священник поднялся, надеясь получше разглядеть похожих на бегемотов чудищ, и в этот момент его взгляд уловил нечто, изумившее и испугавшее его.

Над спокойной водой залива пронесся в лунном свете черный силуэт чудовищной рыбы, длинной и тонкой, с остроконечной вытянутой головой, похожей на щуку, которую Иеро мог выловить в любом северном озере. На короткое мгновение он почувствовал себя снова на родине, среди сосновых лесов и холодных прозрачных озер, далеко от берегов теплого южного моря. Затем покачал головой, прогоняя это ощущение; размеры существа, которое он увидел, вернули его к реальности.

— Отец Небесный! — тихо прошептал он. Гигантская тень ударилась о воду с грохотом, подобным шуму падения снаряда, выпущенного из какого-нибудь огромного метателя. Эта рыба могла проглотить любого резвящегося на мелководье бегемота в два приема!

Он в изумлении посмотрел на залив. Небольшая рябь прошла по воде, и крошечные волны набежали на песчаный берег. Казалось, все увиденное просто приснилось ему, но появление левиафана заставило исчезнуть гиппопотамов, словно их никогда и не было.

Иеро подождал несколько минут, но, так как поверхность воды оставалась спокойной, он решил, что крупные водные твари исчезли надолго. Во всяком случае, он не собирался более терпеть грязь, облепившую его тело и одежду за время странствий по болоту.

Оперев приклад метателя о бедро, он погнал своего скакуна по песчаной поверхности дюны. Клоц просто сел на свой широкий круп и съехал вниз, притормаживая вытянутыми передними ногами. Медведь последовал за ним.

На пляже они остановились — внимательные, настороженные, готовые и к бегству, и к сражению. Однако ни острое зрение и чуткий слух, ни великолепное обоняние — ничто не улавливало признаков опасности. Поверхность залива лежала перед ними спокойная и гладкая, как зеркало, и они без промедления направились к воде. Несмотря на раздраженное фырканье большого лорса, хозяин оставил его на страже. Сердитый Клоц топал копытами, ворчал и швырял рогами песок.

Горм осторожно вошел в воду на глубину шести дюймов, улегся на дно и стал перекатываться с боку на бок, пыхтя от наслаждения. Иеро стащил грязную одежду и бросил ее в теплую воду, прижав сверху большим камнем. Он тщательно вычистил свои кожаные сапоги, отскребая грязь ножом, и вымыл их. Покончив с этим, он занялся собственной персоной.

Как и медведь, священник не стал заходить глубоко в воду — пловцом он был великолепным, но сделанные с вершины дюны наблюдения показывали, что глубокие места залива небезопасны. Даже сейчас, плескаясь на мелководье, он оставался все время настороже. Однако никто и ничто не побеспокоило его во время долгого купания и последующей стирки; наконец Иеро вернулся на берег вместе с медведем, шерсть которого так намокла, что он уменьшился в размерах по крайней мере на треть.

Ворча и фыркая, большой лорс устремился в воду, взбивая пену огромными копытами. Грязь пластами отваливалась от его шкуры, постепенно принимавшей свой естественный темно-серый цвет. Закончив купание, лорс принялся поедать стебли водяных растений, бродя по колено в воде около берега.

Тем временем Иеро побрился и даже подровнял свои черные волосы, так что больше они не падали на глаза. Затем он достал из сумки сменную одежду, а выстиранную разложил на камнях для сушки. Облачаясь, он испытывал настоящее блаженство от чистоты своего тела и прикосновения свежего белья. Иеро растер ладонью рубец от раны; она уже не болела; подвижность ноги восстановилась, но шрам немного зудел.

Под мелким береговым песком, намытым за столетия упорной работой прибоя, лежала гранитная плита. Ее выступы, пронзая песчаный слой, формировали причудливые скалы, здесь и там торчавшие из дюн. Среди них, по-

думал священник, можно отыскать укромное место для дневки. Одна из скал особенно приглянулась ему: широкий уступ, нависавший козырьком, прикрывал узкий вход в небольшую пещеру.

Скоро все содержимое сумок и прочее имущество было перенесено туда. Иеро и медведь, расположившись на теплом песке, покрывавшем дно пещерки, храпели в полной гармонии. Клоц, челюсти которого неутомимо перетирали жвачку, стоял рядом; его мощный бок загораживал вход.

Священник проснулся поздним утром, чувствуя себя гораздо лучше, чем неделю назад. Неужели лишь семь дней прошло с тех пор, как он покинул узкую грязную дорогу далеко на севере? Казалось, что пролетели годы...

Прислушавшись, он различил резкие крики птиц и какой-то отдаленный рокот, причину которого установить не мог. Иеро вышел наружу. Свежий теплый ветер дул над огромным озером, его голубая поверхность рябила волнами с белыми шапками пены. Недалеко от песчаного пляжа покачивалась на волнах большая стая лебедей; казалось, внезапно налетевший из Арктики ураган забросал побережье кучками белейшего снега. Два его соратника, полные радостного возбуждения, затеяли веселую возню на песке: маленький медведь, рыча в притворной ярости, нападал на огромного лорса, который отчаянно старался зацепить этот меховой комок своими еще не окрепшими рогами. Когда это ему удавалось, Клоц становился на дыбы и в полном восторге молотил по воздуху передними копытами. Раздосадованный медведь в это время начинал кружить, почти свиваясь в кольцо и пытаясь цапнуть свой собственный короткий хвост.

Эта игра показалась Иеро такой забавной, что на миг он позабыл о возможном наблюдении с воздуха. Однако через минуту священник опомнился, поднял голову и внимательно оглядел залитые солнечным светом небеса. Кроме нескольких пушистых облачков, медленно плывущих по ветру, никакого движения в небе не наблюдалось. Тем не менее он был возмущен легкомыслием своих помощников.

Им, правда, удалось совладать с парой неприятных ситуаций, но стоило помнить, что лишь один дневной переход отделяет их от места, где он уничтожил коварный прибор, так неосмотрительно реквизированный у мертвого колдуна. Иеро подумал, что этот приступ эйфории может привести их всех к гибели с той скоростью, с какой враги нападут на их следы.

Но он не видел никакой опасности и не мог сдержать ребяческого желания обзавестись четырьмя ногами, чтобы присоединиться к игре своих спутников. Продолжая осматривать окружающий ландшафт, он размышлял над планом дальнейших действий. В течение последних четырех дней летательный аппарат, казалось, не появлялся; так почему бы не продолжить путешествие при дневном свете? Путь на восток вдоль морского берега, усеянного скалами, был нелегок даже днем... Пусть будет так, решил он. Пока не появится летающая машина или какая-нибудь другая опасность, они будут двигаться в светлое время суток.

Животные заметили священника и стали прыгать вокруг, осыпая его ливнем песка.

«Молодцы! — с ноткой иронии передал Иеро.— Вы оба отлично меня охраняли! Меня могли съесть, похитить или убить, пока вы тут развлекаетесь!»

Оба проказника знали, что хозяин шутит, и не обратили внимания на его воркотню. Клоц лишь вежливо покивал украшенной огромными рогами головой. Иеро, коснувшись ладонью мягких отростков, почувствовал под тонкой бархатистой кожицей крепнувшие острия.

«Стой! — послал он сигнал.— Стой спокойно, ты, неслух! Дай мне очистить тебя (твои рога) от шелухи».

Лорс наклонил голову и замер неподвижно, пока хозяин ощупывал его рога, проверяя, как сходит с них мягкий покров. Подобно самцам оленей, Клоц отращивал новые рога каждый год, и это не только отнимало у него массу энергии, но делало излишне нервным и раздражительным. Однако ученые аббатств давно отказались от мысли о вы-

ведении безрогой породы лорсов. Рога служили для животных важным орудием защиты; кроме того, излишек энергии, который образовался бы в случае их ликвидации, мог оказаться плохим приобретением.

Иеро осторожно счищал шелушащийся покров там, где сухая кожица легко сходила. И сам он, и Клоц хорошо знали, где следует остановиться. Они не разлучались уже в течение шести сезонов, с тех пор как смешной и неуклюжий годовалый теленок впервые появился в доме Иеро.

Закончив обихаживать Клоца, священник достал маленькое стальное зеркальце, тщательно побрился и нанес на лоб знаки своего сана, почти стершиеся за время странствий по болоту. Сделав это, он упаковал сумки и оседлал своего скакуна.

Вскоре они двинулись на восток вдоль пляжа; человек ехал, покачиваясь в седле, медведь ковылял за ним, увязая в песке и мелкой гальке. Им не пришлось долго ждать признаков возвращения к цивилизации.

Из кучи полусгнивших стволов, палок и сорной травы, нанесенной волнами на берег маленькой бухты, на Иеро пристально уставился пустыми глазницами блестящий человеческий череп. Священник спешился и тщательно его осмотрел. Несколько клочков черной ссохшейся кожи показывали, что череп был не очень старым; в височной части зияла дыра. Он почтительно положил его обратно, осенил останки размашистым крестом и, вскочив в седло, двинулся дальше. Конечно, это могло быть случайностью, но казалось странным полное отсутствие скелета, от которого не нашлось ни единой кости. Что же касается дыры, то она выглядела так, будто что-то или кто-то пробил череп стальным молотом. При этой мысли Иеро снова перекрестился и произнес краткую молитву, испрашивая милости у Всевышнего для несчастного существа, погибшего здесь.

Они немного отдохнули в полдень в тени большого дерева, в котором Иеро признал пальму неизвестного ему вида. Такие деревья он видел раньше лишь на картинках; растущие в Тайге пальмы были гораздо мельче и походили скорей на кустарник. Он решил, что зимы в этих краях, очевидно, не столь суровы, если теплолюбивое дерево может перенести их.

В течение долгого полуденного времени с ними случился лишь один казус — к счастью, завершившийся без печальных последствий. Путники огибали по мелководью крутую скалу, что выдавалась на десяток ярдов в море и закрывала следующий участок побережья. Там, на открытом песке, они неожиданно наткнулись на большого дикого кота, пожиравшего тушу какого-то животного.

Обнажив окровавленные клыки, хищник грозно рыкнул; его желтая с черными пятнами шкура подергивалась от возбуждения. Иеро вдруг решил испытать новое оружие, появившееся в его арсенале: он сосредоточился и нанес телепатический удар.

«Прочь! — приказал он.— Уйди с дороги или будешь уничтожен!»

Зверь скорчился, будто его огрели палкой. Затем, испустив пронзительное мурлыканье, словно кошка, которую шлепнули ладонью, хищник одним прыжком исчез за ближайшей дюной. Собственный успех как громом поразил священника; но через минуту он довольно усмехнулся и пробормотал короткую молитву, испрашивая у Господа сил, чтобы не впасть в грех гордыни.

Снова спешившись, Иеро осмотрел тушу небольшой антилопы. Дикий кот разорвал ей горло и только приступил к трапезе. Это мясо — вполне подходящая пища и для него с Гормом, решил путешественник.

Когда он бросил тушу на спину лорса перед седлом, Клоц даже ухом не повел. Кровь не пугала его; большому лорсу случалось перевозить и более неприятную ношу.

Несколько позже священник, в очередной раз окидывая взглядом море, резко осадил скакуна. Вдали, на фоне сверкающей под солнечными лучами голубой воды, появились два черных треугольника. Иеро наблюдал за судном несколько минут; казалось, оно тоже движется на восток

вдоль берега, но затем паруса начали медленно опускаться за горизонт, и он догадался, что корабль следует курсом на юго-восток.

Двинувшись дальше, он принял решение внимательнее наблюдать за морем. В подзорную трубу с корабельной палубы вполне можно было разглядеть и Клоца, и его всадника на большом расстоянии. Иеро отнюдь не улыбалось закончить жизнь на галерах язычников, прикованным цепью к веслу, как он читал об этом в древних книгах. Кроме того, у слуг Нечистого тоже имелись корабли, и эти удивительные суда появлялись подобно призракам в самых неожиданных частях огромного моря.

Они достигли мыса, на котором торчала темная скала, вдававшаяся в воду, когда до них долетел шум. Прошло уже довольно много времени после полудня, и путники не замечали ничего тревожного. Иеро, обозревая утес, выбирал наиболее безопасную дорогу для обхода скалы; ему казалось, что дно у подножия скального массива лежит на большой глубине. В этот момент в его ушах раздался яростный клекот — чудовищный, десятикратно усиленный эхом птичий крик. Вопль прозвучал снова и снова, а затем Иеро увидел птицу.

Она парила над гребнем остроконечной скалы, и ее крылья, подобные парусам, простирались на добрых тридцать футов. Опускаясь вниз, птица раскрыла свой длинный клюв, загнутый на конце крючком, и снова издала поразивший священника вопль. В ответ откуда-то из-за скалы раздался такой же крик, и Иеро понял, что огромная птица была не одна.

Затем, смешавшись с птичьими воплями, раздался рокот барабана, долгий громоподобный раскат. Когда он оборвался, священник уловил шум множества пронзительных человеческих голосов; крики людей и вопли птиц создавали дикую какофонию. Снова загремел большой барабан, на мгновение заглушив все остальные звуки. Иеро вздрогнул. Кажется, этот рокот он уже слышал сегодня на рассвете!

В это время Клоц, подгоняемый своим хозяином, огибал утес; вода доходила ему до брюха. Медведь, загребая лапами воду, плыл перед ними.

Не только любопытство заставило Иеро двинуться вперед. Он подумал, что, очевидно, гигантские птицы гнездятся где-то у подножия скалы. Вид их крыльев и огромного изогнутого клюва казался достаточно впечатляющим, и священник не имел ни малейшего желания вступать в схватку со стаей птиц подобного размера.

Продвигаясь на расстоянии протянутой руки от гранитного монолита, человек и лорс обогнули скалу и осторожно выглянули за край, пытаясь выяснить, что является причиной странного шума. Медведь тем временем переместился в арьергард маленького отряда, предоставив своим спутникам храбро встретить любую опасность.

Первое, что заметил Иеро,— столб с привязанной к нему девушкой, затем — стаю гигантских птиц и, наконец, последнее — зрителей. Он не сразу обратил внимание на шамана или колдуна, стоявшего у барабанов и окруженного целой шайкой помощников.

Небольшой, изогнутый в форме полукруга пляж спускался к воде. Его участок, противоположный морю, был отгорожен высокой наклонной насыпью из камней и земли, не позволявшей разглядеть лежавшее за ней пространство. Скала, которую обогнул Иеро, и крутой холм, что высился на расстоянии нескольких сотен ярдов, обозначали две другие стены этой арены или своеобразного амфитеатра. С четвертой стороны плескалось море, волны которого лениво лизали белый песок. Маленький пляж был безупречно чистым, и высокий деревянный столб в его центре резко контрастировал с ровной поверхностью песка.

К столбу на длинном кожаном ремне, достигавшем пятидесяти футов, была привязана темнокожая, почти нагая девушка. Клочок ткани, обернутый вокруг талии, являлся ее единственной одеждой; шапка пышных черных волос обрамляла лицо. Один конец ремня был прицеплен к столбу, другой плотно охватывал оба запястья девушки.

Она могла бегать, прыгать, увертываться, падать и вставать, но только в радиусе пятидесяти футов от столба. Она и делала все это; ее тело, уже покрытое испариной и блестевшее, как лакированная древесина, извивалось от безнадежных усилий отсрочить надвигавшуюся гибель.

Чудовищные птицы! Их было не меньше восьми, как показалось Иеро. Похожие на гигантских чаек, но коричневые, а не белые, с хищно загнутыми клювами, они кружили над пленницей, почти задевая ее крыльями. Их лапы имели плавательную перепонку, и, видимо, их главным оружием являлись лишь смертоносные клювы. Но этого хватало, чтобы разделаться с беззащитным человеком. Несмотря на все старания девушки, не приходилось сомневаться, что продержится она недолго. Иеро видел, как пленница зачерпнула песок своими стянутыми ремнем ладонями, швырнув его в глаза налетевшему хищнику, и птица отпрянула в сторону с яростным криком.

Но длинная кровоточащая царапина на спине показывала, что не с каждой атакой девушка справлялась столь же успешно.

Когда огромная чайка метнулась в сторону, люди завопили — громко, пронзительно, насмешливо. Они сидели рядами на насыпи, и каждый ярус прикрывала сверху плетенная из ивовых прутьев крыша. Очевидно, это архитектурное сооружение было создано их усилиями. Что касается крыши, то она предназначалась не для защиты от палящего солнца, а, вероятно, для того, чтобы птицы не смогли облюбовать себе жертву среди самих любителей развлечений.

Они были светлокожими, подобно людям древней расы, которых Иеро видел на картинках в старинных книгах, и многие из них имели волосы каштанового и желтого оттенка. Все, мужчины, женщины и дети, были полуголыми, и все были вооружены — без сомнения, для защиты в случае атаки птиц. Они размахивали мечами, копьями, топорами и хрипло вопили, подбадривая летающих убийц, подобно публике, наблюдающей увлекательное соревнование на одном из стадионов древних времен.

Отдельно на насыпи располагалась группа мужчин в устрашающих масках, увенчанных плюмажами из перьев; рядом с ними стояли огромные барабаны. Эти люди не имели защиты от птиц и, по-видимому, совершенно их не боялись. Пока Иеро наблюдал за ряженными, они, повинуясь приказу человека с самым высоким плюмажем — очевидно, главного жреца,— согнулись над барабанами, и рокочущий грохот вновь раскатился над побережьем. Прочие зрители снова завопили, и их крики были подхвачены птицами, которые начали снижаться, сужая круги вокруг своей жертвы. Внезапно шум прекратился, и толпа замерла в нетерпеливом ожидании дальнейших событий.

Почти без размышлений Иеро послал Клоца вперед и выхватил метатель. В зубах он зажал две крохотные ракетки, чтобы иметь возможность быстро перезарядить оружие. Когда лорс стремительно выскочил на пляж, священник заметил еще одну группу людей, занимавших места на ближайшей к нему стороне насыпи, которую прежде закрывала от него скала. Это были смуглые мужчины, добротно одетые, с кожаными шляпами на головах и совершенно непохожие на остальную публику. Как и все прочие, они тоже изумленно раскрыли рты при внезапном появлении Иеро.

Птицы, напуганные атакующим лорсом и всадником, которых они приняли за единое существо с рогами, четырьмя ногами и парой рук, вспорхнули в небо — все, кроме одной, которая была так занята девушкой, что больше ничего не замечала. Пытаясь ускользнуть от нее, беглянка резко прыгнула в сторону и упала навзничь на песок. Очевидно, удар был так силен, что пленница почти потеряла сознание. Она медленно ползла по песку, но, когда птица зависла над ней, вытянув голову со страшным клювом, девушка, казалось, почувствовала это, перевернулась на спину и попыталась прикрыть лицо связанными руками.

«Она все еще готова сражаться! — с восхищением подумал Иеро.— Ничего не скажешь, эта девчонка крепко держится за жизнь!»

Он вскинул метатель и прицелился. Долгая практика в обращении со всеми видами оружия сделала это движение почти инстинктивным, но рефлекс «к бою!» срабатывал лишь тогда, когда это было нужно.

Грянул выстрел, и маленький снаряд ударил крылатое чудовище прямо в грудь. Последовала ослепительная вспышка белого пламени; затем на землю упали два больших крыла, уже ничем не соединенных друг с другом, да несколько перьев, кружась, поплыли по ветру. Иеро спрыгнул на песок, одним движением перерезал ремень, которым девушка была привязана к столбу, и перебросил ее легкое тело через переднюю луку седла.

Тем временем ошеломленные любители зрелищ, усеивающие насыпь, пришли в себя и с яростными воплями вскочили на ноги. Священник понял, что следующим номером программы будет обстрел его персоны из всех видов метательного оружия. Вскочив в седло, он ударил Клоца прикладом метателя.

— Вперед, парень! — крикнул он вслух и только тогда заметил, что выронил два снаряда, которые сжимал зубами. Он сунул метатель в кобуру и крепко обхватил девушку за талию левой рукой. К счастью, она то ли была в бессознательном состоянии, то ли являлась очень понятливым созданием — лежала совершенно неподвижно, не мешая своему нежданному спасителю.

Путь же к спасению был только один — по мелководью, в обход дальнего холма, ограничивающего пляж с востока. Клоц ринулся к урезу воды, и в это время первое копье воткнулось в песок за его задними копытами. В следующее мгновение Иеро услышал свист летящих копий, что было гораздо опаснее стрел, одна из которых проткнула левую седельную сумку.

Но основное его внимание было направлено вперед. Главный жрец или шаман с высоким плюмажем, который командовал барабанщиками в масках, покинул насыпь вместе со своей командой и устремился к морю с явным намерением перекрыть дорогу беглецам. Обстрел, к счастью, прекратился; очевидно, орда опасалась попасть в своих.

Шаман бежал впереди шайки ряженых, размахивая длинным мечом; он сбросил маску, и на его бледном узком лице и в блестящих голубых глазах Иеро различил яростный фанатизм. Однако в этом человеке чувствовался незаурядный интеллект, и он не был похож на тупого дикаря. Тем хуже для него, решил Иеро после мгновенного раздумья. Обладая преимуществом в скорости, он мог избежать столкновения, но лучшей стратегией было ослабить и напугать противника.

«Убей его, Клоц!» — послал он мысленную команду, продолжая железной хваткой сжимать безжизненное тело девушки.

Он знал, что его приказ будет исполнен.

Большой лорс повернул чуть влево и помчался так, чтобы пересечь дорогу предводителю врагов. Шаман, опасаясь упустить беглецов, ринулся вперед еще быстрее. С воплем он поднял свой меч — и умер.

Не прерывая стремительного бега, лорс нанес страшный удар передней ногой. Огромное копыто попало жрецу в живот и отбросило его тело, изломанное и залитое кровью, в толпу помощников. Клоц мчался вдоль пляжа, и первые крики ярости и горя долетели до ушей его всадника, когда они уже выехали на мелководье и огибали скалу.

Иеро с радостью увидел, что за ней на несколько миль простирается ровное побережье. Теперь никто, ни двуногое, ни четвероногое создание, не сумел бы их настичь. И священник погнал лорса вперед, намереваясь двигаться до тех пор, пока хватит силы. Единственным препятствием, которое он мог заметить, была маленькая речка, чьи воды сверкали в лучах послеполуденного солнца полумилей дальше. Она не показалась Иеро особенно широкой, и он решил, что только ее середину придется преодолевать вплавь.

Взглянув назад, священник ядовито усмехнулся при виде маленьких фигурок, размахивающих копьями у скалы. Внезапно, будто резкое движение всколыхнуло его память, тревожная мысль мелькнула в голове. Горм! Куда подевался его товарищ и проводник? Может, он погиб? Или попал

в плен? Иеро не успел еще обдумать до конца все возможные версии, как получил ответ от своего скакуна. Это поразило священника; внезапно он почувствовал, что никогда, вероятно, не сможет до конца оценить ум и сообразительность Клоца.

«Мохнатый найдет (нас) по следу/запаху (позднее),— пришел сигнал от лорса.— Он идет (в отдалении) не около воды».

Передав эту весть, лорс погрузился в молчание и еще быстрее помчался по белому песку, устремляясь к быстро приближавшейся реке.

Далекий пронзительный вопль одной из гигантских чаек долетел до Иеро, снова заставив его оглянуться. Он подумал, что шаманы этих дикарей, возможно, умеют телепатически управлять птицами, и тогда скорая погоня и кровавая схватка неизбежны. Он не забыл про одинокий череп на куче плавника с дырой, пробитой в виске; здесь наверняка поработали птичьи клювы. Но для проверки этой гипотезы у него не было времени. Вскоре, к своему облегчению, он заметил, что птицы кружат высоко в небесах; наконец вся стая потянулась в сторону моря.

Внезапно спасенная девушка что-то крикнула, затем разразилась потоком непонятных, но явно сердитых слов; одновременно она начала дрыгать ногами и извиваться, как ящерица. Иеро придержал лорса и огляделся. До реки еще оставалось несколько сотен ярдов, а крошечные фигурки их врагов едва виднелись позади.

— Я уже могу отпустить тебя, женщина,— произнес он вслух, помогая девушке устроиться на спине лорса у передней луки. Он потянулся за ножом, чтобы перерезать ремень, который все еще стягивал запястья пленницы, но первый же внимательный взгляд на нее заставил Иеро замереть в изумлении. Совершенно не смутившись, девушка ответила ему таким же пристальным взглядом.

Она была совершенно не похожа на любую из женщин, которых он видел раньше, но, несмотря на это, показалась ему прелестной. Что-то дикое, неукротимое и одновременно своеобразное и бесконечно пленительное ощущалось в ней. Ее кожа была темнее, чем у него, цвета густого шоколада; ее большие черные глаза были не светлее его собственных. Ее нос имел изящные правильные очертания, темные губы казались непривычно полными. Огромная масса спутанных волос состояла из множества вьющихся локонов, похожих на черную проволоку. Взгляд на ее крепкие небольшие груди привел Иеро к убеждению, что она значительно моложе, чем ему вначале показалось. Женщины метсов прикрывали верхнюю часть тела, но сейчас он инстинктивно почувствовал, что нагота была естественной и привычной для беглянки. Он не сомневался, что даже утрата очень короткой и порядком изношенной юбки не слишком смутила бы ее.

В свою очередь недавняя пленница изучала его бронзовое лицо с орлиным носом и короткими черными усами. Очевидно, осмотр удовлетворил ее; она подняла свои связанные руки и что-то нетерпеливо произнесла на своем непонятном языке. Иеро вытащил нож, перерезал ремень, стягивающий тонкие запястья девушки, и усадил ее лицом в сторону движения. Касаясь ее рук и стройной талии, он чувствовал, что мышцы под бархатистой кожей имеют крепость стали.

Затем священник направил Клоца к реке. По какой-то причине, которую он не мог понять, его мысли обратились к этому не очень внушительному потоку. Казалось, с рекой было связано нечто очень важное, какое-то обстоятельство, которое непременно полагалось вспомнить. Имело ли оно отношение к людям, бесновавшимся позади, в амфитеатре на маленьком пляже? Или это ощущение вины — из-за того, что он рискнул успехом своего предприятия, поддавшись чувству жалости к девушке, которую никогда не видел раньше? Нет, дьявольщина, не то! Проклятье, думай о реке, это как-то связано с рекой!

Предчувствие, что так мучило его, превратилось в ясную и четкую мысль с некоторым опозданием. Они уже достигли реки, и священник увидел длинное каноэ, пере-

секавшее мутный поток под ударами дюжины весел. Когда белокожие гребцы заметили их, свирепые крики огласили окрестность и весла заработали еще быстрее.

Конечно же — деревня или временный лагерь! Укрытый от налета с моря, поселок должен лежать у реки, коль не встретился раньше! Там, на пляже, Иеро почти догадался об этом. Среди зрителей было множество женщин и детей; значит, поселок где-то неподалеку, иначе они не смогли бы дойти сюда. Вероятно, сообщение о случившемся передали в лагерь с помощью примитивной, но действенной телепатической связи. Это искусство было известно не только в Канде; им, хотя и в меньшей степени, владели все народы континента. Очевидно, у этого племени белых дикарей были неплохие шаманы.

Пока эти мысли проносились у Иеро в голове, он лихорадочно заряжал метатель, одновременно посылая Клоца в воду. Если они попадут в ловушку на берегу... Нет, это не годится! Лучше рискнуть и войти в реку. Поток был не больше нескольких ярдов шириной; за ним простирался ровный и заманчиво пустой пляж.

Сидевшая перед ним девушка, не говоря ни слова, потянулась назад и вытащила копье, притороченное к седлу. Непроизвольное высокомерие этого жеста заставило Иеро усмехнуться. Она, похоже, была весьма упорным созданием — и не робким!

С метателем его постигла неудача. Он долго целился, но, когда Клоц шагнул в воду, от толчка случайно надавил на спусковой крючок. Выстрел был безнадежно испорчен, ракета ушла в сторону. Времени перезарядить карабин не было, каноэ слишком приблизилось к ним. Его острый нос плясал уже в нескольких ярдах от лорса, энергично плывущего к противоположному берегу.

Но экипаж этой лодки никогда не видел северного зверя и не имел представления об опасности, которой грозил им союз опытного киллмена с могучим животным. Обхватив обеими руками девушку, Иеро крепко сжал ногами лорсиные бока и приказал Клоцу нырнуть.

«Вниз, парень, вниз! — послал он мысленную команду.— Двигайся под ними!»

Опускаясь вместе со своим скакуном под воду, он видел ошеломленные лица гребцов; некоторые из них уже отложили весла и взялись за оружие, изготовившись к схватке.

Клоц, вследствие своей ловкости или удачи — с этим Иеро никогда не смог бы до конца разобраться,— беспрепятственно шел по речному дну, ступая осторожно, но уверенно. Священник, закрыв глаза, согнулся над своим неожиданным призом, защищая девушку от удара сверху. Он почувствовал, как каноэ скользнуло над ним, задев спину. В следующий момент лодка наткнулась на круп Клоца, который не собирался разводить лишние церемонии. Слегка присев на задние ноги, он мощным толчком послал суденышко вверх.

Когда два полузадохнувшихся человека и лорс явились из-под воды на свет дня, каноэ, подброшенное в воздух, развалилось, раскидав свой бравый экипаж в разных направлениях. Эти люди умели плавать, и Иеро с облегчением заметил, что на этот раз дело, кажется, обойдется без смертельного исхода. Священник умел быть безжалостным к врагам аббатств, но ему претило убивать людей, чьей единственной виной являлось невежество.

Лорс нес своих всадников среди бессильных угроз и невнятных воплей, заглушаемых плеском воды. Они достигли восточного берега, и Иеро, насмешливо прищурив глаза, помахал рукой барахтающимся в воде врагам.

В косых лучах заходящего солнца перед всадниками неслись их гигантские тени. Иеро отпустил девушку, и она, слегка согнув ноги, сидела прямо перед ним. Длинная царапина на ее плече и спине начала кровоточить, и мили через две священник велел лорсу остановиться. Спрыгнув на землю, он усмехнулся, увидев, что девушка все еще сжимает копье.

— Хм... Пожалуй, ты можешь положить его обратно,— сказал он, указывая на петлю под седлом, в которой закреплялось оружие. Она что-то пробормотала, огляделась

вокруг, кивнула головой, не обнаружив опасности, и, вставив древко копья в петлю, соскочила вниз.

Девушка с любопытством наблюдала за тем, как Иеро достает мешочек с медицинскими принадлежностями, и послушно кивнула, когда он жестом показал, что хочет перевязать ее царапину. Являлось ли это свидетельством доверия или покорности, священник пока не понял. Даже с чудодейственной мазью, которой его снабдили врачи аббатств, обработка раны была неприятным процессом, но девушка не издала ни звука. Наконец он забинтовал ссадину и снова посадил ее на спину лорса. Укладывая обратно мешочек с лекарствами, он заметил, что девушка прильнула к длинной шее Клоца и легонько почесывает его за ушами, что лорс очень любил. Теперь Иеро без колебания был готов дать ей самый высокий балл за умение обращаться с животными.

Поднявшись в седло, он по привычке оглянулся назад, но погони не заметил. Над пляжем вздымались лишь покатые силуэты дюн с торчащими кое-где скалами. Никакого движения, ни шороха, ни подозрительного запаха — только тихий плеск волн и шипение пены на белом песке.

Был поздний вечер, низкие облака багровели на западе, освещенные последними лучами солнца. Настало время выбирать место для лагеря, но они проехали только несколько миль, а Иеро не без оснований считал, что дикари умеют выслеживать добычу. Убийство шамана могло привести их в такую ярость, что они начнут упорное преследование, дабы отомстить за его смерть. Девушка, однако, нуждалась в пище и хорошем отдыхе. Она казалась крепкой и сильной, но то, что ей пришлось вынести в этот день, было свыше человеческих сил. Священник тоже чувствовал усталость, хотя на его долю выпало значительно меньше утомительных приключений.

После часа езды почти в полной темноте впереди замаячила вода. Было невозможно установить, насколько широким являлся поток, и переплывать его во тьме показалось Иеро рискованным. Он повернул лорса, и путники

поехали вдоль этой реки или ручья вверх по течению. Их движение поневоле замедлилось, так как берег зарос кактусами, соснами и кустарником. Пристально всматриваясь в поросший деревьями прибрежный откос, Иеро заметил слева темный холмик. Приказав Клоцу двигаться в этом направлении, он с удивлением обнаружил, что «холмик» является необычным круглым кустарником или низким деревом, около сорока футов в высоту, с толстым центральным стволом. Его ветви простирались низко над землей и образовывали плотный естественный шатер, нависая над пространством диаметром в несколько ярдов.

Расседлав лорса и велев бдительно нести охрану, Иеро отправил его кормиться. На сей раз он решил рискнуть и развел крохотный костер. Когда вспыхнувшее пламя осветило их убежище, ему вдруг подумалось, что нет никакой нужды разжигать огонь; он просто хотел увидеть лицо девушки. Это открытие вызвало у него досаду.

Она сидела спокойно, обхватив колени тонкими руками, пока Иеро распаковывал сумки. Когда он протягивал ей еду или воду во фляге, она молчаливо принимала все это, не делая попыток заговорить. Закончив короткий ужин, девушка стряхнула крошки с коленей и уставилась в огонь, спокойная и безразличная. Очевидно, пришло время попытаться наладить контакт.

Для этого было четыре возможности. Вскоре выяснилось, что она не понимает метсианского языка, наречия западных иннейцев и ничего не ведает о языке знаков. Но когда Иеро испробовал батви, жаргон купцов и торговцев, она впервые улыбнулась и ответила. У нее был непривычный акцент, и произношение многих слов звучало для метса странно. Но Иеро догадывался, что если сам он пришел с одного конца длинной торговой дороги, то ее родина, скорее всего, была на другом, за тысячи миль от лесов Канды.

— Откуда ты? — был ее первый вопрос.— Твое лицо похоже на лица торговцев невольниками, продавших меня бледнокожим дикарям, но ты ездишь на чудесном живот-

ном, которое умеет сражаться, и ты спас меня от этих варваров. Но почему? Ты ведь ничем мне не обязан!

— Вначале я хотел бы кое-что узнать о тебе,— прервал ее Иеро.— Как твое имя, девушка, кто ты такая и каким образом появилась в здешних краях?

— Я — Лучар,— промолвила она. Ее голос был высоким и тонким, но приятного тембра. Она назвала свое имя с достоинством; я — это я, прозвучало в этом коротком ответе. Так мог говорить лишь человек, обладающий чувством самоуважения. Иеро это понравилось, как нравилось многое в странной девушке, но данный факт он решил сохранить про себя.

— Прекрасно, Лучар,— произнес он,— нет никаких сомнений, что у тебя красивое имя. Но что ты скажешь относительно других моих вопросов? А также о том, что я могу сделать для тебя? — добавил священник.

— Я убежала из дома...— Ее голос, как и лицо, был сейчас спокойным, лишенным какой-либо эмоциональной окраски; казалось, она просто констатирует факт, не более того. Однако Иеро заметил, что девушка внимательно наблюдает за ним и что глаза ее блеснули в свете костра.— Моя родина далеко, очень далеко от этого моря, я думаю, вон там! — И она уверенно показала на северо-запад, в направлении хвойного океана Тайга.

— А я думаю, что ты шутишь,— сухо заявил священник,— потому что сам пришел оттуда. И я никогда не слышал, чтобы в наших краях жили похожие на тебя люди. Но не надо мучиться с географией,— добавил он, пытаясь смягчить свой резкий тон,— это неважно. Лучше расскажи мне о своей стране. Она похожа на эту? Какой народ населяет ее? Ты назвала этих бледнокожих варварами. Странное слово в устах девушки-рабыни!

Им было не просто говорить друг с другом. То и дело приходилось уточнять некоторые слова, которые они понимали по-разному, догадываться о смысле неизвестных выражений и учитывать различия в произношении. Но они оба обладали острым умом и быстро нашли общий язык.

С каждой минутой, с каждой произнесенной фразой они понимали друг друга все лучше и лучше.

— Мой народ силен и могуществен,— сказала девушка твердо.— Наши люди живут в каменных городах, а не в грязных хижинах из шкур и ветвей. Они — великие воины, и даже большой рогатый зверь не смог бы спасти тебя, как он это сделал днем на реке, если бы тебе пришлось сражаться с нашими мужчинами.

«Только женщина,— подумал Иеро с горечью,— может приписать Клоцу наш успех».

Он покачал головой и произнес вслух:

— Ну, ладно, твой народ велик и силен. Но ты-то здесь ради чего? Я полагаю, ты проделала долгий путь, пока добиралась в эти места из своей страны.

— Мне хочется,— заявила она,— чтобы ты первым рассказал, кто ты такой и откуда явился к этому морю. И что-то я не расслышала твоих титулов... Какое положение ты занимаешь в своей стране? Благородный ли ты человек или низкорожденный?

— Я — пер Иеро Дистин, киллмен и священник-заклинатель Универсальной церкви. И я не вижу причин, почему голую девчонку-рабыню могут интересовать мое положение и титулы. Я — человек, который спас тебя от очень неприятной смерти! Разве этого не достаточно? — Он сердито сверкнул глазами, но его слова не произвели на Лучар никакого впечатления.

— Твоя церковь не может быть универсальной,— сказала она спокойно,— ведь я ничего не слышала о ней. Этому не приходится удивляться, сэр священник, так как истинная церковь существует только в моей стране. И если бы у нас кто-нибудь, похожий на тебя, с такой вот дурацкой раскраской на лице, заявил, что является священником, то без промедления отправился бы в дом умалишенных. Должна еще сказать,— продолжала она спокойным лекторским тоном,— что я не всегда была девчонкой-рабыней, и любой благородный человек, обладающий приличными манерами, мог бы это заметить.

Несмотря на привитую в школе аббатства выдержку и умение общаться с людьми, эта речь привела Иеро в некоторое замешательство.

— Приношу свои извинения вашей светлости,— кисло заметил он.— Я полагаю, вы были принцессой в вашем могущественном королевстве, обрученной с недостойным поклонником, и вы предпочли сбежать из дома, нежели выйти за него замуж. Я верно излагаю суть дела?

Лучар уставилась на него, открыв рот.

— Откуда ты узнал все это? Может быть, ты шпион моего отца или Эфраима, посланный, чтобы вернуть меня обратно?

В свою очередь Иеро в недоумении уставился на нее, после чего расхохотался самым неприличным образом.

— Боже мой,— воскликнул он сквозь смех,— эти фантазии можно извлечь из головы любой девчонки, наслушавшейся древних сказок! Давай прекратим тратить время на эти бредни, согласна? Я желаю получить ответы на свои вопросы. И должен предупредить, что у меня есть свои способы для получения правдивых ответов, если только деликатное воспитание и манеры, которыми ты хвастаешь, плюс некоторая благодарность за спасение не доставят их добровольно. Теперь начинай рассказывать! Из какого места ты явилась? Если ты в самом деле не знаешь, где твоя страна, то скажи мне хотя бы, как она называется? И каким образом ты очутилась здесь?

Девушка мрачно посмотрела на него, ее глаза сузились, как будто в задумчивости. Затем лицо ее прояснилось, она приняла решение и заговорила мягко и смущенно:

— Прости, пер Иеро, я не хотела грубить тебе. Очевидно, я так долго была важной персоной, что мне очень трудно снова стать обычным человеком. Думаю, что моя страна лежит где-то на юге — только, видишь ли, теперь я не знаю, где этот юг. Я действительно жила в городе, и этот дикий берег, скалы и болота — совсем не то, к чему я привыкла. О да, моя страна называется Д'Алви и лежит на побережье соленого моря Лантик. Что еще ты хочешь знать?

— Ну,— произнес Иеро с улыбкой,— это уже значительно лучше. Должен заметить, что я вовсе не такой дрянной человек, как тебе могло показаться. Только запомни, девочка, что я люблю правдивую речь, а потому оставь свои фантастические истории для детишек, и мы будем друзьями. Расскажи теперь, как ты оказалась в том довольно неприятном положении, в котором я тебя застал.

Пока крошечное пламя костра плясало на тонких ветках, Лучар поведала ему свою историю. Хотя Иеро поверил ей не больше чем наполовину, и этого было достаточно, чтобы приковать его внимание.

Судя по ее рассказу, она действительно пришла с далекого юго-востока — оттуда, куда направлялся он сам. Это заставило его с особым вниманием ловить каждое ее слово, каждую фразу.

Ее страна была землей каменных городов и тропических лесов, гигантские деревья которых достигали небес. Еще это была земля постоянных сражений, крови и смерти, земля огромных зверей и воинственных людей. Церковь и духовенство, насколько он понял, как и аббатства, проповедовали мир, терпимость и сотрудничество, но священники не имели возможности прекратить войны между различными городами и государствами. Их социальная структура включала несколько слоев — касты благородных дворян, купцов, ремесленников, крепостных крестьян; во главе стояли самодержавные властители. Государства обладали армиями, настолько крупными, насколько позволяла их экономика, основанная на налогах, взыскиваемых с крестьян.

Иеро засыпал девушку градом вопросов:

— Умеют ли ваши люди читать и писать? Есть ли у вас старые книги о прошлом? Знаешь ли ты о Смерти?

Конечно, они умели читать и писать, отвечала она. По крайней мере, духовенство и многие из сословия дворян. Бедняки были заняты тяжелым трудом и, кроме некоторых, посещавших церковные школы, не учились ничему. Купцы знали простейшие арифметические действия. Что

еще его интересует? О Смерти, конечно, помнили все. Но книги древних лет были запретными для населения, кроме, возможно, духовенства. Она сама никогда не видела ни одной, хотя слышала об их существовании. Каждый, кто нашел такую книгу, должен был сдать ее властям под угрозой смерти.

— Великий Бог! — воскликнул пораженный священник.— Если все, о чем ты говоришь,— правда, то ваш народ собрал весь социальный утиль прошлого в его наихудшем виде. Я знаю, что некоторые племена, живущие здесь, у Внутреннего моря, имеют рабов и занимаются разбоем, и я думал, что они, вероятно, наиболее отсталый народ из всех известных нам. Но ни в республике, ни в союзе Атви ничего не слышали о вашей стране. Королевства, крепостные крестьяне, беспрерывные войны, армии и почти поголовная неграмотность! Если твоя страна в чем и нуждается, так это в хорошей социальной чистке!

Его непритворное негодование было встречено молчанием девушки; в гневе она закусила полную нижнюю губку, кровь прилила к ее темным щекам. Однако глупое упрямство не было свойственно Лучар; она уже понимала, что ее странный спаситель является человеком умным и, главное, образованным. И она почувствовала, впервые за всю свою жизнь, что ее далекая родина отнюдь не является совершенством.

— Извини меня,— отрывисто произнес Иеро,— я слишком резко отозвался о твоей стране. Но я никогда не слышал о чем-либо подобном. Возможно, Д'Алви — очень приятное место или, во всяком случае, интересное. Давай теперь перейдем к твоей собственной истории. Мне хотелось бы услышать, как ты очутилась здесь, так далеко от Лантического моря. Я знаю, какой длинный путь ведет туда, ведь моя дорога с севера была не меньшей.

— Ну,— начала она несколько неуверенно,— я убежала... убежала от моего хозяина... Я была его рабыней, и он жестоко относился ко мне... Я говорю правду,— прошептала она, и ее темные глаза наполнились слезами.

— Хорошо, девочка, я верю тебе. Продолжай. Когда это случилось?

Лучар бежала больше года назад. Первое время ей было очень тяжело, она воровала жалкую пищу из крестьянских лачуг и почти все время оставалась полуголодной. У нее случались опасные встречи с дикими зверями; немного удачи и огромная жизнестойкость помогли ей избежать гибели. Вскоре она раздобыла оружие, украв копье и нож. Так она жила несколько месяцев на границе между обитаемыми землями и великими джунглями, пока однажды не сломала лодыжку, упав с дерева. Она ждала неминуемой смерти, если какой-либо хищник обнаружит ее; но, на счастье Лучар, первым нашел ее эливенер.

— Ты тоже знаешь о них? — с изумлением спросил Иеро.— Я не представляю, как они могли забраться в такую даль! Что делают эти люди в вашей стране? Доверяет ли им ваш народ?

Он был очень возбужден; здесь, несомненно, имелась тонкая связующая нить между их странами, разделенными лесами, горами и морями, а также несходством обычаев и жизненного уклада.

Эливенеры, последователи так называемой Одиннадцатой заповеди, о которой ничего не говорилось в святых христианских книгах, были братством странников, созданным, возможно, еще в период до Смерти. Они носили простые коричневые хламиды, являлись строгими вегетарианцами и не имели никакого оружия, кроме деревянного посоха и небольшого ножа. Они редко собирались группами и обычно странствовали в одиночестве. Они передвигались с места на место, никому не доставляя беспокойства и не причиняя вреда. Иногда они выполняли за пропитание какую-нибудь работу — обучали детей или пасли стада. Они были хорошими врачами, всегда готовыми оказать помощь больному или раненому. Они ненавидели Нечистого, но не предпринимали никаких активных действий против него, если только не подвергались непосредственной угрозе. Наконец, они обладали странной властью над живот-

ными, и даже лемуты обычно сторонились их. Никто не знал, где расположены их центры и имеются ли они вообще, какими путями пополняется их братство. Они казались далекими от политики, но многие видные метсы, члены Ассамблеи и даже Совета аббатств, не испытывали к ним доверия и не любили их. Когда же таких людей спрашивали о причинах их неприязни к эливенерам, ответ бывал очень неопределенным — наверное, они что-то высматривают или замышляют. Очевидно, они не были христианами, а если и были, то умели хорошо это скрывать. Они исповедовали пантеизм, жили и действовали в соответствии с древней заповедью, ставшей их лозунгом: «Да не уничтожишь ты ни Земли, ни всякой жизни на ней».

Иеро нравились эти вечные скитальцы. Члены братства, которых он не раз встречал, казались ему порядочными, здравомыслящими людьми, во многих отношениях гораздо более достойными, чем некоторые лидеры его собственной страны. И он знал, что аббат Демеро любил их и, что было еще важнее, относился к ним с доверием.

Священник слегка откинулся назад, распрямляя затекшую спину и собираясь продолжить свои расспросы. Вдруг Лучар с криком метнулась над погасшим костром к стволу дерева, где лежало оружие, и, споткнувшись, упала прямо на грудь Иеро, повалив его навзничь.

Глава 5

НА ВОСТОК

— Взгляни! — визжала она.— Позади тебя чудовище! Я вижу его! Черное, с длинными клыками! Вставай и защищайся, быстро!

Прошло уже три недели с тех пор, как он последний раз видел женщину, размышлял Иеро, крепко сжимая ее горячее сильное тело и не делая никаких попыток двинуться с места. От девушки исходил свежий пряный аромат и

еще какой-то едва уловимый запах, ассоциировавшийся с чем-то диким, свободным, непокорным.

— Это мой медведь, глупышка,— нежно произнес он.— Не бойся, он не причинит тебе вреда.

Пока он говорил, его губы, прижимавшиеся к густым душистым волосам Лучар, осторожно скользнули к нежной шее. Иеро обнаружил Горма уже минут десять назад и передал ему мысленный приказ оставаться снаружи их убежища под древесной кроной. Очевидно, любопытному и общительному медведю захотелось поглядеть на нового человека.

Девушка резко оттолкнула Иеро, вскочила на ноги и гневно уставилась в его смеющиеся глаза.

— Эй! Значит, правда то, что все говорят о священниках? Компания трусливых лодырей, мастеров задирать женские юбки! Брось свои лукавые мысли, святой отец! Я могу защитить себя, и я это сделаю!

Иеро сел и стряхнул чешуйки коры и сухие листья со своей куртки. Затем он подбросил несколько веточек в костер; вспыхнул огонь, осветивший его меднокожее лицо и высокие скулы.

— Послушай, юная леди,— сказал он спокойно,— давай обсудим это дело прямо. Я не люблю ходить вокруг да около. Возможно, в вашей стране другие законы, но священники аббатств Канды не дают обета безбрачия. Я — здоровый нормальный человек, и в моем возрасте большинство священников женаты, а кое-кто даже дважды. Однако у нас очень строгие правила, карающие насилие над женщиной и любые подобные проступки. Я также не имею привычки заниматься любовью с детьми, а тебе, я полагаю, не больше пятнадцати? Не так ли? — Читая ей эту нотацию, он поглаживал Горма, который положил свою голову на колени человеку, всматриваясь маленькими, насмешливо блестящими глазками в стоявшую напротив девушку.

— Мне семнадцать, почти восемнадцать,— заявила она с независимым видом,— и я прекрасно знаю, что священники не должны иметь дел с женщинами; по крайней ме-

ре, в моей стране это так. Кто когда-нибудь слышал о женатом священнике? — В ее голосе уже слышались извиняющиеся нотки.— Прости мои резкие слова, пер Иеро. Я испугалась... Ты ничего не говорил об этом твоем новом звере. И как ты узнал, что он уже здесь? Я ничего не слышала, хотя не жалуюсь на слух.

— Принимаю твои извинения,— сказал священник.— А сейчас я ненадолго прерву твою историю, чтобы сообщить кое-какие важные вещи, так как мы, очевидно, будем путешествовать вместе. Да, вместе — пока я не решу, что с тобой делать. Скажи, умеет ли кто-нибудь в твоей стране говорить с такими существами? — Он похлопал косматую голову медведя, лежавшую у него на коленях.— Я имею в виду, передавать свои мысли, не пользуясь голосом,— так, чтобы другой человек или животное понимали его?

Лучар присела, от удивления вскинув тонкие руки, ее губы дрогнули, темная кожа посерела.

— Говорят, что Нечистый и его злобные чудовища умеют делать такое,— медленно произнесла она.— И еще говорят, что Нечистый правит колдунами, мерзкими людьми, которые тоже обладают этой силой. Старый добрый священник, учивший меня, утверждал, что сила мысли не обязательно связана со злом, но на самом деле только Нечистый и его дьяволы знают, как пользоваться ею.— Глаза девушки загорелись огнем.

— О, теперь я понимаю! Ты узнал, что явился твой зверь, связавшись с ним мысленно! Но ты же не один из...— Тут ее голос упал до шепота, а глаза подозрительно блеснули; возможно, она заподозрила, что очутилась во власти злого колдуна, ночного кошмара ее детства.

Иеро успокаивающе улыбнулся девушке:

— Нечистый? Нет, Лучар, я не имею к нему отношения. И Горм тоже.— Он перешел на мысленную связь: «Горм, подойди медленно к ней и положи голову на колени. Она никогда не видела медведя и не умеет передавать мысли. Мы постараемся ее этому научить».

Девушка застыла, словно статуэтка из темного дерева, когда маленький медведь направился к ней и сделал то,

что велел Иеро. Но вот длинный тонкий язык нежно лизнул ее руку, и Лучар немного оттаяла.

— Ты... ты сказал ему, чтобы он сделал это? — Потрясенная, она шептала срывающимся голосом.— Ты действительно можешь говорить с ним — так же, как со мной?

— Не с такой легкостью, конечно. Но он очень умен... пока я даже не могу себе представить, насколько. Как и ты, он совсем недавно путешествует со мной, не более недели. А вот Клоц, мой лорс-бездельник, уже много лет со мной. Я могу легко говорить с ним, но он не такой сообразительный, как Горм. Знаешь, девочка, этот медведь временами даже подшучивает надо мной... Когда я думаю, что выяснил пределы его разума, он выкидывает что-то новенькое и снова поражает меня.

— Горм,— сказала она мягко, поглаживая черную голову медведя,— ты будешь моим другом, Горм?

— Он станет твоим другом, не сомневайся,— уверил ее священник.— К тому же он отличный проводник и разведчик. Но сейчас, пожалуйста, помолчи несколько минут. Я хочу узнать, как он очутился здесь. Мы расстались у скалы на побережье, когда я бросился выручать тебя.— Священник замолчал и сконцентрировался на сознании Горма.

Медведь, оказывается, обошел со стороны суши скалистый мыс и пляж с амфитеатром. Горм пытался вступить в мысленный контакт с Иеро в тот момент, когда лорс прикончил шамана, но в сумятице, воцарившейся на пляже, это было безнадежным делом. Медведь, однако, поймал чужие телепатические сигналы, но смысла передаваемого сообщения не уловил.

«Я думаю, это были наши враги, которые пытались заставить тех диких бледнокожих охотиться (напасть) на нас,— передал Иеро.— Но как ты сумел нас найти?»

«Легкая (простая) задача,— пришел ответ.— Вернулся к большой воде — пошел вдоль большой воды — нюхал — нашел след — переплыл через маленькую воду около жилищ людей — снова нашел след — нашел тебя».

Итак, Горм миновал поселок белых дикарей, большинство которых уже возвратились из амфитеатра после неудавшегося развлечения с птицами. Они бродили вокруг, создавая ужасный шум и суматоху.

Понаблюдав немного за жителями селения, Горм обнаружил там огромную стаю злобных собак и поспешил убраться восвояси. Он переплыл маленькую речку и двинулся вдоль побережья на восток, разыскивая следы Клоца. Это удалось ему без большого труда; затем он просто шел по следам лорса, пока не наткнулся на лагерь своих друзей.

Священник решил, что погоня этой ночью маловероятна и что они могут спокойно отдыхать под охраной Клоца и медведя. Он уселся на прежнее место и принялся вновь расспрашивать Лучар.

— Тебя удивило, что меня нашел эливенер? — сказала девушка.— Но почему же? Он выглядел как любой другой человек моего народа, и ему было около пятидесяти лет. Он носил коричневую одежду, очень простую, и держал в руках посох...

— Это интересно,— прервал ее Иеро.— В твоей стране, наверное, все люди имеют такую же темную кожу, как у тебя, курчавые волосы и черные глаза?

— Конечно. Когда я жила там, то только один раз видела белокожих рабов с севера, из мест, где мы сейчас находимся. И все эливенеры, которые встречались мне, были людьми моего народа.

— Вот как! — с задумчивым видом произнес священник, пристально глядя в огонь.— А в моей стране все они выглядят подобно людям моего народа, с бронзовой или красноватой, как у иннейцев, кожей, прямыми черными волосами и высокими скулами. Я думаю, ты можешь рассказать кое-что интересное об эливенерах... кое-что, еще не известное аббатствам... Перед тем как вернуться к своей истории, вспомни, что ты знаешь о них. В наших краях они не носят оружия, учат детей в школах, лечат людей и животных, работают на фермах, не едят мяса и никогда не берут никакой платы, кроме пищи. Они ненавидят Нечистого, но, кажется, не стремятся к столкновению с ним. А чем они занимаются в Д'Алви?

— Тем же самым,— ответила девушка.— Простой народ, ремесленники и крестьяне, относятся к ним с большим уважением, ведь эливенеры лечат бедняков и обучают грамоте детей. Но наша церковь их не любит. Священники подозревают, что они являются безбожниками, такими же, как давиды.

— Кто такие давиды? — с любопытством спросил Иеро.

— О, это странная группа людей, которые занимаются торговлей и называют себя народом Давида. Они живут в нашем большом городе и в других городах на морском побережье. Они не ходят в церковь, не едят многое из обычной пищи и женятся лишь на своих девушках. Но эти люди исправно платят налоги и торгуют честно. Они очень дружны и сражаются как дикие звери, если кто-то пытается обидеть их или оскорбить их религию. У давидов странное отвращение к кресту, и они не признают богом Спасителя Иисуса, принявшего смерть за наши грехи. Когда я еще училась в школе, один из них сказал мне, что их народ — самый древний на Земле. Как такое может быть? Нет, право же, они очень чудные!

— Уф-ф...— выдохнул священник, пытаясь переварить лавину обрушившихся на него сведений. Он отметил мельком брошенное ею замечание «училась в школе». Ого! Факт, достойный, чтобы задуматься над ним! Поразмыслив о таинственных давидах, он сказал:

— Это, должно быть, какая-то странная еретическая секта древних времен, но мы никогда с такой не встречались. Последняя секта в Канде, протестаны, слилась с нашей церковью две тысячи лет тому назад. Теперь все наши люди принадлежат к единой Универсальной церкви. Кажется, в твоей стране на юге много странных пережитков... Но прошу тебя, продолжай свою историю, а я постараюсь больше не прерывать тебя.

Он подбросил сучьев в костер, пламя вспыхнуло, и еле заметный дым поднялся вверх и растаял в плотной дре-

весной кроне. Девушка говорила, и прозаический тон рассказа резко контрастировал с необычностью ее истории. Иеро сам пережил немало странных приключений, но сейчас он был буквально зачарован. Медведь дремал, уткнувшись носом в колени Лучар.

Эливенер, пожилой спокойный человек, наложил лубки на ногу девушки и помог ей перебраться в безопасное укрытие. Затем он исчез и, вернувшись через несколько часов, привел большого быка. Это верховое животное называлось кау и было широко распространено на юге. По словам Лучар, кау немного походил на Клоца, но шкура у него была полосатой и более светлой, а рога — короткими и прямыми.

Эливенер, которого звали Джон, сказал девушке, что попытается отвезти ее в одно из убежищ своего ордена, но место это находилось далеко, и путь туда был труден. Они странствовали много дней, пересекая огромные тропические леса и стараясь не появляться на главных дорогах между враждующими городами-государствами. Крестьяне и лесные жители встречали их приветливо, охотно предоставляя путникам кров и пищу и предупреждая о миграциях стад, появлении лемутов и других опасностях. В свою очередь Джон помогал больным в деревнях и раздавал наборы маленьких резных деревянных букв, с помощью которых дети могли учиться читать и писать. Лучар сказала, что именно просветительская деятельность эливенеров особенно раздражала официальную церковь: ни священники, ни благородное сословие в ее стране не хотели, чтобы крестьяне воспринимали какие-либо новые идеи.

— Кое-кто из наших церковников тоже не любит эливенеров,— заметил Иеро,— хотя в моей стране все умеют читать и писать. Но наши консерваторы с подозрением относятся к ним, считая их соперничающей религиозной группировкой. Мой учитель, аббат Демеро, как-то сказал: они стоят за нашей спиной, и если мы не сделаем как следует свою работу, они помогут нам или же заменят нас. Но прошу тебя, девочка, продолжай.

На исходе третьей недели произошла трагедия. Двигаясь на запад, они уже покинули пределы городов-государств побережья и вышли из зоны окружавших их деревень. Джон сказал девушке, что через неделю они достигнут убежища. Лучар чувствовали себя спокойно, странствуя с эливенером. Опасные звери им почти не встречались, но если какой-нибудь хищник и пытался встать на дороге, то тут же с визгом и фырканьем убегал прочь.

Лучар рассказала, как стадо гигантских змееглавов, властелинов тропического леса, просто расступилось перед кау, пронесшим свой двойной груз по узкому проходу, образованному чудовищными животными. Джон только улыбался в ответ на ее изумленные расспросы.

Иеро подумал про себя, что эливенер, должно быть, обладал великой ментальной мощью. Он чувствовал, как в нем самом начинает зреть, подобно чудесному плоду, такая же огромная сила, вызванная к жизни двумя поединками, которые он выдержал. Он также подумал, что Лучар сообщает факты исключительной важности. Никто раньше не мог представить, насколько разветвленным является сообщество эливенеров и как далеко простираются их связи.

Лучар продолжала свой рассказ.

Они с Джоном ехали по узкой тропинке в джунглях, ничем не отличавшейся от десятка попадавшихся им во время странствий. Внезапно на тропе появился человек; скрестив руки, он стоял неподвижно, загораживая дорогу путникам. В то же мгновение из леса по обе стороны тропинки появились дюжины две лемутов. Отвратительные, похожие на огромных крыс, покрытые шерстью существа с длинными голыми хвостами держали в лапах копья и дубинки. (Люди-крысы, отметил про себя Иеро.) Путники были мгновенно окружены, хотя ни один неприятель не подходил ближе чем на несколько футов.

Лучар была в ужасе, но Джон оставался, как обычно, бесстрастным. Загородивший дорогу человек выглядел бледнокожим, с совершенно лысой головой; капюшон его пла-

ща, откинутый на спину, оставлял открытым лицо с холодными блеклыми глазами. Девушка поняла, что перед ними один из слуг Нечистого, злой колдун, и постаралась не поддаваться страху. Она только закрыла глаза и крепче обхватила сидевшего впереди Джона за плечи. После продолжительного молчания раздался спокойный голос эливенера, говорившего на языке Д'Алви:

— Давай беседовать вслух; нет необходимости пугать этого ребенка. Я предлагаю тебе сделку.

— Какую же сделку ты можешь предложить, поклонник букашек? Вы оба находитесь в моих руках.

— Это правда, о Бродящий во Тьме. Но я могу убить многих твоих слуг и нанести немалый вред тебе самому... как минимум, ты истощишь свои силы в борьбе. Я — Обладающий Властью и думаю, тебе это хорошо известно. Твоя западня устроена с такой осмотрительностью и в таком неожиданном месте...

Трепетавшая девушка услышала резкий голос врага, снова спросившего, что за сделку предлагает ее спутник.

— Отпусти девочку и животное. Если ты сделаешь это, то, клянусь своей душой, я не стану сопротивляться и подчинюсь тебе. Решай быстро, иначе будем сражаться и борьба окажется для тебя нелегкой!

— Что ж, согласен! Пусть будет так. Ты действительно являешься отличной добычей. Нелегко поймать любителя букашек такого ранга; обычно вы предпочитаете отсиживаться в безопасности по углам. Пусть девчонка и зверь убираются, а ты пойдешь с нами.

— В твоих мыслях и делах обман и ложь,— раздался спокойный голос Джона.— Девочка уйдет, и никто из твоей грязной своры не последует за ней, это я легко могу проверить. Я буду ждать здесь в течение часа и только потом пойду с тобой. Таковы условия сделки.

Лучар почти физически ощутила ужасную ярость, охватившую адепта Нечистого, но — как, похоже, и предполагал Джон — колдун согласился на это условие.

Благословив ее спокойным голосом, эливенер подал команду кау на неизвестном языке, и животное немедленно помчалось прочь по тропинке, теперь лишь с одним всадником на спине. Девушка успела бросить последний взгляд на эливенера. Невысокий пожилой человек в коричневой одежде стоял лицом к лицу перед бледным дьяволом и сворой его мерзких помощников. Затем зеленая стена джунглей скрыла их.

Иеро видел, что Лучар едва сдерживает слезы, вспоминая своего друга.

— Он, наверное, был очень хорошим человеком,— медленно произнес священник.— Я встретил одного из этих колдунов, и он был очень похож на человека, которого ты описала. Этот дьявол едва не убил меня; возможно, он сотворил бы со мной что-нибудь похуже смерти. Так бы и случилось, если б не этот толстый увалень, который устроился на твоих коленках.

Как он и рассчитывал, девушка отвлеклась и, заинтересовавшись, позабыла о своем горе. Он коротко рассказал Лучар о схватке со С'нергом, после чего попросил продолжать ее историю.

Бедный кау погиб через несколько дней. Однажды ночью, когда она спала на высоком дереве, какой-то подкравшийся зверь напал на дремавшего внизу быка и растерзал его. Утром она спустилась вниз, сторонясь кровавых останков, на которых уже пировали мелкие хищники, и бросилась бежать, едва сознавая, куда несут ее ноги.

Огромные звери, большинства из которых Лучар никогда прежде не видела, иногда шли по следам беглянки, и несколько раз она была на волосок от смерти. Доведенная до отчаяния, девушка хотела покончить с собой, но то ли прирожденная сила характера, то ли неистребимая тяга к жизни помешали ей сделать это. Она сохранила копье и нож и могла добывать себе пищу. Она высматривала, какие плоды едят птицы и маленькие обезьянки, однако эти опыты не всегда кончались удачей. Дважды Лучар отравилась какими-то ягодами и грибами, хотя птицам они, кажется, не причиняли вреда.

Измученная, в изорванной одежде, близкая к голодной смерти, она услышала однажды человеческие голоса.

Подкравшись поближе, девушка обнаружила лагерь торговцев, смуглых черноволосых людей, немного похожих на Иеро. Несколько фургонов и повозок стояли посреди большой поляны, неподалеку паслись полосатые кау. В дальнем конце прогалины темнела широкая тропа, почти дорога, тянувшаяся в лес, на северо-запад.

Девушка пряталась в кустарнике, надеясь, что случай пошлет пищу или одежду, когда ее заметил охранявший лагерь часовой. Она попыталась убежать, но он спустил собак, и все закончилось очень быстро.

Ее отвели к начальнику каравана, который внимательно осмотрел девушку и задал ей несколько вопросов. Она ничего не ответила, хотя предводитель немного знал язык Д'Алви. Тогда он приказал женщинам, которые тоже были в караване торговцев, осмотреть Лучар. Когда ему сообщили, что она — девственница, начальник велел хорошо с ней обращаться, но тщательно охранять. Видимо, он счел девушку ценным приобретением, за которое можно получить хорошую цену.

С этим караваном она странствовала несколько недель. За это время Лучар выучилась говорить на батви, болтая с женщинами, которые присматривали за ней. Торговцы не были с ней жестокими; ее не били и не морили голодом, а женщины дали ей поношенную одежду и с интересом расспрашивали о жизни в лесу. Но стерегли девушку тщательно.

Караван пересек широкие, покрытые травой равнины, затем они обогнули странную местность, холмистое, засыпанное песками пространство — как сказали Лучар, то была одна из страшных пустынь Смерти. Наконец караван достиг побережья Внутреннего моря, о котором девушка слышала столько легенд. Здесь находился большой портовый город; в его гавани теснились корабли, а улицы были переполнены мореходами, купцами, их слугами и повозками с товаром. Людей в этом городе оказалось великое множество; его жители занимались не только торговлей, но и сельским хозяйством на раскинувшихся вокруг плодородных равнинах. Люди всех цветов кожи встречались здесь — белые со светлыми и рыжими волосами, темнокожие, как она сама, и смуглые, похожие на Иеро и похитивших ее торговцев. Лучар видела несколько церковных колоколен, но ее новые хозяева не были христианами, и ей не разрешали приближаться к храмам и говорить со священниками.

Этот город назывался Ниана и был очень древним. Здесь жил угрюмый, мрачный народ, и на улицах Лучар видела лица, напоминавшие ей колдуна Нечистого. Правда, о Нечистом тут упоминали лишь шепотом, не раз оглянувшись через плечо, но девушка чувствовала, что отец зла — здесь, в городе, и ткет в нем свою паутину. Ей не удалось объяснить, откуда возникло это ощущение, но Иеро понял ее. Похоже, как многие тонко организованные натуры, девушка обладала естественной восприимчивостью к ментальному излучению.

Через несколько недель Лучар продали купцу, который вскоре отправился в плаванье на большом корабле, груженном разнообразными товарами. Новый хозяин тоже тщательно охранял ее, намереваясь получить за девственность своей рабыни хорошую цену. Услышав это, Иеро усмехнулся. Его удивляло, что эти странные южане сделали выгодным товаром даже женскую непорочность.

Раньше ей не приходилось бывать на судах, кроме каноэ, продолжала Лучар, и потому большой парусный корабль показался ей необъятным. Но через три дня разыгрался шторм, сорвал паруса и выбросил судно на маленький скалистый остров. Утром их обнаружило племя белых дикарей, подплывших к острову на лодках,— те самые люди, от которых ее спас Иеро. Казалось, они дружелюбно настроены к купцам; их главный шаман долго совещался о чем-то с хозяином корабля. Выяснилось, что в обмен на помощь в спасении торговцев и их товаров дикари хотят получить Лучар. Они никогда раньше не видели человека с таким цветом кожи и хотели принести ее в жертву чудовищным птицам, которым поклонялось племя.

— И торговцы, эти вонючие хорьки, согласились! — с гневом воскликнула девушка.— Они даже пришли посмотреть на это зрелище. Ты видел их? Они смуглые, их одеяния похожи на твои, но они носят шляпы.

На следующий день с нее содрали одежду и привязали к столбу, у которого Иеро впервые увидел ее. Целая толпа дикарей прибыла из поселка, чтобы насладиться любимым зрелищем; с собой они тащили оружие и огромные барабаны. Их отдаленный грохот священник слышал накануне; тогда они предвещали гибель предыдущей жертвы — захваченного в стычке воина соседнего прибрежного племени.

Лучар закончила рассказ и теперь, измученная событиями последних дней, с трудом боролась с сонливостью. Иеро достал из седельной сумки шерстяное одеяло вместе со своей запасной курткой и протянул Лучар. Девушка подарила ему благодарную улыбку, закуталась и через минуту уже спала. Она лежала на боку, подложив ладонь под голову, и блики света от угасающего костра играли на ее смуглой гладкой коже. Несмотря на спутанные волосы и утомленный вид, она была так прелестна! Очаровательна, как весенний бутон еще не распустившегося цветка.

Священник залюбовался ею, но усталость взяла свое. Он зевнул, вытащил второе одеяло и, расположившись у костра, уснул так же быстро, как Лучар.

Рядом с их живым шатром, образованным древесными ветвями, стоял большой лорс, подняв голову к небу и широко раздувая ноздри. Он втягивал ночной воздух, приносивший новости о всех существах, что мельтешили и двигались вокруг. Внезапно из темноты появился медведь, ткнул влажным носом в колено Клоца, затем повернулся и направился в свою ночную охотничью экспедицию. Лорс тряхнул головой и снова стал нюхать теплый влажный воздух. Он стоял на страже, он охранял, и его хозяин мог спать спокойно.

Иеро пробудился, когда странные звуки проникли в его сознание. Мгновением позже он уже сидел, сбросив одеяло и протянув руку к оружию.

Сообразив, что в этом нет необходимости, священник смущенно улыбнулся. Звуки были голосом девушки, напевавшей какую-то песенку на незнакомом языке. Снова и снова она повторяла рефрен мелодии, и, хотя Иеро не понимал слов, он подумал, что эта песня похожа на колыбельную, которую поют у него на родине. Очевидно, так оно и было.

Он раздвинул густые ветви и выбрался на солнце. Стояло позднее утро; значит, он проспал десять часов. В нескольких футах от него сидела девушка и что-то шила; рядом с ней виднелась раскрытая седельная сумка, из которой она, похоже, достала иглу и нитки. Увлеченная своим занятием, она не заметила священника, и тот вежливо кашлянул.

Лучар подняла глаза и улыбнулась.

— Ты любишь поспать, пер Иеро,— сказала она.— Видишь, что я делаю?

Девушка поднялась и, прежде чем Иеро успел вымолвить хотя бы слово, сбросила свою истрепанную юбку. Секунду она стояла обнаженная, словно сверкающая статуя из полированного темного дерева, затем скользнула в свою новую, только что сшитую одежду. Через мгновение Лучар уже хохотала над его замешательством. Ее тело плотно облегал комбинезон с короткими, по локоть, рукавами и шортами, доходившими до середины бедер.

— Ну что ж,— выдавил священник наконец,— совсем неплохо. Мое запасное платье, я полагаю?

— Только часть. Я взяла одну рубашку и трусы. Ты не сердишься на меня? — Ее личико вытянулось от огорчения.

— Ни капельки. Ты прекрасная швея. Я вижу, тебе можно поручить починку любой одежды.

— Я сама научилась этому, научилась, когда убежала из дома. Раньше я совсем не умела шить. Это так интересно! — Лучар вскинула руки и на мгновение застыла — прелестная девушка, залитая ярким солнечным светом. Позади нее стоял большой лорс, задумчиво жевавший пучок травы; Горм, свернувшись пушистым клубком, спал у костра.

Прищурившись, Иеро посмотрел на берег, понижавшийся в восточном направлении. Водная преграда, которую он не рискнул форсировать вчера в темноте, лежала в сотне ярдов. В ярком утреннем свете он увидел, что это неширокий залив, преодолеть который не составляло труда.

Скудный завтрак, состоявший из слегка поджаренного мяса антилопы, сухарей и черепашьих яиц, был закончен в несколько минут. Упаковав сумки, путники снова двинулись на восток. Весь остаток дня они ехали по берегу, иногда переправляясь через ручьи и небольшие речки, впадавшие в море.

Священник был доволен своей нежданной добычей, хотя не совсем представлял, что же делать с ней дальше. Как подсказывал здравый смысл, вряд ли спасение девушки будет содействовать успеху порученной ему важнейшей миссии. Но что еще он мог предпринять, когда такое юное существо, почти ребенок, подвергалось смертельной опасности! Правда, во всей этой истории были и положительные моменты. Родина Лучар лежала как раз в тех отдаленных областях, куда его послали, и она могла стать бесценным источником информации о народе, обычаях и политической ситуации в этих неведомых землях. В какой-то степени это оправдывало их совместное путешествие. А кроме того, иной альтернативы просто не существовало!

Они ехали мимо покатых песчаных гряд, вдававшихся в море, словно пальцы огромной ладони. Кое-где на них грелись снаперы, их темные панцири блестели на солнце, морщинистые шеи были вытянуты. Полусонные чудовища, разомлевшие от жары, провожали путников ленивым взглядом маленьких злых глазок, но не трогались с места.

— В твоей стране встречаются эти твари? — спросил священник, кивая в сторону гигантских черепах.

— Да, а кроме них есть и более опасные животные,— отвечала девушка.

Выяснилось, что все канализационные люки и колодцы в городах на родине Лучар либо перекрывали железными решетками, либо обносили мощными каменными

стенами. В противном случае хищные водные твари, проникая по ночам в поселения, пожирали всех, до кого могли добраться. Мосты тоже были прикрыты с боков и сверху стальными сетками или решетками; дороги, проходившие вблизи рек, защищали каменными стенами или строили в виде высоко приподнятых эстакад. Кроме того, всюду патрулировали тяжеловооруженные всадники, всегда готовые отразить вторжение чудовищ из джунглей или набег лемутов. Слушая девушку, Иеро начинал понимать, что жизнь на севере была мирной и тихой сравнительно с тем, что происходило в Д'Алви.

К ночи они остановились на невысоком, поросшем травой холме, с вершины которого священник еще мог различить в надвигающихся сумерках границу Пайлуда. Испарения близкого болота пронизывали теплый воздух; едва слышный жуткий вопль лягушкоподобного монстра донесся до его ушей.

Уютно расположившись на одеялах, расстеленных в траве, они беседовали после вечерней трапезы, когда Иеро вдруг резко оборвал разговор. Мысль! Очень слабая, на самой грани восприятия — но, несомненно, ментальный сигнал, хотя и ничтожной интенсивности. Почти незаметный, и он никогда не смог бы уловить его прежде, но теперь его мощь росла изо дня в день, и многое становилось ему по силам. Так, без всякого напряжения он «слышал» нехитрые мысли птиц и мелких животных, мимо которых они проезжали. Пожалуй, он смог бы с легкостью проникнуть и в мозг Лучар, но порядочность и привитое с детства уважение к разумным созданиям удерживали его от такого шага.

Темнокожая девушка заметила его внезапно остановившийся взгляд и хотела что-то спросить, но он прервал ее резким взмахом руки. Сконцентрировавшись, собрав все свои силы и новое умение, полученное в нелегкой борьбе, Иеро пытался понять, что же уловил его мозг. Его усилия были безуспешными, сигнал был слишком слабым, однако священник не сомневался, что его искали. Искали настойчиво и целеустремленно!

Встав, Иеро подошел к лежавшей на плоском камне сумке. Порывшись в ней, он вытащил металлический стержень-антенну, развернул ее на всю длину и осторожно прижал к вискам контактные диски. Едва слышные телепатические сигналы обрели мощь, раскатами грома отдаваясь в голове.

«Приветствую тебя, враг!» — ясно услышал Иеро и тут же ощутил, как нарастает ментальное поле, будто бы кто-то на другом конце связующей их нити пытался заключить его мозг в неосязаемые, но вполне реальные оковы. Теперь священник понимал, что ему невероятно повезло, когда он первый раз воспользовался этим устройством. Если бы тогда с ним попытались сыграть такой же фокус, он наверняка был бы пойман.

Но теперь, обладая новой силой и знанием, он легко отразил попытку подчинить его волю, действуя с тем же искусством, с каким опытный фехтовальщик парирует удар вражеского клинка. И через миг он получил доказательство, что его считают равным партнером.

«Ты силен, враг! — пришла следующая мысль, вместе с ощущением недовольства и разочарования.— Кто же ты? Отступник из числа наших братьев или мутант нового вида, еще нам не известного? Мы постоянно контролируем эту волну и знаем, что ты убил нашего брата и похитил его связной коммуникатор».

Иеро оставил эти вопросы без ответа. Тот, другой, не сомневался, что он слушает; почти наверняка это был один из высших адептов Темного братства Нечистого. Очевидно, они не имели понятия, кем — или чем — может оказаться их противник. С высокомерным пренебрежением к северянам, они считали его мутантом, выродком с гипертрофированными телепатическими способностями. Мысль, что один из их презренных врагов, священник аббатств, может иметь подобную силу, даже не приходила в их головы.

«Ты не относишься к любителям букашек, которые называют себя последователями Одиннадцатой заповеди, это ясно,— пришла новая мысль.— Мы легко распознаем излучения их жалких мозгов. Нет, ты гораздо больше похож на нас! Ты жестокий, обладающий большой силой и умением, и ты не боишься крови».

Сомнительный комплимент, отметил про себя Иеро. Он понял, что эливенеры, непримиримые враги Нечистого, в то же время каким-то образом были связаны с ним. По крайней мере, казалось, что возможности этого братства не были тайной для темных мастеров.

«Мы потеряли тебя в большом болоте,— вновь зазвучал в его мозгу бесплотный голос.— Мы послали по твоим следам слишком ненадежного союзника, странное существо, чуждое нам. Вероятно, ты убил его тоже. Во всяком случае, ты обнаружил маяк, взятый с тела нашего брата. Ты уничтожил этот прибор, не так ли?»

Последовала короткая пауза.

«Ты не желаешь говорить? — Мысль была приторно сладкой, как голос библейского Змия, склонявшего Еву к греху.— Знай же, мы, наше великое братство, признаем в тебе равного. Мы желаем, чтобы ты присоединился к нам, стал одним из нас, разделил нашу мощь и наши цели. Не бойся, мы не сможем найти тебя, пока ты сам не пожелаешь этого».

«Мы хотим только обменяться мыслями с разумом такой мощи, как твой, и ничего более,— текли сладкие как мед слова.— Говори, наш враг, которого мы хотим сделать другом!»

Священник поддерживал высокий уровень защитного телепатического барьера, словно древний гладиатор-секутор, прикрываясь этим незримым щитом от смертельной сети невидимого ретиария. Он вспомнил Джона, эливенера, который погиб, спасая Лучар, и его слова: «Во всех твоих мыслях и делах обман и ложь».

Конечно, так и было. Иеро не испытывал уверенности даже в том, что искушавший его колдун не сумеет найти их лагерь, стоит только дать ответ.

«Возможно,— подумал он,— эти твари способны выследить меня прямо сейчас, когда я слушаю их. Кто знает, какие силы в их власти?»

Он сорвал наушники и, нажав кнопку, свернул антенну.

Чужой назойливый голос смолк, но мозг Иеро ощущал едва заметные сигналы, воспринимавшиеся как слабый комариный зуд. Тот, другой, еще не оставил надежды наладить с ним связь.

Священник огляделся. Наступила ночь, но в свете луны он видел, что Лучар и Горм сидят рядом, прижавшись друг к другу, и ожидают, когда он вернется к ним. Где-то в темноте лорс хрустел ветвями кустарника, охраняя заодно лагерь.

Взгляд Иеро опустился к девушке.

— Не беспокойся,— сказал он.— Нечистый попробовал слегка поиграть со мной. Больше он ничего сделать не может.

— Его слуги выслеживают нас? И они могут говорить с тобой без слов? — встревоженно спросила Лучар.

— Нет, сейчас нет. Они не знают, где мы находимся и кто я такой на самом деле. Они посылают широко направленный сигнал, пытаясь вступить со мной в контакт. Я слушал их с помощью этого прибора,— он кивнул на коммуникатор,— который достался мне от мертвого колдуна. Понимаешь, они думают, что я — лемут, или какой-то злобный мутант, или же просто злой человек, похожий на них самих. Несколько дней назад они чуть не выследили меня, но мне удалось уничтожить их прибор-указатель. Не думаю, что они могут нас найти.

Все это, но более кратко, Иеро повторил медведю, используя мысленную связь. Горм не только понял его, но сделал замечание, поразившее священника:

«Ты стал очень сильным теперь, друг Иеро. Большинство наших врагов не смогут бороться с тобой, кроме самых опытных».

Это послужило для Иеро доказательством, что медведь на самом деле осознает его новую ментальную силу.

Ночью они спали спокойно. После завтрака священник решил разведать дальнейший путь с помощью своего магического искусства. Достав мешочек с сорока символами,

кристалл и прочие принадлежности, он объяснил девушке, что собирается делать. Лучар была зачарована, но у нее хватило ума воздержаться от вопросов, отложив их до более подходящего времени.

Первая же попытка с кристаллом оказалась успешной. Большая птица с белыми крыльями (он мог видеть кончики маховых перьев) и превосходным зрением летела вдоль побережья на восток, точно по тому маршруту, которым он собирался следовать. Обзор был отличным.

Священник увидел песчаный берег, устья нескольких рек, дюны и каменистую гряду, поросшую кустарником и деревьями, которая отделяла побережье от трясин Пайлуда. Море просматривалось на многие мили, и вдали Иеро заметил несколько островов. Когда птица кружила, он видел на западе перистые дымки, поднимавшиеся над деревней рядом с речкой,— вероятно, то был поселок его недавних противников, бледнокожих поклонников гигантских птиц. На море не замечалось никакого движения, кроме большой темной тени, скользившей у поверхности. Рыба или какое-то морское животное, решил Иеро, но деталей разглядеть не смог.

Он закончил наблюдения и открыл глаза. Лучар и Горм сидели напротив; девушка внимательно смотрела на него, и священник ей улыбнулся. В обряде гадания не было ничего секретного или, тем более, священного; молитва, с которой он обращался к Господу перед тем, как вытянуть жребий, была всего лишь просьбой о помощи. Сорок символов не относились к священным предметам — таким, как чаша для причастия или крест.

Иеро поднес левую руку к глазам и раскрыл ладонь; в ней лежали пять резных фигурок, и среди них — снова Копье и Рыба.

«Война и вода, сражение и корабли, охота и рыбная ловля»,— подумал он, откладывая эти знаки в сторону.

Следующим был символ Скрещенных Рук.

— Этот символ означает друга,— произнес священник, снова улыбнувшись Лучар.— Он предсказывает встречу со

старым другом или появление нового, такого, которому я могу доверять. Есть еще один знак, похожий на этот,— раскрытая Рука.— Он показал девушке крошечный деревянный символ, достав его из кучки.— Этот знак предсказал мне, что я встречу Горма. Но символ Скрещенных Рук немного отличается от него.

На самом деле этот символ обозначал не просто друга, а очень близкого, такого, который станет спутником на всю жизнь. Но Иеро не хотел фиксировать внимание девушки на этом вопросе.

— Может быть, этот символ относится ко мне? — спросила Лучар.— У меня было так мало друзей, и я хотела бы...

— Почти наверняка символ обозначает тебя. Я сильно сомневаюсь, что нам доведется вскоре увидеть других людей, и уж совсем маловероятно, что среди них окажутся друзья. Давай считать, что каждый из нас приобрел нового друга.— При этих словах они оба улыбнулись; белые зубы сверкнули одновременно и на шоколадном личике девушки, и на медной физиономии Иеро.

— Давай посмотрим, что же еще у нас есть? — продолжал священник.— Видишь, еще два символа. Первый — Молния; у него три значения, и два из них необычны. Во-первых, в меня может в самом деле угодить молния, в чем я сильно сомневаюсь. Во-вторых, я могу стать очень, очень сердитым, и, значит, надо опасаться неосмотрительности, к которой приводит гнев. Возможно, что-то такое и случится, но пока не вижу причин, чтобы гневаться.— Он нахмурился и подбросил маленький знак на ладони.— Нет, не думаю, чтобы такое случилось! Скорее всего, смысл символа самый заурядный — буря, шторм, дождь или сильный ветер. Ну что ж! Будем держать глаза раскрытыми, чтобы непогода не застала нас врасплох.— Он бросил Молнию на кучку остальных знаков.

— Итак, что у нас осталось последним? Сапоги или Башмаки — длинное, долгое путешествие. И, очевидно, этот знак предупреждает, что оно будет еще длиннее, чем я думал.— Он положил крошечные Сапоги к остальным символам.

— Ты и правда можешь что-то предсказать с их помощью? — спросила девушка.— Все это кажется мне очень туманным, и я считаю, что многие неприятности можно угадать проще — если как следует подумать. Подумать, где мы, кто мы и что собираемся делать.

— Пожалуй, ты права,— заметил священник, складывая свои магические принадлежности.— Такое гадание — дело неопределенное, и у меня нет к нему больших способностей. Но я знаком с людьми, которые могут вытащить восемь или даже десять знаков одновременно и сделать удивительно точный и подробный прогноз. Мне же никогда не удавалось взять больше пяти-шести; поэтому я вполне доволен, если получаю хотя бы скромный намек на грядущие события.

Они уже ехали по побережью; Лучар, как обычно, сидела перед ним, а Горм переваливался впереди. Иеро продолжал рассуждать вслух.

— Итак, мы имеем Копье, Рыбу, Скрещенные Руки, Молнию и Сапоги. Возможное объяснение этих символов таково: предстоит путешествие, часть которого пройдет по воде. Встретится — или, вернее, уже встретился — истинный друг, который поможет в дороге. Кроме того, мы попадем в шторм — один раз или несколько... Да, я почти уверен, что Молния означает именно шторм или бурю.

Лучар покачала кудрявой головкой. Ей последнее предсказание казалось сомнительным, так как уже несколько дней стояла прекрасная погода. Солнце ярко светило на голубом небе, легкие белые облака неспешно плыли в вышине, птицы и мелкие животные вели себя спокойно. Нет, пожалуй, ничто не предвещало непогоды.

«Горм,— послал сигнал Иеро,— будет ли погода меняться?»

Животные гораздо более чутко, чем человек, реагировали на природные катаклизмы и могли предвидеть такие события, как шторм, за один-два дня. К удивлению священника, он получил отрицательный ответ:

«Плохого ветра не будет; вода останется спокойной еще на два восхода солнца».

— Может быть,— заявил священник девушке, передав ей мнение Горма,— погода изменится позже. Символы способны предсказать бурю за три-четыре дня.

— Могу ли я тоже научиться предсказанию будущего? — откликнулась Лучар, не поворачивая головы. Они сидели на спине лорса близко друг к другу, и пушистые волосы девушки щекотали лицо Иеро.

— Почему бы нет? В моей стране есть подростки, которые используют символы с гораздо большим успехом, чем я. Вопрос таланта, вот что это такое! У меня же другие способности. Я могу говорить с животными, смотреть их глазами, а теперь научился сражаться с помощью мозга.

— Должно быть, это чудесно — разговаривать с животными! С такими, как медведь и твой бык! Это искусство нравится мне гораздо больше предсказаний. Ты мог бы обучить меня?

— Вне всяких сомнений,— уверенно ответил Иеро.— Такие дары Всевышнего вовсе не редкость. Мысленной речи или телекинезу — так называется мысленное передвижение предметов — можно научить почти каждого. Главное тут — правильное обучение и постоянная тренировка. Как-нибудь на досуге я позанимаюсь с тобой.

Девушка внезапно повернулась, обвила руками его шею, и он почувствовал на своей щеке ее теплое дыхание.

— Это было бы замечательно! Ну, пожалуйста, я очень тебя прошу, пер Иеро, давай начнем прямо сейчас...

Ее руки сжимались все теснее, и полузадушенный священник пробормотал в смущении:

— Ну, хорошо, хорошо, детка... Если ты оставишь меня в живых, я, возможно, смогу научить тебя чему-нибудь полезному...

Отдышавшись и пригладив растрепавшиеся волосы, он приступил к первому уроку.

— Слушай внимательно, девочка. Самой важной вещью является защита собственного разума, щит для твоих мыслей, и этим умением ты должна овладеть прежде всего. Если ты не сумеешь защитить себя, Нечистый легко захватит твой мозг, поработит его и заставит выполнять все его

приказы, вплоть до убийства! Чужой разум, если он силен, может внедриться в твой мозг даже при наличии щита. Именно это они пытались дважды проделать со мной.

— Но ведь большинство людей не умеют защищать разум,— сказала девушка.— Почему же тогда Нечистый не подчинил своей власти всех мыслящих существ?

— Потому что самый опытный телепат может обнаружить чужой мозг только в том случае, когда он пытается передать мысленное сообщение, причем такого рода контакт ограничен расстоянием. Другое дело, если ты встретишься с Нечистым лицом к лицу... Теперь попытайся сделать так. Представь, что ты замкнула свой разум в кольцо или сферу. Затем...

Он продолжал говорить почти автоматически; его превосходная память хранила уроки его первого учителя, старого отца Хадены. В то же время Иеро наблюдал за окружающей местностью, он осматривал небо в поисках летающей машины врагов, но ее не было видно. В вышине парили лишь коршуны, а ниже, у морской поверхности, носились водоплавающие птицы. Они проехали мимо мелкой бухты, в которой резвилось стадо гиппопотамов или водяных свиней, которых священник уже видел раньше. Огромные существа с блестящей мокрой шкурой бродили у берега среди зарослей лилий, не обращая внимания на путешественников.

Вскоре им пришлось пересечь заболоченный участок шириной около мили. В этом месте трясина Пайлуда подходила к самому побережью, порождая несколько сбегавших к морю ручьев. Затем снова начался чистый песчаный пляж, тянувшийся до самого горизонта.

Когда совсем стемнело, путники остановились на ночлег под невысокой скалой, надежно прикрывавшей их лагерь со стороны моря. Воспользовавшись этим, Иеро развел небольшой костер из сухого плавника. Девушку удивила осторожность, с которой он пользовался огнем.

— В море могут быть корабли,— напомнил ей священник.— И вряд ли их экипажи дружелюбно настроены к

чужакам. Ты должна это знать; ты ведь была пленницей на таком корабле.

Они поужинали, и Иеро продолжил занятия.

— Я хочу, чтобы ты поняла еще кое-что,— сказал он.— Я могу ускорить твое обучение, но для этого мне придется проникнуть в твой мозг и передать ему все нужные навыки. Я не хочу этого делать.

— Но почему? — спросила девушка.— Ничего не имею против, если таким способом можно быстрей научиться мысленной речи.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь,— прервал ее Иеро.— При таком обучении я должен полностью овладеть твоим сознанием. Ты согласишься, чтобы я знал все, абсолютно все, о тебе? Все твои мысли, мечты, чувства, надежды и желания, все, что скрывается в глубине твоего разума?

Ее лицо стало задумчивым и серьезным.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать...— прошептала она.— Спасибо тебе, пер Иеро, за твою деликатность... Очень трудно отказаться от возможности все сразу понять и изучить... Ведь это — огромный новый мир для меня! Но я думаю, что ты прав. Никто не захочет, чтобы о нем знали все.

— Тогда не будем терять времени, девочка. Вспомни, что я тебе уже рассказал, и попытайся использовать эту технику. Итак, ты должна...

На следующее утро Иеро ощущал себя несколько утомленным, но Лучар была, как обычно, свежа. Она хотела заниматься весь день, и священник решил отдохнуть у приютившей их скалы до следующего утра. Девушка упорно тренировалась; наконец он предложил ей мысленно окликнуть Горма, и, к ее неописуемому восторгу, медведь услышал телепатический зов. Иеро показалось, что ему это доставило не меньшее удовольствие, чем Лучар.

День выдался солнечный и яркий; ни лорс, ни медведь не ощущали привычного томления, которое охватывает животных в преддверии смены погоды. Это раздражало

священника, хотя он старался ничем не выдать своих чувств. Молния была одним из самых верных символов, и он понимал, что рано или поздно случится что-то связанное с этим знаком.

Иеро полагал себя весьма посредственным специалистом в предвидении будущего, однако в этом случае ошибки быть не могло. Возможно, грядущие неприятности все-таки связаны с погодой и нужно просто подождать... Он заставил себя успокоиться, подавил раздражение и обратился к насущным делам.

Ночь прошла спокойно, и утром они снова тронулись в путь по нескончаемому пляжу побережья. Однажды путники заметили стаю огромных, стремительно бегущих птиц, очевидно нелетающих. Птицы мчались по песку далеко впереди, и единственное, что бросилось в глаза Иеро,— необычный зеленый цвет их оперения. Почти автоматически он отметил, что эти существа явно обладают хорошим зрением и очень пугливы.

Следующей ночью, при ярком свете полной луны, Иеро поймал большую рыбу, весившую не менее сотни футов. Рыбина едва не порвала леску, но в самый ответственный момент Горм залез в воду и с редкостной сноровкой оглушил ее ударом лапы, после чего священник без труда вытянул добычу на песок. Клоц, возбужденный всеобщей суматохой, гарцевал вокруг, но, когда Лучар начала чистить рыбу, фыркнул и отправился в заросли. Вскоре оттуда донесся звучный хруст веток.

Наступивший день был облачным. Пока они собирались в путь, пошел мелкий дождь, и Иеро набросил на плечи девушки свою запасную куртку. Погода, однако, оставалась теплой и почти безветренной.

Дождь продолжался всю ночь и весь следующий день. Море оставалось спокойным, но легкая дымка тумана окутала окрестности. Иеро ощущал смутное беспокойство; однажды мысль о Молнии снова пришла ему в голову. Этот дождь и туман было трудно считать плохой погодой — во всяком случае, в том смысле, который связывался с выпавшим символом.

Лучар усердно тренировалась и последние два дня стала необычайно молчаливой. Она уже хорошо освоила простые сигналы; девушка и Горм часами развлекались, подавая друг другу и выполняя команды «стой», «иди», «ложись», доступные любой дворняжке. Прошел полдень; необъяснимым образом тревога священника начала возрастать, и он запретил своим спутникам использовать мысленную речь. Пока Иеро еще не понимал причины своего беспокойства, но он привык доверять инстинкту. Однако его чуткие животные, лорс и медведь, казалось, ничего не замечали.

Тем не менее, когда грянула беда, священник был готов принять на себя всю вину; он не предвидел подобного поворота событий. Действительно, враги расставили ловушку с большим тщанием!

Если бы Горм не начал выплясывать перед Клоцем; если бы девушка не послала мысленный сигнал, заявив, что медведь чует груду дохлой рыбы; если бы сам Иеро не расхохотался... Если бы, если бы, если бы!..

На первый взгляд, эта маленькая бухта выглядела совершенно пустой. За смутной пеленой тумана виднелись маленькие островки, теснившиеся к побережью, а на самом берегу торчали невысокие пригорки, заросшие кустарником и пальмами с мохнатыми стволами. Только мягкий шорох прибоя нарушал тишину раннего вечера. Иеро придержал лорса, какое-то сомнение промелькнуло в его голове.

Наконец он послал Клоца вперед, но медведь обогнал их, высоко задрав нос и нюхая воздух, как будто почуял какой-то мерзкий запах. Лучар, не подозревая об опасности, рассмеялась: поведение медведя выглядело таким забавным!..

Внезапно скалы и заросли кустарника извергли множество странных фигур. Орда покрытых шерстью лемутов, похожих на огромных обезьян, бросилась к путникам, стремясь обойти их с тыла. В ушах Иеро раздался дикий вибрирующий вой, хорошо знакомый ему по стычкам в северных чащобах. В лапах волосатые ревуны держали дубинки и длинные копья и угрожающе потрясали большими ножами.

Однако, как оказалось, это не было главной опасностью.

Из-за скалистого островка, лежавшего в сотне ярдов от берега, бесшумно выскользнуло длинное черное судно без мачты. На его палубе фигуры в капюшонах согнулись над блестящим металлическим механизмом, ствол которого был нацелен прямо на лорса и его всадников.

Священник отреагировал инстинктивно, с невероятной и почти бессознательной быстротой тренированного киллмена. Даже рефлексы животных, медведя и большого лорса, не могли сравниться с ним в скорости.

«Назад!» — последовал его приказ Клоцу и Горму; сжимая в руках метатель, он скатился с седла. Застывшая от неожиданности девушка сидела на своем обычном месте, крепко стиснув коленями шею лорса. Клоц, присев от усилия на задние ноги, резко повернулся и сделал гигантский скачок. Он был уже в пятидесяти ярдах, когда его хозяин рухнул на песок.

Иеро навел метатель на цель, и его палец уже лежал на спусковом крючке, когда оружие Нечистого выстрелило. Блеснул голубой огонь, и резкий запах озона наполнил воздух; священник ощутил страшный удар в грудь, и мгновенно возникший холод затопил его сознание.

Проваливаясь в темноту беспамятства, он подумал: «Так вот что означала Молния!»

Затем наступило небытие.

Глава 6

МЕРТВЫЙ ОСТРОВ

Он почувствовал боль, затем возникло ощущение движения. Он попытался приподняться, но что-то мешало сделать это. Наконец он понял, что лежит на спине на твердой поверхности, которая ритмично вздымается вверх и вниз.

Боль гнездилась в его груди, страшная боль, импульсы которой пронизывали все тело. Его правая рука была свободна, и он инстинктивно положил ее на грудь, пытаясь определить источник боли. Пальцы наткнулись на какой-то тяжелый предмет странной формы, ощупали его...

«Что-то не так,— подумал он с неосознанной тревогой,— здесь должен быть медальон... Мой медальон с крестом и мечом!»

Внезапно он понял, что его глаза открыты, но вокруг была полная — или почти полная — темнота. Когда он попытался усилием воли блокировать боль, память вернулась к нему.

Молния! Против него было использовано какое-то оружие, похожее на искусственную молнию. Это означало, что символ верно предостерегал его: он действительно был поражен ударом молнии, посланной с корабля Нечистого. И сейчас он, похоже, находился на этом самом корабле, покачивающемся на волнах. Ему не раз случалось плавать по озерам и рекам и на военных судах республики, и на купеческих парусниках; ощущение было точно таким же.

Боль все еще мучила его, но теперь она стала, по крайней мере, терпимой, и сознание работало нормально. Что за странный предмет устроился на груди? Его руки осторожно ощупали эту вещь, пока не наткнулись на прикрепленный к ней кожаный ремешок. И тогда, сообразив, что произошло, Иеро вознес молчаливую благодарственную молитву. Вражеское оружие, электрическая стрела или что-то подобное, ударило прямо (или было направлено — кто знает промысел Божий?) в серебряный медальон, который являлся знаком его сана. И вот результат: расплавленная искореженная пластина серебра и живой человек, который в ином случае был бы давно мертв!

Его руки скользнули ниже, к животу, нащупав широкую полосу гладкого металла, крепко прижимавшую его к узкой койке. Теперь он слышал тихий плеск воды; он понял, что находится в трюме корабля, стоявшего на якоре.

Глаза уже адаптировались к темноте, и священник мог рассмотреть свое узилище. Тонкие линии света оконтурили небольшую дверь или люк. Металлическая скоба, что держала его на жестком ложе, с одной стороны замыкалась массивным замком. Комната или каюта была маленькой, не более десяти футов поперек, и не имела никакой обстановки. Стены, пол и потолок — все, что он мог разглядеть — были металлическими, голыми, без заклепок или следов сварки. Все корабли, которые он видел до сих пор, собирались из дерева, и сейчас священник невольно поразился искусству неведомых судостроителей. Он был вынужден признать, что слуги Нечистого оставили позади достижения аббатств — по крайней мере, в области мореходства. Он вспомнил также, что этот корабль не имел ни мачт, ни труб, а значит, его приводили в движение иные силы, чем ветер или паровой двигатель. Примитивные паровые суда являлись последним достижением судостроительных верфей республики.

Когда он прислушался, то начал различать другие звуки, кроме плеска волн и потрескивания стального корпуса. Слабые, размытые голоса доходили до него, и некоторые казались знакомыми. Скорее всего, на борту было несколько волосатых ревунов: он слышал их характерные завывания. Другим звуком, который удалось уловить, был тонкий звенящий гул. Должно быть, решил он, его производит корабельный двигатель, работающий на холостых оборотах.

Иеро не тратил зря времени в поисках оружия. Его нож, меч и карабин, очевидно, достались захватчикам, а все остальное было приторочено к седлу. Удалось ли Клоцу и девушке спастись от гибели или плена? Смог ли скрыться Горм? Бедная Лучар, ее новый покровитель тоже не сумел избежать ловушки врага!

Его размышления были прерваны металлическим лязгом запора. Дверь открылась, скользнув в паз в стене, и свет затопил маленькую каюту, заставив священника прикрыть глаза рукой.

Еще до того, как он убрал ладонь, наполнившее камеру зловоние подсказало, что один из вошедших был ревуном. Когда его глаза привыкли к яркому свету, он увидел,

что его источником является плоская панель, закрепленная на потолке и прежде почти сливавшаяся с ним.

Посреди помещения стояли два человека в одинаковых серых плащах с капюшонами. У каждого на груди было изображение спирали, но на этот раз не красного, а голубого цвета. Один из них — очевидно, старший — откинул капюшон на спину. Он так походил на С'нерга, что губы Иеро дрогнули; священник едва сдержался, чтобы не открыть в изумлении рот. Второй человек, подчиненный, остался в низко надвинутом капюшоне, но в его тени Иеро разглядел уродливые черты, клочковатую бороду и расплющенный нос. В углу, рядом с дверью, сгорбился ревун, огромный краснолицый монстр не менее двухсот фунтов весом; его бурая шерсть отвратительно пахла, но глаза под выступавшими дугами бровей были осмысленными, живыми и светились злобой. В мощной лапе монстр сжимал стальное лезвие, похожее на большой мясницкий секач.

Пронзительные глаза старшего уловили мелькнувшее на лице пленника выражение, и он заговорил первым. Иеро отметил, что его пленитель использует батви, а не метсианский язык.

— Ну, ты узнал меня? Значит, ты видел кого-то из нас раньше? Все члены братства — одна тесная семья, священник, и если ты видел одного, значит, ты видел нас всех.

Наблюдая за ним из-под полуопущенных век, Иеро вполне согласился с этим. Человек — если только он в самом деле был обычным человеком — выглядел постарше С'нерга, морщины на его лице казались глубже, зрачки — тусклее. Тем не менее сходство было поразительным. Однако священник не произнес ни слова.

Адепт или колдун Нечистого (таким, вероятно, было звание старшего) что-то резко бросил на незнакомом языке. Его подчиненный тут же направился к Иеро и наклонился над замком. Раздался щелчок, и металлическая полоса, державшая пленника, отошла в сторону. Он тем не менее продолжал лежать, внимательно наблюдая за троицей своих врагов.

— Отлично, отлично! — хихикнул адепт.— Ты — человек с выдержкой! Если б ты поднялся, даже медленно, я велел бы сбить тебя с ног — в качестве первого урока повиновения. Но мы надеемся, что ты будешь умницей. К чему тебе неприятности? Правильно, ни к чему... А теперь слушай внимательно, священник — если ты и правда священник, а не кто-нибудь еще. Меня зовут С'дана. Тот здоровенный тип в углу — Чи-Чук, и ты ему очень не нравишься. Он никогда не видел священника-метса, но он знает, что это — враг. Не так ли, Чи-Чук? Но в общем-то он превосходный парень и большой весельчак. Хотел бы я, чтоб ты увидел, как он отрывает человеку ногу или руку и съедает у него на глазах... Отличное развлечение, не правда ли, мой друг?

Он улыбнулся ужасному существу, оскалившему в ответ клыки; Иеро с трудом сдержал гримасу отвращения, и это не укрылось от С'даны.

— О, я вижу, ты не любишь ревунов! Да, священник, мы используем то имя, которое вы дали этим созданиям; оно звучит совсем неплохо. Понимаешь ли, они — всего лишь результат мутации обезьян определенной породы. Мы думаем, что в период до Смерти их использовали как лабораторных животных. Они очень поумнели с той поры и ненавидят всех человекоподобных, кроме своих хороших друзей...— Тон С'даны был шутливым, и казалось, что он совсем не торопился.— Сейчас мы отправимся на берег для выяснения кое-каких вопросов. Как ты видишь, пытаться бежать было б довольно глупо. Этим ты только доставишь удовольствие Чи-Чуку и его веселой компании, сделавшись лакомым блюдом к их обеду.

Адепт Нечистого наклонился над койкой, пока его бледная физиономия не нависла прямо над бесстрастным бронзовым лицом Иеро.

— Имеется одна маленькая деталь, священник, и я сейчас о ней скажу. Деталь такая: мы еще можем прийти к соглашению. Благодари судьбу, если это случится, ведь мы не берем пленников — кроме как для развлечений. На-

ших развлечений, а не их, должен заметить. Но твой случай — особый. Кто знает? Может, договоримся!

С'дана повелительно и резко дернул головой.

— Теперь встань и иди за нами, а за тобой пойдет Чи-Чук. Двигайся быстрее и делай, что говорят, проживешь дольше.

С этими словами он повернулся и вышел из каюты вслед за своим молчаливым помощником.

Иеро поспешно встал, однако недостаточно быстро, чтобы избежать мерзкого прикосновения ревуна, толкнувшего его в спину. Он направился к двери, ощущая сильную слабость в ногах; в этот момент огромная лапа схватила его за ворот и грубо протолкнула в дверной проем.

Они очутились в коротком коридоре с серыми металлическими стенами. Здесь были другие двери, пять или шесть, и священнику очень захотелось узнать, не томится ли Лучар за одной из них. Но использовать телепатическую связь в подобном месте было бы безрассудством.

Когда он поднялся на палубу, подталкиваемый сзади ревуном, выяснилось, что дождь стал значительно сильнее. Он попробовал оглядеться вокруг, но двое в серых капюшонах подхватили его под руки и потащили к борту корабля. Там был трап, ведущий вниз, к большой гребной лодке, покачивающейся на волнах. Обвиснув в сильных руках, Иеро не заметил, как очутился на этом суденышке.

Позади него огромный ревун скорчился на корме; С'дана и его уродливый помощник стояли на носу лодки. Два гребца, сидевших посередине, были полунагими рабами, белокожими людьми, подобными дикарям, поклонявшимся птицам. Их спины и плечи покрывали рубцы и шрамы, физиономии заросли бородами, длинные свалявшиеся волосы падали на лбы. От них воняло еще хуже, чем от ревуна, их глаза были пустыми, апатичными. Эти люди, доведенные до состояния животных, гребли быстро, не издавая ни звука.

Иеро наконец огляделся. Они находились в гавани, на уединенной якорной стоянке, окруженной высокими скалами, которые вздымались прямо из воды. Несмотря на дождь и туман, священник мог видеть несколько кораблей; некоторые из них не имели мачт, очертания других казались более привычными его взгляду. Нигде не было видно ни людей, ни какого-либо движения.

Лодка повернула, и теперь он мог, почти не изменяя положения головы, разглядеть захвативший его корабль. Это судно имело острый нос, стремительные обводы темно-серого длинного металлического корпуса и нечто вроде кабины в средней части палубы, также сделанной из металла. В задней ее части торчала невысокая башенка с наблюдательной вышкой, над которой на нескольких шестах были подняты странного вида инструменты и приборы. На носу, плотно закутанное какой-то тканью — должно быть, непроницаемой для воды,— находилось сразившее его орудие.

Лодка обогнула выступающий в море утес, и корабль исчез из виду. Теперь взгляду Иеро явился гранитный мол, протянувшийся от пустынного побережья острова. Выше, наполовину скрытый скалами, громоздился каменный замок. На фоне серых стен, вздымавшихся на тридцать футов над окружающими утесами, виднелись массивные металлические двери.

Казалось, ничего не росло на этом острове, усеянном черными и бурыми камнями. Окружавшие замок серые стены почти сливались с поверхностью бесплодной почвы; на стенах маячили немногочисленные фигуры в неизменных плащах с капюшонами. Они не походили на стражу; очевидно, крепость Нечистого не охранялась часовыми.

С'дана, стоявший на носу лодки, обернулся и пристально посмотрел на пленника. Затем указал на маслянистую черную воду, расступавшуюся перед суденышком.

— Взгляни сюда, священник! На этом острове у нас много стражей. Смотри и запоминай! Никто не может покинуть Мертвый остров Манун без разрешения!

Иеро уставился на воду. Вблизи лодки, ясно видимое даже сквозь туман и дождь, всплыло нечто округлое и бе-

лесое, похожее на кусок увеличенного во много раз шланга. Это создание крутилось и извивалось в воде, и священник видел подобие глаз и пасти; кошмарная голова, приподнявшись на фут над поверхностью, пристально следила за лодкой. Круглый рот этой огромной червеобразной твари ритмично сжимался и раскрывался, обнажая несколько рядов острых зубов. Наконец, как будто удовлетворенный осмотром, червь погрузился в воду и скользнул под лодкой. Священник успел заметить, что его тело достигает нескольких ярдов в длину и что тварь двигается совершенно беззвучно.

Он посмотрел на С'дану и еле заметно пожал плечами; его лицо было спокойным и непроницаемым. Адепт Нечистого злобно усмехнулся:

— Ты кажешься отважным человеком, маленький священник. Посмотрим, много ли смелости останется у тебя, когда мы нанесем визит в дом нашего братства на Мануне. Это не очень приятное место, не так ли?

Иеро не обратил внимания на эти слова. По мере того как лодка приближалась к безлюдному острову, началась все усиливающаяся атака на его сознание. Он чувствовал, что С'дана знает об этом. Злобная сила, царившая на острове, ожидала пленника, и нападение готовилось заранее. Это была попытка сломить и в то же время проверить его, выяснить, сможет ли он сопротивляться и защитить свой разум. Похоже, владыки Мануна не знали, с чем или с кем они имеют дело. Они могли убить его, пока он валялся без сознания, но вместо этого адепты зла решили устроить проверку. Очевидно, они все еще рассчитывали, что смогут убедить его присоединиться к Темному братству!

Лодка причалила к берегу, и священника вытолкнули на каменную набережную. Затем он двинулся за мрачными фигурами в капюшонах к воротам замка. Волосатый ревун замыкал процессию.

Это последнее физическое усилие, не слишком значительное, почти истощило его убывающие силы. Он не знал, как долго оставался в беспамятстве, но чувствовал себя смертельно усталым, а кроме того, нуждался в пище и воде. Впрочем, Иеро не ожидал снисхождения, кроме возможности передохнуть. Но удастся ли это? Ослабевший полумертвый пленник... Что может быть лучше для допроса?

Необходимость отбивать ментальные атаки особенно угнетала его, отнимая последнюю энергию. На половине пути к замку он упал и, когда волосатая лапа Чи-Чука поставила его на ноги, упал снова. Он не делал попыток подняться, сконцентрировавшись лишь на поддержании телепатического барьера и в то же время блокируя любые неприятные физические ощущения. Пока он лежал, ревун несколько раз ударил его, но Иеро не почувствовал боли.

С'дана мрачно уставился на обессилевшего пленника.

— Подожди,— велел он лемуту, повелительно взмахнув бледной рукой.— Подними-ка его, приятель. Какая нам польза, если он сдохнет здесь! Он сейчас на грани полного истощения, и допрашивать его без толку... Возьми его на руки, Чи-Чук, и неси — так же осторожно, как таскаешь своих грязных маленьких выродков, понял?

Иеро мысленно согласился, что колдун умеет добиваться своего. Даже от такого звероподобного чудища! Огромные волосатые лапы подняли его; исходившее от лемута зловоние казалось ужасным, но священник блокировал это ощущение. Таким образом, на руках ревуна, он и попал под холодные своды Мануна.

Когда священника внесли во двор крепости, ментальная атака на его разум прекратилась. Иеро почувствовал, что непонятным для него способом С'дана сообщил кому-то, что пленник крайне истощен и лучше дать ему передышку. Как бы то ни было, телепатическое давление исчезло, и он мог спокойно оглядеться по сторонам.

Цитадель слуг Нечистого была не очень велика — заключенная внутри каменных стен площадь составляла около двухсот квадратных ярдов. Несколько фигур в капюшонах шагали по верху широких стен, но вооруженных людей среди них не было; священник вообще не видел никакого оружия, кроме клинка в лапе Чи-Чука. Посередине двора высилась каменная башня в три яруса с несколькими окнами.

Они были узкими и располагались без какого-либо определенного порядка. Плоская крыша делала это строение похожим на серый каменный куб, жесткие очертания которого подчеркивали неприветливость и безотрадность окружающего крепость пейзажа. Иеро показалось, что башня и мрачные стены вокруг возведены с холодной и сухой эффективностью, исключающий даже намек на красоту или фантазию строителей. Однако он понимал, что должен внимательно наблюдать и запоминать. Никто из его соплеменников не смог пробраться в логово врага, а если пробрался, то не сумел возвратиться назад. Он, пер Иеро Дистин,— единственный! Он должен все увидеть и вернуться.

Они миновали узкую дверь и в молчании двинулись по скудно освещенному каменному коридору. Тусклое голубоватое сияние редких ламп едва разгоняло темноту. Иеро посмотрел назад, поверх волосатого плеча своего носильщика. Серый дневной свет, падавший через распахнутую дверь, растаял последним призраком потерянной свободы.

После нескольких поворотов коридор начал опускаться вниз. В этот момент впереди раздался голос С'даны, усиленный эхом, отраженным от каменных стен.

— Манун под нами, священник. Там мы, члены Великого братства, находим отдых, покой и защиту от глупой мирской суеты. Лишь в земных глубинах царит полное молчание, которого мы жаждем, безмерная пустота, к которой мы стремимся. И только она способна поддерживать стремления чистого разума.— Его голос грохотал в замкнутом пространстве, и многократное эхо повторило: разума... разума... ...азума... ...азума — и умерло в темном коридоре.

Идущие впереди остановились, затем скрипнула маленькая металлическая дверь, и лемут, наклонившись, вошел в нее. Он бросил Иеро на соломенный тюфяк в углу и покинул камеру, метнув на пленника злобный взгляд и тихо рыча от сдерживаемой ярости.

— Мы расстаемся на недолгое время, священник,— донесся из коридора резкий голос С'даны.— Отдыхай и готовься. Тебя вызовут.

Тяжелая железная дверь закрылась, глухо лязгнув, и в темнице воцарилось молчание.

Иеро осмотрелся. Его узилище, видимо, вырубили прямо в скале — в нем отсутствовали окна, и лишь высоко под потолком зияла щель, такая узкая, что в нее нельзя было просунуть руку. Через щель струился свежий воздух. Маленький светильник на потолке, забранный в металлическую сетку, давал немного света. Камера десять на десять футов, и в ней — ничего, кроме соломенного тюфяка и зловонной бадьи с крышкой. В одном из углов виднелось отверстие сливной трубы, от которого тоже тянуло дурным запахом.

Рядом с тюфяком находился поднос, на котором стояли два глиняных кувшина — с водой и с какой-то темной жидкостью, похожей на вино; там же лежал каравай простого черного хлеба. В школах аббатств обучали искусству мысленно распознавать состав пищи, и священник, коснувшись поочередно кувшинов, выяснил, что вино содержит примесь какого-то неизвестного вещества, но вода и хлеб безвредны. Он вылил вино в сливную трубу, съел хлеб, напился и лег на свое убогое ложе. Воздух был сырым, но не особенно холодным, и он чувствовал себя вполне сносно. Боль от огромного синяка на груди все еще терзала его; впрочем, киллмены севера, привыкшие к ранам и боли, сносили их с терпением древних спартанцев.

Немного отдохнув, Иеро решил, что можно приступать к ментальным экспериментам, и первым делом ослабил барьер, защищавший его разум. Ослабил на крошечную, еле заметную, ничтожную величину. Он походил сейчас на человека, спрятавшегося за каменной стеной, чтобы спастись от враждебных сил или опасных хищников, что затаились снаружи. Осторожно, медленно он начал проделывать щель в стене своей цитадели, вынимая камень за камнем, останавливаясь, прислушиваясь, не прозвучит ли сигнал тревоги. Он очень старался, чтобы внешняя часть стены казалась по-прежнему нерушимой, монолитной, дабы самый пристальный взгляд не нашел в ней даже крохотной щелки.

Но щель была необходима. Пока он не проделает ее, нельзя установить связи с внешним миром, нельзя прощупать ментальную ауру Мануна, нельзя получить помощь... И священник продолжал трудиться, разбирая невидимую стену, что окружала его мозг. Медленно, очень медленно... Песчинка за песчинкой, камень за камнем...

Удалять последний камешек не было необходимости. Его мозг стал таким чувствительным, таким изощренным в средствах защиты, что он смог вовремя понять — там, снаружи, Нечистый подстерегает его! Враги неусыпно следили и ждали, выбирая удобный миг, чтоб захватить его разум, поработить его, сделать покорной безмозглой тварью!

Столь же осторожно, как он разбирал свой барьер, Иеро восстановил защиту. Враги могли в любой момент ворваться в камеру и прикончить его копьем или мечом, но захватить его мозг и душу им не удастся.

Священник лег на спину и погрузился в размышления. Он твердо знал одно: адепты Нечистого напуганы, и страх их велик! Ведь по логике событий ему полагалось сейчас корчиться на дыбе, развлекая своими муками властителей Мануна. Но они, очевидно, желали узнать о нем как можно больше. И священник был уверен, что прежде всего их любопытство касалось главного вопроса: есть ли поблизости или в иных отдаленных краях подобные ему существа. Он понял, что, если сумеет держать их в неведении, жизни его не грозит опасность. Но как установить телепатическую связь с друзьями?

Стены крепости не были для этого помехой; возможность контакта блокировалась лишь барьером, который он установил в своем сознании.

Что же делать? Рискнуть, сняв блокировку? Он понимал, что должен спешить: одному Господу известно, сколько времени продлятся его отдых и срок относительной безопасности. Но мучившая его проблема была как змея, пожирающая собственный хвост. Снять защиту — и попасть под ментальный контроль слуг Нечистого; не снимать ее — и погибнуть днями позже из-за собственной пассивности. Все «двери» его разума, все известные, обычно используемые для контакта волновые частоты были наглухо перекрыты; никто не мог получить доступа в его мозг — ни адепты Нечистого, ни специалисты аббатств, ни его спутники. Но он тоже не мог ни с кем связаться.

Или все-таки мог? Подобно многим революционным идеям, новая мысль долго зрела в подсознании, а затем явилась на свет в виде ясного, четкого, осознанного заключения. Откуда она пришла к нему? Иеро не сумел бы этого объяснить. Он знал, что ментальный барьер перекрывает определенный диапазон частот; но почему бы не использовать другие частоты, другие каналы телепатической связи, на которые еще никто не успел наткнуться?

Он произнес краткую молитву, благодаря Создателя за эту мысль, и начал экспериментировать, посылая сигналы в таком ментальном диапазоне, которым ни одно разумное создание не пользовалось прежде. Эти низкочастотные телепатические каналы были пустыми — или, вернее, заполненными «шумом», фоновым ментальным излучением, не содержавшим ни грана информации. Такие хаотические волны обычно порождали существа с крохотным несовершенным мозгом — что-то вроде суммарного разума пчелиного улья, муравейника или термитника. Частотный спектр этих каналов вплотную примыкал к не регистрируемым человеческим ухом звукам, издаваемым насекомыми.

Нелегкая, но разрешимая задача, как вскоре убедился Иеро. Вытянувшись на соломенном тюфяке и закрыв глаза, он начал прощупывать ауру своих врагов на таких частотах, которые казались недоступными для человеческого разума. Его сознание будто раздвоилось; он оставался Иеро Дистином, священником Универсальной церкви, и в то же время был каким-то новым существом, чей поток сознания струился параллельно, не смешиваясь с прежним, не пересекаясь с ним, и в этой открытой для плавания реке он чувствовал себя как вольный ветер, реющий в ту или иную сторону, свободный, стремительный, неуловимый. Воз-

можности его открытия казались фантастическими; вскоре он выяснил, что может сохранить свой щит в обычном ментальном диапазоне и в то же время вести разведку, пользуясь низкими частотами. Эти два потока, две зоны ментального излучения совершенно не зависели одна от другой и позволяли действовать так, будто он обрел еще одно сознание, новое «я», не менее мощное и искусное, чем прежнее.

Для начала Иеро исследовал источник давления на его мозг, чья сила, однако, не превосходила противодействия его ментального щита. Враг, который наблюдал за ним и вел непрерывную атаку на его разум, удивил священника. Всего лишь один человек, зато вооруженный! Он сидел перед какой-то машиной, и ее низкое гудение ритмично менялось в зависимости от частоты излучаемого сигнала. Панель этого устройства усеивали кнопки, клавиши, рычажки и разноцветные маленькие лампочки. Вверху пульта поблескивала стеклянная трубка, к концам которой подходили провода; в такт гудению она мерцала неярким опалесцирующим светом. Человек — несомненно, еще один адепт Нечистого — сидел с закрытыми глазами; его руки скрывались в узких прорезях внизу панели. Он был совершенно неподвижен и казался точной копией С'нерга и С'даны.

Увидел!

Не успело это слово прозвенеть в сознании Иеро, как он захлопнул канал и спрятался за своим нерушимым барьером. Увидел, увидел! Ликующая мысль билась в его голове, как птица в клетке, гремела точно победный марш. Не пользуясь глазами птицы или животного, он увидел комнату и человека в ней! Здесь было лишь одно объяснение: на новом ментальном уровне он сумел неощутимо внедриться в чужой разум, в мозг колдуна, используя его восприятие. Теперь священник пожелал установить, к каким еще чувствам, кроме зрения, он сможет подключиться.

Иеро снова скользнул вдоль невидимой нити, связующей его с разумом слуги Нечистого, который, в свою очередь, наблюдал за ним. Он поразился, насколько быстро ему удалось освоиться в чужом сознании и считать информацию со всех воспринимающих центров. Комнату, где сидел адепт, наполнял резкий неприятный запах, источником которого была небольшая жаровня. Видимо, тлевшее в ней зелье являлось чем-то вроде лукинаги и тоже усиливало ментальную мощь. Но главным было то, что он, Иеро, ощущал этот запах, используя чувства следившего за ним адепта! Не только запах — он видел руки наблюдателя на металлической панели машины, он чувствовал холод металла и слышал пульсирующий гул.

Следующий шаг он сделал с некоторым опасением. Странная машина была, без сомнения, настроена на мозг слуги Нечистого и находилась в тесном контакте с ним. Священнику хотелось узнать побольше об этом агрегате, понять, как механический ментальный усилитель взаимодействует с разумным существом. Идея подобного устройства была ему не чуждой; ученые аббатств пытались создать такие же машины, и здесь, в Мануне, он получил свидетельство, что их надежды не беспочвенны. Выяснил он и другое — что в этой области враги ушли вперед.

Медленно — так медленно, как полуслепой человек продевает нитку в ушко иглы — Иеро исследовал связь адепта с машиной. Этот опыт был непростым и опасным, но постепенно он начал ощущать, как разум колдуна, усиленный странной машиной, пытается сломить его ментальный барьер. В этот момент священника вдруг охватили удушье и палящий жар, так что он поспешил прервать эксперимент; видимо, замыкание ментального поля было делом небезопасным. Не открывая глаз, Иеро усмехнулся, подумав, что чуть не уничтожил себя своими собственными руками.

Когда ощущения удушья и жара исчезли, он начал с неторопливым усердием сканировать окружающий мир, разыскивая другие интеллекты. Внезапно новая идея озарила его: он вдруг сообразил, что может управлять процессом поиска и что этот поиск адекватен подсознательным дейст-

виям, которые он прежде выполнял, впадая в транс при помощи магического кристалла. Это открытие вдохновило его.

Теперь он искал С'дану. Характер ментального излучения мозга колдуна был зафиксирован в его памяти, и он не мог ошибиться. Разум Иеро поочередно коснулся нескольких человеческих сознаний и одного негуманоидного. Он понял, что этот последний мозг принадлежит Чи-Чуку или другому лемуту, но данное открытие его не заинтересовало. Еще несколько попыток — и наконец он проник в тот разум, который искал.

Его ощущения были странными: казалось, мозг отдыхающего адепта затуманен каким-то наркотиком или снадобьем, вызывающим грезы. Он разглядел часть большой комнаты, стены которой закрывали темные драпировки; на многочисленных столах виднелись незнакомые инструменты и приборы, в глубоких нишах поблескивали дверцы металлических шкафов. С'дана вытянулся на низком ложе, позади него стояла курильница, над которой вился полупрозрачный голубоватый дымок. Мгновенное восприятие мыслей адепта поразило Иеро. В воображении С'даны рождались под действием наркотика чувственные картины, то фантастические, то почти реальные, но неизменно отдававшие мерзкой жестокостью. Они возбудили у священника чувство физического отвращения, и, осторожно прервав контакт, он покинул грезившего адепта. Теперь он был уверен, что легко найдет его. Тот факт, что С'дана оставался в наркотическом забытьи, внушал надежду; вряд ли в ближайшие часы адепт вспомнит о своем пленнике.

Итак, подумал Иеро, в его распоряжении еще есть время. Постепенно он начал догадываться, что мощь, обретенная его разумом, дает возможность получить ответ на любой вопрос. А в данный момент главным вопросом для него являлась связь.

Он сконцентрировал мысль в узкий пучок, способный преодолеть большое расстояние. Его ментальный сигнал распространялся сейчас по новому каналу, будто образуя

невесомую арку, что исходила одним концом из его мозга. Ее другой конец скользил свободно и стремительно, касаясь сознаний многих разумных существ, что обитали на острове, и продвигался все дальше и дальше подобно гигантской руке, ощупывающей пространство.

Вскоре он понял, что может послать сигнал далеко за пределы Мануна. Это внушало надежду, что поиски Горма и девушки не безнадежны; он хорошо представлял их ментальные спектры и не сомневался в том, что не допустит ошибки.

Теперь его мысленный щуп скользил над морем, касаясь других сознаний, ограниченных и примитивных. Он встретил птиц, высматривающих добычу, почувствовал смутные разумы рыб и неожиданно наткнулся на целый сгусток человеческих интеллектов, собранных на небольшой площади. Должно быть, судно, решил он, корабль, бороздящий воды Внутреннего моря. Оставив его, он двинулся дальше. Все дальше и дальше, все шире и шире забрасывал он свою невидимую сеть.

И наконец нашел!

Горм! Сознание медведя раскрылось перед ним, по крайней мере частично. К его удивлению, в мозгу животного имелись зоны, в которые он не сумел проникнуть, но заниматься их исследованием было бы сейчас нелепо. Используя слабые медвежьи глаза, он видел Лучар и ровный пятачок пляжа под изогнутой скалистой грядой. Очевидно, его друзья находились в уединенной бухточке где-то на побережье. Медведь повернул голову, и в поле зрения попал огромный темно-серый бок и ноги с громадными копытами. Клоц тоже был здесь, вместе с ними!

Удастся ли установить связь?

«Горм!» — окликнул священник, используя новый канал со всей доступной ему мощью.

Он ощутил беспокойное движение животного, но ответного сигнала не было. Кажется, он мог лишь внушить медведю смутное беспокойство, раздражая его мозг. Иеро сделал еще одну попытку, сконцентрировав телепатический

луч в виде тончайшей иглы. Это было нечто совершенно новое; подобной техники мысленной связи еще не применял никто. Возможности этого способа были пока что неясны и самому экспериментатору.

Возник контакт — мгновенный, мимолетный.

«Иеро!» — внезапно появился отклик в сознании священника.

Ему показалось, что медведь буквально подпрыгнул, получив его сообщение, затем связь прервалась. Он попытался вызвать Лучар, но безуспешно. Это не удивило его: девушка, в отличие от медведя, была новичком в мысленном общении. Иеро отметил про себя, что и возможности Горма еще до конца еще не выяснены — закрытые зоны в его сознании намекали, что в будущем от молодого медведя можно ждать любых сюрпризов.

Однако у него не было времени для размышлений на эти интересные темы. Он снова направил невесомую ментальную иглу в мозг Горма, терпеливо пытаясь найти ту область восприятия, в которой был установлен контакт.

Неожиданно поток мыслей захлестнул его. «Иеро!..— отчаянно взывал медведь.— Иеро, друг, защитник, где ты? Что с тобой? Как ты говоришь (со мной), каким (странным) способом?»

Прервав лавину вопросов, священник начал терпеливые объяснения и был в очередной раз поражен — Горму потребовалась лишь подсказка, чтобы освоиться с новым способом связи. Невольно Иеро подумал, что мозг молодого медведя не менее сложен, чем человеческий, и что интеллектуальные способности Горма, пожалуй, не ниже, чем у него самого.

Он передал сообщение: «Я в плену у слуг Нечистого. Нахожусь на острове, точного его положения не знаю. Думаю, мне предстоят пытки. Попробую бежать, скоро. Где вы и что случилось с вами?»

Практикуясь в новом способе связи, Горм поведал историю злоключений их троицы. Из схватки на пляже, в результате которой, как они полагали, Иеро был убит, им

удалось выбраться без единой царапины. Напрягая все силы, преследуемые ордой лемутов, они мчались по побережью на запад. Затем, наткнувшись на подходивший к морю край Пайлуда, беглецы направились в болото, и здесь банда ревунов потеряла их след. Опять повернув на восток, они с большим трудом обогнули по болоту место засады и снова спустились к морскому берегу. Их бивак находился теперь в половине дня пути от места, где захватили Иеро. Враги не пытались их отыскать, и это доказывало, что они считают глупых животных и жалкую девушку-рабыню ничтожной и бесполезной добычей. В конце своей истории Горм сообщил, что с момента битвы на пляже прошло полтора дня. Что друг Иеро собирается делать теперь?

Священник размышлял несколько мгновений. Друзья не могли его выручить; было бы глупо надеяться на помощь юной девушки, которая ничего не знала о кораблях и плавании по морским водам, медведя, понимавшего в этом еще меньше, и лорса, который не поместился бы ни в одной гребной лодке. Вне всякого сомнения, он должен рассчитывать лишь на себя и договориться со спутниками только о месте встречи.

«Идите на восток,— приказал он.— Разыщите какую-нибудь бухту, где небольшой корабль или лодка могли бы скрытно пристать к берегу. Ждите меня там; я приду или свяжусь с вами. Нечистый ничего не знает про ментальной канал, которым мы пользуемся».

Он велел Горму передать ему картину местности, которую они выберут, и сообщить, на каком примерно расстоянии она находится от залива, где его пленили. Он был уверен, что с этими сведениями сможет правильно выдержать направление. После этого, передав привет Лучар, Иеро прервал связь. План уже созрел в его голове, и нельзя было откладывать его исполнение ни на минуту. Кто знает, сколько времени у него еще оставалось?

Он вновь проник в мозг следившего за ним адепта, повторив жуткий эксперимент вторжения в разум колдуна, который был сконцентрирован на нем самом.

Затем Иеро начал с осторожностью внедрять ему мысль, которая могла бы сама собой зародиться в подсознании наблюдателя. Очень простая мысль: «Пленник слишком спокоен. Это подозрительно. Надо отключить машину и пойти взглянуть на него. Да, слишком он спокоен! И потому нужно проверить. Выключить машину и проверить. Нужно проверить».

Снова и снова посылая эту мысль, Иеро постепенно увеличивал ее мощь, стараясь сделать это как можно незаметнее. Адепт, который сам являлся мастером ментальной науки, не должен заподозрить источник этой навязчивой идеи. Секунда за секундой, шаг за шагом Иеро усиливал давление на мозг врага. Одновременно с помощью его глаз он следил за панелью машины.

Внезапно раздался резкий щелчок, мерцавшие на пульте огоньки погасли, перестала светиться стеклянная трубка, и в комнате воцарилось безмолвие. Иеро ощутил, что атака на его разум прекратилась.

И в этот момент, не давая адепту даже встать со стула, он нанес удар!

Воздвигнутые им барьеры были разом сметены, и, не заботясь больше о своей безопасности, он хлестнул по сознанию колдуна, прежде чем у того зародилась мысль о самозащите. Действуя по обоим ментальным каналам, Иеро мгновенно подчинил своей власти разум колдуна; затем, приостановившись, но продолжая полностью контролировать вражеское сознание, мысленно осмотрел завоеванную территорию и ментальные пространства над Мануном. Никаких признаков тревоги или опасности; очевидно, проведенная им телепатическая атака осталась незамеченной для всех, кроме ее объекта.

Спустя мгновение Иеро приказал своему пленнику, связанному невидимыми, но несокрушимыми путами, отправиться к камере и освободить его. В этом был определенный риск — ведь могло оказаться, что у адепта нет ключей. Однако священник полагал, что лица такого ранга должны, скорее всего, иметь доступ ко всем темницам Мануна.

Используя чужие глаза, он видел, как адепт покидает комнату с машиной и выходит в коридор. Но не только зрение врага теперь подчинялось ему; слух повиновался тоже, и, когда в коридоре раздались чьи-то шаги, адепт по его команде нырнул в темную нишу и затаился там, пока проходивший мимо не исчез за поворотом.

Колдун беспрекословно выполнял приказы, но в то же время в глубинах его сознания ощущалось бешеное сопротивление. Этот мастер Нечистого не был новичком в ментальных схватках, и он отчаянно сражался, пытаясь разорвать наложенные на него оковы. Но тщетно! Атака Иеро была внезапной и стремительной; под его контролем оказались лобные доли головного мозга, а это значило, что он подчинил себе его чувства, ощущения, двигательные реакции, перехватил все связи с внешним миром. Адепт Нечистого мог только яриться и бушевать в темнице своего мозга да бессильно следить, как внешняя сила командует его телом.

Они — два существа в одном! — шагали по лабиринту сумрачных коридоров, минуя металлические двери и редкие ниши в каменных стенах. Однажды Иеро услышал глухой стон. Невольно он замедлил шаги покорного ему человека; у него появилось желание взглянуть, что находится за этой дверью. Но любопытство не оправдывало риска. Все, что он мог сейчас сделать,— выбраться отсюда сам, тогда как попытка спасти другого узника Мануна кончилась бы его гибелью.

Наконец адепт оказался перед дверью его темницы. Подчиняясь приказу, враг нащупал узкую щель в стене, просунул в нее пальцы и нажал рычаг. Глухо лязгнул запор, дверь отворилась, и адепт шагнул в камеру. В то же мгновение воля Иеро наглухо блокировала связи его головного мозга с нервными окончаниями; одним ударом священник сжег все центры восприятия и покинул сознание врага. Лишенный возможности видеть, слышать, двигаться, дышать, адепт рухнул на пол. Дверь медленно закрылась, и теперь никто, кроме Иеро, не мог наблюдать финальной агонии

трепетавшего в слабых конвульсиях тела и слышать жуткий хрип умирающего.

Священник быстро поднялся со своего ложа и сорвал с врага серый плащ. На поясе у колдуна висел кинжал, который победитель сунул за голенище; затем он плотно закутался в плащ и надвинул капюшон на лоб. С минуту Иеро прислушивался — и к звукам, и к кружившим над Мануном мыслям,— но в том и другом не ощущалось ничего тревожного. Он снова восстановил свой обычный ментальный барьер; здесь, в подземельях Нечистого, это было необходимой предосторожностью.

Наступившая внезапно тишина заставила его взглянуть вниз — недвижное и безмолвное тело валялось на полу. Он понял, что злое сердце замерло навсегда, и больше не вспоминал об этом. Он не чувствовал жалости; он твердо знал — чем скорее подобные существа исчезнут с лика планеты, тем лучше.

Перед тем как покончить с врагом, Иеро тщательно обследовал его память. Теперь он знал, где расположена его темница, и мог свободно бродить в подземном лабиринте Мануна. Вдохновленный этими новыми знаниями, он покинул камеру, запер дверь и двинулся вниз по коридору. Он шел спокойным ровным шагом, и капюшон надежно скрывал его лицо. Казалось, мастер Темного братства шагает куда-то по своим неотложным делам.

Он выбрал не ту дорогу, которой его вели — или, вернее, тащили сюда. Этот путь был не самым близким и не самым безопасным. Кроме того, перед тем как покинуть негостеприимный кров Мануна, он собирался кое-что забрать. Его мозг был настроен сейчас на ментальный канал, который, как было уже ему известно, предпочитали адепты Нечистого. Он мог обнаружить любого человека, имевшего шансы встретиться с ним в этих темных мрачных туннелях.

Священник прошагал уже несколько сотен ярдов, когда его настороженные чувства уловили какой-то слабый звук. Он замер, склонив голову к плечу и внимательно

прислушиваясь. Звук — если только он не был шумом крови в висках — напоминал мягкие крадущиеся шаги. Но в данный момент Иеро не слышал ничего; подземный мир Мануна оставался тихим, безмолвным и недвижимым. Только редкие лампы мерцали на потолке позади и впереди беглеца.

Он снова двинулся в путь, но вскоре замедлил шаги, увидев яркий свет и движущиеся тени. Он приближался, как то и входило в его намерения, к центральной, наиболее населенной части подземного лабиринта. Люди в серых плащах, делавших их похожими на призраков, скрылись за ближайшим поворотом. Видимо, это были служители низшего ранга; характерной чертой их ментальных полей являлись тупая злоба и страх перед их жестокими повелителями. Подождав несколько минут, Иеро отправился дальше.

Источником яркого света была большая лампа, подвешенная к потолку широкого туннеля, пересекавшего его путь. Он добрался туда, куда хотел, и пока все шло нормально. Он не чувствовал ментальных излучений слуг Нечистого в ближайших коридорах, а значит, мог действовать уверенно и не торопясь.

Отбросив на спину капюшон, священник двинулся по широкому коридору налево. Спустя мгновение он стоял перед нужной дверью; обнаружив, что она не заперта, Иеро быстро перешагнул порог. В тесной каморке, которую, очевидно, использовали как склад, не было ни единой души. На одной из полок высокого стеллажа, занимавшего всю торцовую стену, лежал его драгоценный меч в ножнах на ремне — лежал там, куда его швырнули равнодушные руки людей, презиравших столь примитивное оружие. Иеро откинул плащ и повесил меч на плечо. Минутой позже он снова скользнул в туннель и быстро зашагал в обратном направлении. То, что умершему колдуну было известно, где спрятан меч, являлось немалой удачей — как и мысль поискать информацию в гибнущем сознании врага. Но о метателе погибший не знал ничего, и священник не рискнул разыскивать свой карабин, полагаясь лишь на удачу.

К тому же без запаса снарядов это оружие было сейчас бесполезным.

В узком и мрачном тоннеле, ведущем к дальнему выходу, Иеро не встретил никого. Постоянно прощупывая ментальное поле на длине волны Нечистого, он был уверен, что поблизости нет людей, ни колдунов, ни их прислужников. И все-таки священник нервничал; у него возникло подсознательное чувство, что кто-то обнаружил его побег. Он ускорил шаг, оглянулся, прислушался, но все было тихо. Казалось, никто в подземельях Мануна не поднял тревоги, однако ощущение близкой опасности не покидало Иеро.

Пол извилистого коридора пересекали трещины, грубо обтесанные каменные стены сочились влагой, светильники попадались редко. Это был путь к почти забытому теперь выходу, который в далеком прошлом предназначался для бегства в случае осады подземной крепости. Эту дорогу подсказал ему мозг умирающего адепта; выход был тайным и почти наверняка неохраняемым.

Пол начал подниматься вверх под небольшим углом. Это успокоило священника; он был бы сильно удивлен, если б допустил ошибку. Здесь коридор загромождали кучи щебня и каменные обломки, скрипевшие под ногами, а ламп не было вовсе — видимо, в целях экономии. Споткнувшись, Иеро замедлил шаги, потом остановился, прислушиваясь и осторожно втягивая затхлый сырой воздух. Что за звук послышался за спиной? Будто шум упавшего камня... Он вновь сканировал ментальный диапазон, ту область, что относилась к человеческому разуму, и ничего не обнаружил.

«Крыса или другая мелкая тварь»,— мелькнуло в голове Иеро, когда он отправился дальше.

Пока ни один человек в крепости не знал о его бегстве — в этом он был совершенно уверен.

Пол коридора выровнялся; теперь он шел под довольно крутым углом, и неяркий блик дневного света в отдалении предвещал конец дороги. Ободренный, Иеро слег-

ка расслабился, успокаивая дыхание. Он начал ощущать усталость; сказывались и постоянное телепатическое напряжение, и физические усилия.

Он приближался к выходу, когда за спиной прозвучал шорох — ясный, отчетливый. Священник резко обернулся, выхватив тяжелый меч. В сумраке туннеля маячил огромный силуэт, заполнявший, казалось, проход от стены до стены и продвигавшийся с изрядной скоростью. В то же мгновение, сообразив, что его заметили, лемут бросился к беглецу с диким воплем, отдавшимся под низкими сводами коридора.

Чи-Чук!

Каким-то образом ревун обнаружил его побег и пустился вдогонку! Губы Иеро посерели, он проклял свою невнимательность. Как он мог позабыть, что у людей, принадлежавших к Нечистому братству, есть слуги и союзники нечеловеческой природы! Но времени сетовать на оплошность уже не оставалось.

Тусклый свет падал прямо на лемута, и священник увидел блеск стального лезвия, стиснутого в чудовищной лапе. Затем он атаковал.

Перебросив меч в левую руку, Иеро стремительно нагнулся, подхватил тяжелый булыжник и изо всей силы швырнул его в оскаленную пасть монстра. Глыба известняка до крови разбила лемуту рот, он отпрянул, опустив оружие и судорожно загребая воздух свободной лапой. Сотрясавший туннель яростный вопль внезапно сменился визгом ошеломленного болью животного.

Иеро выхватил кинжал; сжимая его в правой руке и вытянув левую, с мечом, он бросился вперед. Чи-Чук попытался поднять свое оружие, но священник отразил его выпад длинным кинжалом, одновременно послав тяжелый меч в ужасное, залитое кровью лицо. Ни жалости, ни сострадания не было в его душе — как не было сомнений в собственной судьбе в случае промаха.

Удар тяжелого клинка был страшен: короткое лезвие вошло меж красных, налитых яростью глаз лемута. Раздал-

ся хруст, затем — резкий чмокающий звук, когда священник выдернул свое оружие. Все было кончено. Колени ревуна подогнулись, и его огромное тело начало медленно заваливаться вперед. Почти инстинктивно Иеро прижался к стене туннеля, и туша чудовища рухнула у его ног.

В коридоре по-прежнему царила тишина, прерываемая только тяжелым дыханием священника. Он прикрыл глаза и, сосредоточившись, попробовал уловить какие-либо признаки тревоги, но все было спокойно. Мысли людей, обитавших в подземной крепости, были заняты только их повседневными делами. С'дана все еще пребывал в сонном оцепенении, вызванном действием наркотика, злобные и чудовищные видения хороводом кружились в его мозгу. Очевидно, из этого удаленного туннеля ни звука не долетело до центральной части Мануна.

Беглец склонился над трупом и вытер клинок о грязную шерсть лемута. Он стоял, глядя вниз на сведенное предсмертной судорогой тело, отдыхая от страшного напряжения схватки.

— Бедный Чи-Чук! — вырвалось у него.— Бедный глупый Чи-Чук! Если бы ты попал к нормальным людям, жизнь твоя была бы иной. Возможно, ты сделался бы совсем другим существом, достойным войти в чертоги Господа, а не грязным вонючим людоедом, порождением ночного кошмара!

Теперь он сострадал трагической судьбе этой твари, в которой поставили точку камень и меч. Но этот финал казался неизбежным, и, прошептав короткую молитву, Иеро повернулся и продолжил путь наверх. Свежий ветер, всколыхнувший сырой застоявшийся воздух туннеля, овеял лицо, заставляя ускорить шаги.

Прошло, однако, немало времени, пока он достиг выхода и вскарабкался на крутой скат в конце туннеля. Священник сильно устал, ноги его дрожали, и он чувствовал, что схватка с лемутом стоила ему по крайней мере года жизни.

У этого тайного выхода из подземелий Мануна не имелось дверей; в самом конце туннель делал широкий двойной зигзаг и заканчивался узкой щелью, через которую беглец протиснулся наружу. Он настороженно огляделся, прикрывая ладонью глаза, пока они не привыкли к дневному свету. День еще не кончился, хотя солнце низко висело над горизонтом, а небо начало сереть. Щель, из которой он вылез, зияла в склоне скалистого массива, довольно высоко над бухтой, служившей пристанищем кораблям Нечистого. Перед ним лежала заваленная каменными глыбами поверхность скалы, на которой не росло ни травинки; за ней простиралась гавань, где покачивались на волнах несколько кораблей — в том числе узкое черное судно, доставившее его на остров.

Здесь была только одна пристань, на противоположной стороне бухты, и около нее начиналась дорога, тянувшаяся наверх, к замку Нечистого. Задрав голову, Иеро разглядывал берег за темной полосой воды и крепость, хмуро взиравшую на него черными щелями окон. Ее ворота были закрыты, и от башни и стен не доносилось ни звука. Причал и гавань тоже были пустыми и безмолвными.

Справа от Иеро извивалась узкая тропка, которая вела вниз, к неширокой полосе покрытого галькой пляжа. На нем, растянутые на деревянных кольях, сушились рыболовные сети. У кромки прибоя лежали на берегу два небольших суденышка; их якоря на длинных канатах были зацеплены за обломки скалы. Священник решил, что правители острова, очевидно, не брезгуют свежей рыбой. Так ли это было на самом деле, не слишком интересовало его; главное, что эти лодки давали шанс к успешному побегу. Насколько он мог разглядеть, весла были брошены внутри лодок, а одна из них даже имела складную мачту, туго обтянутую серым полотнищем паруса.

Солнце садилось, длинные тени ползли по скале, но ни один огонек не мерцал в окнах замка, и его четкие контуры становились все более расплывчатыми. Не было видно света и в гавани.

«Они даже не выставили охрану у кораблей»,— подумал Иеро с недоумением.

Видимо, мастера Нечистого очень самоуверенны, если считают, что никто не бросит вызов их могуществу, решил беглец. К счастью, это излишнее самомнение сейчас было защитой одному из слуг Божьих и способствовало удаче побега. Но так ли обстояли дела в реальности? Он вспомнил замечание С'даны, брошенное в лодке: «На этом острове много стражей!» Пытался запугать? Возможно... Но лучше вести себя поосторожнее.

Первые звезды замерцали в вышине. Ночь была безлунной. Ветер тонко и жалобно завывал среди голых утесов острова Смерти, и Иеро невольно подумал, что это стоны бесчисленных безымянных существ, принявших здесь гибель, несчастных жертв Нечистого и его слуг. И он решил, что не должен оказаться в их числе.

Священник медленно двинулся вниз по откосу, озираясь по сторонам и сжимая рукоять меча. Никакой опасности вокруг. Ментальные излучения обитателей крепости по-прежнему не вызывали тревоги.

Скоро он различил очертания маленьких суденышек. Выбрав лодку с мачтой и парусом, Иеро освободил якорь и начал толкать ее к линии прибоя. Это была нелегкая работа, и ему дважды пришлось прерываться для отдыха. Наконец он столкнул суденышко в воду, забрался в него и укрепил мачту в донном гнезде, оставив парус пока что свернутым. Затем вылез на берег, острым обломком скалы пробил дыру во второй лодке и, забрав из нее весла, снова вернулся в свой баркас. Спустя минуту он уже плыл к выходу из гавани.

Иеро греб осторожно, осматривая скалы и не пытаясь развить большую скорость; его лодка была почти невидима в густой тени крутого берега. Он миновал один из больших кораблей, стоявших на якоре. Палуба судна была пустой, а отсутствие ментальных излучений подтверждало, что здесь нет никакой охраны. Самой сложной проблемой оказалось преодолеть довольно сильное встречное течение в узкой горловине, соединяющей бухту с открытым морем. Волнение усилилось, водяные брызги летели через борт, и скоро лицо и волосы беглеца стали мокрыми. Ну что ж, решил он, ворочая тяжелые весла, по крайней мере не придется страдать от жажды на долгом пути к северному берегу моря.

Порывы ветра, встретившие лодку в горловине бухты, вначале ошеломили его. Впрочем, ветер был не слишком силен, но человеку в крохотном суденышке четырех ярдов длиной он показался яростным. Волны накатывались на лодку, вода лилась на непокрытую голову Иеро, струилась по шее и спине. Он мгновенно промок, однако ночь была теплой и опасность замерзнуть ему не угрожала. К тому же священник не был новичком в обращении с веслами и парусом. Постепенно он вошел в ритм и размеренными неторопливыми гребками погнал лодку поперек волны.

Он был уже на середине прохода, когда почувствовал тревогу, поднявшуюся в подземной крепости. Немедленно усилив свою ментальную защиту, Иеро продолжал упорно грести, прислушиваясь к суете, наполнившей логово Нечистого.

Он мог слышать мысли С'даны, почти бессвязные от яростного гнева, когда тот пробудился и узнал последние новости. Мысли других адептов тоже были ему доступны, и он ощущал лихорадочную поспешность, с которой слуги Нечистого обшаривали ментальное пространство в недрах и на поверхности острова, пытаясь разыскать его. Но он также чувствовал и бесплодность их усилий. Его телепатический барьер был непроницаем и неощутим; эта новая сила и новое знание, посланные ему в трудную минуту Господом, делали его невидимым для служителей Зла. Гораздо больше священника тревожила погоня; если за ним отправят корабль, то смогут увидеть обычным зрением, а не ментальным. Он понимал, что рано или поздно враги тоже придут к этой мысли.

Но пока что ему сопутствовала удача. Он успел уже выйти из горловины бухты и обогнуть один из обрамлявших ее огромных утесов, когда на стенах замка вспыхнули огни и раздалось шипенье взлетающей осветительной раке-

ты. Она разорвалась над гаванью, залив ее ярким голубым светом, но огромные скалы, составлявшие внешний бастион острова, защитили Иеро от глаз врагов. Тем не менее он не строил иллюзий насчет своей безопасности; конечно, пропажа лодки будет обнаружена, и способ его побега не останется тайной.

Священник сложил весла и поставил парус. Теперь ему пришлось пересесть на корму и взяться за руль. Он повернул вдоль восточного побережья острова.

Ему хватило нескольких минут, чтобы приноровиться к своему крошечному суденышку. К счастью, с запада дул ровный устойчивый ветер, и лодка под парусом вела себя отлично. Вскоре священник убедился как в ее надежности, так и в своем умении справиться с парусом и рулем.

Он был настолько занят лодкой, что ослабил ментальный контроль за островом. Это, конечно, не касалось его телепатического щита, который поддерживался почти инстинктивно, но кое-что творившееся в Мануне ускользнуло от его внимания. Впрочем, остров напомнил о себе, когда Иеро почудилось, что он ощущает какую-то странную и неприятную дрожь ментального поля. Что вызвало ее, священник понять не мог и не заинтересовался странным феноменом. Главное, подумалось ему, что этот трепет не несет угрозы.

Внезапно слева от лодки, за границей отбрасываемой скалами тени, из воды всплыло полукольцо гигантского мертвенно-бледного каната. Этот канат был толщиною с тело взрослого человека, и на одном его конце зияла зубастая пасть.

Существо скрылось в черной воде и появилось вновь, ясно видимое в свете непрерывно взлетающих осветительных ракет. Сердце Иеро сжалось, будто схваченное ледяными тисками.

Червеобразные монстры из гавани! Манун вызвал из темных глубин Внутреннего моря и послал за ним ужасную погоню.

Глава 7

ЗАБЫТЫЙ ГОРОД

Лучар сидела, скрестив ноги и пристально уставившись на пламя крошечного костра. Ее била дрожь, но холода она не испытывала, совсем нет. Молодой медведь лежал рядом с ней, положив голову на ее колени. Он спал, чуть слышно посапывая носом. Справа, из-за небольшого оврага, доносился шум волн, разбивающихся о берег, и тихий хруст — Клоц перемалывал свою бесконечную жвачку. Огромный лорс стоял на страже, и девушка знала, что опасность не нагрянет неожиданно в эту ночь.

Она думала об Иеро. Он сумел сделать невозможное — связаться с ними, и это чудо снова вдохнуло в нее желание жить. Последние часы были очень тяжелыми: ей казалось, что все потеряно, и она серьезно помышляла о самоубийстве. И в этот момент священник перебросил им ниточку надежды. Но он мог бы сказать что-нибудь и ей, думала девушка, сердито и по-женски непоследовательно. Или не мог? Нет, в самом деле, она оказалась слишком глупой, слишком неопытной, чтобы услышать его! Медведь, четвероногое создание, был более чуток, чем женщина, которая...

Вздрогнув, она прогнала эту мысль прочь. Невысказанную мысль и непрошеную... Она, Лучар, дочь Даниэла Девятого, принцесса Д'Алви, не может любить священника-иностранца! Этого низкорожденного дикаря, раскрашивающего лицо, это ничтожество, этого типа, что охотней беседует с медведем, чем с ней! Любить его? Смехотворно!

Но тут же, с чувством внезапно возникшего раскаяния, она нежно погладила мохнатую голову Горма.

— Медведь, умница мой,— прошептала она едва слышно,— прошу тебя, приведи его обратно. Приведи невредимым, ко мне.

Их лагерь располагался в углублении скалы, в нескольких сотнях футов от моря. Как передал ей Горм, им предсто-

яло найти небольшую бухту или залив и, затаившись там, ожидать Иеро. Этот крошечный заливчик, огороженный скалами, открытый лишь небу и морю, был идеальным убежищем. Лучар, вспомнив осторожность Иеро и его уроки, построила изгородь из кустарника со стороны пляжа, так что разведенный ею костер был незаметен даже с расстояния двадцати шагов.

Медведь внезапно пробудился и глубоко втянул носом воздух.

«Ветер усиливается, маленькая самка,— так он обозначал Лучар.— Небо стало темным. Это большая удача для друга Иеро».

Сообщив это, Горм улегся и снова закрыл глаза.

«Но ведь он в тюрьме!» — подумала Лучар.

Священник был бы удивлен, узнав, сколь уверенно она научилась пользоваться ментальной связью. Они с Гормом уже прекрасно понимали друг друга и могли проводить настоящие совещания. Девушка получила возможность давать мысленные команды большому лорсу, хотя чаще прибегала к помощи медведя. Клоц выполнял приказы своего мохнатого приятеля так, словно они исходили от самого Иеро. Это обстоятельство наверняка показалось бы священнику весьма примечательным.

«Не пытайся говорить с другом Иеро (чувство опасности),— передал медведь, не открывая глаз.— Говори только со мной и Клоцем, когда мы рядом».

Лучар была достаточно умна, чтобы понять: Горм лучше представляет опасные последствия ментального общения. Не желая того, она могла выдать Иеро или навести врагов на их лагерь.

Однако как тяжело давалось ей это томительное ожидание!

Миновал час, и она поняла, что медведь снова проснулся. Поднявшись, он вытянул шею и начал всматриваться в темноту, как будто пытался разглядеть мчавшиеся над ними облака. Каким-то шестым чувством она уловила, что медведь вступил в контакт с Иеро. Если бы только она мог-

ла помочь ему! Нервная дрожь сотрясала тело Лучар, и тут же она ощутила, что Горм сейчас заговорит с ней.

«Друг Иеро в море, ищет нас. Но я не могу описать ему место, где мы находимся. Ты должна сделать это, маленькая самка. С помощью моих глаз он не может хорошо рассмотреть берег».

Затем в ее сознание, подобно бурному потоку, ворвался Иеро. Но он не произнес ни слова привета или ласки, одни только приказания!

«Где ты, девушка? Быстрей! Попытайся рассказать мне об этом месте — как оно выглядит со стороны моря. И торопись! — Здесь была пауза.— Меня преследуют; я не могу долго поддерживать связь с вами. Ну, поторопись же!»

Лучар пришла в ужас. Она так хотела помочь ему, но теперь не могла даже думать; страх перед слугами Нечистого сковал ее. Они могут убить Иеро, если переданная ею картина будет неверной или слишком смутной, чтобы он сумел их разыскать... Эта мысль мучила ее, но она принадлежала к племени воинов и бойцов; наконец ей удалось собраться с силами.

«Слушай,— спокойно передала она,— и я попытаюсь это сделать. Мы в одном дне пути к востоку от того места, где тебя взяли в плен. Здесь в море выдается одинокая скала, и на ее вершине растут две пальмы. Скала выше с западной стороны и понижается к востоку. За ней — маленький залив с пляжем. Мы прячемся там, у подножия скалы».

«Этого достаточно! — выпалил священник.— Ни слова больше, иначе они вас найдут! Не связывайтесь со мной, ясно? Ждите!»

Затем наступило молчание. Лучар залилась слезами. Он был где-то там, в море, в смертельной опасности, и не нашел для нее ни единого теплого слова! В следующее мгновение она подумала, что проявляет эгоизм, и зарыдала еще сильнее. Пока она негодует на его холодность, он борется со смертью — и, возможно, уже мертв!

«Успокойся и жди,— возникли слова в ее сознании.— Он тоже думает о тебе, маленькая самка. Но сейчас он дол-

жен сражаться за свою жизнь. Он вернется к нам, будь уверена».

Сквозь слезы Лучар удивленно воззрилась на медведя. Каким образом он узнал, что она чувствует?

«Твой разум был открыт для меня,— передал Горм.— Когда Иеро говорил с тобой, я слышал ваши мысли. Твой собственный мозг еще не может справиться с такой задачей. Теперь спи, пока я буду наблюдать за берегом».

Успокоившись, она легла на одеяло, вглядываясь в темное ночное небо и слушая шорох волн, катившихся на берег, и свист ветра в кронах пальм. Она была уверена, что не сможет сомкнуть глаз, но, к удовлетворению медведя, уснула почти мгновенно.

«Люди — странные существа,— подумал четвероногий философ.— Их привязанности так дорого обходятся им!»

Он поднял голову, внимательно прислушиваясь к ночным шорохам.

Лицо Иеро оставалось спокойным, но его сердце невольно дрогнуло, когда он увидел белесую спину и пасть червеобразной твари. Он сидел с подветренной стороны, упираясь ногами в днище и сжимая одной рукой руль, а другой — леер для управления парусом. Маленькое судно мчалось вдоль скалистого берега Мануна, и священник старался направлять его как можно ближе к утесам. Что-то подсказывало ему, что в открытой воде опасность возрастет. Но он знал, что скоро придется покинуть прибрежные воды острова и пробиваться к большой земле. Его сознание все еще ощущало вибрацию ментального поля; вероятно, это был сигнал тревоги, посланный с острова чудовищным призракам морских глубин.

Внезапно в тридцати футах от лодки поверхность воды вспучилась, приподнявшись невысоким горбом. Однако, как ни напрягал священник глаза, он не смог ничего рассмотреть в темноте. Скрывался ли там кто-нибудь, или то была всего лишь высокая волна?

Серебристая луна выкатилась из-за туч; ее бледный свет, озаривший морскую поверхность, помогал Иеро выбирать верный маршрут. Лодка наконец покидала прибрежную зону мертвого острова; его дальний восточный мыс оставался правее маленького суденышка, а за ним простиралось открытое море. Где-то там, на неизвестном расстоянии, лежала большая земля и ждали его друзья.

Миновав оконечность мыса, Иеро перебросил рею с парусом к другому борту, сменяя галс. Этот маневр был достаточно простым и не вызвал у него затруднений. Он хорошо представлял, куда должен плыть; внутреннее чувство ориентации, как и умение правильно оценивать время, было развито у него очень сильно. Закончив манипуляции с парусом, священник снова уселся на корме, посмотрел назад и вздрогнул от омерзения.

Из воды показалась ужасная круглая пасть, пульсирующая в непрерывном отвратительном движении. Гигантский червь находился в дюжине ярдов позади лодки, и его голова примерно на фут возвышалась над волнами. Иеро назвал это жуткое создание «червем», но, как и многие другие монстры, оно имело родоначальника в эпоху до Смерти. В прошлом всего лишь минога, рыба-змея длиною в несколько дюймов, превратилась под влиянием радиации в тупого и безмозглого колосса, способного опрокинуть небольшое судно. Колдуны Нечистого нашли ментальную волну, заставлявшую этих тварей подыматься на поверхность в поисках пищи. Очевидно, адепты умели как-то контролировать их, чтобы обеспечить безопасность своих кораблей. Множество этих белесых чудищ обитало на морском дне вблизи Мануна, и они составляли самую надежную охрану острова.

Гигантский червь, ясно видимый в свете луны, плыл, волнообразно изгибаясь, следуя за каждым поворотом лодки. Иеро показалось, что тварь двигается нарочито медленно, как будто играет с ним. Судя по тому, что монстр сумел так быстро догнать суденышко, он мог развивать гораздо большую скорость. Вероятно, его поведение диктовалось лишь инстинктивной осторожностью; в этом крошечном мозгу вряд ли копошились какие-либо мысли. Наконец

червь решил, что преследуемое им существо годится в пищу. Его скорость резко возросла, тело сжалось, подобно пружине, а затем огромная голова нанесла удар в корму лодки — прямо под тем местом, где находился Иеро.

Священник был готов к борьбе и очень, очень разгневан. Пройти путь, полный опасностей и лишений, чтобы погибнуть в пасти отвратительной безмозглой твари! На миг обжигающая волна ярости затмила разум, но он был слишком опытным бойцом и помнил, что первое правило в любом сражении — сохранять спокойствие.

Он стоял на корме, плотно зажав коленями рукоять руля и стискивая в руках одно из запасных весел. И в тот момент, когда чудовище таранило баркас, он воткнул весло прямо в округлую, усаженную остроконечными зубами пасть. Весло угодило прямо в глотку монстра, и священник приложил все силы, чтобы вогнать его поглубже.

Тварь отдернула голову с застрявшим в пасти веслом. Это движение швырнуло Иеро на колени, но ему удалось перехватить руками руль, не потеряв ни ветра, ни скорости. Как зачарованный он наблюдал за метавшимся в воде огромным червем, тело которого то судорожно свивалось в кольца, то резко распрямлялось в безуспешных попытках освободиться от весла. Скоро чудовище исчезло за кормой, во мраке ночи, но он не решался ослабить бдительность. Эта тварь могла быть не одна, и он понимал, что в следующий раз трудно рассчитывать на столь же удачный фокус. Кроме того, он находился на грани полной потери сил. Напряжение двух схваток и долгие ментальные усилия почти исчерпали запас его жизненной энергии. Он не имел ни мгновения отдыха с тех пор, как очутился в плену, и он не знал, как долго сможет еще продержаться.

Остров растаял на западе, и теперь в серебряных бликах лунного света, танцующих на пенных вершинах волн, простиралась вокруг лишь бескрайняя водная гладь. Утомившись от ее созерцания, Иеро решил, что пора раздобыть кое-какую информацию. Ему не верилось, что силы добра восторжествуют так легко; покидая гавань Мануна, он

мысленно ощутил гнев С'даны и свирепую ярость остальных адептов. С'дана хвалился, что никому и никогда не покинуть остров Смерти... Но он, Иеро Дистин, скромный Божий слуга, совершил это, и отмщение бледных дьяволов будет быстрым. В любую минуту могла начаться погоня, и чем скорее он вступит в контакт со своими друзьями, тем лучше.

В этот момент он и вызвал Горма и Лучар. Если бы девушка могла прочесть его мысли, когда их контакт прервался, она уснула бы с улыбкой счастья. Постепенно священник начал ощущать, что ее милое личико с шапкой темных кудрей и легкая изящная фигурка стоят перед его глазами во время работы и отдыха и даже в самые критические минуты высшего напряжения сил. Если только он сумеет вернуться... и снова увидеть ее...

Затем он переключил внимание на оставшийся позади остров и, используя новый канал, выделил несколько капель из ментальной реки, что струилась к нему с Мануна. Кроме главного течения он обнаружил еще три; они были сильнее, чем первый, и, следовательно, ближе к нему. Судя по направлению ментальных сигналов, их источники находились между островом и его лодкой! Очевидно, корабли, решил он; три судна, отправленные в погоню и плывущие примерно его курсом. Да, слуги Нечистого зря времени не теряли! Теперь необходимо выяснить, далеко ли до большой земли.

Священник пристально всматривался в ночной полумрак, но в слабом лунном свете не удавалось различить ничего, кроме бесконечных волн, толкавших лодку упругими сильными кулаками. Но, Боже милостивый, берег не мог быть далеким! Он прошел уже не меньше пяти миль, и сигналы Лучар и Горма были такими отчетливыми! Правда, ментальные потоки от преследующих кораблей тоже нарастали, и это значило, что они приближаются. Иеро не сомневался, что враги не бросили попыток найти его по излучению мозга, хоть установленный им барьер был непроницаем. Эта мысль служила ему единственным утешением.

Сделалось немного светлее — свежий ветер разгонял облака, и луна все чаще показывалась в их разрывах. Это было плохо, но он не властвовал над погодой. Оставалось лишь ждать и молиться.

Но что там, впереди? Темная четкая линия, показавшаяся в обманчивом лунном свете... Снова и снова он видел ее, когда лодка взлетала на гребень очередной волны. Это была земля, немного левее его курса! Иеро чуть повернул руль, вглядываясь в очертания побережья. В этот момент он заметил, что ментальное излучение Горма становится все сильнее.

«Поднимайтесь, сверните лагерь и ждите! — передал он.— Будьте готовы к бегству и не отвечайте мне, иначе вас обнаружат!»

Он трижды повторил приказ, используя свой новый способ связи, и прервал контакт. Он сделал все, что мог.

Облака разошлись. Теперь в свете полной луны даже его маленький парус можно заметить с большого расстояния. Он снова поймал ментальную волну врагов и поразился, насколько они близко. Однако, оглянувшись назад, ничего не заметил.

Взгляд уже мог различить детали побережья, но, к огорчению Иеро, он не видел описанной Лучар скалы; перед ним тянулся бесконечный пляж, заросли кустарника и возвышавшиеся в отдалении дюны. Неужели он пропустил залив? Но сейчас это было не важно, главное — уйти от кораблей, настигавших лодку. Он направил суденышко к берегу, до которого оставалось не больше полумили.

В это мгновение он ощутил резкий всплеск в одном из ментальных потоков врагов: очевидно, его заметили. Встревоженный, он повернулся и увидел, как два темных прямоугольника возникли над водой, приподнялись, исчезли и появились снова. Паруса! Судно преследователей было на таком же расстоянии от него, как близкий берег, но удача не покинула священника — кажется, этот корабль не имел никаких двигателей, кроме мачт и парусов, что уравнивало шансы. Настораживало другое: колебание сигналов в обычном диапазоне связи. Передают сообщение, догадался Иеро, и тут же почувствовал, как два других ментальных сгустка изменили курс и начали приближаться к лодке. Его рука метнулась к поясу и стиснула рукоять кинжала: вторично он не попадется в плен живым! И не отдаст Нечистому свою бессмертную душу!

Иеро снова оглянулся назад, прикидывая скорость двухмачтового судна и свои шансы уйти от погони. Корабль нагонял его; он мог уже видеть черный контур его корпуса и отблески лунного света, отраженные остриями пик.

Но берег был совсем рядом. До него доносился шорох волн, облизывающих песчаный пляж, он видел заросли пальм, кроны которых колыхались под ветром, и чувствовал свежий запах листвы.

Внезапно позади раздалось жужжание — раз, другой. Круглая дыра как по волшебству возникла в его парусе, но прочная ткань не порвалась. С резким стуком тяжелая стрела, выпущенная, видно, из арбалета, впилась в планшир рядом с его ладонью. Тут ничего нельзя было поделать, и, даже не оглянувшись, он продолжал упорно направлять лодку в бушующий у берега прибой.

Суденышко встало на дыбы, и священник поспешно спустил парус. Затем последовал резкий наклон вперед, едва не сбивший его с ног. Присев, он скорчился у борта, цепляясь за него руками; волны прибоя играли его суденышком как щепкой, пока под днищем не заскрипел песок. В одно мгновение Иеро сбросил длинный плащ, прыгнул в воду и выскочил на берег.

Тяжелая стрела, просвистевшая над его головой, не задержала его ни на секунду. Когда он мчался по песку к ближайшей дюне, за его спиной раздалось дикое улюлюканье. Он понял, что на борту корабля находится отряд волосатых ревунов. Вскарабкавшись на вершину песчаной горы, Иеро впервые оглянулся назад. Его лодка лежала у берега, и пенные валы били в ее борта. На мгновение он ощутил горечь — ведь этот крохотный кораблик спас его! За линией прибоя качался на волнах вражеский парусник, и в лун-

ном свете он видел темные фигуры, в ярости метавшиеся по его палубе, и слышал бешеные вопли. Священник насмешливо усмехнулся. Высадиться здесь на берег было нелегкой задачей.

«Господь не оставляет своих слуг»,— подумал он и перекрестился.

После этого Иеро лег на гребень песчаного холма, скрывавшего его от врагов, и стал наблюдать за ними. Парусник был больше, чем он полагал, и на борту могло оказаться душ пятьдесят; вполне подходящая команда, чтоб изловить беглеца на земле.

Через несколько минут вдали замаячил обтекаемый корпус корабля, пленившего его двумя днями раньше. Это судно шло без руля и без ветрил, но приближалось с пугающей быстротой, разрезая волны острым, как лезвие ножа, носом; вскоре оно уже покачивалось рядом с парусником. Священник увидел группу темных фигур на носу корабля и понял, что стреляющее молниями орудие снова ищет цель. Он стремительно скатился по обратному склону дюны, и вовремя — трава на вершине песчаного холма вспыхнула оранжевым пламенем в нескольких ярдах над его головой.

«Болван! Надо было прятаться в стороне! Они же видели, как я лез на эту чертову дюну!»

Шепча проклятия, он двинулся прочь от берега, через заросли кустов и пальм. Позади раздавались треск и гудение огня.

Измученный, ослабевший и усталый, он шел медленно, увязая в песке и пытаясь в то же время разобраться в мыслях врагов. Но здесь он столкнулся с новой трудностью: их было слишком много! И все они старались защитить ментальными барьерами свои черные мыслишки, в то же время концентрируя сознание на нем. Разобраться в этой мешанине оказалось почти невозможно, даже с помощью новых каналов и частот.

Вдруг до него дошло четкое сообщение, перекрывшее все другие сигналы подобно горе, возвышающейся над холмами.

«Священник! Я полагаю, ты слышишь меня! Ты выкинул новые фокусы, священник, и я желаю разобраться с ними. Ты убил еще одного старшего брата и уничтожил нашего верного слугу, о чем мы уже знаем. Слушай меня, священник! Я, С'дана, мастер Темного братства и глава Голубого круга, клянусь прикончить тебя, убить самым страшным способом, какой имеется в моем распоряжении. Это будет нелегкая смерть, священник! И пусть я не узнаю покоя, пока не выполню свою клятву! Я ухожу, но мы еще встретимся!»

Иеро рухнул на землю в тени большой пальмы и уставился на залитую лунным светом стену кустарника. Он так устал, что дальнейшие физические усилия, пожалуй, убили бы его. Еще он испытывал огромное изумление, анализируя мысли врагов. Они действительно не собирались высаживаться на берег, и причина была только одна: они боялись! Боялись его, одинокого и израненного, боялись отчаянно! Лишь страх — скорее ужас! — заставил хорошо вооруженный отряд, включавший не меньше сотни людей и лемутов, прекратить погоню. Враги не представляли его возможностей, и их предводитель боялся попасть в засаду. Подумав об этом, священник слабо усмехнулся. Все, что он мог сейчас сделать, сводилось к защите собственного разума, но слуги Нечистого страшились его. Трепетали перед ним, считая сверхчеловеком, обладающим невиданной телепатической мощью!

Эта мысль его воодушевила. Тот небольшой запас сил, которым он еще обладал, нужно было тратить с разумной экономией, и потому Иеро, настроившись на низкие частоты, связался с Гормом. Медведь, должно быть, ждал этого; его ответ появился тотчас.

«Я на берегу, думаю — к западу от вас,— передал Иеро.— Ты должен найти меня, так как я не смог добраться до скалы и вашей стоянки. Я спрятался в зарослях кустарника в четверти мили от берега. Не пользуйся ментальной связью, ищи меня, полагаясь на свой нос и глаза. Враги близко, иди позади дюн и охраняй свои мысли! Повторяю, охраняй свои мысли!»

Он упал лицом в песок, и последние капли энергии покинули его тело. Он лежал в тени пальмы, сам подобный тени в лунном свете, не способный пошевелить даже пальцем. Десятилетний ребенок с камнем в руках мог бы убить его.

Иеро очнулся в темноте. Вода капала на его лицо, и он решил, что идет дождь. Затем горлышко фляги коснулось его губ; кажется, он уже не валялся под пальмой, а сидел, прислонившись к чему-то мягкому и чудесно пахнувшему. Его голова лежала на груди Лучар, а в нескольких шагах маячили, будто подмигивая сквозь туман, лукавые черные глазки молодого медведя. Горм наклонил лобастую башку и слегка пофыркивал, разглядывая своего друга. Неподалеку темной глыбой на фоне звездных небес высилась огромная фигура лорса.

С усилием, преодолевая слабость, священник протянул руку к фляжке и выдернул ее из пальцев Лучар. Пискнув от возбуждения и радости, она затараторила:

— Все хорошо, пер Иеро, с тобой все в порядке, мы искали тебя весь день и обнаружили лишь несколько минут назад, это он, Горм, нашел тебя по запаху, отдай флягу, я сама, тебе нужен покой, я хочу умыть твое лицо, я...

Свободной ладонью Иеро прикрыл ей рот и жадно приник к горлышку. Напившись, он положил флягу на землю и освободил ее губы.

— Я голоден,— сказал он хрипло.— Пока я ем, буду рассказывать. Но сначала ответьте: вы видели наших врагов? На море, в небе или здесь, на берегу?

Девушка вскочила, подбежала к сумкам, притороченным к седлу лорса, и тут же вернулась с пищей. Теперь она попробовала — правда, без особого успеха — говорить безразличным тоном:

— Как ты себя чувствуешь, пер Иеро? Мы прятались тремя милями восточнее по побережью. Если бы ты поплыл дальше, то легко нашел бы наш залив. Ты плохо выглядишь, и от тебя так странно пахнет...— С этими словами она вложила ему в руки кусок рыбы и сухарь.

Откусывая небольшие кусочки от того и другого, он кратко поведал ей, что случилось с ним в плену, затем повторил эту историю Горму, вступив с ним в ментальную связь — несколько утомительная для него, но необходимая процедура. Телепатический рассказ занял лишь минуту или две, столь быстрой была мысленная речь. Медведь выслушал Иеро, мотнул тяжелой головой и отправился в темноту — обследовать окрестности.

Священнику захотелось сладкого, и он закончил свою трапезу куском пеммикана. Затем встал, потянулся и глубоко вздохнул.

— Ты не представляешь, девочка, как хорошо на воле после подземной темницы,— сказал он, подставляя лицо прохладному ночному ветру.— Манун — это ужас... ужас и гибель! Там даже воздух пропах смертью. Представь, на этом острове ничего не растет... ровным счетом ничего — ни травы, ни кусты, ни кактусы...

Девушка вздрогнула, и Иеро внимательно посмотрел на нее. Она выглядела очаровательно — тонкая, изящная, с темными кудрями, на которых играли блики лунного света. Что-то в его глазах заставило ее поднести руку к голове и нервно пригладить волосы.

— Знаешь, я скучал по тебе, малышка,— произнес он и прилег на землю, облокотившись на руку.

Лучар отвернулась от него; казалось, она внимательно изучает залитые лунным светом дюны.

— Вот как...— заметила она дрогнувшим голосом.— Это хорошо, пер Иеро, потому что мы тоже скучали без тебя.

— Я говорю, что скучал по тебе,— повторил Иеро.— И я много думал... Удивительно, я больше думал про тебя, чем о собственных грустных делах.

Лучар повернулась, и он увидел блеск ее темных глаз. Несколько мгновений длилось молчание, затем она заговорила:

— Иеро, я вовсе не сбежавшая от злого хозяина девушка-рабыня.

— Ну что ж,— сказал он с досадой,— я догадывался об этом. И будь я проклят, если это обстоятельство меня

хоть немного волнует, даже если оно кажется очень важным тебе. Девушка, которую я полюблю, всегда будет мне дорога, что бы с ней ни случалось в жизни раньше. И мне не важно, кем и чем ты была в своей варварской стране!

— О! — воскликнула она сквозь слезы.— Ты ужасный человек, пер Иеро! Что ты подумал обо мне! Я собиралась сказать тебе что-то важное, но ты даже не хочешь меня выслушать! Можешь отправляться обратно на свой остров Смерти или куда угодно! Ты сам полумертвый и выглядишь, как выкопанный из земли труп, и пахнешь так же! — Разгневанная, она вскочила на ноги и умчалась в темноту, покинув рассерженного священника.

Но его раздражение скоро прошло.

Он уныло почесал в затылке, с удивлением подумав: «Почему я так разозлился? Пожалуй, я вел себя не самым лучшим образом!»

«Что нового?» — спросил он у Горма, который вдруг появился из темноты и лизнул его грязное, заросшее колючей щетиной лицо.

«Никакого движения вокруг,— пришел немедленно ответ.— Я ничего не почувствовал, кроме запаха мелких ночных животных. Враги ушли — вероятно, на свой остров».

«Жди здесь и наблюдай,— передал священник.— Я пойду к воде, мне надо умыться».

Он медленно поднялся на дюну. Внутреннее море было пустынным; лунный свет серебрил его воды, тихие и спокойные в эту ночь. Мысли Иеро бродили далеко от этого прекрасного зрелища; он искал следы врага, забросив ментальный щуп вверх и вниз по побережью. Но здесь не было никого, кроме зверей и птиц.

Затем он собрал в тугой комок свою новую силу и бросил ее вдаль, над многомильным пространством воды — туда, где находился остров Смерти. Он попытался обнаружить умыслы врага, направленные против него, но ментальные потоки человеческих разумов словно иссякли.

Удивленный, Иеро повторил поиск, но безуспешно. Там, в далекой крепости, Нечистый огородил ментальным барьером свои владения; и хотя недавний пленник Мануна

ощущал нечто, витающее над островом, понять он не смог ничего. Он находился в положении человека, который старается разглядеть через мутное стекло внутренность аквариума. Он чувствовал какое-то движение за барьером, но что это такое, оставалось тайной.

«Быстро сделано! И ловко!» — с неохотой признал Иеро, спускаясь с песчаного холма на пляж и сбрасывая одежду.

Позади он слышал фырканье Клоца, который последовал за ним на берег. Большой лорс не хотел снова потерять хозяина и решил, по-видимому, охранять его постоянно и неусыпно.

Священник мылся и сбривал свою жесткую щетину, продолжая обдумывать действия врагов. Они не представляли себе его возможностей, но, очевидно, С'дана и его свора почувствовали, что есть какие-то новые каналы связи, и сумели быстро нейтрализовать их. Разумеется, их присутствие в том или ином месте не было тайной для Иеро, но проникнуть в их мысли он теперь не мог.

Сменив одежду, он привел себя в порядок и выстирал платье, которое было на нем во время плена. Луна светила настолько сильно, что Иеро мог нанести на лицо священные знаки. Он чувствовал себя вполне отдохнувшим, и лишь отсутствие привычной тяжести медальона на груди напоминало о событиях последних дней. Швырнув в море кусок оплавленного и осквернённого металла, в который превратился его серебряный значок, он пошел обратно к дюнам. Клоц шагал за ним по пятам.

Перевалив через гребень песчаного холма, Иеро увидел, что девушка и медведь карабкаются по склону ему навстречу. Взглянув на Лучар, он ощутил удар крови в висках.

«Боже милостивый,— мелькнула мысль,— что же творится со мной?»

Подняв темноволосую головку, она холодно взглянула на него, потом неожиданно улыбнулась. Иеро испытал почти непреодолимое ощущение прикоснуться к ее разуму.

«Во имя девяти кругов ада, что она думает обо мне? Кто она? Почему я полюбил ее?» Эти вечные вопросы звучали в его сознании, лишая привычного равновесия.

— Извини, я, кажется, был невежлив,— смущенно пробормотал он.— Забудь о моих словах, девочка.

Его голос звучал так, будто он выдавливает слова откуда-то из желудка. Понимая это, Иеро в душе проклинал свою неуклюжесть.

— Не стоит вспоминать о сказанном, пер Иеро,— откликнулась девушка.— Ни о том, что ты говорил, ни о том, что услышал в ответ. Прости меня. Я слишком молода и глупа.

Казалось бы, инцидент был исчерпан, но, собираясь в дорогу, они поглядывали друг на друга с холодком. Приторочив к седлу выстиранную и еще мокрую одежду, Иеро забрался на лорса, протянул руку девушке и посадил ее впереди. Затем они снова двинулись в путь по побережью.

Напряжение владело обоими странниками. Они не вспоминали о недавних событиях и пережитом тяжком испытании; им хотелось бы обсудить другие темы, но ни один, ни другая не решались начать первыми.

Тем временем миля за милей пролетали под копытами Клоца, и Иеро, прервав молчание, стал объяснять девушке план дальнейших действий.

— Колдуны с Мануна знают, где мы находимся,— произнес он.— Сейчас они напуганы, но это не продлится долго. Я бы хотел попасть в район Нианы, города, о котором ты мне рассказывала, но для этого придется обогнуть Внутреннее море с востока или пересечь его на корабле. И можешь быть уверена, Нечистый объявит тревогу и соберет своих слуг и союзников, чтобы перекрыть нам любой путь, по суше и по морю!

Он призадумался, потом указал рукой на юго-восток.

— Там, девочка, нет ничего, кроме болот, чащ и нескольких Забытых городов. Эти древние поселения меня не интересуют: все они разрушены, полузатоплены и давно разграблены. Вряд ли в них сохранились приборы, которые я ищу. Карта Нечистого, взятая мной у мертвого колдуна, показывает, что за этими городами южная оконечность болот приближается к морю, вдаваясь в него широким полуостровом. Я хотел бы отойти от побережья и

пересечь полуостров севернее; это сильно сократит наш путь. Но тогда нам придется идти по болоту, а без метателя это слишком опасная затея. Мне нечем сражаться с огромными тварями, населяющими Пайлуд.

Они ехали под луной до самого рассвета, стараясь держаться с северной стороны дюн. Песчаные холмы скрывали их от наблюдения с моря, но замедляли продвижение. Эта местность, граница между болотом и песчаным взморьем, густо заросла кустами, пальмами и колючими кактусами, так что Клоцу приходилось внимательно выбирать путь и он не мог двигаться здесь с такой же скоростью, как на ровном пляже. Иеро тем не менее не рисковал появляться на открытом пространстве: С'дана и его милая компания в любой момент могли устроить налет на побережье. Он все время проверял каналы связи, пытаясь обнаружить хотя бы след ментальных сигналов, но на всех диапазонах царило полное молчание. Очевидно, у слуг Нечистого зародились кое-какие подозрения на его счет, и любая ментальная связь была прекращена. Это становилось все более опасным.

Шло время, миля за милей ложились под копыта Клоца. Наконец Иеро перестал ощущать ментальную ауру врага. Это означало, что они удалились на большое расстояние от острова Смерти, и настроение священника несколько поднялось. Если его мысль не могла достигнуть логова Нечистого, то, разумеется, враги тоже были не в состоянии обнаружить его. Он полагал, что ментальный барьер, отгородивший неприятеля, связан с крепостью, с самим Мануном. Похоже, защиту поддерживали с помощью какого-то аппарата вроде усилителя мысленной энергии, использованного для контроля за его сознанием, и, вероятно, это устройство было стационарным, таким, что его не передвинешь с места на место. Вывод был ясен: нельзя появляться вблизи крепостей и городов Нечистого. Если бы только он знал, где они находятся!

С рассветом путники разбили лагерь под непроницаемой кроной огромной пальмы. Священник все еще был на-

стороже, осматривая не только окрестности, но и безоблачное небо. Хотя вражеский пилот не появлялся с тех пор, как Иеро вышел из трясин далеко на востоке, он не рисковал путешествовать днем. Он не отважился даже бросить взгляд на местность с высоты, взглянув на нее глазами орла или коршуна: любая неосторожность могла навести Нечистого на их след.

Они быстро поели и проспали все утро в тени пальмы. Затем Иеро принялся изучать соседние деревья и кустарник, пока не нашел то, что было ему нужно. Невысокое дерево с узловатым стволом, покрытым блестящей черной корой, зазвенело под ударами меча. Срубив его, священник трудился над неподатливой древесиной весь день, много раз затачивая свой меч и нож. Наконец к вечеру он вырезал несколько деталей.

— Для арбалета,— объяснил он Лучар в ответ на ее вопрос.— Любой киллмен, опытный воин, умеет сам делать оружие. У меня нет больше карабина, и надежный арбалет — лучшее, что я могу соорудить. Еще мне понадобятся прочные рога какого-нибудь животного, а также металл и перья для стрел. Все это потребует времени, но метательное оружие нам необходимо.

— Ты научишь меня стрелять?

— Почему бы нет? Здесь достаточно дерева, чтобы изготовить два арбалета. Чем лучше мы будем вооружены, тем больше шансов благополучно добраться до цели. Арбалет устроен так...

Объяснить это было довольно непросто, пока они ехали верхом, но на следующее утро он нарисовал чертеж на песке, и весь день они в полном согласии строгали деревянные ложа, по обыкновению болтая о чем придется. Паузы в разговоре случались лишь тогда, когда один из них обращался к Горму, который разлегся напротив, внимательно наблюдая за их работой. Изложив ему свои мысли по поводу предстоявшего пути, Иеро предупредил медведя, что их маршрут будет пролегать в очень опасных районах, где расположено несколько городов Смерти. Горм, однако, не был ни удивлен, ни встревожен.

«Я бывал в таких местах на севере,— объяснил он.— Это плохие, злые места; там живут нечистые создания, которых ты называешь людьми-крысами. Но они очень неуклюжи и плохо умеют нюхать и слушать, как и вы оба. Я не боюсь ни их, ни этих мест».

Иеро понял, что молодому медведю действительно довелось побродить в развалинах древних городов Канды. Горм, однако, отвечал уклончиво, когда священник попытался выяснить, зачем ему это было нужно.

«Старшие заставляют нас ходить туда»,— сообщил он наконец, не сказав больше ничего.

Священник сделал вывод, что, вероятно, посещение таких опасных мест являлось для народа Горма своеобразным испытанием на зрелость.

Он объяснил медведю, что гигантские южные города совершенно не похожи на покинутые человеческие поселения в Канде; они занимали намного большую площадь и были в десятки раз опаснее. Слушая священника, Лучар согласно кивала головой.

— Такие города есть в Д'Алви,— добавила она.— Кроме Нечистого и его слуг, никто не отваживается посещать их. Говорят, что в них таятся страшные и удивительные создания, которых больше не найдешь нигде.

«Возможно, ты права, маленькая самка,— пришел ответ медведя.— Я буду очень осторожен. Но раз мы все равно идем в эти места, то к чему лишнее беспокойство?»

— У моего народа есть странные инструменты,— продолжала девушка, поглядывая на Иеро.— Говорят, что они очень древние, сделанные еще до Смерти либо скопированные со старых образцов. Их хранят священники и некоторые люди благородного звания. Когда нужно пройти около древнего города или пустынь Смерти, эти инструменты берут с собой. Они говорят, есть ли невидимая смерть в том месте, где ты будешь путешествовать.

— Да,— подтвердил Иеро, внимательно разглядывая почти готовое арбалетное ложе и подравнивая его клинком.— Я знаю, о чем ты говоришь, и у нас тоже есть такие

устройства. А невидимая смерть, о которой ты помянула, на самом деле называется атомной радиацией. Мы не можем уничтожить ее и не умеем производить, но что это такое, нам известно.— Он отложил арбалет, посмотрел на опускавшееся к горизонту солнце и добавил: — Но пока ты с нами, такие приборы тебе не понадобятся. Клоц и я обучены определять радиацию, мы чувствуем ее, и я уверен, что наш мохнатый друг тоже умеет это делать без всяких приборов.— Он обратился к Горму, и тот подтвердил, что знает про опасность радиоактивного заражения и умеет определять ее источники.

Лучар изумилась. Она обладала бóльшим жизненным опытом, чем это могло показаться с первого взгляда, а также немалыми знаниями, но каждый новый талант Иеро будто бы намекал, что он является существом более высокого ранга сравнительно с ней. В душе она чувствовала, что ее гордость за собственное благородное происхождение — не более чем зыбкий занавес, прячущий ясный и очевидный факт: чужак с далекого севера ничем не хуже девушки с варварского юга. Он был опытнее, умнее и образованнее ее, как бы она ни кичилась своим высоким положением на родине.

Однако на ее лице Иеро не смог прочесть ничего. Врожденное уважение к человеческой личности не позволяло ему зондировать мозг Лучар, и он продолжал терзать себя сомнениями, как всякий влюбленный мужчина на его месте. Но внешне он тоже сохранял полное спокойствие.

— Давай-ка достанем и посмотрим наши карты,— предложил он.— Мы едем довольно быстро и скоро окажемся в опасных местах. Ты слышала лягушек прошлой ночью?

Резкие звуки хора амфибий преследовали их всю ночь, и путники понимали, что это значит. Они приближались к гигантскому болоту, его испарения уже висели в воздухе.

Иеро бережно развернул карту. Пространство Внутреннего моря голубело посередине; широкий, почти прямоугольный полуостров вдавался в море на северо-востоке. Здесь Пайлуд вплотную подходил к гигантскому озеру, их

границы сливались на протяжении многих миль. На карте С'нерга болото было помечено ярко-зеленым цветом, и здесь, на рубеже между водой и трясиной, темнели черные кружки. Иеро знал, что так обозначаются полузатопленные древние города. Они лежали прямо по их маршруту на расстоянии дня пути.

— Взгляни,— произнес священник, указывая на юго-восточный угол моря,— этот кружок внизу может обозначать только Ниану, портовый город, о котором ты мне рассказывала. Это Намкуш, а вот здесь,— его палец очертил волнистую линию, которая вела от Нианы на восток,— здесь обозначена дорога, по которой ехали захватившие тебя торговцы. Готов держать пари, что это красное пятно к югу от моря — пустыня Смерти. Смотри, рядом маленькими кружками показаны три древних города, один из них лежит на самой границе пустыни... Эти три города обозначены и на моих картах; здесь я надеюсь разыскать то, за чем меня послали.

С этими словами священник свернул карту и спрятал ее в седельную сумку.

Они отдыхали до той поры, пока не померк вечерний свет. В этом негостеприимном краю кроме кваканья лягушек был слышен только шелест тростника да гул огромных туч жалящих насекомых. Мазь у Иеро закончилась, и им оставалось лишь терпеливо ждать срока, когда можно будет отправляться в путь.

Наступление ночи застало их в дороге. Почва становилась все более топкой и сырой, и наконец Клоц начал расплескивать широкими копытами лужи и жидкую грязь. Высокий тростник и заросли огромных хвощей замаячили в темноте, будто стена, огораживающая болото.

Так мчались они всю ночь. Несколько раз им пришлось объезжать широкие озера, окруженные топкими берегами. Однажды Клоц раздавил копытом серовато-бледную водяную змею, имевшую несчастье попасть ему под ноги. Время от времени Иеро проверял все доступные ему ментальные каналы, пытаясь обнаружить двуногих врагов или

иную опасность. Впрочем, он не слишком надеялся на свои способности: мозг амфибии практически одинаков, независимо от того, принадлежит ли он существу размером в три дюйма или в двадцать ярдов. И в том, и в другом случае инстинкты и нервные реакции почти неизменны; поэтому священник не надеялся, что ему удастся таким путем распознать чудовищного фрога и обычную лягушку. К счастью, здесь, у озера, болото было гораздо менее опасным, чем в центральных районах. Только один раз они слышали жуткий вопль чудища, раздавшийся где-то далеко на севере.

Первые лучи солнца уже озарили восточный небосклон, когда они расположились на привал. За несколько минут до этого Иеро велел Клоцу остановиться и, спрыгнув вниз, стал внимательно разглядывать почву.

— Похоже на то,— сказал он себе вполголоса,— что тут не больше дюйма земли. Недаром мне послышалось, будто копыта стали бить по твердому покрытию...— Иеро заговорил громче, так, что девушка могла его слышать.— Я думаю, мы находимся на дороге или на каком-то искусственном сооружении.

Повернувшись к медведю, он бросил ему мысль: «Горм, иди сюда и скажи мне, что находится у нас под ногами?»

«Построено людьми, очень старое»,— вынес вердикт медведь.

Они стояли, слушая кваканье лягушек и гул насекомых в теплой ночи, пока облако болотного гнуса не опустилось на них. Иеро почувствовал укусы москитов, добравшихся до его лодыжек через прорехи в сапогах, и посмотрел вниз. Ноги лорса были окутаны темным колеблющимся покрывалом, ясно видимым в предрассветных сумерках.

— Наступает день,— сказал священник.— Мы должны найти укрытие.— Он велел медведю разыскать что-нибудь подходящее и двинулся вперед пешком. Лорс последовал за ним.

Путники обогнули заросль гигантского тростника и оказались перед открытым водным пространством. Невысокие

холмики торчали из лагуны наподобие небольших островов. Оглядевшись вокруг, Иеро заметил неподалеку возвышенность, поросшую тростником; несколько пальм возносили над ней свои кроны. Это было то, что нужно. Он снова взгромоздился в седло, и Клоц с Гормом, покинув твердую поверхность древней дороги, зашлепали к холму через жидкую грязь.

С гулким чмокающим звуком Клоц вырвался из трясины, которая доходила бы человеку до пояса. Оба всадника быстро спешились. Они стояли на островке строго прямоугольной формы, ярдов десяти в поперечнике, возвышавшемся над морем грязи. На его твердой поверхности нашлось место для полудюжины пальм; тростник и тонкие ветви кустарника подымались до середины их стволов, образуя нечто вроде жидковатого подлеска. Рассматривая на удивление ровные края островка, Иеро расседлал своего скакуна и начал обирать пиявок, присосавшихся к его огромному телу.

— Я уверен, что мы находимся на развалинах древнего здания,— заявил он, отрывая последнего паразита и швыряя его в болото.— Под нами его крыша, и бог знает, как глубоко оно уходит вниз, в эту грязь. Эти старинные здания иногда имели высоту в несколько сотен футов.

Путники растянулись под кронами пальм, предварительно укрывшись от вездесущих насекомых. Они страдали от жары, их тела и одежда были покрыты грязью, но все, что они могли сделать,— терпеливо ожидать вечера.

Лучи солнца, озарившие окружающий ландшафт, не улучшили их настроения — по крайней мере, у двуногих путешественников. Что касается четвероногих, то Горм спал, уткнув нос в собственные лапы, а Клоц похрустывал какими-то болотными растениями, медленно перемещаясь по периметру островка. Открывшийся перед людьми пейзаж производил тяжкое впечатление даже при ясном небе и теплом ласковом солнце.

Внутреннее море исчезло. Насколько мог видеть глаз, вокруг простиралась вода, точнее — бурая и грязная жид-

кость, истекавшая из огромного болота. Над лагуной нависали руины гигантского древнего города, мертвого памятника исчезнувшей цивилизации. Некоторые здания вздымались выше самых больших деревьев, их величина потрясала воображение. Другие, почти полностью погруженные в грязь, являли собой небольшие островки, поросшие буйной зеленью, подобные тому, на котором нашли приют путники. Остальные поднимались на различную высоту над водой, рухнувшие, разбитые, опаленные — страшное напоминание о могуществе и жестокости человеческой мысли. Чудовищной силы удар и беспощадный огонь разрушили город в незапамятные времена сильнее, чем пролетевшие над ним тысячелетия. Водные растения и огромные цветы лилий покрывали поверхность простиравшейся вокруг субстанции — смеси вод Внутреннего моря и болотной грязи. Повсюду валялись бревна и стволы деревьев с обломанными ветвями, занесенные сюда весенним разливом.

На фоне бурых стен кое-где темнели провалы окон. К изумлению путников, в некоторых поблескивали на солнце осколки старого стекла. С крыш зданий свешивались листы ржавого железа. Было горько и страшно смотреть на этот мир смерти и древних руин.

Вопли лягушек смолкли с восходом солнца, но насекомые все еще роились над поверхностью воды, хотя и в значительно меньшем количестве. Другая жизнь здесь отсутствовала, кроме каких-то небольших серых птичек, стаи которых носились над крышами. Большие пятна белого помета на стенах подсказали Иеро, что сюда, вероятно, залетают пернатые гораздо больших размеров, но сейчас их не было видно.

Священник прозондировал ментальные поля в ближайших окрестностях, но не обнаружил ничего интересного. Жизнь кипела над поверхностью воды, но все эти бесчисленные создания были лишены разума, их миром правили только голод и страх.

Никогда раньше он не был в подобном месте. Даже в солнечный день здесь ощущалось давление страшного прошлого, аура неизбывного горя, призрак чудовищной катастрофы.

Все утро священник и девушка следили за руинами зданий и водой, но не увидели ничего нового. Прошел полдень, и солнце начало склоняться к западу; раздались первые трели лягушек, и новые армии комаров и москитов атаковали путников.

— Пора трогаться в путь,— сказал Иеро, разгоняя облако гнуса.

Они навьючили Клоца и сели верхом. Священник решил держать курс примерно вдоль линии побережья, огибая заброшенный город. Клоц мог бы переплыть лагуну вместе с ними, но Иеро чувствовал, что вода между развалинами глубока и опасна. Кто знает, какие твари таились под ее поверхностью?

Едва они тронулись с места, едва лишь Горм опустил переднюю лапу в воду, как внезапно все вокруг замерло. Смолкло гудение насекомых и хор лягушек, и в наступившей тишине над поверхностью лагуны, над древними руинами раздался звенящий, тоскливый вой. Пока они стояли, замерев от неожиданности, вой повторился.

Аоуу, аоуу, аааоууу! — рыдания, возникшие, казалось, в самом вечернем воздухе. Трижды прозвучал этот полный тоски вопль; затем воцарилось молчание.

Вскоре подала голос лягушка, за ней — другая, и, наконец, весь оркестр болота зазвучал снова.

— Что это было? — со страхом прошептала Лучар.

— Не знаю. И Горм тоже не встречал ничего подобного,— отозвался Иеро после недолгой паузы.— Кажется, звук пришел со стороны болота, но я не уверен в этом. Так может кричать только разумное существо, клянусь Святой Троицей! Кто-то враждебный и злой, затаившийся во тьме... Надо остаться здесь, я хочу подумать. Нельзя двигаться ночью, не зная, что нас ожидает. Здесь может обитать какая-то тварь Нечистого, спрятавшаяся за ментальным щитом.

Солнце село, и тьма опустилась на руины древнего города. Иеро спешился, его брови были нахмурены. Возмож-

но, безопаснее вернуться назад? Искать другой путь через болото? Он чувствовал себя тупицей. Нужен какой-то способ, неожиданный и эффектный, который не пришел бы в головы врагам. Но что же именно? Проклятье! Он хлопнул себя по лбу, раздавив разбухшего от крови москита.

— Нам бы пригодилась лодка,— сказала Лучар, задумчиво глядя вдаль.— Но это должна быть большая лодка, такая, чтоб выдержать Клоца. В ней мы могли бы переплыть лагуну.

— Всеблагой Боже, прости мою тупость! — воскликнул священник.— На севере, если нам надо переправить животных через реку или озеро, мы строим плот. Плот, только и всего! И я сидел весь день, глядя на тысячи бревен и эти вьющиеся лианы, которых полно на каждом островке! Слезай вниз, девочка, сейчас мы примемся за дело!

Вокруг их острова скопилось множество древесных стволов, так что работа нашлась для всех. Лучар зацепляла бревна гибкими прочными стеблями, и Клоц тащил их к берегу, где Иеро, орудуя мечом, обрубал ветви и сучья. Горм навалил рядом целую кучу лиан, которые он перегрызал у самых корней. Они дружно трудились под светом луны, сиявшей в ночных небесах, и вскоре плот был готов. Связанный из мощных неошкуренных бревен, он имел тридцать футов в длину, пятнадцать в ширину и выглядел весьма солидно.

Впрочем, Клоцу он не внушал доверия.

«Я (могу) плыть по воде»,— сообщил лорс, пробуя поверхность плота огромным копытом.

«Нет, глупый,— отозвался его хозяин.— Под водой опасность. Ты поедешь вместе с нами на этих бревнах».

Понадобились огромные усилия, чтобы протащить громоздкое сооружение по жидкой грязи к открытой воде, но путники справились и с этим. Наконец плот закачался на мелких волнах, Иеро встал на корме с шестом в руках, Лучар расположилась на носу, а Клоц лег посередине. Он чувствовал себя неуверенно; при таком способе путешествия его выносливость и сила были бесполезны. Рядом с лорсом свернулся мохнатым клубком медведь.

Пробормотав слова короткой молитвы, Иеро навалился на шест, и неуклюжее судно со своим странным экипажем скользнуло в темноту.

Глава 8

ОПАСНОСТЬ И МУДРЕЦ

Громоздкий плот оказался еще более неуклюжим, чем полагал Иеро. Они плыли вперед очень медленно, раздвигая стебли водных растений, которыми заросла лагуна. Вначале священник рубил их мечом; затем привязал клинок к концу шеста кожаным ремнем словно косу. Теперь ему было удобнее резать водоросли, и Иеро больше не опасался, что какая-нибудь тварь цапнет его за руку, когда он наклонится над краем плота.

«Что-то плохое и опасное близко! — вдруг раздался ментальный сигнал медведя.— Не человек, что-то совсем иное; оно думает и не думает одновременно».

Иеро оперся на свой шест, и то же самое сделала Лучар. Неповоротливый плот медленно дрейфовал по темным водам, пока его экипаж прислушивался к ночным шорохам, пользуясь одновременно и ушами, и мозгом. Но люди не уловили ничего; вокруг раздавались лишь оглушительные вопли лягушек, из-за этого было почти невозможно говорить вслух.

«Оно идет,— передал Горм.— Оно быстрое, очень быстрое, словно плывущая рыба. Слышу... нет, теперь не слышу ничего».

Священник не тешил себя успокоительной надеждой, что Горм мог ошибиться; медведь был чуток к любой опасности, и это уже не раз спасало путников. Если его ментальное чутье, превосходящее человеческое, определило

нечто угрожающее, значит, это создание было здесь, и не приходилось ждать ничего хорошего от такой твари!

Думает и не думает одновременно! Сейчас некогда разбираться в этих странных словах медведя. Встревоженный и расстроенный неведомой угрозой, Иеро пристально вглядывался в темную неподвижную воду, торчавшие над ней руины и заросли тростников. Он подумал мельком, что огромные рога Клоца уже достаточно окрепли и представляют грозное оружие.

Но все вокруг было спокойно под бледным светом луны. Наконец священник махнул рукой Лучар и снова опустил шест в мутную воду. Неуклюжая конструкция медленно двинулась вперед, направляемая людьми в открытое пространство между двумя разрушенными зданиями.

Когда плот окунулся в тень огромных стен, они встретились с неожиданным препятствием — плавающей на поверхности воды кучей гниющих стеблей. Иеро перебежал на нос и начал рубить растения мечом; Лучар помогала ему. К счастью, вода здесь была глубока, и они быстро справились с этой задачей.

Плот неторопливо двигался в ночном полумраке. Зияющие провалы окон и бреши в разрушенных зданиях смотрели на путников подобно темным глазам ночи. Однажды стая летучих мышей вырвалась из руин и пронеслась над ними, судорожно трепеща крыльями. Вода в провалах меж зданиями была черна и казалась бездонной. Иногда плот пересекал обширные открытые пространства; как полагал Иеро, здесь находились когда-то площади и парки огромного древнего города.

Наконец небо на востоке порозовело под первыми лучами восходящего солнца. Иеро бросил взгляд вперед, на девушку, и оба одновременно улыбнулись. Они были усталыми и грязными; казалось, каждый дюйм их тел искусан москитами. Но они были живы, здоровы и одолели вполне приличное расстояние.

— Я не хочу плыть днем,— произнес священник, вытирая пот со лба.— Смотри, вон там вполне подходящее место для лагеря.

Они находились на обширном, почти квадратном пространстве, которое было, очевидно, затопленной площадью древнего города. С трех сторон над их головами нависали огромные изуродованные каменные громады, испещренные провалами окон, дырами и шрамами. Длинные плети лиан и гибкие стебли кустарника оплетали развалины.

С четвертой стороны открывалось более обнадеживающее зрелище. Огромное здание, некогда стоявшее здесь, рухнуло под грузом прошедших лет; по-видимому, это случилось не так давно. В результате его обломки образовали островок неправильных очертаний, вздымавшийся в центре на несколько ярдов над водами лагуны. Часть этого холма поросла высоким кустарником, его ветви низко свисали к воде, обещая путникам надежное укрытие.

Вскоре плот был пришвартован к берегу, заваленному грудами листьев, мокрыми полусгнившими сучьями и бревнами. Путешественники, двуногие и четвероногие, сбились в кучу в ожидании восхода солнца. Настала пора обсудить кое-какие подробности минувшей ночи.

«Горм, что за существо напугало тебя прошлым вечером?» — поинтересовался священник.

«Что-то совсем новое,— передал медведь, пытаясь прикрыть лапами свой чувствительный нос от укусов москитов.— Оно быстрое, коварное, с плохими мыслями, полное ненависти к любому, кто не похож на него. Это не человек и не обычное животное, я знаю наверняка. Может быть,— медведь сделал паузу, размышляя,— оно немного похоже на лягушку, но оно думало!»

Пока собеседники переваривали его сообщение, Горм добавил: «Я ощутил только одно такое существо, и оно ушло прочь. Наверное, искать других таких же».

Сделав это заявление, медведь прикрыл глаза и задремал.

— Нам придется дежурить,— сказал Иеро девушке, вытирая испарину со лба грязной ладонью. В глаз ему попала соринка, и Лучар, вытащив откуда-то клочок чистой ткани и смочив его, промыла глаз священнику.

— Вот так! Теперь держи свои грязные пальцы подальше от лица. Что ты думаешь о том, что говорит медведь? Вдруг у него просто разыгралось воображение? В таком месте кошмары могут посетить любого, хоть медведя, хоть лорса.— Она посмотрела на широкую поверхность воды перед ними. Даже сейчас, под яркими лучами восходящего солнца, молчаливые обломки прошлого не являли приятного для глаз зрелища.

— Он вовсе не придумал эту тварь,— пробормотал священник, пытаясь не обращать внимания на грязную, но очаровательную мордашку, оказавшуюся совсем рядом с его лицом.— Тут кто-то есть... может быть, много таких тварей. Я не могу разобраться с их мыслями, но чувствую их ауру, понимаешь? Мы должны быть осторожны, очень осторожны!

«И удачливы, чертовски удачливы!» — добавил он про себя.

День тянулся бесконечно, как и предыдущий. Солнце достигло зенита и начало медленно опускаться к горизонту. Кроме гула насекомых, ни один звук не нарушал тишины лагуны; даже птицы не носились больше над развалинами, и ни облачка не было видно в голубом небе.

Лучар наконец уснула, как и оба их четвероногих спутника. Иеро, прослушивая все доступные ему ментальные каналы, не мог обнаружить ни следа разумной мысли. Однако тяжелое гнетущее предчувствие не покидало его. Священнику казалось, что за маской сонного покоя скрывается какая-то лихорадочная деятельность, недоступная его чувствам.

Наконец томительный день завершился. Свет позднего вечера еще позволял различать руины вокруг; нигде никакого движения, ни нового звука, кроме ставших привычными воплей лягушек и жужжания москитов. Люди заканчивали погрузку плота, лорс и медведь уже перебрались на борт, когда внезапно все четверо замерли; гнетущая тишина вновь опустилась на воды лагуны.

Затем с востока, оттуда, куда лежал их путь, долетел странный вопль, ошеломивший их предыдущим вечером.

Аоуу, аоуу, ааааоууу! — тоскливо рыдал призрак болот. Трижды раздался этот заунывный стон, потом снова наступила тишина. Медленно, одна за другой, как будто просыпаясь от тяжелого сна, заквакали лягушки. Четверо чуждых этому миру созданий неподвижно стояли в надвигающихся сумерках, каждый наедине со своими мыслями и своим ужасом.

— Ненавижу это место! — внезапно вскричала Лучар.— Этот город страшнее смерти! Я больше не выдержу! — Она разразилась слезами, судорожно всхлипывая и пряча лицо в ладонях.

Иеро придвинулся к девушке и отвел ее руки; мокрое заплаканное лицо поднялось к нему с невысказанным вопросом в огромных глазах. Он наклонился и вдруг ощутил трепет ее губ, непокорных, свежих и душистых, как лесной мед. Сильные молодые руки обняли его шею, и, когда поцелуй наконец прервался, она спрятала лицо на его груди. Он гладил ее плечи, ничего не говоря, вдыхая аромат ее волос, и бесконечная нежность рождалась в его душе.

— Зачем... зачем ты сделал это? — раздался едва слышный шепот девушки.— Как подарок испуганному ребенку...

— Конечно, конечно,— весело согласился Иеро.— Я раздаю такие подарки всем жутким тварям, которых встречаю по пути. Правда, иногда это бывает довольно неприятно, но зато я надеюсь заслужить их любовь.

Лучар подняла голову, сильно подозревая, что он насмехается над ней, но то, что она прочла в его глазах, не было шуткой. Они помолчали несколько мгновений.

— Я люблю тебя, Иеро,— прошептала девушка.

— Я тоже люблю тебя, малышка,— ответил он.— Не уверен, что это удачная мысль, но что поделаешь!.. Мужчина страдает от одиночества, женщина может сделать его жизнь садом Эдема, и это было бы прекрасно, если бы... если бы я был свободен. Но я должен выполнить свою задачу, ибо от этого зависит жизнь многих людей, жизнь последней человеческой цивилизации на планете. Это важно,

девочка, это очень важно... И любовь нужна мне сейчас не больше, чем третье ухо на затылке.— Он улыбнулся, глядя в ее сердитое лицо, и обнял девушку еще крепче.— Но я не могу справиться с собой, и потому мы будем вместе, отныне и навсегда, в радости и в горе, в смерти и в жизни. Клянусь в том Господом Всемогущим!

Она приникла к нему, словно боялась выпустить из своих объятий в жестокий и злобный мир, который окружал их. Они стояли, забыв про время, голод и усталость, про своих врагов и друзей; стояли, пока неощутимый ментальный голос с некоторым оттенком сарказма не сообщил:

«Когда люди проявляют нежные чувства, это выглядит просто очаровательно. Но мы находимся в слишком опасном месте, чтобы тратить время на такие развлечения. Это я чувствую с полной определенностью».

Будто ведро холодной воды обрушилось на них. Отпрянув друг от друга, оба подняли свои шесты и оттолкнули плот от берега. Демонстративно не обращая внимания на Горма, сидевшего посредине плота рядом с Клоцем, люди вели неуклюжее судно в темноту. Медведь поглядывал на них, поворачивая налево и направо мохнатую голову, и священник был готов поклясться, что его глаза лукаво щурились.

Опять полная тяжкого труда ночь лежала перед ними. Снова и снова подымались шесты, плот плыл через заброшенный город, по его площадям, улицам и скверам, придавленным неизмеримым грузом воды, грязи и тысячелетий. Молчаливые черные руины смотрели на них из прошлого тысячами глаз погибших, сгоревших, раздавленных людей. Безмолвные развалины, последние свидетели былого рая...

Первые лучи солнца были как чудо. Сигнал, что они наконец могут посмотреть друг на друга в ясном свете наступающего дня.

— Любимая,— сказал священник нежно,— если я выгляжу хотя бы наполовину таким же грязным и усталым, как ты, то здешние края не видели более мерзкого создания.

— Ты выглядишь много хуже,— был ответ.— Может быть, я никогда больше не поцелую тебя. По крайней мере до тех пор, пока не смогу как следует отскоблить ножом.— Ее утомленный голос был полон любви и ласки.

— Посмотри на этого проклятого лорса,— проворчал Иеро, меняя объект насмешек,— посмотри, как он сладко спит! Ничего, через день-другой мы достигнем берега, и он будет у меня скакать, прыгать и бежать галопом с самой тяжелой ношей, которую я смогу взвалить на его костлявую спину!

Клоц действительно спал, подобрав под себя длинные ноги; его уши слегка подрагивали. Рядом с ним, свернувшись в мохнатый клубок, дремал медведь.

— Вот как они охраняют друзей! Просто удивительно, что до сих пор нас никто не съел с такими стражами!

— Я так устала, Иеро, что согласна даже на это. Пусть меня съедят, только побыстрее... Кстати, ты знаешь, где мы сейчас находимся?

Плот медленно плыл по длинной водной магистрали, которая была когда-то городским бульваром или проспектом. Развалины зданий по обеим ее сторонам еще возносились вверх на десятки футов, и бóльшая часть солнечного света не достигала воды, плещущей у их подножий. В результате здесь почти не росли водоросли, и плот беспрепятственно двигался в глубокой воде.

Путешественники видели свет далеко впереди и позади, но с двух сторон их окружали мрачные, тесно прижатые друг к другу руины гигантских зданий. В этих каменных утесах встречались выступы и бреши, затененные ниши и пещеры, наслоения кирпича, бетона и ржавых железных балок; казалось, что плот движется по дну огромного каньона.

Внезапно взгляд священника застыл на одной точке; он увидел нечто, вызвавшее у него холодную дрожь.

«Лучар! — Она вздрогнула от его резкого ментального окрика.— Не говори ни слова! Не двигайся! Взгляни направо... на воду за большой дырой в том здании! Видишь?»

Света было уже достаточно, чтобы разглядеть разрушенную временем башню огромного небоскреба и широкую брешь в ней. Через эту щель вода вливалась в обширный бассейн, образованный стенами здания и достигавший сотни ярдов в поперечнике.

Посередине бассейна, напротив бреши — выхода на водную «улицу», торчало из воды что-то высокое и тонкое. Сначала Иеро решил, что это архитектурная деталь, возможно — шпиль затонувшего здания, но, по мере движения плота, его глазам открылся гигантский красноватый лист, пронизанный веерообразно расходящимися жилами. Это был колоссальный плавник, хозяин которого подстерегал добычу, затаившись под поверхностью воды. Размеры этого существа поражали воображение!

«Оно, должно быть, здесь в засаде,— заметил священник.— Ждет, чем бы поживиться... Если мы шевельнемся, у него будет шанс позавтракать!»

Слабое течение увлекло плот мимо дыры, люди застыли, скорчившись на бревнах и почти не дыша. Животные лежали посередине и казались спящими, но их глаза были уже широко раскрыты.

«Что случилось? — пришла мысль Горма.— Где опасность? Я ничего не вижу!»

«Что-то очень большое находится под водой,— пояснил Иеро.— Не двигайся, оно наблюдает. Я думаю, эта тварь может проглотить плот целиком. Я попробую прозондировать ее сознание».

Священник проверил все известные ему ментальные каналы, включая и новый, обнаруженный в Мануне. Через несколько минут он признал свое поражение. Ментальная активность этого чудища, несмотря на его титанические размеры, была ничтожной.

Плот медленно удалялся от страшной стены. Через сотню ярдов Иеро подал знак Лучар, и оба осторожно опустили в воду шесты.

Они проплыли около двух миль, когда священник внезапно сказал вслух:

— Толкай плот направо, я вижу кое-что интересное!

Объединенными усилиями люди загнали неуклюжее судно за угол большого здания, и Иеро указал на ближайший оконный проем:

— Смотри, какая удача!

Проем был окован по периметру толстой металлической лентой. Достав нож, священник отодрал длинную полосу и поскреб позеленевшую поверхность; под лезвием сверкнула яркая желтизна.

— Я думаю, это бронза,— обрадованно сказал он, разглядывая металл.— Еще одна удача! Бронза лучше меди, она более прочная. Здесь хватит на наконечники для сотни стрел.

— Что ж, прекрасно,— кивнула Лучар.— Но давай поскорее уйдем отсюда. В этом месте мне как-то не по себе... все время кажется, что за нами подсматривают из этих старых окон. Где мы встанем лагерем? Солнце уже совсем высоко.

— Еще не знаю,— отозвался Иеро.— Будем грести, пока сможем держать шесты в руках, затем найдем подходящий островок или какое-нибудь укрытие в развалинах.

Они поплыли дальше. Течение в водяном ущелье усилилось, и плот теперь двигался быстрее. Близился полдень, когда их громоздкое судно покинуло мрачный каньон и выплыло на солнечный свет.

Путники очутились в небольшом круглом озере с чистой голубой водой — вероятно, это озерцо было связано с Внутренним морем. С южной стороны оно открывалось в широкую протоку; развалины высоких зданий окаймляли его с севера, запада и востока.

Посередине озерца вздымался маленький зеленый остров, покрытый кустарником, пальмами и сочной густой травой. Яркие цветы, желтые и голубые, росли у края воды, и их запах долетел до путников, заставив их блаженно зажмуриться. После дней и ночей, проведенных в чудовищной клоаке мертвого города, этот островок показался им райским садом на голубом бархате вод.

— Плывем туда, Иеро! — радостно воскликнула девушка.— Смотри, зелень и чистая вода! Мы сможем умыться и, наверное, найдем какие-нибудь плоды на деревьях. Скорее!

Священник замер, опираясь на свой шест и глядя на это зеленое чудо. Остров и правда выглядел очень приветливым. Пожалуй, с ним все было в порядке, но Иеро не мог отделаться от ощущения, что кто-то постоянно наблюдает за ними; это чувство преследовало его последние два дня. Островок все еще находился на территории города, и, возможно, не стоило задерживаться здесь.

Но утомление победило осторожность. Они нуждались в отдыхе; после долгой тяжелой работы и он, и Лучар были на грани истощения. Отдых, пища и чистая вода... Неимоверный соблазн!

— Ладно, остановимся здесь,— сказал Иеро, опуская шест в воду.— Но не кричи так громко, девочка, мы не дома. Я чувствую какие-то ментальные излучения... чувствую их, но не могу определить, что бы это значило.

Они причалили к ровному песчаному пляжу на западной оконечности островка. В центре его был пруд с чистой прозрачной водой, окруженный зарослями папоротника и цветами, испускавшими нежный сладкий аромат. Небольшой ручей вытекал из пруда и, прыгая по камням, устремлялся к лагуне. В довершение к этому Иеро обнаружил вблизи берега целую устричную отмель, и трое путников принялись жадно поедать сочных моллюсков. Клоц, не обращая внимания на устриц, хрустел ветвями кустов, не пренебрегая травой и папоротником.

Миновал полдень. Умытые, чистые, с полными желудками, путешественники спали в тени. Клоц бродил по острову, поедая зелень и внимательно поглядывая на лагуну и здания, окружавшие озерцо. Иногда он испытывал прочность своих новых рогов на стволах пальм, оставляя в коре глубокие царапины.

Лучар и Иеро так утомились, что проспали весь день и большую часть ночи. Только пробудившись в полумраке перед рассветом, священник понял, что стоянка вышла неожиданно долгой. Прежде чем он успел почувствовать тревогу, в его сознании раздался ментальный голос медведя:

«Вы оба нуждались в отдыхе. Вблизи никого нет, но за нами продолжают наблюдать. Я так же уверен в этом, как в том, что скоро взойдет солнце».

«Что ж, будем готовы ко всему»,— отозвался священник, поднимаясь на ноги.

Он еще чувствовал некоторую скованность в мышцах, утомленных многочасовой возней с шестом.

Разбуженная его резким движением, Лучар открыла глаза и сладко потянулась.

— Неужели мы проспали почти сутки? — спросила она.— Но я все еще чувствую себя усталой... Пора двигаться в путь?

— Нет, пожалуй, еще рано. Мы слишком утомлены. Будем отдыхать здесь весь день. Я думаю, мы успеем закончить арбалеты и сделать несколько стрел к ним. Без метательного оружия нам будет трудно охотиться.

Утро выдалось прекрасное. Они плотно позавтракали, и к полудню Иеро уже закончил свой арбалет, а потом, срезав несколько молодых деревьев с ровной древесиной, принялся выстругивать стрелы.

Лучар не помогала ему. Она долго возилась у воды, приводя в порядок свои волосы, затем бегала по острову и собирала цветы. После обеда Иеро тоже прекратил работу и улегся на мягкой густой траве, положив голову на колени девушки. Поглаживая ладошкой его жесткие волосы, она начала говорить — то вспоминая прошлое, то строя планы их будущей жизни, непременно долгой и счастливой. Но вдруг Иеро прервал ее щебет:

— Я тоже надеюсь, что у нас впереди долгая и счастливая жизнь, малышка. Но вспомни, нам предстоит еще много трудов и горя, пока мы сумеем добраться до моей или твоей родины. И ты еще не рассказала, что же на самом деле заставило тебя убежать из Д'Алви? Я думаю, тебя принуждали выйти замуж против воли?

Девушка пришла в замешательство.

— Откуда ты это знаешь? — воскликнула она.— Ты все-таки проник в мой разум?

— Нет.— Он улыбнулся, поднял руку и погладил ее по щеке.— Для меня ясно, что ты никогда не была рабыней. Я уверен, что ты дочь дворянина, потому что, по твоим же собственным словам, в вашей стране лишь священники и люди благородной крови могут учиться. А ты училась и знаешь немало. Насколько же велико звание твоего отца?

— Величайшее,— коротко ответила она. Затем наступило молчание.

— Он действительно король, да? — Иеро больше не улыбался.— И ты — его единственное дитя? Скажи мне! Это может быть очень важно!

— У меня был старший брат, но он погиб в сражении с войском Нечистого. Мой отец хотел выдать меня замуж и тем самым скрепить союз с нашим северным соседом — Эфраимом из Чизпека. Все знают, как он жесток. Чтобы избавиться от своей первой супруги, он довел ее до помешательства и выколол ей глаза! А потом заявил, что слепая и сумасшедшая не может быть королевой, и заставил ее постричься в монахини! Он зверь, животное! Кто знает, что было бы со мной? Вот почему я убежала.

— Не могу сказать, что порицаю тебя,— задумчиво произнес Иеро.— Однако я надеялся установить связи с твоей родиной, чтобы наши страны могли торговать и вместе сражаться с Нечистым, а главное, чтобы помочь вашему королевству вернуться в цивилизованное состояние. Это было бы великим и богоугодным делом! Но начинать контакт с похищения принцессы — это, милая, плохо, очень плохо.

Она вспыхнула.

— Что значит «вернуться в цивилизованное состояние»? Должна заметить, пер Дистин, что в Д'Алви живет великий и могучий народ. У нас два города, обнесенных стенами, а в них — церкви и много дворцов из камня! У нас есть все — корабли и книги, дороги и повозки, поля и скот! Все, не говоря уж о нашей храброй и многочисленной армии!

Посмотрев на нее, Иеро улыбнулся, но ничего не возразил. Глаза девушки сердито сверкнули.

— Я вижу,— сказала она,— что все эти вещи ты не считаешь признаками цивилизации.

— Ну а как ты думаешь сама? — откликнулся священник.— В основе того, что ты перечислила, лежат жестокое рабство, ограничение знаний, грабительские налоги, вырождающаяся религия и кровавые стычки с соседями. Последнее ужасно само по себе, но еще страшнее то, что междоусобные войны ослабляют вас, тогда как надо собрать все силы для борьбы с Нечистым. Теперь скажи мне: разве это говорит о высокой культуре? О цивилизованности? По-моему, это самое настоящее варварство!

— Может быть, ты прав,— промолвила она задумчиво.— Но меня с детства учили, что наш мир устроен разумно... И мне очень трудно признать, что это не так.

— Я понимаю, моя маленькая принцесса,— кивнул головой Иеро, обнимая ее за плечи.— Но ты пережила многое... боль, страх, рабство... любовь... Чем больше испытал человек, тем лучше он понимает других. А ты еще так молода, девочка...

Лицо Лучар, прекрасное, внезапно повзрослевшее, с темными бездонными глазами, было рядом с его лицом, от аромата ее волос кружилась голова. Он почувствовал, как девушка вздрогнула, затем юные руки обвили его шею и высокая трава сомкнулась над ними...

...Горм развалился на пляже, оглядывая маленькими глазками сверкающую поверхность лагуны.

«Эти люди!..— думал он.— Сколько переживаний, сколько лишних эмоций! Но, по крайней мере, теперь мы можем сосредоточиться на главном деле, не отвлекаясь больше по пустякам».

Он повернул голову к Клоцу, который стоял рядом и перетирал свою бесконечную жвачку, потом глаза его закрылись. Залитый теплым солнечным светом островок спал в голубых водах лагуны, и только огромный лорс, вздымая остроконечные рога, нес неусыпную стражу.

Странники проснулись утром — или, вернее, были разбужены. Сигнал Горма: «Тревога! Они идут!» — ударил спящих, будто выпущенный из пращи камень. Через мгновение люди были на ногах, готовые к сражению и к бегству. Жуткий вопль ширился и рос над лагуной, и они поняли, что враг близко.

«Аоуу, аоуу, аааоууу!» — рыдали, выли тоскливые голоса, надвигаясь со всех сторон. Теперь, даже в ярких лучах солнца, их остров больше не казался безопасным убежищем в мире первозданного хаоса. Листья пальм угрожающе шелестели, воды лагуны были не безмятежно-голубыми, а серыми, подернутыми легкой рябью, развалины гигантских зданий вплотную придвинулись к островку и нависали над ним с неясной угрозой.

В сопровождении лорса и медведя люди устремились к центральной, более возвышенной части острова. Отсюда наконец они увидели своих врагов и поняли, кто следил за ними с самого начала пути по заброшенному городу.

Они появились со всех сторон в маленьких узких суденышках, наполовину плотах, наполовину каноэ, сплетенных из тростника. Поверхность вод на четверть мили вокруг острова была усеяна этими странными лодками, экипажи которых не нуждались в веслах: они гребли собственными конечностями, снабженными плавательной перепонкой. И сотни белесых голов в воде между судами свидетельствовали, что еще большее число этих созданий добралось сюда самым простым и естественным для них способом — вплавь.

«Новый вид лемутов! — думал Иеро, разглядывая эту орду.— Похожи на жаб и, вероятно, происходят от них... Жабы, вот что они такое! Дайте жабе огромный череп и бледную белую кожу, дайте ей злые черные глаза, дайте почти человеческие размеры, дайте ей нож и копье из рыбьих костей... И дайте ей ненависть!»

Пока враги приближались, сжимая кольцо вокруг островка, священник вспоминал первое впечатление Горма — что эти твари «думают и не думают». По-видимому, медведь ощутил присутствие разведчика, следившего за ними.

Тоскливый жалобный вопль внезапно стих, и только тогда Иеро понял, что люди-жабы не издают ни звука. Этот странный вой шел от окружающих остров руин, но не от жутких созданий, сновавших в воде. Был ли он сигналом к нападению? Кто знает? Множество других вопросов переполняло его мозг, но не было времени искать на них ответы. Первые шеренги атакующих достигли острова и кишели на берегу.

Решение священника — уйти от лагуны и встретить врагов на твердой земле — было правильным. На суше они передвигались неуклюже, нелепыми прыжками; большие плавательные перепонки на ногах делали их здесь гораздо менее опасными, чем в родной стихии, в болоте или воде. Однако враги казались бесчисленными, и мнилось, что их воинство поглотит четверку путников, словно бездонный омут. Правда, на стороне Иеро были прочное оружие и великое искусство рукопашного боя, мастерство киллмена, отточенное годами тренировок и бесчисленных схваток в северных лесах. Кроме того, он даже не рассматривал возможность поражения; поражение означало гибель.

Битву начала Лучар: ее длинный кинжал — трофей, взятый Иеро с Мануна — сверкнул под солнечными лучами, перечеркнув алой полосой горло ближайшей жабы. В ответ ливень костяных дротиков засвистел вокруг, и люди быстро присели. Один из снарядов ударил Иеро в плечо, повергнув священника в изумление — наконечник даже не пробил его кожаную куртку! Эти монстры были никуда не годными копейщиками — вероятно, из-за перепончатых лап, плохо приспособленных для бросания. Такое открытие увеличивало шансы путников на победу, но число нападающих по-прежнему вызывало тревогу. Сотни безобразных тварей плавали вокруг острова, разевая в безмолвной угрозе пасти.

«И с каждым часом их будет все больше и больше»,— подумал Иеро, заметив, как новые плетеные каноэ появляются из-за развалин.

«Клоц! — позвал он.— Ко мне!»

Огромный лорс охранял левый фланг их маленького отряда, тогда как медведь находился справа. Рога Клоца были угрожающе выставлены вперед, и десяток мертвых людей-жаб уже валялся у его копыт. Лемуты боялись этого невиданного яростного зверя и старались держаться от него подальше.

Получив приказ, лорс ринулся к людям, и оба путешественника вскочили в седло. В правой руке Иеро сжимал копье, в левой — свой тяжелый меч.

«В атаку! — приказал он.— Скачи по побережью, вокруг острова! Сбросим их в воду! Горм, иди за нами!»

Как только выяснились особенности этих странных существ, опытный киллмен смог избрать лучший из способов борьбы с ними. Совсем не опасные поодиночке, они толпились вокруг в таком числе, что могли задавить людей своей массой; однако если быстро атаковать, то на суше они будут беспомощными со своими неуклюжими слабыми ногами.

Огромный лорс был неуязвим для костяных дротиков, неспособных пробить густую шерсть. Низкий кустарник и несколько деревьев тоже не являлись препятствием для атаки, и Клоц прошел сквозь толпу амфибий, как раскаленный нож через масло. Страшные передние копыта крушили тела лемутов, в ужасе разбегавшихся с его дороги; некоторых Иеро достал острием копья, но главный труд выпал на долю Клоца. Если не считать его свирепого фырканья, сопенья медведя и выкриков людей, странная битва происходила в полной тишине. Почти автоматически действуя копьем и клинком, священник удивленно подумал, как же общаются эти странные существа. Было ясно, что людижабы не издавали звуков; однако он не мог уловить и никаких ментальных излучений.

Дважды они пронеслись вокруг острова, сея опустошение в рядах врагов. Внезапно, без всякого сигнала, который мог бы увидеть или услышать человек, лемуты бросились в воду лагуны. Иеро заметил, что мертвых и раненых они унесли с собой.

«Наверняка съедят»,— подумал он, вздрогнув от отвращения.

Скорее всего, это гипотеза была верной; вряд ли подобным существам знакомо чувство сострадания.

— Они ушли,— промолвила Лучар, спрыгивая на землю.— Да, но недалеко. Посмотри!

Со всех сторон остров по-прежнему окружала орда лемутов.

Они сидели в своих плетеных челнах и плавали между ними, выставив на поверхность белесые глаза. Они никуда не собирались уходить! Смеркалось, и тела амфибий начали поблескивать холодным фосфорическим светом.

— Я думаю, они атакуют вновь с первыми лучами солнца,— сказал Иеро и обратился к животным: «Горм, с тобой все в порядке? Клоц, ты не ранен?»

«Их оружие очень слабое,— ответил медведь.— Я думал, что в наконечниках может быть яд, но это не так. Я даже не оцарапан».

Клоц только сердито фыркнул, встряхнув рогами. Капли крови с них полетели в лицо священнику. Он спешился, подошел к Лучар и обнял ее за плечи.

Мужчина и юная женщина стояли на берегу, глядя на живое светящееся кольцо, окружавшее остров. Наступила ночь, но фосфоресцирующие тела лемутов были видны не хуже, чем днем.

— Пойдем,— сказал Иеро, коснувшись губами виска девушки.— Нужно заточить оружие, поесть и отдохнуть. Я встану на дежурство первым. Мой арбалет закончен, и я хочу приготовить побольше стрел. Скоро взойдет луна, и здесь будет достаточно света.

— Я не усну, пока ты работаешь! — ответила она упрямо.— Два арбалета лучше, чем один; может быть, мы успеем закончить к рассвету и мой.

Нежность, звучавшая в ее голосе, заставила сжаться сердце Иеро. Даже себе он боялся признаться, насколько безвыходным было их положение. Что сулило им утро, кроме новой атаки несметных орд лемутов? Он хотел сделать не-

сколько стрел, чтобы отвлечься и занять свои руки работой. Кольцо фосфоресцирующих тварей сомкнулось вокруг острова, и было их уже не сотня и не две, а тысячи. Что значили против них два арбалета? Ничего. Ровным счетом ничего.

«Киллмен никогда не сдается»,— сказала одна часть его сознания.

«Священник надеется на Бога»,— сказала другая.

«Ты должен умереть вовремя; вспомни о Мануне»,— предупредила третья.

Он горько усмехнулся, и Лучар удивленно посмотрела на него.

Но она молчала. Она уже привыкла к мысли, что ее странный спаситель, ее любимый, был человеком настроения.

— Хорошо,— кивнул он,— давай закончим с арбалетами.

Это случилось после полуночи. Иеро внезапно отложил почти готовую стрелу, его рука, сжимавшая нож, дрогнула: странный ментальный сигнал пришел к нему. Нечто безымянное двигалось в ночи, прикрытое щитом, под который он не мог проникнуть. Но оно таило угрозу, в этом священник не сомневался. И оно двигалось с запада, со стороны Мануна!

Он быстро разбудил своих спутников; Лучар, которую все-таки сморил сон, слегка застонала, открыв глаза. Он успокаивающе положил руку на ее голову.

«Я тоже чувствую это,— сообщил медведь.— Не могу сказать, что там такое, но ты прав — оно движется к нам. И движется быстро!»

— Нечистый! — воскликнул Иеро в отчаянии.— Эти проклятые лемуты наверняка их союзники и должны были лишь обнаружить и задержать нас! — Он повернулся к медведю: «Покинем остров и будем драться на воде. В конце концов, копья этих тварей угрожают только нашим телам, но не душам!»

«Терпение, друг Иеро,— пришел холодный ответ.— Ты сможешь найти лучший выход. Ты — наш вождь. Мы сумели избежать многих других ловушек...»

Тут наступила пауза, как будто странный нечеловеческий разум медведя рассматривал какую-то новую и непривычную мысль.

Затем пришло замечание, поразившее Иеро; в нем был юмор: «Не надо прощаться с жизнью раньше, чем нас действительно убьют!»

Он ощутил прикосновение ладони Лучар и повернулся к ней.

Девушка смотрела на него широко раскрытыми темными глазами.

— Дорогой мой, значит, мы должны умереть? Нет никакой надежды, никакого пути к спасению?

— Я не вижу выхода, девочка. Мне удалось бежать, но больше они не допустят такой ошибки. Из моего мозга, от всех наших разумов, они могут получить новое знание — такое, что обеспечит им победу. Древнее оружие, которое я разыскиваю, может стать неотразимой силой в их руках; добавь к этому необычные способности медведя и мое собственное открытие, новый канал ментальной связи...— Он печально улыбнулся и продолжал: — Трижды мне удавалось избежать смерти... Но в этот раз... Клоца они тоже не возьмут живым.— Он повернул голову к медведю: «Горм, ты готов умереть, сражаясь вместе с нами?»

«Если необходимо,— был ответ.— Наши старейшие велели мне быть с тобой всюду. Когда ты прикажешь, я перестану существовать. Однако давай все же подождем до рассвета».

— Мрачным будет этот рассвет! — воскликнула девушка.— Он несет нам только ужас и смерть!

— Горм прав,— твердо сказал Иеро.— Мы не умрем, пока не придет наше время. Кто знает, что может случиться?

Он обнял ее за плечи, и так они стояли на берегу острова, ожидая солнечного восхода. Рядом с ними, как ча-

совые, застыли животные; фырканье Клоца, ловившего ноздрями утренний бриз, иногда нарушало тишину. Фосфоресцирующее кольцо врагов стало бледнеть под первыми лучами солнца. Снова путники услыхали тоскливый вопль, который стал для них символом этого страшного города.

И вместе с жутким заунывным звуком пришли те, кто охотился за ними. С юга, со стороны открытого моря, к острову скользил черный корабль; с ним шла их гибель, жестокая и неизбежная.

Амфибиеподобные лемуты, бледные тела которых покрывали поверхность вод, расступились, и корабль скользнул в этот обрамленный живыми стенами канал. Люди-жабы плыли за ним, стягиваясь отовсюду к замедлявшему ход судну. Наконец оно застыло в сотне ярдов от берега; казалось, темный корпус покоится не на воде, а в этой отвратительной белесой массе. Слуги пришли к своему господину.

Теперь, когда корабль оказался рядом, Иеро был вынужден снова воздвигнуть ментальный барьер, опасаясь, что Нечистый снова попробует овладеть его разумом с помощью своей дьявольской машины. Он почувствовал, как плечи Лучар дрогнули под его рукой, и взглянул на нее. Лицо девушки было бесстрастным.

Адепт, который стоял на мостике корабля в окружении людей и нескольких волосатых ревунов, громко заговорил на батви. Он являлся точной копией С'даны, и только по голосу, более молодому и сильному, можно было понять, что это — другой человек.

— Ты попался, священник, вместе со своим зверьем и девчонкой! Согласен ли ты сдаться без сопротивления? — Его тон был насмешливым, и кровь закипела в жилах у Иеро. Стиснув зубы, он справился с гневом и усмехнулся в лицо врагу.

— Ты пришел за моим мозгом, лысая тварь? — вымолвил он.— Ну, так попробуй, возьми его!

Расстояние, разделявшее их, было невелико, и священник едва повысил голос. Бледная кожа адепта покрасне-

ла, а в толпе ревунов послышались злобные крики; заметив это, Иеро снова усмехнулся и перевел взгляд на нос судна, где стояла пушка, стреляющая молниями. Если как следует раздразнить врагов, то с ним и его спутниками быстро покончат...

Это была бы легкая смерть! Но два служителя в капюшонах, стоявшие у орудия, были отлично вышколены; они даже не шевельнулись.

Адепт небрежно взмахнул рукой, и ревуны умолкли. Безволосая голова с гладкой блестящей кожей наклонилась в сторону Иеро.

— Ты смелый человек, священник забытого бога! Это качество мы умеем ценить. Ты в нашей руке, но сожмется ли она в кулак? Может быть, да, может быть, нет... Подумай! Мы еще раз предлагаем тебе союз. Я признаю, что мы хотим использовать твой разум, его удивительную силу и неведомую нам пока что мощь. С'дана послал меня, С'карна, чтобы я попытался убедить тебя. Прояви благоразумие, священник!

Иеро не колебался ни секунды.

— Ты лжешь, С'карн, как и вся твоя гнусная шайка! С'дана боится меня, иначе пришел бы сам, чтобы полюбоваться на мою смерть! На твоем корабле — машина, и с ее помощью ты надеешься поработить мой разум. Ну, иди же, и попробуй сделать это! Я плюю на ваше грязное братство и на тебя, лысый мерзавец!

На мгновение, глядя на корабль, что находился на расстоянии броска копья, Иеро поверил, что добьется своей цели. Холодное лицо С'карна дрогнуло в гримасе ярости, его пальцы судорожно стиснули поручень мостика. Однако адепт справился с гневом и не отдал команды стрелкам, застывшим у орудия. Он заговорил, и его голос был хриплым и угрожающим.

— Ты ищешь легкой гибели, священник. В Мануне, куда ты скоро попадешь, ты будешь молить о ней своего несуществующего бога. Будь уверен, твоя смерть не придет

так быстро, как ты надеешься! — Он повернулся к стоявшим позади него людям и лемутам: — Спускайте лодки! Вперед! Возьмите их живыми!

Иеро поднял с земли свой арбалет, вложил стрелу с блестящим бронзовым наконечником и повернул рукоять. Тетива натянулась, сухо щелкнул затвор. Он целился прямо в грудь С'карну и знал, что не промахнется. Но нажать на спусковой крючок он не успел.

— Мир! — Прозвучавший позади него голос оказался таким сильным и звучным, что перекрыл поднявшийся на корабле шум. В изумлении опустив свое оружие, Иеро обернулся.

Огибая западную оконечность островка, по голубой воде лагуны скользило каноэ. В нем сидел старик с веслом на коленях; его длинные белоснежные волосы и борода падали на коричневого цвета плащ. Он казался невооруженным, только небольшой нож висел на ремне. Его кожа была очень темной — такой же темной, как у Лучар.

Адепт не меньше Иеро был поражен явлением темнокожего старца.

Его взгляд стал пристальным и тяжелым, как будто он увидел нового врага.

— Что ты делаешь здесь, эливенер? — спросил он презрительно.— Ты сошел с ума, раз встаешь между мной и моей добычей! Или ты не знаешь, что случается с теми, кто идет против нас?

«Эливенер! Конечно же! — мелькнуло у Иеро в голове.— Один из братства Одиннадцатой заповеди! Но в самом деле, что ему нужно? Или он настолько безумен, чтобы отдать себя во власть врага?»

Тысячи вопросов вертелись в его мозгу, но тут старец заговорил снова.

— Слушай меня, служитель Зла! Ты и твои помощники должны уйти. Ступайте прочь и оставьте в покое этих путников, как двуногих, так и покрытых шерстью. Я, брат Альдо, говорю вам это. Если вы не подчинитесь, наказанием будет смерть.

Это было слишком для С'карна. Иеро тоже считал, что старик, пожалуй, заходит слишком далеко в своих шутках. Угрожать предводителю врагов, в распоряжении которого корабль, набитый воинами, лемутами и дьявольским оружием, было по меньшей мере безрассудно.

— Ну что ж, нам повезло,— с холодной издевкой произнес С'карн.— Похоже, в наши сети попалась неожиданная добыча! Прекрати свою болтовню, слабоумный, и плыви сюда сам, пока у меня не кончилось терпение. Наша следующая беседа состоится в тюремной камере Мануна.

Брат Альдо поднялся, встав в каноэ во весь рост. Несмотря на свои годы, он выглядел очень гибким и сильным, его движения были легки и свободны.

— Мы убиваем без радости, отродье Нечистого, даже таких, как ты! — промолвил эливенер, повелительно вытянув руку к открытому морю.— Последний раз говорю тебе: уходи! Иначе я уничтожу вас. Оглянись вокруг, где твои союзники? Может, это убедит тебя?

Иеро в изумлении уставился на воду. И правда! Поглощенный спором старого эливенера со служителем Нечистого, он не заметил, как и когда исчезли люди-жабы. Вокруг корабля больше не было живого круга белесых тел; сейчас на голубой поверхности лагуны виднелись только черное судно и крошечное каноэ, разделенные сотней ярдов.

Даже С'карн, казалось, оторопел. Его приспешники начали встревоженно перешептываться, а один из ревунов пронзительно заскулил от страха. Но адепт все еще управлял своим отрядом.

— Замолчите, проклятые трусы! Кого вы испугались? Этого старого болтуна с его эливенерской тарабарщиной?! — Страх, на мгновение исказивший черты адепта, исчез, и его бледная физиономия снова стала жестокой и холодной.— Спускайте лодки, я сказал! Схватите их всех! Всех пятерых!

Брат Альдо вскинул руки, закрыв ладонями свое темное лицо.

— Пусть будет так! Единый и Милосердный знает, что я делаю это против воли.— С этими словами он присел в своем суденышке, наклонился, и в следующий миг лопасть весла плеснула о воду.

И черный корабль взлетел в воздух!

Он был стиснут чудовищными челюстями рыбы, размеры которой поражали воображение и вселяли ужас. В страхе и немом изумлении Иеро созерцал ее зубы, каждый величиной с его собственное тело, ее подобную пещере пасть, выпуклые семифутовые глаза и плавники, напоминавшие распущенные под ветром паруса. Ни звука, ни крика не донеслось от корабля Нечистого; все было кончено быстро.

На одну секунду корабль повис в двух ярдах над водой, затем челюсти левиафана сомкнулись и в лагуну полетели обломки. Чудовище исчезло в бурлящей воде, из которой спустя мгновение возник его хвост в сотню футов в поперечнике. С пушечным грохотом хвост ударил о воду, сокрушив останки корабля, людей и лемутов, боровшихся за свою жизнь.

«Хватайтесь за ноги Клоца!» — торопливо распорядился Иеро, представив, что сейчас произойдет.

Так и случилось: на берег острова обрушился водяной вал, захлестнувший людей почти по грудь.

Но Клоц выстоял, и они вместе с ним: медведь цеплялся сильными передними лапами за заднюю ногу лорса, Иеро держался одной рукой за переднюю, прижимая другой к себе Лучар.

Вода схлынула обратно, и глазам путников предстала спокойная поверхность лагуны. На ней расплывалось обширное маслянистое пятно и плавали какие-то деревянные обломки — все, что осталось от корабля Нечистого. Из его команды никто не сумел спастись; меньше чем за тридцать секунд они были уничтожены. Только маленькое каноэ, полное на треть воды, покачивалось на волнах в нескольких сотнях футов от островка. Затем в руках старого эливенера мелькнуло весло, и лодочка двинулась к острову. Вскоре ее острый нос врезался в песок, и гребец, кивнув Иеро, выскочил на берег.

Мужчины пристально смотрели друг на друга. Священник увидел лицо настолько спокойное, уверенное и сильное, что его обладатель, казалось, был равен богам в своем мудром величии. Темно-коричневую, почти черную кожу их спасителя покрывали морщины, единственный знак возраста; широковатый нос, полные губы и вьющиеся волосы выдавали в нем соплеменника Лучар. Хотя эливенер был немолод, упругая сила чувствовалась в каждом его движении. Его глаза были живыми и острыми; черные как ночь, искрящиеся светом, они казались наполненными добротой и юмором. Это были глаза человека, любящего жизнь.

Иеро был покорен. Он протянул руку, и длинные гибкие пальцы встретили ее в крепком рукопожатии.

— Пер Дистин, я полагаю, священник кандианской Универсальной церкви,— произнес глубокий звучный голос.— Человек, которого жаждали разыскать многие как с дурными, так и с благими намерениями.

С удивлением Иеро понял, что брат Альдо говорит на метсианском, причем совершенно без акцента. До того, как он успел что-либо сказать, старик широко улыбнулся.

— Не удивляйся, пер Дистин. У меня хорошие способности к языкам, и я выучил все, какие слышал за свою долгую жизнь. Но кто же еще странствует с тобой? — Он повернулся к Лучар и одарил девушку такой же широкой улыбкой, как и ее возлюбленного.

Она смущенно опустила глаза, протягивая старцу руку:

— Вы уничтожили наших врагов, отец, и мы благодарим вас за спасение.

— Да, принцесса Д'Алви, я уничтожил их.— Старик вздохнул, взяв ее ладонь в свою левую руку, тогда как в правой он продолжал сжимать пальцы Иеро. Казалось, эливенер не заметил испуга и удивления, мелькнувших в глазах девушки, когда он назвал ее титул.

— Иногда убийство становится необходимостью,— продолжал брат Альдо на батви, внимательно разглядывая обоих молодых людей.

— Но оно не приносит радости. Люди не связаны необходимостью убивать каждый день ради пропитания, как дикие животные. Все эти погибшие существа, отягощенные пороками и злобными мыслями, лягут вечным бременем на мою совесть.— С этими словами он освободил их руки.

— Я должен многое рассказать вам троим — вернее, четверым...

Он повернулся к Горму и непринужденно перешел на ментальную речь:

«Приветствую тебя, мохнатый друг! Далеко ты забрался от северных лесов!»

«Долгих лет и счастливой охоты тебе, старейший,— откликнулся медведь.— Прими нашу благодарность. Теперь на нас долг, но он будет выплачен».

«Это мой долг — помочь попавшим в беду,— прозвучал учтивый ответ.— Теперь давайте поговорим о другом. Твои спутники уже слышали мое имя. Я — брат Альдо, старейшина братства Одиннадцатой заповеди. Я послан, чтобы найти вас и проводить в безопасное место».

«Но зачем?» — спросила Лучар; ее лицо выражало охватившее девушку беспокойство.

«Зачем? — повторил ментальный вопрос брат Альдо, пристально глядя на девушку.— Конечно, не затем, чтобы насильно вернуть тебя к отцу. Неужели ты забыла того, кто добровольно отдался в руки врага, чтобы спасти твою жизнь?»

«Как я могла забыть? — Слезы показались на глазах Лучар.— Ты ведь говоришь о Джоне, не так ли, отец? Жив ли он? Удалось ли ему спастись?»

«Да, дитя мое, я имел в виду брата Джона. Но я не хотел упрекнуть тебя. Я знаю, что ты о нем помнишь.— Брат Альдо ласково улыбнулся девушке и продолжал: — Хотя я много старше любого из вас и, вероятно, всех вас, вместе взятых, зовите меня не “отец”, а “брат”. Наш мохнатый приятель назвал меня “старейший”. Пусть будет так. Слово “отец” предполагает ответственность такого рода,

которую я не могу и не хочу брать на себя. Отец направляет и указывает, я же, в лучшем случае, только проводник».

Они удобно устроились на теплом песке, отдыхая после напряжения схватки. Люди сидели, скрестив ноги или обняв руками колени; рядом растянулся медведь, за спиной священника высился Клоц. Иногда он наклонял голову и касался плеча хозяина мягкими губами. Оглядывая бирюзовую поверхность лагуны, Иеро спросил:

«Нам все еще угрожает опасность?»

«Нет, иначе я не сидел бы здесь с вами. Там,— старик кивком указал на спокойную воду,— находится мой большой брат; он охраняет нас и будет ждать столько, сколько я захочу».

«Как ты управляешь этим созданием? Несмотря на его размеры, у него такой скудный интеллект, что я не смог уловить почти никаких ментальных излучений».

«Твой народ еще так мало работал с животными, что вы сумели приручить не более двух десятков из многих сотен видов,— отвечал эливенер.— Мы же тысячи лет ищем контакт с нашими младшими братьями, это наша специальность, наша главная задача. Мы стремимся установить взаимопонимание с любой формой жизни. Что касается этого существа,— он махнул рукой в сторону лагуны,— то в данном случае контакт достигается скорее на уровне нервной системы, чем его неразвитого мозга. И он не вполне надежен».

Брат Альдо потер висок длинными гибкими пальцами и пристально посмотрел в лицо Иеро.

«Прежде чем мы двинемся дальше, пер Дистин, я хотел бы получить информацию о твоей миссии — всю, какую ты сочтешь нужным сообщить. Должен признаться, что эта часть обитаемого мира пришла в изрядное смятение, когда ты появился тут. Я готов слушать тебя и постараюсь не прерывать».

Иеро задумался. Насколько он может доверять эливенеру? Этот вопрос он еще не решил для себя окончатель-

но. Ему нравились те члены братства, которых он встречал раньше, но здесь перед ним сидел не скромный учитель и не лекарь, а могущественный человек, ментальная сила которого вызывала у священника благоговейный трепет. Наконец он решился.

— Не знаю, что скажет Совет аббатств, но я полагаю, что ты — достойный доверия человек.— Иеро говорил вслух на метсианском.— Я расскажу тебе все, сохранив в секрете лишь цель моих поисков. Надеюсь, ты простишь мне это.

«Я ценю твое доверие,— пришел ментальный ответ.— Однако используй мысленную связь, это экономит время, а его у нас не так уж много. Кроме того, все здесь присутствующие должны слушать и понимать тебя. Не тревожься, ни одна твоя мысль не достигнет ушей Нечистого, когда я рядом».

Пока утреннее солнце карабкалось по небосклону, Иеро успел поведать историю своих странствий, попутно рассказав и о спутниках. Он начал с аббатства в Саске, с поручения старого Демеро и ничего не скрыл от эливенера, кроме конкретного предмета своих поисков. Все дальше и дальше шло повествование, через дремучую чащу Тайга, зловонные трясины Пайлуда, залитое солнцем побережье Внутреннего моря, остров смерти Манун и, наконец, через дебри заброшенного города. Священник закончил свой рассказ и взглянул на солнце. Прошла едва ли четверть часа.

Брат Альдо сидел спокойно и, сощурив глаза, смотрел на сверкающую бликами света воду. Затем он перевел взгляд на Иеро и заметил:

«Отличная история, пер Дистин! Воистину, ты можешь гордиться собой и своими спутниками. Теперь я хочу сообщить вам кое-что. Мой рассказ не будет таким же занимательным; скорее он является лекцией на историческую тему. Но все это вы должны знать, прежде чем мы тронемся в дорогу. И начну я не с событий двухмесячной или двухлетней давности, а с древних времен, с жизни, которая бурлила в этих краях пять тысяч лет назад, до того как пришла Смерть».

Глава 9

МОРСКИЕ БРОДЯГИ

«Посмотрите вокруг себя, дети мои,— начал свой мысленный рассказ эливенер,— и вы увидите в мире зеленые леса и рощи, голубые моря и реки, желтые прерии и болота. Тут и там скрываются в засаде кровожадные хищники, но даже они — одна из бесчисленных форм жизни, жизни прекрасной и удивительной. Поющие птицы, цветущие растения, травоядные животные и те, что питаются мясом,— все занимают свое место в вечном круговороте бытия. И все постоянно изменяются, кто-то гибнет, кто-то приходит на смену погибшим, одни виды вытесняют другие в течение столетий и тысячелетий. Таков порядок в природе, план ее великого Творца.

Но раньше, перед Смертью, среда обитания изменялась быстрее, причем не в лучшую сторону. Область, в которой мы находимся, и весь этот континент назывались тогда Северной Америкой. Это был перенаселенный мир, задыхающийся от отходов промышленного производства».

«Взгляните сюда! — Он указал на кольцо развалин вокруг острова.— Вся наша планета, добрая круглая Земля, была покрыта такими чудовищными строениями! Гигантские здания заслоняли солнце; почва, замощенная бетоном и асфальтом, не могла дышать; были созданы огромные машины, чтобы сделать еще более огромные; дым и чад от них отравляли воздух, образуя ядовитые тучи над городами.

Но это еще не все. Чудовищные суда, рядом с которыми корабль Нечистого показался бы скорлупкой, бороздили моря. Воздух дрожал от рева гигантских летательных аппаратов, перемещавшихся с огромной скоростью. По дорогам, покрытым бетоном, неслись мириады автомобилей, пожиравших море горючего. Их выхлопы продолжали отравлять воздух, которым почти невозможно было дышать.

А кроме того, тут были еще и люди, люди этого прошлого мира. Воюющие друг с другом, бесконтрольно пло-

дящиеся, безразличные ко всему, кроме своего благополучия! Люди не желали задуматься о том, что они уничтожают жизнь на планете; они даже отказывались замечать, что убивают сами себя, все земное человечество! Однако, несмотря на потрясающую нищету, огромное невежество, болезни и бесконечные войны, люди все еще оставались жизнеспособными. С каждым годом их становилось все больше, больше и больше, пока не разразился катаклизм! Мудрецы, ученые и гуманисты, предупреждали их. Бог и Природа едины, говорили они, и величайшее преступление против человечества — разрушать Землю и истреблять живущих на ней.

Немногие слушали их, очень немногие. Одни, религиозные лидеры, люди невежественные и не верящие в научное предвидение, отказывались признавать нарастающую опасность. Другие — те, кто контролировал производство и распоряжался огромными армиями,— желали получить еще больше власти. Им нужно было все больше и больше людей, чтобы бросать их в огонь нескончаемых войн, ведущихся во имя тех или иных политических доктрин. Народ восставал на народ, белые на желтых, черные на белых.

Конец был неизбежен. И он наступил! Многие специалисты, изучавшие в лабораториях древнего мира поведение животных в стрессовых ситуациях, задолго предсказывали его. Когда перенаселение, шум и загрязнение среды достигли максимума, наступило безумие. Сегодня мы называем тот период Смертью. Во всем мире, на суше, на воде и в воздухе, грянула разрушительная война. Атомные бомбардировки, радиация и ужасное химическое оружие уничтожили большую часть человечества и нанесли страшный урон животной жизни планеты.

Однако какая-то часть населения сумела уцелеть. Когда радиоактивный яд немного рассеялся, оставшимся в живых ученым удалось возродить наше братство. Большинство из них занималось наукой, называвшейся "экология", которая изучает все живые существа в их взаимодействии

с природой. Одиннадцатая заповедь не была для них религиозным символом; скорее она являлась выражением их гуманистической доктрины. Эта заповедь гласит: "Да не уничтожишь ты ни Земли, ни всякой жизни на ней".

В течение пяти тысячелетий мы наблюдали, как человечество вновь взбирается к вершинам цивилизации и прогресса. Мы пытались направлять этот процесс, устроить жизнь людей в гармонии с окружающим миром. Мы видели, что многое изменилось к лучшему, однако появились и отрицательные тенденции в развитии. Множество животных теперь обрели разум, подобный разуму человека. Эта мутация была удивительным и неожиданным следствием мощного радиоактивного облучения.

Но одновременно с нашим братством сформировались несколько других групп ученых, преимущественно физиологов, биохимиков и физиков. Они поставили своей целью восстановить власть человечества над живой природой, существовавшую в древние времена. Они находили прекрасными чудовищные машины, породившие уничтожение и Смерть, и попытались восстановить их. Они сделали нечто более опасное — превратили в своих слуг и помощников некоторые группы разумных животных, которых вы, пер Дистин, называете лемутами. Они научили их ненавидеть нормальных людей, превратили этих созданий в кровожадных дикарей-убийц, в безжалостных людоедов. Мы говорим, что ими правит Нечистый; этот собирательный термин, пришедший из далекого прошлого, обозначает союз сил Тьмы и Зла, направленный против рода человеческого.

Главным делом этих отвратительных остатков прошлого является уничтожение всякой человеческой общины, которую они не могут поставить под свой контроль. Если этого нельзя сделать с помощью силы, они стремятся проникнуть в ее органы управления, стать тайными советниками верховных вождей и правителей. Не сомневаюсь, что тебе, пер Дистин, известно об этом. Но ты, принцесса,— знаешь ли ты, почему наш народ истощает свои силы

в бесконечных междоусобных войнах? Я сказал "наш народ", потому что по рождению принадлежу к той же расе, что и ты.

Долгое время наше братство следило за этими группами, средоточием зла, оставаясь невидимым и неизвестным для них. У людей подобного сорта есть главная слабость: каждый из них желает власти над другими, и никто не уступит ее добровольно. Мы надеялись, что этот изъян, это отсутствие сплоченности, приведет к загниванию их сообществ, что они уничтожат друг друга в смертельной борьбе за власть. Они были так же немногочисленны, как и мы, и подобный исход казался вполне возможным.

К сожалению, мы ошиблись. Тысячу лет назад или около того в их среде появился гений, обладавший могучим, но злобным разумом. Он сумел объединить их разрозненные группы, находившиеся в то время в состоянии ожесточенной вражды. Они сформировали дюжину ассоциаций, каждая из которых полностью независима в пределах управляемого ею географического ареала. Эти ассоциации — или круги, как они их называют — образуют Темное братство, союз мастеров Нечистого. Верховные мастера кругов создали постоянный совет, который может заставить любую из ассоциаций действовать во имя интересов всей организации».

«Это напоминает структуру управления в моей стране»,— заметил Иеро.

«Да, это так. Хорошая идея может быть использована и во зло, и во благо. Но слушай дальше, пер Дистин.

На этом континенте возникло несколько человеческих сообществ, или стран, если их обозначать в терминах прошлого. Кандианская конфедерация, включающая республику Метс на западе и союз Атви на востоке, является наиболее развитой в политическом и научном отношении. Города-государства юго-восточного побережья, подобные Д'Алви, сильны своим человеческим потенциалом, но имеют архаичную социальную структуру и наводнены агентами Нечистого. Прежде чем привлекать эти страны в борьбу

с общим врагом, надо очистить и оздоровить их. На далеком западе, на юге и еще в некоторых местах есть другие государства. Мы не соприкасаемся с ними, хотя, должен сказать тебе, мы пытаемся получить информацию о положении в этих районах.

Итак, мы подошли к настоящему моменту. За последние пятьдесят лет усилилась концентрированная атака сил Нечистого против Кандианской конфедерации. Мы надеялись, что аббатства сумеют справиться собственными силами, без нашей открытой помощи. Но, по-видимому, вам не выстоять в одиночку.

Я буду говорить с тобой откровенно, пер Дистин: пойми, наше братство охраняет не государства и страны, а всю биосферу. Мы концентрируем свои усилия в первую очередь на жизни вообще, и только во вторую — на человечестве, рассматривая его как главный фактор воздействия на все остальные формы жизни. Поэтому сама мысль о прямом участии в борьбе человеческих сообществ долгое время была для нас неприемлемой. Но времена меняются.

В течение тысячелетий члены братства учились владеть ментальной силой; она служила нашим целям, она сделала возможным решение задач, которые мы поставили перед собой. Мы полагали, что нам удастся сохранить эту тайну, но наша надежда была безрассудной! Слуги Нечистого тоже овладели этим искусством! Они пошли другим путем: в своих секретных лабораториях создали машины, стократно усиливающие их ментальное могущество. Затем они узнали о нашем существовании. Они смогли выведать немногое, но этого оказалось достаточно, чтобы души сынов зла наполнились опасением и ненавистью. Они стремятся уничтожить нас везде, куда могут дотянуться их жадные руки и свирепые мысли. Много смелых мужчин и женщин погибли, охраняя наши тайны».

— Брат Джон,— прошептала Лучар вслух. Слезы дрожали на ее длинных ресницах.

«Да, и брат Джон тоже. Но он умер легко и не вымолвил ни слова. Эливенеры владеют секретом легкой смер-

ти... И он успел передать нам сообщение о тебе, принцесса. Мы искали тебя и наконец нашли».

«Рассмотрим новое обстоятельство, дети мои, которое мы изучаем уже долгое время, не переставая изумляться могуществу сил природы. Я имею в виду появление разума у негуманоидов, у животных, под действием радиоактивного облучения. Наш мохнатый друг,— старец кивнул в сторону Горма,— относится к новой цивилизации. Мы полагаем, что они постоянно наблюдают за людьми, не доверяя им в полной мере. Мы готовы протянуть им руку дружбы, готовы приветствовать их вождей и старейшин, но они все еще сомневаются в наших добрых намерениях. Но мы продолжаем ждать с терпением и надеждой в сердцах. Что ты скажешь на это, Горм?»

«Я еще очень молод,— пришел ответ.— Я отправился в свое первое путешествие, потому что я желал его, мечтал о нем. Но мое племя, разумный народ Медведей, пока хочет жить скрытно. Наверное, многое из того, что я увидел и понял, заставит их призадуматься. Но я не могу говорить сейчас за наших старейших».

«Хорошо,— продолжал брат Альдо,— мы, как я сказал, будем ждать и надеяться. Я не верю в победу Нечистого и не думаю, что ваш народ окажется в выигрыше, если перейдет на его сторону. Кроме того, есть еще народ Плотины, который обитает в далеких северных озерах; они тоже безразличны к делам людей. А Нечистый уже сумел приобрести союзников — ему служат волосатые ревуны, люди-крысы и многие другие создания. Есть и еще более странные существа. Люди-жабы, с которыми ты сражался, пер Дистин, подчиняются другому господину, кому-то, кто скрывается в глубинах этого мертвого города и чью сущность я не могу постигнуть. Я не знаю, что это за тварь, но она древняя и злобная, и она тоже является союзником Нечистого.

Странные создания, порождения атомной радиации и генетических мутаций, чудовищные и ужасные, бродят в лесах, горах и пустынях, скрываются в болотах и прериях.

Вероятно, вы встречались с ними во время своих странствий?»

Иеро вспомнил про Обитающего в Тумане; вздрогнув, он кивнул головой.

«Я вижу, некоторые из них тебе знакомы. Но не все из них полны бессмысленной злобы; некоторые безразличны к людям, другие даже проявляют доброжелательность. Мир полон пульсирующей бурлящей жизни, и многие его чудеса пока еще не известны нам. И наконец, мы добрались до настоящего момента. Мы знаем, что враги выследили тебя на побережье. Я догадываюсь, пер Дистин, что ты хочешь найти в разрушенных южных городах, но об этом позже.— И он продолжал, не обращая внимания на удивление Иеро: — Мы решили помочь тебе любой ценой. Мы, эливенеры, пришли к заключению, что Нечистый достиг такого могущества, ментального и физического, что нашему братству, как и вашей конфедерации, не справиться с ним в одиночку. Наша мощь заключается, в основном, в мысли и духе. Мы нуждаемся в физической силе, в руках, способных держать оружие, хотя мы ненавидим его. Я должен сказать тебе, пер Дистин, что, пока мы сидим и беседуем здесь, представители нашего братства вступили в контакт с Советом аббатств, предложив объединить усилия в борьбе против общего врага. Это великое решение для нас — величайшее за всю историю братства!

Я сам вызвался найти тебя и оказать помощь в случае нужды. Мы ничего не знали о принцессе, хотя, как я сказал, долго и безуспешно искали ее, опасаясь, что она погибла. Но не будем сейчас о принцессе... Скажу тебе, что Совет нашего братства наделил меня большими полномочиями: я должен присоединиться к твоему отряду, идти с тобой и помогать в твоей миссии. Но первым делом я должен был тебя найти, согласен?

Два дня назад мне показалось, что я ощущаю концентрацию ментальных сил в этом районе... Пришлось поторопиться, пер Иеро, очень поторопиться,— и, к счастью,

я успел вовремя! Теперь у нас есть краткая отсрочка, пока Нечистый собирается с мыслями. Они очень напуганы твоей ментальной мощью, сын мой. Пока ты еще с трудом осознаешь свою новую силу, но я могу сказать, что твое ментальное поле распространилось на половину этого континента! Слуги Нечистого полагают, что ты разыскиваешь нечто очень важное, нечто такое, что может стать решающим фактором в борьбе. Они решили, что ты не должен получить этого нового знания, и постараются опередить тебя.

Итак, я хотел бы идти с вами. Что вы скажете на это?»

Брат Альдо закончил свой мысленный рассказ и теперь сидел, внимательно глядя на священника. Вся история заняла не более нескольких минут, и ментальные образы в беззвучной речи старика сменялись с быстротой и четкостью, поразившей Иеро. Вероятно, для брата Альдо мысленная речь была такой же естественной и привычной, как разговор вслух для обычных людей.

Лучар подняла голову, всматриваясь в сияющую голубизну лагуны, и медленно сказала:

— Я иду вместе с Иеро, сейчас и навсегда. И приму любое его решение. Но если мое слово что-нибудь значит, то я считаю, что нам очень повезло.

«Я согласен,— мысленно откликнулся священник.— Мне кажется, наш новый друг обладает огромной силой, и его помощь не будет лишней в тяжелом странствии. Будущее может оказаться страшнее и хуже прошлого». Он улыбнулся старому эливенеру и получил в ответ широкую улыбку.

«Мои старейшие говорили, что у людей братства мы можем получить помощь в случае нужды. Кроме того, я чувствую, что этот человеческий старейший — друг. Я не могу ошибаться.— Горм уставился на брата Альдо своими маленькими глазками.— Да, он друг, этот старейший. И он очень, очень могущественный! Давайте не будем сердить его».

Священник не мог понять, была ли последняя мысль просто констатацией факта или образчиком медвежьего

юмора. Но брат Альдо, судя по всему, лучше разбирался в мыслях животных; усмехнувшись, он внезапно вытянул длинную руку и щелкнул медведя по носу. Горм проворно опрокинулся на спину, обхватив лапами морду, и изобразил смертельно раненного медведя. Он мотал головой, жалобно стонал, высовывал длинный язык и сучил задними лапами. Трое людей дружно расхохотались.

— Этот медведь — великий артист, и в другом месте он бы...— пробормотала Лучар, задыхаясь от смеха.

Она не успела закончить, как Иеро вспомнил, в каком месте они находятся сейчас. Он нахмурился, призывая всех к молчанию, и перевел взгляд на старого эливенера.

«Что вы предлагаете делать дальше, брат мой?»

— Я думаю, мы должны поесть и как можно быстрее покинуть этот остров,— вслух произнес старик.— В нескольких милях вниз по побережью меня ожидает судно. Слуги Нечистого наверняка встревожены внезапным молчанием их корабля. Вероятно, они могут связаться с тварью, которая повелевает людьми-жабами в этом затонувшем городе. Я могу ощутить и понять лишь очень немногие их намерения, кроме той ненависти, что переполняет их разум.

— Ни я, ни Горм не можем пробиться через их ментальный барьер. Неужели вам и это по силам? — в изумлении спросил Иеро.

— Вспомни, что по возрасту вы оба — дети по сравнению со мной. Даже глупец сумел бы многому научиться за то долгое время, что я странствую по земле,— улыбнулся старик, поднимаясь на ноги.

Путники быстро поели, разнообразив свое меню сушеными фруктами из запасов брата Альдо. Затем, погрузив на плот его пирогу, они двинулись дальше. Гнилые воды и руины мертвого города встречались все реже и реже, и к концу дня они достигли более гостеприимных берегов. Великое болото осталось на северо-западе, а перед путниками теперь простирались огромные леса и прерии, тянувшиеся к восходу солнца, от побережья Внутреннего моря до великого соленого океана Лантик.

Но они не собирались двигаться на восток, их дорога вела на юг, через восточный рукав Внутреннего моря. Где-то там находилась Ниана, торговый порт, из которого не столь давно отплыл купеческий парусник с пленницей Лучар. Там, в окружавших город лесах, брат Альдо надеялся отыскать тайную тропку, неведомую их врагам.

Вечером, уже на твердой земле, усевшись вокруг небольшого костра, они продолжили обсуждение своих планов.

— Если вы не против, я хотел бы попытать удачу с моими Сорока символами,— сказал Иеро брату Альдо. Горм исчез — вероятно, отправился охотиться, и они использовали обычную речь.

— Против? Но почему? — удивился старик.— Сказать по правде, искусство прекогнистики мало знакомо эливенерам, так как наша подготовка касается других областей разума и духа. Но если у тебя есть способности к этому занятию, отчего же не использовать их во имя общего блага? Единственное, чем мы рискуем, так это возможностью предсказать собственную смерть.

— Вы можете смотреть, если хотите,— заявил священник, вытаскивая из седельной сумки свой магический инструментарий.— В этом деле нет ничего тайного.

Когда Иеро вынырнул из своего короткого транса, то увидел, что брат Альдо внимательно наблюдает за ним. Глаза Лучар, сидевшей рядом со стариком, горели от едва сдерживаемого возбуждения.

— В этом методе есть определенная опасность, которую я не предвидел,— произнес эливенер.— Твой мозг был полностью открыт, разблокирован и испускал такую ментальную энергию, что любой оказавшийся поблизости наблюдатель легко обнаружил бы нас. Я прикрыл тебя мысленной сетью, чем-то вроде маскировочного экрана, имитирующего маленькие мыслишки окружающих нас животных, трав, кустарника; ведь шпионы врага могли оказаться рядом.— Он заметил удивленный взгляд Иеро и добавил: — Да, сын мой, растения тоже мыслят, хотя ты, возможно, не назвал бы это мыслями.

— Спасибо,— коротко отозвался священник, затем раскрыл ладонь и взглянул на лежавшие в ней символы.

Первой была Рыба. Снова странствие по воде! Правда, в этом не было ничего неожиданного. Следующим символом являлись Сапоги.

— Половина моей жизни прошла в дороге,— заметил священник.— Теперь нам предсказано путешествие по воде. Что ж, все это так, но ничего нового мы пока что не узнали.— С этими словами он склонился над третьим знаком; это был Дом.

— Что это значит? — возбужденно спросила девушка.— Это хорошо или плохо?

— Ни то ни другое,— был ответ.— Дом — это Дом. Сам по себе этот знак символизирует крышу, кров, убежище, но в сочетании с другими знаками допускает много различных толкований. Я рассказывал тебе, что эти символы очень, очень древние и указания их первых творцов невразумительны и туманны. Тут как раз такой случай. Гадание может означать, что какая-то опасность поджидает нас внутри дома или что мы получим кров, укрытие. Иной смысл таков: мы попадем в здание, возможно, во вражеский город или в селение. Не много помощи от этих загадок, друзья мои!

Иеро посмотрел на четвертый символ, крошечный Меч, прикрепленный к Щиту.

— Меч и Щит! Вот это уже что-то определенное! Такой символ означает, что гадающему придется вступить в опасную схватку.

Он взглянул на Лучар и усмехнулся, заметив тревогу в ее глазах:

— Не беспокойся, девочка. Трижды за свою жизнь я вытаскивал этот знак и пока еще цел.

Больше не было сказано ничего. Священник сложил фигурки в мешочек и подозвал Клоца.

Трое людей сели верхом на рогатого скакуна, который двинулся вперед медленной иноходью. Такая нагрузка не

была для Клоца слишком тяжелой, он мог нести и вдвое больший вес. Своей неторопливой рысцой лорс покрывал расстояние быстрее бегущего человека и мог пройти там, где пеший путник был бы вынужден сделать обход.

За два утренних часа они добрались до небольшой бухты, глубоко врезавшейся в берег. Когда отряд выбрался из лесных зарослей на покрытый песком пляж, старый эливенер поднес ко рту сложенные рупором ладони и испустил протяжный крик. Люди вздрогнули от неожиданности, уши Клоца встали торчком, Горм, обнюхивавший край тропинки, тоже удивленно задрал голову.

К изумлению Иеро и Лучар, низкий подлесок на противоположной стороне бухты пришел в движение. Из неглубокой выемки в берегу выскользнуло небольшое двухмачтовое судно. Большие сети с привязанными к ним ветвями спускались на его палубу с верхушек мачт и полностью маскировали корабль.

Длина выкрашенного в коричневый цвет парусника составляла около сотни футов, его корма и нос были высоко приподняты. Между мачтами торчала невысокая надстройка, вокруг которой громоздились какие-то тюки и узлы — вероятно, с товарами; бугшприт был украшен резной фигуркой обнаженной девушки.

На палубе судна показались люди. Проворно пробираясь между кипами груза, они спустили на воду маленькую шлюпку. Несколько моряков сели в нее и поплыли через бухту быстрыми ударами весел.

Путники спешились, когда гребцы, ловко развернув суденышко, причалили его кормой к берегу. Это позволило сидевшему на кормовой банке осанистому мужчине шагнуть сразу на сухую землю, что он и сделал с немалой важностью. Лучар уставилась на него во все глаза, хихикнула и крепко зажала рот ладонью.

— Это капитан Гимп,— с серьезным видом произнес брат Альдо.— Он терпеливо ждал нас здесь и готов доставить куда угодно. Во Внутреннем море нет более опытного и знаменитого капитана,— добавил старик, строго взглянув на Лучар.— Он не раз оказывал услуги нашему братству. Капитан, позвольте представить вам моих друзей и ваших новых пассажиров.

Капитан Гимп с достоинством наклонил голову. У него было очень короткое и очень широкое туловище, похожее на корыто для стирки белья, водруженное на пару неказистых, но основательных подпорок. Истинный цвет его кожи, обветренной и задубевшей под морским бризом и солнцем, не представлялось возможным установить.

Его макушка была лысой, или, точнее, выбритой; длинная косичка из пепельных, с проседью волос спускалась на спину. Могучие челюсти капитана непрерывно двигались, перетирая жвачку. Он носил грязную засаленную юбку-килт из оленьей замши, башмаки из невыделанной шкуры и видавшую виды зеленую шерстяную куртку. Капитан немного прихрамывал, но передвигался с изрядным проворством. Сейчас, стоя перед путешественниками, он скрестил на внушительной груди могучие руки с длинными сильными пальцами и разглядывал их своими черными, весело искрившимися глазами. Судя по всему, этот морской волк ценил юмор.

— Рад приветствовать вас,— произнес он гулким басом на батви.— Слово брата Альдо для меня лучшая рекомендация. Отпустите на волю ваших зверюшек, и поспешим на борт. Ветер благоприятствует плаванию в южные воды, но он может перемениться.— С этими словами бравый мореход выплюнул жвачку. Плевок был рекордным по дальности и направлен в сторону Горма.

Медведь, который сидел на задних лапах, принюхиваясь к теплому утреннему бризу, рванулся вперед подобно молнии. Широкая лапа сгребла на лету комок жвачки, затем Горм встал на задние лапы и направился прямиком к остолбеневшему капитану. Добравшись до него, медведь пристально уставился в побледневшее лицо морехода, презрительно фыркнул и вытер лапу о грязную зеленую куртку, украсив ее очередным пятном. Совершив этот подвиг, Горм снова уселся на песок, моргая маленькими глазками и насмешливо поглядывая на капитана Гимпа.

Моряк наконец вышел из транса; его лицо приобрело кирпичный цвет, глаза изумленно расширились. Перекрестившись, он повернулся к Иеро.

— Разрази меня гром! — пробасил капитан Гимп.— Клянусь мачтой и парусом, я никогда не видывал этаких штуковин! Кажется, эта зверюга поняла мои слова! Кто он такой? Заколдованный принц? — Капитан оглядел смеющиеся лица путников.— Я покупаю его! Назовите вашу цену! Я — честный торговец и готов справедливо заплатить за такое чудо. Спросите брата Альдо, если не верите мне!

Понадобилось некоторое время, чтобы довести до сознания коротышки-моряка, что Горм не продается и что его разум не уступает человеческому. Капитан все еще что-то бурчал себе под нос, когда брат Альдо заметил, что надо бы подвести корабль к пляжу и перебросить на берег широкую доску, дабы Клоц мог забраться на борт. Но это было уже слишком для бравого моряка.

— Послушай меня, брат,— заявил он старому эливенеру,— мне случалось перевозить скотину, когда я плавал на своей старой посудине. Каботажные рейсы, понимаешь, день туда, день обратно, на большее моя лоханка не годилась. Но судно теперь у меня новое, и я совсем не желаю, чтоб этот бычина его загадил. Подумай, что скажут люди? Моя «Морская дева», моя красавица, лучший торговый парусник, стала грязной баржой! Нет, об этом мы не рядились, братец! Говорящие медведи, полуголые девчонки и парень с севера со змеями и листьями на лбу — еще куда ни шло! Но рогатый скот величиною с гору...

Тут брат Альдо прервал капитана, напомнив о кое-каких веских и звонких аргументах. В результате к полудню все путешественники уже находились на борту, а капитан развил бурную деятельность, и в течение часа за палубной надстройкой соорудили надежный бревенчатый загон для Клоца.

Команда, как заметил Иеро, по этническому составу была очень разнообразной. Здесь попадались темнокожие парни с курчавыми волосами, соплеменники Лучар и брата

Альдо, были смуглые, похожие на него самого, хотя и не и знавшие метсианского, а еще он увидел двух полунагих мужчин с белой кожей и рыжими волосами, глаза которых светились, как голубоватый лед на северных озерах. Он читал про таких людей в древних хрониках, но не думал, что их раса выжила после Смерти.

— Они пришли с острова на далеком севере, который, как я полагаю, назывался в прошлые времена Гренландией,— пояснил брат Альдо, следивший за его взглядом.— Очевидно, были изгнаны, поэтому оказались так далеко от дома.

— Неужели эливенеры смогли добраться до этих далеких краев? — спросил Иеро. Он крепко стиснул поручни, так как «Морская дева» вышла из бухты в открытое море и рванулась вперед, подгоняемая сильным ветром.

— Мы лишь пытаемся проникнуть туда.— Брат Альдо подставил лицо свежему морскому бризу и сощурил глаза.— Обычно мы стремимся иметь своих людей во всех известных нам землях. Один из помощников шамана в селении белых дикарей, что собирались скормить Лучар птицам, является эливенером. Вот откуда я получил сведения о твоем маршруте, мой мальчик.— Он грустно улыбнулся Иеро.— Да, наш брат был вынужден смотреть, как убивают твою девушку. Он не имел выбора, хотя и являлся по рангу старшим после шамана лицом в селении. Через него мы оказываем влияние на все племя, а такая возможность появляется редко. Враги тоже работают с примитивными народами, и нужно что-то противопоставить им. Прости нас, но в такой ситуации жизнью одного человека приходится жертвовать.

— Иными словами,— сказал Иеро резко,— вы помогаете мне, если можете извлечь из этого выгоду для себя. Сейчас, когда я и мои спутники в полной власти вашего братства, такая мысль не кажется мне привлекательной.

— Мне очень жаль, если у тебя сложилось подобное мнение,— отвечал Альдо.— Я пытаюсь быть откровенным с тобой, пер Иеро. Я сказал, что буду твоим союзником,

и сдержу свое слово. Что касается нашего брата, живущего у дикарей, то он принял решение, преследующее очень долговременную цель. Разве ты не понимаешь этого?

— Может быть, он прав,— сказал священник холодно.— Я не слишком силен в казуистике. Простите, брат, но теперь я хотел бы отдохнуть.— С этими словами Иеро направился к палубной надстройке, в которой уже сладко дремала Лучар. Рядом с ее койкой на полу свернулся Горм, и от его сопения подрагивали стенки небольшой каюты.

Следующие несколько дней стояла прекрасная погода. Пассажиры «Морской девы» привыкли к легкому покачиванию корабля и наслаждались путешествием. Медведь освоился довольно быстро, но Клоц первое время вел себя беспокойно. Иеро проводил много времени рядом со своим скакуном, утешая и успокаивая его. Оказалось, что брат Альдо тоже умеет отлично утешать, и Иеро с невольной ревностью почувствовал, что лорс питает к старому эливенеру доверие и нежность.

Медведь сделался баловнем всей команды, считавшей его очень умным дрессированным животным и не подозревавшей о его настоящих талантах. Горма, напрочь лишенного тщеславия, это вполне устраивало — как и те лакомые кусочки, которыми его щедро оделяли люди.

Впервые Лучар и Иеро получили королевский дар — время, свободное от тяжелой работы, ночи и дни, не грозившие опасностью. Это плавное скольжение, чудный полет маленького судна в безбрежной морской голубизне под ярким солнцем и бездонным небом, стало их свадебным путешествием. Крошечная каюта корабля дарила им желанное уединение в ночные часы, когда прекрасный мир любви и нежности раскрывался перед ними.

Вначале Иеро ощущал определенный дискомфорт — у него, разумеется, не было с собой того бальзама, которым метсианские врачи предохраняли женщин от беременности. Поделившись своими страхами с братом Альдо, он тут же получил помощь. В маленьком сундучке старого эливенера хранилась целая аптека, и подобрать заменитель препарата аббатств не составило труда.

Капитан Гимп оказался отличным компаньоном и гостеприимным хозяином. Несмотря на свою забавную внешность, он поддерживал на корабле строгий порядок. «Морская дева» сверкала чистотой от клотика до трюма, и ее разношерстная команда была отлично вышколена и всегда готова к любым превратностям морских странствий. Большинство матросов носили за поясом длинные ножи; на наружных стенах палубной надстройки был развешан внушительный арсенал из боевых топоров, мечей и копий. На юте, позади штурвала, громоздилась стрелометная машина, похожая на огромный арбалет; она выпускала разом полдюжины стрел с тяжелыми стальными наконечниками и показалась священнику надежным орудием.

— Никогда не знаешь, что пригодится в этих водах,— сказал Гимп, когда они осматривали его арсенал.— Тут водятся рыбешки величиной с мою посудину, которых мы иногда бьем гарпунами, и птички такого же размера. Есть и пираты с работорговцами, а эта компания всегда готова ограбить честного купца, если тот не знает, где у меча рукоять и где — клинок. Шастают, конечно, и слуги дьявола. У их лоханок ни парусов, ни весел, однако не уйдешь! Колдовство, чтоб палуба под ними треснула! Догонят и сожгут!

Вспомнив стреляющую молниями пушку и свое заключение на острове Смерти, Иеро молча кивнул головой.

Жизнь кипела в наполненных солнцем водах Внутреннего моря. Косяки мелких рыбешек и огромных рыб всплывали на поверхность в поисках пищи и снова уходили в глубину, птицы носились над волнами, высматривая добычу, а когда судно приближалось к небольшим безлюдным островам, гигантские тюленеподобные звери тянули к нему ощеренные пасти, оглашая воздух громоподобным ревом. Капитан называл этих чудищ отрами и спешил увести корабль подальше.

— У них отличная шкура и неплохое мясо,— объяснял он,— но, чтобы взять все это, нужна целая флотилия с опытными гарпунерами.

Пятый день плавания выдался ветреным, небо заволокли тучи, надвинувшиеся с севера. Иеро еще спал, когда крики и стук в дверь каюты разбудили одновременно его и Лучар.

Выскочив на палубу, он обнаружил, что брат Альдо и капитан стоят на корме у штурвала и пристально смотрят назад. Причина их озабоченности была очевидной — большое трехмачтовое судно с прямым парусным вооружением нагоняло «Морскую деву» с неумолимостью рока. Иеро видел, как сокращалось расстояние между кораблями, и разглядел, что палуба преследователя черным-черна от людей; тут и там в этой толпе зловеще сверкали клинки и копья. На мачтах корабля развевались черные флаги, на парусах были намалеваны красно-синие изображения чудовищ.

Он обернулся к старому эливенеру:

«Нечистый?»

«Нет, не думаю,— пришел мысленный ответ.— Это пираты, жестокие, как хищные звери. Впрочем, все они связаны с Нечистым — у сынов зла длинные руки и много помощников. Ты можешь попытаться проверить это».

Иеро закрыл глаза, концентрируя ментальное поле. Капитан Гимп разглядывал чужой корабль сквозь большую подзорную трубу и чертыхался, сплевывая за борт жвачку. У палубной надстройки боцман, чернокожий одноглазый великан, раздавал оружие немногочисленной команде «Морской девы». Трое моряков возились на корме у большого стрелометa.

Брат Альдо был прав, Иеро почувствовал это сразу: мореходы с чужого корабля, многочисленные и свирепые, походили на стаю хищников, загоняющих оленя. Но то была обычная человеческая злоба и жажда добычи, древние примитивные инстинкты, с которыми первые пираты бросались в погоню за первыми галерами купцов еще за три тысячи лет до пришествия Христова.

Но разум их вождей был защищен! Все, что мог извлечь священник,— это чувство злобной, уверенной в себе силы, исходившее от них. Но их мысли оставались недоступными ему, даже когда он попробовал свой новый ментальный канал. Нечистый учился быстро! Когда же они успели создать приборы или методы тренировки, сделавшие его телепатическое оружие бесполезным? Ну, не совсем бесполезным, отметил он. Только четыре сознания на корабле были защищены; кроме них, он мог взять под контроль любого мерзавца из этой банды.

Он сконцентрировал ментальное поле на рулевом пиратского корабля. Этого человека звали Хорг, и его жизнь была нескончаемой цепью преступлений, насилия и грабежей.

«Поворачивай штурвал, парень! Твоей жизни грозит опасность! Твой корабль сейчас погибнет! Не медли, поворачивай назад!»

Восклицание капитана Гимпа заставило его открыть глаза. Судно под черным флагом уходило с курса, его паруса хлопнули и обвисли, потеряв ветер. Снова опустив веки и сосредоточившись, Иеро почувствовал, что Хорг умирает. Враги не теряли времени даром, но все же «Морской деве» удалось выиграть четверть мили.

Почти вся команда столпилась на корме, зачарованно наблюдая за странными маневрами пиратского судна. Стон пронесся среди матросов, когда большой корабль снова лег на прежний курс. Проклятие сорвалось с губ Гимпа; повернувшись к своим людям, он велел очистить ют и всем заняться делом. Через минуту на корме вместе с капитаном остались только путешественники, рулевой у штурвала и троица у стрелометной машины.

Иеро снова сконцентрировался на рулевом. Однако кто бы ни командовал на пиратском паруснике, соображал он быстро: теперь судном управлял человек с защищенным разумом. Не отчаиваясь, Иеро проник в сознание стоявшего неподалеку матроса. Его звали Гаммер, и его мысли были еще отвратительнее, чем у покойного Хорга.

«Рулевой — твой смертельный враг. Он ненавидит тебя. Он для тебя — вечная опасность. Он убьет тебя! Но ты можешь убить его первым! Сейчас! Немедленно!»

Холодно и расчетливо Иеро разжигал неодолимую жажду убийства. Он не собирался церемониться с этими крысами, по попустительству Божьему принявшими облик людей. Но его намерения снова были расстроены — разум, который он контролировал, не успел выполнить свою задачу. Гаммер крался к рулевому, пряча нож в рукаве, когда стрела внезапно пробила его горло. Иеро ощутил острую боль, слабость и стремительное угасание мыслительных процессов в мозгу пирата. Затем Гаммер тоже умер.

Священник открыл глаза, снова оказавшись в собственном теле. Он чувствовал упадок сил, его руки дрожали.

— Плохо,— сказал он брату Альдо под шум начинающегося дождя.

— Они расставили стрелков с арбалетами во всех ключевых точках, и им приказано стрелять в любого подозрительного человека. Попробую найти одного из лучников и воспользуюсь его оружием, хотя я устал. Трудно раз за разом брать под контроль их людей, это высасывает ментальную энергию. Но я попытаюсь.

На самом деле, не признаваясь в том самому себе, Иеро был пристыжен. Он питал уверенность, что сможет сделать много больше, чем ему удалось, но враги оказались предусмотрительными. Командир корабля и его помощники были надежно защищены, а жизнь остальных не представляла ценности. И их было много, слишком много.

Тем временем капитан Гимп решил предпринять собственный маневр. Он рявкнул команду, рулевой навалился на штурвал, захлопали большие треугольные паруса, и «Морская дева» пошла круто под ветер. Теперь судно двигалось почти точно на запад, к затянутому низкими облаками горизонту, разрезая форштевнем свинцовые валы.

— С прямыми парусами тяжелей маневрировать,— пояснил Гимп своим пассажирам, вцепившимся в перила.— Может быть, нам удастся ускользнуть от этих сыновей греха.— Капитан кивнул на пиратский корабль. Он был опытным мореходом и знал, что должен держать круче к ветру, чем его преследователь. Если этот трюк удастся, то ветер встанет невидимым барьером между кораблями.

Но фокус не удался. Путники видели крохотные фигурки матросов, карабкающихся на реи; потом огромные паруса пиратского судна на мгновение обвисли, ловя ветер, и вздулись вновь. Корабль лег на новый курс; его форштевень смотрел точно в корму «Морской девы», как будто был привязан к ней канатом. Гимп, выругавшись, махнул рукой рулевому, и маленькое судно вновь повернуло на юг. Преследователь повторил этот маневр. Не более половины мили разделяло корабли.

«Можешь сделать что-нибудь, брат Альдо?» — послал Иеро мысленный вопрос.

«Я пытаюсь разыскать большое животное или рыбу,— пришел ответ,— однако все они слишком далеки. Кое-что мне удалось нащупать, но я пока что не уверен... Мне нужно время, пер Иеро. Попробуй взять под контроль одного из лучников, о которых ты говорил, и использовать его. Любое замешательство на их корабле позволит нам выиграть хоть пару минут».

— Я тоже так думаю,— буркнул Гимп. Они не блокировали мысленной связи, и, очевидно, капитан понял смысл их беззвучных переговоров.— Лысый Рок не из тех парней, с которыми стоит искать встречи. Надеюсь, живыми мы ему не попадемся и не спляшем на реях его лоханки. В команде у него мерзавцы и отребье, хуже которых за тысячу миль не найдешь. Одни печень вырвут, а другие ее сожрут... Каннибалы, багор им в задницу! Сам Лысый Рок мамашу продаст за медный грош и не подавится! Но он моряк умелый, и корыто у него быстрое.

Иеро слушал капитана вполуха — снова искал подходящий разум на вражеском судне. Он пропустил два нечеловеческих мозга: один принадлежал волосатому ревуну, другой — какому-то новому, неизвестному лемуту. Наконец священник обнаружил то, что было ему нужно: на одной из нижних рей скорчился стрелок, его взгляд скользил по палубе, он высматривал любую странность в поведении экипажа. Иеро не стал интересоваться именем арбалетчика, но, сконцентрировав ментальную мощь, разом отсек

двигательные функции и завладел его телом. Он чувствовал ужас пирата, бессильно наблюдавшего, как его руки подняли оружие, нацелив арбалет прямо на капитанский мостик.

Но священника вновь постигла неудача: свистнула стрела, раздался шум рухнувшего тела, но побледневший рулевой по-прежнему сжимал штурвал — стрела поразила стоявшего рядом с ним человека. В тот же миг стрелок умер; три арбалетных болта и копье пронзили его тело. В последний миг Иеро успел разглядеть капитана пиратского судна, подавшего команду стрелкам на реях. Рослый, тощий, одетый в увешанный драгоценностями кафтан из красного бархата, с голым блестящим черепом, Лысый Рок являл собой странное и отвратительное зрелище. Бронзовое от загара, бритое лицо пересекал ужасный шрам, вздернувший верхнюю губу и изуродовавший нос. Иеро ощущал на себе его леденящий взгляд, даже когда освободился от мертвого тела невольного союзника. Но он заметил еще кое-что: на шее у предводителя пиратов висела цепь из голубоватого металла с квадратным массивным медальоном. Священник понял, что там находится источник силы, охраняющей разум врага.

Веки его поднялись, он провел ладонью по планширу, снова чувствуя сильную слабость. Какое еще оружие мог он противопоставить тайному искусству адептов Нечистого?

Его мысли прервал возглас брата Альдо:

— Во имя Единого и Милосердного, они идут! Спешите, дети Великих вод!

Повинуясь знаку эливенера, капитан Гимп велел привести «Морскую деву» под ветер и спустить паруса. Они с треском пошли вниз, а затем вся команда и пассажиры столпились на правом борту, с изумлением разглядывая приближавшихся созданий.

Пиратский корабль тоже спустил паруса и лег в дрейф. Узкая полоска воды в несколько десятков ярдов отделяла его от «Морской девы», и в ней грациозно, неторопливо скользили два огромных существа. Сначала Иеро даже на

понял, что это такое, затем рот его приоткрылся от удивления. Это были птицы! Птицы чудовищных размеров! Их тела, низко погруженные в воду, были почти невидимы, но, похоже, они не уступали величиной «Морской деве». Прекрасные головы на длинных шеях переливались всеми оттенками золотисто-зеленого цвета, титанические двадцатифутовые клювы походили на огромные метательные копья. Глаза птиц метались от одного корабля к другому, они встревоженно вертели головами, но невидимые ментальные путы прочно держали их на месте.

— Я не хочу побуждать птиц к нападению на парусник,— произнес вслух старик.— Возможно, вид этих созданий напугает врагов и они уйдут по доброй воле. Любое животное, в том числе и красавца лоуна, можно убить, а на этом корабле нет недостатка в оружии.

Оба судна медленно дрейфовали по ветру. Команды бездействовали, наблюдая друг за другом и за гигантскими птицами. Затем человеческий голос перекрыл свист ветра, легко преодолев полсотни ярдов, разделявших корабли. Человек говорил на батви.

— Эй, Гимп, бочка крысиного помета, ты слышишь меня? Отвечай, протухший кусок сала, если не боишься!

Лысый Рок собственной персоной стоял на ближайшем к «Морской деве» борту большого корабля; его фигура в красном кафтане четко вырисовывалась на фоне серого неба. Пираты весело загоготали, потрясенные остроумием своего капитана. Это отвлекало их от внушающего ужас созерцания чудовищных птиц, которых, казалось, держала рядом с кораблем магическая сила.

— Я здесь, Рок, грязный пожиратель трупов! — прокричал Гимп в ответ.— Уводи свою вонючую баржу подальше, иначе эти маленькие птички могут случайно задеть ее!

— Неужели? — хладнокровно отвечал Рок, насмешливо улыбаясь. Он демонстративно игнорировал присутствие птиц, и Иеро был вынужден признать, что у этого мерзавца крепкие нервы.— Вот что я тебе скажу, толстячок: кто бы ни пригнал сюда этих цыпляток, считай, они уже по-

пали на мой вертел! — И снова дикая орда загоготала и завыла за его спиной, потрясая оружием. Рок небрежно махнул рукой, и шум прекратился.

— Пойми, купеческое отродье, мы можем взять все — тебя, твою поганую лоханку и этих птичек,— продолжал пират, уставившись тяжелым взглядом на молчаливую группу на юте «Морской девы».— Но сегодня я чувствую небывалый прилив доброты и собираюсь сделать тебе подарок. Отдай эту крысу из северных лесов с размалеванной рожей и черную девчонку, а сам убирайся куда хочешь, жирный боров!

Капитан Гимп сплюнул в море и отвечал не раздумывая:

— Клянусь спасением души и моими обеими мачтами, ты здесь ничем не поживишься, лысый ублюдок! Но ты хвастал, что можешь взять меня, не так ли? Ну что ж, попробуй! По морскому праву вызываю тебя на схватку — человек против человека, меч против меча! Что ты скажешь на это, мешок с костями?

Словно поддерживая этот вызов, экипаж «Морской девы» грозно заревел, звеня оружием; команда пиратского судна молчала. Огромные птицы по-прежнему качались на волнах между кораблями, словно чудовищные утки в пруду.

После краткого совещания с двумя своими помощниками Рок уставился на капитана Гимпа жестоким взглядом:

— Я готов выпустить из тебя кишки, бурдюк с салом! Но я хочу развлечься с большим размахом. Я и один из моих приятелей встретимся с тобой и этим дикарем с разрисованной рожей. Вот мое последнее слово! Если ты не согласен, я даю сигнал к атаке.

Гимп повернул голову к Иеро:

— Им нужен ты, пер Дистин. Лысый Рок готов рискнуть своей жизнью и своим кораблем, чтобы заполучить тебя. Можешь ли ты сражаться?

— Попробую,— спокойно ответил священник, похлопав Гимпа по спине. Он сильно устал, но иного выхода,

похоже, не было.— Если мы победим, эта шайка мошенников,— он кивнул на пиратский корабль,— не попытается взять нас на абордаж?

— О нет, клянусь парусом! — покачал головой Гимп.— Морское право — нерушимый закон. К тому же у Рока есть помощники, а всякий помощник спит и видит, как бы заделаться капитаном, и готов платить за это хоть золотом, хоть кровью. Однако Лысый — знатный боец! И кто знает, кого он с собой притащит? Вдруг самого дьявола?

С этими словами Гимп повернулся к главарю пиратов и резко махнул рукой в знак согласия.

Иеро увидел, как с борта пиратского корабля спустили шлюпку. Значит, ареной для боя станет судно, пославшее вызов. Он оглядел неширокую палубу «Морской девы» и матросов, очищавших ее от тюков с товаром. Не слишком просторно для схватки четырех человек... Гимп продолжал басовито гудеть над ухом, словно огромный шмель.

— Мы ничего не теряем, пер Дистин. Ежели нас прикончат, парням моим дорожка в рабы... Так хоть не убьют и не сожрут!.. Ну а ежели мы этих ублюдков заломаем, так груз возьмем, потому как ни лохань их поганая, ни банда людоедская мне вовсе не нужны...

Лучар помогла священнику стянуть кожаную куртку. Дочь королей воинственного племени, она не сказала ничего, но Иеро чувствовал, как дрожат ладони, коснувшиеся его плеч. Он знал, что она не переживет его ни на минуту. Брат Альдо повернулся к нему, кивнул головой и молча пожал руку. Лицо эливенера казалось хмурым и сосредоточенным; видимо, контроль за огромными птицами требовал непрерывных усилий.

Иеро взвесил в руке свой короткий меч, затем, придирчиво оглядев груду оружия на палубе, выбрал тяжелый квадратный щит, окованный по краю металлом. Он сунул за пояс обнаженный кинжал и натянул шлем; теперь он был готов к бою.

Гимп тоже расстался с тяжелой, стеснявшей движения курткой и стащил башмаки. Скользнув взглядом по груде

щитов, клинков и топоров, он хмыкнул, сунулся в свою каюту и вынес огромный двуручный меч с изогнутым лезвием, походивший на саблю. Длинные руки капитана бугрились мускулами, грудь была широка, а толстые мощные ноги уверенно попирали палубу. Разминаясь, он поднял клинок, и лезвие несколько раз со свистом разрезало воздух. Его внешность больше не казалась ни комичной, ни забавной.

Шлюпка противников причалила к борту «Морской девы».

Сначала над перилами показался блестящий череп пиратского капитана, за ним последовал его соратник. Иеро внутренне содрогнулся. Лемут, причем неизвестной породы! И он тоже носил на шее защитный медальон Нечистого!

Это создание было ростом с человека. Нижнюю часть его тела прикрывал короткий передник; серого цвета кожа отблескивала мельчайшими чешуйками. Оно не имело носа и выступающих ушей, только дыры в соответствующих местах. Его мутные круглые глаза без ресниц глубоко сидели под массивными надбровьями. В одной могучей мускулистой лапе лемут держал тяжелый боевой топор, в другой — круглый щит. Когда он поднялся на палубу, экипаж «Морской девы» шарахнулся от него, как от прокаженного.

Лысый Рок все еще был разодет в свой красный кафтан, украшенный бесчисленным количеством брошек и подвесок, на его пальцах сверкали перстни с драгоценными камнями. Он вооружился изогнутым мечом с широкой гардой и гибким лезвием и длинным обоюдоострым кинжалом.

Люди «Морской девы» сосредоточились на корме и носу, чтобы не мешать сражающимся. Их глаза мрачно горели, руки сжимали оружие.

— Мы будем биться посередине палубы, живые мощи,— пробасил капитан Гимп.— Ты и твой приятель-вурдалак становитесь там,— он махнул в сторону юта,— а мы останемся здесь. Сходимся по моему сигналу. Если к полудню мы не кончим дело, можно будет устроить передышку и выпить по кружке горячительного. Годится?

— Это годилось бы для меня, кочерыжка. Но ты и этот дикарь с севера еще не встречались с глитами. Мне одолжили этого парня мои друзья — те, что живут на острове к северу от этих вод. Глиту не нужно много времени, чтоб выпустить кишки из вас обоих.

Стоявший позади пиратского капитана монстр зарычал, показав полную желтых клыков пасть. Рок издевательски улыбнулся. Внезапно прозвучал спокойный голос метсианского священника:

— Я знаком с твоими друзьями, капитан Рок. Они — трупы среди живых людей. Могила ждет их всех, и эту глупую тварь, и тебя самого. Пройдет не больше часа, и ты убедишься, что прав. Клянусь в том Святой Троицей!

Лицо Рока покрылось бледностью. Ужасное существо, которое он привел, было сюрпризом для соперников, но и сам Иеро, северный воин, киллмен-телепат, являлся таким же сюрпризом для пирата. И несмотря на амулет, висевший у него на груди и охранявший его разум, Рок совсем не был уверен в собственных силах. Однако он быстро овладел собой, и улыбка вновь искривила его тонкие губы.

— Рад услышать твой голос, раскрашенное бревно. Сейчас мы добавим красного цвета к твоей татуировке.

Через минуту все было готово. На корабле воцарилось полное молчание, нарушаемое лишь свистом ветра в снастях да резкими криками чаек. Два гребца, доставившие Рока и лемута на борт «Морской девы», уцепились за планшир, удерживая лодку на месте. Их глаза бегали по палубе, не то оценивая силы противников, не то подсчитывая будущую добычу.

Справа от священника хрипло рявкнул Гимп: «Пошли!» — и они разом шагнули вперед. Четверо вооруженных медленно сходились двое надвое, следя за каждым жестом, каждым шагом соперника. По расчетливой неторопливости их движений было ясно, что тут встретятся опытные воины-профессионалы, знающие свое дело.

Иеро шел на глита, уставившись в его безобразное лицо; справа сходились два капитана, длинный и короткий. Они встретились по разные стороны маленькой надстройки, почти точно в середине корабля. Иеро услышал лязг металла и тяжелое сопение, но это не отвлекло его. Как всякий опытный боец, он наблюдал за глазами своего противника, чтобы уловить миг, когда тот перейдет в атаку.

Эти глаза! Огромные пустые ямы, не имеющие дна! Пока он смотрел в них, они становились все больше и больше. Еще больше!

Глит был уже в нескольких футах, топор поблескивал на его плече, щит прикрывал грудь. Но все, что видел священник,— это его глаза, круглые, источавшие ненависть; они словно росли и росли, пока не заслонили весь мир. Вдруг он услышал пронзительный женский крик. Лучар! Наваждение исчезло, глаза лемута сократились до обычной величины, а сам Иеро вернулся к реальности. Еще мгновение, и было бы слишком поздно.

Его спасла скорость реакции — природный дар, усиленный годами тренировок. Его первый учитель воинского мастерства, старый сержант из стражей границы, всегда говорил: «Переходи в ближний бой, парень, особенно если противник посильней тебя или фехтует получше. Когда его брюхо в двух дюймах от твоего клинка, до пируэтов с мечом дело не дойдет. Здесь все решают скорость и удача».

В левую щеку дунуло ветром от пролетевшей мимо секиры. Священник успел уклониться и, не пытаясь ударить в ответ, просто оттолкнул лемута своим щитом. Ему пришлось опустить голову, чтобы не встречаться с противником взглядами; он знал, что не должен видеть его зрачков.

Гипноз! Никакой ментальный барьер не мог защитить от него! Эта тварь была поразительно умной и умелой. Если бы не крик Лучар, думал священник, он лежал бы сейчас с разрубленной головой.

Теперь он боролся с чешуйчатым монстром, сдерживая своим щитом нависшую над ним секиру. Его противник тоже использовал щит, чтобы блокировать удары меча.

От него исходил неприятный мускусный запах, а от кожи, казалось, веяло холодом. Его свистящее дыхание было зловоннее склепа, он вертел головой, стараясь поймать взгляд человека. И он был силен, Боже, как он был силен!

Иеро напряг мышцы и, снова толкнув глита щитом, быстро отскочил назад. Опять просвистел топор, рассекая сырой воздух перед его лицом. Он сощурился на противника, стараясь не встречаться с ним глазами, но внимательно наблюдая за движениями мускулистых рук. Затем передвинул щит, стараясь полностью прикрыть тело, и опустил вниз вытянутую руку с мечом. Смутно, словно сквозь сон, он слышал лязг оружия по другую сторону кабины и рев Клоца, бушевавшего в своей загородке и рвавшегося на помощь хозяину.

Монстр двинулся вперед, высоко вздымая топор; теперь он был открыт для удара снизу. Многолетняя привычка ловить момент атаки по выражению глаз противника сейчас только мешала Иеро. Ему приходилось постоянно бороться с этим доведенным почти до автоматизма рефлексом.

Глит атаковал. Его топор ринулся вниз в сокрушительном размахе, и священник отскочил, готовый к резкому выпаду, когда оружие врага ударило о палубу. Могучая рука монстра выпрямилась, и сверкающее лезвие секиры пронеслось около колен Иеро. Почти инстинктивно он подпрыгнул в воздух, но лемут успел сильно толкнуть его щитом, отбросив к бизань-мачте. С отвратительным хриплым воем он ринулся к человеку, вздымая топор. Добить, прикончить!.. Он уже торжествовал победу, надвигаясь на согнувшегося у мачты противника.

Это был момент, которого ждал Иеро. Распрямившись как стальная пружина, он швырнул свой щит, подобно метательному снаряду над самой палубой. Окованный медью край тяжелого квадрата ударил монстра по ногам, и он свалился, выбросив вперед руки; его безносое лицо с глухим стуком ударилось о дерево настила. Глит попытался встать, но Иеро был уже рядом, и его тяжелый короткий меч раскроил чешуйчатый череп. Хлынул поток крови, и глаза мерзкого творения Нечистого закрылись навсегда.

Священник подхватил свой щит и, огибая загородку Клоца, бросился к другому борту судна, где еще раздавался лязг стали. Странное молчание команды и напряженные взгляды людей подсказали ему, что дело там обстоит плохо.

Так оно и оказалось. На глазах Иеро капитан Гимп отразил удар пиратского меча, но едва не был насажен на длинный кинжал, который его противник сжимал в левой руке.

— Я здесь! — крикнул Иеро.— Придержи мерзавца на секунду, сейчас я о нем позабочусь!

В этом не было нарушения правил: в подобных парных поединках выживший в одной из схваток мог помочь товарищу, что обычно и решало исход дела.

Голос Иеро, казалось, вдохнул новые силы в коротышку капитана. Хотя его волосатый торс был покрыт кровью, сочившейся из дюжины мелких порезов, он сохранил достаточный запас энергии. Отступив назад, моряк смерил противника бешеным взглядом и кинулся к нему, сжимая меч в высоко поднятой правой руке. Почти не защищаясь, Рок двинулся ему навстречу; его глаза обезумели от ненависти и отчаяния.

Они столкнулись у стены надстройки, и Гимп показал, на что способен его огромный меч. Сверкающее лезвие описало полукруг, рассекло левое предплечье пирата и пропахало глубокую борозду по его груди. Удар был так силен, что бросил Гимпа вперед на палубу. Выронив свое оружие и упираясь руками в доски настила, капитан застыл в странной позе, напоминая изготовившегося к прыжку гигантского бульдога.

Левая рука Рока, вооруженная кинжалом, со стуком упала на палубу, хлынувшие из страшных ран потоки крови залили его кафтан, тяжелая ткань которого внезапно потемнела и приобрела багровый оттенок. Опустив меч, он сделал шаг вперед, к Гимпу, застывшему на четвереньках. Затем его колени подогнулись, остекленевшие глаза подернулись мутной пеленой, что-то заклокотало в горле, и пират рухнул лицом вниз. Это был конец.

Команда «Морской девы» издала дружный ликующий вопль и ринулась к победителям. Иеро еще успел наклониться и поднять капитана на ноги. В следующий момент дюжина сильных рук подхватила его и с триумфом понесла к кормовой надстройке судна; там стояла Лучар, ее глаза горели восторгом. Священник, залитый кровью Гимпа и лемута, обнял девушку и внезапно расхохотался. Он перехватил раздраженную мысль, поступившую из палубной кабины:

«Что это за шум? Неужели я не могу спокойно поспать!»

Разленившийся медведь дремал все утро, пропустив сражение. Теперь он изъявил желание выяснить, что произошло в мире за это время.

Все еще держа Лучар в объятиях, Иеро перевел взгляд на море.

Две огромные птицы, лоуны, вдруг погрузились в воду и исчезли; движения их гигантских тел были так стремительны и легки, словно размерами они не превосходили утят. Он увидел, что брат Альдо выглядит очень утомленным. Очевидно, старый эливенер напрягал все силы, удерживая огромных птиц покорными своей воле в течение двух часов.

Гимп поспевал всюду. Он лично осмотрел тело Рока, одновременно рявкая команды своему экипажу. «Морская дева» направилась к пиратскому кораблю так уверенно, будто тот был мирной баржей, перевозившей скот все семь дней в неделю.

Но Гимп, вероятно, знал, что делает: кроме споров о ценности груза пиратского судна, никаких конфликтов между командами не возникло. Среди пиратов были мерзавцы и головорезы всех мастей и пород, но даже грязные ревуны не проявляли видимой враждебности. Некоторые негодяи даже выражали восхищение воинским искусством Иеро или отпускали сомнительные комплименты Лучар. Это не понравилось девушке, и она скрылась в палубной кабине.

Пока Гимп осматривал груз пиратского судна вместе с его новым капитаном, Иеро присел на скамью рядом с

братом Альдо. Священник выразил удивление, что люди без совести и чести способны уважать хоть какой-то закон.

— Морское право — освященный временем обычай,— пояснил старик.— За время моей жизни — а она, поверь, была долгой, очень долгой — только однажды пиратский корабль нарушил право. В течение шести месяцев его искали все — пираты, вооруженные корабли купцов и работорговцев. Наконец его нашли. С моряков, уцелевших после боя, живьем содрали кожу. Капитан, главный виновник проступка, прожил дольше. Каждый день ему рубили пальцы, а затем руки и ноги и кормили собственным мясом. Я уверен,— добавил старик задумчиво,— что, если какой-нибудь капитан снова попытается нарушить право, он погибнет от рук собственной команды.

— Но как же Нечистый? Ведь его слуги не уважают ни один закон! А кроме того, не забудь, что на корабле были еще два человека с защищенными разумами. Были, но я больше их не чувствую! Куда они делись? Сбежали?

— Это интересно,— произнес брат Альдо, прикрывая глаза. На мгновение он застыл в неподвижности, будто прислушиваясь к чему-то, затем усмехнулся.— Я могу дать одно из двух объяснений, мой мальчик: или их прикончили, когда они принялись подбивать команду к нарушению права, или они просто сняли приборы и уничтожили их. Но сбежать эти люди не могли.

— Я возьму те приборы, что были у Рока и глита, пока их тоже не выбросили,— сказал священник и со стоном поднялся на ноги. На ребрах, в том месте, где он ударился о мачту, красовался огромный синяк.

Брат Альдо хмыкнул, похлопывая по кожаной сумке, висевшей у него на плече; там что-то звякало.

— Я попросил Гимпа принести эти штуки мне,— сказал эливенер.— Никто из матросов не хотел даже прикоснуться к ним. Мы внимательно изучим их на досуге.

Пока старик говорил, что-то шевельнулось в памяти Иеро. Возможно, это воспоминание всплыло бы на поверхность, но он не обратил на него внимания. Другие мысли отвлекли его.

— Эти лоуны... Они в самом деле смогли бы напасть на корабль? — поинтересовался он.

— Я не люблю делать такие вещи, но думаю, что сумел бы их заставить.— Темно-коричневая кожа эливенера на миг посерела, и Иеро увидел, что брат Альдо был старым, очень старым человеком.

Пока они наблюдали, как обе команды перетаскивают ящики и тюки с добром с большого корабля в трюм «Морской девы», старик продолжал:

— Кто знает, чем бы это могло кончиться! В лоуне около шести тонн живого веса, и он обладает огромной силой, хотя эта птица мирная и даже робкая... Они очень редкие, эти лоуны; за всю жизнь я видел их только три или четыре раза.

— Великое искусство нужно, чтобы управлять такими гигантскими созданиями,— с уважением заметил Иеро.

Старик пожал плечами:

— Я учился этому всю жизнь, сын мой. И ты сам достиг не меньшего за несколько последних месяцев... Но я чувствую, что тебя еще что-то беспокоит.

— Да,— признался священник, понизив голос.— Это создание, которое я убил,— глит, как называл его Рок... Ты должен знать, что эта тварь оказалась способной к гипнозу... он почти зачаровал меня... Если бы Лучар не крикнула, все закончилось бы много печальнее. Что это за монстр? Матросы швырнули труп за борт, и я не успел осмотреть его. Вероятно, он принадлежит Нечистому?

— До нас доходят слухи о появлении новых мутантов, которых вы называете лемутами, невиданных и еще более смертоносных для человека существ. Но их репродукция уже не связана с генетическими изменениями, наступившими под влиянием тех давних, давних событий... Нет, эти новые твари выведены в лабораториях Нечистого и обучены в его крепостях! Этот глит, вероятно, принадлежит к таким существам. Раньше я ничего подобного не встречал.

— Он был похож на отвратительную рептилию, превращенную в еще более отвратительного человека,— сказал Иеро.

— Ты не находишь, что такие действия очень характерны для Нечистого? — спросил брат Альдо. Он, казалось, не ожидал ответа на свой вопрос; его взгляд блуждал по серой беспокойной поверхности моря.

Глава 10

ЮЖНЫЕ ЛЕСА

Ночь лежала над древним портом Нианой. Небольшие суденышки бороздили поверхность залитой лунным светом гавани — в основном, ялики и лодки, перевозившие матросов с парусных кораблей, стоявших на рейде, на берег. С заходом солнца работы по погрузке и выгрузке товаров прекратились; длинные пирсы и многочисленные пристани порта были сейчас пусты и безлюдны. В прилегающих к берегу узких грязных переулках тусклые огни мерцали перед редкими тавернами. Одинокие крадущиеся тени пробирались в полумраке, спеша по своим сомнительным делам. Честные люди рисковали появляться ночью на улицах Нианы только под надежной охраной, ибо Зло пустило глубокие корни в старом портовом городе, и лишь те, кто находился под его покровительством, могли чувствовать себя здесь в безопасности. Но что поделаешь? Нужно было торговать и, значит, перевозить грузы, а других портов в юго-восточной части Внутреннего моря не имелось. Волей этого обстоятельства главный торговый путь, соединявший северо-запад и юго-восток континента, проходил через Ниану — к великому недовольству тайных правителей города. Однако свойственная человеческой расе неистребимая тяга к наживе была настолько сильна, что торговля продолжала процветать даже в эти мрачные времена.

С древней каменной башни, которая была самой высокой точкой города, две темные тени наблюдали за лежавшей внизу гаванью и поверхностью моря, залитой светом луны и простиравшейся до черной линии горизонта на севере.

— Кажется, уже использованы все средства против этого невероятного человека,— вымолвил резкий голос.— Что бы мы ни предпринимали, каким бы оружием ни пользовались, это, очевидно, не имеет значения. Он идет по нашим землям, избегает наших ударов, без следа уничтожает наши корабли и наших людей. Хорошенький странник прибыл к нам с севера!

— Да, ты прав,— откликнулся второй голос, такой же резкий и жесткий.— Он пересек уже два круга, и теперь наш, Желтый, лежит перед ним. Маловероятно, что он повернет назад или сделает обход. Я слышал, что к нам прибывает С'дана, глава Голубого круга?

— Пока он доберется сюда, наш враг уже будет здесь. Я только что заходил в комнату наблюдения. Два защитника, зарегистрированных в Голубом круге, движутся морем в нашу сторону. Мы выяснили, что голубые братья дали защитников четверым. Трем доверенным людям, морякам, Лысому Року с его помощниками, и еще один — глиту! Он был послан на пиратский корабль, чтобы держать Рока под контролем.

— И что теперь? — нетерпеливо спросил собеседник.

— Два прибора исчезли; надо полагать, они уничтожены. Два других выключены, но, конечно, они регистрируются на наших пультах наблюдения. Мне кажется, что все четыре владельца защитников, включая глита, уже мертвы. Враг, по собственной глупости, взял с собой пару приборов. Вероятно, для изучения.

Возникла пауза. Потом второй собеседник нарушил молчание:

— Что ж, теперь мы можем использовать свои силы и свои методы. Уверен, что желтые братья не будут проигравшей стороной!

Снова наступила тишина. Две темные тени в остроконечных капюшонах разглядывали освещенный луной древний город, *их* город. Каменный парапет, на который они опирались, окружал колокольню древней церкви; теперь эта башня, святыня минувших тысячелетий, служила прибежищем зла.

Первые солнечные лучи заиграли на востоке. Над гаванью потянуло свежим ветром, принесшим запахи гниющих водорослей и свежей рыбы. Темные фигуры, бросив последний взгляд на море, повернулись и исчезли под сводами башни.

— Мы должны рассчитывать прежде всего на собственный здравый смысл, а уж потом — на карту Нечистого, как бы точна она ни была.— Брат Альдо положил сухую темную ладонь на расстеленную на столе карту.— Кроме того,— продолжал он,— мы не можем прочитать все надписи и понять условные значки, сделанные тут.

В углу маленькой каюты дремал медведь. В мерцающем свете подвешенного к потолку фонаря его размеры увеличились чуть ли не вдвое. Около круглого стола в центре каюты сидели Иеро, старый эливенер, Лучар и капитан Гимп. Палуба «Морской девы» покачивалась под их ногами. Корабль держал курс на юг, к заросшему тропическими лесами побережью Внутреннего моря в районе порта Нианы. Прошло уже два дня после их встречи с пиратским судном.

— Нам, эливенерам, знакомы некоторые из этих символов,— продолжал брат Альдо, поглаживая карту ладонью,— но подобные вещи нам попадались редко. Можно сказать, что данный случай — уникальный.

— Взгляните сюда! — Его палец прочертил извилистую линию через закрашенную зеленым цветом область на юго-восток от Внутреннего моря.— Здесь проходит тайная лесная тропа, которой я не пользовался много лет; мы должны разыскать ее. Тропа лежит севернее главного торгового тракта, соединяющего Ниану с городами Лантического побережья. По этой дороге вели тебя, дитя мое.— Старик поднял глаза на Лучар.

— Ниана принадлежит Нечистому. Смотрите,— он коснулся пальцем кружка на карте,— этот их символ я знаю хорошо, он не изменился за сотни лет. Он означает «наше» — и, видите, он покрыл весь город! Многие торговцы не подозревают об этом, считая Ниану вольным городом. Нечистый терпит их, облагает не очень высокими податями, зато собирает обильную информацию и использует купцов как прикрытие для собственных агентов.

— Что ж, мы делаем то же самое! — заметил священник.— И я готов держать пари, что обычно мы знаем больше об их планах, чем они о наших.

— Возможно,— кивнул старик.— Но посмотри сюда, пер Дистин: вот несколько областей, помеченных голубым цветом, и я могу сказать, что они обозначают. Это смертельно опасные радиоактивные пустыни, возникшие после атомных бомбардировок. Они постепенно уменьшаются в размерах, но они все еще существуют! Там даже возникла жизнь, странная и страшная... На наших картах эти места тоже помечены голубым. Здесь падали и взрывались кобальтовые бомбы, а кобальт в древнем языке был синонимом голубого цвета. Самая обширная пустыня Смерти расположена к югу от Внутреннего моря; вот она.— Брат Альдо коснулся карты.— Мне кажется, Иеро, что город, который ты ищешь, лежит вблизи ее северной границы. Тут есть еще разрушенные города, но все они находятся много дальше на востоке. Я мог бы сказать определеннее, если б взглянул на карту, полученную тобой в Саске. Если ты мне доверяешь, конечно...

Возникла пауза. В наступившей тишине раздавалось лишь потрескивание пламени в фонаре, который раскачивался над столом.

— Ты не доверяешь брату Альдо? — Не выдержав, капитан грохнул кулаком по столу.— Он дюжину раз спасал наши шкуры... да и твою тоже, клянусь мачтой и парусом!

Бронзовое ястребиное лицо священника помрачнело; сдвинув брови, он раздумывал некоторое время, потом вдруг улыбнулся:

— Прости, брат Альдо... и ты, мастер Гимп... Я дал слово аббату Демеро хранить в тайне свою миссию — или, по крайней мере, ее конечную цель. Глаза Нечистого могут

быть везде... Ну а карта...— Иеро вздохнул и полез в сумку.— Вот она, карта! Что ты скажешь о ней, брат Альдо?

— Так...— Старый эливенер наклонился, пряди его седых волос легли на стол. Через пару минут он поднял голову.— Я так и думал, сын мой. Это старая карта, Иеро, точнее — копия старой карты. Кое-что из обозначенного на ней кажется мне сомнительным... а многое — я знаю точно! — исчезло столетия назад. Впрочем, для решения нашей задачи бесполезна любая карта. Нам надо попасть на берег, а капитан Гимп и без карт знает, что тут все гавани, все удобные для высадки места контролируют слуги Нечистого.

— Да, это так,— проворчал мореход, внимательно сравнивая карты.— В Ниану нам лучше не совать носа. Придется высадить вас на диком берегу, прямо в этих проклятых лесах!

— Ты доставишь нас сюда.— Длинный палец эливенера указал точку на побережье.— Где-то неподалеку должна проходить наша тайная тропа; я уверен, что смогу найти ее.— Он повернулся к Иеро.— И еще одно, мой мальчик. Мы пойдем лесом, этот путь опасен и труден, но мы будем путешествовать по *моей* земле. Время от времени отряды Нечистого проникают в джунгли вместе со своими слугами-лемутами, но они не знают лес так, как знаем мы. Кроме того, ты тоже не новичок в лесах! — Он усмехнулся, встретив ответную улыбку Иеро.

— Хорошо, я принимаю этот план,— произнес священник, бережно сворачивая карту.— Как далеко от Ниану до начала той тропы, по которой мы пойдем?

Но вместо брата Альдо ответил капитан:

— Не более пятидесяти миль по побережью, если карты не врут.

Маленькие глаза Гимпа пристально смотрели на собеседника.

— Эти чертовы места очень опасны. Тут, в лесах, окружающих город, есть крошечные дикари, карлики с красной кожей. Дьявольские отродья! И ловкие, когда дело касается отравленных стрел и дротиков... Я попробую высадить

вас поближе к тропе, но вам придется искать ее в этих страшных чащобах, где за каждым кустом — дикари, или жуткие звери, или какая другая напасть. Я вам не завидую, клянусь килем и клотиком «Девы»!

— Ладно,— сказал старик, усмехаясь.— Ты в это время будешь в безопасности, в море на своем добром корабле. Дикари и жуткие звери не достанут тебя в голубых водах.— Он повернулся к священнику и продолжал серьезным тоном: — Пер Иеро, у нас мало времени; через несколько часов мы будем на суше. Не пора ли осмотреть устройства, которые Нечистый дал нашим врагам? Они у меня в сумке.

Вскоре два странных прибора лежали на столе перед путешественниками. Лучар и капитан Гимп смотрели на них со страхом и отвращением, Иеро и брат Альдо — с нескрываемым интересом.

Приборы были изготовлены из блестящего голубоватого металла, который, как заметил священник, часто применялся в изделиях Нечистого. Таинственное устройство, защищавшее своего владельца от чужого ментального влияния, находилось внутри плоского металлического футляра не более полудюйма толщиной. Футляр был квадратным, со стороной в четыре дюйма; к двум его углам были припаяны кольца, к которым крепилась прочная цепочка, а по боковой поверхности тянулся тонкий шов, разделявший корпус прибора на две половины. На плоских поверхностях каждого футляра были нанесены какие-то знаки, но никто, включая брата Альдо, не смог разобраться в них.

Взяв один прибор, Иеро попытался разнять его по шву, но это никак не удавалось. Он потянул сильнее, но тут Лучар положила ладонь на его плечо.

— Не думаешь ли ты,— сказала она,— что, может быть, открывать их опасно? Это изделия Нечистого; вдруг они взорвутся у тебя в руках или причинят тебе какой-нибудь вред!

— Не исключено,— ответил Иеро, прекращая свои безрезультатные попытки. Он поднес таинственный прибор

к уху. Было ли виновато в том его воображение, или он действительно уловил слабый писк внутри? Он протянул металлическую пластину Альдо.

— Нет, я не слышу ничего,— сказал тот.— Но я плохо разбираюсь в таких вещах, мой мальчик. Я говорил тебе, что наше братство интересуют живые создания, а не мертвые вещи, и мы не любим механических устройств — хотя, вероятно, такая позиция ошибочна. Пожалуй, кое-какие машины и приборы, облегчающие труд и пригодные для изучения живой и мертвой природы, пошли бы только на пользу этому миру... Но как бы то ни было, сейчас ни один эливенер не обладает таким опытом в обращении с устройствами Нечистого, как ты, сын мой.

Священник пристально разглядывал голубоватые пластины, лежавшие на столе. Какая-то мысль билась в его сознании; какое-то неосознанное воспоминание стучало в мозг, так и не сумев всплыть на поверхность. Он прерывисто вздохнул, потер ладонью висок и сказал:

— Мне попадалось не так уж много их аппаратов и машин. Во-первых, усилитель мысли и похожий на компас предмет, отобранные мной у С'нерга; потом — устройство, с помощью которого они пытались сломить мой ментальный барьер. Еще я видел оружие — я называю его световой пушкой. Думаю, она стреляет электрическими разрядами, наподобие искусственных молний. Но все это непохоже на такие приборы.— Он положил ладонь на блестящую поверхность футляра.— Интуиция подсказывает мне, что с ними связана какая-то опасность. Может быть, Лучар права, и там, внутри, находится взрывчатка или яд.

— Ну, тогда я лучше прогуляюсь на палубу,— заявил Гимп, вставая.— Земля покажется с часу на час, а я не хотел бы наткнуться на скалы у этого чертова побережья.

Иеро усмехнулся и сдвинул изделия Нечистого на край стола.

— Нам не мешает выспаться перед дорогой,— сказал он, тоже поднимаясь на ноги.

— Ты прав,— подтвердил брат Альдо.— Но старикам долгий сон не нужен, и я лучше пойду на палубу вместе с нашим капитаном. Спокойной ночи, дети мои.

...Иеро присел на край низкой койки и стиснул руками голову. Проклятье! Что ему надо вспомнить? Что он должен знать об этих дьявольских устройствах? Он с отчаянием уставился на футляры, блестевшие на столе. За его спиной спала Лучар; она погружалась в сон стремительно, как уставший за день ребенок. Священник перевел взгляд на свою подругу, нежно коснулся ладонью густых волос и, вздохнув, потушил фонарь.

Его разбудил громкий протяжный крик: «Земля-а-а-а!» Серый свет раннего утра просачивался в небольшой иллюминатор каюты. Он вскочил, его взгляд коснулся голубоватых приборов, по-прежнему лежавших на столе,— и в этот момент он вспомнил! Вспомнил страшное болото на севере, похожий на компас круглый циферблат, хрустевший под его каблуком! Тот прибор навел слуг Нечистого на его следы, он был говорящим! И точно такими же были эти голубоватые коробки, которые третий день шпионят за их кораблем! Он глуп, как безмозглый снапер, и снова загнал себя в ловушку собственными руками!

Иеро схватил футляры и свой меч, затем мгновенно выскочил на палубу, громким криком призывая брата Альдо и капитана. Оба оказались тут; они с удивлением наблюдали, как священник крушил приборы Нечистого рукоятью меча. Отдышавшись, он рассказал спутникам о своей догадке и заметил, как в их глазах разгораются тревожные огоньки. Повернувшись к берегу, священник посмотрел туда, куда стремила свой путь «Морская дева».

Джунгли Юга! На расстоянии нескольких сотен ярдов от корабля высились такие деревья, которые не могли присниться даже в кошмарном сне. Линии побережья не было видно, ее закрывали плотные заросли кустов, переливавшиеся всеми оттенками зеленого цвета. Над этой непроницаемой стеной переплетенных ветвей и листьев возносились вверх могучие лесные гиганты, покрытые черной, корич-

невой, серой или рыжевато-золотистой корой, обвитые стеблями лиан, с изумрудной или нефритовой листвой. Иеро запрокинул голову — кроны деревьев покачивались в невообразимой вышине, и казалось, что их зеленый шатер поддерживает небо. Некоторые из чудовищных стволов были в обхвате больше, чем корпус «Морской девы»! Огромные яркие цветы, красные, синие и желтые, свешивались с деревьев и мелькали среди ветвей. В подзорную трубу, которую протянул ему капитан, Иеро мог разглядеть множество мелких растений, гнездившихся в каждой щели, внедрявшихся в любую трещину, в каждое свободное место в этом огромном многоэтажном лесном мире. Пряный мускусный запах джунглей и волна удушающей жары докатились до корабля. Позади священника Клоц вдруг заревел в своем загоне, застучал копытами о палубу, будто почуял в долетевшем запахе неведомую опасность. В ответ с берега раздался приглушенный расстоянием рев какого-то невидимого за стеной зелени монстра.

— Может ли судно двигаться быстрее? — Иеро повернулся к Гимпу.— Я опасаюсь больших неприятностей. Три дня враги держали в руках путеводную нить и постоянно следили за нашим маршрутом. И мы находимся сейчас слишком близко к Ниане, которой управляет Нечистый.

— Ты видишь, мастер Иеро, что я поставил лишь половину парусов,— отвечал моряк.— Боюсь, знаешь ли, увеличивать скорость — этот проклятый берег мне незнаком, и мы рискуем наткнуться на скалы. Думаю, что выигрыш в несколько минут ничего не решает.

В первых лучах рассветного солнца маленький парусник медленно двигался к зеленой стене джунглей, подгоняемый легким бризом. Теперь до путников доносились щебет и крики бесчисленных птиц, обитавших под лесной кровлей.

На палубу вышла Лучар, уже одетая, готовая к высадке. Мельком взглянув на нее, Иеро совершил про себя краткую молитву. Это немного подбодрило его, хотя он продолжал ощущать нервное возбуждение. Рядом с ним стоял

брат Альдо; закрыв глаза, старец глубоко вдыхал пряные ароматы леса.

Их корабль теперь находился на расстоянии сотни ярдов от побережья.

Внезапно Иеро стиснул рукав коричневого одеяния эливенера.

— Тут кто-то есть — создания, пришедшие с востока! И я не могу прощупать их мысли! Они находятся под ментальной защитой, но это что-то большое, похожее на корабль Нечистого, который ты уничтожил. Быстро же они пришли! — Вдруг он почувствовал сильную боль в сердце. Нечистому снова удалось обыграть его!

Альдо стремительно повернулся к капитану.

— Мастер Гимп, высади нас на берег, потом спрячь корабль и свою команду в зарослях. Торопись, или мы все погибнем! — Лицо эливенера стало застывшим, жестким, глаза горели неукротимым огнем.

Капитан разразился залпом команд, перемешанных с проклятиями. Три моряка бросились налаживать стрелометную машину, а Блуто, одноглазый чернокожий боцман, встал к штурвалу. Мгновенно были подняты дополнительные паруса, ускорившие ход. «Морская дева», слегка зарываясь носом в волны, ринулась прямо к заросшему гигантскими деревьями берегу. Спустя несколько минут пришлось снова спускать паруса; корабль осторожно продвигался вперед среди зарослей и невысоких деревьев, растущих прямо из воды. Воздушные корни, лианы и ветви скрежетали вдоль бортов, цеплялись за такелаж; судно вздрагивало от многочисленных ударов о стволы деревьев, и люди на палубе с трудом держались на ногах. К счастью, воды здесь были достаточно глубокими и лишенными подводных скал; это обеспечило безопасный подход к земле.

Наконец под килем «Морской девы» заскрипел песок, бугшприт с резной фигуркой коснулся непроницаемой зеленой стены зарослей.

— Высаживаемся, все до одного! — раздалась зычная команда Гимпа. Капитан прекрасно владел собой; по-ви-

димому, неминуемые убытки не смущали старого авантюриста.

Группа самых крепких и отважных мореходов ринулась с судна на берег, вырубая топорами и тяжелыми мечами проход в зарослях. Ни одно существо, кроме крыс, насекомых и маленьких обезьян, не могло бы передвигаться в этом хаосе ветвей и листьев. Позади передового отряда сгрудилась остальная часть команды — все при оружии и навьюченные торопливо собранными припасами. Гимп и Блуто возглавляли моряков; брат Альдо, девушка и священник шли за ними вместе с животными. То и дело люди с тревогой оглядывались на море. И вот из-за дальнего мыса вынырнул корабль, которого они так страшились! Черный обтекаемый корпус скользил в миле от берега, белая пена вздымалась перед острым носом, орудие было нацелено в джунгли.

Бросив взгляд на море, Гимп схватил топор с широким лезвием и, растолкав своих людей, с яростью врубился в зеленую стену, мощными ударами рассекая лианы полуфутовой толщины. Остальные моряки тоже удвоили свои усилия. Брат Альдо заметил, что трое матросов еще стоят на корме у стрелометной машины, и велел им присоединиться к команде.

С корабля Нечистого, который мчался теперь подобно урагану, донеслись яростные вопли, затем на его носу сверкнуло пламя.

— Световая пушка! — выкрикнули Иеро и Лучар одновременно.

В сотне ярдов за кормой «Морской девы» из воды ударила вверх струя пара. Через мгновение пламя сверкнуло опять, раздался страшный грохот, и обернувшиеся в испуге моряки увидели огонь и клубы дыма на месте палубной надстройки.

«Морская дева» пылала. Пламя бушевало в центре судна, захватывая мачты, лизало паруса и канаты, бурый дым подымался в безоблачное утреннее небо. Сквозь дым и пар продолжали блистать молнии световой пушки, но они

лишь пробивали дырку-другую в плотной массе растений и не могли поджечь сырой, напоенный влагой кустарник. Хотя корабль врагов подошел совсем близко, вряд ли суетившимся у орудия стрелкам удавалось что-нибудь различить, и вскоре обстрел прекратился. Черный корабль замер, покачиваясь на мелких волнах, пока множество зорких глаз с его палубы старалось проникнуть сквозь клубы дыма, окутавшие горящий парусник. Это было бесполезным занятием. Зеленая стена джунглей поглотила моряков и пассажиров «Морской девы», оказавшей последнюю услугу своей команде — ее пылающий остов закрыл прорубленную в зарослях просеку.

Спустя несколько минут на судне Нечистого вновь застучал двигатель, черный корабль развернулся и скользнул в открытое море.

Далеко от побережья, в глубоком склепе, расположенном под улицами, домами и башнями древней Нианы, закутанная в плащ фигура с возгласом досады отвернулась от пульта, переливавшегося сотнями разноцветных огоньков.

— Ну что, это и есть ваша хваленая оперативность? — прошипела тень в остроконечном капюшоне другой, стоявшей рядом.— Нечего сказать, Желтый круг показал Голубому свое умение! Придется мне потолковать со С'дигой, вашим мастером!

С'дана, глава Голубого круга, вышел из комнаты взбешенный; его холодная ярость неслась перед ним по коридору подобно морозному облаку. Все, кто попадался ему навстречу, отшатывались в сторону, вжимались в стены или прятались в узких поперечных туннелях. Но где-то в другом месте цитадели Нечистого уже были отданы новые приказы и посланы необходимые сигналы; союзники, слуги и адепты Желтого круга были готовы к дальнейшим действиям. Еще одна попытка закончилась неудачей, но охота продолжалась. И она будет идти до тех пор, пока в Темном братстве останется хотя бы один человек.

Бивак, который путники разбили этой ночью, прятался под балдахином огромных ветвей трех деревьев. Утомленные мореходы, непривычные к влажной духоте джунглей, с наступлением вечера пали духом. В сгущавшейся тьме окружавший их лес казался особенно враждебным, и страх наполнял сердца моряков, хотя Гимпу и Блуто еще удавалось поддерживать дисциплину. Два небольших костра чуть разгоняли мрак, освещая сидевших группами людей. Лагерь был обнесен невысокой изгородью, представлявшей скорее воображаемую, чем реальную защиту. Чудовищные стволы деревьев, высившихся вокруг, загадочные вопли и стоны в глубине джунглей, блестящие глаза неведомых тварей — все заставляло беглецов теснее жаться друг к другу и говорить почти что шепотом.

— Нам снова улыбнулась удача, мы сумели уйти живыми,— задумчиво промолвил Иеро. Он устроился в нескольких ярдах от огня, привалившись к стволу, полузакрыв глаза и вытянув ноги.

Уставшая Лучар лежала рядом, голова девушки покоилась на его коленях. Из-за огромного ствола доносилось сонное сопение медведя и фырканье большого лорса. Брата Альдо не было с ними; он исчез получасом раньше, сказав, что вернется к восходу луны.

Внезапно Горм встал и ткнулся холодным влажным носом в щеку Иеро; с минуту они прислушивались к шорохам и хаосу ментальных сигналов огромного леса, затем священник вскочил на ноги, потянувшись к копью. Остальные тоже в растерянности поднялись, сжимая свое оружие, такое жалкое и бесполезное против чудовищной мощи окружавших их джунглей. Где-то в глубине леса раздались жуткие, сотрясающие воздух звуки, яростный визг и рычание, перекрываемое трубным хриплым ревом, как будто бы там, во мраке, сошлись в смертельной схватке кошка неимоверных размеров и чудовищный бык. По сравнению со звуками, что издавала его глотка, рев Клоца казался младенческим хныканьем.

Шум сражения прекратился, оставив людей наполовину оглохшими. Обычный хор пронзительных воплей, шорохов и завываний вновь наполнил джунгли. Успокоенные моряки снова сели, придвинувшись ближе к кострам. Но священник все еще стоял, опираясь на копье, напряженно зондируя ночь, и Лучар с тревогой поглядывала на него.

«Очень, очень большой зверь,— пришла спокойная мысль Горма.— На него напал другой, такой же огромный, и прогнал прочь. Теперь зверь ранен, разозлен и направляется в нашу сторону. Думаю, людям надо вести себя тихо».

Иеро бросился к ближайшей группе моряков, знаками призывая их к молчанию. Он знал уже по собственному опыту, что к предупреждениям медведя стоит прислушаться. Скоро все люди затаились среди огромных корней деревьев и, сжимая в руках оружие, ждали, тревожно всматриваясь в темноту.

«Он приближается,— сообщил медведь.— Будьте внимательны и осторожны».

Священник стоял рядом с Клоцем, прикрывая Лучар.

«Странствия в этом лесу будут непростыми»,— мрачно подумал он, пытаясь нащупать ментальное поле бродившего рядом чудовища.

Вскоре он обнаружил его. Мозг этой твари, довольно примитивный, сейчас был охвачен слепой яростью, которая все усиливалась, ибо животное мучила боль от раны. Иеро попытался овладеть его сознанием, но потерпел неудачу: зверь оказался совершенно незнакомого вида. Он был чужаком в этом мире огромных хищников и чудовищных травоядных, и он понимал, что требуется время для изучения их повадок, а без того не найдешь ключей к управлению ими. Он попробовал снова, но мозг гигантской твари туманила ярость, и это тоже мешало контакту.

«Здесь нужен опыт эливенеров»,— с отчаянием подумал священник.

«Я уже близко, я возвращаюсь! — неожиданно пришла четкая мысль.— Оставь его сознание, я справлюсь один! Попробую прогнать его. Уходи, быстрее!»

Теперь каждый мог слышать приближение чудовища. Земля дрожала от его тяжеловесной поступи, яростное фырканье и сопение доносились из темноты.

«Передай, чтобы все отошли подальше от костров!» — пришло сообщение от старого эливенера.

Иеро махнул рукой, и люди попятились еще дальше во мрак тропической ночи, прижимаясь к стволам деревьев и к земле. Натягивая уздечку, Лучар повела Клоца за толстое корневище огромного дерева.

Топот усилился и стал более частым; очевидно, животное побежало. Затем они услышали его голос. Ужасный вибрирующий рев обрушился на людей будто удар грома.

Оно появилось из темноты, огромное, титаническое создание, похожее на чудищ, бродивших, возможно, по Земле за миллионы лет до появления человека. Слепая игра генетических мутаций и резкое изменение климата снова породили на планете этих гигантских тварей, столкнув их с обескровленной, лишенной былого могущества человеческой расой. Гигантская, коротко обрубленная голова монстра, сидевшая на колонноподобной шее, была увенчана двумя парами бивней и возвышалась по крайней мере на двадцать футов над землей. Покрытое густой бурой шерстью тело казалось замшелой скалой, стремительно мчавшейся на столбообразных ногах. В пляшущем свете костров священник разглядел свежие раны на боку чудища и его маленькие, сверкавшие яростью глаза. Огонь, похоже, привел животное в еще большее неистовство: оно бросилось к ближайшему костру, разметав по сторонам горящие ветви, затем атаковало второй, подняв тучи искр и клубы дыма. Не останавливаясь, ревя от боли, чудовище проломило изгородь и скрылось в темноте. Ужаснувшиеся люди затаились под деревьями, слушая, как зверь ломится через чащу, оглашая воздух трубными звуками. Затем наступила тишина.

— Все в порядке, люди,— раздался спокойный голос брата Альдо.— Можете снова зажечь огонь. Этот не вернется, но в джунглях полно других тварей. А потому — торопитесь!

Под руководством Гимпа моряки принялись за работу. Вскоре снова запылали оба костра, изгородь была восстановлена и укреплена. Гимп пересчитал своих людей; оказалось, что три матроса исчезли.

— Напугались, побежали в лес и стали чьим-то ужином,— философски заметил капитан.— Если глупцы не желают слушать разумных советов, то чем же тут поможешь? Клянусь ранами Христовыми, я всем велел, чтоб оставались здесь, но эти бездельники лучше знали, что им делать!

— Боюсь, ты прав, и их уже нет в живых,— кивнул брат Альдо.— Ну, будем довольны, что не случилось худшего! Этот бедный израненный зверь, парз, по неразумию своему мог растоптать всех нас.

— Бедный зверь! — воскликнула Лучар.— Это порождение ужаса!

— Не надо испытывать к нему ненависти, принцесса,— со спокойной улыбкой сказал эливенер.— Это его лес, а не наш. Он отчаянно сражался, бежал и принял огонь за нового врага. Я послал его окунуть свои обожженные ноги в воды Внутреннего моря, и теперь он чувствует себя получше,— добавил брат Альдо таким тоном, каким заботливая няня говорит о порученном ей ребенке.

Иеро усмехнулся про себя. Да, эливенер действительно был хранителем всего живого!

— Надеюсь, что нас никто больше не станет беспокоить этой ночью. Тем более что у меня есть приятная новость.— Старик сиял от удовольствия, весело поглядывая на собеседников.— Думаю, вы будете рады услышать, что я нашел дорогу!

— Я был бы рад услышать кое-что другое,— пробурчал Гимп.— Например, кто возместит мне потерю судна, груза и добычи, взятой с корабля Лысого Рока. Как-никак из-за нее я пролил кровь и бочку пота! И я желаю вернуться к своему промыслу,— он махнул рукой в сторону моря,— и моя команда хочет того же. Кто заплатит нам, где и когда? Или мы будем скитаться в этой поганой чаще, пока всех нас не сожрут дикие твари и краснокожие карлики?

Несмотря на резкие слова капитана, Иеро заметил, что его глаза довольно поблескивают, а нелепая косичка на

голове бодро смотрит вверх. Хотя Гимп скорее повесился бы на рее собственного судна, чем признал это, он все же был романтиком, одним из тех людей, которые не могли жить без опасных приключений и сомнительных авантюр. Конечно, он не отказывался от прибыли, если мог ее получить, но это не являлось главным, как и его резкий, ворчливый тон. Закончив свою тираду, он стоял подбоченясь и переводил взгляд с Иеро на старого эливенера.

Но брат Альдо хорошо изучил этого человека.

— Разве твои отважные парни не могут перенести кое-какие неудобства? Я уверен, что те, кто привык мчаться по воле ветра и волн и сражаться с каннибалами, пиратами и морскими чудовищами, не испугаются лесной прогулки в несколько миль.

Иеро и Лучар переглянулись, и по их лицам одновременно скользнули усмешки. Лесная прогулка в несколько миль! Брат Альдо, несомненно, обладал большими дипломатическими способностями! И его слова произвели впечатление на коротышку-моряка.

— Клянусь клотиком! У меня самая надежная команда во Внутреннем море,— хвастливо заявил он.— Будь уверен, эти трусливые крысы с посудины Лысого Рока разбежались бы, доведись им столкнуться с тварью, гулявшей по нашему лагерю. Нет, мои парни пойдут за своим капитаном в огонь и в воду! Но не бесплатно, почтенный брат, не бесплатно. Так кто же нам заплатит? И куда нам деваться теперь, когда мы лишились судна?

— Ну,— сказал брат Альдо, поглаживая ладонью подбородок,— я, конечно, не имею права обещать что-то определенное, но думаю, что Совет нашего братства учтет мое пожелание и компенсирует все твои потери. Это удовлетворит тебя?

— Вполне, мой добрый брат,— откликнулся капитан.— Я знал, что ты справедлив и не торгуешься по мелочам. Ну, ежели с этим делом мы покончили, скажи, куда нам деваться?

— Я хотел бы ответить на этот вопрос,— вмешался в разговор Иеро.— Мы идем на юг, капитан Гимп, и я полагаю, что тебе вместе с командой лучше отправиться с нами. Вряд ли твои люди горят желанием путешествовать в этих лесах. Трое из них уже погибли — я прозондировал ментальное поле и не обнаружил беглецов; значит, они уже мертвы. Есть ли охотники последовать их примеру? — Он выдержал многозначительную паузу и добавил: — Думаю, нам надо держаться вместе, капитан.

— Да, это так,— подтвердил эливенер,— и теперь пер Иеро Дистин будет командовать целой экспедицией. Не скрою, что наше путешествие весьма опасно и мы нуждаемся в строгой дисциплине. Я буду помогать перу Дистину, а ты, мастер Гимп, остаешься начальником над своими людьми. Согласен?

— Годится,— отвечал моряк, в котором страсть к опасным авантюрам окончательно победила свойственную торговцам осторожность.— У меня тридцать человек — нет, уже двадцать семь, я забыл про троицу этих болванов! Итак, двадцать семь ловких парней плюс Блуто и я сам. Провианта у нас хватит на две недели, но воды маловато. Только семь больших фляг, и ни одной — с пивом или горячительным!

— Я найду вам и воду, и пищу. В этих лесах есть все, кроме спиртного,— отвечал брат Альдо.— Готовь своих людей, мы отправимся в путь с рассветом. Тропа, которую я искал, проходит в миле отсюда; это хорошая, удобная дорога. На ней множество звериных следов, но, кажется, люди не пользовались ею очень долгое время.

Они беседовали, обсуждая события минувшего дня и планируя предстоящее путешествие, пока луна не поднялась над кронами деревьев. Время от времени Иеро зондировал окружавший их мрак, но ментальные сигналы, приходившие к нему, не несли опасности. В джунглях шла обычная жизнь; их обитатели охотились, спасались бегством, утоляли голод, прятались и терзали добычу.

Вскоре люди уснули, но часовые, которых выставил Гимп, поддерживали огонь и бдительно несли охрану.

На следующее утро Клоц, к его величайшей досаде, был нагружен припасами.

«Пойдешь один,— велел ему Иеро,— а мне пока что придется шагать пешком».

Лорс был приучен к переноске грузов и мог без труда тащить ношу десятка человек; его раздражение проистекало скорее из гордости, чем от лени. Он тряс своими огромными рогами и ревел так, что у Лучар зазвенело в ушах. Лес ответил ему хором воплей, визга и рычания — и дневной марш начался.

Первыми шли Иеро с медведем, разведывая путь, затем шагал одноглазый боцман с группой вооруженных топорами моряков, готовых проложить дорогу через любое препятствие. Основная часть команды под водительством Гимпа, все — с мечами и пиками, составляла ядро отряда. Несколько арбалетчиков прикрывали тыл, где, позади всех, шагали Лучар с братом Альдо и тащил свой нелегкий груз лорс. Этот порядок передвижения, по мнению Иеро, был самым безопасным, так как в голове и в хвосте колонны находились опытные телепаты.

Как и предупреждал эливенер, они вскоре достигли старой дороги. Безошибочный инстинкт подсказал Иеро, что тропа ведет точно на юг; она была вполне пригодна для передвижения, хотя на некоторых участках заросла невысоким кустарником. Моряки издали дружный одобрительный вопль и затянули песню о черноглазых красотках славного города Нианы, к словам которой Лучар старалась не прислушиваться. Когда они остановились на дневной привал, Иеро догадался из болтовни матросов, в чем причина их энтузиазма. Хитрый Гимп распустил слух, что целью экспедиции является поиск сокровищ, спрятанных в заброшенном городе в глубокой древности. Подобные истории кружили головы морякам всех народов во все времена.

Путники двигались в чудесном зеленом мире, простиравшемся вокруг. Удушливая жара побережья сменилась

умеренным теплом, воздух под кронами огромных деревьев был свеж и ароматен. Насекомых встречалось на удивление мало, по-видимому, из-за обилия птиц, населявших верхние ярусы джунглей. Обезьяны, большие и маленькие, необычного вида белки и другие мелкие животные неизвестных священнику видов носились вверх и вниз по лианам и ветвям огромных деревьев. Встречавшиеся изредка следы огромной лапы или копыта намекали, что в лесу есть и звери покрупнее. Однажды медведь испуганно шарахнулся от неглубокой выемки, пересекавшей тропу. Вскинув копье, Иеро остановил колонну и вызвал брата Альдо. Казалось, поперек дороги протащили круглое тяжелое бревно, глубоко примявшее рыхлую землю. Иеро понял, что за тварь проползла тут, но не мог поверить своим глазам. Однако эливенер подтвердил его догадку.

— Да, мой мальчик, это змея. Будем надеяться, что мы не встретимся с ней; эти огромные змеи очень трудно поддаются ментальному контролю и почти неуязвимы для любого оружия. Я полагаю, что длина этого экземпляра достигает восьмидесяти или девяноста футов.— Он не добавил больше ничего и снова переместился в арьергард отряда.

Внезапно лес отступил, и взгляду людей открылась заросшая травой поляна около ста ярдов в поперечнике. Залитая солнечным светом, пестревшая цветами прогалина, казалось, не предвещала никакой беды.

Священник с медведем были уже на середине поляны, когда от лесной опушки отделилось нечто длинное и гибкое — возможно, два или три каких-то создания. Они ринулись к людям с такой невероятной скоростью, что вся наблюдательность Иеро, опытного лесного рейнджера, не смогла подсказать ему впоследствии облик этих тварей. Чуть повернув, они промчались мимо и, не прерывая своего стремительного бега, схватили двух матросов из передовой группы. Прежде чем люди успели поднять оружие, хищники уже скрылись в лесу, а их жертвы даже не успели вскрикнуть. Лишь тогда Иеро сообразил, что инстинктивно нанес ментальный удар, чтобы защититься от ата-

кующих хищников,— столь же неосознанно, как человек в полусне поднимает руку, отгоняя комара. Это спасло его и медведя, но стоило жизни морякам, которые шли за ними.

Отряд остановился, обескураженные и испуганные люди сбились в кучу. Иеро объяснил Альдо и Гимпу, что произошло, горько порицая себя за недостаточную бдительность. Но Лучар резко прервала его:

— Не будь глупцом, пер Иеро! Мне тоже жаль погибших, но ты в этом не виноват! Лучше вспомни, что все остальные живы лишь благодаря твоему умению! Помолись за души этих бедных моряков и веди нас дальше.

— Она права, мастер Иеро, она права, клянусь парусом и мачтой,— кивнул головой капитан.— Да, у нас осталось только двадцать пять парней, но все мы живы лишь благодаря тебе. Ты делаешь все, что можешь, и никто тебя не винит.

Брат Альдо пожал плечами:

— Сын мой, я разделяю ответственность за судьбы этих людей. Но что мы можем поделать? Мне лучше известны джунгли, но даже я не предвидел атаки этих животных. Говоря откровенно, они мне незнакомы, и я сомневаюсь, чтобы нечто подобное было зарегистрировано в архивах нашего братства. Приди в себя и помни, что мы полагаемся на тебя.

Но лицо священника оставалось мрачным. Он повернулся и пошел вперед; люди в молчании последовали за ним. С каждым часом отряд все дальше и дальше углублялся в лесные дебри, фантастически прекрасные и грозящие смертельной опасностью.

С наступлением ночи они остановились на небольшой поляне между тремя чудовищной толщины деревьями с сероватой чешуйчатой корой и тщательно укрепили лагерь, огородив его барьером шестифутовой высоты из ветвей, кустарника и бревен. Однако перед рассветом какое-то гигантское животное склонилось над изгородью и схватило одного из часовых, охранявших лагерь. Пронзительный человеческий крик встревожил людей, они вскочили, хватая

оружие и разыскивая неведомого врага. Второй страж, ошалевший от страха, не мог сказать ничего вразумительного.

— Он умер,— хрипло произнес Иеро через несколько мгновений.— И, слава Богу, не долго мучился... Брат Альдо, что мы должны делать? Кто будет следующей жертвой? Эти бедняги гибнут, потому что не могут предвидеть опасность и не знают, когда и откуда ждать очередного удара. Мне кажется, что одному из нас нужно постоянно нести охрану, иначе всякая пройденная миля будет стоить нам человеческой жизни!

Было решено, что Иеро и Лучар возьмут на себя дежурство в первую половину ночи, а затем их сменят эливенер с медведем. Кроме того, охрану несли еще два матроса, дежуривших по полтора часа. Эти меры, казалось, привели к положительным результатам, и две следующие ночи путники спали спокойно. Однако Иеро не покидало чувство, что их безопасность связана скорее с удачным стечением обстоятельств, чем с принятыми мерами предосторожности.

На четвертый день после того, как путники покинули побережье, они неожиданно вышли к развилке дороги. Обе новые тропы, левая и правая, тянулись примерно в нужном направлении, но одна чуть отклонялась к востоку, другая — к югу.

Люди остановились, чтобы посовещаться — тем более что близилось время дневного привала и обеда. Арбалеты, имевшиеся у Иеро, Лучар и нескольких моряков, позволяли им добывать множество мелкой дичи не отходя от тропы. Дикие твари здесь совсем не боялись человека, несмотря на краснокожих дикарей, о которых предупреждал Гимп; те, вероятно, питались плодами или были фантазией капитана. Непуганые животные казались священнику и брату Альдо хорошим знаком; похоже, люди давно не заглядывали в эти леса.

Эливенер стоял у развилки, в сомнении потирая лоб длинными пальцами. Он был в замешательстве.

— Странно, очень странно! Я проходил здесь много лет назад, но память моя ясна! Дорога не разветвлялась!

Такие звериные тропы сохраняются без изменения много столетий.

Он прошел несколько шагов по одной из дорог, внимательно рассматривая почву. На самой развилке росло колоссальное дерево, рядом с которым старик казался мухой на стене; оно возносило свою вершину над расширяющимся к югу треугольником леса. Люди ели в молчании, поглядывая на своих предводителей; нависавший сверху нескончаемый ряд зеленых крон защищал странников от полуденного солнца. Величественный лес дремал в пронизанной зеленоватым светом тишине; изредка раздавалась случайная птичья трель.

Альдо вернулся; его глаза все еще были опущены вниз.

— Мы пойдем по южной тропе, если никто не возражает. Это направление подходит нам даже лучше, чем старая дорога; мы выйдем на самую окраину пустыни. Однако я по-прежнему в недоумении — такая развилка просто не могла возникнуть на дороге, которой не пользуются люди! Животные таких вещей не делают.

Моряки поднялись, и спустя минуту отряд пересек невидимую границу, за которой начиналось лесное царство владычицы Вайлэ-ри. Но никто из путников, шагавших по южной тропе, пока не ведал об этом.

На протяжении нескольких миль дорога, как и ранее, шла по ровной местности, петляя меж стволов огромных деревьев. Однако часа через два Иеро заметил кое-какие перемены и поднял руку, останавливая колонну. Брат Альдо, Гимп и Лучар подошли к нему.

— Итак, тебе это тоже бросилось в глаза,— произнес старик.— Что же ты думаешь по этому поводу?

— Мы идем вниз по очень протяженному вытянутому участку — я думаю, по речной долине. Деревья здесь такие же, но почва сильнее поросла мхом, лишайником и папоротником. Земля не сырая, но воздух стал более влажным... А что же заметил ты, брат Альдо?

— Здесь очень мало животных — в основном, встречаются породы, обитающие на деревьях. На тропе исчезли

следы крупных зверей; нет ни помета, ни клочков шерсти, ничего. К тому же краешком сознания я чувствую что-то еще, очень смутное и туманное. Твой мозг, мой мальчик, во многих отношениях сильнее моего. Попытайся с толком его использовать, но будь осторожен!

Иеро огляделся. Огромные стволы ограничивали видимость несколькими ярдами, а сверху нависал непроницаемый шатер зеленых ветвей. Он прикрыл глаза и, опираясь на копье, принялся зондировать ментальное поле джунглей.

Он коснулся сознаний множества малых существ — птиц высоко над ними, ящериц, карабкающихся по ветвям, змей и жаб у корней деревьев. Все шире и шире раскидывал он свою ментальную сеть в поисках следов разума. Вскоре священник уверился, что на мили и мили вокруг не было сознания, с которым он смог бы вступить в контакт. Он начал стягивать ячейки своей сети, методично обыскивая ближайшие окрестности в поисках соглядатая или врага.

Внезапно Иеро вздрогнул. Он не обнаружил следов разумной мысли — либо, по крайней мере, мысли, порожденной сознанием человека или лемута, разумного животного, подобного Горму и народу Плотины. Но он почувствовал каждым нервом, каждой клеточкой тренированного мозга, что за ними кто-то следит — кто-то, затаившийся почти рядом! И перед его мысленным взором начало медленно всплывать чье-то лицо. Черты женщины!

Удлиненное, с округлым подбородком и изящными ушками, почти скрытыми под шапкой волос, оно показалось ему прелестным. Но волосы! «Если только это действительно волосы!» — изумленно подумал священник. Плотные, покрывающие голову подобно шлему, они выглядели очень похожими на перья; эти странные волосы слегка трепетали и как бы жили своей собственной, отдельной жизнью. И глаза! Миндалевидные, слегка раскосые, с вертикально поставленными зрачками, они сияли опалесцирующим зеленым светом. Человек не мог иметь такие глаза! Бледная гладкая кожа щек и странные волосы тоже отливали

зеленым, словно окружающий лес набросил свою прозрачную изумрудную тень на это существо.

Итак, за ними наблюдали; это было ясно. Странное и прекрасное создание видело их, и, хотя священник не мог установить ментального контакта с лесным призраком, он был уверен, что эти удивительные глаза следят за ним и его спутниками. И он догадывался, что ему было *разрешено* увидеть лицо женщины. Лишь только эта мысль шевельнулась в его голове, как изображение исчезло подобно лопнувшему мыльному пузырю. Но все же наблюдение за ними оставалось неослабным и бдительным. Это он знал точно.

Иеро вернулся к тропе и своим спутникам, окружившим его тесным кольцом. Его широко раскрытые глаза встретили взгляд эливенера.

— Ты обнаружил что-то интересное,— взволнованно произнес старик.— Я это чувствую.

— Что-то или, скорее, кого-то,— ответил священник.— За нами следят, однако я не сумел вступить в контакт с этим существом. По правде говоря, это очень странно... это меня беспокоит. Даже за ментальными щитами Нечистого можно нащупать ауру разума, хотя мысли, конечно, не различишь... Но здесь что-то иное.

Он принялся описывать свое видение и внезапно заметил сердитый блеск в глазах Лучар. Прервав рассказ, он нежно обнял ее за плечи и сказал:

— Глупышка, разве в том, что эта женщина выглядит такой красивой, есть повод для ревности? Я сказал, что она прелестна, но я очень сомневаюсь, является ли это создание человеком. Перестань сердиться и позволь мне продолжать.— Его открытый взгляд встретился с черными глазами девушки. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, затем Лучар улыбнулась.

— Я даже не подозревала, что могу быть такой ревнивой,— промолвила она.— Но что поделаешь! Мне не нравится, когда эта зеленая красотка, которую я не могу увидеть, пялит глаза на моего мужчину!

— Ты совершенно права! — воскликнул Альдо с легкой насмешкой.— Но сейчас нас интересует совсем другое,

моя маленькая принцесса.— Эливенер повернулся к священнику.— Скажи, пер Иеро, это странное создание было одно? Или их несколько? Они показались тебе опасными?

— Не могу объяснить, но чувствую — здесь действуют некие силы, с которыми мне не разобраться,— в задумчивости пробормотал Иеро.— И это меня тревожит...

— Но что же нам делать? — Гимп, нахмурившись, дернул свисавшую на плечо косичку.— Должны ли мы вернуться или рискнем продолжать путь?

То немногое, что бравый капитан понял из рассказа Иеро, сильно его обеспокоило. Он привык смотреть в лицо любой реальной угрозе, но боялся запутаться в невидимых ментальных сетях.

«Может быть, мастер Гимп прав и нам приказывают вернуться и выбрать другую тропу?» — послал мысленное сообщение Альдо.

Похоже, он не хотел тревожить своими сомнениями капитана.

«Мы не можем вернуться,— раздался беззвучный голос медведя.— Обратный путь теперь охраняется. Мы должны идти только вперед».

Он уселся посреди тропинки и, подняв нос, начал нюхать влажный воздух.

«Можешь ли ты слышать тех, кто следит за нами? — спросил Иеро.— Попробуй связаться с ними — или с ней — и выяснить, чего она хочет».

«Нет, этого я не могу сделать, но я *знаю*, что мы должны идти вперед. Мне трудно объяснить, как пришло ко мне это знание. Я просто *знаю*, и все».

«Что же мешает нам вернуться?» — снова спросил священник.

«Слушай»,— пришел краткий ответ.

Издалека, с севера, донесся протяжный вопль. Птицы, щебетавшие над их головами, внезапно смолкли, и голос был слышен отчетливо, хотя прошел долгий, долгий путь. Его трудно было описать. Лучар утверждала, что звук на-

поминает ей жалобный стон, Иеро же он показался похожим на вой раненого волка. Но что бы это ни было, долетевший с большого расстояния крик мог принадлежать только животному внушительных размеров.

«Это очень большой зверь,— со знанием дела подтвердил Горм.— И он стережет обратную дорогу по приказу тех, кто следит за нами. Значит, мы должны идти вперед».

Иеро посмотрел на брата Альдо; тот пожал плечами. Впервые с тех пор, как они встретились, священник подумал, что старец выглядит утомленным. И опять Иеро с удивлением спросил себя — сколько же лет может быть элиевенеру?

— Дай людям команду двигаться, мастер Гимп,— распорядился он.— Скажи им, что позади идет какой-то крупный зверь, пусть будут осторожны. Больше не говори ничего.

Колонна тронулась. Вскоре заросли зеленых, бурых и багровых мхов увеличились в размерах, почти скрывая поверхность земли. В промежутках между зарослями мха, доходившего до колен путникам, возвышались огромные папоротники с перистыми листьями. Лес стал мрачным, мутный зеленый полумрак воцарился под кронами деревьев, придавая пейзажу сходство с морским дном. Иеро опять попробовал зондировать окрестности, но не получил никаких новых сведений. Ему даже не удалось выяснить, что за зверь преследует их; никакой ментальной активности не наблюдалось по крайней мере на десяток миль позади отряда. Однако тревога не оставляла священника; он не мог сообразить, чего ждет от них это странное создание с зеленоватой кожей.

«Ее народ нуждается в твоей помощи»,— внезапно сообщил медведь.

«В моей помощи? Но почему?» — Иеро был изумлен.

«Не знаю. Я пытаюсь говорить с ними, но понимаю плохо, очень неясно. Думаю, ты должен выполнить для них какую-то работу, иначе мы все не выйдем отсюда живыми».

Невидимым лесным призракам нужна его помощь! Это казалось все более странным. Но что произойдет, если

им не удастся помочь? Неужели погибнет весь отряд? Иеро произнес про себя краткую молитву, перекрестился и крепче стиснул древко лежавшего на плече копья.

Дневной свет уже начал угасать, когда они достигли большой, заросшей мягким мхом поляны. Увидев то, что находилось на ней, люди застыли в изумлении, потом закричали и беспорядочной толпой ринулись вперед. Иеро, Гимп и одноглазый боцман пытались удержать их, оттесняя к опушке, причем скорый на руку капитан не скупился на увесистые оплеухи. Наконец дисциплина была восстановлена, и священник получил возможность изучить открывшуюся его глазам картину.

В центре поляны стояли три низких длинных деревянных стола. Похоже, они были вырублены из цельных древесных стволов; во всяком случае, Иеро не мог заметить стыков и щелей между досками. На столах теснились большие глиняные блюда, тщательно прикрытые огромными листьями — очевидно, с целью сохранить горячую пищу от вечерней прохлады. Между ними торчали две дюжины объемистых фляг, выглядевших очень соблазнительно; их горлышки были заткнуты пробками из коры. После недельных скитаний в диком лесу, постоянной опасности и морских сухарей с полупрожаренным мясом все это выглядело словно волшебный мираж.

— Стойте, идиоты! — заорал Гимп, размахивая кулаками.— Пища может быть отравлена! Вы что, хотите отправиться на тот свет, несчастные ублюдки?

Испуганные люди сбились кучей на опушке леса. Кивнув брату Альдо, который помогал восстановить порядок, Иеро двинулся к столам, чтобы осмотреть пищу; медведь заковылял следом.

«Тут безопасно, и вы можете есть все, что стоит на этих пнях. Вот что сказала мне, друг Иеро, старейшая этого народа».

Внезапно в сознании священника возник переданный медведем образ странного и прекрасного женского лица. Итак, она, эта женщина с волосами-перьями, была вождем невидимого лесного племени!

Иеро откупорил флягу и втянул ноздрями терпкий пряный аромат, потом приподнял лист с блюда и склонился над его содержимым. Наконец, удовлетворенный, он повернулся к опушке и махнул рукой.

— В пище и в вине нет яда,— сказал священник подошедшему эливенеру.— Отравы определенно нет, я умею определять такие вещи. Ничего вредного, и мой медведь с этим согласен. Нам помогают, но кто? И почему? И что потребуют от нас за гостеприимство?

Альдо молча пожал плечами, опускаясь на мягкий мох. Его лицо было усталым.

Мореходы, напуганные воплями Гимпа, подсели к столам с опаской, но, когда Иеро отведал из каждого блюда, дали себе волю. Странная и непривычная пища оказалась восхитительной на вкус. Здесь не было мяса, всю еду приготовили из разнообразных плодов, свежих или тушенных с какими-то специями. И вино, вино из глиняных фляг! Благоуханное, вобравшее аромат лесных трав, оно показалось усталым людям божественным нектаром!

Наконец, насытившись и блаженно постанывая, моряки повалились в мягкий мох. К удивлению священника, ни один из них не был пьян. Это странное вино, похоже, лишь возбуждало и слегка кружило голову, но не опьяняло.

Темная ночь опустилась на лагерь, и люди спокойно уснули на ложах из мха и папоротников. Прислонившись боком к стволу дерева, дремал Клоц; старый эливенер лежал на спине, его грудь мерно подымалась и опускалась в ровном дыхании; рядом, свернувшись в пушистый шар, похрапывал медведь. Два моряка, охранявших лагерь, сидели вместе с Лучар у костра. Иеро, опираясь на копье, стоял за спиной девушки.

Это была на редкость спокойная ночь. Замолкли птицы, ни звука, ни шороха не доносилось из чащи, и казалось, что очарованная тишина опустилась над вечным лесом. Ночной туман окутал гигантские деревья, их ветви и необъятные стволы, цветы, травы и лианы, и только слабый огонек костра мерцал на поляне. Блики красноватого света играли на лицах спящих людей, на гладкой эбеновой коже Лучар, на отливавшем серебром металле оружия.

Внезапно Иеро почувствовал, что его ноги ослабли. Он рухнул в траву, изумленно повторяя про себя: «Но в пище ведь не было отравы!» Его гаснущий взгляд еще успел уловить, как оба матроса медленно повалились в мох и Лучар, коротко вздохнув, вытянулась рядом с ними. Затем сознание священника заволокло туманом; туман густел, превращаясь в непроницаемую мглу, и Иеро падал в это темное, безграничное и зловещее облако целые годы, века, тысячелетия... Что-то скрывалось там, таинственное и неощутимое, злое, доброе или безразличное — этого он не знал.

Затем мгла рассеялась. Открыв глаза, он увидел ту, кого Горм назвал старейшей лесного народа, странную женщину, которая следила за ними на долгом пути через джунгли и наконец захватила в плен весь их отряд.

Священник лежал в каморке с округлыми стенами, похожей на высокий цилиндр; она будто бы плавно раскачивалась, как колеблемый ветром тростник. Он приподнялся в постели, затем спустил ноги на пол, оглядывая необычную комнату. Перед ним в резном деревянном кресле сидела женщина с изумрудными глазами и пристально рассматривала его. Она была совершенно обнажена, только узкий поясок с металлическим блеском охватывал тонкую талию да ожерелье из сверкающих камней спускалось на маленькие твердые груди. Ее нежная белая кожа чуть-чуть отливала зеленью, высокая прическа из похожих на перья волос покачивалась на голове в такт колебаниям странной кельи.

«Дриада»,— подумал священник, вспомнив древние легенды минувших эпох.

Она действительно была очень красива, эта сказочная королева леса, и, как любой мужчина, Иеро мог вполне оценить ее внешность. Однако что-то чуждое, инородное ощущалось в ней, и это вначале отталкивало священника. Было трудно — почти невозможно! — признать, что это

создание тоже принадлежит к роду человеческому; казалось, ее прелестное лицо и точеное тело являются маской, скрывающей некие таинственные отличия от прочих людей Земли. В его затуманенном сознании мелькнула мысль, что эта лесная нимфа лишь притворяется человеком — подобно дереву или цветку, которые, под воздействием чар, вдруг приняли облик оленя или кошки.

Теперь он заметил, что в дальнем конце комнаты находится дверь или узкое высокое окно, плотно закрытое деревянным ставнем. Пламя толстых желтоватых свечей, закрепленных на стенах в изящных подсвечниках, озаряло комнату, распространяя нежный цветочный аромат. Кроме кресла и низкой кровати, в которой он очнулся, здесь был еще небольшой столик, загроможденный резными деревянными кубками и кувшинами. И эта келья действительно раскачивалась! Внезапно Иеро догадался, что странная обитель находится не на земле, и в тот же миг сознание его обрело ясность, как будто пробужденное вибрацией деревянного пола. В следующую секунду он уловил чью-то мысль, чуждую и неясную; кажется, зеленокожая дриада пыталась заговорить с ним.

«Мы (находимся) на деревьях, высоко, высоко (над землей). Я (могу) понимать, что ты думаешь, но трудно/невозможно говорить так. Мы не умеем/не можем (беседовать/рассказывать) мыслями».

Ее ментальные сигналы были бесконечно медленными, и, заглянув в зеленые раскосые глаза, Иеро понял, что такой способ общения вызывает у нее почти физическую боль.

«Как же вы тогда говорите? И кто вы такие?» — спросил он мысленно.

Его голова была ясной, вызванная вином сонливость полностью исчезла. Он заметил, что его тяжелый меч по-прежнему висит на ремне, а правая ладонь нащупала рукоятку заткнутого за пояс кинжала. Эти странные создания даже не разоружили его! Последняя тень страха покинула священника; осталось только безмерное, всепоглощающее изумление.

Нежные губы женщины приоткрылись, и звонкая птичья трель сорвалась с них. Поток обрушившихся на Иеро звуков был подобен журчанию ручья и звенящим ударам дождевых капель о камни. Теперь он знал источник птичьего пения, той непрекращавшейся лесной музыки, которая преследовала их отряд весь предыдущий день. Он уловил в ее щебетании одно слово и попытался повторить его.

— Вайлэ-ри,— мягко выговорил он, растягивая звуки.

Она наклонила голову и несколько раз пропела: «Вайлэ-ри, Вайлэ-ри», прижимая к груди руки. Он попытался имитировать ее речь, затем медленно и осторожно передал ей:

«Вайлэ-ри, я не могу говорить на языке твоего народа. Боюсь, я даже не в состоянии правильно произнести твое имя. Пойми, мы можем только обмениваться мыслями. Думай о том, что ты хочешь сказать мне, и не торопись».

Они еще продолжали изучающе разглядывать друг друга, когда внезапно Иеро обожгла мысль о Лучар и его спутниках. Что он делает тут, пытаясь, будто умалишенный, говорить на этом птичьем языке, когда его любимая и друзья лежат одурманенные и беспомощные бог знает как далеко отсюда! И главное, живы ли они?

Холодное выражение исчезло с лица Вайлэ-ри, ее рот приоткрылся в явном огорчении. Поток серебристых звуков снова слетел с ее губ, она пыталась что-то сказать ему. Поняв, что это бесполезно, женщина смолкла, прикрыла рукой глаза, и он ощутил ее мысли.

«Ты не должен бояться! Мы не причиняем зла другим (живущим в лесу, на Земле). Смотри (в мой разум), я покажу».

Ментальная связь между ними становилась все более устойчивой — так же, как это было в начале его общения с Гормом. Водоворот образов, сцен, зрительных картин хлынул в сознание Иеро; он увидел лагерь на поляне, где его сморил необоримый сон, но теперь их стоянку окружала высокая изгородь из колючего кустарника, вокруг кото-

рой маячили тонкие белые фигурки, похожие на Вайлэ-ри. Священник заметил, что там были только женщины; невольно мелькнула мысль: «Боже, помоги им, когда шайка Гимпа проснется!» Лучар, брат Альдо и медведь лежали отдельно на пышной подстилке из листьев. В углу загородки, опустив отягощенную рогами голову, дремал большой лорс. Спокойствие Клоца окончательно убедило Иеро, что его спутникам не грозит опасность.

«Мы нуждаемся в помощи, мой народ и я»,— передала женщина.

Она придвинула свое кресло ближе, ее золотистые зрачки расширились, мерцающие зеленые глаза были в нескольких дюймах от лица Иеро.

Он почувствовал тонкий запах — цветов?.. листьев?.. меда?.. Во всяком случае, то был запах живого существа, женщины, и окружающего ее мира. Ощущение инородности этого создания постепенно таяло, исчезало; он понял, как беззащитна сидевшая перед ним нимфа и как она желанна ему...

«Чего же ты хочешь?» Мысль священника была резкой, отрывистой; он пытался разбить чары, исходившие от нее.

Женщина пристально взглянула на него, затем грациозно поднялась на ноги и, покачивая округлыми бедрами, направилась к окну в дальнем конце комнаты.

«Иди сюда, я покажу тебе». Она распахнула окно, и в комнату хлынул поток солнечного света.

Иеро поднялся и, осторожно ступая по волнообразно колебавшемуся полу, подошел к женщине.

Они находились высоко над землей. Вероятно, это дерево было одним из самых высоких в великом лесу; ниже их на мили и мили простиралось зеленое море ветвей и листьев. Большей частью комната утопала в древесном стволе, но стена, у которой они стояли, сильно выдавалась наружу, как огромной нарост на древесной коре. Способ, которым этого добились, оставался для Иеро совершенно непонятным.

Он подумал, что комната выращена внутри дерева и является как бы его естественным придатком, не мешающим жизни и развитию лесного великана.

Вайлэ-ри, однако, не дала ему времени для размышления над этим интересным вопросом. Требовательно коснувшись плеча Иеро, она протянула тонкую руку на восток, указывая на что-то находившееся у самого горизонта. Он поднял взгляд и там, за кронами лесных исполинов, увидел ее врага.

За лесным массивом лежала обширная пустошь, покрытая песком и скалами; их вершины сверкали под ярким утренним солнцем. Но между пустыней и краем леса находилось что-то еще, что-то отвратительное и вселяющее страх.

Это огромное безобразное пятно, в котором смешались розовато-лиловый, маслянисто-коричневый и грязно-желтый оттенки, словно чудовищная опухоль, разъедало границу страны зеленых деревьев. Иеро опустил руку в сумку на поясе и достал подзорную трубу. То, что он увидел с ее помощью, заставило священника непроизвольно вздрогнуть.

В самом деле, это была печальная и страшная картина. Огромные шарообразные клубни с ноздреватой структурой устилали землю; рядом возносились в небо нелепые образования, похожие на поганки на тонких ножках с широкими шляпками. Все было покрыто неприятной зеленоватой плесенью; под ней угадывались гигантские исковерканные стволы. Деревья, на которых паразитировала эта странная жизнь, вероятно, погибли, и их останки служили опорой и пищей для отвратительных плесневидных наростов. Увиденное не оставляло места для домыслов: южная часть джунглей была поражена каким-то недугом, чудовищным бедствием, распространявшимся подобно раковой опухоли.

Вдруг один из клубней, попавших в поле зрения Иеро, словно взорвался; миллионы крошечных спор, похожих на дымное облачко, вылетели из него и рассеялись на сотни ярдов вокруг.

Священник медленно опустил трубу и повернулся к стоявшей рядом женщине. Его лицо было мрачным.

«Что я могу поделать с этим? Лес болен, это естественный процесс, за которым не стоит чья-нибудь злая воля. Наверное, эту болезнь можно излечить. Вряд ли вся эта мерзость устоит против огня».

«Смотри еще,— пришел ментальный отклик.— Смотри и попытайся увидеть что-нибудь движущееся».

Он последовал этому совету и начал методически осматривать весь пораженный бедствием район, пока какое-то странное движение не привлекло его взгляда. Иеро навел трубу на резкость и замер, пораженный.

На голом клочке земли между лесом и большими, покрытыми плесенью деревьями струилось чудовище, казавшееся глыбой ожившей липкой слизи. Оно, по-видимому, не имело конечностей и головы, но над рыхлой спиной колебалось множество длинных гибких щупальцев, и на концах их вспыхивали оранжевые искры. Стремительные движения этой твари были целеустремленными и намекали на определенный интеллект. Иеро наблюдал за страшилищем несколько минут; вдруг оно остановилось — и все его щупальца-псевдоподии завибрировали. Резко повернувшись, тварь потекла к зарослям кустарника на границе живого леса. Из кустов выскочило животное, похожее на огромного короткоухого кролика, и в ужасе помчалось вдоль опушки. Но убежать ему не удалось: быстро вытянувшееся щупальце как бы мимоходом коснулось тела животного, вспыхнуло оранжевое пламя, кролик конвульсивно дернулся и упал мертвый, будто пораженный молнией. Слизистая тварь неторопливо двинулась вперед, покрыв неподвижное тело. Спустя минуту она потекла дальше; там, где лежал кролик, не осталось ничего, даже травы, лишь голая песчаная почва поблескивала на солнце.

Иеро вновь опустил трубу; его глаза встретились с непроницаемым взглядом Вайлэ-ри.

«Там много таких... таких существ?» — мысленно спросил он, передавая зрительный образ слизистого монстра.

«Да,— пришел ответ.— Этот злобный — только один из многих ужасных созданий Дома, его орудие, его помощник».

В этот миг сознание Иеро восприняло картину странного объекта, подобного гигантскому улью или осиному гнезду, слепленному из коричневатой мягкой протоплазмы. Объект не имел четких очертаний; его стены казались сложенными из четырехугольных ячеек, немного различающихся по форме и размерам. Но он явно был живым! Поверхность его волнообразно колебалась, и какие-то процессы, которые при желании можно было бы назвать жизнью — или ее подобием,— протекали в этой чудовищной аморфной глыбе.

Слизистая тварь, которую наблюдал Иеро, казалась до отвращения мерзкой, но она, по крайней мере, отвечала основным законам естественного бытия. Однако породивший ее Дом выглядел еще отвратительней и ужасней; подобное существо не могло появиться в результате нормальной эволюции животного мира планеты. Ничего подобного Иеро не сумел бы вообразить в самом кошмарном сне.

И лишь теперь он вспомнил последнее гадание на северном берегу моря и горстку крошечных резных фигурок, зажатых в его руке. Там был Дом! И Вайлэ-ри тоже назвала это протоплазменное чудовище Домом!

Он еще раз вгляделся в чудовищный образ, переданный ему сознанием зеленоглазой дриады, и пожал плечами.

Глава 11

ДОМ И ДЕРЕВЬЯ

«Верни мне мою девушку, верни старика с белыми волосами и верни мне медведя! Они нужны мне! Сейчас, немедленно!»

Эти сложные препирательства и споры длились уже больше часа.

Иеро успел разузнать многое о предстоящей задаче, однако он не был уверен, что сумеет справиться с Домом. Как минимум, ему надо было посоветоваться со своими спутниками, но этого Вайлэ-ри не могла или, вернее, не хотела понять.

Он выяснил, что Дом находится в центре обширной территории, охваченной болезнью (если то была болезнь!..), уничтожающей все живое. Дом, вероятно, являлся порождением древней радиоактивной пустыни. Он возник некоторое время назад — как давно, из рассказа Вайлэ-ри оставалось неясным — и приступил к планомерному истреблению леса и его обитателей. Казалось, Дом и порожденные им твари неуязвимы; ничто не могло нанести им ущерба, кроме огня. Шарообразные клубни испускали облака спор, оседавших на стволах деревьев и заживо гноивших их; плесень и стремительно растущие поганки довершали уничтожение лесных исполинов. Слизистые чудища со множеством щупальцев пожирали животных и уничтожали мелкие растения, кусты и траву. На любую попытку сопротивления Дом отвечал ударами, ментальными или физическими (это было неясно); во всяком случае, лесные дриады не могли противостоять ударам этой невидимой энергии. Соплеменницы Вайлэ-ри не были воинственным народом и не имели другого оружия, кроме копий и небольших луков; они оказались беззащитными перед этим расчетливым уничтожением любой органической жизни. Кроме того, Дом каким-то образом обнаруживал их в окрестностях пораженной зоны и парализовал на время, пока слизистые твари не добирались до беспомощных жертв.

Все эти сведения Иеро извлек из отрывистого, почти бессвязного мысленного рассказа зеленоглазой нимфы. Кое-что, однако, оставалось неясным, и он задал следующий вопрос:

«Что за огромный зверь охранял по твоему приказу дорогу, по которой мы пришли сюда? Можно ли использовать это животное в борьбе с Домом?»

Он уже заметил, что Вайлэ-ри никогда не улыбается; смех, видимо, был неизвестен лесному народу. Однако сейчас он ощутил в ее сознании нечто похожее на юмор. Ему передали картину: белокожая женщина, вращающая над головой на длинной веревке деревянный диск. Ничего подобного он не видел уже долгие годы, со времен своего детства, когда сам в компании мальчишек-сорванцов тешился такими же игрушками. Это была трещотка! И ее громкие вибрирующие звуки на большом расстоянии и вправду напоминали рев жуткого чудовища!

«Твоему спутнику, которого ты называешь медведем, показали мысленно страшного зверя, и он посоветовал тебе продолжить путь. Если бы такое животное существовало, мы сами были бы беспомощны против него!»

Иеро горько усмехнулся. Он привел свой отряд в западню!

И пленили их женщины, пленили с помощью нехитрого обмана и сонного зелья. Но, похоже, других вариантов у него не имелось. Насколько он помнил карту, большая часть интересующего его района находилась под властью Дома, и тут, на краю пустыни, лежал древний город — цель его странствий. Это соображение успокоило священника, настроив на более философский лад. Очевидно, схватка с Домом была неизбежна в любой ситуации; теперь же он, по крайней мере, имел кое-какие сведения о том, что ему предстоит. Кроме того, помощью народа Вайлэ-ри тоже не стоило пренебрегать.

Белая рука дриады легла на его плечо, и он очнулся от своих мыслей.

«Ты нападешь на Дом с помощью своей мысли — мысли, которая так сильна. Ты отвлечешь его. Мы пустим огненные стрелы и попытаемся сжечь плесень и чудовищных слуг Дома.— Она сделала паузу и решительно продолжала: — Мы подожжем там все, что может гореть!»

Иеро снова посмотрел на восток, туда, где живые краски джунглей сменялись отвратительной пустыней. Что ж, план лесной королевы давал некоторые шансы на успех, если... если он сможет противостоять этой глыбе одушевленной слизи. Повернув голову, он заглянул в бездонные зеленые глаза.

«Что будет с нами, если мы поможем твоему народу? — послал он вопрос.— Дашь ли ты нам уйти, пропустишь ли через свои владения на обратной дороге?»

Несколько секунд она не давала ответа.

«Ты... ты хочешь уйти так скоро?» — Что-то грустное и растерянное было в ее вопросе, что-то похожее на обиду ребенка, который не может понять, почему взрослые оставляют его дома одного.

Священник холодно посмотрел на женщину. Пожалуй, ему не доводилось видеть более красивого создания. Стройное нежное тело, скульптурное лицо, изумрудные глаза — все в ней было очаровательным. Но ее странности увеличивались по мере их знакомства. Ее прелестный облик и необычное поведение казались ему все менее и менее человеческими. Кем была Вайлэ-ри — или, вернее, чем?

«Где ваши мужчины? — резко спросил он, пытаясь одновременно зондировать ее сознание.— Почему они не защищают вас, своих жен, сестер и матерей? Почему они не пытаются уничтожить Дом? Они боятся?»

Внезапно он ощутил смущение и тревогу, вызванную его вопросами, и почти сразу же разум дриады стал непроницаемым, как будто его оградили глухим барьером. Он не мог проникнуть в ее сознание, если она того не желала; тем более не мог направлять и контролировать ее мысли. Каким образом ей это удавалось? Было ли это умение случайным даром природы или свидетельством того, что обладательница дара не принадлежит к человеческому роду?

Они пристально смотрели друг на друга — мужчина, человек, и существо другой расы, почти женщина. Эволюция сделала их разумными, но она же доказала, что носителями разума могут быть не только люди; животные и лемуты тоже по-своему разумны. Какие мысли бродили в голове этого создания? Чего она хотела, к чему стремилась? Во всяком случае, она уступила первой. Густые ресницы прикрыли зелень зрачков, и священник ощутил ее ответ.

«Наши мужчины находятся не здесь. Они так далеко, что не могут защитить нас. Поэтому я была беспомощна

(в отчаянии), пока ты не пришел. Когда ты будешь сражаться с Домом?»

Иеро прислонился к стене. Он находился в замешательстве. Странное отсутствие мужчин беспокоило его, и было ясно, что Вайлэ-ри не намерена представить более подробные объяснения. Наконец он передал:

«Слушай внимательно и постарайся понять: я не буду делать ничего, пока ты не разбудишь старика, девушку и медведя. Я нуждаюсь в их совете и помощи, и я не желаю больше спорить с тобой. Приведи троих, которых я назвал, или позволь вернуться к ним, и мы попытаемся помочь тебе. Все остальные наши спутники должны оставаться в безопасности, пока мы не покончим с этим делом».

Вайлэ-ри обдумывала его слова. Ее прелестное лицо стало сердитым, и священник воспринял гневный ответ:

«Я могу приказать, и все твои спящие спутники будут убиты! Я могу убить и тебя вместе с ними! Почему бы нет?»

«Не сомневаюсь, что можешь, хотя это не так просто сделать. Но твой народ нуждается в нашей помощи, поэтому я надеюсь, что ты не совершишь подобной глупости».

Их глаза снова встретились, и в этих изумрудных глубинах священник заметил нечто, поразившее его. Она сердилась, и это было похоже на гнев женщины, ревнивый гнев, он готов был поклясться в этом! Но дриада быстро овладела собой и приняла решение.

«Я согласна,— прозвучал в сознании Иеро ее голос.— Жди здесь. Твоим спутникам дадут другое питье, и они проснутся. Я прикажу это сделать».

Она шагнула в окно, у которого они стояли, и пошла по древесной ветке. Сердце у Иеро захолонуло, но движения дриады были стремительными и уверенными; она скользила среди ветвей, цветов и листвы с легкостью и быстротой, которые показались ему невероятными. Вскоре Вайлэ-ри исчезла за непроницаемой завесой листьев, но раздавшийся вслед за тем хор серебристых голосов доказывал, что лесная королева выполняет свое обещание. Голоса доно-

сились со всех сторон, и, хотя священник не смог увидеть ни одной женщины, он понял, что сонм невидимых дриад окружал и стерег это лесное убежище.

Часом позже Иеро с замирающим сердцем спустился с гигантского дерева. К его досаде, ему помогали две юные девушки, и вряд ли он смог бы обойтись без их поддержки. Он обнял растерянную Лучар, успокаивая ее, пока Горм, сонно моргая глазами, обнюхивал землю, а брат Альдо улыбался нагим стройным нимфам, окружившим их с непроницаемыми лицами и копьями в руках. Старый эливенер был в восторге: по сравнению с их миссией, открытие неведомого лесного народа казалось ему куда более важным.

— Великолепно, пер Иеро, просто отлично! — Руки старика описали полукруг, как бы обнимая поляну и толпившихся на ней женщин.— Радиоактивная Смерть породила новую расу этих очаровательных созданий! Очевидно, они живут здесь с древнейших времен, если смогли так прекрасно адаптироваться к существованию на деревьях! Вайлэ-ри, милая, ты должна рассказать мне о своем народе, когда мы станем лучше понимать друг друга.

— Почему они все так смотрят на меня, особенно — вот эта? — шепнула Лучар, пряча смущенное лицо на груди Иеро. Она имела в виду Вайлэ-ри, которая разглядывала девушку с нескрываемым интересом.

«Передай своей женщине, что я хочу говорить с ней наедине,— вдруг прозвучала в сознании Иеро мысль дриады. Прежде чем священник успел ответить, она добавила: — Ей не причинят вреда, не надо бояться. Но я хочу поговорить с ней об очень важном!»

— Она хочет побеседовать с тобой о чем-то важном,— вслух повторил Иеро прильнувшей к нему девушке.— Но сумеешь ли ты вступить в ментальный контакт с этим странным созданием?

— Я попробую,— медленно сказала Лучар. Что-то шевельнулось в ее душе, чувство жалости к этой женщине, прекрасной и необычной, но вряд ли счастливой. Выскользнув из объятий своего любимого, девушка направилась за Вайлэ-ри, уходившей в лес. Священник с беспокойством следил за ней.

— Как ты думаешь, что это значит? — Он повернулся к Альдо, когда две гибкие фигурки, белая и смуглая, скрылись за деревьями.— Мне кажется, что Вайлэ-ри хочет внести ясность в некоторые вопросы. Но если она попытается причинить вред Лучар, то, клянусь Богом, я...

— Спокойно, сын мой, спокойно.— Старик положил руку на его плечо.— Я не могу прочитать ее мысли, но намерения человека можно понять по другим признакам — выражению лица, глаз, мускульному напряжению. Я уверен, что эта странная женщина не собирается нас обманывать. Очевидно, ее народу ложь вообще неизвестна.

— Пожалуй, ты прав,— задумчиво произнес Иеро.— Однако мне кажется, что у Вайлэ-ри какое-то особое, чисто женское дело. Она хочет получить больше информации о нас и, вероятно, решила, что глупые мужчины не способны рассказать то, что ее интересует.

К облегчению священника, обе женщины вскоре вернулись. Лучар улыбалась, но почему-то старательно избегала взгляда своего возлюбленного; Вайлэ-ри не удостоила его вниманием, но, как показалось Иеро, дриада выглядела довольной.

— О, она просто хотела поговорить со мной. Я думаю, что в этих краях никогда не видели женщины с темной кожей,— уклончиво промолвила Лучар в ответ на безмолвный вопрос Иеро. Потом, коснувшись ладошкой его плеча, девушка добавила: — Она хорошая. Просто бедняжка обитает в этом огромном лесу и никогда не видела другой живой души, кроме своих девушек.

Лучар явно что-то недоговаривала. Впрочем, что бы ни случилось между ней и лесной королевой, ее это не напугало, подумал священник.

Дриада пропела короткий приказ, ее подданные вынесли блюда с едой и поставили их на стол. Затем Вайлэ-ри подошла к путникам и сделала широкий приглашающий жест. Озадаченный Иеро заметил, что она ласково погладила руку Лучар. Эти женщины! Кто знает, что они думают!

После завтрака, состоявшего из тушенных с пряностями овощей и фруктов, они отправились в дорогу. Иеро и его спутники шли прямо через лес; если здесь и была какая-либо тропа, то разглядеть ее могли лишь глаза сопровождавших их женщин. Это странное племя удивляло даже Иеро, опытного лесного рейнджера: подобно прелестным бледным теням, дриады скользили меж древесных стволов и зарослей кустов, не тронув ни листика и производя не больше шума, чем пробегающая в траве мышь.

Дважды путники останавливались для краткого отдыха.

К полудню лес поредел, огромные деревья постепенно уступали место кустарнику, мхам и папоротникам. Впереди ощущалось огромное, светлое и открытое пространство; люди поняли, что приближаются к границе пустыни.

Горм, ковылявший рядом с Иеро, внезапно остановился, сел и стал нюхать воздух.

«Плохой запах,— пришла его мысль.— Что-то долго умирает там и никак не может умереть».

Долго умирает и не может умереть!

Священник глубоко вдохнул сырой воздух. Слабым запахом разложения и смерти повеяло на него. Просочившись сквозь зеленую стену леса, пришли миазмы гибнущей жизни, медленно гниющей и угасающей под покровом плесени. Это был запах Дома!

«Мы сможем подойти лишь немного ближе,— бесстрастно сообщила Вайлэ-ри.— Иначе мы рискуем потерять жизнь. Дом как-то находит нас и не дает двигаться; потом приходят слизистые твари, которых ты видел, и убивают нас».

Священник был готов привести в исполнение план, разработанный совместно с эливенером. Он осторожно шагал вперед, сканируя ментальное пространство. Медведь переваливался рядом, и Иеро ощущал, что его лохматый спутник тоже методично обшаривает окрестности. Брат Альдо и Лучар, находившиеся в арьергарде вместе с отрядом лучниц Вайлэ-ри, служили своеобразными ретрансляторами ментальных сообщений от передовых разведчиков; они были готовы принять сигналы Иеро или Горма и оказать при необходимости помощь.

Около мили человек и медведь медленно пробирались сквозь чахлые заросли, сменившие большие деревья. Наконец Иеро остановился, осматривая с близкого расстояния останки рухнувших лесных гигантов, почти полностью скрытых под ковром зеленоватой плесени. Здесь не было никаких животных, ни больших, ни малых, кроме огромных мух; тела этих отвратительных тварей вспыхивали металлическим синеватым блеском, когда они проносились над поверженными деревьями. Священник машинально смахнул одну из них, пролетевшую рядом с лицом, и поразился величине насекомого, достигавшего почти трех дюймов.

Он все еще ничего не обнаружил. Что бы ни скрывалось там, за этими зловонными кучами гнили и плесени, себя оно никак не проявляло. Человек и медведь снова двинулись вперед, их ментальные поля перекрывались, разбегаясь все шире и шире, подобно волнам по спокойной водной глади.

Вскоре огромная пустошь открылась глазам священника. Здесь уже не росли живые кусты и подлесок, только виднелись редкие гниющие деревья да тучи проносившихся над ними сизых мух. Одуряющий смрад плесени бил по ноздрям, жаркое полуденное солнце пекло плечи и голову; ни звука, ни движения вокруг, кроме мерного жужжания насекомых. Они снова замерли — настороженные, готовые к схватке с неведомым врагом.

И тогда Дом нанес удар!

Основная его тяжесть досталась человеку. Никогда еще Иеро не испытывал таких ощущений: ужасный холод вдруг сковал его тело, парализуя волю, туманом окутывая сознание. Он заранее выстроил мощный барьер, но ментальное лезвие Дома проникло через внешние слои защиты с такой легкостью, будто их совсем не существовало. Впрочем, священник еще не потерял контроль над своим разумом; он еще ухитрялся видеть и слышать, но не мог шевельнуть хотя бы пальцем. Он чувствовал, что рядом с ним замер Горм, застывший, замороженный и такой же беспомощный, как и он сам.

Одновременно с этой атакой в сознание Иеро хлынула информация об атакующем, наполнившая ужасом его душу. Адепты Нечистого были чудовищами, погрязшими во зле, но все-таки они оставались людьми; мерзкие монстры, лемуты, помогали им, однако их тела и разумы были близки к человеческим. Но Дом был созданием иной природы. Вскоре после Смерти, под влиянием радиоактивного облучения, возник странный симбиоз мицеллиевых спор с микроскопическими амебами, и в этой чудовищной смеси зародилось какое-то подобие разума. В результате тысячелетнего развития возникла странная тварь, чуждая всей природе планеты. Подобно Обитающему в Тумане, Дом являлся воплощением Зла, живым олицетворением созданной руками древних Смерти. И, как показалось священнику, Дом не был одиноким — что-то временами поддерживало и направляло его, какая-то злобная сила, источник которой Иеро не мог определить.

«Может быть, сам дьявол?» — подумал он, пытаясь вернуть свободу своим членам.

Одновременно священник попробовал связаться с братом Альдо и Лучар. Никакого результата! Он не мог двигаться и, казалось, был заключен в ментальный кокон, полностью блокировавший связи с внешним миром. Его мысленная связь с Гормом тоже прервалась с началом атаки.

Внезапно в пятидесяти ярдах от него воздух дрогнул и помутнел. Смутные очертания чудовищного существа становились все яснее и яснее, как будто Дом стремительно воздвигал себя самого на этой голой земле. Иеро не сомневался, что перед ним лишь фантом, иллюзия; физически Дом пребывал не здесь — скорее всего, он затаился где-то в глубине покрытого плесенью мерзкого мира. Но был ли его мир действительно так мерзок? По мере того как смутные контуры чудовищного улья обретали четкость, новая мысль вкрадчиво скользнула в сознание священника. Дом, конечно, был чужд всей биосфере планеты, но разве право на жизнь не сохранялось за ним? Священное право, которое Бог даровал своим созданиям? Всем, без

исключения! Разве различия меж ними позволяли, чтобы одни твари Божьи судили других, и выносили приговор, и жгли своих жертв огнем?

Это коварное послание — а он не сомневался, что ему отправлено послание — змеей просочилось в мозг. Первый ментальный удар Дома не смог пробить внутренней защиты Иеро, и монстр быстро сменил тактику, пытаясь завлечь человека в ловушку силлогизмов.

Но это ему не удалось.

Пока чары странного создания боролись со здравым смыслом священника, ему стали ясны две вещи. Первая — Дом был настолько чужим, что не имел права существовать на этой планете. Вторая — Дом не был единой сущностью, он объединял разумы многих существ, роящихся, подобно личинкам, в некой желеобразной субстанции. Эти существа, если их можно было так назвать, являлись частями возвышавшейся перед ним твари; они в какой-то степени сохраняли свою индивидуальность и в то же время формировали единый чудовищный разум.

И ему было передано приглашение присоединиться к этому разумному улью! Он тоже мог принять участие в их работе, великой работе по очистке поверхности планеты от всего живого. Только Дом должен оставаться тут, окруженный волнами плесени и слизистыми тварями, которые являлись его орудиями и одновременно несли его семя.

Коричневая маслянистая поверхность дрогнула, сморщилась, по ней побежала рябь, быстро трансформируясь в нечто более определенное. Перед Иеро, охваченным ужасом, начали вырисовываться гротескные лица, злобно смотревшие на него. Через мгновение они исчезли в колеблющейся массе Дома, чтобы смениться другими, еще более чудовищными; одна из этих личин — широколобая, крючконосая, с глубокими глазными впадинами — широко разинула безгубый рот в дьявольской ухмылке. Эта тварь звала, приглашала его к себе! «Приходи! — казалось, бормотала она.— Оставь свою смертную оболочку, соединись с нами, стань одним из нас и живи вечно!»

Хотя такая перспектива не соблазняла священника, он по-прежнему не мог пошевелиться — тем более ответить ударом на удар. Но в этот момент возникло новое обстоятельство.

Медведь!

Его мысли каким-то образом просочились через ментальный кокон, окружавший Иеро. Послание Горма было подобно холодному свежему ветру, вдохнувшему в мозг человека волю к сопротивлению.

«Я здесь, друг Иеро. Я думаю, оно не считает меня разумным. Я сделал так, чтобы казаться существом без мыслей, лишь с инстинктами. Оно держит меня, но не пытается захватить мой разум. Я чувствую, оно тебя боится и удивляется твоей силе».

Ментальный голос медведя был полон ярости, коварства и предостережения. Иеро понял, что нельзя подталкивать Горма к каким-нибудь поспешным действиям; лучше подождать дальнейшего развития событий.

«Они — или, вернее, оно — становится нетерпеливым,— возникла новая мысль.— Множество странных разумов, но они действуют сообща, подобно муравейнику или пчелиному рою.— После краткой паузы медведь добавил: — Кажется, оно не хочет больше ждать. Ему надоело твое сопротивление. Оно вызывает кого-то извне».

Холодный разум медведя был спокоен, как будто все происходящее не имело к нему никакого отношения.

Несколько мгновений священник обдумывал ситуацию, потом отправил сигнал:

«Ты можешь связаться с братом Альдо? Передай ему, что пришло время для огня и стрел. Я постараюсь сконцентрировать внимание этой твари на себе. Пусть они действуют — и быстро!»

Чувствуя, как Горм покидает его разум, Иеро вновь вступил в борьбу с чудовищным противником, пытаясь вернуть контроль над телом. Внезапно Дом перестал соблазнять его вечной жизнью, и священнику показалось, что монстр чего-то ждет; воспоминание о слизистой твари мелькнуло в голове, заставив его содрогнуться. Одновременно он по-

нял, что Горм прав: Дом боялся его — или, как минимум, проявлял осторожность. Очевидно, новая жертва сильно отличалась от людей, с которыми Дом имел дело раньше.

Мышцы по-прежнему не повиновались Иеро. Сможет ли Горм связаться со старым эливенером? Через несколько минут он будет это знать.

Земля под ногами дрогнула. Легкая, почти неощутимая вибрация подсказала обостренным чувствам: нечто приближается к нему. Кто или что спешило на вызов, нетрудно было догадаться — слизистая тварь торопилась к своей беспомощной добыче.

Где же она? Глаза Иеро были прикованы к Дому, он не мог управлять зрачками, как и прочими членами тела, не мог бросить взгляд ни вправо, ни влево. Вдруг перед его лицом возникло облако огромных синеватых мух; он понял, что эти насекомые являются зрительными рецепторами Дома, который желает наблюдать его агонию во всех подробностях.

Гигантский улей — или, вернее, маячивший перед ним мираж — дрогнул и растворился в воздухе. На его месте показалась мягкая бесформенная масса слизистого чудища, и теперь священник знал, что это не было ни фантомом, ни миражом. Беспомощный, застывший, словно глыба льда, он с ужасом взирал на приближавшуюся смерть.

Величина этой твари оказалась значительно больше, чем он представлял: рыхлая амебоподобная масса вздымалась выше его головы, а торчавшие из нее щупальца были в четыре раза длинней человеческого тела. Чудовище на миг замерло, потом снова двинулось вперед, его псевдоподии вытянулись к человеку, их концы озарились вспышками оранжевых искр. Теперь монстр возвышался прямо перед священником, загораживая горизонт, и Иеро, сотворив краткую молитву, поручил себя Богу. Судорожно, с мужеством отчаяния, он пытался вырваться из тисков Дома, но тело по-прежнему не повиновалось ему.

Он приготовился с достоинством встретить смерть, но ужас затопил его, когда мерзкая тварь нависла над головой.

Первая пылающая стрела поразила пульсирующую плоть монстра, вторая воткнулась в его щупальце. Затем стрелы посыпались градом, и каждая несла клочок пылающей пакли из растительного волокна, пропитанного горючим маслом. Огненные стрелы, одно из самых древних и страшных изобретений человеческого гения, уничтожали страшную тварь, порождение древней науки.

Дождь пылающих снарядов, свистевших над головой, подсказал священнику, что Лучар и брат Альдо близко и что они привели на помощь лучниц лесного племени.

Конечности монстра вздыбились, он заметался в агонии, и священник подумал, что тварь может рухнуть прямо на него. В этот миг ментальные путы внезапно исчезли: Дом, пораженный этой яростной атакой, освободил своих пленников. Предусмотрительный Горм быстро развернулся и припустил к лесу; человек бежал за ним на подгибающихся ногах. За несколько секунд они достигли опушки джунглей и проскочили дальше, под защиту огромных стволов и полога зеленых ветвей. Иеро вдруг очутился в объятиях Лучар, руки девушки крепко обхватили его шею. Слегка повернувшись, он увидел, как брат Альдо и Вайлэ-ри, слева и справа от него, направляют отряды лесных воительниц. Огненные стрелы продолжали сыпаться на пустошь, в воздух поднялись клубы дыма, и ветер донес смрадный запах пылающей плесени. Горм фыркнул, уселся на задние лапы и начал вылизывать шерсть.

Нежно обняв талию девушки, Иеро обернулся и посмотрел назад. Стена огня встала на краю пустыни; пылали стволы поверженных деревьев, покрытые плесенью, несколько слизистых тварей корчились в огне, черный дым поднимался над горящими шарообразными клубнями и гигантскими поганками. Яростное пламя выжигало порожденную Домом нечисть, оставляя за собой опаленную, очищенную от заразы землю.

Однако священник заметил, что огонь приближается к опушке леса. Он с тревогой взглянул на Вайлэ-ри:

«Будьте осторожны. Пламя может перебросится на лес».

«Лучше сгореть, чем быть убитыми этими тварями,— отвечала она, кивнув в сторону объятых огнем слизистых монстров.— Но лес сейчас влажный; два дня назад прошел сильный дождь».

Резко оборвав мысль, она отвернулась и стала наблюдать за пожаром. Священник ощутил вспышку ярости, возникшую в этом почти нечеловеческом разуме, ярости, смешанной с удовлетворением. Враги ее священного леса, враги ее народа, гибли в огне, и душу женщины наполняло торжество.

На землю спустились сумерки, но лучницы, растянувшиеся вдоль лесной опушки, продолжали наблюдать за огнем. Когда пришла ночь, только дым и горячий пар поднимались к звездному небу. Равнина, населенная чудовищными созданиями, выгорела на несколько миль, и там огонь уничтожил все живое. Но пострадал ли Дом? Прекратил ли он свое существование? Или по-прежнему затаился где-то в необозримой дали смертоносной пустыни?

Три человека, укрывшись плащами, легли в мягкий мох.

Медведь уже спал, свернувшись пушистым клубком у корней огромного дерева. Последняя мысль уплывавшего в сон Иеро была о Вайлэ-ри. Сквозь полуприкрытые веки он видел ее прелестное лицо, освещенное бледным лунным светом; оно казалось изваянным резцом древнего скульптора. Дриада наблюдала за ним. Затем он уснул.

Вначале его сон был смутным, неясные образы возникали и гасли в подсознании. Наконец, медленно и постепенно, они начали принимать некие конкретные очертания. Он находился в странном состоянии, которое было наполовину сном, наполовину — явью, очаровательной и чудесной реальностью. Он шел через лес; слабый свет звезд едва озарял стволы деревьев. Он был один. Ему ничто не угрожало, он твердо это знал; на нем не было ни тяжелой одежды, ни смертоносного оружия, и казалось, он даже позабыл, что это такое. Тропинка, освещенная звездами и танцевавшими в воздухе светлячками, извивалась среди огромных стволов. Он шел куда-то, не ведая, где завершится эта дорога, но знал, что его ждет нечто прекрасное.

Наконец, в увитой цветами и листьями беседке, образованной ниспадающими ветвями дерева, он различил силуэт белоснежного женского тела. Недоумевая, он поспешил туда, но не успел сделать нескольких шагов, как на него ливнем обрушились серебристые звенящие звуки. Они чаровали, манили, смеялись, журчали, как прыгающий по камням ручеек.

— Вайлэ-ри! — позвал он — или ему почудилось это? — Вайлэ-ри, не бойся! Не оставляй меня!

Снова водопад серебристых нот, речь или песня невиданной райской птицы, хлынул из беседки. Подавляя возникшее желание, Иеро бросился вперед, как будто его ноги обрели крылья, но зеленая беседка была пуста. Он огляделся и увидел мраморную руку, манившую его в заросли папоротников. Несколько стремительных шагов, и он очутился там, обнимая пустоту.

Воркующий голос зазвучал справа, и через мгновение он был на маленькой полянке, покрытой душистыми цветами. Стройная женская фигурка замерла, как будто в нерешительности, посреди прогалины. Он протянул руки и коснулся ее плеч. В странных зеленых глазах, теперь поднятых к нему, он увидел огонь такой страсти, который изумил и напугал его. Но это был только сон... и, обняв трепещущее тело дриады, он прижался губами к ее теплым нежным губам.

Было уже позднее утро, когда Иеро пробудился; к его удивлению, перед ним маячила приземистая фигура капитана Гимпа, живого, здорового и бодро покрикивающего на своих людей.

Оглядевшись, священник понял, что лежит на большой поляне, где его отряд был захвачен необоримым сном. Несколько дриад стояли в отдалении под деревьями, но Вайлэ-ри среди них не было. Он вздохнул, вспоминая свой сон.

Все моряки выглядели хорошо отдохнувшими и бодрыми. Нетерпеливое фырканье раздалось неподалеку, и, повернув голову, Иеро увидел своего верного скакуна.

«Привет, лентяй,— послал он мысль, разглядывая блестящую шкуру лорса и его отросшие рога.— Ты, кажется, неплохо отдохнул?»

Волна любви и преданности пришла в ответ от животного, и вместе с ней — вопрос без слов, хорошо понятный человеку. Когда мы покинем это место, когда пойдем дальше, когда мы снова будем сражаться, мчаться вперед и вперед, бить врага?

Все это хлынуло из сознания лорса, и зверь опять громко фыркнул, нетерпеливо ударив копытом оземь.

— Я вижу, наш четвероногий друг снова готов в дорогу. Выспался ли ты наконец? Досмотрел ли свои сладкие сны? — Улыбающийся брат Альдо стоял перед священником, поглаживая длинную бороду.

Иеро вскочил на ноги.

— Где Лучар и медведь? — спросил он, скользнув внимательным взглядом по поляне.

— Я полагаю, их пригласили нанести небольшой визит Вайлэ-ри, но скоро они вернутся. Как видишь, наши моряки и Клоц — в отличной форме. Люди Гимпа думают, что переусердствовали с выпивкой вчерашним вечером и только что проснулись; я не стал их разубеждать, лишь предупредил, чтобы не трогали лесных женщин. Я сказал, что эти красотки находятся под защитой могучих чар и каждый, кто коснется их, умрет. Это подействовало. Но все же меня удивляет, что наши люди не возразили ни слова и совсем не интересуются женщинами. Странно для лихих моряков, ты не находишь?

Иеро с сомнением взглянул на старого эливенера, но тот казался невинным как младенец — стоял, задумчиво склонив голову, и его длинные темные пальцы скользили по белоснежной бороде.

— Чем займемся сейчас? — спросил Иеро, меняя тему.— Не хочешь ли ты взглянуть на места, где вчера бушевал пожар? У меня возникли кое-какие идеи, и их надо бы обсудить с тобой. Но сначала позавтракаем.

Моряки окружили священника, радостно приветствуя его, пока он поглощал тушеные плоды. Люди Гимпа чув-

ствовали, что находятся в каком-то странном и непривычном мире, где лишь этот северный воин может быть для них надежным проводником и защитником. Эти чувства распространялись и на его спутников — темнокожую девушку, седобородого мудреца, медведя и огромного лорса.

— Что тут случилось, мастер Иеро? Жгли навозные кучи? — спросил Гимп, когда спустя недолгое время отряд достиг обширных пространств, заваленных пеплом от сгоревших деревьев, плесени и гнилья. Кое-где легкий дымок еще тянулся в безоблачное небо, будто души лесных исполинов взлетали вверх, к солнцу.

Почерневшая, обугленная, но очищенная пламенем земля простиралась перед ними. В отдалении, у скал и песчаных дюн, огонь остановился, но даже невооруженным глазом было видно, как за грядой утесов переливаются розовато-лиловыми и грязно-оранжевыми оттенками отвратительные посевы Дома. Оглядев горизонт, Иеро понял, что у Дома еще сохранилось около трети прежней территории. Он отложил подзорную трубу, прикидывая, что до границы опаленной огнем пустыни осталось не меньше пяти миль.

Но не только скалы остановили пламя; в запасе у Дома было еще одно средство — он, кажется, умел создавать какую-то плесень, которая выделяла клейкую пену, твердевшую при соприкосновении с воздухом и абсолютно негорючую. Теперь коричневая иззубренная стена отделяла заросли поганок от засыпанной пеплом почвы. Иеро попытался обнаружить телепатическую ауру монстра и, не найдя никаких ментальных сигналов, подумал, что это еще ничего не значит.

Поглядев направо и налево, он разглядел небольшие группы лесных женщин, вооруженных пылающими факелами. Медленно двигаясь вдоль границы пустоши, они выжигали участки, которые пощадил вчерашний пожар.

Священник хмыкнул и, покачав головой, обратился к брату Альдо:

— Не думаю, что мы одержали полную победу. Мы не смогли уничтожить источник заразы.

— Согласен с тобой, пер Дистин. Это дело остается незавершенным, и через несколько лет чудовище снова атакует лес. И нас не будет здесь, чтобы защитить несчастных женщин.

— Они не сказали тебе, где мужчины их племени?

— Нет, и я полагаю, что такие вопросы нельзя задавать. Эти на удивление прелестные создания имеют какую-то тайну. Может быть, их мужчины очень безобразны или слишком робки... Я согласен, что их отсутствие может показаться странным, но не вижу в этом повода для подозрений и вражды. Эти лесные обитательницы отнеслись к нам весьма дружелюбно.

— Да,— согласился Иеро.— Но я видел странный сон... странный и чудесный. Он был...— Священник на мгновение запнулся, и в этот момент волосатая лапа Гимпа легла на его плечо.

— Тебе снилось, что ты был с одной из этих белокожих девушек, мастер Иеро? И этот сон дьявольски походил на реальность?

— В самом деле, так,— ответил растерявшийся священник.— Но как ты догадался об этом?

— Потому что я сам, и Блуто, и все мои парни, даже старый Стилк, который давно бессильная развалина, все мы видели такой же сон. Каждый из нас провел время с одной из этих девчонок, и мы все согласны, что это было приятнейшее сновидение! А что потом? Ни одна из этих голых красоток наутро не сказала ни слова! Будто ничего и не было! Странная штука, клянусь якорной цепью моей сгоревшей «Девы»! — Обветренное лицо бравого капитана выражало одновременно восторг и изумление.

Пока они шли обратно, Иеро обдумывал все услышанное.

Наконец они вернулись на большую поляну, под сень гигантских деревьев. Брат Альдо попросил показать ему карту Нечистого, и три головы склонились над тонким листом.

— Здесь не такой масштаб, как на моей собственной карте,— произнес священник.— Но думаю, что место, ку-

да я должен добраться, лежит уже совсем близко, вот тут.— И он показал на символ, обозначающий древнее поселение.— Город находится здесь, в южной части области, занятой Домом, в двадцати пяти или в тридцати милях от нас. Как считаешь, мастер Гимп, я верно оцениваю расстояние?

Моряк, склонив голову, внимательно сравнивал карту аббатств с трофейной. Наконец он промолвил:

— Да, миль тридцать, не больше. День-другой, и будем на месте.

— Я тоже так считаю.— Бережно свернув карты, эливенер протянул их Иеро.— Теперь пора бы подвести кое-какие итоги, мой мальчик. Можем ли мы считать, что твое соглашение с Вайлэ-ри выполнено? Дом серьезно пострадал, но он отнюдь не уничтожен. Кроме того, вчерашняя битва породила сильнейший всплеск ментальной энергии, и слуги Нечистого в Ниане наверняка уловили его с помощью своих машин. Они преследовали тебя на севере, пер Иеро, и я не думаю, чтобы они оставили тебя в покое на юге.

— Не оставят,— мрачно согласился священник.— Во всяком случае, не С'дана! Он поклялся убить меня или сдохнуть, и я ему верю.

— И я тоже,— кивнул брат Альдо.— Главная восточная дорога, ведущая к побережью Лантика, проходит к северу от нас; вероятно, до нее не более четырех дней пути. На месте наших врагов я бы двигался по этому тракту на юго-восток, пока не достиг бы района, где возмущения ментальных полей особенно сильны, а там свернул бы к югу. Неделя быстрого марша, в лучшем случае — восемь-девять дней, и враги доберутся сюда. Будем считать, что еще неделю мы в безопасности.

Но расчеты старого эливенера оказались ошибочными. Ни он сам, ни Иеро не представляли, на что способен С'дана, сколь велики его коварство и хитрость, а также его влияние среди адептов Нечистого. Целое войско было собрано восточнее Нианы, и этот отряд уже четыре дня двигался на юго-восток. Такого развития событий ни священник, ни его спутники не могли предвидеть.

Пока они совещались, тучи затянули небосклон, и с юга дохнул влажный ветер, предвестник дождя. Однако раньше, чем хлынул ливень, вернулась Лучар. Они услышали, как девушка что-то напевает про себя — похоже, на языке Д'Алви, так как Иеро не понимал ни слова. Вдруг она появилась на тропинке под деревьями и подошла к мужчинам с мягкой, задумчивой улыбкой на лице. Запястье девушки обвивал золотой браслет с драгоценными камнями, искрившимися глубоким зеленым светом.

— Тебе нравится? — спросила Лучар, улыбаясь Иеро и обнимая его шею тонкими руками.— Это подарок Вайлэ-ри! Горм все еще беседует с ней. Ей кажется, что медведь — самое интересное создание среди нас.

— Почему эта женщина сделала тебе подарок? — строго спросил священник, пытаясь освободиться из кольца смуглых рук.— Она ничего не дала мне, а на тебя повесила эту дорогую игрушку. Не правда ли, странно?

— О, тут нет ничего удивительного! Я дала ей кое-что взаймы, кое-что очень нужное ей. А ты... Может быть, ты тоже получил награду.

Девушка прижалась лицом к куртке Иеро, и теперь он не мог видеть ее глаз. С растущим изумлением он почувствовал, что близок к ответу на последний вопрос, волновавший его,— как будто крохотные кусочки мозаики сложились в его голове в стройную картину. Священник осторожно поднял ладонями лицо своей любимой и заглянул в ее глаза. Гимп и брат Альдо тактично отошли в сторону.

— Скажи-ка, моя хитрая маленькая принцесса, где прячутся мужчины народа Вайлэ-ри? — Его голос был сердитым и нежным одновременно, когда он всматривался в глубину ее бездонных темных глаз.

Ответом ему было молчание. Потом девушка решительно встряхнула головой:

— Их нет. Ее племя давно живет среди этих деревьев, и они всегда были такими же, как сейчас. И они нуждают-

ся в мужчинах, бедные создания, чтобы иметь детей и продолжить свой род. Понимаешь, у них родятся только девочки...— Лучар на мгновение замялась, потом продолжила: — Может быть, сейчас появится на свет первый мальчик. Они не знают, как и когда их народ оказался здесь, не знают, кем были их предки... Но им известно, что чужестранцы путешествуют по дороге к северу от их лесов. И временами одинокий путник или целый караван странников разбивает вечером лагерь, и... ну... они...

— Видят очень приятный сон? — спросил Иеро. Он усмехнулся и, осмелев, девушка улыбнулась ему в ответ.— Итак, ты совершила сделку, обменяв меня на этот браслет. Ну, что ж, прекрасно! Достойный поступок для принцессы Д'Алви и моей жены!

Лучар резко отстранилась, ее глаза гневно сверкнули.

— О! Ты, мужчина! Ты ничего не понял! Ты, кажется, думаешь, что я в восторге от того, что случилось прошлой ночью! — Злые слезы повисли на ее ресницах.— Я ничего не знала о браслете до сегодняшнего утра!

Резко сорвав украшение, она швырнула его прямо в лицо Иеро.

Он едва успел вскинуть руку и поймать драгоценность, иначе нос его был бы неминуемо разбит. Затем он побежал за девушкой. Она остановилась в тени огромного дерева и горько рыдала, закрыв лицо ладонями.

«Иди ко мне, любимая,— мысленно позвал он.— Прости, я был глупцом. Она лишь хотела спросить у тебя разрешения, не так ли?»

Лучар снова спрятала лицо у него на груди.

«Да, конечно! Так поступила бы любая честная женщина. У нее никогда не было мужчины, и она впервые узнала любовь с тобой. Она сказала, что ты — мой навсегда и она просит тебя лишь на одну ночь. Она так сказала это, что я отбросила всякую ревность! Но видишь... видишь... пережить то, что случилось, все же тяжелее, чем я думала!»

— О Иеро,— добавила девушка вслух, и голос ее стал печальным,— знаешь ли ты, что она сказала мне на прощание сегодня утром? «Может быть, у меня родится первый мальчик. Это было бы счастьем для нашего народа. Не забывай же меня — ты, которая всегда будет с ним!»

Священник нежно погладил ее по спине.

— Не плачь, милая,— прошептал он.— Я просто в восторге. Ведь у меня был такой чудесный сон!

Лучар взглянула на его лицо и поняла, что он шутит; но в глазах его таилась печаль. Тонкие пальцы девушки легко коснулись лба Иеро, погладили щеку. Потом она улыбнулась:

— Запомни, пер Иеро Дистин, я не хочу больше слышать об этом! И не хочу вспоминать! Договорились?

Иеро повернулся и отыскал глазами старого эливенера.

«Мы можем идти дальше»,— мысленно произнес он.

Брат Альдо взял под уздцы Клоца, уже навьюченного поклажей, Гимп махнул рукой морякам, они поднялись и зашагали нестройной колонной к краю поляны. В это время в тени гигантского дерева возник Горм. Итак, все были в сборе, и Иеро занял свое место во главе отряда. Тихо переговариваясь, позвякивая оружием, люди двинулись в путь.

Священник обернулся, надеясь увидеть лесную фею, что снилась ему в прошлую ночь, но не разглядел ничего. Над лесом висел серебристый птичий щебет, но различить в нем голос Вайлэ-ри он не мог.

«Они будут идти за нами вдоль опушки,— пришло сообщение от брата Альдо.— Они хотят знать, жив ли Дом, и думают, что ты сообщишь им об этом. Так сказала их властительница Лучар».

«Дом, разумеется, жив,— послал Иеро ответ.— И я надеюсь, что Господь убережет нас от встречи с ним».

Они шли на юг в сотне ярдов от опушки леса, который вздымался в отдалении словно изумрудная стена. В полдень отряд остановился для короткого отдыха и еды, затем священник подал сигнал двигаться дальше. К вечеру из затянувших небо туч на головы путников обрушился теплый ливень. Видимость сразу же стала очень плохой, поч-

ва превратилась в жидкую грязь, и люди свернули к краю джунглей. Здесь, под пологом огромных деревьев, был разбит лагерь, разожжен костер и приготовлена горячая пища.

Дождь шел почти всю ночь. Когда рассвело и путники двинулись дальше, стало ясно, что они достигли окраины лесного массива. Растительность изменилась: все чаще стали попадаться пальмы и заросли акации, деревья-гиганты, высившиеся подобно исполинам над низкорослым кустарником, уменьшились в числе и наконец исчезли совсем. Жара стала сильнее. К югу, насколько мог видеть глаз, раскинулась широкая, поросшая травой равнина. Слева от них песчаные языки вторгались в сочную зелень прерии, и вместе с этими первыми признаками пустыни появились уже хорошо знакомые мертвенные цвета. Плесень, огромные мухи, гниющий кустарник... Здесь владения Дома начинались в милях трех-четырех от края джунглей, нигде близко не подступая к лесу. Вероятно, отсутствие больших деревьев делало эту область менее привлекательной для него.

Дичь здесь, однако, водилась в изобилии. Животные, похожие на оленей, и большие грациозные создания вроде антилоп маячили тут и там в степи, неторопливо передвигаясь и освобождая людям дорогу; большинство из них были незнакомы Иеро. Однажды путники наткнулись на стаю короткохвостых полосатых зверей, напоминавших гиен, которые жадно обгладывали тушу какого-то животного, раза в три превосходившего Клоца размером. Они благоразумно обогнули хищников стороной — как и огромное существо, помесь медведя с гигантской рысью, которое встретилось им через несколько миль. Очевидно, зверь не был голоден; он испустил громовое рычание, но не пытался их преследовать. Вечером они воздвигли прочную изгородь вокруг лагеря и разложили большие костры. Рычание и рев, раздававшиеся вокруг стоянки ночью, доказывали, что такая предусмотрительность была не лишней: в этой местности звери не знали и не боялись человека.

На следующее утро рассвет был ясным и жарким, свежий воздух благоухал, словно дыхание весны. Цветущие травы, сквозь которые пробирался отряд, пахли медом. В этот день они повернули к востоку и шли медленно, не торопясь, внимательно изучая окрестности. По расчетам Иеро, наступило время для поисков заброшенного города; карты больше не были нужны.

Вскоре отряд достиг пустынной равнины, поросшей чахлым кустарником, за которой простиралась захваченная Домом территория. Иеро различал вдали многочисленные образования, подобные огромным шарам и поганкам; почва между ними была покрыта фестонами плесени, отливающей всеми оттенками желтого, фиолетового и грязно-багрового. Эта мерзость выглядела столь же отвратительно, как на севере, на границе с владениями племени Вайлэ-ри.

Священник остановил отряд.

— Не стоит рисковать,— произнес он, показывая на заросли огромных поганок.— Эта дрянь не больше чем в полумиле от нас. Слишком близко, если судить по моему собственному опыту.

Брат Альдо выглядел озабоченным.

— Мы уже добрались до нужного района, но я не вижу никаких руин.— Он положил руку на плечо Иеро.— Некоторые из этих древних городов захоронены так, что от них не осталось и следа. Надеюсь, ты понимаешь, сын мой, что наши поиски могут оказаться бесполезными. Кто знает, когда и кем были нанесены на карты знаки, обозначающие Забытые города? Сколько раз эти карты копировались и какие при этом сделаны ошибки?

— После такого длинного и опасного пути и с таким опытным командиром мы просто не можем потерпеть неудачу! — воскликнула Лучар. Несокрушимая вера в своего возлюбленного звучала в словах девушки. Иеро усмехнулся и, немного поразмыслив, сказал:

— Придется начать тщательные поиски. Мастер Гимп, объясни людям, что мы ищем древний город, скрытый под землей. Пусть они отмечают все признаки человеческой

деятельности, любой след — все, что покажется им подозрительным.

Горм поднял мохнатую голову, медленно покачивая ею и нюхая воздух.

«Я чувствую, что когда-то здесь было много людей. Где-то, не очень далеко отсюда, спрятан человеческий город».

По команде капитана моряки растянулись длинной цепью, и через три-четыре часа отряд настолько рассеялся, что это стало беспокоить Иеро. Некоторые люди уже казались крохотными точками в безбрежном пространстве равнины. Хотя ни один из моряков, согласно полученным инструкциям, не приближался к границе владений Дома, кто знал, какие звери таятся среди травы и зарослей кустарника? Священник подал знак Гимпу, и, по сигналу корабельного горна, мореходы вновь собрались вместе. Иеро велел им отдыхать и готовить обед. Небо еще было ясным, но громоздившиеся на юге тучи снова обещали к ночи сильный дождь.

— Итак, можно сделать лишь один вывод,— произнес священник, обращаясь к своим спутникам.— Если мы не нашли здесь города, значит, он лежит восточнее.— Он вытянул руку к возвышавшимся на горизонте поганкам и фиолетовым шарам.

— Боюсь, что ты прав,— кивнул брат Альдо.

— Ты не пойдешь туда без меня! — с тревогой воскликнула Лучар, хватая священника за руку.— Я не пущу тебя одного!

— Ты будешь делать то, что тебе скажут, или я тебя отшлепаю! — Иеро говорил шутливо, но взгляд его был серьезен.— Кроме того, я не собираюсь идти один. Брат Альдо, мы используем прежнюю тактику: ты и Лучар — в арьергарде, а мы с Гормом попытаемся проникнуть дальше на восток. Остальные под командой Гимпа пусть готовятся послать огненные стрелы, как только получат сигнал от нас.

«Это наилучший способ,— заявил Горм.— Другого выхода у нас нет».

Иеро нежно поцеловал девушку и направился в сторону отвратительных зарослей, что громоздились на востоке. В нескольких футах за священником двигался Горм, нюхая воздух и негромко фыркая. Старый эливенер следил за ними взглядом, сжимая одной рукой узду Клоца и держа другую на плече девушки. Позади них стояли сбившиеся в плотную толпу мореходы. Дым клубился под горящими факелами, стрелки держали оружие наготове.

Как всегда при встрече с опасностью, священника охватила легкая нервная дрожь; привычным усилием воли он подавил ее. Тщательно, не торопясь и не обращая внимания на порожденную Домом мерзкую растительность, он искал на почве любые следы древней цивилизации, поддерживая в то же время ментальный контакт со своим мохнатым спутником. Прошло полчаса, и они уже вплотную придвинулись к границе территории Дома.

«Стой!» Команда медведя заставила вздрогнуть Иеро.

Он увидел, что Горм стоит, напряженно вытянувшись, его маленькие глазки были устремлены вдаль. Медведь несколько раз фыркнул, явно различив какой-то очень слабый запах.

«Где-то здесь есть металл,— сообщил он.— Запахи очень слабые. Не двигайся, я попытаюсь найти это место».

Медведь медленно пошел вперед. В этой части песчаной, поросшей низким колючим кустарником равнины располагалось несколько невысоких холмов, и Горм остановился перед одним из них, округлым образованием не более чем пятифутовой высоты. Терн и пучки бурых трав окружали курган со всех сторон и торчали на его вершине. Медведь принюхался к чему-то, расположенному у основания холма, затем двинулся в обход. Иеро шагал за ним на некотором расстоянии, внимательно наблюдая и стараясь не мешать мохнатому следопыту.

Восточная сторона кургана, обращенная к владениям Дома, была менее округлой, чем западная, и казалась как бы стесанной. Заросли огромных поганок торчали не более чем в двухстах ярдах от холма, и, когда Иеро подумал

об этом, его сотрясла нервная дрожь. С усилием он направил мысли на главную задачу — поиски древнего города.

Медведь застыл у ноздреватого серого камня, лежавшего в основании холма; затем, по-прежнему в полном безмолвии, он двинулся дальше и оказался в неглубокой ложбине, промытой, вероятно, последним ливнем; тут боковая поверхность холма круто вздымалась над впадиной. Горм поднял лапу и, осторожно действуя когтями, стал расчищать склон. Струйки песка, земли и мелких камней потекли на дно ложбины, открывая в глубине какую-то блестящую поверхность.

«Смотри,— пришла мысль медведя,— здесь металл, очень, очень старая работа людей».

Под его лапами священник увидел нечто гладкое и сверкающее. Ровная металлическая поверхность, отполированная, как зеркало; возможно, то была стена, но скорее всего — дверь. Дверь!

Человек задумчиво разглядывал склон кургана, зверь сидел рядом, наблюдая; его задача была выполнена. Снова Иеро поразился фантастическому обонянию своего четвероногого спутника. Обнаружить древний, почти лишенный запаха металл под слоем земли и камней! Это казалось почти невозможным!

Затем священник послал сообщение брату Альдо. Теперь, когда он находился у порога исчезнувшей цивилизации, ему была необходима помощь. Если им с медведем удастся проникнуть вниз, в неведомые глубины древнего города, они будут отрезаны от мира, а на территории, где властвовал Дом, это казалось рискованным.

Поджидая своих спутников, Иеро начал ковырять землю длинным кинжалом. Под клинком открывалась блестящая металлическая поверхность, слегка тронутая патиной пролетевших тысячелетий. Когда брат Альдо и Лучар, покачиваясь на спине Клоца, обогнули курган, работа священника была закончена. Полностью очищенная от земли дверь стояла как граница между двумя мирами, разделенными бездной времени.

— Итак, мы у порога, и кто знает, что лежит за ним? — Брат Альдо постучал по гладкой двери и обернулся к священнику.— Пока мы здесь одни, стоит обсудить план дальнейших действий. Гимп со своими мореходами идет вслед за нами пешком и скоро будет здесь. Что ты предлагаешь, пер Иеро?

К тому моменту, когда возглавляемый капитаном отряд показался вдали, главный вопрос был решен. Мореходы останутся у кургана вместе с Клоцем; их задача — следить за окрестностями и, в случае чего, прийти на помощь тем, кто спустится вниз. Но вторая часть проблемы оказалась более трудной. Если все четверо — Иеро, Альдо, Лучар и медведь отправятся в подземный город, то кто же из оставшихся на поверхности сможет принять их ментальные сообщения? Как вызвать помощь, если она вдруг понадобится?

Решение предложила Лучар. Ее идея была простой — почему бы не обучить капитана Гимпа мысленной речи?

Когда коротышку-шкипера посвятили в этот план, его лицо побледнело: Гимп испытывал мистический ужас перед колдовскими чарами, позволявшими магам и мудрецам общаться без слов. Но капитан был смелым человеком, и, когда Иеро поклялся, что чары мысленной речи не нанесут вреда ни его телу, ни бессмертной душе, Гимп заметно приободрился и заявил, что готов выполнять все приказы священника.

И все же он вздрогнул и отпрянул назад, когда мысль Иеро, простое «добрый день», достигла его сознания. Вскоре он нашел, что в беззвучных словах, возникающих в его голове, нет ничего страшного. Тогда, следуя указаниям Иеро, капитан попробовал передать свои послания. Вначале из этой попытки ничего не вышло; гримасы, которые корчил Гимп, стараясь отправить ментальный сигнал, повергли Лучар в тихий восторг. Однако в очень короткое время капитан обучился «слышать» каждого из четырех путешественников, включая медведя.

Итак, с проблемой связи было покончено, и теперь они обратили внимание на двери. Казалось, их сделали из ка-

кого-то металла, похожего на серебристую бронзу. Железо или сталь, несомненно, покрылись бы ржавчиной за прошедшие тысячелетия, но этот материал выглядел как новый и был совершенно незнаком Иеро. Возможно, в тайных архивах аббатств ему удалось бы разыскать упоминание об алюминиевых сплавах.

Дверь, полностью очищенная от земли, серебристо поблескивала в лучах солнца. На ее гладкой поверхности не нашлось ни ручек, ни замочных скважин; очевидно, она не открывалась обычным ключом — если вообще открывалась снаружи. Попытки отжать дверь снизу или сбоку с помощью копий были безуспешными; два наконечника сломались, но дверь даже не дрогнула; ее металлическая поверхность также не поддавалась усилиям людей. Наконец Гимп, встав на колени, просунул в щель между створкой и косяком тонкое лезвие кинжала и медленно повел его вверх. Ему удалось нащупать засов на высоте трех футов от порога; затем в щель вставили топор, по обуху которого капитан нанес мощный удар тяжелой секирой.

Иеро потянул створку двери. Медленно, с жалобным протестующим скрипом она распахнулась. Люди стояли в молчании под теплыми лучами полуденного солнца; из мрачного туннеля, зиявшего перед ними, повеяло холодным воздухом. За дверью лежала рифленая металлическая плита, переходившая в широкую, слегка изгибающуюся лестницу. Один из моряков издал ликующий вопль, но товарищи шикнули на него. Кто знал, что они открыли? Что могло явиться через эту дверь в их мир? Люди чувствовали, что момент был слишком торжественным для криков восторга.

— Как быть со светом? — задала практический вопрос Лучар.

Такая мысль ни одному из мужчин не пришла в голову, и сейчас они выглядели смущенными. Но здравый смысл восторжествовал: пожертвовав двумя кувшинами и частью запасов волокна и масла, заготовленных на случай схватки с Домом, мореходы соорудили светильники. Они давали не слишком яркий свет, но это было лучше, чем ничего.

Горм первым перешагнул порог; его маленькие глазки блестели от возбуждения. За ним последовал старый эливенер, сжимавший в руках свой тяжелый посох и глиняную лампу. Иеро, с мечом наготове и еще одним светильником, шел третьим; Лучар замыкала группу. Дневной свет позади них становился все более тусклым и вскоре исчез совсем; теперь они могли полагаться лишь на неяркий огонек своих ламп. Лучар несла маленький мех с запасом масла, которого хватило бы, чтобы заправить светильники пару раз; но никто из них не знал, как долго будут продолжаться поиски.

Лестница, бесконечно извиваясь, вела в темноту. Обоняние Горма и мысленное зондирование, которое регулярно делал священник, не обнаруживали ничего живого. Изредка путники останавливались, проверяя, есть ли еще связь с Гимпом и его людьми.

Когда они добрались до последней ступеньки, казалось, что прошло уже часа два. Гулкое эхо шагов подсказывало, что разведчики находятся в каком-то обширном и пустом пространстве. Спустя минуту Горм и Иеро ощутили движение наверху, потом слуха путешественников достиг слабый шорох.

— Летучие мыши,— произнес брат Альдо.— Думаю, это место как-то связано с поверхностью.

Его утверждение было бесспорным, но где другие входы и выходы из этого подземного мира? И кто — или что — имеет к ним доступ?

Лучар возилась где-то в полумраке, пока мужчины обменивались впечатлениями. Внезапно вскрикнув, она позвала их к себе: слабый свет поднятой лампы озарил закрепленную на стене панель со множеством переключателей, пронумерованных древними символами.

— Откровенно говоря, я боюсь прикоснуться к ним,— заявил священник.

— Я тоже,— согласился эливенер после некоторого раздумья.

— Но у нас нет другого выхода — как бы мы ни экономили масло, оно вскоре иссякнет. Здесь должно быть ка-

кое-то освещение, так что придется рискнуть. Все наше предприятие — сплошной риск, и это не первый случай, когда мы полагаемся на удачу и судьбу.

Иеро, отбросив сомнения, надавил на первый переключатель. Вначале ничего не произошло, затем, к их изумлению, возник слабый тусклый свет. Все сильнее и сильнее, все ярче и ярче разгорались невидимые лампы, пока их сияние не сравнялось со светом солнечного дня, царившего на поверхности.

Путники огляделись. Они стояли на платформе, прилепившейся, словно ласточкино гнездо, к стене огромной, невероятной величины пещеры.

Глава 12

КОНЕЦ И НАЧАЛО

Размеры этой подземной полости были невообразимы. Путники не могли представить, как далеко они находятся от поверхности земли, но, вероятно, это расстояние было значительным. Пещера казалась искусственной, и теперь они разглядели стержни на ее потолке, источавшие бледный свет и напомнившие Иеро светильники Мануна.

Они позволяли рассмотреть гигантское пространство.

Открывшиеся их взгляду стены имели форму огромных пятиугольников, вырубленных в скальном монолите. В верхней части их поверхность была грубой и необработанной, но ниже, футах в тридцати от пола, можно было различить блеск гладкого полированного камня. Кое-где на стенах поблескивали металлические панели; широкое кольцо свободного пространства отделяло расположенные в центре машины от стен.

— Вы только посмотрите на них! — Голос Иеро был полон благоговейного трепета.

Эти огромные, покрытые кожухами, занесенные пылью минувших столетий агрегаты, эти чудовищные машины

древности мнились священнику чудом. При виде их Иеро охватил священный ужас, на мгновение сковавший его сознание: здесь, в грозном безмолвии, стояли созданные до Смерти устройства, которые сами вызвали Смерть и помогли ей овладеть всем миром! Любой нормальный человек (кроме, конечно, слуг Нечистого) испытывал ужас перед Смертью, и один взгляд на эти устройства был для него подобен созерцанию ада. Хотя старый эливенер не растерял самообладания, но и его лицо окаменело, а в глазах застыли отвращение и страх. Лучар же, внезапно лишившись сил, опустилась на колени. Ей было только семнадцать, и вид этих титанических машин легендарного прошлого наполнил трепетом ее сердце.

Иеро наклонился и поднял девушку. Он крепко сжимал ее ладонь в своей, пока они шли вдоль платформы, обозревая огромное пространство внизу.

Подняв головы, путники увидели лабиринт балок и решетчатых ферм, затканных паутиной проводов, гибких тросов и металлических кабелей. Выше них сияли светильники, скрывая потолок пещеры, к которому, очевидно, крепилась эта конструкция. Тишина и глухое безмолвие тысячелетий простирались вокруг.

«Сюда можно поместить легион, десять легионов стражей границы, и они затеряются тут...» — пробормотал Иеро про себя. Его голову кружили необъятность пространства и мысль о том, что внизу, среди этих устройств, есть компьютеры. Но как их найти? Как вообще можно найти что-нибудь в месте столь огромном и чужеродном? Правда, ему были известны кое-какие наименования и символы мертвого языка, обозначавшие вычислительные устройства. Но являлась ли эта информация достоверной? Где искать компьютеры и как различить их в этих титанических джунглях из камня и стали? Сейчас, когда он достиг одного из древних поселений, эта задача казалась невыполнимой.

Лучар покинула его; вместе с седобородым эливенером она что-то разглядывала в дальнем конце платформы, там,

где ее поверхность пронзала прямоугольная, подобная ящику конструкция.

Священник направился к ним и вдруг ощутил мысленный сигнал Горма.

«Летучие мыши исчезли. Куда они могли деваться? Не нравится мне в этом месте, друг Иеро. Издалека поступают дурной воздух, дурные запахи, и я ощущаю нечто неживое. Неживое, но движущееся».

Иеро поднес к глазам подзорную трубу, одновременно зондируя ментальное поле в подземелье. Он не обнаружил ничего, кроме крохотных мыслишек немногочисленных летучих мышей. Они были где-то далеко — кажется, покидали пещеру через невидимую дыру в потолке. С помощью своей трубы он не смог обнаружить ни одного сквозного отверстия, зато нашел несколько входов в туннели, темневшие в стенах. Два из них находились примерно в полумиле, на противоположной, западной, стороне этого искусственного грота; затем он увидел еще один туннель — слева, на южной стороне. Около одного из западных входов можно было различить образования, которые, безусловно, не относились к творениям рук человека. Это были какие-то бесформенные темные пятна — вероятно, лужи подземной влаги; около них торчали заросли прямых стержней. Иеро случалось бывать в пещерах, так что он имел представление о сталактитах и сталагмитах; однако, насколько он мог разглядеть на таком большом расстоянии, эти объекты на них не походили. Действительно ли эти стержни слегка светились багровым светом, или ему только показалось? Впрочем, он забыл о них, когда услышал голос Альдо.

— Пер Иеро, иди сюда,— позвал старый эливенер.— Я думаю, мы можем спуститься вниз, если заработает этот невероятный механизм прошлых времен. Я видел рисунки таких устройств — ящики, которые скользят вверх и вниз по металлическим колеям на стене. Вот почему лестница, по которой мы шли, тут обрывается. Иди сюда и взгляни сам.

Используя мысленную связь, старик объяснил трем своим спутникам, как работает подъемник. Затем с помощью

Лучар он очистил панель управления от покрывавшей ее пыли; теперь стали ясно видны три кнопки, слегка выдававшиеся над металлической пластиной. Брат Альдо коснулся их по очереди длинными пальцами, слегка покручивая и нажимая; сам он при этом оставался на платформе. Наконец древняя машина со скрежетом двинулась вниз, и тогда он быстро остановил ее.

— Так я и думал! Я знаю слова, которые написаны на кнопках! На этих двух черных помечено «вниз» и «вверх», а на красной указано «стоп». Что дальше, Иеро?

— Сейчас я свяжусь с поверхностью.— Священник на мгновение замер, прикрыв глаза, затем пояснил спутникам: — У Гимпа и его людей все в порядке. Они разбили лагерь и готовятся к ночлегу. Я хотел узнать, как у них дела, перед тем как мы войдем в этот ящик.

Несмотря на свой уверенный вид, эливенер не смог скрыть нервной дрожи, когда они ступили в клеть подъемника. Слой пыли в шесть дюймов покрывал пол кабины, люди и медведь старались двигаться осторожно. К счастью, пыль содержала множество мелких каменистых частиц, она вздымалась медленно и быстро оседала.

Подъемник скользил по двум металлическим направляющим, запрессованным в каменную стену пещеры, и казался надежным. Но конечно, машина была старой, очень старой; она скрипела и скрежетала, опускаясь вниз и порождая гулкое эхо в огромном замкнутом пространстве. Какой-то механизм заставлял подъемник останавливаться на каждом уровне, и люди снова и снова нажимали кнопку, преодолевая желание выскочить из кабины. Им неоднократно пришлось подвергаться этому испытанию, так как платформы, во всем подобные верхней, шли в пять ярусов. Когда подъемник наконец доставил их на дно пещеры, даже обычно невозмутимый медведь издал облегченное «вуфф». Путники, улыбаясь, глядели друг на друга, однако их радость была преждевременной.

Они покинули кабину, но предусмотрительный брат Альдо внезапно повернулся и нажал кнопку «вверх». Он

хотел проверить, смогут ли они, если что, вернуться обратно. Его испуганный возглас заставил вздрогнуть Иеро и девушку: подъемник остался недвижим. В течение десяти минут они старались вдохнуть жизнь в древний механизм и найти питавший его источник энергии, но он располагался где-то под полом пещеры, куда уходили гибкие кабели, и был для них недосягаем. Итак, этот путь на поверхность можно было считать отрезанным.

— Мне кажется, мы опустились по крайней мере на полмили,— заметил брат Альдо, облекая в слова владевшую людьми тревогу.

«Мы найдем другой путь обратно,— пришла спокойная мысль Горма.— Сейчас мы стоим на собственных ногах, а не в этой штуке, которая шумит и двигается. Такая огромная пещера должна иметь несколько входов, и мы их разыщем».

Люди покинули мертвый механизм. Перед ними, в тусклом свете потолочных ламп, громоздились покрытые пылью машины прошлого. С высоты пятого яруса эти агрегаты казались сравнительно небольшими, но теперь Иеро понял, что некоторые из них имеют поистине чудовищную величину.

Он направился к ближайшей установке, заинтригованный ее необычными очертаниями. Он двигался шаркающей походкой, едва отрывая ноги от пола и стараясь не поднимать пыли. Когда спутники подошли к нему, священник осторожно очищал кожух аппарата от покрывавших его тысячелетних наслоений.

— Мне кажется, эта штука выглядит как-то странно! — Он засмеялся, разбудив гулкое эхо. Звуки метались в пыльных проходах между рядами титанических форм, будто стремясь вырваться наружу из огромного лабиринта.

— А, так это чехол! Все эти устройства защищены покрышками! Сейчас мы снимем его и посмотрим, что находится под ним.— Священник осторожно завернул край тяжелого пластикового материала, стараясь поднимать как можно меньше пыли. Его глаза, уже привыкшие к тусклому свету, уловили слабый металлический блеск.

Снедаемый любопытством, Иеро бросился к соседнему устройству, затем к следующему. Все они были покрыты толстыми пластиковыми чехлами, материал которых успешно противостоял времени. Казалось, что металлические детали машин не затронуты коррозией, на них нельзя было различить никаких следов минувших тысячелетий. Выхватив кинжал, священник начал лихорадочно кромсать куски пластика, отбрасывая их прочь. Снять огромный чехол полностью было бы им не под силу; многие агрегаты достигали высоты двухэтажного дома и занимали площадь в половину акра.

— Пер Иеро,— раздался спокойный голос эливенера,— как ты полагаешь, не пора ли сообщить нам, что мы должны искать? Я не интересуюсь твоими тайнами, однако...

— Прости, отец мой, я хотел рассказать об этом еще раньше. Но здесь так много необычного... У меня закружилась голова от этих чудес!

Они стояли, разглядывая громоздившиеся вокруг невероятные машины. Пользуясь мысленной речью, Иеро поведал спутникам о своей миссии, описал древние компьютеры — или, по крайней мере, задачи, которые решали с помощью таких устройств, и объяснил, почему аббатства стремятся овладеть ими.

— Если сказанное мне отцом Демеро правда — а я верю каждому его слову,— то мы отчаянно нуждаемся в этих машинах,— заключил он.— Действия слуг Нечистого скоординированы, и сила их постоянно нарастает. И наша оборона, и ответная атака принесут мало пользы, если не подчинить их непогрешимой логике.

У брата Альдо не было вопросов. Теперь, когда старик узнал, что́ является предметом поиска, он принялся изучать ближайшие агрегаты, пытаясь найти какие-нибудь надписи или отметки. Медведь присоединился к эливенеру; он помогал держать тяжелые пластиковые чехлы. Иеро с Лучар последовали примеру своих спутников.

Часом позже они приостановили работу, взглянули друг на друга и расхохотались. Каждый был покрыт белым са-

ваном пыли, и даже медведь выглядел как пушистое привидение прежнего Горма.

— Давайте-ка заглянем сюда,— предложил брат Альдо, перелистывая страницы записной книжки, в которой он копировал надписи на приборах.— Пока что мы не нашли ничего похожего на компьютеры, пер Иеро.

Священник вытер вспотевший лоб пыльной ладонью и постарался собраться с мыслями. Знания брата Альдо в части древнего языка имели сейчас решающее значение. Сам он мог вспомнить только несколько простых слов и фраз.

— Итак, мы обнаружили слово «машина» и знаем, что оно обозначает,— продолжал старик,— и мы нашли другие слова, смысл которых очевиден. Как работают эти агрегаты и для чего они нужны, мне совершенно непонятно. Однако,— он выглядел очень серьезным,— источником энергии для них является, очевидно, сила атома, которая послужила причиной Смерти на планете. Но я стараюсь даже не думать об этом.

Иеро решил, что момент вряд ли подходит для упоминания о том, что слуги Нечистого, скорее всего, уже владеют этими или другими мощными энергетическими источниками. Впрочем, он лишь подозревал такую возможность. Кому известно, что за неведомые машины двигают без парусов и весел их черные корабли!

— Мы обнаружили слова «эйр кондишн» и «термоконтрол»,— сказала Лучар.

— Да, но с этими терминами я встречался и в других древних городах, которые мне довелось посетить. Они означают свежий воздух и искусственное тепло, вот что это такое. Мы не знаем, как в старину добивались этого, но ясно, что подобные слова не имеют отношения ни к оружию, ни к компьютерам.

— Надо все здесь обыскать,— сказал священник после минутных размышлений.— Почему бы нам не начать с середины пещеры? Если тут есть какой-то управляющий механизм, то, скорее всего, он расположен в центре. Я пытаюсь вспомнить, как выглядело это место сверху, и мне кажется, что в середине была свободная площадка с небольшим количеством установок.

Этот план был принят, и они начали продвигаться к центру пещеры. Снова и снова пыльные проходы заводили их в глухие тупики, перегороженные корпусами огромных машин, заставляли кружить и возвращаться назад. Иеро подумал, что они похожи на муравьев, пойманных в ловушку огромного непостижимого лабиринта.

Наконец, кашляя и задыхаясь от пыли, они попали в широкий коридор между двумя длинными шеренгами машин, который привел их к открытому пространству. Минут пять или шесть они поднимались по еле заметному пандусу; теперь было ясно, что площадка в центре расположена повыше, чем остальная часть пещеры.

Подъем закончился; они стояли в центре пещеры, окруженные безмолвными рядами древних механизмов. Тут, несомненно, располагался главный пульт управления всеми этими агрегатами — и тут путников поджидало кое-что интересное.

Перед ними огромным полукольцом тянулась контрольная панель.

Ее назначение стало ясным сразу же, так как она была полностью открыта — единственный свободный от пластикового чехла агрегат, который повстречался им. Груды полос пластика, без следов пыли, валялись тут и там, как будто каждый кусок был срезан с панели и торопливо отброшен в сторону, однако три десятка стульев, в беспорядке сгрудившихся перед пультом, сохранили свои пластиковые покрышки. Маленькие немигающие огоньки — три янтарно-желтых и один красный — пылали в центре приборного щита. Люди с изумлением уставились на них, медленно осознавая, что все это значит.

— Кто-то был здесь,— с дрожью в голосе прошептала девушка.

— Кто же? И когда? Посмотрите, ведь кто-то включил эти огоньки!

Внезапно Лучар резко обернулась, как будто хотела поймать кого-то или что-то, скрывающееся за ее спиной. Но вокруг все было неподвижным. Безмолвные громады машин нависали над ними, и только яркие светящиеся точки в центре панели показывали, что таинственная механическая жизнь еще не совсем угасла в этих реликтах прошлого.

Медведь медленно двинулся к пульту, втягивая носом затхлый воздух.

«Идите сюда»,— послал он мысль. «Что-то было здесь, и оно оставило след. Что-то, уже известное нам»,— добавил он мрачно.

Шагнув вперед, Иеро опустил глаза и увидел находку Горма. Широкий след, маслянистая дорожка которого едва проступала в пыли, тянулся из прохода между корпусами агрегатов слева от них. След проходил вдоль всей контрольной панели, расширялся в бесформенное пятно рядом с искромсанными остатками пластикового чехла и, спускаясь вниз, исчезал в другом ущелье, образованном рядами безмолвных машин. Смысл увиденного был ясен: нечто пришло, открыло и проверило контрольную панель, затем удалилось. Зачем оно сделало это? Где оно находится теперь и когда собирается вернуться?

Иеро вздрогнул. Какое бы существо ни оставило этот странный отпечаток, оно не было человеком. И раньше, чем пришла мысль от Горма, священник догадался, кто тут побывал.

«Здесь проползла одна из тварей, созданных Домом, или он сам,— возникла в его сознании холодная мысль медведя.— Неужели ты не чувствуешь его запаха?»

В мозгу своего четвероногого друга Иеро уловил легкое презрение к несовершенным человеческим чувствам.

Предупредив спутников об опасности, он велел Лучар снова зажечь лампу, которую девушка погасила, как только они включили в подземелье освещение. Огонь был единственным оружием против Дома и мог снова спасти их, если чудовищный монстр пришлет своих омерзительных тварей.

— Сюда! Идите сюда! — вскричал Альдо, занятый осмотром центральной части панели, где светились яркие огоньки.— Кажется, я могу прочитать эти символы — или хотя бы некоторые из них. Такие слова, как «локатор» или «дисплей», мне незнакомы, но вот тут обозначено «запуск ракеты», а рядом — длинная серия цифр. Пер Иеро, мы нашли нечто ужасное! Из этого места посылали в воздух летающую Смерть, огромные ракеты, которые неслись вокруг мира, распространяя страшный яд и радиоактивное уничтожение!

Старый эливенер казался потрясенным до глубины души.

— Вероятно,— добавил он хриплым голосом,— некоторые из этих снарядов сохранились и теперь ждут, чтобы снова нести смерть спустя пять тысячелетий!

Никто не произнес ни слова и не вступил в мысленную связь. Люди были парализованы ужасом при мысли, что могут как-то, по ошибке, снова выпустить в мир Смерть.

Иеро опомнился первым; его деятельный разум поборол страх и естественное отвращение. Он пришел сюда, чтобы добыть необходимое аббатствам оружие, а вместо этого нашел смертельного врага рода человеческого, который хоть и не действовал в настоящий момент, но, несомненно, был готов к действию. Такого поворота событий нельзя было допустить! Эта мысль вытеснила ужас из сознания священника.

— Что означают эти огоньки? — спросил он хрипло.

Ему хотелось вывести брата Альдо из коллапса и вернуть к реальности. Каким бы крепким ни казался эливенер, он был немолод, очень немолод, и здесь ему пришлось столкнуться с кошмаром, который в его братстве считали абстракцией, призраком далекого прошлого. Но, оказывается, этот кошмар был жив и мог в любой момент снова поразить планету!

Брат Альдо с видимым усилием кивнул головой:

— Огни? Да, эти огни... Они обозначены словами, пер Иеро, вот этими словами, написанными здесь, под лампочками. Желтые говорят «стэндбай», что значит, как я пола-

гаю, «жди».— Он поднес пальцы к бусинке красного цвета и продолжал: — Эта говорит «аллерт», что значит «будь на страже». И от нее проложена серебристая линия к другой части панели. Сюда... вот сюда...

Что-то бормоча под нос, он зашагал рядом с пультом, прослеживая тянувшуюся вдоль него тонкую серебряную нить. Остальные двинулись за ним, ожидая объяснений. Линия привела их к массивному черному коническому выступу, рядом с которым тоже темнела надпись. Старик склонился над ней, беззвучно шевеля губами, затем поднял внезапно просветлевшее лицо и взглянул на своих спутников.

— Здесь написано... написано так: «Сними крышку для полного самоуничтожения системы»! Вы понимаете, какая это удача?

«Я понимаю,— вдруг отозвался Горм.— Вы очень неосторожны в своих мыслях — здесь, внизу. Вы испускаете ментальные волны даже тогда, когда пользуетесь человеческой речью. Я думаю, вы нашли вещь, которая может уничтожить эту пещеру и нас вместе с ней».

Его мысль была, как обычно, спокойной и холодной.

— Нужно снять эту крышку,— твердо произнес брат Альдо, игнорируя замечание медведя.— Главное, что я узнал об этом мерзком месте,— то, что его можно уничтожить! — Непримиримая ненависть к чудовищным устройствам, породившим Смерть, звучала в его голосе.

— Подожди,— быстро возразил Иеро,— дай мне разобраться с этим механизмом. Не забывай, что я имел дело с машинами гораздо чаще, чем ты. Стой рядом и переводи мне эти надписи. Обещаю, что я не буду ничего трогать без твоего разрешения.— Голос и мысли брата Альдо выдавали глубокое волнение, и священник испугался, что старец сделает нечто такое, о чем им всем придется пожалеть.

Эливенер на мгновение прикрыл глаза. Когда его веки снова поднялись, он выглядел более спокойным, слабая улыбка появилась на его губах.

— Я уловил твою мысль, мой мальчик,— произнес он.— Ты совершенно прав; я не должен давать волю эмоциям. Иди вперед, а я попытаюсь помочь тебе, если смогу.

Священник внимательно осмотрел конический выступ, вершина которого была ребристой — вероятно, с той целью, чтобы не скользили пальцы. Осторожно зажав в ладони верхушку выступа, он попытался повернуть его. С легким скрипом крышка начала вращаться, поддаваясь его усилиям. Через минуту Иеро приподнял ее и отставил в сторону.

Под этим колпаком находилось что-то похожее на часовой циферблат с большой красной кнопкой в центре. Тридцать чисел, выгравированных на поверхности металла в древней архаической системе, окаймляли круговой паз, в котором располагался указатель. Изучая механизм, Иеро увидел, что указатель легко перемещается по кругу и его можно установить против любого числа.

— Думаю, эти цифры обозначают часы,— сказал брат Альдо, склонившись над плечом священника.— Значит, с помощью этого устройства можно указать время, от одного до тридцати часов, и затем невредимым уйти отсюда.

— А если это не часы, а минуты или другие единицы времени, которыми мы уже не пользуемся? — спросил Иеро с сомнением.

Позади них слышалось возбужденное дыхание Лучар и сопение медведя.

— Вот эта надпись говорит «часы».— Эливенер указал на две крохотные буквы, которых священник, занятый осмотром указателя, даже не заметил.— Это сокращение слова «час», сын мой. Я встречал его в древних надписях.

— Прости мои сомнения,— кивнув, признался Иеро,— но, откровенно говоря, я нервничаю. Пожалуй, нам пора отдохнуть и поесть; наверху уже наступила ночь.

После этих слов путники ощутили, как они голодны и утомлены. Пока Лучар возилась с сумками, доставая пищу, Горм повалился на бок, прямо на пыльный пол, демонстрируя полное изнеможение.

— Ты такой толстый, что можешь прожить неделю без еды,— улыбнулась девушка, протягивая ему кусок мяса.— Тебе не вредно сбросить лишний вес! — добавила она, запуская пальцы в длинную шерсть медведя.

Путники быстро расправлялись с сухарями и мясом, то и дело прикладываясь к большой фляге с водой. К концу трапезы сосуд был уже наполовину пуст, и священник с тревогой подумал, что больше воды у них нет; возможно, придется искать ее источник в пещере. Его внимание, однако, отвлек Горм, вскочивший на ноги. Медведь вытянул голову, словно прислушиваясь к чему-то.

«Крылатые не вернулись,— возникла в сознании Иеро его мысль; видимо, он имел в виду летучих мышей.— И еще... Толстый, старейший тех, кто плавает по морю, пытается что-то передать... Он встревожен!»

Речь, несомненно, шла о Гимпе. Иеро и старый эливенер прикрыли глаза, пытаясь проникнуть в сознание капитана, и там, высоко над ними, на окутанной тьмой равнине, Гимп ощутил их незримое присутствие. Он удвоил старания. Конечно, передать связные ментальные образы капитан не мог, но оба телепата упорно ловили обрывки его мыслей, переспрашивали и уточняли, пока история, которую хотел поведать мастер Гимп, не обрела ясные очертания.

Матрос-часовой внезапно заметил какое-то движение в степи, встревожился и разбудил Гимпа. Достойный капитан поднял боцмана и двух молодых, скорых на ногу парней; Блуто было приказано будить остальных, тихо свернуть лагерь и вооружиться, а Гимп со своими парнями двинулся в разведку. Внезапно моряки услышали негромкий топот и, подкравшись ближе, разглядели в лунном свете нескольких всадников, ехавших на хопперах. (Иеро: «На чем?» Брат Альдо: «Не отвлекайся, объясню потом».) Устроив засаду, капитан заманил одного всадника подальше, прикончил его скакуна и завладел седоком. Этого типа — он оказался не лемутом, а человеком — доставили в лагерь и

допросили с пристрастием, в результате чего Гимп узнал тревожные новости. Целое воинство людей и лемутов, несколько отборных отрядов Нечистого, двигалось на юг, а плененный всадник был одним из разведчиков этой армии. Они шли в «подземный мир», и их вождям было известно о «вратах», через которые можно туда проникнуть. Войско вели мастера Темного братства (Гимп называл их «колдунами»); они охотились за каким-то страшным человеком с севера, опаснейшим врагом, которого жаждали уничтожить любой ценой. Капитану требовались указания, так как он уже слышал топот приближавшихся воинских отрядов. Это было все.

Иеро не стал даром терять времени, его приказы были лаконичными: пленнику перерезать горло, морякам вместе с Клоцем отойти к северу, и сделать это как можно быстрее и в полной тишине. Смерть пленника была неизбежной, в противном случае его ментальные волны навели бы врагов на след Гимпа и его людей. После убийства разведчика оставалась надежда, что эту потерю спишут на хищного зверя или какую-нибудь случайность. Кроме того, священник не питал сентиментальных чувств к слугам Нечистого.

Закончив переговоры с Гимпом, он повернулся к своим спутникам и сообщил новости. Альдо все слышал сам, но Лучар и даже бесстрастный Горм были неприятно поражены. В отчаянии девушка всплеснула руками:

— Они направляются в «подземный мир» — значит, сюда! Иеро, Горм сказал, что наши мысли сильно шумят. Наверное, злые колдуны услышали их! И они знают про какой-то другой вход! Мы в западне!

Горм, однако, оставался спокойным.

«Я говорил, что вы много думаете, но вряд ли из-за этого кто-нибудь смог бы обнаружить нас под землей, в такой огромной пещере. Мы должны найти путь наружу. У нас еще есть время.— Сделав паузу, он добавил: — Скажите мне, когда захотите отправиться дальше».

Брат Альдо коснулся плеча священника:

— Конечно, мы дали Нечистому путеводную нить, но не сейчас. Я думаю, они зафиксировали возмущение ментального поля из-за этой истории с Домом. Не вини себя, мой мальчик; то, что случилось, неизбежно. Должно быть, они покинули Ниану раньше, чем я предполагал, и двинулись на юго-восток по торговому тракту. А потом, во время твоей битвы с Домом, их главари уточнили наше положение.

— Это С'дана,— горько произнес Иеро.— Он поклялся убить меня или умереть! Наверное, ему пришлось здорово потрудиться, чтобы вычислить нас... Теперь — с Божьим именем в сердце! — мы должны либо сражаться, либо бежать.— Он обвел взглядом подземелье, его плечи поникли, спина сгорбилась.

— Думай, ищи! — прогремел Альдо, гневно вскидывая кулаки.— Ты — воин, ты — священник, и сейчас нет времени, чтобы предаваться унынию! Я могу кое-что сказать тебе: все они тебя боятся, пер Иеро. Иначе почему не пущены в ход их ментальные силы, чтобы обнаружить Гимпа и захватить его? Потому что они несут защитные устройства, которые мы уже видели! Из-за страха перед тобой! Думай, мой мальчик, и попытайся использовать ужас, которым объяты враги. Думай!

Лучар не сказала ничего, а лишь придвинулась поближе и положила ладони на плечи священника, всматриваясь в его бронзовое суровое лицо полными любви глазами. Затем она коснулась пальцами щеки Иеро и отошла в сторону. Ее муж был здесь, рядом с ней, и он найдет выход. Остальное было неважным.

Этот двойной призыв, словом и жестом, вывел Иеро из краткого приступа отчаяния. Огромный склеп, в котором они были заключены, больше не пугал его; этот древний грот станет их союзником! Он начал обдумывать возникшую перед ним проблему, взвешивать, планировать, анализировать. Брат Альдо заметил, как изменилось его лицо, и довольно усмехнулся. Их предводитель снова был с ними.

Иеро попробовал связать воедино два фактора: одним из них являлся Дом, другим — его незавершенная миссия. Наконец он сказал:

— Сейчас мы разделимся. Пусть каждый отмечает свою дорогу — так, чтобы можно было вернуться.— Он посмотрел на медведя и передал: «Горм, ты пойдешь с Лучар. Если обнаружишь следы Дома или каких-нибудь других врагов, дай знать».— Затем священник повернулся к старому эливенеру: — Брат Альдо, внимательно осмотри все метки, символы и надписи — может быть, мы найдем компьютер, если эта проклятая штука тут есть.

— Они обязательно должны быть здесь,— последовал ответ.— Читая древние книги, мы убедились, что именно компьютеры посылали в мир это ужасное оружие и давали ему команды — куда лететь и кого убивать. Значит, тут есть по крайней мере одно такое устройство.— С этими словами эливенер повернулся и крупными шагами направился в ближайший проход, покачивая своим тяжелым посохом.

Лучар и медведь двинулись в другом направлении. Иеро хотел остаться в одиночестве, чтобы обдумать свой план и провести его в жизнь. Опасная идея зрела в его голове, мысль, сопряженная с огромным риском, но, по-видимому, лишь она давала надежду на спасение.

Он прозондировал ментальные поля в поисках врагов и мгновенно обнаружил их. Результаты его поразили. Он забыл спросить у Гимпа, имел ли разведчик Нечистого прибор, подобный тем, которые были у Лысого Рока и глита. Теперь же он выяснил, что все его преследователи, люди и лемуты, имели ментальную защиту. Он даже не смог понять, сколько же их было; зато ему удалось прикинуть дистанцию до облака ментальной ауры, что просачивалась через защитные экраны врагов. Подобно приливу, эта туча надвигалась с юга, и расстояние до нее не превышало мили. С тревогой священник сообразил, что ему предстоит совершить множество всяких дел в очень короткое время.

Он трезво взвесил свои шансы. Пока было ясно одно: слуги Нечистого каким-то образом получили информацию об этом месте и, следовательно, шли вперед без колебаний и сомнений. Означало ли это, что они побывали здесь раньше? Подумав, Иеро решил, что эта гипотеза маловероятна. Лишь на контрольной панели во всем огромном подземном комплексе остались следы живого существа, и он был твердо уверен, что это были не люди и не лемуты.

Нет, колдуны Темного братства еще не успели проникнуть сюда! Сведения об этом месте они могли почерпнуть из своих архивов, из древних документов — так же, как и пославший его Совет аббатств.

Это подземное поселение было обозначено на карте, которую священник взял с тела мертвого С'нерга в далеком северном лесу, и не оставалось сомнений, что враги имели и другие карты, еще более подробные. Очевидно, они собирались исследовать пещеру, когда придет время.

Но этот план был изменен, потому что С'дана с упорством бешеного зверя преследовал его! И они сумели как-то обнаружить его отряд — то ли случайно, то ли по всплескам ментальной энергии, сопровождавшим битву с Домом. Брат Альдо был прав, такую схватку в самом деле не скроешь.

Все это пронеслось в сознании Иеро в одно мгновение.

Раздумывая, он стоял у середины панели; наконец его рука шевельнулась, пальцы легли на указатель механизма самоуничтожения, и маленький рычаг легко повернулся в нужную позицию. Священник отдернул руку и несколько секунд, как загипнотизированный, смотрел на страшный прибор. Потом он перекрестился и решительно нажал кнопку в центре циферблата. Раздался резкий щелчок, заставивший его вздрогнуть, но больше не произошло ничего.

Иеро вернул на место предохранительный колпак и быстро двинулся прочь, направляясь к одному из западных туннелей, вход в который разглядел с платформы. Он хорошо представлял дорогу и шагал уверенно и быстро, время от времени связываясь со старым эливенером и Лучар и сообщая им, где находится. Ни на минуту священник не забывал про Дом и был готов к ментальному удару.

Внезапно он увидел липкую полоску в пыли, след слизистого монстра, чудовищного творения Дома. След тянулся по довольно узкому проходу, расположенному слева. Иеро прошел три десятка ярдов и, свернув в следующий коридор, взял на изготовку свой арбалет и зажег масляный светильник. Наконечники его стрел были обмотаны горючим, пропитанным маслом волокном; теперь он мог выпустить огненную стрелу в любую секунду. «Если эта секунда у меня будет»,— с беспокойством подумал он.

В затхлом застоявшемся воздухе подземелья что-то изменилось: знакомый смрад органического тления коснулся ноздрей священника. Тошнотворно сладкий омерзительный запах предупреждал о близости Дома.

Проход, по которому шел священник, закончился. Он замер в тени ближайшего гигантского механизма, быстро высунулся из-за угла и тут же нырнул обратно. Перед ним были творения Дома!

Здесь, под землей, эта чудовищная растительность выглядела еще более странно, чем на поверхности, будто в своем тайном убежище Дом создавал и лелеял ее с еще большим тщанием. Вероятно, она не испытывала нужды в солнечном свете — многие из этих образований флюоресцировали сами, отливая неприятными багрово-лиловыми тонами.

Широкая темная лужа, полная плавающей пены, образовалась у самой стены подземелья. Вода стекала в это озерцо через широкие расщелины в скалах и накапливалась в естественном углублении на дне огромного грота. Беглый взгляд показал священнику, что стена тут была не закончена древними строителями — ее не успели отшлифовать, и бугристые глыбы гранита торчали в их первозданной наготе.

Вокруг темного пятна воды возвышались заросли тонких, подобных остроконечным шпилям растений. Высо-

той много выше человека, они были окрашены в грязно-желтые, оранжевые, багровые, фиолетовые оттенки и казались гнойным нарывом на темной поверхности каменных стен. На вершинах некоторых из них тускло рдели какие-то округлые образования. Теперь Иеро понял, что являлось источником свечения, замеченного им еще при первом осмотре пещеры.

Он опять выглянул из-за угла огромного агрегата, в тени которого скрывался. Разглядывая эту фантастическую пародию на живой лес, священник ощущал одновременно страх и восхищение. Каким бы чуждым и странным ни был Дом, он мог творить нечто живое и даже величественное! Поймав себя на этой мысли, Иеро тут же занялся проверкой; он не забыл уроков первой встречи с Домом и опасался, что тот снова попробует заманить его в ментальную ловушку.

Но эта мысль не являлась внушением извне, он был совершенно свободен, и монстр пока что его не обнаружил; видимо, подземное убежище казалось Дому абсолютно безопасным и недоступным для внешнего мира. Священник не сумел бы объяснить, откуда возникла такая уверенность. Похоже, во время борьбы с Домом он вступил в столь тесный ментальный контакт с этим владыкой плесени и гнили, что смог уловить на уровне подсознания обрывки его глубинных эмоций и мыслительных процессов; теперь какая-то странная связь соединяла Иеро с его чудовищным врагом.

«По крайней мере, эта странная растительность неподвижна»,— подумал он, собираясь отправиться дальше, но в эту секунду уловил краешком глаза едва заметное колыхание теней.

Он замер, пристально всматриваясь в мерцающие тусклыми красками заросли. Этот ужасный лес был живым!

Стволы шпилеподобных растений двигались в медленном ритме. Очевидно, эти странные образования не имели корней, но плавно поворачивались на своих утолщенных основаниях, будто исполняя какую-то пародию на танец

или торжественный религиозный обряд. Растения склонялись друг к другу, и в момент соприкосновения стволов по ним пробегала конвульсивная дрожь. Те, чьи вершины несли округлые светящиеся пятна, словно пронизывали ими своих партнеров. Если же сталкивались два флюоресцирующих ствола, на их основаниях выпячивались сгустки мягкой плоти; затем они опадали, когда породившие их создания медленно и как бы нехотя расходились, устремляясь к другим соседям.

Иеро понял, что эти странные существа обладают некоторой способностью к ощущениям. Подобно отвратительным слизистым монстрам, которые могли чувствовать врага и реагировать на пищу, эти творения Дома тоже чувствовали, реагировали, возможно, даже мыслили. Он ощутил уверенность в том, что, если его заметят, он будет без промедления опознан, схвачен и, скорее всего, уничтожен. Еле заметно двигаясь, священник снова отступил в тень огромной машины, служившей ему укрытием.

Флюоресцирующий лес частично закрывал от него черный проем туннеля, вход в который располагался за подземным озерцом. В том, что этот туннель был важной частью запрятанного в земных недрах комплекса, священник не испытывал сомнений. Насколько он мог разглядеть, его свод вздымался на высоту тридцати—сорока футов; очевидно, этот коридор служил главным входом в пещеру, через который сюда доставляли гигантские метательные снаряды. Но плесень и жидкая грязь, покрывавшие подходы к туннелю, свидетельствовали, что люди не появлялись здесь неисчислимое множество лет.

«Что ж, попытаемся изучить тут все, что можно»,— решил Иеро, скользнув назад по проходу меж древними механизмами, прочь от стоячей черной воды и окружающего ее чудовищного леса.

Когда шпилеобразные вершины исчезли, заслоненные корпусами машин, он свернул в поперечный коридор, ведущий к южной части пещеры, и пустился бегом. В то же время он следил за сгустком ментальной энергии, со-

провождавшим орду Нечистого. Враги шли по неизменному маршруту, и было ясно, что они появятся из южного туннеля.

Иеро на мгновение остановился, мысленно просчитывая возможные варианты. В одном он был уверен: адепты не смогут нащупать ауру его мозга или сознания его спутников. Его ментальная мощь настолько возросла, что он смог бы прикрыть не один десяток разумных существ непроницаемым телепатическим барьером. Такая защита требовала гораздо меньше усилий, чем ментальная атака, и он поддерживал эту мысленную стену почти бессознательно.

Священник связался с друзьями, призывая их к себе, независимо от того, удалось ли им обнаружить что-либо интересное. Он поджидал их, скрываясь в тени очередного механического монстра. Вскоре белая борода эливенера показалась из-за угла; через несколько минут подошли девушка и медведь. Иеро был так озабочен, что даже не заметил маленького пакета в руках Лучар.

— Посмотрите сюда,— сказал он, прочертив пальцем линию на пыльном чехле машины. В тусклом свете было трудно разглядеть рисунок, и он поднес ближе свою масляную лампу.

— Мы находимся тут. Здесь — небольшое озеро у западной стены, а рядом, в туннеле — логово Дома; позже я объясню, откуда узнал об этом. Вот здесь,— его палец прочертил новую линию,— южный вход, и этим путем идут отряды Нечистого. Подъемная машина сломалась, так что мы не можем выбраться прежней дорогой. Что ж, отлично! Мы пойдем по тому туннелю, которым придут сюда наши враги. Но вы должны помочь мне и выполнить все, что я скажу.— Сделав паузу, он усмехнулся; его лицо выглядело оживленным и помолодевшим.

— Конечно, есть вероятность, что мой план не сработает, поскольку все зависит от двух обстоятельств. Первое: С'дане так хочется заполучить мою голову, что он не остановится ни перед чем, и я надеюсь, что он не способен трезво мыслить и предвидеть опасность. Второе: там будет еще кое-кто, порядком разъяренный... Ни тот ни другой пока ничего не знают друг о друге. Таков мой план, и я полагаю, что он должен сработать.

Брат Альдо посмеивался в седую бороду.

— Я понимаю, что ты задумал, мой мальчик. Надо признать, что шансы на успех у нас есть. Говори, что нужно делать.

Когда Иеро изложил свой план Горму, медведь уселся на задние лапы и замотал головой.

«Ужасная затея, друг Иеро,— пришла его мысль.— Будем надеяться, что, если все сработает, нам повезет убраться отсюда живыми».

Лучар не сказала ничего. Обняв Иеро за плечи, она прижалась к нему, уткнувшись лицом в грудь священника.

— Вот что мы сделаем,— продолжал он.— Вы все отправитесь в юго-западный угол этого лабиринта и спрячетесь там как можно лучше. Когда все закончится, я сумею вас разыскать. А теперь я пойду обратно — туда, откуда пришел. Поторопитесь!

Он нежно коснулся губами волос девушки и подтолкнул ее к темному проходу. Войско Нечистого было уже близко!

Возвращение к подземному озеру заняло у него не больше нескольких минут; оставленные им отпечатки были четко видны в тысячелетней пыли, устилавшей пол. Скрываясь за углом огромного механизма, он пристально вглядывался в кошмарный сад, украшавший обитель Дома. В тусклом свете, падавшем с потолка, чудовищная растительность продолжала свой медленный танец, сталкиваясь и испуская зловоние.

Иеро поднял арбалет, прицелился и снова опустил оружие.

Вытащив стрелу, он поджег пропитанное маслом волокно, затем привычным, доведенным до автоматизма движением вставил пылающую стрелу, вскинул арбалет и нажал на спусковой крючок. Горящий снаряд прочертил дугу над темной водой и вонзился в ствол одного из самых высоких растений.

Реакция последовала немедленно: яростное пламя охватило ствол, тварь корчилась, разбрасывая искры, желтые языки огня рванулись вверх и в стороны, мгновенно охватив дюжину ее соседей. Иеро хотел послать еще одну стрелу, но огонь распространялся так быстро, что в этом не было нужды. Погасив светильник, он подвесил его к поясу.

Вдруг священник услышал вопль — крик, вибрирующий на таких высоких нотах, что он находился на пороге слышимости.

Видимо, эти звуки испускали агонизирующие отвратительные существа, полурастения-полуживотные, гибнущие в объятиях огненной смерти. Так могли кричать бы демоны в аду, подумал он и почувствовал мгновенное сожаление. Эти твари были живыми, ощущавшими муки и страх.

Затем он вспомнил о своей задаче и решительно шагнул вперед.

Странные растения — те, которые еще не корчились в огне — как-то осознали его присутствие. Он был прав, когда решил, что эти существа способны чувствовать и понимать: несомненно, они знали, кто станет причиной их гибели. Высокие колонны стволов согнулись и нацелились прямо на него подобно копьям в руках невидимых гигантов, и он ощутил исходившую от них волну ненависти.

Жуткий лес, творение Дома, корчился в огне. Струйки пламени быстро охватывали все новые растения, клубы дыма тянулись под своды пещеры, копоть и пепел оседали на обнаженной поверхности скал. Великолепие и ужас этого зрелища едва не погубили священника. Вершина одного из уцелевших стволов, направленная прямо на него, вдруг озарилась фосфорическим светом, затем из нее фонтаном ударила струя какой-то клейкой субстанции, разлетевшаяся в воздухе багровыми каплями. Атака была столь неожиданной, что Иеро едва успел отскочить в сторону; стоило промедлить мгновение, и дождь светящихся капелек слизи накрыл бы его. Несколько капель разбились о его сапоги, одна попала на тыльную сторону ладони; он почувствовал резкую жгучую боль и, содрав волокно с наконечника стрелы, обмакнул его в масло и протер руку. Затем священник поспешно отступил назад, под прикрытие несокрушимого корпуса ближайшего механизма; вдогонку ему полетело еще с десяток ядовитых струй. Он прислонился к пыльному чехлу машины и, скрестив руки, пробормотал молитву Всевышнему. Уже около часа он занимался тем, что настойчиво и обдуманно дразнил владыку этого зловонного царства. Где же он? Почему он ничего не предпринимает? Или его, Иеро, предположения были ошибочны? Сжавшись, инстинктивно напрягая мышцы, священник ожидал ментального удара своего жуткого врага. Отвратительный запах горящей плоти и густое дымное облако не доставляли ему удовольствия.

«Где же ты, Дом, будь ты проклят?!»

И Дом пришел!

Раньше чем человек успел осознать происходящее, зловонные воды озера хлынули на берег, волны кругами побежали по его темной поверхности, и нечто амебоподобное, влажно блестевшее, стало выпячиваться из мерзкой жидкости, стремясь наружу под тусклым мерцанием древних светильников. Дом выплывал из воды! И ментальные удары чудовища один за другим посыпались на одинокого человека, замершего рядом с исполинскими машинами, творением и проклятием его предков.

Иеро был готов к поединку. Еще во время первой встречи с монстром он попытался разобраться с его странной способностью парализовать разумные существа и пришел к заключению, что чудовище атакует нервную систему, а не мозг жертвы; мишенью для его ударов являлись нервные узлы, а не процессы мышления, не рассудок. Очевидно, Дом мог влиять на подсознательные процессы, и именно эти каналы, ведущие в святая святых своего разума, Иеро запечатал с особой тщательностью. В каком-то отдаленном уголке его мозга возник слабый всплеск удивления — размеры монстра были относительно невелики: его коричневатая слизистая масса вздымалась не выше шести футов, имея в окружности всего пять-шесть ярдов. Чудовище

все еще сохраняло свою странную четырехугольную форму, но плоть его непрерывно подрагивала и колебалась, вызывая головокружение и тошноту.

Иеро понял, что этот разумный улей мог скользить на своем уплощенном основании — подобно тому, как двигались ужасные растения-животные на берегах подземного озера. Монстр перемещался довольно быстро, но священник был уверен, что сумеет обогнать его.

Желеподобная массивная туша нависла над берегом озера, потом устремилась к человеку; похожие на щупальца осьминога псевдоподии, колебавшиеся на вершине, раздраженно вибрировали и метались из стороны в сторону. В этот миг вся неимоверная ментальная мощь твари, усиленная яростной злобой, обрушилась на разум священника. Долю секунды контакт человека с этим творением радиоактивной Смерти был настолько тесным, что мысли их переплелись — точно так, как переплетаются кроны выросших рядом деревьев. И тогда Иеро понял, почему Дом скрывался в глубинах подземного озера и что он совершил, послав пылающую стрелу в прибрежные заросли! Эти странные полурастения-полуживотные, чувствующие и, возможно, даже мыслящие,— они были гаремом своего жуткого повелителя!

Ментальная печать, которая охраняла его подсознание, была прочной; несмотря на все старания Дома, священник мог двигаться. Молясь о ниспослании ему силы, он бросился прочь по широкому коридору, что тянулся меж корпусами молчаливых машин. Монстр скользнул за ним; позади чудовища, бешено вращаясь, двигались уцелевшие шпилеподобные твари.

Было ясно, что Дом узнал его. Странный мозг, вместилище многих разумов, был охвачен ненавистью, затуманен гневом. Ненавистью к ничтожному человеку, уже сумевшему один раз противиться его безграничной власти и погубившему многие его творения — там, на поверхности земли! Ненавистью к страшному врагу, проникшему в его убежище, посягнувшему на его самок, резвившихся

у озера! За ним, скорее! Уничтожить, разорвать, раздавить непокорного! Скорость монстра все возрастала, его псевдоподии возбужденно хлестали воздух, пытаясь схватить человека.

Тщательно соразмеряя быстроту бега с движением преследовавшей его стаи, Иеро мчался вперед. Постоянные атаки на свой разум он блокировал, довольствуясь только защитой и не пытаясь нанести ответный удар; в создавшемся положении это было бы рискованно. Он мог приоткрыть Дому такие уголки собственного мозга, в которые чудовище постаралось бы прорваться, используя неведомые способы нападения. Кто знал, на что способна эта тварь, если ее безумная ярость на мгновение остынет, уступив место холодной и смертоносной логике!

Вдоль безмолвных, покрытых пылью коридоров, под тусклым мерцанием древних светильников, продолжалась эта странная погоня. Человек размеренно бежал вперед, властелин королевства плесени стремился догнать и уничтожить его. Кроме звука легких шагов, дыхания Иеро да слабого свистящего шума, который сопровождал движение преследователей, вокруг царила полная тишина. Наблюдателю той сгинувшей в прошлом расы, что сотворила пещеру, происходящее могло показаться странным призрачным спектаклем. Квадратный Дом и дюжина уцелевших от огня шпилеподобных тварей скользили над полом; человек бежал, вздымая пыль; накрытые плотными чехлами древние машины вздымались вокруг подобно окаменевшим гигантским животным.

Священник вел своих преследователей к южному тунелю сложным зигзагообразным путем. Он не хотел, чтобы маршрут стал ясным Дому, и в то же время старался не слишком отклоняться от выбранного направления. Наконец слух его уловил звуки, ожидаемые с таким нетерпением,— топот множества ног и звон оружия. Отряды Нечистого вступили в пещеру! Стараясь экономить силы, Иеро продолжал бежать; неумолимый, словно рок, повелитель гнили с остатками гарема спешил по его следам; тысячелетняя пыль окрашивала всех в одинаковый черный цвет.

У заранее намеченного перекрестка Иеро резко увеличил скорость. Его шаг внезапно стал шире, он рванулся вперед, как птица, что заманила охотника подальше от своего гнезда и собиралась теперь закончить опасную игру. Свернув в поперечный коридор, ведущий к южной стене, священник стрелой проскочил его, повернул еще раз и скользнул в узкую щель между двумя гигантскими машинами. Он оторвался от преследователя ярдов на двести и был теперь значительно левее своего прежнего маршрута. Теперь внимание Иеро обратилось ко входу в туннель, и то, что он увидел там, заставило его возбужденно вздохнуть.

Вливаясь в пещеру шеренга за шеренгой, отряд за отрядом, маршировали воины Нечистого. Пока священник наблюдал за ними, последние солдаты прошли под высоким сводом туннеля, и теперь вход опять зиял пустотой. Их было не менее двух сотен, людей в темной одежде, с длинными пиками на плечах и звероподобных лемутов, облаченных лишь в собственные шкуры. Иеро разглядел волосатых ревунов, людей-крыс и небольшую группу глитов, новых тварей Нечистого; их чешуйчатая серая кожа поблескивала в тусклых лучах светильников. В арьергарде колонны шла группа людей в темных плащах с капюшонами, при виде которых священник усмехнулся. Да, адепты злых сил хорошо подготовились, послав целое войско против одного человека!

Затем случилось то, чего он ждал. Первая половина его отчаянного плана принесла плоды!

Из широкого центрального прохода, полный безрассудной ярости на весь род людской, возник Дом!

Прячась за пыльным кожухом, священник мог видеть все, каждый акт этого жуткого спектакля. Движение колонны внезапно прекратилось, воины застыли в пятистах ярдах от входа в туннель, на открытом пространстве между стеной и скопищем машин. Ни люди, ни лемуты не могли пошевелиться. Маленькая группа мастеров Темного братства замерла, они тесно сдвинули капюшоны, как будто пытались растопить глыбу льда, упавшую меж ними.

Священник бросил взгляд на Дом. Чудовище тоже застыло в неподвижности неподалеку от центрального коридора; его жутковатая свита сгрудилась позади. Похоже, монстр свирепо боролся с новым противником, пытаясь овладеть неожиданно возникшей ситуацией. И это ему удавалось! Во всяком случае, защитные приборы не спасли слуг Нечистого от ментальной атаки Дома!

«Они попались друг другу в лапы! Отлично!» — с торжеством подумал священник, наблюдая своих врагов, сцепившихся в безмолвном поединке.

Он ощущал, как адепты зла прикладывают чудовищные усилия, чтобы вернуть себе свободу, но в сфере влияния Дома оставался лишь один свободный разум — его собственный! Непрерывное давление, которое монстр оказывал на его мозг, исчезло. Чудовище никогда прежде не сталкивалось с таким количеством врагов одновременно, и вся его ментальная мощь была направлена на то, чтобы удержать их в неподвижности. Что сотворит с ними Дом? Вызовет на помощь слизистых тварей? Но путь сюда был не близок, и Иеро знал, что получит достаточно времени для завершения своих планов.

Он снова находился в движении, бежал вдоль крайнего южного ряда машин, стараясь держаться в их тени. Казалось, ни Дом, ни слуги Нечистого не замечают его фигуры, мелькавшей в сумеречном свете.

Он пересек широкий след в пыли, который вел к центральной части механического лабиринта, и через несколько мгновений очутился в укромной нише, образованной выступами какого-то неведомого агрегата. Тут поджидали его брат Альдо, девушка и медведь. Лица людей были взволнованными и напряженными, и даже флегматичный Горм нетерпеливо переступал лапами и возбужденно нюхал затхлый воздух.

— В путь! — позвал Иеро.— Идите и не позволяйте своим мыслям блуждать из стороны в сторону! Я прикрываю всех ментальным щитом, но кто знает, достаточно ли этого? Брат Альдо, если можешь, построй дополнительный защитный экран. А теперь — вперед!

— Иеро! — воскликнула Лучар, пытаясь что-то сказать ему, но священник остановил ее резким жестом.

В молчании они зашагали к южной стене, быстро пересекая открытое пространство. Иеро держал Лучар за руку, ощутив трепет ее пальцев, когда девушка увидела вражеское войско, застывшее справа от них. Но она не промолвила ни слова. Альдо и Горм шли за ними, вздымая серую пыль.

«Теперь,— подумал священник,— они могут нас видеть. Помоги нам Боже, если моя защита дрогнет!»

Дом каким-то образом почувствовал их. Несмотря на усилия, прилагаемые монстром, чтобы держать в параличе воинов Нечистого, он попытался нанести удар по новой цели. Иеро с легкостью отразил этот ментальный выпад. Методы борьбы Дома уже не представляли тайны для священника; кроме того, чудовище не могло использовать против беглецов всю свою силу.

Но для другого противника, никогда не встречавшегося с таким созданием, сражение было проиграно. Войско Нечистого, люди и лемуты, предводители и их рабы — все застыли в неподвижности, неспособные шевельнуть даже пальцем. Две злые силы связали друг другу руки, протянутые к его горлу!

Иеро шел мимо солдат в черных плащах и металлических шлемах; длинные копья торчали над их головами как смертоносный частокол. Глаза людей зажглись ненавистью, когда четверка беглецов миновала их шеренги, но несокрушимый капкан Дома сковывал их тела.

За солдатами застыла группа звероподобных людей-крыс. Эти дьявольские твари были хорошо знакомы Иеро; огромные грызуны-мутанты с высоким интеллектом и когтистыми лапами, почти не уступавшими рукам человека, являлись опасными противниками. Они держали длинные острые ножи, дубины и пики, их покрытые коричневой шерстью тела обвивали широкие ремни, на спинах горбились мешки с запасами и снаряжением. Как и союзники-люди, они не могли шевельнуться, парализованные Домом, только красные глаза горели неутолимой злобой.

В конце колонны, недалеко от входа в туннель, стояли предводители вражеского войска. Их было полдюжины — шесть мрачных фигур в низко надвинутых капюшонах, и, проходя мимо, Иеро ощутил исходивший от них поток ненависти. Он не сомневался, что любой из этих колдунов с радостью принял бы смерть, чтобы уничтожить и его, но сейчас они были беспомощны, как кролики в лапах рыси. Очевидно, они не понимали источника ментальной силы Дома и не могли разобраться в его приемах борьбы. Неожиданная атака сковала их точно так же, как и самого священника, когда он впервые встретился с огромным ульем.

За плечами Иеро висел арбалет, в правой руке он держал свой короткий меч, левой крепко сжимал дрожащие пальцы Лучар. Но его опасение, что один или несколько воинов Нечистого сумеют освободиться от мертвой хватки Дома, не оправдалось.

Обогнув группу волосатых ревунов, чей резкий запах перебивал плывущее от Дома зловоние, он зашагал быстрее; его спутники старались не отставать. Они были уже в туннеле, и теперь священник увидел, почему враги выбрали этот путь в пещеру.

Перед ними лежал пологий склон футов тридцати в ширину. Начало прохода можно было разглядеть в неярком свете, струившемся из пещеры, затем туннель поворачивал, и там, дальше, царила тьма. Сотни ног протоптали широкую тропу в пыли, покрывавшей пол толстым ровным слоем.

Священник остановился, высек огонь и снова зажег фитиль светильника. Потом он махнул рукой в глубину туннеля, и, подчиняясь этому молчаливому приказу, его спутники скрылись за поворотом. Оставшись в одиночестве, Иеро бросил последний взгляд на сгрудившиеся под сводом пещеры машины и на картину, что разворачивалась на их фоне. Он по-прежнему ощущал яростное противоборство ментальных сил — адепты Нечистого пытались вырваться из тисков Дома. Взгляд Иеро скользнул по угловатой, приземистой туше монстра, по грязно-багровым, покры-

тым пылью тварям из его свиты и остановился на безгласной недвижимой армии, застывшей в пятистах ярдах от него.

Затем, усмехнувшись, он повернулся и пошел вверх по туннелю, подняв над головой светильник и высматривая своих спутников. Они не успели слишком удалиться, и вскоре священник догнал их. Лучар бросила на него быстрый взгляд, но он лишь махнул рукой, призывая девушку к молчанию.

Так они шагали несколько минут; наконец Лучар спросила:

— Это чудовище, там, в пещере... надолго ли оно сможет задержать их, как ты думаешь?

— Не время говорить об этом,— сухо откликнулся Иеро.— Прошу тебя, девочка, побереги дыхание. Смертельная опасность все еще угрожает нам, и она ближе с каждой минутой.

Девушка не обиделась на эту суровую отповедь, она понимала, что для нее были причины. Путники продолжали идти в молчании, в быстром темпе, заданном их предводителем. Пол туннеля постепенно повышался, но уклон был почти незаметен. По стенам подземного коридора бежали металлические трубы, врезанные в скалу с точностью до микрона, выше их змеились черные кабели. Дважды им встречались залы, загроможденные каким-то оборудованием, но тут они не останавливались; в помещениях не было света, и только слабое пламя глиняных светильников разгоняло темноту.

«Должно быть, это главная дорога в подземный комплекс»,— мысленно отметил священник, автоматически переставляя уставшие ноги.

Они шли уже долго, едва ли не целую вечность, но он не отваживался назначить остановку для отдыха. Правда, Лучар и медведь казались свежими, но, прислушиваясь к тяжелому дыханию эливенера, священник понимал, что запас энергии у него убывает. Наконец он спросил:

— Удалось вам найти что-нибудь похожее на компьютер?

— Нет,— ответил брат Альдо.— В этом подземном лабиринте поиски компьютера могли бы занять неделю или месяц. Но Лучар нашла кое-что и захватила с собой.

Голос эливенера был ясным и чистым; по-видимому, старик еще мог идти с прежней скоростью. Иеро успокоился, но на всякий случай сбавил темп. Брат Альдо прикоснулся к его плечу, склонив к священнику озабоченное лицо.

— Как ты полагаешь, мой мальчик, слуги Нечистого могут освободиться? У них много людей и есть вьючные животные... Если они найдут здесь древнее оружие, дело обернется катастрофой. Да еще этот Дом! У него неимоверная сила, Иеро! И что мы противопоставим этой твари, если она овладеет знаниями прошлого?

— Дом не интересуется ни прошлым, ни машинами, ни оружием. Он способен думать и чувствовать, как всякое живое существо, и теперь я знаю его мысли. Ему не нужны механические устройства, его заботит лишь то, что он может создать или вырастить сам. Его приборы и механизмы — живые создания.— Священник не думал сейчас о находке Лучар, тревога не отпускала его, и он снова, почти инстинктивно, ускорил шаги.

Внимательно выслушав Иеро, эливенер покачал головой.

— Может быть, ты прав,— произнес он,— но мы знаем, что Дом или одно из его созданий были у главной панели. Вспомни про содранный чехол!

— Я помню,— усмехнулся священник,— и на всякий случай принял кое-какие меры. Сколько времени мы уже идем, как ты считаешь?

— Не меньше двух часов, я думаю. Мы уже в безопасности?

— Нет. Мы должны выбраться наверх и идти, пока не упадем. Напряжение ментального поля в пещере растет, я чувствую это. И мне кажется, что Дом начинает слабеть!

— Если они уничтожат его, то кинутся в погоню за нами,— со страхом сказала Лучар.— Может быть, нам удастся как-то завалить вход в пещеру?

— Может быть,— кратко ответил священник.

— Неужели они способны бороться с Домом? — Брат Альдо в задумчивости погладил бороду.— Его мощь кажется мне безграничной.

— Да, он очень силен,— согласился Иеро,— но ему никогда не приходилось контролировать сразу так много сознаний. И среди них — мощные, тренированные, которые пытаются освободиться совместными усилиями! Я чувствую, что Дом экономит энергию и не отваживается даже шевельнуться. Но он ждет чего-то. Вероятно, вызвал своих слизистых тварей, которые могут поедать животных. Однако и мастера Нечистого борются как свирепые звери! Интенсивность их ментальных полей растет. Я замечаю это, несмотря на все защитные барьеры.

— Я тоже,— кивнул Альдо.— Неужели они убьют это фантастическое создание? Как я хотел бы изучить его, узнать, что оно думает, чувствует, чего хочет от жизни! — Его голос был задумчивым и грустным.

Иеро уставился на старика в немом изумлении. Да, братство эливенеров было готово покровительствовать любому живому созданию!

«Мы приближаемся к хорошему воздуху!» Горм, переваливаясь, ускорил шаги, его влажный нос был поднят кверху, серая пыль дюймовым слоем покрывала шерсть. Почуяв выход из мрачного подземного мира, медведь заметно приободрился.

Иеро на мгновение прикрыл светильник полой плаща, и путники напрягли зрение. Действительно ли тьма стала менее густой, или это лишь казалось им? Надежда снова увидеть солнце поддерживала их угасающие силы.

Дневной свет, вначале слабый, усиливался, тьма серела и отступала. Иеро замедлил шаги и повернулся к своим спутникам; лицо его выглядело утомленным.

— Они могли оставить охрану у входа,— предупредил он.— Подождите, я проверю.

Его мысль скользнула вперед, пытаясь нащупать сознания существ, которые могли скрываться в засаде у туннеля, но он ничего не заметил — даже слабого намека на всплеск ментальной энергии, который просачивался через барьер защитных приборов Нечистого. Очевидно, враги уверились в том, что уничтожат его, и не приняли мер предосторожности.

Путники вновь зашагали по бесконечному туннелю, и вскоре свет стал настолько сильным, что нужда в лампах отпала. До их ушей донеслось щебетание птиц; теперь даже слабое человеческое обоняние могло уловить аромат степных трав.

Наконец они увидели впереди огромные полураскрытые двери; запоры на них были сломаны. Когда Иеро очутился по другую сторону ворот, предусмотрительность древних восхитила его: внешнюю часть створок покрыли каким-то веществом, маскирующим их под скалу, но на вид гораздо более прочным, чем камень. Адепты Нечистого, должно быть, знали об этом, как и о точном положении входа, иначе не смогли бы так быстро настигнуть их отряд.

«Еще немного, и мы спасены!» — мелькнула мысль в голове священника, пока он жадно вдыхал свежий утренний воздух. Солнце только поднялось, и он понял, что сейчас около пяти часов утра.

— Торопитесь,— Иеро обернулся к своим изнемогавшим спутникам,— торопитесь! Мы не можем медлить! У нас осталось не больше часа!

Они обогнули гигантский валун, засыпанный песком и щебенкой, которые скрывали вход в тоннель. Хромая и пошатываясь, Лучар и старый эливенер шли на юг за своим предводителем; никто не задавал вопросов, и ни один из них не сомневался в том, что у Иеро были веские причины торопить их. Брат Альдо опирался на свой посох, его лицо посерело, лоб блестел от пота. Их мышцы горе-

ли, широко раскрытые рты жадно хватали воздух, ноги дрожали и подгибались.

Вокруг простиралась прерия, переходившая в полупустыню: сухая почва, поросшая травой, чахлыми деревьями и колючим кустарником, кое-где усыпанная обломками камней, большими валунами и песком. Теплый воздух раннего утра постепенно сменял ночную прохладу, пока четверо путников, ковыляя, двигались вперед. Время тянулось бесконечно медленно.

Затем *это* произошло. Иеро, находившийся в постоянном напряжении, почувствовал *это* первым.

— Ложитесь! — закричал он, падая на землю и прикрывая Лучар своим телом. Брат Альдо тяжело рухнул около него, за спиной эливенера скорчился Горм, свернувшись в пушистый клубок.

Вначале земля едва заметно дрогнула, так слабо, что эту дрожь можно было принять за мышечный спазм их измученных тел. Затем почва начала вздыматься и опадать, как будто по ней ходили огромные волны. Земная твердь, только что бывшая прочной и надежной опорой, внезапно стала зыбкой, как болото или морская пучина. Горм глухо завыл от ужаса, уткнувшись носом в песок и закрывая голову лапами.

Приглушённый расстоянием рев потряс воздух. Потом земля перестала дрожать, чудовищный грохот стих, люди подняли головы и посмотрели друг на друга. Иеро улыбнулся первым, его белые зубы сверкнули на грязном, покрытом пылью и землей лице. Затем гулко расхохотался брат Альдо, вскочил на ноги, словно груз прожитых лет и огромной усталости больше не давил на него, и подбросил в воздух свой посох.

Лучар приникла к груди Иеро, обняв его за шею, затем ткнулась губами в пыльную, заросшую щетиной щеку и прошептала:

— Что это? Что это было?

— Это,— отвечал брат Альдо, протягивая руку, чтобы помочь девушке подняться,— была кнопка на контрольной

панели, обозначенная словами «полное самоуничтожение». Я прав, мой мальчик?

— Да. Я установил механизм с упреждением на четыре часа. Что за люди были древние! Их устройства работают спустя пять тысяч лет после гибели создателей! Оттуда,— Иеро указал в сторону ворот,— Нечистый уже ничего не получит! Его войска уничтожены, Дом тоже погиб. Но если бы он не задержал их отряды, я не смог бы ничего сделать.

В молчании они посмотрели на север. Там, где раньше простиралась широкая равнина, показался гигантский бетонный купол, покрытый трещинами, его края были засыпаны глыбами вздыбленной земли и обломками скал. Деревья и кустарник исчезли, сметенные силой чудовищного взрыва.

— Пора двигаться,— произнес священник.— Наши люди и Клоц идут, я полагаю, на север, и хорошо бы их догнать.

— Теперь наша дорога станет легче,— сказал брат Альдо, отряхивая пыль с бороды и курчавых волос.

— Я надеюсь на это,— отвечал священник.— Но я все еще не нашел компьютер, а уничтоженное войско — лишь небольшая часть тех сил, которые Нечистый, если потребуется, может вывести в поле. Кроме того,— добавил он,— С'дана еще жив. Я узнал бы его, если б он оказался там, внизу, но он не пришел. Когда-нибудь мы встретимся с ним снова, он и я.

— Может быть, ты и не нашел компьютер,— лицо старого эливенера озарилось улыбкой,— но взгляни на то, что разыскала Лучар. Она нашла несколько книг, брошенных в спешке — вероятно, кем-то изучавшим эту науку. Я могу прочитать название, но ты попробуй сделать это сам.

Онемев от изумления, Иеро уставился на маленькую пухлую книгу, которую протягивала ему девушка.

«Принципы проектирования аналоговых компьютеров» — прочитал он с усилием на древнем полузабытом английском языке и раскрыл книгу.

Страницы из пластика были заполнены убористым текстом, формулами и схемами. Священник был так потрясен, что не мог вымолвить ни слова. Здесь говорилось о том, как строить компьютеры! Брат Альдо и Лучар с улыбкой смотрели на его грязное, потное, счастливое лицо.

— Смотри,— сказал Альдо, показывая пальцем,— здесь написано «Том I». Лучар нашла все эти книги — тома второй и третий. Она позвала меня, и я прочитал их названия. Но мне почему-то кажется, что даже без меня она сообразила, что попалось ей в руки!

Со счастливой улыбкой Иеро обнял девушку. Затем три человека и медведь начали свой долгий путь на север, осторожно пробираясь среди груд земли и вывороченных взрывом камней. Последнее слово или, вернее, мысль в этой истории попытался оставить за собой Горм.

«Нельзя идти вперед слишком быстро,— ворчливо заметил он.— Постарайтесь теперь делать это не так стремительно, как люди прошлого».

— Мир движется вперед с определенной скоростью,— подумав, ответил брат Альдо.— И всем нам полезно научиться идти в ногу с ним.

Иеро не забыт

Пролог

НОВОЕ ЗАДАНИЕ

За пять тысячелетий, прошедших после Смерти, мир сильно переменился: густые дремучие леса и обширные пустоши покрыли выжженный американский континент, Великие озера слились, образовав огромное Внутреннее море, климат потеплел, потому что Земля находилась теперь в начале нового межледникового периода. Одни виды растений и животных вымерли, другие изменились и приняли весьма странные формы, нередко — чудовищные и опасные.

Ученые-священники аббатств, правящая верхушка республики Метс, нового государства на западе Канды, прилагали неимоверные усилия, пытаясь остановить медленное угасание человеческой цивилизации и вернуть утраченные знания. Но с каждым годом они все больше проигрывали в этом состязании Нечистому и его Темному братству, адепты которого заставили даже непоколебимые законы природы служить своим смертоносным целям. Ментальная сила, которой владели священники аббатств, уже не была надежной защитой от нападений слуг Нечистого и их внушающих ужас союзников-лемутов — выдрессированных злыми колдунами разумных зверей-мутантов.

Аббат Демеро, член Совета аббатств, был уверен, что все сведения, необходимые, чтобы победить Нечистого,

уже хранятся в главном архиве республики, но разобрать и обработать гигантскую массу информации было выше человеческих сил. Однако Демеро было известно, что до Смерти с подобными проблемами успешно справлялись устройства, называемые компьютерами, и что где-то далеко на юге, в древних разрушенных городах, могли сохраниться эти замечательные машины.

Но путешествие на юг, как и попытка доставить обратно целый компьютер или руководство по его конструированию, являлось сложной задачей, так как малоизученные и чреватые опасностями южные районы континента находились под властью колдунов Темного братства. Для выполнения этой ответственной миссии Демеро выбрал своего бывшего ученика, пера Иеро Дистина, священника-заклинателя второй степени, стража границы и опытного воина-киллмена.

Иеро, собрав необходимое снаряжение и оседлав своего верного скакуна, лорса по имени Клоц, тронулся в путь. Лорсы, верховые животные, выведенные из мутировавших потомков древних лосей, являлись незаменимыми спутниками в подобного рода путешествиях: ими можно было управлять телепатически, а огромная сила и свирепость рогатых быков служили надежной защитой от многих опасностей. Вскоре к путникам присоединился Горм, молодой медведь, которого старейшины его племени послали изучать мир людей. Горм сообщил Иеро, что один из адептов Нечистого готовит ему ловушку. С помощью медведя священнику удалось победить темного колдуна, но вдогонку за ним ринулась целая стая лемутов.

Спасаясь от преследования, Иеро отбил у племени дикарей юную чернокожую девушку, которую те собирались принести в жертву. Лучар — так звали его новую спутницу — оказалась единственной дочерью короля Д'Алви, государства, расположенного на берегу Лантического океана. Девушка поведала священнику, что рассталась с домом, не желая выходить замуж за властителя соседней страны Эфраима, жестокого короля Чизпека; однако вскоре ее пой-

мали работорговцы, из рук которых она попала к дикарям. Иеро был поражен необычной внешностью Лучар — ее кожа отливала темной медью, а вьющиеся черные волосы падали на плечи. Метсы, его родной народ, произошедший от обитавших некогда в древней Канаде метисов, имели прямые волосы и бронзово-красный цвет кожи.

Вскоре адептам Нечистого, использовавшим хитроумную уловку, удалось захватить Иеро в плен. Его доставили в одну из тайных крепостей Темного братства, которая располагалась на острове Манун, в водах Внутреннего моря; там ментальные способности священника были полностью блокированы специальными механическими устройствами. Находясь в безвыходном положении, Иеро попытался использовать другие диапазоны излучения своего мозга и в результате, поработив сознание атаковавшего его с помощью машины колдуна, совершил побег со страшного острова.

Вновь воссоединившись со своими спутниками, он продолжил исследование своей новой ментальной силы, одновременно обучая Лучар основам телепатии. Путешественники двигались все дальше на восток, но слуги Нечистого с ордами лемутов постоянно преследовали их. Наконец врагам удалось загнать маленький отряд Иеро в ловушку среди развалин полузатонувшего древнего города, и только появление нового союзника, чернокожего эливенера брата Альдо, спасло их от неминуемой гибели. Старый брат Альдо, член корпорации эливенеров, называемой также братством Одиннадцатой заповеди, владел удивительной властью над животными; он вызвал из темных морских глубин чудовищную рыбу, которая уничтожила преследовавший беглецов корабль Нечистого. Предложив священнику свою помощь, брат Альдо договорился с вольными торговцами, чтобы те позволили им переплыть Внутреннее море на их судне.

Адепты Нечистого продолжили погоню и потопили корабль у южного побережья. Иеро со своими спутниками, вместе с капитаном Гимпом и его командой, углубляется

в неизведанные южные леса; тут лежит их единственный путь к спасению, и тут, в развалинах древних городов, таятся сказочные устройства, за которыми его послали.

Преодолев опасности, подстерегавшие их в глухих дебрях джунглей, миновав владения странного, обитающего на деревьях лесного народа дриад, путники наконец добрались до территории, помеченной на старой карте, которую аббат Демеро вручил своему ученику. Не без помощи сообразительного медведя Иеро находит потайной ход, ведущий в огромный подземный комплекс; удивительная техника древних времен заполняет его.

Но прежде чем поиски священника увенчались успехом, в подземелье вступили отряды Нечистого. Запустив устройство полного самоуничтожения комплекса, путники быстро покинули его; с безопасного расстояния они наблюдали за тем, как гигантская масса земли после страшного взрыва погребла темных колдунов и их воинство. Однако компьютеры, находившиеся на подземной базе, были теперь навсегда потеряны для аббатств Метса.

И тут брат Альдо вручил Иеро старинные книги, которые нашла в подземелье Лучар, пока мужчины рассматривали покрытую пылью древнюю технику. Священник бросил взгляд на обложку первого томика, и радостная улыбка появилась на его губах — перед ним было руководство по проектированию компьютеров! Получив эти книги, аббатства наверняка смогут создать собственные вычислительные машины. Миссия Иеро завершена; ему остается только отправиться обратно на север и доставить драгоценную находку аббату Демеро.

Но старый эливенер уготовил ему иную судьбу.

На унылой, покрытой ночной темнотой равнине горели всего два небольших костра. Вокруг одного из них грелась компания морских бродяг; у другого — высокий темнокожий старик что-то негромко объяснял своим молодым спутникам.

— Я должен идти на север,— произнес брат Альдо, задумчиво уставившись в пламя костра,— посоветоваться с другими братьями. Сейчас, когда всем нам грозит гибель, мы уже не можем бездействовать и пассивно наблюдать за врагом. Я думаю, что теперь братство всеми силами должно противостоять надвигающейся на нас угрозе.— Печальные морщины проступили на лице эливенера, сразу выдавая его преклонный возраст.

Иеро сидел молча, наслаждаясь живительным теплом. По сравнению с обоими темнокожими спутниками его бронзово-красная кожа казалась совсем светлой в мерцающих отблесках пламени. Прямые черные волосы священника были коротко острижены, а ястребиный нос и гибкое жилистое тело наводили на мысль о его чисто индейском происхождении; однако на верхней губе Иеро красовались пышные, слегка закрученные вверх усы.

Лучар тихо дремала, положив голову ему на плечо, и он, нежно улыбнувшись, покрепче обнял ее за талию. Взглянув в сторону второго костра, священник отметил, что капитан Гимп о чем-то оживленно совещается со своей командой. Затем он рассеянно перевел глаза на темнеющую неподалеку лесную опушку. Интересно, чем занимаются сейчас Вайлэ-ри и ее странный народ? И увидит ли он ее еще раз?

Брат Альдо снова заговорил, и Иеро с некоторым усилием вернулся к ночной равнине и горевшим на ней кострам.

— Мы хорошо поработали, изрядно пощекотав Нечистому пятки и уничтожив немало его людей; более того — у нас теперь есть вот это.— Сухощавая рука эливенера потянулась к свертку с книгами.— Твоя миссия успешно завершена, пер Иеро Дистин. Но это вовсе не значит, что для такого опытного воина больше не осталось работы — ведь на юге зло вновь поднимает голову, и именно туда тебе и предстоит отправиться. Тебе и Лучар.

— А как же книги? — запротестовал удивленный священник.— Я должен как можно скорее доставить их в аб-

батства! А кроме того, я совершенно не знаю южных территорий. Даже сюда мне удалось добраться по чистой случайности!

Старый эливенер загадочно улыбнулся:

— Не волнуйся, сынок, твой аббат Демеро получит эти книги. Завтра утром они отправятся на север вместе со мной. Я знаю твоего наставника очень, очень давно...— Глаза старика насмешливо блеснули.— Как ты думаешь, кто попросил меня немного приглядеть за одним шустрым парнем? И почему я так быстро пришел на помощь тебе и Лучар, когда вы угодили в ловушку в затопленном городе, а?

Удивленный возглас застыл на губах священника. Теперь для него многое становилось ясным: значит, то было не совпадение и тем более не счастливое стечение обстоятельств — эливенер твердо знал, кого и когда он должен вытащить из смертельной ловушки. Стоило поразмышлять над вопросом, кому еще поручили немного приглядеть за ним.

По лицу молодого священника скользнула печальная усмешка.

— Мне полагалось бы раньше догадаться... Значит, его преподобие отец Демеро прятал в рукаве козырные карты, о которых не собирался мне говорить!

Брат Альдо довольно рассмеялся, но мгновением позже вновь стал серьезным.

— Итак, сын мой, завтра на рассвете я уйду на север, взяв Гимпа и его людей; возможно, мне удастся подыскать для них новый корабль. Горм тоже вернется в леса Тайга. Кстати, позови-ка его.

Иеро послал медведю импульс на его ментальной частоте, и вскоре мягкий бок Горма прижался к его спине.

«Кажется, никто так и не смог заснуть?» — мысленно вопросил медведь, поудобнее устраиваясь рядом с людьми и складывая передние лапы на брюхе.

Иеро неожиданно расхохотался:

«Зато ты, приятель, засыпаешь сразу, как только нам предстоит какое-нибудь серьезное дело!»

Он взглянул на Горма, в сотый раз поражаясь, как могли специалисты аббатств проморгать это загадочное лесное племя. Теперь он многое знал о Горме и не сомневался, что соображения у него не меньше, чем у человека. Видимо, медвежий народ предпочитал оставаться в тени, не слишком доверяя людям. Смерть в подавляющем большинстве случаев вызывала у животных странные или просто страшные мутации, но порой она творила и чудеса... Несомненно, одним из таких чудес промысла Божьего и была раса Горма.

«Ты хочешь, чтобы я отправился на север вместе с вашим старейшим?» — пришла его мысль.

Медведь уселся у костра с совершенно безмятежным видом; Иеро чувствовал, что его ментальный вопрос был спокойным и не искажался примесями отрицательных эмоций.

— Я совсем не хочу расставаться с тобой,— вслух произнес священник. Внезапно он понял, насколько уже успел привязаться к своему мохнатому другу; печаль омрачила его лицо. «Но брат Альдо считает, что тебе надо идти с ним и дать отчет старейшинам своего народа».

И тут, к удивлению священника, Альдо мысленно обратился сразу к ним обоим:

«Послушайте, дорогие мои. Ожесточенная борьба идет сейчас между силами зла и тем, что благословлено Богом и дорого каждому из нас. К сожалению, нам не известно, о чем говорят колдуны Нечистого на своих советах, но мое братство ведет наблюдение за его слугами на протяжении многих и многих веков, так что мы вполне представляем их главную цель: Нечистый стремится установить власть над всем миром! И, сделав это, он вновь вернет к жизни древнее зло — то зло, из-за которого в наш мир пришла Смерть! И поэтому все не отравленные ядом зла разумные существа — неважно, какого они племени — должны вместе противостоять надвигающейся угрозе и бороться с адеп-

тами Нечистого, где бы те ни появлялись. Сейчас тяжело придется небольшим королевствам на побережье Лантика, потому что власть темных сил там особенно велика. Потому-то я и прошу, чтобы ты, Иеро, отправился вместе с Лучар в Д'Алви и помог людям ее страны бороться с Нечистым. А ты, Горм, двинешься вместе со мной на север и расскажешь своим старейшим обо всем, что увидел и узнал. Ну как, устраивает тебя?»

Медведь ответил не сразу.

«Наверно, я просто обязан это сделать,— пришла наконец его мысль.— Я кое-что понял из того, о чем ты нам говорил... да, я должен вернуться, ведь именно за этим знанием старейшие моего народа послали меня в ваш мир. Я уже не могу больше спать».

Горм тяжело поднялся и с расстроенным видом заковылял прочь от костра. Скоро, словно опровергая его последнее заявление, из темноты снова послышалось негромкое посапывание.

— Ну вот,— брат Альдо усмехнулся,— теперь мы снова можем разговаривать вслух. А то мысленная речь что-то уж слишком быстро нас утомляет, верно?

Иеро, напротив, не находил тут ничего забавного.

— Предположим, аббат Демеро отпустит меня... Но что же, черт возьми, я буду делать на юге? Какую пользу я могу принести в стране, о которой ровным счетом ничего не знаю? Среди неведомого народа, не имея друзей... ну, за исключением, пожалуй, этой вот красавицы? — Он ласково прижался щекой к темным кудрям, беззаботно рассыпавшимся у него на плече.

Лучар широко раскрыла глаза, и священник внезапно заметил, что сон уже не гостит в них.

— «Среди неведомого народа, не имея друзей...» — насмешливо передразнила она.— Послушай, пер Иеро Дистин, разве ты забыл, кто я такая? Я — единственная дочь Даниэла Девятого, короля Д'Алви! А ты — мой супруг! В моем королевстве ты будешь принцем с далекого севера. Так что не беспокойся, тебя примут с восторгом и должными почестями.— Девушка лукаво взглянула на брата Альдо.— К тому же в нашей стране много эливенеров, правда? Я сама часто видела, как они помогают крестьянам... Значит, без друзей мы не останемся. И у нас есть Клоц!

Лучар тихонько свистнула, и массивное туловище лорса немедленно выросло у нее за спиной. Мелкие камушки негромко похрустывали под его огромными копытами. Большая голова Клоца низко опустилась, и его широкий мягкий нос словно мимоходом погрузился в темные волосы девушки. Убедившись, что вокруг все в порядке, лорс спокойно замер, ожидая, когда же ему объяснят, зачем он понадобился людям.

После Смерти, когда человечество начало опять приходить в себя, обнаружилось, что все лошади на американском континенте, не сумев приспособиться к повышенному уровню радиации, вымерли. В те времена аббатства, испытывавшие острую нужду в новой породе верховых животных, начали проводить широкие генетические эксперименты в этой области, пока не выяснилось, что лучшей заменой исчезнувшим лошадям являются мутировавшие потомки диких лосей. Замена оказалась на редкость удачной — лорсы прекрасно уживались с людьми, несмотря на некоторую капризность нрава. Иеро и Клоц, впервые познакомившись друг с другом на церемонии раздачи маленьких телят новым хозяевам, с тех пор больше не расставались.

«Интересно, как ему понравится на юге,— вздохнул про себя священник.— Кажется, там нет животных, похожих на Клоца. Не будут ли люди бояться его?»

— Ну вот еще! — Лучар похлопала лорса по ноге.— Наоборот, им станут восхищаться, и почтение к тебе от этого только возрастет!

Поднявшись, священник принялся легонько почесывать огромные разлапистые рога Клоца, отделяя шелушащуюся нежную кожицу. В тех местах, где это мощное оружие еще недостаточно затвердело, он мог чувствовать, как под пальцами пульсирует кровь. Лорс, обожавший такие

процедуры, привалился к плечу Иеро и прикрыл от удовольствия глаза.

Используя возникшую при этом паузу, брат Альдо снова перешел в наступление, выложив свой последний и совершенно непобиваемый довод:

— Давай-ка вспомним, что тебе уже удалось сделать в совершенно незнакомой стране и с помощью лишь тех друзей, которые встретились по пути: ты спас нашу юную принцессу, переплыл Внутреннее море и уничтожил не один десяток злейших врагов. Ну а кроме того, ты успешно выполнил свое задание — необычайно трудное, если не сказать, вовсе безнадежное.

— Ты сделал то, что до сих пор никому не удавалось,— вступила Лучар, как только Альдо умолк, чтобы немного перевести дух,— ты победил этого ужасного С'дану, главаря их Голубого круга. Теперь ты можешь спокойно отправиться на юг и помочь людям моего королевства биться с Нечистым.

Иеро погрузился в любимые глаза, и сердце сладко защемило от переполнявшей его нежности. И все же — одобрил бы аббат Демеро этот шаг? Перед мысленным взором священника возникло усталое, покрытое сетью морщинок лицо наставника. И вдруг он понял, что это лицо, обычно мрачное и озабоченное, приветливо улыбается ему. Вещий знак? Он быстро отбросил эту бредовую идею, но потом призадумался. Вполне возможно, что он принял сейчас неясный отголосок направленной ему мысли. Иеро поднял голову и улыбнулся сгорбившемуся у костра эливенеру — еще одному мудрому учителю, которому пришлось выйти на тропу войны лишь по той причине, что он слишком любил мир.

— Ну что ж,— медленно произнес он,— ты говоришь, что слегка знаком с аббатом Демеро? Тогда замолви ему за меня словечко; я ведь совсем не хочу быть публично проклятым и отлученным от церкви за своеволие.— Иеро пожал плечами.— А теперь, думаю, нам стоит присоединиться к Горму и немного поспать — ведь Лучар, Клоцу и мне завтра тоже предстоит нелегкая дорога.

Глава 1

КОРОЛЕВСТВО ВОСТОКА

Золотые лучи восходящего солнца струились в узкие проемы окошек дворцовых покоев. Где-то далеко задорно ударил гонг, возвещая, что в великом и могущественном королевстве Д'Алви снова наступил день. Постепенно весь воздух заполнился звенящими звуками, потому что стража на стенах дворца и патрули на мостах и крытых подвесных дорогах отвечали главному гонгу, колотя в свои собственные небольшие металлические кругляши. И теперь казалось, что в огромном городе содрогается, звучит и вибрирует каждая улочка, каждый дом, каждый кусок камня. Иеро сел в постели, широко зевнул и, чуть слышно выругавшись, заткнул пальцами уши, чтобы хоть как-то защититься от этого сумасшедшего грохота.

— Ты делаешь так каждое утро,— послышался из-за спины голосок Лучар.— А я думала, что за то время, что мы прожили здесь, ты привыкнешь к гонгу.

Иеро протер глаза и, обернувшись, увидел, что его принцесса, уже успевшая принять ванну и облачиться в один из своих повседневных нарядов, сидит у зеркала, покрывая губы и брови какой-то блестящей синеватой пастой — писк последней моды при дворе. Священник только мрачно скривил рот, но вдруг, не удержавшись, громко и презрительно фыркнул.

Она проследила за его недовольным взглядом и весело расхохоталась:

— Ну не будь же таким занудой, дорогой! Когда мне приходится развлекать придворных дам за завтраком, то нужно выглядеть принцессой. Кстати, а что так задержало тебя прошлой ночью? Опять беседовал с нашим верховным жрецом?

— Угм-м...— На подносе рядом с кроватью обнаружился завтрак, и Иеро, не теряя времени, принялся за еду.— Старый Маркама вполне подходит для этой должности, но, Боже мой, что вообще случилось с церковью и рели-

гией в вашей стране? Целибат священников! А чего стоят эти так называемые монастыри, куда благородные дворяне посылают своих незаконнорожденных отпрысков! И зачем? Чтобы те провели всю жизнь в молитвах или, на худой конец, рисуя какие-то дурацкие картинки, но опять-таки — в целомудрии! У меня такое впечатление, что Нечистый здесь уже добился своего — заставил людей сойти с ума! — Лицо его внезапно стало совсем серьезным.— И что хуже всего, это может на самом деле оказаться правдой.

— Милый! — Лучар встревоженно всмотрелась в его глаза.— Я знаю, ты твердо уверен, что Нечистый затаился в моей стране... даже в этом городе... Может быть, ты прав. Но пока ты не нашел ни малейших доказательств — только нескольких людей, разум которых тебе не удалось прочесть. Но ты же сам говорил, что многие просто имеют природную защиту, дар скрывать мысли за ментальным щитом, и что они могут даже и не подозревать о своих способностях.

Вздохнув, Иеро сменил тему разговора, и они немного поболтали о большом королевском бале, который состоится сегодня вечером. После того как Лучар отбыла исполнять свои придворные обязанности, священник, по-прежнему кряхтя и вздыхая, вылез из постели и, натянув кое-какую одежду, спустился в сад, окружавший обширное крыло дворца.

Несмотря на то что у Иеро действительно не имелось никаких объективных причин для беспокойства, он все время чувствовал, что во дворце замышляется нечто ужасное, отвратительное. Отсюда бил такой мощный поток злобы и ненависти, что скрыть его от человека, не раз общавшегося со слугами Нечистого, просто не представлялось возможным.

И все же тут обращались с ним очень хорошо — когда они с Лучар верхом на Клоце возникли перед главными воротами города, стражники, отсалютовав, сразу пропустили их внутрь, а часом позже его уже представляли самому Даниэлу Девятому, мудрому и справедливому властителю королевства Д'Алви.

К своему удивлению, священник скоро обнаружил, что ему, как ни странно, нравится этот Даниэл Девятый, а король, словно угадав его расположение, тоже не скрывал, что доволен выбором дочери.

Крупная мускулистая фигура Даниэла кое-где уже начинала покрываться жирком (ведь его величеству недавно стукнуло пятьдесят), но все еще вызывала ощущение красоты и силы. Его темные вьющиеся волосы плотной шапочкой прилегали к голове, а на симпатичной открытой физиономии курчавились внушительных размеров усы и борода. Разодетый в умопомрачительные одежды ярчайших расцветок и с ног до головы увешанный драгоценностями, король тем не менее всюду таскал с собой огромный двуручный меч с гладкой и лишенной каких бы то ни было украшений рукоятью. Как Иеро и ожидал, рукопожатие такого монарха оказалось сильным и твердым.

Неужели за этой благообразной внешностью таился коварный и жестокий правитель, чья единственная дочь предпочла скрываться в джунглях, лишь бы избежать той блестящей партии, которую устроил для нее честолюбивый отец, наверняка обеспокоенный лишь тем, какую пользу ему удастся извлечь из столь важного политического мероприятия?

Однако священник недолго терзался такими мыслями — при первом же личном разговоре король сам поспешил прояснить ситуацию. Присев на край гранитного парапета, обрамляющего одну из террас дворца, они грелись на солнышке и негромко беседовали друг с другом. Где-то в тени, достаточно далеко, чтобы услышать их тихий разговор, стояли вездесущие охранники, пристально наблюдая за королем и своим новым принцем.

— Послушай, Иеро.— Даниэл нахмурился.— Я, конечно, представляю, что тебе рассказала Лучар об этом злополучном браке с Эфраимом, но, понимаешь, весь мой совет, включая высших жрецов, требовал его заключения. И что же мне, по-твоему, оставалось делать? Видит Бог, государству нужны надежные союзники, а Чизпек... Ну,

Чизпек — это Чизпек. Эфраим боится меня, и я надеялся, что смогу его контролировать, чтобы он не причинил девочке вреда. Однако репутация этого подонка всем хорошо известна, и Лучар в том числе, черт возьми! Естественно, мне не хотелось отдавать дочь в такие руки; что ж, порой оказывается, что быть королем не слишком приятно. Тем более когда мой единственный сын и наследник мертв...— Король бросил на Иеро печальный взгляд и тяжело вздохнул.

— Понимаю,— тихо отозвался священник,— королевство прежде всего.— Сейчас он невольно восхищался мужеством властителя Д'Алви. Да, этот король действительно обладал мужеством, если нашел в себе силы извиниться за поступок, являвшийся, по сути дела, просто очередным, пусть даже очень важным, политическим решением.

Иеро понимал Даниэла и разумом, и сердцем. В этой стране у него пока не возникло проблем по части общения — в том числе и связанных с языком. Он обладал врожденной восприимчивостью к чужой речи и за время совместного путешествия с Лучар успел перенять говор ее родного народа.

— Что же теперь сделает Эфраим? — Иеро пришлось-таки задать вслух этот вопрос.

Жрецы Д'Алви, восхищенные его ментальными талантами и знанием древней истории, успели рассказать ему многое, а еще больше он узнал, используя мысленное зондирование, но из этических соображений ему не хотелось подвергать мозг короля подобной процедуре. И в то же время Иеро нужно было скорее разобраться в замыслах этого человека, в том, насколько способности и власть короля помогут ему успешно завершить новую миссию.

— О, не беспокойся о нем.— В голосе Даниэла звучала уверенность.— Сначала он, конечно, побушует, но потом утихомирится и сделает все так, как скажут ему священники, когда он явится за отпущением грехов. А сделать это ему придется сразу, как только он замордует еще одну молодую рабыню.— Король испытующе поглядел на

Иеро.— Ведь ты, мальчик мой, тоже как-то связан с Универсальной церковью, да? Интересно, в вашей стране дворянам удается держать священнослужителей в узде? Или у вас все так же, как и здесь? Ведь главная моя задача в Д'Алви всегда заключалась в том, как бы не потерять власть, не допустить, чтобы она попала в их руки... И я думаю, в этом деле ты можешь оказаться мне очень полезным.

Что ж, достойное предложение... Иеро вновь задумался. Король, по-видимому, и в самом деле не ловкач и не интриган; он просто прямой и честный старый солдат, который, сев на трон, вдруг обнаружил, что окружают его, в основном, одни льстецы и подхалимы.

— Мы почти не сталкиваемся с такими проблемами.— Священник предпочел пока что уклониться от прямого ответа.— Большинство наших дворян занимается не склоками, а охраной границ от орд Нечистого, а каста жрецов, наряду с благородным сословием, признана вторым столпом, поддерживающим здание государства. Ведь в наш Высокий совет входят не только знатные вельможи, но и наиболее уважаемые представители духовенства.— Это было ложью только наполовину, так как Совет аббатств действительно существовал. Другое дело, что король еще не в состоянии переварить тот факт, что в республике Метс вообще нет никаких знатных вельмож.

— Ну, ладно.— На полных губах Даниэла заиграла чуть заметная улыбка.— Я, правда, не верю, что вы не имеете каких-то своих секретов управления, но суть не в этом. Просто я хочу сказать, что чертовски доволен, что у меня появился новый родственник — неважно, принц он или не принц. Наверное, это прозвучит странно, но я очень люблю свою дочь и мне отрадно видеть ее счастливой. Но более того,— он нагнулся и легонько потрепал Иеро по колену,— мне думается, ты еще нам послужишь — и старому королю Даниэлу, и всему Д'Алви.

Король поднялся и, хлопнув на прощание Иеро увесистой дланью по плечу, заспешил вниз по террасе. После этого разговора священнику пришлось признать, что он

немного ошибся в своей оценке — лукавый монарх был совсем не так прост, как могло показаться на первый взгляд.

Затем начались похожие встречи с другими сановниками королевства. Маркама, верховный жрец Д'Алви, произвел на Иеро впечатление порядочного и достойного человека, который вполне мог бы обладать властью поистине безграничной, имей он к этому хоть какую-то тягу. К сожалению, святой отец видел в обрядах жрецов только их внешнюю сторону, а посему не слишком поощрял занятия чистой наукой. Однако, несмотря на все это, его ни в коем случае нельзя было считать врагом; наоборот, Маркаму до глубины души восхищали обширные познания Иеро — как по части церковных обычаев, так и относительно Нечистого и его слуг, которых он боялся и ненавидел.

Большинство административных дел находилось в ведении Джозато, жреца, по рангу уступающего только Маркаме, тощего, бесцветного, постоянно с рассеянным видом таскавшего с собой огромные кипы каких-то свитков. Иеро не нашел в нем ничего необыкновенного — за исключением того, что разум Джозато был скрыт непроницаемым ментальным щитом, а с этим фактом приходилось считаться. Возможно, под пышными одеяниями главного счетовода королевства скрывается маленький голубоватый медальон? Конечно, как и предполагала Лучар, экран может быть совсем невинного свойства — врожденные способности, например, или длительные тренировки, техника которых не была здесь окончательно забыта. А поскольку определить природу сил, связанных с этим ментальным щитом, не представлялось возможным, Иеро мог только внимательно следить за Джозато. Хотя, пожалуй, лучшим выходом из положения было б заставить его раздеться.

Все еще пребывая в тяжких раздумьях и устав от бесцельного шатания по садовым дорожкам, священник направился к королевским конюшням. В этом городе оказалось слишком много людей, разум которых не поддавался его вмешательству; значит, за ними тоже нужно внима-

тельно наблюдать. Взять хотя бы молодого графа Камила Гифтаха. Обходителен, учтив, знатен и богат. Будучи одним из лучших полководцев королевства, несколько раз предлагал Лучар руку и сердце, но получал отказ. Граф ведет себя вполне дружелюбно, но взгляд его беспокойных глаз столь часто останавливался на новоиспеченном принце, что это поневоле заставляло его нервничать.

И все-таки Иеро удалось отыскать себе настоящего друга. Глава здешних эливенеров, заранее извещенный о его появлении по каким-то известным лишь брату Альдо каналам, сам быстро наладил контакт со своим новым союзником. То, что Митраш оказался вдобавок еще и лейтенантом дворцовой стражи, пошло только на пользу делу — днем и ночью он мог находиться в любых сколь угодно секретных помещениях дворца, не вызывая при этом никаких подозрений. Несмотря на уже солидные годы и поредевшую шевелюру, атлетическая фигура эливенера излучала силу и уверенность.

Однако после недолгого совещания с лейтенантом Иеро убедился, что тот мало чем сможет ему помочь — Митраш не был таким могучим мастером ментальной силы, как брат Альдо. Простой солдат, честный, исполнительный, поставленный братством на роль наблюдателя во дворце, он, обеспокоенный тем незаметным разложением, что охватило всю страну, искренне стремился оказать Иеро поддержку — и оказывал ее по мере своих скромных сил. Главное заключалось в том, что Митраш имел много полезных знакомств в городе и мог, если потребуется, связаться с другими членами братства, хотя в большинстве случаев это требовало времени, и подчас немалого. У него тоже оказался защищенный разум, что в данной ситуации было весьма кстати. Жаль только, что Иеро пока не удалось сделать его командиром своей личной охраны; тем не менее Митраш старался держаться поблизости и в случае чего сумел бы защитить Лучар, если с ее супругом вдруг что-то произойдет.

Впереди показались конюшни, и Иеро невольно прибавил шагу — нужно проведать Клоца и своего нового скакуна, хоппера-попрыгунчика Сеги.

Огромный лорс обрадованно терся об него носом, пока восхищенные грумы медленно и осторожно выводили его из стойла. Никто в Д'Алви не слышал о таком могучем рогатом звере, впечатляющая внешность которого поневоле внушала благоговение и страх, автоматически распространявшиеся и на его всадника. Прекрасно об этом зная, Иеро старался использовать любую возможность, чтобы покрасоваться на спине лорса перед толпой, собиравшейся при каждом их выезде на городские улицы.

Вслед за лорсом грумы вывели Сеги, при появлении которого Клоц громко заревел от ярости. Если бы огромному быку удалось как-нибудь оказаться с хоппером наедине, он бы непременно стер беднягу в порошок; созерцать своего хозяина на спине другого скакуна — такое зрелище отнюдь не тешило его самолюбия. Сеги, казалось, был хорошо осведомлен о чувствах, питаемых к нему Клоцем, и потому старался держаться подальше от своего бешеного компаньона.

Прыгуны являлись повсеместно используемыми в королевской гвардии верховыми животными — еще одна удачная находка взбесившейся эволюции. Смышленые и дружелюбные, они отлично заменили исчезнувших лошадей. Сеги, усевшись на свои мускулистые задние лапы и похожий на подушку короткий пушистый хвост, принялся охорашиваться. Его маленькие передние лапки усердно приглаживали густой мех на груди и на животе, а огромные вытянутые уши забавно поворачивались то в одну, то в другую сторону. Наконец Сеги оказался удовлетворен своим внешним видом; он последний раз провел лапами по белому брюшку и выпрямился во весь рост — лучший скакун королевства, свадебный подарок короля Даниэла своему зятю.

Иеро ничего не знал о возможных предках хопперов, что не мешало ему наслаждаться ощущением полета, возникающим при скачке на этом животном. С большим энтузиазмом он принялся изучать всевозможные приемы езды на прыгунах, которые являли собой фантастическое зрелище для любого хоть сколько-нибудь знакомого с кавалерией человека. Сбруя Сеги состояла из уздечки и тяжелого седла почти прямоугольных очертаний, крепившегося на спине с помощью широкого прочного ремня. Вместо стремян ноги всадника вставлялись в жесткие кожаные футляры, свисающие по бокам седла и стянутые еще одним ремнем поменьше, который, очевидно, заменял подпругу. Поначалу Иеро с трудом удавалось высвобождаться изо всей этой кожаной упряжи, но после нескольких недель серьезных упражнений он смог в полной мере оценить предназначение этих неудобных на первый взгляд футляров и высокой спинки седла.

Все дело в том, что самый обычный хоппер — а Сеги все-таки являлся одним из лучших — прыгает с места на расстояние не менее пятнадцати ярдов, и, чтобы удержаться у него на спине, нужно быть экипированным по всем правилам. Кроме того, можно отрабатывать прыжки не только в длину, но и в высоту, при этом хвост хоппера служит отличным рулем. При скачке «в полный мах» такой длинноухий жеребец движется гигантскими прыжками и с головокружительной скоростью. Священник не раз, затаив дыхание, наблюдал за тренировками эскадрона королевских кавалеристов. Двигаясь слаженно, будто часовой механизм, всадники взлетали вверх, перегруппировывались в воздухе и опускались на землю все в том же идеальном порядке, нигде не нарушив рядов и не поломав строя. А потом — снова вверх, не задерживаясь ни на секунду, пока маленький медный рожок не протрубит остановку. Грозные пики кавалеристов то легко покачивались в салюте, то вдруг стремительно, одним плавным движением, брались на изготовку. И поэтому, будучи сам столь же превосходным воином, Иеро не мог не восхищаться искусством езды и слаженностью маневров солдат Даниэла. Да, имея соединение таких всадников в качестве легкой кавалерии, да еще в придачу батальон поддержки, состоящий

из опытных киллменов на огромных лорсах, можно было, ничего не опасаясь, лезть в любые джунгли!

Так что в конюшнях он бы с радостью пропадал днями и ночами, не будь у него множества других забот, также требовавших времени. Но пару часов в день Иеро обязательно проводил на тренировочной площадке, усердно занимаясь под руководством опытного сержанта. Правда, этим занятиям зачастую мешал Клоц — его отнюдь не приводил в восторг вид того, как его хозяин, устроившись на спине Сеги, выписывает в воздухе изящные пируэты.

Скорость, с которой их новый принц ухитрился приноровиться к своему скакуну, одновременно и удивляла и радовала его инструкторов.

Конечно, они не могли знать, что бесконечные часы утомительных тренировок ему заменяет прочный телепатический контроль над животным — Сеги, как и предполагал Иеро, оказался весьма смышленым в этом плане и прекрасно реагировал на мысленные команды. Однако и он не сразу притерпелся к своему малоопытному седоку.

Покончив с занятиями, Иеро обычно выезжал куда-нибудь верхом на Клоце, стараясь обязательно проехать по городским улицам. Задавая огромное количество вопросов и чутко прислушиваясь к мысленной реакции своих собеседников, он ухитрился собрать массу полезной информации о стране, в которой теперь ему предстояло жить. Он также предпринял небольшое путешествие на побережье, чтобы насладиться незабываемым зрелищем покрытого белыми барашками волн Лантического океана; тихо шурша, они накатывались на пустынный пляж, окаймленный невысокими зелеными холмами. Ему в голову пришла мысль, что, возможно, он первый, кому довелось увидеть и великий океан востока, и не менее великий западный океан. Где-то там, за этой непреодолимой водной гладью, лежала легендарная Европа — колыбель человеческой цивилизации и праматерь истинной Церкви, уже несколько тысячелетий оторванная от своих детей, обитающих на далеком американском континенте.

Иеро ритмично покачивался на широкой спине Клоца, пока его скакун, несмотря на эскорт из четверых охранников на прыгунах, с трудом прокладывал себе путь по запруженной народом улице. Завидев принца, люди стаскивали головные уборы и почтительно кланялись.

Он и в самом деле выглядел как принц — разодетый в багряно-красный шелковый жилет и такого же цвета килт с золотым шитьем, обутый в мягкие кожаные сапожки и теребящий в руках изящного покроя перчатки для верховой езды. Любимый короткий меч Иеро, как обычно, висел за спиной, но только теперь уже на отличном кожаном ремне с огромной золотой пряжкой. И довершала этот великолепный наряд небольшая золотая корона, поместившаяся поверх маленькой шапочки, кокетливо сидевшей на голове священника. К шапочке крепилось белоснежное перо дикой цапли, заколотое усыпанной бриллиантами брошью редкостной красоты. Жителям королевства нравились яркие цвета его одежд, а в особенности слухи о невероятных приключениях принца на севере, уже давно ходившие по всему городу.

Галантно раскланиваясь в ответ на приветствия толпы, Иеро, забросив свой ментальный щуп, пытался определить, за чьей белозубо улыбающейся физиономией, на каком балконе, готовом рухнуть под кучей восторженно вопящих горожан, за каким распахнутым настежь окном могут скрываться сейчас его недруги. Священник нисколько не сомневался в том, что они прячутся где-то здесь и еще более опасны из-за того, что не видны. Легонько пробежавшись по мыслям окружающих его людей, Иеро, как и предполагалось, не уловил и тени недовольства по отношению к своей персоне, за исключением мыслишек уличных попрошаек и некоторых представителей благородного сословия. Ну что ж, все так должно быть...

«Куда же они подевались, мальш? — обратился он к Клоцу, осторожно переступавшему по булыжникам древней мостовой, покрытой скользкими и вполне свежими на вид помоями.— Ведь они здесь, приятель, уж это точно! Как

нам найти их, как выкурить из нор, пока они не окрепли и не добрались до нас первыми?»

Хохочущая, едва одетая девица выкрикнула какую-то шутку насчет скорого появления наследника трона, и Иеро, остановив своего скакуна, пожал плечами. Люди вокруг просто ревели от хохота. И все-таки даже в столь гостеприимной обстановке он ни на секунду не позволял себе утратить бдительность. Да, его враг умен, но все совершают ошибки! И если внимательно наблюдать за происходящим и не расслабляться, если Лучар, как он учил ее, станет делать то же самое, то рано или поздно противник допустит оплошность и обнаружит себя. Именно так все и кончится!

А наблюдать, вообще говоря, было за чем. Иеро перевел взгляд на пересекавшую площадь группу мужчин в белоснежных одеждах и зеленых приплюснутых шапочках. Му'аманы... О них он знал только, что они поклоняются какому-то другому богу, не Иисусу Христу, а еще весьма почитают Луну. Жили они в юго-западной части королевства и в столице показывались редко, предпочитая тихо и мирно пасти свои стада, славившиеся по всему побережью. По каким-то непонятным причинам му'аманы презирали длинноухих попрыгунчиков, и никого из них не удавалось усадить на этих добродушных животных. Зато они сами превосходно бегали, стреляли из лука и отлично владели мечом — недаром лучшие полки легкой пехоты королевства всегда набирались из му'аманов. Подоткнув белые хламиды, они могли бежать за своими коровами хоть целые сутки.

Несмотря на столь обособленный образ жизни, их лояльность никогда не подвергалась сомнению. Если не принимать во внимание странную одежду, му'аманы выглядели так же, как любые другие жители Д'Алви — такие же темнокожие, с шапочками курчавых, плотно прилегающих к голове волос. Они приветствовали его, когда он подъехал поближе, но в их жестах уважения не было низкопоклонства; наоборот, их черные глаза внимательно оглядывали

его необычного скакуна и вооружение, почти не задерживаясь на красивой одежде и золотых побрякушках.

Вслед за му'аманами навстречу Иеро двигалась длинная процессия крикливо разодетых торговцев — видимо, только что прибывших из южных областей страны; на их лицах и просторных халатах ярких расцветок толстым слоем осела дорожная пыль, а кое-где проступали и кровавые пятна — признак того, что путешествие прошло не совсем гладко. Священник воздержался от зондирования их мыслей — ведь все и так станет ему известным; как и любые другие путники, прибывающие в город, купцы будут обязаны предстать перед придворным летописцем, чьей обязанностью являлось знать обо всем, что происходит в королевстве.

На пропыленных одеждах у многих из них Иеро заметил шестиконечные звезды — знак давидов, еще одной странной религиозной секты, чьи поклонники обосновались в этом государстве. Давиды жили и в самом городе; как и му'аманы, они почти не отличались внешне от остальных его обитателей и занимали все ступеньки социальной лестницы — от нищих и бедняков до богатых торговцев и нобилей. И верили они вроде бы в того же самого бога, только не признавали ни его мессию, ни пророков, а их священники вели свои службы по каким-то таинственным книгам, глядеть на которые позволялось лишь единоверцам. Несмотря на то что многие семейства му'аманов и давидов уже многие годы состояли при дворе, вели они себя очень замкнуто, и их юноши редко женились на девушках-христианках. Все же Лучар и король Даниэл верили им безоговорочно. «Хотел бы я доверять своим собратьям во Христе так же, как верю им»,— частенько говаривал король. Когда Иеро поближе познакомился с делами государства, его совсем не удивило, что в королевской гвардии и среди стражников вдруг оказалось необычайно много представителей этих племен.

Улица впереди сужалась, и в просвете между домами показался один из часто встречавшихся в городе мостов,

как обычно, защищенный с обеих сторон толстыми каменными стенами. Такие мосты перекидывали через многочисленные каналы, струившиеся вдоль городских улиц и спешившие затем слиться в дюжину сонных речушек, несущих свои воды к Лантическому океану. Подъехав поближе, Иеро в очередной раз убедился, что внушительные каменные стены, прикрывавшие мост и прилегающую к нему улицу, являлись отнюдь не бесполезными украшениями. На один из толстых металлических штырей, вмурованных в каменное ограждение моста, была наколота уродливая, забрызганная кровью голова какой-то рептилии, оскалившая два ряда огромных, заостренных, словно кинжалы, зубов. Увидев ее, Клоц, всхрапнув, неуверенно переступил копытами по окровавленным булыжникам мостовой.

— Это грантер, ваша светлость.— Заметив его замешательство, один из охранников мгновенно оказался рядом.— И здоровый, надо сказать! Пару раз я слышал, как они ревут на болотах,— от их воплей можно оглохнуть! Вообще-то, лет десять-пятнадцать назад их было совсем немного; но если дело пойдет так дальше, боюсь, нам скоро придется строить новые стены.

— Они годятся на что-нибудь? — поинтересовался Иеро.— Вид-то у него, прямо скажем, не слишком аппетитный.

— Ну, мясо неплохое на вкус, хотя его приходится долго вымачивать, а из шкуры получаются отличные щиты. Не знаю, правда, что с ними делают крестьяне — наверное, просто уничтожают, ведь даже небольшой грантер, в три раза меньше этого страшилища, может запросто утащить ребенка. А уж как они расправляются со скотом — костей не соберешь! Так что если в деревне нет колодца, вода становится серьезной проблемой.— Охранник поморщился.— Я сам когда-то потерял маленького племянника. Мы плыли на барже; парнишка утром открыл люк и высунулся наружу, тут грантер его и прихватил. А теперь эти твари уже и городе кишат, и с каждым годом становится все хуже и хуже.

Задержав взгляд на выпучившей остекленелые глаза голове рептилии, Иеро призадумался. Очевидно, охранник рассказал ему только о следствиях. Что же тогда может быть причиной? Ведь из-за участившихся в городе нападений грантеров и прочих не менее смертоносных водяных хищников посты охраны на мостах и вдоль каналов пришлось удвоить. Нет сомнений, что колдуны Нечистого имеют какие-то возможности, чтобы направлять в столицу Д'Алви целые орды голодных тварей вроде грантеров или еще похуже. Более того — это как раз в их стиле: запланировать незаметную, но приносящую ощутимый вред акцию. Ведь это прекрасный способ потихоньку ослабить государство! А зачем? Затем, что тогда легче будет развязать в нем настоящую войну... Да, над этим фактом стоит еще раз внимательно поразмыслить!

Вместе со своей маленькой свитой Иеро пересек мост и отправился дальше, кружа и петляя по городским улочкам. После обеда ему нужно будет проверить посты охранников; к тому же оставались еще эти бродячие торговцы с юга. Королю Даниэлу пришлось весьма по вкусу то, что его зять проявляет искренний интерес ко всем государственным делам, и теперь он старался любое решение принимать, лишь посоветовавшись с Иеро. Священник покачал головой — как он мог забыть! — ведь сегодня вечером состоится большой королевский бал, на котором Даниэл наверняка представит принца всему высшему сословию страны.

Тонкие губы Иеро изогнулись в ухмылке — подумать только, Лучар заставила его брать уроки танцев! К счастью, с его врожденным чувством ритма и кое-каким музыкальным образованием, полученным еще дома, местные пляски не составляли для него труда. Тем более что огорчать свою милую женушку ему тоже не хотелось.

Он выехал на площадь, постоянно кивая и прикладывая руку к шапочке в ответ на звучащие отовсюду приветствия. Затем Иеро повернул голову направо, и широкая улыбка расплылась по его лицу — с другой стороны площа-

ди показался бешено мчащийся хоппер, на спине которого с небрежной грацией восседала гибкая тонкая фигурка в ярком одеянии. Прыгун в последний раз взлетел над головами перепуганных крестьян и, тяжело дыша, приземлился в футе от флегматичной морды Клоца.

— Мой привет достойнейшему принцу из далекой страны ледяных драконов.— Под алым тюрбаном сияло веселое лицо молодого наездника.

Герцог Амибал Аэо, доводившийся Лучар троюродным братом и всего неделю назад прибывший в столицу королевства Д'Алви, успел уже стать любимцем Иеро — впрочем, как и всего города. Сын покойного двоюродного брата короля в свои неполные восемнадцать лет предпочитал вести веселую жизнь, беззаботно принимая знаки внимания, что полагались его высокому титулу. И хотя мягкую нежную поросль на верхней губе Амибала еще никак нельзя было назвать усами, парень отнюдь не считался молокососом. Когда ему надоедало со страшной скоростью гонять на хоппере по лабиринту дворцового парка, он отправлялся на реку — поохотиться на тамошних обитателей с маленького одноместного каноэ. Несмотря на столь юный возраст, за молодым герцогом тянулась длинная цепочка разбитых девичьих сердец, а по части употребления крепких напитков он легко мог заткнуть за пояс даже поседевших в боях армейских ветеранов. Иеро быстро понял, что за кажущимся легкомыслием Амибала скрывается нечто большее — в его весело поблескивающих глазах светился недюжинный ум, а в чертах лица, еще по-детски округлых, уже проступали резкие сильные линии. Без умолку болтая, Амибал пристроил своего скакуна рядом с Клоцем, и они вместе двинулись вперед по площади. Из одежды на молодом герцоге были только широкий алый килт и короткие сапожки, а тонкий изогнутый меч и кинжал, прицепленные к поясу, ничуть не портили впечатления радостной беззаботности, исходившей от его стройной фигуры.

— Ну что, все уже готово к большому балу, а, Иеро? — Амибала просто распирало от удовольствия.— Погоди, погоди, ты увидишь, какой костюм я себе приготовил! Я покажу этим стареющим придворным бездельникам, как должен выглядеть настоящий принц крови! Надеюсь, что и вы с Лучар наденете что-нибудь этакое... чтобы у них глаза на лоб повылазили! Хотя за нее-то я не беспокоюсь... я тревожусь за тебя, неряха-северянин. Я слышал, гвардейцам пришлось немало потрудиться, чтобы вытащить тебя из тех отвратительных кожаных доспехов, в которых ты здесь появился.

— Мы будем в костюмах супружеской пары из моей страны,— вымолвил Иеро, глядя прямо перед собой.— Белые льняные туники без рукавов и поясов, похожие на саван, и без всяких украшений,— по приметам, это отпугивает злых духов.

Надувшись, Амибал слегка повернул прыгуна, чтобы поймать букет цветов, который бросила ему с одного из балконов симпатичная девушка. Один цветок он пристроил за ухом, а все остальные зарыл в пушистый мех своего скакуна. При виде широкой ухмылки на физиономии священника озабоченность мигом слетела с его лица. Юноша разразился потоком беззлобных проклятий, но потом, не удержавшись, расхохотался:

— Черт бы тебя побрал! Такой каменной рожей можно задурить кого угодно! Но все-таки скажи мне, что вы наденете? Ты ведь знаешь, это будет бал-маскарад, по старой традиции, оставшейся еще с тех пор, когда многие вельможи надевали на балу маски, опасаясь наемных убийц. Ну, давай же.— Амибал нетерпеливо заерзал в седле.— Я никому не проболтаюсь, честное слово!

— Еще не знаю. Лучар сказала, что я обязан поразить всех своим нарядом, но к тебе, видимо, это не относится. Пожалуй, я буду в костюме синюка, шелковом с золотой полоской,— будь я проклят, если соглашусь надеть что-нибудь более хитрое! — а Лучар ни за что не покажет мне свое карнавальное платье. У вас, болотных жителей, просто какая-то мания по части одежды. Кажется, любой из вас скорее согласится голодать и жить под дырявой кры-

шей, чем выйти на улицу без кружевных штанов, расшитого золотом плаща или чего-нибудь в том же духе.

Молодой герцог не пытался возражать.

— Это просто говорит наша горячая южная кровь. Боюсь, что вы, холодные северяне, никогда не сумеете нас понять...— Впереди показались главные ворота дворца, рядом с которыми маячили крохотные фигурки стражей.— Значит, оденешься синюком... Ну что ж, прекрасный выбор! Экзотика! Эти синюки — странный народец... Говорят, они позаимствовали синий цвет кожи от зловещего сияния мертвых песков в пустынях Смерти, рядом с которыми живут. А еще ходят слухи, что они могут чувствовать невидимую радиацию и заблаговременно обходят те места, где она сохранилась.

Иеро вернул стражникам салют и перевел Клоца с легкой рыси на шаг. Что-то подсказало ему, что пока не стоит хвастаться юному Амибалу, что он умеет избегать опасных мест не хуже синюков. Он снова осторожно прощупал мозг юноши и убедился, что ментальный щит Амибала все так же непроницаем. Да, мысленный экран у парнишки ничуть не хуже, чем у него самого! Впрочем, не надо забывать, что в монастырских школах молодым нобилям до сих пор преподают искусство ментальной защиты, хотя с годами обучение все ухудшалось, так как местные церковники считали такую вещь совершенно бесполезным делом.

Иеро попрощался с юным герцогом и тут же забыл про него. Пока он шагал к своим покоям, в его голове билась мысль, которую он только что отчетливо осознал. Значит, ментальные тренировки считаются теперь пустой тратой времени... Да, процесс разложения в этой стране зашел слишком далеко! Сколько же усилий понадобится, чтобы наверстать упущенное, преодолеть людскую подозрительность и недоверие... особенно если учесть, что мастера Нечистого тоже не будут сидеть сложа руки. Погруженный в тяжкие раздумья, священник молча прошел в свою опочивальню, и страж в коридоре, заметив выражение его лица, даже не осмелился отдать салют.

— Наконец-то! — Лучар приветствовала его с порога.— Я заметила твое приближение по целому облаку мрачных мыслей, которое летело впереди тебя, пока ты шел по лестнице. Так что же на этот раз расстроило непобедимого воителя из великой северной державы?

— Ужасная трясина темных вражьих помыслов засосала меня.— Иеро непроизвольно улыбнулся, когда она встала на цыпочки, чтобы поцеловать его.— Но на этом мои печали не кончаются, потому что глупость и тупоголовость твоих...

Тут маленькая ладошка закрыла его рот.

— Знаю, знаю, не нужно даже напоминать! Жрецы непроходимо глупы и неспособны смотреть в лицо фактам, духовное и физическое разложение высшего сословия достигло небывалых размеров, все заняты только собой, и, конечно, при этом никто не замечает, как вольготно чувствует себя в стране Нечистый... Все, или я что-то забыла?

— Нет, моя радость, ты ничего не забыла, но я как-то не собирался развлекать тебя такими разговорами накануне карнавальной ночи. Кстати, это твое праздничное платье? — На его лице появилось выражение безмерного восхищения перед полупрозрачным куском тонкой материи, в данный момент, похоже, являвшимся ее единственной одеждой.

— Болван! Это моя ночная рубашка! И как меня только угораздило связаться с этаким неотесанным дикарем, который не в состоянии отличить жалкую тряпку от бального платья!

— Ну что ж, когда мы впервые повстречались, на тебе не было даже тряпки,— примирительно заметил Иеро.— Однако, посмотрев на тебя, я сказал Клоцу: «Клоц, дружище, неужели ты думаешь, что ей действительно нужна одежда?» Можешь сама у него спросить, если не веришь.

Он упал в огромное мягкое кресло, и Лучар тут же уселась к нему на колени и ласково обняла за шею.

— Что-то беспокоит тебя, милый? — спросила она после минутной паузы.

— Ничего конкретного.— Иеро выбрался из кресла и, подойдя к узкому оконцу, уставился на город внизу. Оглушительный многоголосый шум городских улиц в этой башне был слышен лишь как далекое невнятное бормотание.— Просто я увидел сегодня голову одного из ваших речных чудовищ. Охранник сказал мне, что за последние годы их численность резко увеличилась. Вполне возможно, за всем этим тоже стоит Нечистый — тем или иным способом, но они могут справиться даже с такой задачей... Главное же в другом... Больше всего меня терзает инстинктивное чувство, что прямо здесь, под нашим носом, зреет какой-то ужасный заговор. Даже невинные шутки юного Амибала порой кажутся мне подозрительными. И наконец, самое худшее: несмотря на все свое умение, я никак не могу разобраться в том, что же должно произойти.

— А по-моему, все твои страхи лишь оттого, что ты попал в незнакомое окружение. Тебе нужно присутствовать на всех королевских приемах, тебя заставляют носить какие-то глупые наряды, тебе вообще теперь все время приходится быть на виду, а это значит — нервы, нервы и еще раз нервы. Хотя, знаешь ли,— она покачала головой,— твои подозрения насчет Амибала не беспочвенны... Он, конечно, тоже дрянь, и многие об этом знают, но его титул лишь чуть пониже моего, и у отца сейчас есть планы насчет нашего юного герцога. Спасибо хоть, он не уродился в свою мамочку; его папаша — кузен Каримбаль — был просто глуповат, но Фуала — ох!

— А что же было не в порядке с Фуалой? — вяло полюбопытствовал Иеро, продолжая взирать на запруженные народом городские улицы.— Ведь, насколько я понимаю, она мертва... так же как и ее муж.

— Это так,— сухо ответила принцесса.— Один из многочисленных любовников зарезал ее прямо в постели. Его потом привязали между двумя взбесившимися хопперами, и те разорвали беднягу пополам. Надо сказать, ее смерть принесла отцу только облегчение. Она редко появлялась при дворе, но я хорошо ее помню, и это совсем неудивительно — видит Бог, я больше никогда не встречала столь ослепительно красивую женщину! Только вот было в ней что-то дьявольское... Фуала постоянно пропадала где-то в южных лесах. Она отправлялась туда в одиночестве или же, что случалось часто, брала с собою Амибала — на неделю, а то и больше. Возможно, я слишком сгущаю краски и на самом деле она была просто грязной шлюхой, но ни я, ни отец никогда не доверяли ей. Отец всегда считал, что у этой женщины какие-то неумеренные политические амбиции — она вертела своим мужем как хотела, а он — дурак! — готов был сделать для нее все, что угодно. А ее наказания для рабов... это же сплошное изуверство! Нет, я не могу сказать о ней ничего хорошего. И Амибалу, конечно, тоже повезло, что она умерла... если она действительно умерла.

— Но ведь ты только что говорила мне, что ее зарезали. Как же понять твое последнее замечание?

Лучар ненадолго умолкла, и Иеро вдруг осознал, что ее почему-то смущает этот вопрос.

— Ты знаешь,— она повернулась в кресле, чтобы увидеть его глаза,— многие люди считали ее ведьмой, а ведьм невозможно убить просто так. Хотя... хотя, конечно, она мертва... просто она всегда пугала меня. От нее истекала такая сильная эманация зла, что даже сейчас от одних только мыслей о ней мне становится не по себе. Каримбаль умер через месяц после ее смерти. Говорят, от какой-то редкой болезни...

— Ну что ж,— примирительно произнес Иеро,— всегда есть люди, которые нам не нравятся. Кстати, этим торговцам-южанам тоже очень не понравится, если я не смогу хорошенько поприветствовать их из-за того, что опоздаю на королевскую аудиенцию.— Он соскочил с подоконника и быстрым шагом направился к двери.— Надеюсь в следующий раз увидеть тебя в более подобающем твоему титулу платье.

Лучар швырнула ему вслед подушку, но промахнулась.

Большой королевский бал действительно оправдывал свое название. Иеро и представить себе не мог столь великолепного зрелища: в освещенном разноцветными фонариками огромном зале беззаботно кружились тысячи законопослушных королевских подданных, разодетых в умопомрачительные костюмы. Его собственный наряд из лилового и золотого шелка выглядел гораздо скромнее, чем облачения большинства сановников. Король Даниэл, восседавший на троне в пышном пурпурном одеянии с широкой, расшитой драгоценными камнями лентой через плечо, весело приветствовал гостей. Рядом с ним стояла Лучар, непонятным образом завернутая в совершенно фантастическое платье изумрудно-зеленого цвета. Из украшений на принцессе был только массивный браслет, подарок Вайлэ-ри, ослепительно сверкавший на ее смуглой руке, а милое личико скрывала тонкая шелковая полумаска. Где-то неподалеку важно вышагивали по залу священники в своих просторных, богато изукрашенных мантиях — они тоже оказались здесь не случайно, а потому, что событие такой значимости требовало Божьего благословения. Цвет дворянства Д'Алви, в нарядах, что едва не трескались под грузом подвешенных к ним драгоценностей, весело приплясывал под рожки и барабаны, выводящие какой-то экзотический варварский мотив, причем мужчины были разряжены ничуть не менее пышно, чем представительницы слабого пола.

У метсианского священника, попытавшегося внимательнее приглядеться к этому волнующемуся буйству красок, мгновенно разбежались глаза, и ему пришлось удовольствоваться лишь общим впечатлением гигантского праздника. Он словно в полусне пробирался между рядами танцоров, похожих на какие-то невиданные цветы, когда один из слуг легонько коснулся его руки.

— Срочное послание, ваше высочество. Его принес человек из вашей личной охраны. Пойдемте, он ждет вас в малом зале.

Иеро в удивлении поспешил за слугой, чье лицо показалось ему странно знакомым. Уже покидая зал, он послал Лучар мысленную весточку.

«Какое-то срочное послание, милая. Постараюсь не задерживаться».

Принцесса в этот момент не спеша прогуливалась по крытой галерее дворца, усердно развлекая одного расфуфыренного аристократа, чья семья контролировала что-то очень важное. Ее шутливый ответ был наполнен теплом и нежностью: «Поторопись, любовь моя, ведь тебя здесь дожидаются еще как минимум пять толстых дам, с которыми ты должен потанцевать, прежде чем сможешь сбежать отсюда».

Иеро ухмыльнулся и вслед за слугой нырнул в маленькую боковую комнатку, примыкавшую к бальному залу. Все еще пребывая мысленно рядом с Лучар, он вдруг почувствовал стремительное движение у себя за спиной, но так и не успел обернуться. Страшный удар обрушился на него, и все вокруг погрузилось во тьму.

Глава 2

ОДИН

Довольно долго он пролежал без чувств, но в этом кошмарном полусне-полубреду перед ним проплывали образы, которые, как он понимал, были не просто фантомами его агонизирующего сознания. Сначала он увидел склонившуюся над ним физиономию Джозато, только теперь его разглядывал не уставший от канцелярских забот чиновник-жрец, а совершенно другой человек: его лицо источало леденящий холод, его проницательные острые глаза горели насмешкой и триумфом. Каким-то дальним уголком сознания Иеро автоматически отметил, что ни разу до этой секунды ему не приходилось глядеть Джозато прямо в глаза.

Как жаль, что он не додумался до этого раньше! У незаметного жреца, вечно прячущего лицо за кипой свитков, оказался взгляд Нечистого!

Иеро попытался пошевелиться, но его руки и ноги были привязаны к деревянной скамье. Одновременно с этим

он вдруг осознал, что находится, по всей видимости, где-то в подземельях, уходящих, подобно лабиринту кроличьих нор, в глубь холма, на котором располагался королевский дворец. Он дернулся еще раз, и перед ним появилась еще одна физиономия. Челюсти священника свело от ужаса — на него смотрел Амибал Аэо! Пухлые губы юного герцога искажала усмешка злобного торжества, в глазах светилась абсолютная, всепоглощающая ненависть и, как почудилось Иеро, что-то еще — что-то похожее на темное животное безумие.

«Многие люди считали ее ведьмой,— промелькнуло в раскалывающейся от боли голове священника.— Она постоянно пропадала где-то в южных лесах. Она отправлялась туда в одиночестве или же, что случалось часто, брала с собою Амибала».

Что-то вдруг кольнуло его у правого локтя, и через несколько секунд в руках Джозато появилась опорожненная стеклянная ампула с длинной, покрытой свежей кровью иглой.

— Мы убьем его позже,— послышался тихий шепот.— Не сейчас. Говорят, что проклятый северянин научил принцессу передавать мысли, и, если она почувствует не его смерть, а лишь непонятное молчание, мы сумеем выиграть время. Если же она начнет действовать... Нет, мы пока не готовы к такому повороту событий! Мне сказали, что наркотик подавляет ментальные силы, но нам все равно придется поторопиться — этот человек очень, очень опасен. Конечно, мы убьем его, но не здесь, а где-нибудь подальше от столицы — большие расстояния мешают обмену мыслями, и даже он не сможет пробиться к ее разуму за многие мили. Итак, он должен всегда оставаться под действием этого снадобья, тогда прикончить его нетрудно. Ты понял?

— О да, прекрасно понял! — Молодой герцог состроил гримасу.— Возвращайся в королевские покои, нам обоим нельзя долго отсутствовать. Я позабочусь о нем и догоню тебя. Один из моих караванов на рассвете уходит на запад и...

Боль стала невыносимой, и Иеро, не сумев перебороть ее, вновь провалился в беспамятство.

Потом он еще несколько раз приходил в сознание, ощущая то невыносимый жар во всем теле, то, наоборот, какой-то неестественный леденящий холод. Крепко связанный грязными веревками, он очутился в вонючем и противно поскрипывающем кожаном мешке, который к тому же все время мотало и раскачивало из стороны в сторону. Иеро подумал, что, должно быть, он находится на корабле, но эта мысль почему-то оставила его равнодушным. Он попробовал мысленно просканировать окружающее пространство, но не смог этого сделать — его главное оружие казалось утраченным. Волей-неволей священнику пришлось смириться с тем, что слуги Нечистого одержали победу — и ментальную, и физическую. Чувства направления и времени тоже исчезли, и теперь он не имел ни малейшего понятия, куда его везут, где он находится и какой сейчас день. Лежа в своем мешке, он смутно припоминал, что время от времени его кормили какой-то дрянью, которая тоже была напичкана наркотиками, и что он, не в силах сопротивляться, глотал эти склизкие комья. Странные уродливые рожи, иногда проскальзывавшие перед его помутненным взором, значили для него не более, чем любые другие фантомы непрекращающегося кошмара. Иногда в темное и вонючее убежище Иеро проникал солнечный луч, но это тоже уже казалось совершенно неважным.

Внезапно его унылое полубодрствование-полусон было прервано — воздух вокруг вдруг наполнился бессмысленными воплями, яростным ревом и стонами. Мешок опрокинулся, и чья-то тяжелая туша рухнула на него сверху; туша конвульсивно дернулась, и часть связывавших Иеро веревок лопнула от резкого движения. Ноги священника придавило чем-то тяжелым, но, почти инстинктивно, он дернулся вперед и вверх и почувствовал, что на его ступни почти ничего не давит. Руки его все еще были связаны, но теперь Иеро мог легко освободиться от ослабевших пут.

«Нет! Ни в коем случае не делай этого! — подсказывал инстинкт.— Лежи тихо. Двигаться сейчас смертельно опасно».

Рядом послышались быстрые крадущиеся шаги, потом донеслось легкое царапанье металла о металл и скрип кожаных ремней. Перекликнулись чьи-то хриплые голоса, затем раздался удаляющийся тяжелый топот вьючных животных, и наконец наступила тишина.

Иеро продолжал лежать неподвижно — его ослабевший разум изнемог лишь от того, что заставлял непослушные мышцы уподобиться камню. Постепенно, сам того не замечая, он провалился в глубокий беспробудный сон.

...Он пробудился, ощущая чудовищный голод и жажду. Ноги его действительно оказались свободными, чего нельзя было сказать о руках и глазах, которые еще закрывала какая-то грязная тряпка. Изловчившись, Иеро стянул с лица надоевшую повязку и принялся осматриваться, болезненно щурясь и моргая от яркого солнца. Вскоре выяснилось, что он лежит в небольшой, заросшей колючками ложбинке, а в бок ему упирается огромная туша, перекрывшая и так не слишком удачный обзор. Смрад разлагающейся плоти явственно подсказывал, что труп принадлежит какому-то животному. Напоследок он обнаружил, что все еще завернут в грязные шкуры, запах которых нисколько не сделался лучше.

Иеро прислушался. В колючих кустах над его головой шелестел легкий ветерок; единственными другими звуками были только резкие крики дерущихся стервятников.

Мозг его постепенно освобождался от дурмана. Он бросил взгляд на запястья и, к своему удивлению, увидел, что связаны они не крепкими кожаными ремнями, а все теми же грязными тряпками. Очевидно, его тюремщики не помышляли о том, что пленник попытается убежать.

Освободившись, Иеро осторожно приподнялся.

Пять мертвых серых кау, вьючных животных из Д'Алви, лежали на небольшой лесной поляне. Сам он выглядывал из-за трупа шестого, и обломок стрелы, торчащий в толстой шее быка, не оставлял сомнений в том, что послужило причиной его смерти. Вперемешку с кау валялись скрючившиеся в неестественных позах тела людей, при-

чем и те и другие были обобраны дочиста. Исключение составляла лишь жалкая упряжь животного, на котором везли Иеро,— в таком виде она никак не могла пригодиться ограбившим караван бандитам.

Стайка небольших зверей с голыми лоснящимися мордами увлеченно копалась во внутренностях одного из покойников; завидев голову Иеро, зверьки предпочли скрыться в ближайших кустах. Когда последний из них нырнул в спутанную густую поросль, на поляне не осталось уже ничего движущегося. По-видимому, туши мертвых кау загораживали от священника пиршество крылатых любителей падали — их режущие ухо вопли не смолкали ни на секунду.

С усилием заставив свой едва проснувшийся мозг работать, Иеро представил, что же здесь случилось.

Итак, четверо похитителей везли его по лесу на спине одного из вьючных животных; потом, на этой поляне — возможно, когда уже стемнело — они наткнулись на засаду. Бык, на котором он ехал, был убит почти мгновенно и, к счастью, не придавил его при падении. Бандиты не заметили его при торопливом обыске, потому что кожаный мешок оказался заваленным рваной упряжью, да и труп упавшего быка почти полностью загораживал его. Сняв с мертвых все приглянувшееся добро и забрав с собой оставшихся животных, бандиты быстро отступили в лес — возможно, опасаясь погони.

На подгибавшихся от слабости ногах Иеро потихоньку похромал к середине поляны. Крики стервятников стали громче, но, даже заметив человека, птицы не пожелали оставить своей трапезы.

Священник внимательно осмотрел трупы пленивших его людей, и ему сильно не понравилось то, что он увидел. Никогда раньше ему не встречались представители этой расы, и сам их вид произвел на него тягостное впечатление — маленькие скрюченные тела, изжелта-белый нездоровый цвет кожи и такие же белые ломкие волосы. Узкоглазые, с массивными выступающими челюстями, их лица почему-то оказались чисто выбритыми. Да, весьма интересно узнать, откуда у юного Амибала такие знакомые!

Эта мысль его утомила. Бесцельно уставившись на заросли колючих кустов, Иеро попытался, несмотря на слабость и головокружение, пробудить в своем мозгу все навыки и опыт, необходимые, чтобы выжить в этом странном месте. Потом медленно и осторожно он начал обшаривать поляну в поисках чего-нибудь, что могло бы ему пригодиться, однако бандиты проделали свою работу на совесть и уволокли абсолютно все — так, из оружия на поляне остался лишь обломок стрелы, торчавший в шее мертвого кау. К сожалению, из этого запоздалого осмотра ему не удалось выяснить ни кто такие его пленители, ни кто расправился с ними. Под конец священник признал, что, кроме оказавшихся на нем кожаных штанов и сандалий, он не располагает ни одним по-настоящему полезным предметом.

Тогда Иеро занялся изучением следов, в большом числе заполнявших поляну, и быстро отыскал ведущие в лес отпечатки грубых башмаков и рядом с ними — широких копыт кау. Он как раз остановился у края поляны, чтобы немного подумать, когда стервятники внезапно смолкли и, оторвавшись от еды, вытянули шеи — где-то далеко на востоке чуть слышно трубил рог.

Одна за другой тяжелые птицы поднимались в воздух. Священник недовольно поморщился — ведь трубач наверняка заметил, как над лесной чащей взмыли стервятники, а здесь, в этих гибельных джунглях, он мог встретиться только с недругами.

Рог протрубил снова, и на этот раз его одинокий призыв не остался безответным — южнее и севернее его подхватили другие рога. Значит, далеко на востоке какой-то отряд, развернувшись длинной цепью, прочесывал лес. Что же тут можно искать, кроме его благородной персоны?

Еще не осознав, что делает, Иеро схватился за ветку колючего кустарника, сломал ее и начал методично уничтожать следы своего пребывания на поляне. Покончив с этим делом, он повернулся и не спеша потрусил на запад, стараясь ступать по твердой земле, а там, где это не удавалось, пуская в ход колючую ветку.

Священник бежал уже с полчаса, неторопливо и осторожно, временами поглядывая под ноги. За его спиной по-прежнему перекликались рожки, и по их звукам он мог примерно определить, что расстояние между ним и преследователями не уменьшается.

Зашло солнце. В его умирающем свете Иеро показалось, что заросли колючек сильно поредели. Да и под ногами все чаще попадался песок или мелкие камушки, а трава и всякие ползучие растеньица совсем пропали. Даже цвет почвы стал иным, не желто-коричневым, а голубовато-серым.

Внезапно звук рогов изменился; сразу два из них выдули короткую резкую мелодию, и беглец понял, что, обнаружив место побоища, они трубят общий сбор. Нахмурившись, он устремился вперед. Было мучительно думать, что это, возможно, отряд, посланный Лучар на его поиски, и что сейчас он уходит все дальше и дальше от своих друзей, однако шансов на такой исход оставалось мало. Конечно, он не знает, куда направлялся тот странный караван, и, стало быть, ему неизвестно, где он теперь очутился, но ясно одно — везли его с большой поспешностью и увезти успели далеко. Вряд ли людям принцессы удалось за столь короткое время взять нужный след и примчаться сюда. К тому же голубоватый оттенок почвы и исчезновение растительности однозначно говорили о том, что вскоре он встретится с новыми опасностями. Он уже вдоволь насмотрелся на такие места у себя на севере; подобная смена пейзажа означала, что он приближается к голубой пустыне Смерти.

Совсем скоро ему пришлось убедиться в правильности своих подозрений: кусты расступились, и перед ним возникла простирающаяся до самого горизонта пустошь, засыпанная голубоватым поблескивающим песком. Позади по-прежнему уверенно перекликались рога — знак того, что погоня продолжается.

У него не было ни воды, ни пищи, ни оружия, но после недолгих колебаний священник углубился в сверкающую

пустыню. В конце концов, подумал он, этот вариант более предпочтителен, чем возможность снова попасть в руки врагов. Да и какой здесь мог быть выбор? По крайней мере, хуже, чем тогда, ему уже не будет.

С приходом ночи рога смолкли, но он продолжал упорно шагать вперед, придерживаясь западного направления. Спотыкаясь от усталости, Иеро медленно переставлял ноги, концентрируя внимание лишь на том, чтобы не свалиться. Один раз, не удержав равновесия, он опустился на колени; встать потом оказалось очень тяжело.

Кое-как он дохромал до пересохшего русла маленькой речушки; идти по ее каменистому дну было гораздо удобнее, чем по осыпавшемуся под ногами голубому песку. Здесь Иеро устроил себе привал, чтобы перевести дух и заодно пососать небольшой округлый камешек. Без еды его тренированное тело могло протянуть долго, а вот вода, по всей видимости, вскоре превратится в серьезную проблему.

Он поднял голову, обозревая безрадостный пустынный ландшафт, освещенный призрачным лунным светом. К югу, насколько хватало взгляда, протянулись обширные полосы поблескивающего песка, перемежавшиеся с нагромождениями источенных ветром валунов. На севере и востоке пейзаж казался примерно таким же, а вот на западе какие-то темные вершины закрывали низко повисшие над линией горизонта звезды — возможно, цепь невысоких утесов или что-то в этом роде.

Невероятным усилием воли священник заставил себя подняться. Если где-то здесь и найдется относительно безопасное место, то, скорее всего, у этих западных скал. Там наверняка должны быть какие-то пещеры или, на худой конец, расселины, где он сможет укрыться от полуденного зноя. Возможно, при некотором везении ему удастся обнаружить воду и пищу, что, вообще-то, было бы очень кстати.

Он уже сделал несколько неуверенных шагов в выбранном направлении, когда до его ушей долетел какой-то неясный звук. Застыв, Иеро напряженно вслушивался в окру-

жающую его тишину, в тысячный раз пытаясь сфокусировать свою ментальную силу и раздернуть опустившийся перед ним занавес мысленной слепоты. И в тысячный раз ему пришлось сдаться, хотя было так тяжело поверить, что все его способности, весь огромный талант утрачен навсегда, выхолощен наркотиками, и теперь он, лишенный этого последнего оружия защиты, вынужден прозябать в этом безжизненном месте. Подавив невольный вздох, Иеро осенил себя крестом и пробормотал короткую молитву. К сожалению, в последнее время ему приходилось пренебрегать своими прямыми обязанностями — ведь, в конце концов, он не только принц, но и священник. И к тому же — хвала Господу! — пока еще живой священник.

Прихрамывающей рысцой он затрусил к холмам на горизонте, стараясь не обращать внимания на жажду и непрерывное голодное урчание в желудке. При этом он продолжал внимательно вслушиваться в окружающее его голубоватое безмолвие, но, казалось, единственным звуком здесь было лишь мерное поскрипывание песка под подошвами сандалий. Однако эта обманчивая тишина уже не могла обмануть его; пусть он утратил свои ментальные таланты, но где-то в глубине мозга все еще трепетал клубок оборванных и почти бесполезных теперь нервных связей, выжженный центр телепатических способностей, которые раньше предупреждали его об опасности. Интуитивно он ощущал, что в темноте ночи таится что-то хищное и злое; в этом не могло быть никаких сомнений, и внезапное затишье подтверждало его подозрения красноречивее всяких слов. Кто-то или что-то охотилось за ним, и, пока он не в силах оказать преследователю достойное сопротивление, придется бежать. Бежать и скрываться!

Иеро вновь сосредоточился на ходьбе, заставляя двигаться утомленные ноги. Он не питал иллюзий насчет своего нынешнего положения; пустыня Смерти — совсем не то место, где можно радоваться жизни.

Тысячи лет назад огромные пространства суши были выжжены ядерными бомбами, и некоторые из них до сих

пор сияли по ночам мертвенным голубоватым светом, оставаясь все еще смертельно опасными для всего живого. Та пустыня, в которой оказался Иеро, представляла собой не самый худший вариант, и к тому же, как все северяне, он мог внутренним чутьем определять источники сильной радиации и обладал определенной сопротивляемостью к ней. Здесь же он ощущал лишь то, что сверкающие голубые пески уже истощили свой смертоносный заряд, однако это совсем не означало, что ему не грозит медленная гибель от лучевой болезни. Возможно, она лишь откладывается.

Несмотря на отсутствие голубоватых огней на гребнях песчаных дюн, местность продолжала оставаться совершенно безжизненной, и, главное, не было никаких признаков того, что здесь вообще есть вода. До сих пор священнику не встретилось ни одного растения, отсутствовали даже лишайники — они не росли в пересохшем речном русле, на которое он наткнулся в ночной темноте. И все же радиация оставила здесь еще один след, кроме полного уничтожения всякой нормальной жизни. Вместо нее появилось нечто новое, странный результат чудовищных мутаций. Так что, хотя пейзаж и казался пустынным, Иеро чувствовал, что где-то совсем рядом с ним затаились живые существа; он ощущал это, несмотря на потерю своих ментальных сил. Чувство безымянной угрозы постоянно давило на мозг, но он упорно продолжал хромать к вставшим на западном горизонте холмам. Он надеялся, что Господь не оставит его в беде.

Снова пришлось остановиться чтобы перевести дух, но теперь Иеро опустился лишь на колени, опасаясь, что, усевшись поосновательней, уже не сможет встать. И тут откуда-то с южного направления опять послышался этот странный звук. Сейчас он прозвучал гораздо громче и решительней — странный вибрирующий вопль, как будто где-то далеко в ночи на немыслимо высокой ноте проблеяла гигантская овца. Несмотря на всю мыслимую и немыслимую тренировку, лоб Иеро покрылся холодным потом — что

бы там ни вопило в темноте, ему хотелось избежать знакомства с обладателем этого голоса. Он вновь перекрестился и, кое-как поднявшись на ноги, зашагал на запад. Тело его молило об отдыхе, но он продолжал свой путь — ведь эта визгливая тварь охотилась, и охотилась она, несомненно, за его персоной. Иеро не забивал себе голову вопросами, почему она вышла на его след и откуда вообще взялась в мертвых голубых песках; он просто знал, что это так, и, стало быть, надо пошевеливаться.

Подняв голову, он вдруг заметил, что темные гребни холмов, за последний час ставшие значительно выше, поднимаются уже по обеим сторонам от него. Слева из разлома в почве торчала какая-то странная островерхая штуковина, которая при более внимательном изучении оказалась чем-то похожим на отвратительный искривленный кактус. Да, возможно, он сумеет обнаружить здесь воду, если очень постарается! — мелькнула мысль. Он двинулся дальше, выжимая из своих истомленных мышц последние силы и жадно хватая ртом колючий ночной воздух.

Мир позади него заполнился злобным воплем, оглушающим и каким-то совсем чужим даже в этой неприветливой пустынной местности. Взлетая на неимоверно высокой ноте, он вызывающим тошноту звоном отдавался в раскалывающейся от боли голове священника. На этот раз Иеро даже не остановился, сконцентрировав последние силы на том, чтобы перевалить через песчаную дюну, вставшую на пути.

Если бы ночь не оказалась такой светлой, он, вынужденный двигаться чуть ли не ползком, был бы совершенно беспомощен перед грозной опасностью. Но, по счастью, молодая луна высоко плыла в ночном небе, освещая узкий каменный каньон, мрачный и неприветливый,— единственное надежное убежище в этой пустыне. Только бы у него хватило сил добраться туда!

Иеро пересек горловину ущелья и, напрягая каждый мускул, потащил свое непослушное тело дальше, под спасительную кровлю каменных сводов. Лунный свет уже по-

чти не попадал сюда, но он видел достаточно, чтобы идти вперед. Ноги священника заскользили на отполированных временем камнях, и тут, в самой глубине открывшейся перед ним лощины, он заметил неясное темное пятно. Удвоив усилия, Иеро устремился в ту сторону. За спиной не раздавалось ни звука, но столь внезапно наступившая тишина не успокаивала его. Он знал: преследователь совсем близко, и, если в течение нескольких минут ему не удастся отыскать надежное убежище, он погибнет.

На какое-то мгновение нежное личико Лучар всплыло перед его глазами. Неужели именно здесь ему суждено умереть? Неужели он никогда не увидит ласковую улыбку своей любимой?

Стиснув зубы, Иеро продолжал карабкаться вверх по сужавшемуся проходу, глаза его без устали обшаривали каменные стены в поисках любого препятствия, укрывшись за которым он сможет отстоять свою жизнь. Но ни одной подходящей трещины не оказалось на гладких стенах ущелья, смыкавшихся все ближе и ближе, так что спустя минуту, вытянув руки в стороны, он нащупал с обоих сторон холодный камень. В отчаянии священник запрокинул голову, и вдруг взгляду его открылось то самое место, которое он столь безуспешно искал.

Впереди узкий проход резко изгибался налево и вверх, минуя небольшой скалистый отрог, примыкающий к южной стороне ущелья и похожий на покосившуюся крепостную башенку. Но самое главное — пик этой естественной колонны был обломан, из-за чего на ее вершине образовалась небольшая площадка! Опытному скалолазу без труда удалось бы вскарабкаться на самый верх этого странного образования, и Иеро, почувствовав прилив надежды, приступил к штурму каменной цитадели.

По высоте этот каменный столб оказался едва ли впятеро больше его роста, так что вскоре, с невольным вздохом облегчения, он перевалил тело через его верхний край и бессильно распластался на макушке.

Но отдыхать ему не пришлось. Он ничего не знал о той твари, что шла за ним по пятам, и если она умеет лазать,

то он своими руками загнал себя в смертельную ловушку! Обеспокоенный этой мыслью, Иеро принялся лихорадочно озираться по сторонам и вскоре обнаружил несколько увесистых булыжников, зарытых в мелкий песок и каменную крошку. Закусив губы, беглец с неимоверным трудом освободил пару камней покрупнее и лишь после этого позволил себе слегка расслабиться. Повернувшись ко входу в ущелье, он прижался к шершавой макушке скалы, стараясь использовать последние отпущенные ему минуты отдыха.

Через несколько минут священник уже расслышал какое-то шевеление. Сначала то был неясный шум, как будто что-то массивное пробиралось вверх по тропинке, которой он прошел недавно, стараясь двигаться тише и незаметней. Иеро скрипнул зубами от ярости. Похоже, эта тварь собиралась застать его врасплох! Ну нет! Киллмен республики Метс не даст затравить себя подобно загнанному оленю! Тем более что после многих дней позорного плена ему опять представилась возможность действовать.

Звуки приблизились. Один раз до Иеро донеслось какое-то слабое шуршание, словно чья-то огромная лапа случайно задела нетвердо лежавший каменный обломок. Теперь он мог слышать дыхание — глубокие хриплые вдохи и выдохи могучего и наверняка опасного зверя. Устремив взгляд в темноту, священник принялся терпеливо ждать появления своего ночного преследователя.

Когда это произошло, ему не удалось подавить невольный ужас при виде жаждавшего его крови существа, извергнутого бесплодными песками.

В неясном лунном свете он с трудом различил извивающееся туловище странного голубоватого оттенка, как будто смертоносные огни отравленной радиацией пустыни навсегда заклеймили этот ночной кошмар. Мощное, словно у ездового быка, тело твари было посажено на четыре толстые лапы; лапы заканчивались огромными, растроенными и слегка загнутыми внутрь роговыми наростами, похожими скорее на когти, чем на копыта. На длинной, отливав-

шей синевой шее болталась уродливая голова с торчащими из-под отвислых губ бивнями; на макушке вместо ушей поднимались два костяных шипа, острых, как наконечники копий. Но самым пугающим в этом монстре были его глаза. Подобные искрящимся стеклянным шарам, они были лишены зрачков и светились холодным мертвенным пламенем.

Застывший на вершине каменного утеса человек теперь понял, кто охотится на него.

Он несколько раз натыкался на упоминания об оленях Смерти в древних рукописях Д'Алви. Много веков назад эти чудовища буквально терроризировали и без того немногочисленные южные племена, целыми стаями вырываясь из голубых песков и уничтожая все живое на своем пути. Теперь уже двадцать поколений людей считало этих монстров легендой.

Но сейчас, разглядывая челюсти «оленя», приспособленные вовсе не к жеванию травы, Иеро был склонен считать, что в старых рукописях слишком рано поставлен крест на этих тварях. По своим размерам лишь немного уступая Клоцу, это создание даже на первый взгляд казалось хищником; его клыкастая пасть предназначалась для того, чтобы крушить кости и терзать трепещущую плоть.

Пока священник, затаив дыхание, осматривал это живое ископаемое, монстр, приподняв рогатую голову, тоже заметил добычу. Ночной воздух огласился еще одним невероятной силы воплем, от которого у зарывшегося в холодный песок человека заломило все кости. На секунду он опустил веки, чтобы справиться с подступившей слабостью. Как только последние отголоски этого кошмарного боевого клича замерли среди скал, Иеро снова открыл глаза — как раз вовремя, чтобы увидеть, как существо распахнуло пасть, демонстрируя торчащие в несколько рядов огромные зубы. Затем оно бросилось на каменный столб.

Несмотря на то что священник подготовился к атаке, чудище едва не застигло его врасплох — мощные лапы с невероятной силой подбросили тяжелое тело почти до самой

макушки каменного постамента. Один неприятный миг Иеро с расстояния вытянутой руки смотрел в глаза демону пустыни, чье мощное смрадное дыхание швырнуло пригоршню песка ему в лицо; потом рогатый череп исчез и снизу послышался гулкий звук удара.

С замирающим сердцем священник выглянул из-за края скалы, надеясь увидеть корчившуюся в предсмертных судорогах тварь, но она нисколько не пострадала; монстр плотоядно взирал на него своими жуткими глазами и неспешно готовился к новому прыжку. Кажется, неудача первой попытки отнюдь не привела тварь в замешательство. Иеро припомнил, что в старых свитках упоминалось о почти полной неуязвимости этих созданий, которые даже могли прошибать каменные стены, ограждавшие поселения,— прошибать так, словно перед ними был не камень, а соломенная циновка. Если прыжки чудовища не причиняют ему вреда, решил священник, то, как ни крути, ему самому придется позаботиться об этой твари и переправить ее в мир иной. Непонятно лишь, есть ли хотя бы малейшая надежда на такую удачу.

Монстр снова приподнялся, но на этот раз его движения были неторопливыми; длинные передние конечности вытянулись вперед почти до предела, острые когти-копыта, коснувшись скалы, тут же вонзились в нее, словно абордажные крючья, а похожие на стальную проволоку сухожилия напряглись и хрустнули. Немигающие глаза «оленя» уставились прямо в лицо священнику, и за шумом его дыхания Иеро не сразу разобрал, как где-то под ним крушат горную породу две огромные задние лапы. Потом он с удивлением отметил, что массивное туловище твари потихоньку ползет вверх — видимо, закрепившись на почти отвесной стене монолита, могучий зверь подтягивался на передних лапах. Теперь все стало понятно: через пару минут он снова вытянет свои лапищи и дотянется до сидевшей на каменном столбе добычи. На этом, как подсказала самая хладнокровная часть сознания Иеро, все его злоключения будут закончены.

Священник, завороженный светом этих призрачных глаз, наклонился над краем скалы, словно во сне наблюдая, как правая передняя лапа медленно, но неотвратимо тянется в его сторону. Вдруг, последним усилием воли сбросив сонное оцепенение, он вскочил на ноги и занес над головой зазубренный каменный обломок.

Приникшая к стене тварь разинула утыканную клыками пасть, со свистом втягивая воздух для последнего победного вопля. И в тот же миг Иеро обрушил свое оружие на ее уродливую морду, вложив в удар все оставшиеся силы. Скользнув по истекающим слюной губам зверя, тяжелый снаряд устремился вниз по его темной глотке с силой и неотвратимостью снежной лавины и где-то глубоко внутри, словно гигантский мясницкий топор, воткнулся в живую плоть. Страшный, леденящий кровь вопль разнесся над равнодушными скалами. Потом на землю снова обрушилось массивное тело, только теперь гулкий звук падения сопровождался непрерывным скрежетом и хрипом, пока существо, захлебываясь собственной кровью, в бешенстве молотило лапами по валявшимся вокруг камням. Наконец наступила тишина, и Иеро внезапно ощутил, как слабый ночной бриз играет в его волосах.

Постанывая от боли, он согнулся над краем утеса и посмотрел вниз. Он чувствовал, что сейчас потеряет сознание, но подчинился необоримому инстинкту — взглянуть на это существо и убедиться, что оно больше не сможет причинить ему вреда.

Одного взгляда как раз и хватило — жизнь, без сомнения, покинула хищную тварь. Длинная голубоватая шея «оленя» была вывернута под неестественным углом, а из проломленного черепа мутным черным потоком изливалась кровь. По всей видимости, каменный обломок, проткнув нёбо, вошел в мозг, превратив его в кашу. Грозного демона пустыни победила обычная сила гравитации.

Человек наверху попытался выдавить слова молитвы, но лишь хрипло прошептал пару фраз и в беспамятстве повалился на холодный камень. Это был даже не сон, а

ответная реакция организма на полное моральное и физическое истощение; забытье, похожее на транс, в который не раз впадал Иеро, занимаясь ясновидением: он чувствовал сейчас, что не спит, но тем не менее был неспособен к сознательным усилиям. И только спустя несколько минут он наконец забылся настоящим сном без сновидений.

Пробуждение было внезапным, как будто что-то вытолкнуло его из глубины сна на поверхность. Все тело священника горело, язык казался сухой щепкой во рту, а спекшиеся губы никак не удавалось разлепить.

Взглянув вверх, на неистово пылающее в небесах светило, он вдруг осознал, что провалялся здесь, должно быть, много часов — когда каменный обломок сразил оленя Смерти, едва минула середина ночи, а сейчас, судя по солнцу, уже полдень. Превозмогая слабость, Иеро принялся массировать затекшие мышцы, одновременно загрузив работой и голову, хотя для того, чтобы думать, требовались почти физические усилия.

Вода! Вода и какое-нибудь укрытие от солнца! Без первого и без второго он недолго протянет в этой негостеприимной местности. И начинать поиски нужно немедленно, пока энергия еще теплится в мышцах.

Отвратительное зловоние вынудило его заглянуть вниз, где у подножия утеса валялся полуобглоданный скелет его ночного гостя; внутренности и еще остававшееся на костях мясо продолжали исчезать с удивительной быстротой. Присмотревшись, Иеро заметил целую орду каких-то проворных зверьков, суетившихся у огромного тела твари. Напрягая глаза, он смог различить их заостренные головки с блестящими глазками-бусинками и короткие тоненькие лапки. Зверюшки, как ему показалось, представляли собой какую-то дикую помесь крысы и ящерицы, совершенно чуждую, как и погибший монстр, нормальной жизни, но отлично приспособленную к существованию в этих бесплодных землях.

Оглядевшись, Иеро внезапно наткнулся взглядом на второй каменный обломок, который так и остался неис-

пользованным. По форме этот похожий на кусок сталактита камень напоминал лезвие, и священник решил прихватить его с собой — на тот случай, если существа внизу окажутся не просто стаей пожирателей падали. Правда, спускаться вниз ему пришлось бы все равно — ведь воды на этом голом утесе нет, да и от палящих солнечных лучей здесь тоже никак не укрыться.

Он заткнул свой каменный нож за пояс, еще поддерживавший его драные кожаные штаны, и принялся осторожно спускаться с утеса, то и дело бросая взгляд на копошащихся внизу зверьков.

Когда священник одолел путь наполовину, они наконец его заметили. Их подвижные тельца на коротеньких лапках моментально окаменели, и только остроконечные мордочки с красноватыми горящими глазами медленно поворачивались, наблюдая за приближением человека. Хоть по своим размерам зверьки были не больше домашних кошек, их набралось тут в достаточном количестве, чтобы стая представляла угрозу для изможденного и почти безоружного человека. Иеро остановился на мгновение, прикидывая, могут ли эти малюсенькие клыки и когти оказаться ядовитыми. Если да, то такая деталь еще точнее будет отвечать картине жизни в этом чертовом пекле! Впрочем, разницы для него никакой — так или иначе, он должен слезть с утеса. И священник, вздохнув, продолжил спуск, держа одну руку на каменном обломке.

Стоило ногам коснуться земли, как он почувствовал волну злобы, что пронеслась через его разум. Секундой позже стая зверьков исчезла; брызнувшей во все стороны зеленоватой вспышкой они растворились в окружающем ландшафте. Иеро, облегченно выдохнув, прислонился к каменной стене. По всей видимости, эти существа сочли его столь же инородным, сколь он сам считал их чужими; и они не отважились напасть, ибо не были уверены в собственных силах.

Задыхаясь от невыносимого зловония, которым тянуло от растерзанного «оленьего» трупа, он торопливо заковылял вдоль скалы. За поворотом воздух стал чище, но зато кончилась спасительная тень, и Иеро почувствовал себя так, словно его поджаривали на сковородке. Эта жара могла убить его с той же легкостью, что и клыки проголодавшегося хищника,— так что, возможно, эти крысы-ящерицы еще успеют полакомиться его плотью. Он упрямо зашагал вперед, но через час выбился из сил, успев, однако, выйти из приютившего его на ночь ущелья. Теперь перед ним простиралось низкое плато с довольно крутым обрывом с северной стороны. Зато в южном направлении тянулась бесконечная цепь невысоких, обглоданных ветром каменных пиков, резкие тени между которыми выдавали присутствие многочисленных оврагов и расщелин, подобных той, из которой он только что выбрался. В ослепительно голубых небесах по-прежнему яростно пылало солнце, роняя свои обжигающие лучи на эту проклятую Богом землю.

Священник повернулся лицом на юго-запад, к череде древних, почти сравнявшихся с почвой холмов, пролегающей примерно в миле от него. Напрягая зрение, он заметил где-то далеко тоненькую темную полоску, выделявшуюся на фоне общего сероватого цвета пустыни. Неужели там великий южный лес? Иеро тяжело вздохнул. Не все ли равно... Через пару часов он будет совершенно беспомощен, если не сумеет отыскать воду и убежище.

Он принялся внимательно обозревать ближайшие окрестности, и через несколько минут слабая надежда вновь затеплилась в его сердце. Справа от себя он заметил низкий каменистый гребень, над волнистым краем которого, при полном отсутствии ветра, едва заметно клубился туман. Значит — если уставшие глаза не сыграли с ним злую шутку — там может быть влага!

По-прежнему хромающей походкой, он затрусил в выбранном направлении. Надеяться, пожалуй, не на что, размышлял Иеро на ходу; вполне вероятно, там какая-то грязная лужа, но нет никаких гарантий, что в ней настоящая вода и что он не отравится, сделав пару глотков. Там вполь-

не мог оказаться сернистый гейзер, кипящий соляной раствор или озерцо расплавленного металла, ядовитые испарения которого вмиг отправят его на тот свет. О существовании подобных вещей он узнал не из древних хроник Д'Алви, а еще в бытность свою учеником в школе аббатств.

Вскоре он добрался до самого гребня, над которым наблюдалось это, столь непривычное для пустыни, атмосферное явление. Склоны холмов были пологими и вполне годились для быстрой ходьбы, но тем не менее Иеро продолжал идти с чрезвычайной осторожностью. Он чувствовал себя настолько слабым, что удивлялся, каким образом его кости еще не рассыпались в прах и до сих пор ухитряются выдерживать вес непослушного тела. Лишь невероятное усилие воли не позволяло ему свалиться в темную пропасть подступающего безумия.

Медленно он взгромоздился на макушку гребня и замер, осматриваясь. Холодок радостного возбуждения пробежал по его обожженной солнцем спине, но он не двинулся с места, продолжая наблюдать.

Внизу оказалась небольшая яма или кратер, чьи стены когда-то очень давно были крутыми и гладкими, но за долгое время глубокие разломы и трещины избороздили ее отвесные склоны, а верхние зубцы просели и осыпались, оставив после себя груды камней. Дно этой впадины, присыпанное вездесущим песком, кое-где было довольно ровным; в иных местах, наоборот, топорщилось вставшими на дыбы кусками горной породы. На склонах, то здесь, то там, виднелись расположенные в беспорядке темные отверстия — входы в пещеры и неглубокие скальные ниши; под ними — обточенные ветром скальные карнизы. Но, самое главное, здесь была жизнь!

В самом низу, на ровном участке почвы, торчали плотные заросли каких-то кустов. Иеро не встречал ничего подобного раньше и лишь примерно смог разделить представителей здешней флоры на несколько видов. Одни показались ему похожими на неимоверно раздувшиеся пивные

бочонки красновато-коричневого цвета с длинными узкими листьями, которые, начинаясь на самой верхушке, свисали потом до земли и безжизненно волочились по ней; другие напоминали огромные морские звезды, взгромоздившиеся на мясистые толстые стебли. Куст таких растений можно было сравнить разве что с обезумевшей стаей ободранных зонтиков, зачем-то зарывшихся ручками в землю. Кроме того, во многих местах из земли торчали пучки изжелта-зеленой высокой травы с заостренными кончиками. Однако, за исключением растений, дно ямы показалось ему совершенно безжизненным. К тому же нигде пока не наблюдалось признаков какого-либо водоема.

Но вода здесь была; его тренированное тело легко улавливало ее живительное присутствие и тянулось туда, вниз. Неважно, что он не может увидеть воду; все равно он знает, что она тут, рядом — свежая, прозрачная, спасительная вода!

Иеро еще раз внимательно обозрел дно впадины. Несмотря на нестерпимую жажду, выучка школьных времен крепко засела в нем — ведь если внизу есть вода и эти странные растения, значит, в кратере наверняка существует и другая жизнь, а это — всегда опасность. Как раз рядом с такими оазисами гнездятся хищные твари, высматривающие добычу... Священник снова и снова оглядывал впадину, стараясь угадать, что может таиться в темнеющих в ее стенах пещерах и глубоких расселинах. Но все оставалось таким же до странности неподвижным и застывшим, как в первый момент.

Наконец он не выдержал и осторожно, шаг за шагом, принялся спускаться вниз, стараясь держаться поближе к высокой глиняной насыпи, начинающейся у верхнего края ямы и сбегавшей до самого дна, ни на мгновение не выпуская из виду странные растения. Почти преодолев уклон, священник вновь остановился и стал внимательно оглядываться в поисках того, что он мог пропустить при предыдущем осмотре. Ведь даже в таком неуютном

месте кроме этих непонятных бочонков и зонтиков должны обитать и какие-то другие живые существа — насекомые, например... Хотя — стоп! Да, что-то такое тут уже есть!

Прямо перед ним поднимался невысокий земляной холмик с сотнями крохотных ходов и выходов, проделанных в его склонах; вокруг него во всевозможных направлениях сновали маленькие букашки. Впервые за много часов Иеро позволил себе улыбнуться. Этот непонятно каким образом оказавшийся здесь муравейник был первой и единственной пока ниточкой, связывавшей его с родным миром. Завороженный, священник, открыв рот, наблюдал, как цепочка маленьких, но отчаянно смелых козявок марширует по песку куда-то прочь от своего дома. Машинально он отметил, что все муравьиные тропы проложены как можно дальше от всякой растительности.

Объяснялось это весьма просто. Стоило лишь колонне муравьев миновать какой-то невидимый барьер, отделяющий ее от ближайшего бочкообразного растения, как один из листьев метнулся вперед, словно атакующая гадюка. Конец муравьиного построения как языком слизнуло, а лист, свернувшись в трубку, склонился к появившемуся на вершине бочонка отверстию. Пасть растительного хищника смачно сглотнула, и, уже очищенный, длинный красно-коричневый хлыст вновь бессильно опустился на песок.

Иеро озадаченно уставился на растение-бочонок. По высоте оно не доходило ему до колена, но дальше в яме росли настоящие великаны, чьи хлыстообразные листья возвышались над его головой, а стволы походили скорее на здоровенные бочки. Он снова устремил взгляд на спешивших куда-то муравьев, которые даже не заметили, что добрая четверть их марширующей колонны исчезла. После нескольких минут наблюдений священник убедился в том, что муравьи действительно стараются избегать любой растительности, вне зависимости от ее вида и размера. Несомненно, у них имелись на то серьезные причины.

Он поставил одну ногу на дно ямы, потом другую и, поворачивая голову, обозрел окрестности с этого уровня. Здесь, внизу, жара уже не так сильно донимала его измученное тело, а воздух казался даже немного влажным. Но где же, черт возьми, вода?

Это маленькое богохульство позволило ему перебороть подступающую слабость и собраться для решительных действий. Опустившись на колени и очистив свой разум от всяких мыслей, он позволил интуиции указать дорогу к цели. Очнувшись после минутного транса, Иеро увидел, что его руки вытянуты на северо-восток. Он поднялся и захромал вперед, придерживаясь только что выбранного направления и тщательно огибая кустарник, встречавшийся на пути.

Он был уже настолько изможден и измучен, что его телом управляло скорее подсознание, чем разум; впрочем, он мог доверять своим инстинктам, уводившим его из опасной зоны, когда бочкообразный куст начинал зловеще изгибаться при его приближении или остроконечная трава с тихим шипением хищно устремляла стебли в его сторону. Таким образом, словно хранимый каким-то волшебством, Иеро шел от одной ловушки к другой, сворачивая чуть ли не на самом краю и в то же время твердо выдерживая намеченный маршрут.

Очень скоро он очутился в тени одного из утесов, подобно гнилому зубу торчавшего у края ямы. Возможно, для кого-то другого жара здесь показалась бы просто невыносимой; ему же, ушедшему из-под палящего ливня солнечных лучей, это напомнило переход из раскаленной духовки прямо под своды ледяного дворца; по всей видимости, именно это и привело его в чувство. Однако вряд ли Иеро почувствовал себя лучше — теперь он дрожал от холода, и к тому же огромный утес над ним загораживал солнечный свет, так что разглядеть что-либо у его подошвы не представлялось возможным. Священник, выставив вперед руки, попытался проникнуть взглядом сквозь застилающую видимость темную дымку и вдруг понял, что стоит на краю обширной лужи с прозрачной чистой водой.

Она простиралась в обе стороны, насколько хватало глаз, а дальний ее конец скрывался где-то в тени. Камень под ногой Иеро отдавал приятным холодком, и он, отбросив предосторожности, с хриплым возгласом повалился в лужу.

Только железное самообладание спасло его от гибели — он позволил пересохшим губам сделать лишь один осторожный глоток и перевернулся на спину, чтобы влага постепенно пропитала воспаленную кожу. Многие, оказавшись на его месте и поглотив огромное количество воды, скоро отправились бы на тот свет — от внутреннего переохлаждения или от разрыва желудка,— но Иеро опять выручил выработанный годами рефлекс на опасность. Что-то подсказывало ему, что сейчас он как никогда близок к смерти. Стиснув зубы, священник справился с желанием опустошить одним глотком все озерцо.

Он пролежал в луже несколько часов, выпивая скупые, строго отмеренные порции влаги через определенные промежутки времени. Вода была немного кисловата на вкус, зато абсолютно без вредных примесей. Если бы с ней что-то оказалось не так, его чувства, натренированные в распознавании различных ядов, не замедлили бы сообщить об этом. Но нет!.. Это была всего лишь обыкновенная вода, разве что с небольшой примесью соли. И Иеро, зажмурившись, блаженствовал в ней, с удовольствием ощущая, как она пропитывает его высохшие мышцы.

Постепенно разум возвращался к нему, и в то же время в нем просыпалась новая потребность, которую тоже следовало утолить; теперь он чувствовал, что просто умирает от голода и готов съесть все, что только попадется под руку.

Он бросил внимательный взгляд на нависающую над ним скалу, затем посмотрел вниз, на гранитное изголовье озерца. Очевидно, эта каменная чаша выполняла роль своеобразного резервуара, где скапливались столь редкие в пустыне дождевые воды. Да, просто здорово, что он таки добрел до нее! Или был завлечен сюда хитростью? Некоторое время Иеро обдумывал эту мысль, неожиданно пришедшую

ему, затем покачал головой. С потерей ментальных талантов он стал больше рассчитывать на интуицию, а она пока что не подавала тревожных сигналов.

Наконец он впитал в себя столько жидкости, сколько мог удержать; покрывшаяся мурашками кожа и постепенно усиливающееся онемение конечностей вовремя подсказали ему, что пора выбираться из холодной ванны. Священник послушно вылез из лужи и уселся у ее края, прислонившись спиной к массивному валуну. Небо вдали потемнело, и он удивленно отметил про себя, что, по всей видимости, провалялся здесь почти весь день. Несмотря на стремительно выраставшие тени, солнце все еще дарило тепло, так что он вскоре согрелся и перестал дрожать.

Теперь, уже порядком восстановив силы, Иеро принялся наблюдать, как готовится ко сну населяющая кратер растительность, и на этот раз отметил гораздо больше интересных деталей. Воздух был совершенно неподвижным, однако казалось, что свежий ветерок легонько колышет стволы и листья засыпающих растений. Красноватые бочонки, скатав свои длинные листья-хлысты в спираль, бережно пристроили их у себя на макушке и моментально стали похожими на дородных матрон в накрученных на бигуди локонах. Столь агрессивная днем высокая трава почти полностью втянулась в землю, оставив на поверхности только острые кончики, а «морские звезды» каким-то образом сложились внутрь своих мясистых стеблей; наверху у них теперь качались лишь небольшие забавные хохолки. Весь вид этого странного мирка в кратере словно по волшебству переменился, став еще более загадочным и непонятным.

Уже давно на притихшую впадину легким облачком упала темнота, но Иеро, устроившись за облюбованным им камнем, по-прежнему всматривался и вслушивался, сжимая в руке острый обломок сталактита, найденный на вершине скалы-башенки. И вскоре в ночной тишине раздались осторожные, едва различимые звуки — те самые, которые он так надеялся услышать.

Кто-то тихонько попискивал и скребся неподалеку от его каменного убежища. Привыкшие к темноте глаза священника различали какие-то маленькие тени, быстро шныряющие туда-сюда по остывшему песку. И вот, совсем рядом с ним, появилось небольшое, похожее на комнатную собачку существо. Оно вперевалку потрусило к одному из мясистых стеблей, внутрь которого спряталась «морская звезда», и, подрагивая хвостом, принялось сочно похрустывать мякотью. Иеро отметил, что в дневное время ничего подобного не случалось. Значит, ночью впадающие в спячку растения-хищники становятся совершенно беззащитными. И теперь он мог убедиться своими глазами, что многие безнаказанно пользуются этим.

Самозабвенно набивающая желудок зверюшка, казалось, забыла обо всякой осторожности, и священник, долго ожидавший подходящего момента, ударил как молния. Маленький череп, хрустнув, раскололся, и еще подергивающееся тельце упало к его ногам.

Подобрав свою добычу, Иеро внимательно осмотрел ее.

Мертвый зверек казался вполне нормальным на вид, его зубы напоминали резцы грызуна, а цепкий хвост, свернутый кольцом, смешно укладывался прямо на спину. Ушные отверстия были совсем скрыты в толще меха, а небольшие круглые глаза глубоко посажены на заостренной мордочке.

Разумеется, как сразу определил священник, убитое им животное было млекопитающим; его теплая кровь, что струилась из раны, на вкус была почти такой же, как у него самого. Иными словами, ужин находился у него в руках, и теперь оставалось лишь его съесть.

Многие знатоки придворного этикета сейчас ужаснулись бы, увидев, что вытворяет их принц, но Иеро, прослуживший немало лет среди стражей границы, в таких условиях, которые позволяли выжить лишь самым крепким и приспособленным, умел вовремя отказаться от цивилизованных привычек. Когда ему очень хотелось есть, он ел — ел то, что попадалось в данный момент под руку. Если у него не было огня, чтобы приготовить мясо, он ел его сырым.

Одним рывком содрав со спинки животного шкуру, священник вонзил крепкие зубы в мясистый загривок. Прожевать такое жесткое мясо было довольно непростой задачей, но это его не тревожило. Главное, есть чем набить желудок — и, по всей видимости, он сделает это еще не раз. Проглотив несколько кусков, Иеро пробормотал благодарственную молитву, а затем снова начал работать челюстями. Куски жилистого и не слишком вкусного мяса тем не менее скользили по пищеводу с удивительной легкостью. Если бы оно оказалось непригодным для еды, то неприятная тяжесть в животе уже давно известила бы об этом, и тогда пришлось бы как можно скорее отправить его обратно. Однако желудок не возражал, и вскоре к Иеро стали возвращаться утраченные силы. Завернув остатки своей трапезы в ободранную шкурку, он поднялся и стал придирчиво осматривать близлежащие склоны в поисках подходящего ночлега. Он наелся и утолил жажду, и теперь у него было лишь одно желание — забиться в безопасную щель и поспать.

Его глаза обежали залитую лунным светом чашу кратера, где одиноко темнели силуэты дремлющих растений, и остановились на правом склоне, в более светлых каменных стенах которого зияло несколько отверстий. По песчаному дну все еще изредка сновали маленькие юркие тени — видимо, гибель одного из ночных пожирателей овощей осталась незамеченной. Несомненно, в темноте скрывались и другие охотники за теплым мясом, так что ему придется вести себя с предельной осторожностью. Закинув за плечо окровавленную шкурку и поудобнее пристроив каменный обломок, Иеро бесшумно зашагал к чернеющим впереди отверстиям. Через несколько десятков ярдов лужа по правую руку от него закончилась, и одновременно истончился, слившись с верхним краем кратера, карниз огромного утеса, закрывавший это небольшое водохранилище от солнечных лучей. Священник глубоко втянул свежий

ночной воздух, прислушиваясь к наполняющим его шорохам. Очевидно, обитатели этого тихого оазиса еще не почувствовали, что их компания пополнилась новым членом, причем гораздо более опасным, чем все остальные, вместе взятые.

А этот последний ощущал себя несколько утомленным, хотя вот уже несколько часов его не покидало чувство душевного умиротворения. Впервые за много дней на него никто не охотился, и он наконец перестал быть пленником или дичью для идущих за ним врагов, с которыми он сейчас не мог бороться на равных. Он сам победил пустынного демона, сам нашел воду и пищу и, уже совсем скоро, найдет себе подходящее укрытие. Он выжил; Господь не отвернулся от своего слуги, за что он бесконечно благодарен Ему. Однако глубоко в душе Иеро испытывал и законное чувство гордости. Наставники аббатств не могли, подобно Богу, сотворить из глины живое существо, зато умели найти нужного человека и научить его справляться с любой ситуацией. А этого как раз и желают Бог и Церковь — научить людей бороться до конца и не поворачивать на полпути. Очень простое пожелание — и, как большинство таких пожеланий, весьма трудновыполнимое.

Иеро остановился перед первым углублением и осторожно заглянул внутрь. Слишком мелкое, даже не пещера, а скорее каменная ниша. Второе и третье оказались всего лишь узкими разломами в скальной поверхности, а вот четвертое уже почти удовлетворяло его требованиям. Достаточно широкий ход вел в закругленной формы пещерку, где он мог без особых неудобств вытянуться во весь рост; в то же время входное отверстие было настолько небольшим, что не составляло труда забаррикадировать его в случае необходимости. Дальний угол пещеры был завален грудой мусора, сухими ветками, булыжниками и костями. По всей видимости, раньше здесь обитал какой-то хищник, но, судя по запаху, бывший хозяин давно оставил свою нору. Иеро старательно заложил вход валявшимися на полу ветвями, так что осталась только маленькая

дыра для поступления свежего воздуха. Выбрав из мусорной кучи веточки помягче и обрывки шкур, он соорудил себе изголовье, выкопал в песке удобные углубления для туловища и ног и наконец предался столь долгожданному отдыху. Чувства его оставались настороже, и священник полагал, что проснется вовремя, если какой-нибудь слишком ретивый зверь вдруг захочет свести с ним знакомство.

Впервые за многие дни его тело расслабилось, мышцы и сухожилия больше не болели от непосильной нагрузки, но сон почему-то не шел к нему. Впрочем, он даже не пытался приблизить этот момент — любой отдых, даже с открытыми глазами, был благом для измученного тела. Хотя мышцы его оставалось истощенными и усталыми, но мозг и нервная система сумели восстановиться быстрее. В таком случае, решил Иеро, он может отважиться на несколько небольших экспериментов, ибо в его положении нельзя пренебрегать даже малейшим, самым крохотным своим преимуществом. И если сейчас у него есть время, чтобы восстановить хоть какой-то из утраченных талантов, этим, несомненно, стоит заняться.

Сначала он попытался высвободить свое сознание и отправить его в пространство за пределами приютившей его на ночь тесной пещерки.

Стараясь вновь собрать воедино крупицы былой мощи, священник снова и снова пробовал установить ментальный контакт с крохотными аурами населяющих дно кратера зверюшек, прочесть их несложные мысли, нащупать в кромешной мгле едва различимые искорки их индивидуальностей, отличающие живое от неживого.

Возможно, в конце концов ему удастся восстановить все или хотя бы часть своих прежних способностей. Интересно, вернется ли к нему боевое ментальное искусство, нажитое таким тяжким трудом? Не выдадут ли эти бесконтрольные попытки его настоящего местоположения? И что произойдет, если Нечистый снова обнаружит его? Сумеет ли он себя защитить?

К сожалению, ответов на подобные вопросы у него не было. Впрочем, как и выбора; несмотря ни на что, он должен вновь овладеть своим утраченным искусством.

Но через некоторое время ему все же пришлось остановиться, признав тщетность своих попыток. Он мог видеть и слышать, ощущать вкус пищи и запахи, но врожденная способность к телепатии, развитая годами тяжкого обучения, похоже, ушла навсегда. Так же как и те навыки, которые он приобрел самостоятельно, то мастерство, которое позволило ему победить не одного адепта Темного братства, не одного могучего врага.

Стон вырвался из груди Иеро. Какая несправедливость! Нечестно отобрать у человека его самое мощное оружие, загнать его в ловушку и оставить без сил, так что он не может даже защищаться! Будь ты проклят, Нечистый, вместе со всей своей дьявольской наукой!

Но вдруг, словно очнувшись, он прекратил оплакивать свою несчастную судьбу. И что это на него нашло? Да, пусть он потерял свои ментальные способности, но все остальное у него осталось! Разве аббат Демеро не предупреждал, что великий грех считать себя объектом особой Божьей милости? Иеро вспомнилось строгое лицо его сурового наставника, и мимолетная улыбка тронула его опаленные солнцем губы.

«Да, учитель,— благодарно подумал он,— я снова человек!»

Пусть способности, заработанные такой дорогой ценой, исчезли, но разве можно сбрасывать со счетов его необычайное, просто фантастическое везение! Одурманенный, связанный и совершенно беспомощный, он тем не менее умудрился вырваться из лап врага. Его мозг, пусть больше не обладающий телепатическим даром, чист и ясен; ничто и никто не мешает ему строить планы на завтрашний день. И самое главное — ничто и никто не мешает ему отомстить!

Его пылающие гневом глаза превратились в узенькие щелки.

Кое-кто еще заплатит ему сполна! Заплатит дорогой ценой!

Незаметно Иеро уснул, и навеянные последними страшными днями сновидения милосердно не тревожили его.

Маленький оазис в пустыне, приютивший странника, жил своей ночной жизнью; дурманяще благоухали растения, а под ними разыгрывались столь обычные для этого мирка старые драмы с участием все тех же актеров — охотников и их жертв. На какой-то миг что-то очень большое и темное закрыло звезды далеко на севере, но царица-ночь спрятала крохотную пещерку под своим фиолетовым плащом, и пролетевшему мимо кошмару так и не удалось вторгнуться в сон измученного беглеца.

Глава 3

ЗОВ И ПОГОНЯ

Отразившись от гладкой каменной стены, тонкий солнечный лучик проник в полутемную пещеру и упал на заросшее щетиной лицо спящего в ней человека. Тот пробудился с легким вздохом и, зевнув, выглянул из своего убежища сквозь дырочку в закрывавшей входной лаз куче хвороста.

Перед его глазами открылась примерно та же картина, что и днем раньше,— странные травы и кустарник уже развернулись и с наслаждением подставляли листья теплому утреннему ветерку. Некоторые из них выглядели чуть помятыми и обкусанными, но ни одно не казалось умирающим. Однако сейчас Иеро гораздо больше заботили собственные нужды. Он быстро обследовал остатки вчерашнего ужина и без особого удовольствия принялся жевать холодное и жесткое сырое мясо. Кулинарные достоинства этой пищи его не волновали; надо было задать работу урчавшему от голода желудку.

Закончив есть и бережно сложив последние кусочки мяса в шкуру, путник отправился на свидание с водяной лужей, где смог вдоволь напиться и смыть с тела пристав-

ший за ночь песок. Здесь же, присев на корточки, он внимательно осмотрел остатки своей вчерашней трапезы — прожорливые муравьи за ночь отскоблили брошенные у лужи куски шкуры и кости дочиста. Выбрав из этой кучки все полезное, Иеро занялся исследованием валявшихся поблизости камней и вскоре подобрал несколько отличных обломков кремня. Примерно через час он был готов покинуть приютивший его оазис, но только уже получше экипированным, чем в тот момент, когда полубесчувственные ноги привели Иеро к затянутому туманом кратеру.

На голове его теперь красовалась широкая круглая шляпа, сделанная из обглоданных муравьями ребер, переплетенных листьями, а с плеча свешивались кожаный бурдюк и сумка: бурдюк — с водой из лужи, сумка — с остатками мяса, костяными иголками и тяжелыми кремневыми лезвиями. Он даже умудрился кое-как побриться наиболее острым каменным осколком. Но самое главное — в заветной сумке хранился увесистый кусок какого-то минерала, который, ударяясь о кремень, высекал обильные искры. Значит, если удастся отыскать подходящее топливо, у него будет огонь.

Остановившись на обращенном к западу крае кратерного гребня, Иеро обернулся и посмотрел вниз. Вдруг он почувствовал странную признательность к этому небольшому клочку земли. Когда он страждущим пришел сюда, оазис дал ему пищу, воду и предоставил надежное убежище. Священник склонил голову в благодарственной молитве и, повернувшись, перешагнул через верхушку гребня. Сбежав по пологому откосу вниз, он волчьим скоком устремился прочь от гостеприимной ямы. В правой руке он сжимал свой каменный меч, толстый конец которого был теперь превращен в удобную рукоять. К сожалению, несмотря на устрашающий вид этого оружия, им можно было наносить только колющие удары.

Пройдя несколько шагов, Иеро обнаружил, что снова попал в духовку. Яркие лучи солнца, отражаясь от камней

и искрящегося песка, слепили его привыкшие к тени глаза. Тем не менее вид протянувшейся к западу пустыни обнадеживал одиноко бредущего путника. То там, то здесь из многочисленных трещин торчали древесные побеги, в основном высохшие и бесплодные, но кое-где попадалась и зелень. Стали появляться разнообразные кактусы, под колючей оболочкой которых можно было обнаружить сочную мякоть, содержащую влагу. Так что пустынная местность впереди определенно оживала. Иеро продолжал строго держать выбранное направление, пытаясь одновременно как можно подробнее припомнить не раз виденные им карты этого района.

Положение звезд, которые он наблюдал вчера ночью, лишь немного отличалось от виденного им в Д'Алви, так что, вполне возможно, он находился сейчас на той же широте. Однако ему пришлось проделать большой путь с похитителями, ведь Джозато говорил, что его хотят увезти как можно дальше от границ королевства. А потом — вновь напичкать наркотиками и перерезать глотку! Они понимают, что о его физическом уничтожении мгновенно станет известно близким людям — например, Лучар.

А если он просто исчезнет, то они будут удивлены, напуганы, но сохранят надежду и, возможно, не предпримут каких-нибудь решительных действий...

Ну, ладно, хватит об этом! Итак, все тот же вопрос — где он теперь?

Запад! Его везли почти строго на запад, подальше от границ королевства. Он снова представил себе карту местности: судя по звездам, если похитители и отклонились на юг, то очень незначительно. Поэтому, повернув сейчас на север, он должен вскоре выйти на равнину. Там ему могут встретиться люди, возможно — дружелюбные, возможно — нет. А это значит, что на север путь для него закрыт; слишком велика вероятность, что в конце его ждет новая засада.

Ему оставалось только признать, что Амибал, Джозато и колдуны Нечистого, их возможные советчики, разработали отличный план. И так как люди они предусмот-

рительные, трудно сказать, что будет предпринято, когда от его тюремщиков, этих бледнокожих гномов, не придет ни одного послания. Вполне вероятно, у них возникнут сомнения насчет его гибели. Ведь трубившие в рога так и не нашли его труп! И прямо сейчас, быть может, по цепи вражеских гонцов летят новые сообщения, новые приказы взять его след... Если, конечно, это уже не сделано.

Но где же они начнут его искать? Ну, естественно, на севере — оттуда он впервые появился, туда он, в случае чего, и отправится за помощью. И они решат, что ему никогда не придет в голову повернуть на юг, прямо в лапы Нечистого и его приспешников. Так что, судя по всему, другого маршрута у него не остается.

Что ж, он, конечно, пойдет на север, но не сразу и не той дорогой, на которой будут его ждать. Ему надо отклониться далеко к западу, в те области, что еще не отмечены на картах, и уже потом, оторвавшись от преследователей, повернуть на север и встретить врагов там, где они меньше всего его ожидают.

Придется пока расстаться с надеждой поскорее увидеть Лучар, хотя ему становилось больно от одной только мысли об этом. Несмотря на потерю своей ментальной силы, он был уверен в главном: она жива. Теперь они связаны настолько прочно, что если бы с ней что-то случилось, он бы наверняка почувствовал это. Нет, она определенно жива, и пока ей ничто не угрожает! Рядом с ней верный Митраш, а в случае чего придут на помощь эливенеры. У нее остался Клоц, который, раз хозяина нет рядом, будет ее слушаться. И в конце концов, у нее есть венценосный отец, а ему Иеро успел рассказать достаточно, чтобы тот держался настороже. При любом раскладе молодому герцогу и продажному жрецу предстоит еще немало потрудиться, чтобы уничтожить королевский дом Д'Алви.

Но беда придет на побережье, если она уже не там. Как принц и престолонаследник, Иеро пытался поднять свое новое королевство против Нечистого, и теперь все его начинания пошли прахом. Однако не стоит забывать,

что он еще и эмиссар далекой северной республики в этих странных государствах полуденного юга. Поэтому его первейшая обязанность — борьба с врагом; он не должен складывать оружие ни на секунду. И если его утраченные ментальные силы не возвратятся... Что ж, придется обойтись без них и отыскать что-то другое. Пока кровь еще течет в его жилах, он должен идти вперед, жертвуя всем для выполнения той миссии, которую возложили на него Отцы Церкви и брат Альдо.

Час за часом полунагой бронзовокожий человек неспешной рысью преодолевал мили, опаляемый беспощадным огнем, льющимся с небес. Острые глаза священника не упускали ни одной, даже самой незначительной детали окружающего ландшафта. Появились маленькие серо-коричневые птички, таращившиеся на него с высоких каменных глыб, а различных кактусов и растущих в пустыне кустов стало встречаться еще больше. Медленно, почти незаметно синеватый оттенок почвы сменялся обычным, серовато-желтым. Семейство каких-то зверюшек озадаченно уставилось на него из вырытых в пологом склоне холма нор, но, казалось, его присутствие не особенно встревожило крохотных грызунов. Оглянувшись, он увидел, что зверьки, позабыв о странном существе, возвратились к прерванным занятиям. Это наблюдение его обрадовало; теперь он знал: раз человека не боятся, значит, люди здесь встречаются очень редко.

Единственное, что ему сейчас необходимо, это остаться незамеченным, и каждая пройденная миля уводит его все дальше и дальше — туда, где он сумеет затеряться в бескрайних степях, в безбрежных джунглях и наконец пропасть из поля зрения врагов. Поиски союзников можно отложить на будущее; в данный момент главное — спрятаться, исчезнуть, раствориться в воздухе, не оставив никаких следов.

Когда день начал клониться к закату, Иеро принялся подыскивать себе убежище на ночь. Пища больше не являлась проблемой — в его кожаном мешке кроме вчераш-

него мяса лежали теперь несколько плодов кактуса с тщательно отскобленной колючей кожурой. Эти кактусы встречались даже на севере, в лесах Канды, и Иеро хорошо знал, что растущие на них колючие шарики на самом деле весьма питательны и вдобавок недурны на вкус. Вскоре после полудня ему повезло наткнуться на гнездовье птицы или ящерицы, где он с удовольствием полакомился крупными, похожими на куриные, яйцами. Да и вообще метсианские стражи границы могли выжить почти в любой местности, и сейчас, когда перед ним простиралась земля, намного плодороднее только что пройденной пустыни, Иеро уже не боялся умереть от голода и жажды. Но раз тут есть жизнь, значит, есть и хищники. Стало быть, с приходом ночи нужно подыскать убежище, чтобы случайно не попасть кому-нибудь на ужин.

Часом позже он мог считать себя полностью обеспеченным и в этом смысле. Ему удалось обнаружить невысокий каменный холмик, одна из сторон которого уходила вверх под прямым углом, и на этой отвесной стене имелся небольшой выступ. Совсем маленький — но не настолько, чтобы человек не сумел улечься на нем, спрятавшись под нависавшим сверху карнизом. Забившись в эту узкую щель, Иеро тут же обнаружил, что выступ изогнут наподобие чайной ложки и что углубление наполнено старым пеплом и полусгоревшими сучьями. Скрючившись под низкой каменной крышей, он разжег свой маленький костер, подкармливая пламя наскоро собранными сухими ветвями. По крайней мере, в таком убежище он мог позволить себе запалить огонь; только с юга, и то с довольно близкого расстояния, можно было разглядеть чуть заметное мерцание костра.

Если бы не пушистые усы, его сейчас можно было бы принять за какого-нибудь индейского охотника, устроившегося на ночлег, как и много тысяч лет назад, на каменном столбе где-то посреди необъятной прерии. Священник проглотил свой скудный ужин, состоявший из обжаренного на костре мяса и плодов кактуса, но так и не притронулся к фляге. Пока он не особенно нуждался в воде, и ее стоило поберечь. Эта довольно неприятная на вкус жидкость все равно оставалась водой, величайшей ценностью в засушливых степях. Перед ним лежали стебли кактуса. Брошенные в костер, они могли послужить надежной защитой от любого хищника, который в поисках добычи рискнул бы забраться под манящую каменную крышу.

Повернувшись, чтобы набрать еще веток, священник внезапно заметил кое-что еще, пропущенное им при первоначальном кратком осмотре. В слабых отсветах костра на потолке и стенах ниши виднелись какие-то странные рисунки, настолько блеклые и выцветшие, что, даже присмотревшись, он ничего не сумел разобрать. Еле заметные черточки на камне смутно напоминали ему фигурки людей и животных, но каких животных и каких людей? Столь неожиданно обнаружив, что не ему первому пришло в голову использовать это место для ночлега, Иеро почему-то приободрился.

Он оглядел раскинувшуюся перед ним равнину, залитую ярким лунным светом; где-то вдали ее поверхность скрадывала повисшая над землей туманная дымка. В небе безмятежно сияли звезды, а застывший под ними черно-серебристый пейзаж, полный резко очерченных контуров, казался священнику искаженным зеркальным отражением того красочного мира, по которому он путешествовал днем.

Неподалеку завыл волк, и его зов был мгновенно подхвачен еще целой дюжиной глоток. Иеро с минуту напряженно вслушивался в этот ночной концерт, пока не стало ясно, что серые охотники идут не по его следам. Взлаивания здешних волков совсем не походили на жуткий вой их северных собратьев, но стая была многочисленной и опасной. Наконец Иеро облегченно улыбнулся — волки явно гнали какого-то зверя, причем далеко в сторону от его убежища. Когда звуки погони окончательно стихли, он притушил костер, оставив лишь тлеющие угли, и устало откинулся на подстилку из веток. Он знал, что проснется вовремя, чтобы поддержать угасающий огонь.

Тихо лежа в темноте, священник некоторое время пытался предугадать, что ждет его в будущем, прекрасно сознавая всю тщетность и нелепость этих попыток — его сорок символов и магический кристалл остались в Д'Алви. Впрочем, если бы они и были с ним, чего бы он добился с их помощью, потеряв свой дар? Нет, теперь гадательные фигурки для него лишь груда бесполезного хлама... Нужно свыкнуться с мыслью, что завтрашний день, как для большинства живущих на земле людей, полон неопределенности... Он должен с благодарностью принимать те испытания, которые посылает Господь...

Наконец он задремал вполглаза, оставаясь по-прежнему настороже. Сначала никакие сновидения не тревожили его сон, но вот пальцы священника судорожно сжались, а на скулах заиграли желваки. Однако это не разбудило его — грудь Иеро продолжала мерно вздыматься, а глаза оставались закрытыми. Казалось, все замерло на искрящейся в лунном свете равнине, и ни один угрожающий крик не разорвал прозрачного ночного воздуха.

И все же где-то глубоко в подсознании мирно спящего человека замерцал сигнал тревоги. Возможно, его ментальные способности были подавлены лишь частично, и теперь нервные окончания встревоженно подрагивали, бились, пытаясь о чем-то предупредить оглохший и ослепший разум.

Иеро видел сон. В этом сне он летел над удивительным и странным местом, какой-то холмистой долиной. Там было множество холмов — пурпурных, курящихся туманом, что вставал из зеленых ложбин, зажатых между пологими склонами; их округлые, причудливой формы вершины поросли густым лесом. Странные курганы; ничего общего с привычными каменистыми холмами родного севера... Священник вздохнул во сне и пошевелил затекшей рукой. Непонятное сновидение потихоньку ускользало из дремлющего сознания, но почему-то он был теперь твердо уверен, что еще увидит эти пурпурные холмы. Они казались очень красивыми.

Поднявшись задолго до солнечного восхода, Иеро отправился добывать себе пропитание. Ночной холодок все еще давал о себе знать, но священник быстро согрелся, разыскивая свежие следы. Наконец на небольшой полянке, затененной кронами невысоких деревьев, он обнаружил — еще один добрый знак! — отчетливые отпечатки маленьких копыт. Следы оказались совсем недавними, и, принюхавшись, Иеро смог даже уловить слабый мускусный запах в том месте, где зверь потерся боком о шершавый древесный ствол. Он бесшумно двинулся по следу, одновременно отметив, что, по всей видимости, это маленькое копытное чувствовало себя здесь вольготно — то и дело зверь останавливался, чтобы полакомиться пригоршней-другой свежих зеленых листочков. Священник прибавил шагу и вскоре уже увидел животное — небольшую антилопу с забавно торчащими рожками и полосатой спинкой.

Что ж, решил он, настало время проверить новое оружие.

Иеро принялся мастерить его, как только вступил в полосу кустарников, но закончить работу ему удалось лишь к вечеру, как раз перед тем, как он устроился на ночлег на каменном уступе. Для священника это оружие являлось в самом деле новым и непривычным, хотя, как он вычитал в одной из летописей аббатств, люди пользовались им еще десятки тысяч лет назад. Широкий кожаный ремень, висевший у него на плече, с обоих концов разделялся на три хвоста поменьше, к каждому из которых был прочно привязан округлый камень. Пробираясь сквозь заросли, Иеро нетерпеливо перебирал ремешки своего боло, в который раз стараясь убедиться, что камни надежно закреплены и не выпадут из узла в самый неподходящий момент.

Итак, подкравшись к своей жертве на максимально близкое расстояние, он с криком выскочил из-за куста и, раскрутив кожаный шнур над головой, мощным рывком метнул его под ноги остолбеневшему от удивления животному.

Когда же антилопа наконец сообразила, что пора спасаться бегством, ремень прочно обвил ее передние ноги,

и бедный зверь, не успев закончить прыжка, с треском повалился в кусты. Священнику осталось лишь сделать несколько шагов и оглушить его ударом каменного меча. Разделывая добычу, он не раз бросал уважительные взгляды на свернувшийся рядом кожаный ремень.

Через несколько минут Иеро уже шагал обратно к своему холму, повесив на плечо завернутые в шкуру куски мяса. Правда, ему пришлось немного повозиться и закопать внутренности животного, чтобы не привлекать сюда любителей падали со всей округи, хотя он и не особенно опасался здешних хищников, охотившихся при дневном свете.

Снова усевшись в расщелине, священник развел небольшой костерок и, нарезая мясо тонкими полосками, принялся коптить его над огнем. Закончив с этой работой, Иеро отделил от черепа антилопы маленькие изогнутые рога. Несмотря на то что каждый из них оказался не длиннее его предплечья, он был уверен, что найдет им какое-нибудь применение. Наконец, уложив все запасы в новый, более просторный кожаный мешок, он старательно уничтожил все следы своего присутствия в этом месте. Заодно, воспользовавшись передышкой, путник тщательно осмотрел свои сандалии — потертые, поношенные, они, однако, еще имели вполне приличный вид и не требовали серьезной починки. Вскоре он опять бодро шагал на запад, продираясь сквозь заросли низких деревьев и буйно разросшихся кустарников.

Так пролетело четыре дня. Колючие, лишенные листьев кустарники постепенно уступали место более зеленой, пышной и высокой растительности, и раскинувшаяся перед ним равнина, все еще такая же открытая и плоская, стала теперь походить скорее на прерию, чем на выжженную солнцем бесплодную полупустыню. Появилась вода — сначала в виде изредка попадавшихся по дороге грязных луж, потом — мелких, быстро несущихся по песчаным руслам мутноватых потоков. Да и сама поверхность почвы теперь пошла на подъем — незаметно, зато неуклонно.

По пути Иеро больше ни разу не встретил следов человека. Казалось, заброшенный лагерь на скалистом карнизе

был единственным свидетельством того, что люди когда-то посещали этот район. Припоминая уроки в школе аббатств, священник с трудом мог поверить, что несколько тысяч лет назад здесь обитало столько людей, что его народ остался бы незамеченным среди всей этой огромной массы. И в очередной раз он опять ужаснулся при мысли о том, какие чудовищные перемены принесла в этот мир Смерть. Однако, что бы ни случилось в прошлом, сейчас поздно сокрушаться по поводу старых грехов, тем более что человечество уже заплатило за них чудовищную цену. И теперь этот ужас собираются возродить на земле Нечистый и его Темное братство!

Губы священника упрямо сжались. Он знал, что приложит все силы, а если надо — отдаст жизнь, чтобы их планы не стали реальностью.

Но хотя признаки человеческой деятельности в этих местах отсутствовали, жизнь била здесь ключом. Странник мог легко раздобыть свежее мясо на обед и несколько раз сам чуть было не послужил обедом, если б не его постоянная бдительность и осторожность.

Антилопы на этих равнинах бегали целыми табунами, причем настолько огромными, что Иеро предпочитал порой благоразумно уклоняться от встречи с таким количеством острых рогов. Попадались и олени, в основном — безрогие самцы, которые также сбивались в стада в это время года.

Были здесь и совершенно незнакомые звери, как правило — небольшие, но иногда встречались гиганты, которых священник, не жалея времени, обходил как можно дальше. Некоторые из замеченных им исполинов отдаленно напоминали парза, то ночное чудище, что несколько месяцев назад, еще во время его путешествия на юг, с шумом и грохотом вломилось в их лагерь. На мордах у них красовались длинные трубообразные отростки, толстые ноги оканчивались широкими разлапистыми ступнями, а изо рта торчали внушительных размеров бивни — изжелта-серые и хищно загнутые вниз. На берегах все более полно-

водных потоков путник несколько раз видел стада животных, по своим размерам не уступающих хоботным, но более приземистых, с огромными головами и пастью, полной кривых зубов. Несмотря на то что эти существа казались ему довольно миролюбивыми пожирателями водорослей, священник старался все же не раздражать их своим присутствием. Однажды, где-то очень далеко, он заметил небольшое стадо странных длинноногих животных, передвигавшихся, как и его попрыгунчик, огромными мощными прыжками, и счел их какими-то дальними родственниками своего пушистого скакуна. Эта внезапная встреча направила его воспоминания в новое русло. Он с печалью подумал о Сеги с Клоцем, их сильных ногах и широких спинах, затем его мысли незаметно вернулись к Лучар, и ему вновь пришлось собрать все свое мужество, чтобы по-прежнему идти вперед, удаляясь от нее с каждым шагом.

Так как на травоядных обитателей равнины постоянно охотились всевозможные хищники, ночи Иеро предпочитал проводить на деревьях повыше, хотя однажды какая-то похожая на кота-переростка тварь добралась до него и там. Увесистый шлепок каменным обломком по голове заставил ее злобно корчиться; немного очухавшись, древесная кошка, злобно рыча, удалилась, решив, вероятно, поискать себе более легкую добычу.

Пожалуй, можно сказать, что судьба хранила Иеро от встреч с действительно опасными хищниками. Кроме уже упомянутой твари здесь водились кошачьи и покрупнее — например, царственного вида полосатый красавец с коротким пушистым хвостом и заостренными, похожими на саблю клыками, украшавшими массивную нижнюю челюсть. Размеры его были настолько велики, что он мог охотиться на любых травоядных животных, за исключением разве что самых огромных. Заметив, что эти саблезубые исполины больше всего любят устраивать засады у водопоя, Иеро стал особенно внимательно осматривать прилегающую местность, прежде чем войти в озерцо или речушку и наполнить водой свой кожаный мех. Попадались также

и волки — крупные звери, довольно похожие на хорошо знакомых ему северных волков, только чуть пониже в холке и с менее густым мехом, немного непривычного для его глаз рыжеватого оттенка. И наконец, здесь целыми стаями бродили маленькие шакалоподобные хищники, которые так громко выли и лаяли, что Иеро успевал задолго до их появления оказаться на каком-нибудь дереве.

Конечно, он мог теперь позволить себе остановиться на несколько дней, чтобы передохнуть и изготовить лучшее оружие, но дело заключалось в том, что ему совсем не хотелось останавливаться. Чье-то чужеродное влияние, медленно, едва уловимо нарастающее в мозгу священника, заставляло его без передышки идти вперед, делая привалы лишь в случаях крайней необходимости. Он охотился на всяких мелких зверюшек, встречавшихся ему по пути, а по ночам, если не приходилось забираться на дерево, жег маленькие костры, провяливая мясо в дорогу. Однажды утром, взглянув на солнце, Иеро автоматически отметил, что, должно быть, отклонился к югу несколько больше, чем рассчитывал, но это наблюдение почему-то не взволновало его. Кто-то — или что-то — ненавязчиво, чуть заметно направлял и контролировал все его действия и помыслы, однако это неощутимое влияние не затрагивало жизненно важных рефлексов. И потому, продолжая стремительно двигаться вперед, он оставался по-прежнему бдителен и осторожен.

На шестой день после ночевки на засыпанном пеплом карнизе Иеро выбрался на гребень небольшой возвышенности, откуда, напрягая глаза, смог различить где-то на юго-западе тоненькую синюю полоску. Мысль о том, что цель, столь часто являвшаяся ему в сновидениях, уже совсем близка, заставила сильнее забиться его сердце. Да, скоро он увидит эти прекрасные холмы, побродит по их отлогим склонам и лесистым вершинам... Это странное желание, безраздельно завладевшее всем его существом, не имело ничего общего с первоначальными планами священника, но любые мысли о том, что он все сильнее и сильнее от-

клоняется от своего маршрута, просто не вызывали ответной реакции. Таинственный рыболов умело забросил удочку, и ничего не подозревающая рыбка крепко попалась на крючок.

Другое обстоятельство, внезапно обеспокоившее Иеро, казалось ему гораздо важнее и к тому же требовало немедленной реакции — он обнаружил, что за ним следят!

Несколько раз по дороге путник замечал странные вещи. Вот и сейчас — солнце уже клонится к закату, день миновал, но почему-то он снова ощущает странное напряжение. Сегодня дважды птицы целыми стаями — ни с того ни с сего! — срывались с веток за его спиной, а он не настолько глуп, чтобы не замечать их тревогу. Да, он не видел и не слышал ровным счетом ничего, что могло бы облечь его подозрения в какую-то более осязаемую форму, но зато он постоянно ощущал чье-то присутствие за спиной. Пусть верно служившая ему ментальная мощь иссякла, но чутьем охотника Иеро знал, чувствовал это — как любое животное знает о том, что его преследуют.

Священник скорее склонялся к гипотезе, что за ним идет один из здоровенных степных волков; кошачьи, насколько он понимал, никогда не охотились по запаху. Однако не стоило сбрасывать со счетов и тот факт, что за ним мог увязаться какой-то совершенно незнакомый и опасный зверь; необъятные просторы материка, в древности называвшегося Северной Америкой, теперь кишели поистине бесконечными по своей природе и разнообразию жизненными формами.

И все же Иеро пребывал в недоумении, так как порой его преследователь вел себя странно. Во-первых, кем бы он ни был, он явно не спешил нападать, и иногда священник чувствовал его присутствие совсем слабо, как будто тот останавливался или вообще начинал удаляться от него. Но потом все его инстинкты опять принимались отчаянно бить тревогу, словно охотящееся за ним существо, взяв след, снова пускалось в погоню, двигаясь с удивительной быстротой. Такое поведение было совершенно не свойственно хищнику. Значит, человек? Он не видел ни струйки дыма, ни проблесков далекого пламени во мраке ночи, но само по себе это еще ничего не значило; его преследователь мог обращаться с огнем так же аккуратно, как и он сам.

Наконец Иеро пришел к выводу, что все, что он может пока предпринять,— это стараться вести себя еще осмотрительнее и ждать удачного момента. Ведь тот, кто идет за ним, когда-нибудь непременно окажется близко, и ему представится возможность взглянуть на преследователя, а это лучше сделать из надежного укрытия. Поэтому, продолжая шагать к постепенно выраставшим на горизонте холмам, Иеро постоянно вертел головой то в одну, то в другую сторону, присматривая подходящее для засады место.

Большую часть этой ночи он провел на дереве, вслушиваясь и всматриваясь, но, к его удивлению, в звуках ночной прерии не было ничего необычного. Вопли хищников и их жертв, далекий топот копыт, шорох травы — все то же, что он слышал раньше, прошлой и позапрошлой ночью. Стадо огромных хоботных пронеслось мимо его дозорного пункта, и Иеро, стараясь не дышать, приник к ветке. Несмотря на то что он всегда выбирал для ночлега наиболее мощные деревья — а сегодняшний гигант отнюдь не являлся исключением,— ему не хотелось проверять, сможет ли разъяренный зверь повалить его. Через некоторое время священника насторожил страшный рев, весьма отдаленный, но тем не менее заставивший дрожать и сотрясаться землю. Он моментально представил себе некую сценку, в которой огромный саблезубый кот сцепился с одним из тех животных, что недавно пробежали под его деревом. После этих звуков ничто больше не потревожило священника, и под конец, крепко привязавшись к ветке, он заснул и проспал так почти до самого утра.

С рассветом он был уже на ногах. Высматривая одним глазом признаки погони, а вторым — поглядывая на дорогу, Иеро бодро шагал к заветным холмам, стараясь по мере

сил не оказаться слишком далеко от какого-нибудь высокого дерева или термитника. Последние начали появляться все чаще и чаще, причем священник сразу оценил всю привлекательность этих сооружений в качестве надежного укрытия и места для засады или наблюдательного пункта.

Ближе к полудню он все-таки не удержался и влез на один из этих холмов, чтобы осмотреться и заодно перекусить вяленым мясом и ягодами.

Небольшая стайка птиц, с испуганным писком взметнувшаяся в воздух примерно там, где он еще совсем недавно проходил, заставила его отложить недоеденный кусок. Аккуратно спрятав мясо обратно в сумку, Иеро пристроился за одним из бугристых наростов на макушке термитника, решив, что таинственный преследователь наконец-то решил познакомиться с ним поближе. Священник бросил еще один быстрый взгляд себе за спину — пара высоких деревьев неподалеку послужит прекрасным местом для отступления, если по каким-либо причинам ему придется сменить позицию.

Заросли кустарника впереди заколыхались, словно чье-то массивное туловище осторожно раздвигало колючие ветки. Сидя на верхушке термитника, Иеро заранее напряг мускулы, готовясь к прыжку и немедленному отступлению, если выяснится, что со зверем ему не совладать. Судя по треску и шорохам, которые производило это чудище, продираясь сквозь кусты, габариты у него были солидные.

Вдруг яркий солнечный луч ударил ему в лицо, отразившись от чего-то блестящего, и в этот момент существо, кончив хрустеть обломанными ветками, робко выступило из зарослей. Священник, не веря своим глазам, в изумлении уставился на незадачливого пришельца; затем счастливая улыбка заиграла на его губах. С большим трудом он подавил желание испустить громкий радостный вопль.

По песчаной насыпи, словно направляясь после прогулки к своему уютному стойлу, неспешно прыгал его пушистый скакун. На его спине болталось высокое седло, с боков свисали кожаные поножи; к седлу были приторочены весьма объемистые баулы, из которых торчали всякие острые и блестящие предметы, столь неожиданно привлекшие внимание Иеро. Попрыгунчик Сеги наконец-то нашел своего хозяина!

Впрочем, даже если бы тот сразу не узнал своего скакуна, что само по себе выглядело бы странным, то вид его любимого копья, закрепленного на седле хоппера, мог развеять любые сомнения.

Иеро слез с термитника и медленно двинулся по насыпи, тихонько подзывая прыгуна. Заслышав его, Сеги удивленно заложил одно ухо за спину, но остался на месте, не выказывая никаких признаков беспокойства и, по-видимому, не собираясь удирать от приближавшегося к нему загорелого человека в оборванных штанах. Когда Иеро подошел совсем близко, попрыгунчик наклонил голову и тщательно обнюхал его. Потом, удовлетворенный осмотром, он уселся на свой пушистый хвост, глядя решительно и гордо, словно говоря: «Ну вот, моя работа закончена. Посмотрим, что теперь сделаешь ты».

Довольно долгое время Иеро простоял в молчании, уткнувшись лицом в мягкое плечо своего скакуна. За подобную удачу стоило помолиться еще раз — Господь послал ему царский подарок из бесплодной пустыни! Помахивая длинными ушами, Сеги терпеливо ждал, пока его хозяин справится с волной внезапно нахлынувших чувств и прикажет, что делать дальше.

Наконец, словно проснувшись, священник ласково потрепал пушистый бок хоппера и принялся разбирать его ношу.

Вначале он вытащил из мешка копье с тяжелым плоским наконечником и крестообразной распоркой, закрепленной позади лезвия; похожие копья когда-то изготовлялись в средневековой Европе. Иеро аккуратно высвободил его из чехла и положил на траву. Развернув следующий пакет, он даже присвистнул от восторга — здесь находилось все его боевое снаряжение! Там был даже его старый короткий меч с клеймом древнего и теперь уже давно забы-

того государства, подаренный ему на окончание школы аббатств. Перекинув через плечо широкий кожаный ремень и ощутив за спиной приятную тяжесть, Иеро вновь почувствовал себя счастливым и полным сил.

Итак, копье, меч — да еще и кинжал! — отличный шестидюймовый кинжал с обоюдоострым лезвием и рукояткой из оленьего рога. Затем рядом с оружием на траве оказались кожаный пояс и небольшая, но удивительно тяжелая коробочка из дубленой кожи, открыв которую Иеро обнаружил свой магический кристалл и гадательные символы. И наконец, последними из мешка были вынуты два увесистых пакета с сушеным мясом, специально приготовленным для долгих путешествий. Теперь он не сомневался, кто послал ему все это!

Но где же ее письмо? Проворные пальцы странника принялись дюйм за дюймом исследовать кожаную сбрую хоппера. Однако после беглого осмотра ему удалось обнаружить лишь небольшую фляжку — очень полезный предмет для любого путника.

Черт возьми, да где же оно? Ведь он прекрасно знает, что послание должно быть где-то здесь, совсем рядом!

Стоп! Иеро заложил руки за спину и попытался рассуждать логически.

«Думай головой, дубина,— убеждал он себя.— Предположим, Сеги убили бы...— Тут попрыгунчик сунул свой холодный нос прямо в волосы священника и возмущенно фыркнул.— Как бы ты поступил на ее месте, учитывая такую возможность? Неужели стал бы прикалывать это чертово письмо к левому уху хоппера, чтобы его мог найти и прочитать кто угодно?»

После долгих поисков он наконец обнаружил вожделенное послание — малюсенький мешочек из хорошо промасленной кожи, в который был засунут небольшой клочок бумаги. Сам кожаный футляр, размером не больше ногтя, оказался упрятанным в дальний уголок под седельной покрышкой.

Дрожащими руками священник развернул бумажный лист и, не обращая внимания на нещадно палящее с небес светило, погрузился в чтение. Над его головой через равные промежутки времени трепетали розовые ноздри прыгуна, вбирая разнообразные запахи, которые нес легкий ветерок. Однако в них не таилось никакой угрозы, поэтому голенастые ноги Сеги оставались по-прежнему расслабленными, в то время как его хозяин снова и снова перечитывал несколько торопливых строчек, набросанных на смятом листке бумаги.

«Дорогой мой,— стояло вверху,— *я верю, что ты жив. Не знаю только, где ты и что они с тобой сделали. Кто виноват во всем этом, мне, конечно, понятно: раз ты не умер, а я никак не могу прикоснуться к твоему сознанию, значит, без Нечистого здесь не обошлось. Я бы с радостью послала к тебе Клоца, но он убежал той же ночью. Конюх говорит, что он страшно бился и ревел в своем стойле, а когда его попытались успокоить, сломал ворота и мгновенно исчез в темноте. Стражники утверждают, что незадолго перед рассветом видели его на северной дороге. Наверное, тоже последовал за тобой, так что будь готов к встрече. На балу один из гостей пытался убить короля. Этот человек так и не заговорил. Отец ранен серьезно, но выживет. Мой кузен Амибал куда-то подевался, и никто не может сказать, где он теперь находится. Джозато тоже исчез, и даже верховный жрец ничего не знает о нем. В казармах пока все спокойно, а Митраш теперь постоянно со мной. Он просил передать тебе, что уже разосланы люди на поиски и что он сообщил обо всем друзьям. Да хранит тебя Господь, любимый! Я оставила в мозгу Сеги еще одно сообщение для тебя. Если он сможет тебя найти, он это сделает. Возвращайся скорей ко мне.*

Твоя Л.».

Иеро был рад, что никто, кроме Сеги, не видит его сейчас.

Кто бы мог представить, что опытный суровый киллмен, один из самых отчаянных лесных рейнджеров севера, будет стоять и плакать в три ручья над письмом от любимой женщины?

Протирая мокрые от слез глаза, он еще раз поблагодарил Бога за то, что у него есть такая жена. Она ведь еще совсем ребенок! И в то же время с каким самообладанием она поступила в этой нелегкой ситуации! Раз Иеро жив, значит, надо попытаться помочь ему. Раз сбежал Клоц, нужно послать второго скакуна — неважно, что это лучший из хопперов королевства. Иеро восхищенно покачал головой. Он мог поспорить, что охрана во дворце уже удвоена и все войска приведены в боевую готовность. Да, и как проницательно она подметила исчезновение молодого герцога и главы канцелярии верховного жреца! Кажется, заговорщикам будет непросто добраться до нее! Митраш ведь разослал сообщения, не так ли? Это тоже хорошо. Иеро не сомневался, что совету эливенеров уже известно обо всех последних событиях. Стало быть, сейчас брат Альдо и его соратники могут, правильно оценив обстановку, сделать ответный ход.

Да, прочитав это письмо, священник почувствовал, что у него гора свалилась с плеч! Даниэл и Лучар теперь в безопасности, а все королевство — настороже. Он получил ту помощь, которую она могла ему оказать, и все остальное уже зависит лишь от него самого. Правда, судьба Клоца немного его беспокоила. Куда он мог подеваться? Иеро еще раз погладил Сеги. Этот попрыгунчик действительно сотворил чудо! Обремененный тяжелым седлом и поклажей, он прошел сотни миль, терпеливо следуя за своим пропавшим хозяином. И что совсем удивительно, выглядел он просто отлично. Даже если принять во внимание все то, что Иеро слышал о силе и выносливости этих животных, странствие Сеги поражало воображение. Ведь он, должно быть, тоже пересек голубую пустыню, несколько дней обходясь без воды, а потом вынужден был скрываться от многочисленных степных хищников. И так, почти не останавливаясь, он двигался вперед и вперед, пока наконец его нерасторопный хозяин не отыскался... Трудно сказать, подумал про себя священник, смог бы повторить такое опытный человек? Неужели он, Иеро Дистин, достоин такой безграничной преданности?

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы вновь вскарабкаться на термитник и обозреть окрестности. Затем Иеро ослабил ремень, удерживающий стремена-футляры для ног, уселся в седло и, ласково потрепав шею хоппера, послал его вперед. Сеги повел ушами и, все ускоряя бег, припустил к вставшей на горизонте цепи холмов. Эти странные курганы по-прежнему манили священника в свои объятия, и потому он бездумно гнал своего скакуна на юго-запад, навстречу тому, что лежало за поросшими лесом склонами.

Глава 4

СОВЕТ ТЕМНОГО БРАТСТВА

Где-то глубоко под землей, в мрачном помещении с могучими каменными стенами, россыпью разноцветных огней загадочно мерцал гигантский экран. Светящиеся стеклянные плафоны, вделанные в холодный камень, бросали тусклые отблески на идеально отполированную поверхность большого круглого стола, сложенного из черных мраморных плит. Вокруг стола на небольших возвышениях — так, чтобы хорошо был виден сияющий экран-карта — были расставлены четыре черных кресла с ножками какой-то странной, нелепо изогнутой формы и множеством непонятных значков и символов, вырезанных на их широких спинках и подлокотниках. Немного поодаль стояло еще одно кресло — такого же цвета, но большее по размерам и еще богаче украшенное. Оно, однако, до сих пор оставалось пустым.

В остальных креслах развалились четыре долговязые фигуры в серых балахонах. На первый взгляд можно было принять их за близнецов, настолько похожими друг на друга казались эти люди. Все безволосые или выбритые настолько чисто, что на черепах у них не оставалось ни малейших следов растительности; у всех молочно-белая, словно ни-

когда не видевшая солнца кожа. Заглянув в их глаза, любой человек вскрикнул бы от ужаса — эти бездонные серые омуты, в которых пылал лишь холодный злобный огонь, напоминали зрачки случайно оживших мертвецов. Болезненно-белые лица оставались совершенно бесстрастными; их расплывчатые черты с трудом позволяли судить о возрасте участников совещания и вместе с тем наводили на мысль о чем-то бесконечно древнем и давно забывшем о самом понятии «возраст». Только помаргивание этих ужасных глаз и едва заметные движения рук, касавшихся гладкой поверхности стола, придавали этим застывшим в креслах восковым манекенам какое-то подобие жизни. Все их внимание было приковано к мерцающему экрану, и только изредка то один, то другой наклонялся и шептал что-то своему соседу или, едва шевеля пальцами, царапал какие-то пометки на лежавших рядом клочках бумажки. Высший Совет адептов Нечистого напряженно работал.

Хотя с первого взгляда казалось, что темные мастера имеют совершенно одинаковую внешность, присмотревшись, можно было заметить и кое-какие различия. Кроме того, у каждого на груди висело по цветному медальону — сгусток немыслимо закрученных и застывших нитей из какого-то странного, холодно поблескивающего вещества. Красный, желтый, голубой и зеленый — но почему-то ни один из этих оттенков не радовал глаз; медальоны неуловимо переливались в неярком свете ламп, словно жадные и хищные глаза неведомых чудовищ. Зеленый казался наиболее отвратительным; он выглядел мерзкой пародией на свежий и насыщенный цвет весенней листвы. Вряд ли можно было ожидать иного — в том мире, какой собирались установить на земле собравшиеся за этим столом, свежей весенней листве не отводилось места.

Висевший над головами адептов экран походил на паутину разноцветных проводков, изгибающихся под какими-то невероятными углами; их прихотливый узор постоянно менялся, и казалось, что эта сеть, полная какой-то странной и отвратительной жизни, выплескивает в пространство эма-

нацию зла. На судорожно корчившихся нитях беспорядочно вспыхивали маленькие огоньки, ни секунды не оставаившиеся на месте. Не составляло труда понять, что четверо в креслах прекрасно разбираются в том, что творится на экране, читая появлявшуюся на нем информацию с той же легкостью, с которой обычный человек пробегает глазами печатный текст. Никто, кроме особо избранных, не знал языка великого экрана, на котором отражались все секреты и начинания Темного братства, его самые глубоко лелеемые планы. Невероятно долгое время собравшимся здесь адептам приходилось изучать этот язык, постигать его тайные глубины — всей жизни простого смертного едва хватило бы для выполнения такой задачи. Но теперь они были мастерами, первыми в своих кругах, и великий экран — устами самого Нечистого — говорил им, что надо делать и как делать.

Наконец обладатель зеленого медальона отвернулся от светящейся панели и внимательно оглядел своих соседей. Если владелец голубого медальона каким-то образом казался наиболее молодым из собравшихся, то закутанный в серую робу повелитель Зеленого круга выглядел самым старым, хотя было бы нелегко изложить причины подобного вывода.

— Я собрал вас здесь, следуя заповедям Высшего совета, где любая мысль имеет свой вес, а любое знание — свою цену.

Эта традиционная фраза походила скорее на ритуальное приветствие, на некую формальность, с помощью которой объявлялось о начале очередного заседания. Голос говорившего, тонкий и вибрирующий, был также лишен всякой эмоциональной окраски. Только какой-то нечеловеческий, неестественный холод присутствовал в этом голосе, звенящем, словно мчащаяся под откос глыба льда.

— Итак, как самый старший среди нас, я обращаюсь к брату С'дане, предводителю Голубого круга нашего ордена. Те события, о которых сейчас пойдет речь, разворачивались, в основном, на подотчетной ему территории,

поэтому он и его ближайшие помощники целиком и полностью несут ответственность за все, что там случилось. Прошу заметить, что я упоминаю об этом не с целью обвинить брата С'дану в нерешительных действиях и ошибочной оценке сложившейся ситуации. Мое первоначальное заявление, по существу, является лишь констатацией факта; я также имею на это соответствующий приказ,— добавил человек с зеленым медальоном, заметив нетерпеливое движение вождя Голубого круга.

В глазах сидевших за столом вспыхнули огоньки любопытства, и адепт с зеленым медальоном, потерев бровь, кивнул головой в сторону пустого кресла на возвышении.

— Да,— продолжал он,— мне, С'лорну, первому среди мастеров Зеленого круга, в моей южной твердыне было доставлено послание. Послание от Безымянной силы, от того, кого сейчас нет с нами, но кто существовал всегда и будет существовать вечно. Любой из нас мог получить его, и мне остается лишь догадываться, почему для исполнения своей воли Он выбрал именно меня. Я думаю — а я долго размышлял над этим вопросом во время путешествия,— что данное поручение было возложено на меня, поскольку из всех нас я живу в наибольшем удалении от места нашей встречи. Вот уже много поколений мы, да и те, кто воспитал и выучил нас, не считали необходимым проводить подобные встречи во плоти. Сейчас, видимо, такая необходимость встала особенно остро, раз уж мне пришлось заставить вас добираться сюда столь неудобным способом. Наш Безымянный властитель, Избранный из Избранных, владеет многими секретами. Возможно, у него есть более исчерпывающее объяснение, но нам придется довольствоваться тем, что сказано выше.— С'лорн потер свои бледные ладони.— Ну что ж, пусть брат С'дана введет нас в курс дел.

Предводитель Голубого круга внешне выглядел совершенно спокойным. Пока что суд над ним еще не объявлен; остальные могут лишь наблюдать и делать для себя какие-то выводы. Это совет равных, и именно таким об-

разом он и был учрежден — чтобы избежать междоусобиц, постоянно возникавших между сторонниками Нечистого и подчас сводивших на нет все их кропотливо разрабатываемые планы. Да, все они равны по своему положению, но бескорыстную помощь ему никто здесь не окажет — их так воспитывали с самого детства; к тому же это правильно — каждый должен справляться со своими проблемами самостоятельно. И хотя последние события серьезно пошатнули авторитет С'даны, другие мастера не будут относиться к нему враждебно из-за постигших Голубой круг неудач. Другое дело, если он проявит хоть малейшие признаки слабости или сомнения...

Кроме того, все портили эти неведомые инструкции, поступившие якобы от самого Безымянного. Могут ли они содержать указания насчет его бездарного руководства той злополучной карательной экспедицией?

Неуловимая дрожь пробежала по спине верховного мастера Голубого круга.

— Первым событием, к которому я хотел бы привлечь ваше внимание,— начал он,— была странная смерть мастера С'нерга из Красного круга. Довольно долго его тело не могли отыскать, хотя мы уже знали, что он либо убит, либо взят в плен, потому что его маяк по-прежнему двигался по карте. Вскоре после этого мы понесли новые потери, в основном — животными. Все они тоже были убиты. Это послужило нам повторным предупреждением — если, конечно, считать, что гибели одного из высоких братьев оказалось недостаточно, чтобы вызвать тревогу.

Никто не шевельнулся и не попросил слова, однако нужные акценты были расставлены: все поняли, что Голубой круг отнюдь не первым принял на себя удар противника.

— Потом это существо, этот дикарь с севера, надолго исчез в трясине Пайлуда, в тех местах, где даже мы не осмеливаемся появляться. И все же мы навели на его след обитающее там создание, которое сами не слишком хорошо понимаем и которого опасаемся, хотя иногда и использу-

ем в своих целях. Насколько мне известно, пришелец его убил.

Пауза. Прозвучала еще одна ключевая мысль.

— Тогда мы начали уже серьезно беспокоиться. Каким-то образом преодолев болото, дикарь быстро приближался к границам моего круга. К тому моменту мне уже приходилось самостоятельно рассчитывать его вероятный маршрут, потому что он уничтожил маяк С'нерга — видимо, догадавшись о его функциях. Так или иначе, я устроил на него ловушку и захлопнул ее. Но тут нам был преподнесен сюрприз! Мы поймали всего лишь размалеванного дикаря-священника из этих северных аббатств. Грязного лесного бродягу, наполовину солдата, наполовину охотника; обычно именно таких головорезов они и посылают куда-нибудь со своими дурацкими поручениями. Его спутников, двух животных и девчонку-рабыню, которую он отбил у местного племени каннибалов как раз в тот момент, когда они собирались ее съесть или скормить своим священным птицам, мы даже не стали преследовать. Трудно представить, что эта разношерстная компания могла так переполошить наших людей! — С'дана поочередно оглядел сидевших перед ним мастеров, как будто взвешивая очередную фразу, прежде чем произнести ее вслух.— И вот здесь, признаю, я допустил ошибку. Если наш великий план хоть как-то пострадал по моей вине, я готов нести любую ответственность за этот просчет. Я просто не мог поверить, что захваченный нами дикарь, пусть даже весьма смелый и опытный воин, окажется тем, кем он оказался! Я решил тогда, что аббатства — или сам этот священник — обнаружили в городах Смерти какое-то новое знание, машину или странный наркотик, позволяющий усиливать ментальный дар. Поэтому пленник был отправлен в твердыню на острове Манун, где мы собирались не спеша вытянуть из него все секреты.

Свет ламп отразился от блестящего черепа мастера Голубого круга, когда он недовольно покачал головой:

— Мы ошиблись снова. Этот человек обладал врожденными телепатическими способностями, причем настолько

мощными, что со временем они могли бы привести его сюда, в эту комнату — как привели всех нас. И основным нашим промахом является то, что мы недооценили силу и изобретательность жалкого служителя всеми забытого божка!

Неподдельная страсть, прозвучавшая в тоне говорившего, заставила С'лорна зашипеть от ненависти, но он моментально взял себя в руки, увидев, что мастера Красного и Желтого кругов согласно кивнули.

— То, что случилось потом, вам хорошо известно,— продолжал С'дана.— Дикарь бежал! Бежал с острова Смерти, захватив свое оружие и убив еще одного брата! Предводитель моих ревунов-телохранителей каким-то образом почувствовал тревогу и бросился за ним, но тоже был зарезан, хотя я лично обучал и тренировал его не один год. А теперь вдумайтесь, братья! Мы до сих пор не знаем, как все это было проделано! Все наши знания, все наши информарии не дают ответа! Да, несомненно, во время побега этот человек пользовался своим ментальным даром и с его помощью убил одного из братьев, это ясно. Но без помощи наших машин — да и с их помощью тоже! — способны ли мы сделать нечто подобное? Вы прекрасно знаете ответ. Что же дальше? Опираясь больше на догадки и предположения, мы снова выследили этого убийцу-священника, этого пера Иеро Дистина, о котором теперь мы знаем так много. Оказывается, он отыскал свою девчонку-оборванку и животных, использовав направленный мысленный сигнал. Как ему удалось сделать это, не разрушив собственный мозг, нам опять же неизвестно. Что было потом? Потом целый отряд наших слуг, посланный вдогонку за беглецами на одном из новейших кораблей, приводимых в движение силами Смерти, вся корабельная команда и один из наших высших братьев, С'карн, который командовал отрядом и был отнюдь не слабым противником для кого угодно, исчезли. Все — я повторяю, все! — исчезли!

Теперь пауза была дольше, пока С'дана пытался справиться с охватившей его яростью. На лицах остальных ма-

стеров застыло выражение озабоченности. Казалось, даже глава Зеленого круга С'лорн глубоко потрясен последними словами.

— Мы делали все, что могли. Мы выпустили столько защитных экранов, сколько успевали выдавать наши мастерские. В районе Внутреннего моря мы подняли на ноги всех своих людей, все посты. Мы предупредили об опасности наших братьев из Желтого круга, и в конце концов я сам отправился к южной границе наших территорий. Ибо я к тому времени уже понял, какую угрозу несет нам этот человек, играющий своей ментальной силой, словно разрядами молний. Да, тогда я уже понял это! То, что произошло дальше, известно нам уже из менее надежных источников. Насколько можно представить, случилось следующее: каким-то образом священник умудрился пересечь Внутреннее море. При этом ему еще раз пришлось сражаться; его судно — непонятно, где и каким образом он его раздобыл — догнал пиратский корабль, команду которого мы давно контролируем. Вызвав на поединок капитана пиратов, он зарубил его; кроме того, зарубил еще и глита — а ведь эту породу мы считали одной из самых перспективных! После поединка команда пиратского корабля немедленно сдалась; даже страх перед Темным братством не мог заставить их нарушить морской закон, согласно которому нельзя причинять ущерб победившему в такого рода схватке. По возмущениям ментального поля мы снова вычислили их вероятный путь и выслали еще один корабль с тайной базы на южном побережье. Наш корабль настиг и уничтожил судно священника, но, к сожалению, было уже слишком поздно. Нам досталась лишь груда дымящихся обломков, застрявших на рифах, а вся команда парусника успела сойти на берег и растворилась в дремучем лесу, который мы никогда раньше не посещали. Но это еще не все, братья.— Голос С'даны, который и так нельзя было назвать особенно благозвучным, теперь стал похож на шипение приготовившейся к броску кобры.— Вместе с ним на корабле находился эливенер! С каких пор, я спрашиваю, эти

презренные поклонники букашек, эти глупцы, что копаются в грязи и нянчатся с разными тварями, эти доброхоты, утешающие слабых и кормящие голодных — агрр! — с каких пор эти мерзавцы стали совать нос в наши дела?!

Животная ярость огненно-красной волной захлестнула сознание С'даны, но отчаянным усилием верховный мастер Голубого круга вновь овладел собой.

— Так вот, один из них был на корабле вместе со зверьем, женщиной и священником. Его видели. Какой-то старик — вероятно, весьма высокого ранга в их иерархии, потому что он мог контролировать даже огромных морских животных. Вполне возможно, что именно он приложил руку к исчезновению нашего корабля на севере. Затем я отправился в Ниану, чтобы попросить у сидящего здесь рядом со мной брата С'диги из Желтого круга совета и помощи. И так как я полностью передал ему контроль за операцией, то прошу его самого рассказать о том, что мы задумали и что из этого получилось.

Довольный тем, что отчет завершен, С'дана облегченно откинулся на спинку кресла. По его высокому бледному лбу медленно стекали струйки пота.

С'дига, находившийся слева от него, некоторое время сидел в молчании, размышляя, с какого места ему следует продолжить рассказ, затем поднял голову и заговорил:

— То, что мы попробовали предпринять, насколько я теперь понимаю, нужно было сделать гораздо раньше.— Глаза темного мастера недоверчиво обежали лица коллег, как будто он ждал какого-то вызова с их стороны.— Мы рассуждали следующим образом: во-первых, почему этот священник вдруг ни с того ни с сего оказался столь далеко на юге? Во-вторых, сам ли он решился на такое отчаянное путешествие или его кто-то послал? Не скрою, С'дана сумел убедить меня, что это отнюдь не ложная тревога и что теперь нашим великим планам может грозить серьезная опасность. И наконец, в-третьих: даже если дикаря никто сюда не посылал, то что он здесь ищет? Примите во внимание, что тогда мы еще не знали о сопровождав-

шем его эливенере; эти сведения пришли к нам намного позже. Итак, выделив три главных вопроса, мы приступили к обработке имевшихся у нас данных. Как нам стало известно, пришелец захватил все записи и карты погибшего С'нерга, на которых помечены те места, где Смерть ударила с особой силой,— центры древней цивилизации. Возможно, он искал одно из таких мест? При той скудной информации, которой мы тогда располагали, эта мысль казалась нам весьма вероятной. Разведчики Голубого и Красного кругов обшарили весь север, но им, к сожалению, требовалось определенное время, чтобы составить полные отчеты, а временем мы как раз и не располагали. Поэтому нам пришлось в какой-то мере действовать наугад... правда, мы стянули свои подразделения, людей и всех имевшихся под руками рабов-животных поистине с удивительной скоростью. К тому моменту, когда дикарь снова дал о себе знать, мы собрали уже порядочные силы под командованием полудюжины высоких братьев. В полученном нами донесении сообщалось, что дикарь сошелся в ментальном поединке с какой-то странной жизнью, обитающей в том районе. Что это за существо и с чем еще придется столкнуться нашим отрядам, мы не знали. Слишком много отличных разведчиков бесследно исчезают в этих лесах,— и, соответственно, качество имевшейся у нас информации оставляло желать лучшего. Мы внимательно изучили карты наших южных территорий и на одной из них нашли весьма любопытную пометку — вход в подземное хранилище, построенное людьми во времена до Смерти. Из многих сотен подобных сооружений, обнаруженных разведчиками и дожидающихся своей очереди для изучения, только этот объект находился в пределах интересующего нас района.

С'дига с некоторым вызовом оглядел присутствующих.

— Да, ни С'дана, ни я сам не присоединились к нашей армии. Возможно, если рассматривать сложившуюся ситуацию с нынешних позиций, нам обоим стоило сделать это. Но тем не менее я не собираюсь ни перед кем оправ-

дываться за свое решение. В самом деле, зачем мы тогда подбираем и учим своих помощников? И если сейчас кто-то усомнился в нашей преданности плану, я требую заявить об этом!

Никто не двинулся с места, и, слегка понизив голос, мастер Желтого круга продолжил:

— Нашему отряду было нанесено самое сокрушительное поражение за всю историю Темного братства. Последние ментальные сообщения от братьев говорили о том, что они нашли нужное место и спускаются вниз. Больше посланий от них не поступало. Много дней спустя один из разведчиков со всей осторожностью осмотрел это место. Растительность там либо захирела, либо погибла, а из чудовищных разломов в почве вытекала горячая слизь и поднималось отвратительное зловоние. Непохоже, что такие разрушения могли быть вызваны силами Смерти, потому что мы умеем определять последствия ее применения. Очевидно, наш враг использовал какой-то из еще более древних секретов погибшей расы. На этом моя история кончается.

С'дига замолчал и бесстрастно уставился на полированную поверхность стола.

Его соседи тоже безмолвствовали. Хотя они не услышали сейчас ничего нового, столь подробно и точно изложенное повествование об их величайшей неудаче угнетающе подействовало на всех. Но вот чей-то голос нарушил затянувшееся молчание:

— Зато я, братья, могу продолжить эту историю.— Мастер Зеленого круга С'лорн улыбался, если так можно было назвать мерзкую ухмылку, перекосившую его лицо (это, впрочем, совсем не означало, что высокий мастер собирается пошутить — подобные ухмылки не имели ничего общего с чувством юмора).— Не сочтите за труд выслушать последние новости из моих южных владений. Кстати, многие из них были доставлены только сегодня, с моим специальным нарочным. Не скрою, они немного поднимут ваше настроение.

Сообщив это, С'лорн возбужденно подался вперед, пальцы его длинных белых рук соприкоснулись друг с другом на полированном мраморе столешницы.

— Вы все, должно быть, знаете, что вскоре после уничтожения нашего отряда дикарь-священник объявился в Д'Алви, пустив прахом несколько лет кропотливой работы слуг и союзников братства. Более того! Та оборванная девчонка, маленькая лесная крыса, которую он подобрал где-то на севере, на самом деле оказалась единственной дочерью короля этой страны — и, стало быть, законной наследницей престола! Такого поворота событий никто не мог предугадать! Пройдоха-священник окрутил эту девку, женился на ней и стал фактически полновластным правителем королевства! Но в большинстве случаев успехи этого шустрого северянина объясняются либо невероятно удачным стечением обстоятельств, либо, как мне ни прискорбно признавать, серьезными просчетами в действиях наших собратьев.— С'лорн внимательно оглядел остальных мастеров, отмечая реакцию каждого на только что сказанные им слова.— Я заранее приношу извинения тем из вас, кого я мог обидеть своим заявлением. Но в свете последних событий мое мнение о ловкости этого потрясателя основ, этого пера Иеро Дистина, несколько изменилось. Прежде всего я решил понять, кто же он такой. Насколько мне известно — из ваших же источников,— он состоит на службе у северных аббатств, а я ведь очень мало знаю о том, что это за аббатства и чего они добиваются. Я подумал, что самым разумным будет считать его некой естественной флюктуацией, странным телепатическим мутантом, которые еще изредка появляются то там, то тут. И как только наш священник подпал под одно из определений строгой классификации, сразу стало ясно, как его одолеть. Собрав братьев Зеленого круга, я вместе с ними разработал свой собственный план. Вы знаете, что у нас есть весьма могущественные союзники в Д'Алви — даже среди людей так называемой «королевской крови», не говоря уж об их храмах, которые просто нашпигованы нашими соглядатаями, занимающими там большинство ключевых постов. Нужно еще отметить, что как раз к тому времени в моих секретных лабораториях завершились испытания некоего препарата, способного подавлять ментальную активность мозга, причем даже весьма тренированного... видите ли, у нас была возможность провести и такие эксперименты...

Остальные трое прекрасно понимали, сколько братьев, вызвавших неудовольствие верховного мастера, стали жертвами этих опытов, но никто не вымолвил ни слова. Подобные дела ничего не значили, если требовалось вырвать инициативу из рук противника.

— Я выбрал место встречи с союзниками из Д'Алви как можно дальше от столицы королевства,— продолжал мастер Зеленого круга,— потому что мне хотелось, чтобы предмет нашего интереса не ощущал около себя никакой ментальной активности. Я хотел, чтобы он не смог обнаружить ничего подозрительного среди окружавших его людей — и он действительно так ничего и не обнаружил! А теперь слушайте меня внимательно, братья. Сегодня я могу с полной уверенностью сообщить, что пер Иеро Дистин, этот лжепринц и возмутитель спокойствия, мертв!

Кто-то из мастеров не сумел подавить облегченного вздоха. Но то был явно не С'дана, на холодном лице которого не дрогнул ни единый мускул.

— Этого ментального монстра просто-напросто оглушили ударом по голове, вкатили огромную дозу нового препарата и, в сопровождении доверенной охраны, отправили подальше от города. Священника убили не сразу, иначе его жена, эта высокородная шлюха, почувствовала бы, что он мертв, и приступила бы к решительным действиям. Тогда большинству наших агентов в Д'Алви пришлось бы туго... Но теперь уже не остается никаких сомнений: пер Иеро абсолютно, целиком и полностью мертв! Все! Эта фигура сошла с игральной доски, и мы можем, как прежде, свободно планировать наши дела, не опасаясь, что он снова сумеет нам помешать.

На этот раз тишина была уже не такой долгой — вкрадчивый голос С'даны моментально оборвал наступившее молчание, но в нем не было и тени радости, а только ледяной холод.

— Прежде чем мы окончательно удостоверимся в твоей правоте, старший брат, я, как единственный из вас лично видевший этого человека, смиренно прошу дать ответ на некоторые вопросы. Где и каким образом он был убит? Кто опознал труп? Могут ли ваши союзники показать нам тело? И если оно действительно у них, то что они собираются с ним делать? Когда я услышу ответы на эти маленькие вопросы, я, вне всяких сомнений, сочту себя удовлетворенным.

Слабый румянец выступил на мертвенно-бледных щеках обладателя зеленого талисмана. Было совершенно ясно, что подобная просьба застала его врасплох и поэтому старший мастер сейчас всеми силами пытается подавить новый всплеск раздражения. Наконец, собрав всю свою волю, С'лорн заговорил заметно дребезжащим голосом:

— Предводитель наших союзных сил в Д'Алви воспитывался мною с детства. Его доверенные люди увезли одурманенного священника далеко на запад, пользуясь тайными тропами, не известными никому, кроме них. Он отправил с пленником своих самых преданных слуг, причем двигались они двумя партиями: первая везла священника, а вторая следовала за ней в некотором удалении. Это оказалось совсем не лишней предосторожностью, потому что вторая партия наткнулась на изрубленные тела первой. Все — я повторяю, все! — были убиты, и я не вижу оснований сомневаться в словах гонцов, что принесли мне эту весть. Пока неясно, кто именно их убил, но, по всей видимости, это могли сделать бандиты, скрывающиеся в западных пустошах. Ну? Теперь вы удовлетворены моим ответом?

— Да, удовлетворен,— медленно произнес С'дана.— Но я еще раз предупреждаю вас всех — и да простит мне старший брат мою, быть может, неуместную настойчивость,— что этого человека неимоверно трудно уничтожить.

И я окончательно поверю в его смерть, когда услышу, что один из высших братьев самолично осмотрел его тело и признал его мертвым. Скажу вам честно, мне не очень нравится то, что я услышал... хотя, возможно, я и ошибаюсь. Можете мне поверить, я, как и вы, от всей души надеюсь, что мои подозрения неосновательны.

— Если то, что я сообщил, не подтвердится,— отрубил С'лорн, явно раздраженный тем, что кто-то пытается приуменьшить его триумф,— я готов нести ответственность! А сейчас надо думать о другом, поскольку этот северянин являлся деталью какого-то более общего плана. Итак, перед нами целая организация, целая страна, открыто бросающая нам вызов... нам, чьи деяния и имена всегда были скрыты от врагов. Никто не подозревал о нашем существовании, за исключением разве что эливенеров... Но сам смехотворный девиз этого ордена — «Да не уничтожишь ты ни Земли, ни всякой жизни на ней» — служил для нас надежной защитой от любых посягательств. Так мы думали, зная об их пассивности. Ничего, пусть они пока болтаются у нас под ногами, рассуждали мы в своей гордыне, а потом, когда великий план начнет осуществляться, мы сотрем их с лица земли вместе со всеми остальными бесполезными людишками! Но теперь,— голос верховного мастера дрогнул,— что мы узнаем? Оказывается, они отбросили все свои ложные заповеди и активно помогают нашим врагам! Хуже некуда! Только то, что они всегда казались такими беспомощными и убогими, сдерживало в прошлом нашу карающую длань! А они, ловко изображая слабых и немощных, изучали нас! Изучали внимательно и вдумчиво и, должно быть, намного дольше, чем мы можем себе представить. И это знание, отданное ими в руки тех, кто умеет ненавидеть по-настоящему, будет смертельным оружием против нас!

Сделав небольшую паузу, С'лорн продолжал:

— Да, священник мертв, но те, кто послал его, живы. Вы говорите, братья, что он пришел с севера, из этих аббатств, которые, как вы считали, находятся под вашим

неусыпным контролем. Но на самом деле оказалось, что объединенные под властью аббатств северные государства — республика Метс и Атвианский союз — представляют собой серьезную угрозу для наших планов. Конечно! Где гарантия, что оттуда не хлынет орда таких же убийц? Значит, нам самим нужно действовать быстро и слаженно. Угроза с севера должна быть устранена — раз и навсегда! И я чувствую, что именно поэтому мне и было предложено возглавить совет.

Остальные трое, склонив головы, внимательно слушали новый план владыки Зеленого круга.

Совсем в другом месте, неимоверно далеко от мрачных подземелий слуг Нечистого, слегка колыхалась на ветру роща могучих сосен или очень похожих на них деревьев. Кора их огромных, таранящих небо стволов была иссечена трещинами и покрыта зарослями седого лишайника. В самом центре рощи находилась поляна правильной круглой формы, покрытая толстым ковром из опавших сосновых игл. В серебристом свете луны ее поверхность казалась совершенно голой, потому что ничего не росло на этом ковре из иголок, хотя он выглядел необычайно свежим и чистым.

Ни один звук не нарушал тишины опустившейся ночи, за исключением отдаленного уханья вылетевшей на охоту совы и слабого шелеста ветвей, колеблемых шаловливым ветерком. И все же усыпанная сосновыми иглами поляна отнюдь не была пустой. Здесь тоже проходил своеобразный высший совет. Буро-коричневые мохнатые туши неопределенных очертаний удобно разлеглись на колючем ковре, и только горящие во тьме глаза отличали их от поросших мхом каменных валунов. Незаметно, в такт дыханию, вздымались крутые медвежьи бока, пока старейшины племени выслушивали мысленный отчет застывшего в центре поляны разведчика.

Мысли, едва ли доступные существам иной природы, неторопливо кружились в мохнатых головах. Терпеливо и внимательно старейшины изучали доставленную информацию. С давних пор они таились от всех остальных разумных рас этого мира, и теперь, когда от одного решения зависело все их будущее, они не собирались торопиться.

Ночь медленно истончалась, пока мысленные импульсы неспешно перетекали от одного включенного в цепь разума к другому. Луна скрылась за облаком, а когда она возникла на небосводе снова, маленькая фигурка Горма исчезла из центра круга, но кольцо огромных бурых тел осталось на месте. Их крутые бока по-прежнему неторопливо вздымались.

В самом сердце непроходимых джунглей, столь же далеко от поляны медвежьего совета и подземелий Нечистого, как эти места находились друг от друга, раскинулось небольшое тихое озерцо. По его отлогим берегам прихотливо изгибали свои ветви зеленые великаны таких размеров, что по сравнению с ними гигантские северные сосны казались лилипутами. Толстые канаты лиан и прочих лесных паразитов застывшим дождем свешивались с этих могучих древесных башен. В сонном мареве горячего полдня заунывно жужжали тучи насекомых и изредка раздавались звонкие трели суетящихся на ветвях птиц.

По натоптанной тропинке к озерцу осторожно подходил огромный черный зверь. Остановившись в ближайших кустах, он принялся внимательно обозревать пустынный берег, в то время как его широкие влажные ноздри втягивали сырой озерный воздух. На бугрящемся могучими мышцами плече животного краснели кровоточащие рубцы, след какой-то свирепой схватки. Венчающие его голову тяжелые разлапистые рога были также выпачканы еще не запекшейся кровью. И все же зверь не выглядел испуганным — просто казалось, что он обладает врожденным чувством осторожности.

Наконец решив, что под темным покрывалом воды не таится никакой опасности, зверь бесшумно вошел в озерцо и поплыл к противоположному берегу, продолжая ловить широко расставленными ушами каждый подозрительный звук.

Выбравшись из озера, Клоц встряхнулся, разбрасывая брызги, и все так же бесшумно припустил вперед по тропе, на север.

Иеро пробудился на рассвете и, широко раскрыв глаза, с наслаждением потянулся и зевнул. Вот и еще одна ночь позади. С ветви ему открывался прекрасный вид на саванну, только кое-где обзор закрывали редко растущие купы деревьев, на одном из которых он и заночевал. С каждой пройденной милей местность становилась все выше и выше, а древесные стволы прибавляли в обхвате, хотя между отдельными оазисами буйной растительности по-прежнему оставались еще довольно приличные расстояния. Присев на своем ложе, священник мог любоваться кочующими по степи табунами маленьких грациозных животных, похожих на антилоп. С восходом солнца они спешили укрыться в колючих зарослях, спасаясь от донимающих их кровососов и от вездесущих хищников, подстерегавших своих жертв среди бескрайнего моря пожелтевшей травы. Стада животных покрупнее возвращались на пастбища после ночного водопоя.

Священник склонился над просветом меж ветвей и издал протяжный вибрирующий крик.

Моментально из зарослей колючего кустарника показалась длинноухая голова, и вскоре попрыгунчик, выглядевший так же бодро, словно он провел эту ночь в своем устланном мягкой соломой стойле, уже стоял под деревом.

Иеро спустился вниз и, разбросав кучу веток, вытащил из норы между корнями деревянное седло и всю прочую амуницию, спрятанную там с вечера. Каждое утро он испытывал необычайное облегчение при виде того, что Сеги, как и прежде, жив и здоров.

— Все дело в том, парень,— сказал Иеро, почесывая хоппера между ушей,— что ты представляешь для меня серьезную проблему. И мне было бы гораздо спокойнее, если б ты находился сейчас где-нибудь подальше отсюда. Не правда ли, хорошая благодарность после всего, что ты

для меня сделал? — Длинный розовый язык шершавой теркой прошелся по его лицу, и священник, отплевываясь, расхохотался.

Однако все это было шуткой только отчасти. Безопасность Сеги в самом деле глубоко тревожила его хозяина, и, к своему сожалению, он не видел никаких способов, чтобы хоть как-то улучшить ситуацию. Если человек ночью мог забраться на дерево, то попрыгунчик, выросший на открытой равнине, оставался совершенно беззащитным. Да, пока еще ему хватало открытого пространства, но по мере приближения к холмам прерия постепенно превращалась в лес, а в лесу Сеги будет труднее спасаться от кровожадных ночных хищников. Пусть он даже не станет убегать от них — его огромные задние лапы сами по себе были прекрасным оружием,— но для того, чтобы размахивать ими, прыгать и производить иные маневры, тоже нужно место. А на это как раз рассчитывать не стоило.

Единственное, что Иеро мог сделать,— каждый раз при остановке на ночлег снимать с Сеги всю упряжь, чтобы хоть как-то облегчить ему свободу передвижений. Не раз он просыпался в надежде, что попрыгунчик ушел, отправился к своему далекому дому и относительной безопасности. Если уж Сеги смог добраться до него под седлом и с полной нагрузкой, то, двигаясь налегке, он имел куда больше шансов благополучно закончить это рискованное путешествие.

Но хоппер не уходил. Что бы там Лучар еще не заложила в его бесхитростный мозг, в придачу к естественной симпатии к хозяину, порвать такую сильную связь Сеги был не в силах. Он нашел нужного ему человека и теперь явно предпочитал оставаться с ним. И никакие уговоры и приказания не могли заставить его повернуть назад. Однажды ночью Иеро, рискуя сломать себе шею, спустился с дерева, на котором спал, и попробовал незаметно убраться подальше. Однако, прислушавшись, он обнаружил, что его лопоухий скакун как ни в чем не бывало шлепает за ним по тропинке, подвергая себя еще большей опасности.

После этого происшествия священник прекратил все попытки каким-либо образом избавиться от привязчивого Сеги. Раньше с помощью телепатического внушения он бы в два счета справился с подобной задачей. Но теперь...

Вздохнув, Иеро рассеянно почесал теплый бок животного; за последние дни он здорово привязался к своему пушистому спутнику. Там, в Д'Алви, Сеги был для него лишь занятной игрушкой, не более, теперь же между ними возникла прочная привязанность. Конечно, мозг попрыгунчика сильно проигрывал в сравнении с разумом Клоца; к тому же Иеро воспитывал лорса много лет... Однако он начинал испытывать к Сеги столь же теплые чувства.

Он достал еду и принялся завтракать. Интересно, где же теперь Клоц? И жив ли он? Следующая мысль, автоматически всплывшая в его сознании, была тут же подавлена. Нет, сейчас совсем не время, чтобы терзать себя воспоминаниями о далекой возлюбленной...

Несколькими часами позже Иеро остановил Сеги и, прикрывая ладонью глаза, стал всматриваться в открывающиеся впереди просторы. Там — правда, еще на приличном расстоянии — сплошной стеной вставал лес. Насколько путник мог понять, перед ним лежала теперь западная оконечность великих джунглей юга. И те деревья, которые до сих пор встречались ему по пути и которые у него на севере считались бы просто огромными, на самом деле были всего лишь жалким подлеском, обозначающим приближение к настоящему древесному царству — самым дремучим и самым опасным джунглям на всей планете. Порожденная Смертью радиация необычайно подстегнула рост всевозможных представителей флоры южных лесов. Под ее воздействием незаметные прежде растения принимали поистине чудовищные формы и размеры. Возможно, этому способствовал еще один фактор, который древние называли парниковым эффектом. В общем, так или иначе, южная оконечность североамериканского материка теперь оказалась покрытой непроходимым тропическим лесом совершенно невиданной пышности и разнообразия.

И за этими деревьями, возбужденно думал Иеро, всего на расстоянии одного дневного перехода, лежат его пурпурные холмы. Как бы он хотел сейчас прогуляться по их живописным склонам, курящимся синими туманами! Только прирожденная доброта к животным не позволяла ему гнать бедного попрыгунчика во весь опор, вперед и вперед, навстречу пурпурно-синей мечте.

Обладай Иеро хотя бы четвертью своих прежних ментальных сил, ему не составило бы труда понять, что он действует сейчас не по своей воле и что навязчивая идея, заставляющая его в течение многих дней отклоняться от выбранного маршрута и двигаться на юго-запад, внедрена ему в голову весьма умело и деликатно. Но о телепатическом таланте он помнил лишь то, что несколько недель назад расстался со всеми своими умениями — чтением мыслей, установкой защитных экранов, ментальным предвидением и способностью к мысленным битвам. Он снова и снова пытался каким-то образом восстановить потерянные навыки, но все было тщетно. Наркотик Джозато поработал на славу, сведя его ментальный дар к возможностям новорожденного младенца.

Сделавшись ментальным слепцом, Иеро вполне резонно полагал, что для всех остальных телепатов он выглядит «пустышкой» — а это, как выяснилось, было совсем не так. Наркотическое зелье вытравило его былые способности, и для большинства живых созданий, в том числе и для слуг Нечистого, он теперь являлся пустотой, «ментальным нулем»; ведь даже Лучар, столь крепко привязанная к нему, не смогла обнаружить его мысленной ауры. Попрыгунчик же, руководствуясь своим прекрасным обонянием, шел за ним по запаху, и всякая хорошо тренированная собака-ищейка могла сделать то же самое.

Но кроме слуг Нечистого существовали и другие порожденные Смертью создания, обладавшие способностями к телепатии, и об этом Иеро, без сомнения, знал по собственному опыту. Правда, он совершенно не предполагал, что одно из таких созданий сумеет проникнуть в самый глубокий и неповрежденный слой его мозга.

Весь день священник со своим скакуном медленно, но неуклонно продвигался к лесу, стараясь, по возможности, обходить кучи опавшей листвы и завалы из сухих веток. С каждой пройденной милей делать это становилось все труднее и труднее. На поверхности почвы появились складки; сначала мелкие, они постепенно становились все глубже и рельефней. Пока что эти неглубокие канавы не являлись серьезным препятствием для прыгуна, однако было ясно, что вскоре они превратятся в обширные овраги, берущие начало на склонах холмов. По ним, как по канализационным трубам, стекала вода во время дождей.

С приходом ночи Иеро разбил лагерь в одной из таких промоин, по дну которой лениво струилась маленькая речушка. В склоне оврага, довольно высоко над уровнем воды, он обнаружил вместительную каменную нишу, где ему удалось устроить даже своего хоппера. Загнав Сеги внутрь, он завалил вход кучей хвороста.

Пушистый скакун прекрасно чувствовал себя в таком убежище; закусив какой-то травой и сползающими по каменным стенкам лианами, он улегся в углу и принялся флегматично пережевывать свою жвачку.

Луна этой ночью не взошла, но звезды светили ярко.

Большую часть времени Иеро провел без сна, изучая темную изломанную линию высившихся на горизонте холмов. Это, должно быть, очень старые горы, решил он наконец, одряхлевшие и прилизанные ветром. По крайней мере, молодые северные хребты по своему виду сильно отличались от того, что было сейчас перед его глазами. Там, где ветер нанес достаточно почвы, склоны холмов щетинились лесом. Впрочем, несмотря на возраст, подходы к горным вершинам отнюдь не были простыми — среди макушек деревьев словно клыки дракона поднимались голые каменные утесы, преграждающие дорогу наверх. Мысли Иеро вновь возвратились к попрыгунчику. Как же ему заставить Сеги уйти домой? Ведь здесь, в этой гористой, заросшей лесом местности, хоппер лишится своего основного средства защиты — быстроты; тут крепкие быстрые

ноги его не спасут. Значит, хозяину придется работать за двоих, уменьшая и без того скромные шансы выбраться отсюда живыми.

Дважды за эту ночь негостеприимные обитатели джунглей пытались добраться до их убежища. В первый раз чей-то гневный рык заставил прыгуна, вращавшего глазами от страха, прижаться к дальней стене пещерки. К его чести надо отметить, что Сеги не запаниковал и целиком положился на воинское искусство своего хозяина. Начни он метаться по этому крошечному пятачку земли или попробуй выбраться наружу, все могло бы кончиться гораздо печальнее.

Иеро, пригнувшись и взяв оружие на изготовку, застыл у закрывающей вход баррикады. Внезапно и абсолютно бесшумно из-за сложенного из ветвей барьера протянулась огромная когтистая лапа, покрытая редкими пучками ярко-алого меха. С точки зрения священника, этого было вполне достаточно!

Подхватив на широкое копейное лезвие несколько жарких углей из костра, он ловко высыпал их на столь неожиданно вторгшуюся в их убежище конечность. Наступило секундное молчание; затем лапа исчезла, и с внешней стороны баррикады донесся еще один оглушительный вопль, сопровождаемый треском сухих веток, которые в ярости крушил обладатель громкого голоса. Вскоре вопли и взвизгивания затихли в ночи, и Иеро позволил себе облегченно вздохнуть. По-видимому, его неосторожный ночной гость отправился к реке, залечивать свои ожоги.

Потом священник несколько часов дремал, привалившись к теплому боку попрыгунчика и просыпаясь только для того, чтобы подбросить хвороста в огонь. Ночь вокруг звенела криками и шорохами; когда чуть слышное шарканье чьих-нибудь огромных лап раздавалось рядом с укрытием, Иеро сразу же пробуждался от дремы и нашаривал в темноте копье. Хищники, однако, не решались ломиться сквозь преграду из веток и предпочитали бродить вокруг — их явно отпугивал огонь, а также незнакомый запах человека и его скакуна.

В результате Иеро так и не удалось выспаться — и, как оказалось, к лучшему; утрать он бдительность хоть на минуту, и вторая атака вполне могла увенчаться успехом.

Священника насторожил какой-то странный звук, то становившийся громче — так, что журчание протекающей рядом речки делалось совершенно неслышным,— то, наоборот, замиравший вдали. Звук приходил откуда-то сверху и был похож на негромкое хлопанье паруса на корабле, что повторялось с необычайной быстротой и ритмичностью. Этот вкрадчивый шорох настолько гармонировал с непрекращающимся рокотом джунглей, что Иеро удавалось различать его лишь тогда, когда весь остальной шум на какие-то мгновения смолкал. Попрыгунчик же, даже если и заметил странный звук, определенно не придал ему никакого значения. Забившись в угол, он сонно таращился в огонь, пережевывая свою вечную жвачку.

Перед самым рассветом Иеро вдруг услышал хлопки совсем рядом; почти инстинктивно он подбросил еще несколько веток в догорающий костер.

Звук неожиданно превратился в оглушающий рокот, и биение огромных крыльев подняло небольшой ураган на маленьком клочке земли, где скорчились человек и попрыгунчик. В свете ярко разгоревшегося пламени Иеро наконец-то смог разглядеть, кто на этот раз вторгся в его убежище, и глаза его расширились от ужаса.

Прямо над ним нависло искаженное демоническое лицо — остроконечные, покрытые слюной клыки, горящие глаза-лампы, поросячье рыло вместо носа и треугольные, словно вырезанные из жесткой лоснящейся кожи, ушилокаторы. Сморщенное голое тельце этого ночного призрака поддерживала в воздухе пара огромных кожистых крыльев. Словно в насмешку, голова чудовища, по своим размерам и форме напоминавшая небольшой винный бочонок, была посажена на маленькое и костлявое туловище.

Острые челюсти щелкнули перед лицом Иеро, и, моментально отпрянув, он поднял копье. Летучая тварь рванулась ему наперерез, ветер от ее гигантских крыльев заставил

пламя в костре взметнуться еще выше. Обезумевший от страха попрыгунчик жалобно пищал в углу. Но на этот раз священник был начеку.

Его копье описало короткую стремительную дугу и, несмотря на поразительную увертливость монстра, впилось ему в плечо, там, где одно из крыльев соединялось с уродливым телом. Вскрикнув на невероятно высокой ноте, ночной призрак конвульсивно забил крыльями и через мгновение сгинул в темноте каньона. Обернувшись на восток, Иеро заметил на небе тоненькую светлую полоску — длинная ночь закончилась.

Уперев копье в землю, священник медленно опустился на колени, вознося благодарственную молитву за спасение от сил тьмы, молясь за будущее всех достойных людей, каждой наделенной разумом и добротой твари Божьей, за красоту и свежесть благословленной Господом земли. Он просил Бога укрепить его дух для новых испытаний и не оставлять своей милостью тех, кто ему так дорог. Наконец, осенив себя последним крестным знамением, Иеро устроился на холодном камне и уснул, как только его голова коснулась земли.

Сеги, с первыми лучами солнца забывший все свои ночные страхи, насторожил длинные уши и потянулся к свисавшим со стены молодым зеленым побегам. Наступила его очередь нести караул.

Глава 5

ОТШЕЛЬНИК С ТУМАННОГО ОЗЕРА

Иеро проснулся с головной болью. Нет, он не чувствовал себя больным, а лишь немного разбитым и заторможенным. Некоторое время, сидя под накрапывающим мелким дождем, он размышлял, не сырая ли погода явилась причиной его мигрени, и наконец решил, что дождь тут ни при чем; день был вовсе не холодный, скорее на-

оборот. Раньше ему случалось ночевать и не под такими ливнями, но головной боли или иных недугов он не ощущал. Возможно, какие-нибудь гнилостные испарения поднялись утром над рекой и отравили его сон. Невероятное дело! За тридцать с лишним лет своей жизни он привык к тому, что здоровье не является поводом для тревоги. В сравнении с древними временами, такая ситуация была совершенно обычной; в мире после Смерти болели сравнительно мало. Разумеется, кое-где еще сохранились очаги всяческой заразы, результат применения бактериологического оружия, но посещать такие районы было строжайше запрещено, да по своей воле туда никто не рвался; наоборот, все старались избегать запретных мест. Так что за всю свою жизнь Иеро пару раз подхватывал простуду, но, кроме этого, не болел ничем. А сейчас виски у него словно сжимает обруч... Нет, это было невероятно!

Священник раздраженно помотал головой, будто стараясь вытрясти внезапно одолевшую немочь. В висках по-прежнему ныло. Может быть, он чувствовал не мигрень, а так, легкое недомогание, но с непривычки расстроился — надо же, собственный организм ополчился против него! Если ломота не пройдет сама собой, придется что-то делать... Ему не могло прийти в голову, что боль вызвана внешней причиной, той силой, что на протяжении многих дней упорно тащила его сюда. Такое предположение казалось просто невероятным.

С трудом запихивая в себя завтрак, Иеро мрачно размышлял о событиях прошлой ночи и о том, куда ему в следующий раз пристроить Сеги. Пожалуй, сегодня им повезло, но кто знает, что случится завтра? С другой стороны, можно путешествовать в темное время суток — хоппер, конечно, выдержит, но заниматься такими экспериментами в незнакомой местности, где полно хищников,— наверняка рыть себе могилу. Священник вспомнил о крылатом кошмаре, навестившем его прошлой ночью, и тут же сделал еще одну мысленную пометку в памяти. Если не считать гигантских чаек, у которых он в свое время отбил Лучар, прежде никто и никогда не пытался напасть на него с воздуха. Но птицы на побережье, скорее всего, находились под телепатическим контролем шамана белых дикарей, а эта тварь действовала по собственной инициативе. Да, теперь ему придется стать еще осторожнее!

Седлая прыгуна, Иеро искоса поглядывал на лежащий впереди узкий зев ущелья, но, кроме каких-то маленьких птичек, гонявшихся за насекомыми в мутноватом утреннем тумане, там не просматривалось ровным счетом ничего. Хор ночных голосов давно утих, и только изредка чей-нибудь далекий вопль или рык напоминали о том, что обладатели голодных желудков никуда не исчезли и ждут ночи в своих берлогах. Птички благозвучно чирикали, и, вместе с едва заметным плеском льющейся воды, то были единственные звуки, нарушавшие тишину ущелья.

Однако Иеро внимательно оглядывался по сторонам, когда разобрал баррикаду и выпустил Сеги наружу. Сейчас лишь вывороченные с корнем кусты напоминали о летающем чудище, решившем полакомиться всадником и его скакуном. Священник уселся в седло, и прыгун послушно припустил вперед по сужавшемуся ущелью. В конце его виднелись высокие деревья, и можно было надеяться, что склон там более пологий и удобный для восхождения.

Много часов спустя Иеро уже так углубился в лабиринт оврагов и лесных дебрей, что, совершенно потеряв ориентацию, продолжал ехать наобум. Боль в голове постепенно усиливалась, но он не обращал на это внимания. Постороннему зрителю сейчас могло показаться, что всадник выглядит как-то странно; отсутствующее выражение глаз говорило о предельной концентрации, словно он отчаянно пытался объяснить — или внушить себе — некую мысль.

Зато его скакун явно беспокоился. Дождь перестал, зато густой, как сметана, туман окутал путников сплошной серовато-белой массой, и пробираться сквозь него приходилось почти на ощупь. Огромные, покрытые мхом валуны важно выплывали из белесоватой дымки и проваливались туда же, когда попрыгунчик проносился мимо. Деревья по

большей части сменились гигантскими зарослями похожих на лопухи растений и папоротниками, чьи макушки плавали где-то в тумане, высоко над головой. Почва стала сырой, болотистой и негромко хлюпала под лапами Сеги. Несчастный хоппер совсем извелся от страха — его большие глаза непрерывно вращались, а длинные уши нервно подергивались то в одну, то в другую сторону.

Впрочем, любое существо, с ментальным даром или без оного, чувствовало бы себя здесь неуютно. Что до священника, то он, казалось, впал в транс и в то же время какой-то частью сознания хладнокровно регистрировал все происходящее — например, сейчас они ехали по дну глубокого каньона, который, постепенно повышаясь, вел куда-то вверх. Весь трагизм ситуации заключался в том, что подобные факты лишь оседали в его памяти, но разум не обрабатывал их — «обратная связь» отсутствовала. Любые тревоги попрыгунчика ласково, но непреклонно подавлялись, и дрожащий, но по-прежнему послушный зверь двигался туда, куда направлял его человек. Преданность хозяину и годы постоянных тренировок пока что держали в узде его животные инстинкты, настойчиво предупреждавшие об опасности.

Через несколько часов земля — или та мокрая смесь из раскисшего мха и грязи, которую можно было назвать землей,— пошла под уклон, и по ней заструились небольшие мутные ручейки дождевой воды.

Тишина больше не давила. Кроме их собственного дыхания, убаюкивающего поскрипывания кожаного седла и хлюпанья почвы под лапами попрыгунчика, сквозь туман не доносилось абсолютно никаких звуков. Лишь изредка гулкие шлепки срывающихся с веток капель достигали ушей священника. Казалось, они навсегда затеряны в этом молчаливом, затянутом белесоватой дымкой мире, неподвижном, статичном, навеки отданном во власть серых туманов и гигантских влажных лопухов. Движение здесь выглядело как некий вызов сложившемуся укладу жизни, а уж о громких звуках и говорить не приходилось. Только ленивые, заросшие мхом валуны да глядевшие в сонные лужи огромные папоротники имели право обитать в этом далеком от солнца уголке мира.

И все же путники продолжали идти вперед по топкой тропинке, змеившейся среди отполированных водами камней, где даже вездесущий мох не мог найти опору. Клубы густого тумана кольцами обвивались вокруг них, поглощая все звуки, словно укутывая их в толстое ватное одеяло.

Но вот инстинкт подсказал Иеро, что они выезжают на открытую местность. Обволакивающий их туман нисколько не поредел, но какое-то внутреннее чувство не позволяло священнику усомниться в возникших ощущениях. Нет, они определенно находятся уже не в узком овраге! Скорее внутри огромного котлована в сердце страны холмов... И здесь кто-то его поджидает — так же, как и многих других, пришедших сюда до него... Все они одолели десятки миль, чтобы попасть в это место, ибо так пожелал властитель державы туманов.

Иеро заставил Сеги остановиться и бездумно оглянулся вокруг. Туманная завеса медленно поднялась, и он увидел воду.

Прямо перед ним раскинулось небольшое горное озеро, и мгла, клубясь над водой, отступала к дальнему берегу. Они стояли на вытянутой низкой косе, глубоко вдававшейся в неподвижную водную гладь. Почва под ногами уже не выглядела мокрой смесью грязи и мха; наоборот, это было что-то ощутимо плотное, надежное, хотя и не такое твердое, как камень. Священник поглядел вниз и увидел россыпь маленьких белых предметов; одни из них были округлыми, другие щетинились изломами и острыми углами, а вдалеке лежали и более крупные экземпляры, размером с его руку и даже с поваленный древесный ствол. Вдруг что-то сдвинулось в его голове, и он, на секунду прикрыв глаза, распахнул их снова.

Кости! Вот что это такое! Перед ним, от берега до берега, простиралось огромное кладбище!

Сколько живых существ из внешнего мира внесло свою лепту в этот чудовищный могильник, не мог бы сказать никто — даже, пожалуй, сам обитатель горного озера.

С первого взгляда было ясно, что эта таинственная тварь не имеет никаких пристрастий, касавшихся ее рациона. Просторные, выпуклые, увенчанные метровыми бивнями черепа травоядных исполинов валялись на берегу вместе с более плоскими и вытянутыми черепами антилоп; торчавшие из-подо мха челюсти хищников с острыми клыками подтверждали, что и они нередкое блюдо в меню хозяина джунглей; останки рептилий, земноводных и млекопитающих мирно лежали здесь, разделив общую судьбу и наконец соединившись в вечном сне. В смерти! Единственным свидетелем этого вечного союза была разъедающая их плесень, а единственной эпитафией — молчание.

Человек и прыгун тоже молчали. Сеги перестал дрожать и погрузился в какую-то странную апатию, Иеро же просто сидел и ждал — неподвижная бронзовая статуя на бронзовом скакуне. Две головы, одна над другой, зачарованно уставились в черную воду, словно заранее соглашаясь ждать столько, сколько будет нужно. Ждать терпеливо и покорно, совсем как те холмы, что пленяли мечтой о вечном спокойствии...

Туман мелкими каплями оседал на головной повязке Иеро, в то время как его зрачки не отрывались от озерной глади, и даже проблеск сомнения не мелькал в их темной глубине. Слуга, склонившись, ждал послания от своего господина... И когда оно наконец пришло, человек вздрогнул от удивления. Оно звучало у него в голове!

«Привет тебе, двуногий! Ты слишком долго шел сюда, если считать в тех интервалах, в каких ты и тебе подобные измеряют время. Создание, на котором ты сидишь, помогло тебе добраться к озеру быстрее. А теперь оставь свое животное. Оно уже послужило нашим целям и теперь бесполезно для тебя. Иди по берегу направо, там ты сможешь отдохнуть и подкрепиться. Ты знаешь, что нам обоим предстоит многое обсудить».

Как только этот беззвучный голос раздался в сознании Иеро, он испытал внезапный шок; казалось, отравленные наркотиком нервные окончания в ментальном центре его мозга вдруг воспрянули, затрепетали, вновь готовые чувствовать и воспринимать. Пока что они не подчинялись сознательному контролю, но главное — они жили! Священник мог ощущать ментальную ауру говорившего с ним существа, мог хладнокровно подсчитать свои потери, и, кроме этого, он чувствовал, что разум его вырывается из гнетущего плена; он больше не был заключен в темнице собственного разума. И все же он должен был подчиниться.

Иеро спешился. Прыгун продолжал неподвижно сидеть на корточках, словно большая пушистая кукла; его широко распахнутые глаза бессмысленно уставились в одну точку, как будто он не видел перед собой ничего. Человек медленно побрел вдоль берега, лавируя среди куч особо крупных костей. Его проснувшийся мозг напряженно работал, сравнивая, анализируя, отбирая.

Очевидно, голос, услышанный им, не принадлежит человеку. В то же время он казался совсем не похожим на голос Дома, и все их сходство заключается лишь в чувстве холода и ощущении огромного возраста говорящего. В остальном же Дом походил на водоворот кипящей ярости, ненависти ко всему, что не похоже на него, что не желает присоединиться к нему, чтобы затопить мироздание ливнем разумных спор. А этот разум, наоборот, спокоен и безмятежен, как горное озеро, что раскинулось сейчас перед ним. Голос этого существа звучал отстраненно, как бы издалека, не завидуя человеку и не презирая его, будто его обладатель находился в стороне от потока жизни, не желая тратить свои силы на такую мелочь, как эмоции и чувства. И если что-то подобное чувствам у него имелось, то они были запрятаны весьма глубоко.

Все еще не оставляя попыток разгадать природу своего таинственного собеседника, а заодно стараясь унять пустившиеся вскачь мысли, Иеро продолжал карабкаться по грудам старых костей, поросших скользким мхом.

Наконец он очутился на небольшом уютном пляже, покрытом галькой, и подошел к берегу. Над озером все еще курились туманы, и лучи появившегося из-за туч светила окрашивали призрачную дымку над водой во все оттенки радуги.

Священник присел на покрытую мхом кочку и задумчиво уставился на гряду мокрых темных камней. Сейчас голос хозяина озера молчал, и мозг Иеро регистрировал только гулкую пустоту; впрочем, было ясно, что владыка туманной страны никуда не исчез, а потому — малейшее неверное движение, и человек вновь окажется под жестким ментальным контролем. С той стороны, откуда только что пришел священник, раздался всплеск, но каких-либо других звуков не последовало, и Иеро оставалось лишь гадать, что же там случилось.

Но вот знакомый уже голос снова зазвучал в его сознании:

«Ну что ж, двуногий, я читаю в твоих мыслях, что ты не голоден и не хочешь пить. Хорошо. Очень хорошо. Это значит, что мы можем спокойно побеседовать».

Странный голос вещал не словами, скорее — непрерывно сменявшими друг друга образами, что было совсем непохоже на ту прямую мысленную речь, которой пользовался Иеро при общении с Гормом и Клоцем. Казалось, это существо владеет мысленной речью с недавних пор и еще не успело как следует в ней попрактиковаться; однако, в силу огромных возможностей своего разума, оно умудрилось быстро наладить взаимопонимание с человеком.

«Ты можешь говорить со мной, двуногий. Разумеется, мысленно — только так и только со мной. Здесь нет никого, с кем бы ты мог разговаривать звуками, как делают существа твоего вида. Поэтому ты будешь говорить только со мной и ни с кем больше».

Мозг Иеро дрожал от напряжения. Очень осторожно он попытался использовать мысленную речь, в то же время установив какое-то подобие ментального экрана, чтобы собеседник не смог проникнуть в самые глубины его сознания.

«Кто ты,— спросил он,— и чего ты хочешь? Почему я не могу тебя увидеть? И что это за место?»

Он мог бы поклясться, что различает не лишенное иронии удивление своего собеседника, на которого сразу свалилось столько вопросов. Он также понял, что в сознании хозяина озера нет ни угрозы, ни той ауры враждебности, которая всегда отличала связанных с Нечистым тварей. Но разум священника уже сосредоточился на том, что пыталось сообщить ему это существо. Он действительно мог говорить ментально, но только с ним; его способности восстановились в узком диапазоне, вне которого он был попрежнему глух и слеп к телепатическим излучениям внешнего мира.

«Слишком много вопросов,— снова зазвучал голос.— Нельзя отвечать на все сразу, поэтому я попытаюсь установить очередь. Во-первых, в свое время мы, конечно, увидим друг друга. Поверь, у меня есть серьезные основания, чтобы не показываться тебе сразу... хотя ты очень нетерпелив, как, видимо, большинство из вас? — Проигнорировав свой вопрос, существо продолжало: — Это место, где я обитаю, и другие мне не известны. Возможно, я никогда не узнаю и не увижу их. Я привел тебя сюда, постепенно притягивая твой разум, каждую минуту наращивая силу своего призыва. Я сделал это потому, что увидел, как непохоже твое сознание на те, с которыми мне до сих пор приходилось иметь дело. Множество восходов и закатов луны минуло с тех времен, когда первый из двуногих появился здесь. Это случилось так давно, что даже я уже сбился со счета... Но неважно; очень немногие из твоего племени приходили сюда, но их крохотные разумы казались темными и полными страха. Я не смог достучаться до них, и я дал им мир. То, что содержалось в их мыслях, было наполнено кровью, ужасом и жестокостью — точно так же, как у диких зверей. Поэтому, как и все остальные, они ушли».

Еще раз внимательно посмотрев на громоздящиеся со всех сторон холмики костей, священник почувствовал, как неприятный холодок бежит по его спине.

Интересно, что означают эти слова: «дал им мир», «они ушли»?

Куда ушли? И зачем?

Однако наблюдавшее за ним существо тут же уловило его страх, и удивленный священник понял, что никакие ментальные щиты не помогают против разума такой колоссальной силы.

«О нет, не бойся! — произнес голос с внезапной симпатией.— Ты не сумеешь мне помочь, если будешь напуган, как и твои предшественники. Я не причиню тебе вреда. Когда я почувствовал всю силу твоей мысли, даже несмотря на то, что мозг твой был изуродован и подавлен, я постарался привести тебя сюда. А ведь ты был очень далеко, двуногий, так далеко, что я едва сумел дотянуться до твоего сознания! И чтобы заставить тебя свернуть с дороги, мне пришлось немало потрудиться. Ты знаешь, *после этого я даже утомился, а такого со мной никогда не случалось*».

Наступила пауза. Было похоже, что собеседник Иеро старательно подбирает нужные слова и образы, чтобы объяснить то, что ему еще никогда не приходилось объяснять.

«Итак, я обнаружил твой мозг и выяснил, что он закрыт, заблокирован для любого контакта, и даже я не могу установить связь с большого расстояния. Но тот, кто закрыл твой мозг — а я вижу, что это сделали без твоего согласия,— не учел, что на свете существую я! — Иеро показалось, что он различает некий оттенок гордости в беззвучном голосе.— Я нашел такое место, которое не закрыто барьером. Как вы говорите, щель или маленькую дырочку. И сквозь нее я послал свою собственную мысль, призывая тебя сюда. Мне пришлось потратить массу энергии, и я сильно проголодался. Даже сейчас, приняв пищу, я все еще голоден и потому должен найти себе еще еды, прежде чем мы побеседуем снова. Ты тоже можешь отдохнуть и принять пищу. Иди туда, где ты оставил свое животное, и забери все нужные тебе вещи. Потом возвращайся на это же место и отдыхай. Мы сможем поговорить с

тобой чуть позже. И не бойся ничего. Ни один хищный зверь не появится у моего озера, если я не пожелаю, и никто не уйдет отсюда, пока я не разрешу».

Все! В сознании Иеро опять наступила тишина. Он припомнил последние слова своего невидимого собеседника и невольно вздрогнул. «Никто не уйдет отсюда, пока я не разрешу...» Неужели такова и его судьба — погибнуть здесь, на берегах безымянного озера, в пасти неведомой твари? Умереть, не закончив своего дела и не увидев Лучар?

Священник медленно осенил себя крестным знамением. Если когда-нибудь он нуждался в Божьей помощи, то, кажется, этот час настал! Но не страх близкой смерти и даже не горечь одиночества заполонили сейчас его душу. Его мучило другое: неужели он преодолел так много препятствий, прошел бесчисленное количество миль лишь затем, чтобы встретить здесь позорный и глупый конец?

Внезапно мысли его возвратились к событиям прошлого, недавнего и далекого, и почему-то это принесло ему утешение и вновь вселило надежду в сердце. Он вспомнил свою родину, оставшуюся далеко на севере, и начало своего пути, затем одну за другой перебрал все свои удачи и промахи, вспомнил о побежденных врагах и найденных друзьях — и, наконец, о той единственной женщине, которую спас от смерти и полюбил. Этого оказалось достаточно, чтобы дух его воспрянул. Ведь он пока что жив, а потому не стоит считать себя приговоренным к смерти! Настоящий воин всегда знает, когда нужно сражаться, а когда — выжидать. Сейчас надо потянуть время. Это странное существо еще не причинило ему никакого вреда — наоборот, оно предлагает ему поесть и отдохнуть. Что ж, он сделает и то и другое.

Иеро повернулся и зашагал в обратном направлении, туда, где остался прыгун и вся его поклажа. Дождь кончился, и рассеянного солнечного света стало немного больше, но карабкаться по холмам скользких от влаги костей было по-прежнему неудобно.

Наконец он увидел в тумане знакомые контуры — похоже, что уставший от долгого ожидания попрыгунчик при-

лег на землю. Вот только куда подевались его длинные задние лапы? Странно... И вдруг ужасное предчувствие холодной иглой кольнуло его сердце. Иеро со всех ног ринулся к маячившему в туманной дымке силуэту, уже не замечая, чьи костяки и черепа он топчет. Добежав до сероватой кучи камней, которую он принял по ошибке за своего скакуна, священник, тяжело дыша, опустился на засыпанную костями землю. На ней, прямо у его ног, лежали седло, упряжь, копье и все остальное снаряжение. Только от Сеги не осталось ровным счетом ничего! Его добрый пушистый скакун исчез, растворился в воздухе, непонятно каким образом сняв с себя всю эту хитрую, надежно закрепленную амуницию. На ней почему-то остался тонкий слой прозрачной, лишенной запаха слизи.

Иеро выхватил из ножен меч и отчаянно махнул им в сторону безмолвного озера. Теперь он понял, что было причиной всплеска. Теперь он знает, кто мог оставить липкие следы!

«Будь ты проклят! — закричал он на единственно доступной ему ментальной частоте.— Хватит прятаться! А ну, вылезай из своей грязной лужи и попробуй справиться со мной, а не с бедным беззащитным животным! Ну, давай же, иди сюда, безмозглый моллюск! Выходи, я жду!»

Сам того не замечая, последние слова он выкрикивал уже вслух. От бессильной ярости из глаз у него брызнули слезы. Надо же, так подло убить беззащитного попрыгунчика! В том, что у Сеги не было ни малейшего шанса спастись от неминуемой гибели, Иеро не сомневался.

Никакого ответа. Темное озеро оставалось таким же спокойным, над его зеркальной поверхностью все так же курился поблескивающий туман, и ничего не нарушало царившую у берегов тишину. Дальний край обширного водоема был скрыт висевшей в воздухе переливчатой дымкой, и единственным источником движения являлись лишь суетливо сбегавшие по кустикам мха водяные капли.

Он все еще дрожал от ярости. Ведь это была его ошибка — он слушал пустую болтовню, в то время как его

единственный друг был хладнокровно убит и съеден бог знает каким чудовищем. Но скоро его гнев сменился холодной решимостью. Ладно, что сделано, то сделано, но он еще доберется до этого хвастливого водяного червяка! Его бедный скакун доверял ему до самой смерти... и к смерти он его и привел...

Теперь, когда мозг священника освободился от гипноза, он с легкостью вспомнил, сколько раз Сеги пытался предупредить его о таившейся впереди опасности. Но нет, обманутый и одураченный, он, Иеро Дистин, словно послушная марионетка, лишь погонял скакуна, желая добраться до этих проклятых холмов... И вот что из этого вышло!

Ну что ж, пожалуй, стоит внять совету этого существа, поесть и отдохнуть... Иеро вытащил из седельных сумок сушеное мясо и коренья и медленно сжевал их, глядя на черную поверхность воды. Покрытый костями берег был достаточно красноречив, явно намекая, что его пленитель появится из озера. Сейчас он не мог выманить этого монстра из воды, а потому оставалось лишь готовиться и ждать. Ждать, пока сожравшая Сеги тварь проголодается снова и вылезет на берег. В том, что это рано или поздно случится, священник не сомневался; судя по валявшимся вокруг костям, аппетит у подводного жителя был отменный.

Потоптавшись на заросшей мягким мхом поляне, он выбрал наиболее сухое место, где и растянулся, положив копье себе на грудь, а меч — под правую руку. Справившись с первым приступом гнева, он чувствовал теперь, что это оружие мало чем будет полезно. Но оно служило как бы символом его готовности, знаком того, что он не отступил и не сдался. Уже засыпая, священник поднял перед собой копье с распоркой, образующей крест, и пробормотал молитву, еще раз помянув добрым словом преданно служившего ему зверя.

Из глубин озера кто-то внимательно прислушивался к этим словам. Кто-то чужой — но, как и каждое из творений Господних, невероятно уставший от своего одиночества.

Когда Иеро пробудился, стояло уже позднее утро. Мгла над озером заметно поредела, и усыпанный костями берег просматривался в обе стороны на значительно большее расстояние. Неба по-прежнему не было видно, но прорывавшийся сквозь низкую завесу облаков свет имел приятный золотистый оттенок.

Священник потянулся и зевнул, но при воспоминании о том, что случилось тут вчерашним вечером, холодная ярость вновь охватила его. Присев на корточки и удобно пристроив копье на сгибе локтя, Иеро посмотрел на воду, серую в разгорающемся сиянии утра. И к его безмерному удивлению, на первый же ментальный окрик последовал незамедлительный ответ:

«Я понимаю, что каким-то образом причинил тебе боль,— зазвучал в голове путника бесплотный голос.— Я видел это в твоих мыслях, пока ты отдыхал. К сожалению, когда ты спишь, я не могу делать подобные вещи с той же легкостью, но я уловил, что ты почему-то сердишься на меня. Да, я убил твое животное, но я не думал, что это так тебя расстроит. Похоже, вы каким-то непонятным образом связаны друг с другом, но это существо совсем не походило на тебя, и вы никак не могли быть равными партнерами. Оно несло тебя как груз и делало это не по собственной воле... нет, ты использовал его, как мелкое животное использует более крупное и сильное. И твоя жизнь совершенно не зависит от этого животного; просто с его помощью ты мог передвигаться быстрее.— Наступила короткая пауза, как будто голос пытался облечь в слова некую новую мысль.— Вот почему я не понимаю источника твоего гнева, но постараюсь сделать все, чтобы загладить свою вину. Объясни мне, в чем же она состоит».

Все раздражение Иеро мгновенно испарилось по причинам, малопонятным для нетелепата. Сейчас он *знал*, что его собеседник говорит совершенно искренне. Его восприимчивый мозг был слишком хорошо натренирован, чтобы не отличить истину от лжи, и он понимал, что эта невидимая тварь не пытается его обмануть. Все, что было

сказано, с точки зрения озерного монстра было абсолютно правильным, верным и неоспоримым. Владыка озера в самом деле был удивлен и расстроен необъяснимым поведением человека; связь между скакуном и всадником являлась для него чем-то совершенно непонятным, ибо он не ведал, что такое дружба, любовь, покровительство и сострадание. Этот мудрый, древний и холодный разум по-настоящему недоумевал, пытаясь найти правильный ответ.

Задумавшись, Иеро уронил копье в мягкий мох, а потом увидел, как недалеко от берега темная вода пришла в движение. Похоже, незримый голос наконец-то обретет своего владельца! И, согласно данному обещанию, этот владелец счел возможным показаться на свет Божий.

Серо-коричневая блестящая масса внезапно выросла над поверхностью воды. Под ней тут же показались два огромных круглых глаза с желтыми ободками и коричневой радужкой, и удивленный священник понял, что эта колоссальная туша — всего лишь голова животного гигантских размеров. Прямо над глазами из головы чудовища медленно вытянулась пара мягких, похожих на рожки усиков. Ни носа, ни ушей, ни подбородка с первого взгляда заметно не было; Иеро различил лишь вытянутый щелью, длинный и узкий рот.

Как только огромные глаза заметили потрясенного человека, голова начала быстро подниматься вверх на мощной колонноподобной шее. Наконец она застыла на такой высоте, что Иеро, не спускавшему взгляда со странного существа, пришлось откинуться назад. Достигнув берега, гигант стал медленно и плавно выползать на посыпанный костяной крошкой песок, но, когда его чудовищное тело вылезло из воды примерно наполовину, движение прекратилось, и монстр застыл в неподвижности. Только ручейки мутной воды торопливо стекали по его темно-коричневым бокам.

«Ну вот, теперь ты видишь меня, двуногий. Но, в отличие от других, которые побывали здесь, ты не боишься».

Задрав голову так, что заломило шею, Иеро разглядывал застывшего перед ним титана. Да, если даже не при-

нимать во внимание всю его ментальную мощь, он может раздавить огромного самца-бафера как муравья! И к тому же непонятно, какая часть его тела все еще скрывается под водой... Быть может, ему нравится отдыхать, высовывая на берег лишь самую малую часть своего туловища? Кроме торчавших над глазами подвижных усиков, никаких других выростов, напоминающих конечности, на обозримом участке тела этого гигантского моллюска не оказалось.

Наконец, прикрыв глаза, чтобы хоть как-то переварить увиденное, Иеро решился снова заговорить с ним. Правда, теперь его мысленный «голос» звучал немного сконфуженно:

«Так кто же ты? И как тебя зовут? Существо, которое ты убил, было моим другом. Оно доверяло мне и пришло сюда по моему настоянию, хотя и не желая этого делать. Ты знаешь, что такое друг? И что такое доверие?»

«Опять слишком много вопросов, двуногий».

Теперь, когда Иеро мог видеть своего собеседника, ему казалось, что мощный ментальный голос моллюска долгим эхом отдается в его голове. Конечно, это была лишь иллюзия.

«Видишь ли, на самом деле я никогда не задумывался над тем, кто я такой,— продолжал гигант.— Сколько я себя помню, я был всегда один. Я понимаю, что когда есть множество существ одного вида, то нужно как-то отличать одного от другого. Но таких, как я, больше нет. Поэтому можешь звать меня, как тебе удобно».

Существо на мгновение задумалось.

«В том, кто я такой по происхождению, я до конца не уверен. Моя память уходит в прошлое очень далеко, двуногий, в те времена, когда я сам — трудно себе представить! — еще не начал думать, а только чувствовал. И это значит, я был точно таким же, как и все остальные лишенные разума существа, которые теперь служат мне пищей и чьи кости покрывают землю вокруг нас».

Иеро невольно попытался прикинуть, сколько же могло понадобиться времени, чтобы нагромоздить здесь чудовищные горы костей.

Обитатель озера уловил его мысль.

«О да... И даже больше, чем ты думаешь! Ведь те кости, что сейчас перед тобой, еще совсем свежие. Весь берег и все, что спрятано под травами и мхом, состоит из костей. Когда я еще только начинал расти и кормиться по-настоящему, здесь не было ничего, кроме голого камня».

Пораженный священник, раскрыв рот, уставился на мутноватые воды озера. В самом деле, сколько времени должно пройти, чтобы вокруг этой котловины появились валы костей — по утверждению гигантского моллюска, отходы его трапез?

«Так много,— продолжил тот, снова без всякого труда читая мысли Иеро,— что даже я не могу определить в точности. Хотя я не испытываю особой потребности как-то отсчитывать время, зато способен кое-что припомнить. И главное, что я помню о том времени,— это страх! Даже я когда-то познал страх и боялся. В небе вспыхнула огромная молния, за ней — несколько молний поменьше. Земля дрожала, и горы рушились... А потом пришла большая жара. Это была очень странная жара, совсем не похожая на ту, что обычно наступает после дождей, которую я хорошо знаю. Воды озера стали такими горячими, что мне пришлось покинуть их и искать убежище под скалой. Когда же я снова отважился высунуться наружу, то оказалось, что жара прошла и озерные воды по-прежнему холодны и приятны на вкус. Но все это помнит мое тело, а не мой разум. Ты понимаешь меня, двуногий? И как раз тогда я смог впервые подумать: “Я есть, я существую!” Я был не больше тебя по размерам и носил с собой кое-что, что позволяло мне защищаться от врагов. Очень, очень давно это было... Я научился находить много еды, и я рос так быстро, что вскоре эта вещь стала мне мала, но все же я сохранил ее. Она — единственное, что у меня осталось на память о тех временах... Она и сейчас со мной, и, возможно, когда я покажу тебе ее, ты сделаешь правильный вывод о том, кем я был и кем я стал теперь».

По гигантской шее моллюска пробежала легкая дрожь, и священнику вдруг почудилось, что вверх по его широ-

кой серо-коричневой спине ползет небольшой бугорок. Когда бугорок оказался на уровне глаз Иеро, покрывающая его кожа будто разломилась надвое, явив на свет скрытое под ней. Поблескивая в лучах утреннего солнца, в небольшой кожной складке лежала маленькая золотистая, закрученная спиралью раковина.

Когда края складки снова зашевелились и кожа сомкнулась, скрывая от чужого взора сокровище обитателя горного озера, Иеро с трудом удержался от улыбки. Он наверняка бы захохотал, если бы не был так потрясен. Улитка! Властитель пурпурных холмов, этот могучий титан, древний, как сама Смерть, оказался обыкновенной улиткой!

Но несмотря на свою бесхитростную родословную, это существо не заслуживало презрения — ведь оно владело мудростью тысячелетий! Иеро не сомневался, что все эти молнии в небесах, трясущиеся горы и странная жара, которую смутно помнил властитель озера, были не чем иным, как результатом ядерных бомбардировок. Выходит, что пять тысячелетий, минувших с эпохи Смерти, гигантский мутант обитал здесь, рос, набирался знаний и опыта, постоянно оттачивая свой разум. И в то же время он был так одинок! Трудно себе представить, что это значит — прожить столько лет одному! Внезапно священник почувствовал острую жалость к застывшему перед ним моллюску. Вот оно, живое доказательство заповеди эливенеров, утверждавших, что любая жизнь имеет смысл! Но какой именно смысл в жизни этого существа?

Пока он размышлял на эти темы, огромные, лишенные век глаза пристально изучали его фигуру. И когда гигант заговорил опять, его голос по-прежнему был бесстрастен.

«Итак, двуногий, я попытался рассказать тебе, кем я был. И я надеюсь, ты меня понял. Но между нами все еще стоит проблема, связанная с тем существом, что принесло тебя сюда на своей спине. Я использовал его в качестве пищи. Сначала я снял с него все предметы, которые, как

мне казалось, принадлежали тебе и, стало быть, могли тебе пригодиться. Потом я заставил его войти в воду. Оно просто уснуло и, уверяю тебя, не почувствовало боли. Тогда я поел. Я всегда делал так, с той поры, когда впервые осознал, что существую. Я не хотел — да и сейчас не хочу — причинять тебе вред. И если бы я мог вернуть твое животное к жизни, то непременно бы сделал это. Я думаю, ты уже смог убедиться в моих добрых намерениях, но повторю еще раз: я привел тебя к озеру совсем не для того, чтобы посягнуть на твою жизнь. Единственное, чего я жажду,— это контакт с подобным мне разумом».

Не без внутреннего сопротивления Иеро пришлось отложить свои кровожадные планы. Глупая смерть бедного попрыгунчика в самом деле была недоразумением; гигантский моллюск не лгал ему, ибо этот бесстрастный разум, чуждый человеческих эмоций, просто не умел лгать, а если бы и умел, то зачем ему это? Зачем ему скрывать свои намерения? Тем более что все остальное, рассказанное им, выглядело правдоподобным. Если эта Божья тварь просуществовала здесь пять тысячелетий в полном одиночестве и не сошла с ума от скуки, то лишь потому, что жизнь ее поддерживала неутолимая тяга к знаниям. В том числе и к знаниям об окружающем мире, который почти не соприкасался с маленькой, затерянной среди холмов котловиной. Иеро, сам такой же собиратель знаний, мог лишь симпатизировать желанию первого ученого из племени моллюсков пообщаться с кем-нибудь из людей. Подобная цель могла оправдать даже то, что подходящий для диалога мозг был силой притянут на эти туманные берега.

«Ты говоришь, что убил моего зверя по неведению,— мысли быстро мелькали в голове священника.— Что ж, я верю тебе! Но, к сожалению, существует еще один момент. В то время, когда ты нашел меня, я направлялся к северу по неотложным делам. Причина моего странствия очень важна; если я не смогу повлиять на ход событий, то мои враги — да и твои тоже, ибо эти люди ненавидят все живые существа — осуществят свои планы. Ты заставил

меня отклониться от нужного маршрута и убил моего скакуна, а это может привести к весьма печальным последствиям. И я полагаю, что раз уж ты не можешь воскресить мое животное, то должен помочь мне как-то иначе и компенсировать нанесенный вред».

«На это мне нечего возразить,— последовал ответ,— но тем не менее я сказал тебе правду. Так мне кажется, ибо у меня нет способа измерения истины. Но я готов допустить, что ты владеешь таким способом, и я согласен с твоими словами. Сейчас я скажу тебе кое-что важное. Поэтому слушай меня внимательно».

Властитель озера замолчал, но Иеро уже привык к этим недолгим паузам, понимая, что существо пытается привести свои мысли в порядок, чтобы потом без остановки выдать следующую порцию. Он, оказывается, не любит беспорядка, этот уединенный разум!

— Солайтер!* — это имя сорвалось с внезапно дрогнувших в улыбке губ священника.

Холодный оглушающий голос гигантского моллюска снова загрохотал у него голове:

«Ну вот, ты уже дал мне имя в привычных тебе звуках. И я, тот, кто никогда не нуждался в имени, принимаю его! Итак, отныне я буду Солайтером!»

И, к изумлению человека, это имя возникло в его мозгу, написанное буквами его родного алфавита!

«Я научился от тебя многому, очень многому,— продолжал титан.— Я подробно исследовал твой разум, пока ты спал, и я чувствую — а это уже само по себе нечто новое для меня — чувствую, что ты понимаешь, насколько мне *нравится* узнавать что-то новое!»

Этот взрыв энтузиазма вызвал громкое звенящее эхо в голове священника.

«А теперь послушай меня внимательно, Иеро.— И снова светящиеся буквы появились прямо в мозгу еще не пришедшего в себя от удивления человека.— Конечно, существует определенный риск, но, уверяю тебя, он очень мал. И если ты по-прежнему веришь мне и чувствуешь, что я не собираюсь причинять тебе вред, я могу сделать для тебя одну вещь. Я могу исправить твой разум».

Иеро пришлось присесть на мягкую подушку из мха, потому что ноги внезапно перестали держать его.

«Исправить мой разум? — Мысли священника понеслись галопом.— Но все мои способности исчезли! Слуги Нечистого уничтожили их с помощью какого-то снадобья. Именно поэтому я и сижу здесь с тобой, вместо того чтобы вести своих людей в битву! И ты ведь сам сказал мне, что с большим трудом нашел лишь маленькую щелку в той куче мусора, в какую превратился мой мозг! Ты можешь это исправить? Что ты имеешь в виду?»

Уверенный голос Солайтера успокоил его.

«Исправить! Я предлагаю именно это, мой...— он немного поколебался,— мой неожиданный друг. С тех пор как небесные огни — те, которые твой народ называет Смертью — пробудили сознание в моей плоти, у меня было достаточно времени, чтобы многому научиться. Я не только бездумно пожирал животных, которых мне удавалось сюда завлечь, я делал с ними и другие вещи, такие же, как с некоторыми растениями. И название тому, что я с ними делал,— исследование!»

В мозгу Иеро опять вспыхнули сверкающие буквы.

«Твое тело и твоя кровь не слишком сильно отличаются, скажем, от плоти зверя, что привез тебя сюда. А я исследовал многие тысячи таких животных. Я смотрел в их мозг и узнавал то, что мне хотелось узнать. И так я научился делать разные вещи со своим собственным телом. Это было необходимо. Когда огни Смерти отгорели над этим озером, появилось множество огромных зверей, которые охотились на тех, которых я приманивал, и могли напасть на меня, хотя я носил на спине свой щит. Я был тогда еще слишком мал и слаб, чтобы сражаться с ними в открытую; мне приходилось прятаться и страдать от голода. И вот, чтобы остаться в живых, я стал изучать возможности сво-

* Солайтер — отшельник, любитель уединения. *(Прим. перев.)*

его тела. Я узнал много полезных вещей, а главное, я научился создавать мельчайшие частички жизни, те, которые вы называете клетками!»

Открыв от удивления рот, Иеро наблюдал за чудесами, в которые не поверил бы даже во сне.

Сначала на могучей шее Солайтера — если только эту колонну плоти можно было назвать шеей — вздулся еще один бугорок, весьма похожий на тот, внутри которого хранилась золотистая раковина. Бугорок стал быстро расти и вытягиваться в длину, и вот уже огромное, похожее на древесный ствол щупальце покачивается перед лицом священника, и водяные брызги, слетая с его заостренного конца, образуют в воздухе маленькую радугу.

С захватывающей дух скоростью щупальце метнулось вниз, и, едва успев ощутить его холодное объятие на своей груди, Иеро уже висел высоко над землей, мягко поддерживаемый этим необычным живым канатом. Мгновением позже он снова сидел на зеленой моховой подушке.

Затем гигантская «рука» протянулась к берегу, ухватив внушительных размеров череп какого-то животного. Одним неуловимым движением щупальце напряглось и распрямилось, метнув костяной снаряд словно из колоссальной катапульты. И только спустя несколько долгих секунд с противоположного края котловины прилетело замирающее эхо сильного удара.

«Ну что ж,— Иеро мог поклясться, что в голосе гигантского моллюска прозвучало веселье,— теперь ты видишь, что, если хищник преодолеет силу моего разума, у меня есть еще ряд способов, чтобы не попасться ему на обед. А теперь смотри внимательно!»

Коричневое щупальце остановилось прямо перед орлиным носом священника. Медленно-медленно его заостренный кончик начал утончаться, менять свою форму, становясь все более похожим на какой-то странный хирургический нож, по сравнению с которым самые лучшие ланцеты и скальпели, применяемые в аббатствах, выглядели грубыми поделками.

Однако и этот, совершенный с точки зрения Иеро, медицинский инструмент продолжал уменьшаться, пока не обрел форму длинной, слегка изогнутой иглы, чей кончик был столь тонок, что священнику с трудом удавалось сфокусировать на нем свой взгляд. И вдруг из этого тончайшего кончика высунулся целый пучок похожих на паутинки щупиков, которые тут же беспорядочно заколыхались в потоках теплого воздуха. Сумасшедшая идея, уже давно бродившая в голове Иеро, внезапно обрела четкие контуры, и он, испугавшись, тут же отбросил ее, пока она не успела завладеть его сознанием. Однако огромный мозг Солайтера, казалось, целиком и полностью подтверждал эту мысль.

«Да, ты понял, что я тебе предлагаю. За многие годы я научился делать подобные инструменты — ведь у меня не было рук, и мне пришлось их отращивать. Обучение подобным вещам заняло бездну времени, так много, что я не стану утомлять тебя подсчетами. Но шаг за шагом я постепенно осваивал то, что мог создать из собственной плоти. Смотри же дальше!»

Иеро показалось, что колышущиеся перед его лицом щупики исчезли, однако на их месте осталась какая-то еле заметная рябь, которую нельзя было приписать колебаниям поднимавшихся вверх теплых воздушных потоков.

«Теперь ты не можешь их видеть,— объяснил Солайтер,— но они все еще здесь, и я по-прежнему контролирую каждое их движение. Они сделались такими тонкими, что лишь самые твердые камни представляют для них заметное препятствие».

Священник молча ждал, уже готовый к тому, что произойдет вслед за этим.

«Через маленькие отверстия в твоей коже они пройдут с легкостью. И тогда, мой друг, я сумею исследовать твой разум и, возможно, исправить кое-что из того, что сделали твои враги».

Иеро уловил некий новый оттенок эмоции в последней мысленной фразе, переданной Солайтером. Похоже,

огромный холодный мозг гигантского моллюска был искренне возмущен тем, что кто-то посягнул на целостность чужого разума! Многие века он ждал, пока в поле его досягаемости появится достойный внимания объект; и вот, когда это случилось, выясняется, что мозг партнера почти безнадежно испорчен. Поврежден намеренно, со всей изобретательностью и жестокостью, которую только можно представить! Наиболее подходящим человеческим эквивалентом чувства, владевшего сейчас Солайтером, были глубочайшая обида и ярость. Ярость по отношению к тем, кто посмел сделать такое с его первым и пока что единственным другом.

Почувствовав, как в мозгу титана тяжелой волной закипает гнев, Иеро поспешил успокоить своего нового товарища.

«Ты сделал мне важное предложение,— передал он.— Если бы я своими глазами не увидел показанного тобой, мне бы и в голову не пришло, что такая операция осуществима. Однако,— тут в голосе священника прозвучала неуверенность,— у меня есть к тебе пара вопросов. Конечно, я больше не сомневаюсь в чистоте твоих намерений, но я хотел бы знать, насколько рискую, соглашаясь на эту операцию? Ведь для меня гораздо лучше остаться ментальным слепцом, чем полностью потерять разум из-за какой-то глупой случайности».

«Я думаю, ты не рискуешь абсолютно ничем,— последовал лаконичный ответ.— Возможно, несмотря на многолетнюю практику, я не сумею исправить твой мозг или восстановлю не все его прежние функции. Но я могу обещать, что причиню тебе не больше вреда, чем уже было сделано. Это я обещаю! — Солайтеру так понравилось это слово, что он несколько раз большими буквами запечатлел его в мозгу священника.— Какие еще у тебя есть вопросы?»

«Ты привел меня сюда,— вновь заговорил человек,— чтобы получить знания. Но, наверное, за обещанную тобой услугу ты что-то захочешь получить? Чего же ты хочешь?»

«Ничего, кроме того, о чем мы уже говорили.— Иеро с удивлением отметил, что первоначальные трудности при ментальном разговоре с Солайтером постепенно исчезли и сейчас мысленное общение дается им неизмеримо проще.— У меня есть к тебе несколько предложений, но ты можешь отказаться от них, если захочешь. Несколько предложений и несколько вопросов, вот и все. Если ты согласишься ответить на них, я буду полностью вознагражден!»

«Конечно, я отвечу на все твои вопросы,— послал свою мысль Иеро.— И раз у тебя нет ко мне каких-нибудь особых просьб, то можешь начинать. А я постараюсь удовлетворить твое любопытство, если только вопросы не будут для меня слишком трудными. Кстати, не скажешь ли ты, о чем пойдет речь?»

«Конечно,— отозвался глубокий голос Солайтера.— Я хочу изучить связи между людьми, то, что вы называете человеческими взаимоотношениями, а также историю вашей расы в ее материальном и духовном аспектах. Я хочу знать все о твоих ментальных способностях и о том, как они у тебя появились. Я хочу знать о тех существах, с чьими разумами ты общался, неважно, относятся ли они к твоей расе или, подобно мне, порождены на свет Смертью. Я хочу знать, как и откуда пришла Смерть и какие она имела последствия для всего мира. Еще я хочу узнать о той войне, в которую вы вовлечены сейчас, и о твоих врагах — людях, которых ты называешь слугами Нечистого. Я хочу узнать и о твоих союзниках, о тех местах, где ты побывал, о той стране, где ты родился и вырос. Кроме того, я с благодарностью приму любую информацию, о которой забыл спросить и которую ты сочтешь нужным донести до меня. И наконец, я хочу знать все о самом главном вопросе».

Озадаченный священник довольно долго размышлял над этим последним пунктом обширного перечня, затем осторожно поинтересовался: «Что ты считаешь самым главным вопросом?»

«Перед тем как заснуть,— последовал ответ,— ты сделал нечто странное. Нечто, значение чего я до сих пор не могу понять. Меня интересует та сила, которую ты называешь Богом».

— Вот оно что...— протянул Иеро вслух.— Да, пожалуй, мне давно уже стоило приготовиться к этому вопросу.

«Потом,— добавил Солайтер,— когда я закончу работать с твоим разумом, ты сможешь уйти. То, что отложено, надо закончить, иначе в мире воцарится беспорядок».

Глава 6

ПУТЬ НА СЕВЕР

Прошла неделя; Иеро день за днем шел на север, удаляясь от озера Солайтера. Путешествие проходило спокойно. Он сумел не только выжить в этих глухих и диких местах, но даже окреп и поздоровел.

Однажды утром, опершись о копье, священник бросил взгляд в сторону юга, на долгий пологий подъем, который он только что миновал. Несколько пестрых пичужек щебетали в зарослях кустарника; огромный ястреб, величиной с орла былых времен, подозрительно выглядывал из гнезда, прилепившегося в расщелине скалы; небольшие ящерки и похожие на тушканчиков грызуны сновали в траве. Никто из них не представлял опасности, и на много миль окрест тут не было других животных.

Иеро *знал* это. Его ментальная слепота прошла, утраченная сила вернулась к нему. Он снова мог проникнуть в крохотные разумы суетившихся вокруг Божьих тварей, видеть их глазами, слышать ушами, читать их нехитрые мысли.

Путник задумчиво провел ладонью по гладкой, нагретой солнцем поверхности щита, висевшего на его плече. Теплое чувство охватило его; то был дар — подарок нового друга, которого он обрел так недавно и с которым расстался не без сожаления.

«Я даю тебе это, Иеро,— сказал Солайтер.— Я извлек из твоего разума картины битв и знаю, что ты пользовался в них подобными вещами. В незапамятные времена — возможно, когда твой род правил миром,— в мое озеро попала пластина странного, очень плотного материала. Я нашел ее очень давно и хранил до сих пор. Я не знаю, что это такое, но думаю, что тебе она нужнее. И пока ты спал, я поработал над ней, придав нужную форму. Возьми эту вещь, и пусть она защищает тебя, как защищал мое тело панцирь — в те дни, когда мир был моложе и яростный огонь еще не опалил землю».

Взгляд священника скользнул по небольшому круглому щиту, около двух футов в поперечнике, гладкому и очень легкому. Его тусклая серовато-коричневая поверхность почти не отражала света. Иеро встречался раньше с таким материалом и попробовал объяснить его назначение огромному моллюску. Изделия из пластмассы и куски пластика часто находили в земле; как правило, сломанные и бесполезные, но иногда попадалось кое-что стоящее. У покойной матери Иеро была тарелка с забавным изображением — птицей с плоским клювом, наряженной в штаны и шапку с ленточками*.

Но даже в легендарной древности мало кому доводилось видеть такой плотный и крепкий пластик. Экспериментальный материал, попавший в озеро из руин давно забытой лаборатории, вновь появился на свет, использованный с неожиданной для его создателей целью. Солайтер даже снабдил свое изделие специальными пазами с тыльной стороны, в которые Иеро мог продеть кожаный ремень. В середину щита моллюск вмонтировал темный, посверкивающий искрами кристалл.

«Это самое прочное вещество, с которым я знаком,— заявил он человеку.— Если бы твой череп был таким, мне вряд ли удалось бы проникнуть тебе в мозг и вернуть ему прежнюю силу!»

---

* Утенок Дональд в бескозырке. *(Прим. перев.)*

Иеро не часто доводилось видеть алмазы — в основном, в виде прозрачных камней, сверкавших в прическах женщин, на их пальцах или запястьях. И ему, конечно, никогда не попадался большой искусственный кристалл, предназначенный для сверл и буров. Впрочем, это его не беспокоило; он с благодарностью принял дар Солайтера. Но силы, возвращенные его разуму, были еще более ценным подарком.

К сожалению, восстановить их полностью не удалось. Когда Иеро пробудился утром после операции, он почувствовал некое смущение, овладевшее гигантом,— казалось, что-то ему не нравится. Восторженные восклицания священника вскоре были прерваны его необычным лекарем.

Солайтер сокрушенно заметил: «Твой мозг очень сложен... Я не сумел понять назначение всех связей, разобраться с каждой и охватить их целиком. И я не рискнул вмешиваться туда, где оставалось непонятное... Я очень сожалею, что сделал меньше, чем собирался и чем обещал тебе».

Иеро не мог утешить огромного моллюска. Сам он остался доволен тем, что получил, хорошо представляя, насколько сложной была операция.

Вечером Солайтер погрузил его в глубокий сон. Огромные глаза моллюска обладали гипнотической силой, которой священник не мог и не хотел сопротивляться. Всю ночь, от заката до восхода солнца, трудился прилежный хирург, выращивая необходимые инструменты прямо из собственного тела. Он работал час за часом, соединяя, сращивая, исправляя, залечивая; он не пользовался зрением — лишь своей памятью и тончайшим, поразительно развитым осязанием. Наконец, убедившись, что все возможное сделано, и не рискуя на большее, титан разбудил своего пациента.

Уже через несколько минут Иеро с растущим облегчением понял, что его телепатические силы восстановились. Ментальная слепота исчезла; он снова ощущал чужое сознание, мог вступать с ним в контакт. Правда, это имело и свои отрицательные стороны. Когда Солайтер начал приманивать молодого оленя, который пасся неподалеку от берега, священник сразу почувствовал гипнотический зов огромного моллюска. Миг — и разум его слился с разумом смертельно испуганного животного; теперь даже мысль о том, что это создание может погибнуть, ужасала Иеро.

Ощутив его страх, Солайтер выпустил олененка из ментальных тисков и с некоторым недоумением заметил, что он голоден и должен съесть хоть что-нибудь. Священник опустил голову и пошел прочь по береговому склону; перевалив косогор, он подождал с полчаса, стараясь не поворачиваться к озеру лицом. Он так и не узнал, какой зверь откликнулся на очередной зов Солайтера, но надеялся, что это тварь была достаточно объемистой и не столь безобидной, чтобы приходилось сожалеть о ее гибели.

Он вернулся, когда моллюск уже покончил с завтраком.

Впрочем, настроение гиганта не улучшилось; он все еще ощущал сожаление и вину из-за того, что не смог вернуть человеку последнюю, но очень важную часть ментальной мощи. Это было искусство, обретенное Иеро в жестоких телепатических поединках,— умение захватить контроль над чужим разумом, подчинить его своей воле. Он вновь обладал ментальным видением и способностью к мысленной связи — столь же утонченными, как в прошлом; возможно, даже более сильными. Однако он не мог сражаться с помощью мозга. Слуги Нечистого так основательно поработали над главным его оружием, что даже Солайтеру не удалось спаять осколки.

Затем наступило время вопросов и ответов; Иеро пришлось изрядно попотеть, удовлетворяя неистощимую любознательность гиганта. Казалось, тот задался целью вычерпать до дна метафизические познания священника, полученные в школе аббатств. Зачем существует мир и почему он устроен так, а не иначе? В сущности, именно это желал знать Солайтер, невероятное создание, получившее дар разума в результате странной мутации. Философская беседа с ним стоила Иеро бездну энергии, и в начале

священник не раз с ужасом думал, что сказали бы Отцы Церкви, ознакомившись с его потугами объяснить чудовищной улитке цели Всемогущего. Впрочем, успокаивал он свою совесть, самый искушенный теолог вряд ли мог быстрее справиться с такой задачей.

Затем дело пошло лучше. Этот огромный мозг, потративший пять тысячелетий на сбор всевозможных сведений и размышления о сущности Вселенной, умел разматывать клубок загадок сразу с дюжины концов. Когда собеседники начали обсуждать природу Нечистого — или Другого разума, как называл его Солайтер,— они уже достигли полного взаимопонимания.

«Я не часто ловлю Его послания,— заметил моллюск.— Он не столь древен, как я, либо мне удалось услышать Его только недавно».

Иеро потребовал объяснений. Названный Солайтером срок равнялся тысячелетию или около того; гиганту было трудно воспринять хронологические масштабы человеческой жизни.

«Похоже, Он постепенно изменяется, усиливается, хотя это требует долгого времени. Долгого с точки зрения таких существ, как ты. Но как бы Он ни менялся, суть остается прежней».

Солайтер не мог объяснить яснее, что значит его замечание, но прочие особенности этой странной силы он описал довольно подробно.

«Ощутив Его присутствие, я стараюсь скрыть свой разум; что-то в Нем внушает мне страх. Теперь, когда ты объяснил мне, что есть Зло, я понял, чего боюсь. В Его мыслях злоба — черная злоба против всех и всего! И Он становится сильнее! Ты много рассказывал о своих врагах, слугах Нечистого... Он похож на них, я чувствую, но гораздо, гораздо могущественнее! Может быть, между ними существует связь... Кажется, я ощутил нечто подобное последний раз, незадолго до того, как ты пришел по моему зову. Это промелькнуло очень быстро, словно огненная стрела, бороздящая небо во время бури... Я сожалею, что

не сумел возвратить твоему разуму силу, что позволяет сражаться и убивать. Это искусство пригодилось бы тебе».

В беззвучном голосе моллюска звучало беспокойство. Кое-какие аспекты человеческих отношений вызвали у Солайтера изумление. Иеро выяснил, что гигант, подобно большинству улиток, был двуполым; он продуцировал одновременно и сперму, и яйцеклетки. Отсюда следовало, что он мог вырастить молодняк, существ своего вида — хотя бы для того, чтобы избавиться от одиночества. Человеку подобная мысль казалась естественной, и, если учесть поразительную власть Солайтера над живой плотью, размножение не составило бы для него проблемы.

Однако это идея вызвала у моллюска нечто похожее на раздражение.

«Нет, так нельзя... Это было бы неправильно... неприлично!»

Титанический повелитель холмов жеманился, словно невинная девушка! Чем больше узнаешь жизнь, тем большее удивление она вызывает, заключил про себя Иеро.

Последнее послание от Солайтера пришло священнику, когда он был уже далеко от озера, воды которого вновь скрыли огромного моллюска.

«Прощай, Иеро, мой новый друг! Не сбейся с пути, что ведет к людям,— я запечатлел дорогу в твоем сознании. Я не могу сам достичь их, но знаю, где обитает твой род. Иногда я ощущаю их присутствие, хотя они не столь искусны в передаче мыслей, как ты... Будь осторожен! И помни о Нем, о Другом разуме! Он где-то далеко на востоке, на огромном расстоянии от нас, за соленым океаном, о котором ты мне рассказывал. Раньше мне было непонятно, что это такое. Но ты дал мне многое... многому научил... и теперь я знаю: это чудовищный разум, могучий мозг, сильнее моего. И он — Зло! Страшное Зло! Остерегайся Его! Прощай, и пусть будет легким твой путь! А мне надо теперь поразмышлять обо всем, что я узнал. Возможно, мы встретимся снова, и скорее, чем думаем в эту минуту... Я предвижу это!»

Затем связь была прервана, контакт распался; Иеро снова был один. Но разум его оставался бдительным и настороженным, оружие — готовым к бою.

Так прошла неделя.

Отдохнув, он снова направился к северу. В такт размеренному бегу покачивалось на плече копье; щит, закрепленный поверх ножен с мечом, иногда хлопал по спине, у пояса колыхались кожаная фляга с водой и нож. Кроме оружия он нес сумку, в которой лежали огниво, магический кристалл и мешочек с сорока символами; там же — на крайний случай — был небольшой запас сушеного мяса и кореньев. В этой местности хватало дичи, и путник не испытывал голода. Короткие кожаные штаны, сандалии и лента, стягивающая волосы, составляли всю его одежду.

Он бежал вперед, его широкая грудь мерно вздымалась и опадала в такт стремительным движениям. Он оставлял позади милю за милей, пока в голову ему не пришла мысль, что слишком немногое было известно об этой дороге. Иеро свернул в сторону — туда, где высились холмы,— и быстро поднялся по склону. Перед ним раскинулась бескрайняя саванна. То здесь, то там над высокой травой плотными клубами вздымались рощи; бледно-зеленые полосы растительности обрамляли рваные заплатки болот.

Он догадывался, что где-то там струились медленные, неторопливые реки, пересекавшие эту местность из конца в конец. Вероятно, ни одна из них не будет серьезным препятствием, решил священник, вытирая вспотевший лоб. Тень от вершины холма, что нависал над ним, умеряла полуденный зной.

Животные казались здесь более упитанными, чем в восточных землях, по которым он путешествовал неделями раньше. Тут водились большие волки с рыжей шкурой и пятнистые кошки любых размеров. Тут охотился саблезубый — огромный, стремительный, с темной полосой вдоль хребта; его громовой рев перекрывал рычание леопардов и визг камышовых котов. Крупные травоядные переполняли саванну — могучие быки, бесчисленное количество

антилоп и оленей всех пород; чтобы составить их описание, требовалась целая жизнь. Все новые и новые виды попадались Иеро, и в его мозгу, приученном запоминать и описывать, постепенно накапливался гигантский каталог.

Здесь бродили стада чудовищных, покрытых панцирем животных; их бронированные спины высились над огромными головами, словно бурые скалы. Они, однако, не имели отношения к динозаврам древности — их жилы наполняла теплая кровь, и копыта состояли из трех рудиментарных пальцев. Иеро ловил их мысли — тупые, ленивые; он решил, что эти твари являлись всего лишь горами медлительной плоти, пожирающей траву и молодые ветви. Он не представлял для них угрозы — как, впрочем, и любое другое существо столь же ничтожных размеров. Однажды, из чистого озорства, он пробежался по спинам целого стада, то перепрыгивая с одного хребта на другой, то взбираясь наверх по складкам и трещинам в панцирях. Травоядные монстры даже не заметили его.

Тысячи птиц носились над деревьями и травой, пели, щелкали, свистели. Многие целыми стаями сопровождали крупных животных; одни охотились на жалящих насекомых, другие, восседая на спинах травоядных, искали клещей и блох. Но не все пернатые были столь безвредными.

Его первая встреча с птицей иного рода едва не закончилась трагедией. Она, должно быть, некоторое время следила за ним; когда эта тварь стремительно вырвалась из высоких зарослей кустарника, Иеро был захвачен врасплох. Птица была вдвое выше его, с чудовищным, загнутым крючком клювом, с головой, увенчанной плюмажем из пурпурных перьев. Растопырив крохотные бесполезные крылья, она неслась по степи со скоростью антилопы, топча траву голенастыми когтистыми ногами. Иеро парировал яростный удар клюва своим щитом, поспешно переброшенным со спины на руку; затем, петляя, словно заяц, бросился к ближайшей роще высоких раскидистых деревьев. Птица преследовала его по пятам с возмущенными воплями.

К счастью, неподалеку были деревья, увитые лианами, по которым он вскарабкался наверх со скоростью, внушавшей зависть его обезьяньим предкам. И вовремя! Огромный клюв врезался в ствол на расстоянии пальца от его сандалии.

Тяжело дыша, Иеро наблюдал за чудищем, исходившим яростью у подножия дерева. На этот раз только удача спасла его от гибели, и он дал себе слово, что впредь будет осторожнее. Ментальные волны гигантской птицы имели другую частоту, чем у млекопитающих, от нападения которых священник был защищен своей телепатической охраной. И в результате он едва не попал на обед представителю пернатых! Путник решил впредь сканировать все волны — не только принадлежавшие теплокровным животным, но и те, которые испускали птицы и рептилии. В мире, полном мутировавших тварей, чье происхождение было трудно или невозможно установить, никакие предосторожности не оказывались лишними. Он слишком хорошо помнил тот смертный ужас — Обитающего в Тумане — и способ, которым болотный монстр поддерживал свое существование.

После долгого ожидания, во время которого Иеро терпеливо представлял себя древесной ветвью, высохшей и абсолютно несъедобной, птица удалилась. Когда ментальная проверка подтвердила, что голенастое чудище уже далеко, он спустился на землю и продолжал путь. Других происшествий в тот день не было, но странник старался держаться поближе к деревьям и высоким конусам термитников. Это тактика тоже страдала определенными недостатками — на границе леса таились свои опасности. Разум Иеро, однако, стоял на страже, позволяя обнаруживать и обходить опасные места. Еще до того, как ночная тьма спустила в степь сонм хищников, он устроился на раскидистых ветвях лесного гиганта, тщательно замаскировав свое убежище. Священник заснул, убежденный, что, если бы ментальные способности не вернулись к нему, он сумел бы пересечь эти земли лишь в сопровождении целой армии.

Проходили дни, солнечные и ясные, с изредка налетавшими грозами. Мысли Иеро все чаще и чаще уносились к северу. Там, как полагал Солайтер, обитали человеческие существа неведомого рода и племени и не похожие на метсов; это было все, что гигант мог о них сказать. Теперь каждый вечер, сотворив молитву, Иеро сосредоточивался на северном направлении в поисках контакта. Он действовал очень осторожно. Пока еще путник не знал, кого — или что — ищет, но он отнюдь не жаждал внезапно столкнуться с Нечистым.

Не раз Иеро подумывал о том, чтобы использовать свой кристалл,— вероятно, тот позволил бы ему взглянуть на предстоящую дорогу глазами какого-нибудь существа. Всматриваясь в его магические глубины, он мог войти в контакт с мозгом птицы, парящей в голубых небесах на многие мили впереди, и использовать ее как воздушного разведчика. Но в этих землях, населенных странными тварями, он не хотел рисковать. Процесс дальновидения не поддавался сознательному контролю, и кто знает, с чьим мозгом он мог случайно вступить в контакт. Один раз, еще на севере, незадолго до встречи с Лучар, волшебный камень подключил его к сознанию слуги Нечистого — пилота, парившего в небе на крылатой машине. Иеро вполне хватило этого эксперимента; больше он рисковать не собирался.

У него еще оставались сорок символов — деревянные фигурки размером с сустав мизинца. Хотя Иеро не использовал их много месяцев, считая, что не обладает даром прекогнистики, они не раз помогали ему в прошлом. Законы, которым подчинялись эти крохотные знаки, оставались непонятными самым ученым служителям аббатств; их происхождение терялось в глубине тысячелетий. Лишь немногие обладали редкой способностью к предвидению будущего и могли с уверенностью использовать их. Дар Иеро был более чем скромным, однако попытка провертеть дырочку в завесе будущего явно не сулила никакого вреда.

Однажды вечером, спустя неделю после того, как он покинул южные холмы, священник сложил маленькие де-

ревянные фигурки в кучку на куске коры, что лежал на его коленях. Перед тем он прочно привязался лианой к могучей ветви одного из лесных великанов, чтобы не свалиться вниз во время транса. Сотворив молитву и испросив у Всевышнего помощи в прозрении будущего, Иеро погрузился в состояние транса, безразличный и нечувствительный к внешнему миру. Однако и сейчас ментальный щит ограждал его разум от посягательств врага; никто не сумел бы пробиться сквозь мощные барьеры к его мозгу и захватить над ним власть. Перед тем как погрузиться в транс, он положил ладонь левой руки на кучку резных символов.

Когда священник очнулся — застывший, с ногами, сведенными судорогой,— было совсем темно. Лунный свет расплескался по саванне; ночь ярилась и рыдала отзвуками погони и бегства, рыком охотников и предсмертным визгом жертв.

В левой руке Иеро были стиснуты три крохотные фигурки. Освободившись от лианы, предохранявшей его от падения, и отложив в сторону прочие символы, он пополз к концу ветви, к открытому пространству, где свет луны позволял разглядеть выпавшее ему знамение. Только там Иеро разжал пальцы и всмотрелся в три символа, вырезанных из черного дерева.

Копье было ему хорошо знакомо; оно означало сражение или охоту, а иногда — и то и другое, так что тут не ожидалось ничего нового. Следующий символ тоже был старым знакомым — крохотные Сапоги; он предсказывал долгое, очень долгое путешествие, что не вызвало у Иеро большого удивления. Последняя фигурка, однако, заставила его призадуматься. Лист с наложенным на него Мечом! Однако, получше приглядевшись, он понял, что клинок на самом деле прокалывал лист — входил в него и выходил опять, подобно скрепляющей плащ застежке.

Странник опустил руку с зажатыми в ней фигурками и долгое время сидел неподвижно, пытаясь припомнить смысл последнего значка. Каждый из символов обладал

несколькими значениями, а в сочетании с остальными приобретал еще десяток, и Иеро никогда не мог запомнить все эти премудрости. Тут требовался особый дар... Один из его приятелей по школе ухитрился вызубрить не меньше дюжины толкований каждого знака и делал с их помощью весьма достоверные предсказания.

Война и мир! Вот что это значило! Но так как оба символа были сплетены вместе, то здесь, казалось, должна оставаться возможность выбора. Итак — мир или война, путешествие и битва — или, возможно, опасная охота. Он негромко рассмеялся. Что же еще наполняло его жизнь?

Как минимум, знаки предсказывали, что все пойдет как обычно. Возможно, в некотором туманном и отдаленном будущем он очнется от транса и узрит на своей ладони символы, сулящие только мир и спокойствие. Какая прекрасная мечта! Он снова рассмеялся и начал готовиться ко сну, все еще ухмыляясь шутке, которую преподнесло гадание. Рев и гам, наполнявшие ночную саванну, не беспокоили его; устремившись мыслями в завтрашний день, он расположился на своей ветке и заснул со счастливой улыбкой на губах.

В подземелье, озаренном светом ламп, где-то в Саске, столице республики Метс, два старика сидели на дубовых скамьях, обмениваясь встревоженными взглядами. Оба сжимали в узловатых пальцах кружки с шапками пены, оба были бородаты и облачены в напоминавшие балахоны одеяния; на этом сходство кончалось.

Лицо аббата Демеро с возрастом приобрело цвет старой бронзы; седая борода не доставала до груди, под орлиным носом прямыми стрелками топорщились усы. С его угловатых худых плеч свисала белоснежная ряса, на груди тускло отсвечивал крест из кованого серебра, который поддерживала массивная серебряная цепь. На безымянном пальце левой руки он носил широкое золотое кольцо; в темных глазах над высокими скулами читались ум и властность.

Борода брата Альдо была длиннее; завиваясь кольцами, она спадала на его простое коричневое одеяние. Он не носил ни украшений, ни каких-либо знаков своего сана. Нос его, хотя не столь широкий и плоский, как у далеких африканских предков, имел мягкие, плавные очертания, кожа была гораздо темнее, чем у собеседника,— почти такого же цвета, как мореная дубовая крышка стола, на которой лежали локти эливенера. Взгляд его был полон терпеливой мудрости — впрочем, не лишенной юмора.

Время и заботы избороздили морщинами лбы обоих стариков, но силы их не иссякли; их движения, не отличаясь юношеской живостью, оставались еще уверенными и четкими.

С чуть заметной улыбкой, таившейся в уголках рта, его преподобие отец Демеро произнес:

— Пью за здоровье вашего величества! Добро пожаловать на север, дорогой гость! Хотелось бы мне, чтобы наша встреча была хоть немного торжественней... сказать по правде, я уже устал от этой проклятой секретности.

— Демеро, старый глупец! Я проклинаю день, когда поведал тебе о своем прошлом! Д'Алви потеряло своего короля много поколений назад, и люди давно забыли об этом сумасшедшем. Сколько раз я должен напоминать об этом святейшему аббату?

— Хорошо, пусть будет брат Альдо, раз ты так желаешь. Республикам, знаешь ли, начинают нравиться короли, когда они изгоняют своих собственных владык. У нас тут тоже был король... давно, еще до Смерти. Я не помню ни его имени, ни даже того, жил ли он здесь. Мне кажется, что его резиденция находилась где-то далеко, на острове за океаном, а наши края он посещал довольно редко. Можно было бы навести справки в архивах аббатств...

Старик в коричневой хламиде усмехнулся:

— Таковы повадки королей... и королев тоже, мой друг.— Лицо его внезапно стало серьезным.— Впрочем, нам надо сейчас поговорить о принце, а не о короле, Демеро. И нам следует многое решить. Время не ждет, и ты знаешь, что

завтра мне пора трогаться в дорогу... Так что давай говорить о деле.— Он выпрямился на своей дубовой скамье и заглянул в темные зрачки священника.— Я получил плохие новости с юга... вряд ли они тебя обрадуют.

Кулас Демеро, иерарх и первый гонфалоньер Универсальной церкви республики Метс, глава Совета аббатств, проницательно посмотрел на своего друга:

— Неприятности с Иеро, да? Всю последнюю неделю мне было как-то не по себе... Он так далеко... один, в чужих краях... Ну, так что же за новости? Не тяни, прошу тебя!

— Он исчез. Может быть, похищен... может — хуже... в чем я, правда, сомневаюсь.— Брат Альдо, носивший от рождения совсем иное имя и титул, не потерял чувства юмора.— Совет братства прислал мне сообщение только сегодня утром — путь с юга не близок! Я понял, что там был мятеж и что его возглавил герцог, этот молодой шалопай, который метит на трон! Похоже на истории, которые случались в Д'Алви в прошлом. Но теперь все выглядит хуже, гораздо хуже... там вмешался Нечистый. Даниэл серьезно ранен, но пока что жив; Лучар едва не убили, а ее муж просто исчез с лица земли!

— Если бы парень умер, она бы знала,— без промедления заметил аббат.

— Да-а...— медленно протянул брат Альдо.— Она очень чувствительная... по крайней мере, к тому, что касается его. И в этом наша главная надежда. Молю Бога, чтобы она оказалась права; Иеро и мне дорог.— Старый эливенер задумчиво погладил бороду.— Но нам надо подумать о других вещах. Я верю в Лучар, верю, что она удержит страну в своих руках, если только сие под силу человеку. Даниэл ей поможет; пока что преимущество на его стороне, и он не настолько глуп, чтобы замять скандал. Но братство предупреждает — Нечистый не собирается терять времени... Они действуют быстро! И они ударят по вашей республике! Мы, братство Одиннадцатой заповеди, считаем, что вам нужна помощь...— Замолчав, брат Альдо бро-

сил взгляд на плоский деревянный ящичек в углу комнаты; в нем безостановочно раскачивался полированный маятник с закрепленными на концах маленькими дисками.— Ты уверен, что здесь мы можем свободно говорить и думать?

Демеро, проследив за его взглядом, кивнул:

— Этот глушитель мысли никогда не подводил нас, и я ему вполне доверяю. Ментальные волны Нечистого сюда не проникнут, будь уверен.— Он отхлебнул из кружки.— Ну, что касается компьютера, тут наметился определенный прогресс. Сперва, когда мы изучили принесенные тобой книги, выяснилось, что невозможно создать те крохотные устройства — они называются чипами,— из которых в старину собирали такие приборы...— По лицу священника скользнула улыбка.— Затем один из наших молодых ученых догадался, что множество крохотных непонятных предметов, собранных в погибших городах и доставленных в хранилища аббатств, являются деталями компьютера, описанного в книгах. Я полагаю, что перед Смертью их были миллионы... Но даже с книгами и деталями нам требуется время, чтобы разобраться... Мы должны шаг за шагом повторить путь древних, научиться думать так, как думали они. И когда мы соберем этот компьютер, он будет нуждаться еще кое в чем... Этот процесс называется программированием. Ученые говорят, что все это можно сделать... нужно только время. Старая история!

Отец Демеро поднял глаза на своего собеседника.

— Сколько лет прошло с тех пор, Альдо, как мы впервые встретились в молодые годы... я скорее сказал бы — в юности... да, встретились и решили, что наша Церковь и ваше братство должны быть союзниками... Уже тогда мы понимали, что время работает против нас. Ничего не изменилось! Лишь то, что ты сейчас возглавляешь братство, а я... ну, мой пост тебе известен. И все эти годы они обгоняли нас...— Он тяжело вздохнул, уставившись в кружку.— Ну, несмотря ни на что, мы должны быть готовы... готовы в любой момент! — Демеро снова посмотрел на темное спокойное лицо старого эливенера.— Расскажи-ка мне о том существе, которое ты называешь Гормом. От него может быть какая-то польза?

— И очень немалая, надеюсь,— последовал уверенный ответ.— Но он возвратился к своим... так сказать, для отчета.— Брат Альдо усмехнулся.— Я думаю, у них есть правители, у этого медвежьего народа. Мы знали об их племени, хотя они старались не вступать в контакт с людьми напрямую.— В глазах старика опять мелькнули искорки смеха.— Не трудись, старина, я уже прочитал твой следующий вопрос... Да, они обладают интеллектом, как и мы, но несколько иного характера. Впрочем, разница между нами не уменьшает их желания помочь. Но это тоже требует времени.

— Проваландаться год-другой с медведями! — раздраженно воскликнул Демеро.— Только этого нам не хватает! И я пока что не получил согласия даже от народа Плотины, если уж говорить об этих странных чужаках! Эти бобры никогда не пошевелятся без бесконечных обсуждений... В сравнении с ними медведи могли бы действовать побыстрее.

— Не хотелось бы напоминать о твоих собственных проблемах,— сказал брат Альдо,— но эти двое... Целых два человека — уфф! — Он вздрогнул и пожал плечами.

— Собираешься пощадить мои чувства? Не стоит,— с хмурым видом отрезал Демеро.— Два предателя! Ну, теперь у нас хватает доказательств, чтобы повесить их через неделю или около того. А пока... пока они чихнуть не могут без моего ведома.

— Повесить... Не лучше ли им просто исчезнуть бесследно из столицы?

— Нет, не лучше... ты, миролюбивый эливенер! Здесь не твое варварское королевство в южных болотах! Закон есть закон, и хватит об этом!

— Плохо. Слишком напоминает старые дни... Публичная казнь... Несомненно, признак передовой эпохи... Ну,

ладно! Так сколько легионов стражей границы ты можешь выставить? И готовы ли те новые суда, о которых ты говорил? Наконец, главное — что слышно из Атви? У них, кажется, тоже хватает предателей...

Совещание продолжалось до глубокой ночи — или раннего утра, когда оба старика вознесли Создателю свои молитвы. Иеро был бы рад узнать, что упоминался в обоих.

Но принцу-священнику в этот момент было не до воспоминаний. Он сидел на вершине самого высокого дерева, которое смог найти, изучая предстоящий путь и пытаясь разобраться в том, что открывалось его мысленному взору. Представшая перед ним сцена в некоторых отношениях была странной, и он хотел тщательно исследовать ее, прежде чем двигаться дальше.

Как обычно, он провел осторожный ментальный поиск. На этот раз ему быстро удалось обнаружить присутствие людей; он уловил ауру пробуждающегося человека, и не одного. Он чувствовал, что там были женщины с детьми и множество домашних животных — видимо, одна из пород быков кау, знакомых ему по Д'Алви. Должно быть, впереди деревня или что-то вроде стойбища. Иеро решил продолжить мысленную проверку, надеясь, что ему удастся извлечь что-нибудь интересное из разумов обитателей поселка.

Он выбрал одного наугад — казалось, этот человек находится к нему ближе остальных. Усевшись поудобнее, он осторожно внедрился в сознание своего подопечного, внимательно следя за тем, чтобы не встревожить человека. Парень оказался туповатым. К тому же его мучил страх, такой сильный, что для других мыслей места в голове почти не оставалось. Иеро, заинтригованный, попытался обнаружить причину этого ужаса, укоренившегося так глубоко, что он стал едва ли не постоянным.

Вначале священник думал, что страх вызван ночной тьмой. В этих диких землях ночь, с ее чудовищами, выходившими на охоту, могла стать причиной непреходящего ужаса. Однако, прогулявшись по бесхитростным извилинам своего объекта, он нашел, что ситуация была сложнее.

Человек знал о хищниках и об опасности, которую они представляли, однако звери казались ему естественной угрозой — такой же, как молнии, наводнение или степной пожар; неприятные вещи, но от них можно спрятаться или убежать. То, чего он действительно боялся, было иным — призраками!

Обыскивая память этого простака, Иеро попытался что-нибудь выяснить о них, но его старания были безуспешными. Страх коренился глубоко в сознании, в нервной системе — туманный и расплывчатый, не облеченный в конкретные образы. На первый взгляд парень просто боялся ночной тьмы; тем, кто доживал до рассвета, ничего не грозило. Надо только дождаться дня!.. Свет сулил безопасность.

Мысли эти лежали на поверхности; Иеро копнул глубже. Тут свил гнездо целый клубок страхов, разобраться в которых было непросто, и причина ужаса заключалась в том, что человек знал очень немногое о таинственных созданиях, наполнявших кошмаром его ночи. Он сам никогда не видел призраков, как и другие обитатели поселка. Призраки приходили во тьме. Ни стены, ни запертые двери не могли остановить их. Они брали то, что им хотелось. Все, кто пытался сопротивляться, исчезали. Они бродили ночью в саванне, эти призраки-скитальцы, иногда появляясь в окрестностях деревни. Жрец местной общины, знавший о них много больше, утверждал, что они не всегда были столь уж плохими соседями. Они, эти призраки, могли отогнать прочь опасных животных, если обратиться к ним с просьбой надлежащим образом. За это люди должны были жертвовать быков и коров из своих стад, когда призраки того желали. Тут Иеро заметил горечь, сквозившую в воспоминаниях человека,— недавно ему пришлось отдать одного из своих кау. И это делало призраков еще более страшными, отвратительными и мерзкими!

Недоумевающий и обеспокоенный, Иеро покинул чужой разум. Толпа суеверных пастухов была для него плохой подмогой, однако в результате своих розысков он узнал другие, более полезные факты.

Граница джунглей, этих невероятных южных лесов, лежала в двух днях пути к северу. Он не имел представления, насколько далеко ушел на запад от Д'Алви за последние недели, но севернее пояса джунглей должно находиться Внутреннее море. Парень, чьим сознанием он воспользовался, ничего не знал о море — да и обо всем прочем, что лежало дальше линии горизонта. Очевидно, бродячие торговцы редко забредали в эти края. Но о ночных призраках знали и они; и эти слухи, возможно, пришли отсюда. Иеро насмешливо улыбнулся, погружаясь в сон.

На этот раз он спал беспокойно и пробудился, чувствуя, как затекло тело. Ему привиделась бесконечная погоня, в которой он был то ли охотником, то ли преследуемой добычей,— дикий сон, полный кошмаров. Скорее охотником, решил священник, с наслаждением потягиваясь; наверное, вчерашнее гадание и маленькое Копье дали о себе знать. Он спустился вниз и сделал несколько упражнений, чтобы размять мышцы, а затем отправился поискать чего-нибудь на завтрак, прося Всевышнего очистить его от греха убийства, творимого ради пропитания.

К полудню он уже разглядывал поселок, обнаруженный во время телепатического сеанса прошлой ночью. Он мог видеть как минимум на три мили; саванна раскинулась перед ним, упираясь в рощу высоких деревьев, предвестников великих джунглей. Затем теплый туман затянул даль, но он уже успел рассмотреть деревушку, до которой было не больше полумили.

Ее окружала изгородь — высокая, мощная; толстые бревна были вкопаны в землю, их концы заострены. Даже для крупных зверей с мощными бивнями или рогами эта стена была серьезным препятствием. Внутри, перед круглыми хижинами, пылали многочисленные очаги, посылая к небесам клубы дыма. У стены, за жилищами, виднелись загоны для кау, и несколько маленьких стад бродило неподалеку в степи; Иеро мог различить рядом крохотные фигурки пастухов. Посередине деревни желтела притоптанной травой площадка, на которой росло огромное дерево. За дальним концом поселка по равнине лениво извивалась

речка — видимо, она снабжала жителей водой круглый год, кроме периодов катастрофических засух, довольно редких в этих влажных землях. Последнее такое бедствие случилось в Д'Алви сотню лет назад.

Картина была настолько мирной, что священник, как и любой благоразумный человек на его месте, не хотел внести в нее тревогу. Однако он нуждался в информации, и местный жрец, о котором ему стало известно прошлой ночью, мог дать весьма ценные сведения. Иеро произвел ментальный поиск и с разочарованием выяснил, что нужный ему служитель богов отправился по делам в другую, весьма отдаленную деревню.

Он подождал немного и наконец решил рискнуть. Вокруг поселения, между пастбищ кау, он разглядел отлично ухоженные поля, а ноздри его давно щекотал соблазнительный запах печеного. Уже долгое время он не пробовал хлеба и к тому же начал испытывать нужду в соли. Этих простых людей, с их неизбывным ужасом перед мраком, вряд ли мог напугать одинокий странник, появившийся при свете дня. Они с полной определенностью могли убедиться, что к ним приближается не призрак!

К счастью, предположения Иеро оправдались. Еще до того, как он приблизился к деревне, в воротах, врезанных в бревенчатую стену, начал скапливаться народ. Находясь теперь на более близком расстоянии, путник заметил небольшую платформу в ветвях дерева, что росло на площади, и понял, что степные жители не так беспечны и беззащитны, как он предполагал. Их часовой заметил чужака, и теперь большая группа мужчин, покинув селение, направлялась ему навстречу.

Когда они подошли ближе, Иеро положил копье у своих ног и поднял вверх пустые руки. Старейший из мужчин повторил этот миролюбивый жест. Одновременно священник заглянул в мысли встречающих, желая оценить искренность их гостеприимства. Он обнаружил удивление и любопытство, но никаких следов злого умысла или страха. Как он и предполагал, эти люди не боялись одинокого странника.

Степняки были невысокими и коренастыми; тела их, не отличавшиеся особым изяществом, казались крепко сколоченными; все они выглядели здоровыми и бодрыми. Их бедра обтягивали простые кожаные килты, сандалии и наплечные ремни довершали наряд. Вооружение состояло из ножей и шестифутовых копий, рассчитанных скорее на борьбу со зверями, чем с людьми; ни мечей, ни щитов Иеро не заметил. Наконечники их пик были высечены из кремня, но зоркий глаз путника уловил, что на двух или трех посверкивает металл. Встречающие опустили свое оружие и с любопытством уставились на пришельца, явно ожидая, что он сделает.

Иеро выбрал старшего из мужчин, густобородого, с властным лицом, и обратился к нему на батви — языке торговцев, распространенном на сотни миль от великих хвойных лесов севера до южных болот. Человек что-то пробормотал в ответ на своем наречии. Иеро, однако, заметил удивление в его глазах и, коснувшись сознания старейшины, понял, что тот уже встречался с батви раньше. Прислушиваясь к его речи, священник выделил несколько полузнакомых слов. Год назад, на палубе «Морской девы», с ее экипажем, набранным со всех концов обитаемого мира, он слышал похожий язык. Потом, за время путешествия по лесным дебрям, ему довелось узнать этот диалект несколько лучше. Теперь он попытался заговорить, напрягая память, подыскивая слова или улавливая их смысл в соответствии с думами окружавших людей. Прошло несколько минут, и его уже начали понимать.

Эти люди оказались чрезвычайно дружелюбными и горели желанием предоставить путнику все сведения, которыми обладали. Но их гостеприимство не ограничивалось словами. У них был хлеб — настоящий хлеб! — и странник мог взять с собой столько, сколько сумеет унести. Однако он должен торопиться! Полдень уже прошел, и времени осталось не так много.

— Почему же? — с недоумением спросил Иеро.— До заката далеко. К тому же я хотел бы отдохнуть и провести ночь в вашей деревне. Я не доставлю больших хлопот.

Старейшина, чье имя звучало как Грилпарзер — с долгим раскатистым «р» в середине слова,— пришел в замешательство; затем лицо его стало печальным и, наконец, задумчивым.

— Этого-то я и боялся,— произнес он.— Ты похож на других, на тех, что приходили, когда я был ребенком. Приходили издалека и хотели заночевать в деревне...— Он тяжело вздохнул.— Ты не можешь остаться у нас. Я очень сожалею, но это не дозволяется. Только те, кто рожден здесь, могут искать приют и защиту внутри стен. Я пошлю мальчишек, чтобы они принесли тебе хлеба, а затем, Иеро, ты должен уйти. И, во имя твоей жизни, я надеюсь, что ты — хороший бегун.

Несколько мужчин, стоявших неподалеку, склонили головы в молчаливом согласии.

— Но почему?! — воскликнул священник.— Почему я не могу остаться в селении? Разве я представляю опасность? Поверьте, я не ем младенцев и не пью кровь из кау! — Ему хотелось добавить, что он также моется гораздо чаще, чем большинство новых знакомцев, но осложнять обстановку было ни к чему.

— Нет, нет,— ответил Грилпарзер.— Конечно, ты не можешь навредить нам, мы в этом уверены, но ты должен уйти. Таков закон! И если тебя найдут в степи, когда стемнеет...

Он вздрогнул, и Иеро ощутил панический страх, затопивший сознание собеседника.

— Я умею взбираться на деревья,— сказал он и вытянул копье в сторону мирно щипавших траву быков.— Ни один зверь из тех, что охотятся на ваши стада, не сумеет до меня добраться. Если ваш обычай запрещает страннику входить в деревню, могу ли я заночевать на дереве, на опушке одной из этих рощ? Тогда утром я приду к воротам, чтобы поговорить с вашим жрецом.

Мужчины, стоявшие вблизи, отпрянули при этих словах; видимо, они старались избегать подобных тем. Но Грилпарзер, похоже, был скроен из более крепкого материала. Он выглядел совершено несчастным, но собирался до конца

выполнить долг гостеприимства перед этим странником, чьи речи были столь гладкими и благожелательными. Коснувшись ладонью плеча Иеро, он сказал:

— Когда я был совсем еще молодым парнишкой, приходили другие люди, не похожие на тебя, но слова их были такими же, какие ты произнес вначале. За шерсть и шкуры они давали металл и невиданную в наших краях одежду. Мы предупреждали их... мы просили их уйти...— Иеро почувствовал, как ужас снова охватывает Грилпарзера; на висках его выступил пот — настоящий пот, порожденный сверхъестественным страхом.— Они были хорошо вооружены и только посмеялись над нами. Чужаки встали лагерем у ворот и разожгли множество костров. Они выставили охрану, и мы затворили ворота...— Он снова остановился.— Утром они исчезли. Все исчезли! Два десятка сильных мужчин, вместе с их вьючными животными... И мы знали, что так и будет. Большинство их добра тоже пропало. Мы вышли за ворота и забросали землей прах их костров...— Он положил руку на бронзовую рукоять кинжала, торчавшего за поясом.— Я получил вот это, когда мы делили остатки их товаров.

Иеро в задумчивости молчал. Какие бы соображения ни руководили этими людьми, в их искренности не могло быть сомнений — он легко распознал бы обман. Призраки! Но странная история, поведанная ему, должна опираться на некие реальные факты. И что бы ни случилось с теми бедными торговцами много лет назад, это событие, безусловно, вызвали естественные причины.

— Ладно,— сказал он наконец.— Я вижу, тебя пугает темнота и то, что приходит в ночные часы...— Шальная мысль мелькнула у него в голове, и он добавил, сам еще не понимая зачем: — Я не боюсь тех, кто мчится ночами по степи.

Стоявший перед ним человек отшатнулся, словно его ударили по щеке. Резко повернувшись, он бросился к воротам, что-то громко крича на бегу. Иеро разобрал, что Грилпарзер, призывая неведомых богов, снимает с себя ответственность за судьбу и жизнь чужестранца. Остальные люди

припустили за ним с такой скоростью, словно Иеро вдруг превратился в демона, готового пожрать их на месте.

Ворота, до которых было сотни две ярдов, захлопнулись, как только их миновала бегущая толпа; до Иеро долетел глухой стук створок. Он медленно двинулся вперед, потом приостановился, чтобы взять из рук запыхавшегося парнишки обещанный сверток с хлебом. Там были два каравая, еще теплых, покрытых хрустящей корочкой.

Он огляделся. Пастухи исчезли вместе со своими стадами; послеполуденное солнце, склонившись к западу, заливало степь теплыми лучами. Взгляд Иеро скользнул по остроконечным кольям палисада. Ни на стене, ни на сторожевой платформе в ветвях огромного дерева никого не было. Где-то вдалеке промчалась антилопа, вздымая облачко пыли; кроме нее да нескольких стервятников, крошечных черных точек в небесной вышине, все оставалось неподвижным.

Он послал свою мысль в сторону деревни. Мрачная туча аморфного страха клубилась над ней, окутывая так плотно, что он едва мог ощутить ментальную ауру отдельных людей. Сила этого чувства повергла священника в изумление. Сколько же поколений ужас давил степняков, чтобы превратиться в органический наследственный инстинкт?

Отломив хрустящую горбушку, Иеро положил копье на плечо и неторопливо направился к ближайшей роще в полумиле к востоку. «Будь я проклят, если побегу!» — подумал он.

Глава 7

ОХОТНИКИ И ИХ ДОБЫЧА

Иеро устроился на развилке огромной ветви, возносившейся над землей на добрых полсотни футов. Где-то во тьме раскатился рев саблезубого — и замер, словно отзвук удалявшейся грозы. Этой ночью небо затянули облака, меж

которыми едва пробивался лунный свет. Разглядывая со своего насеста деревню, священник видел лишь неясные контуры хижин, темных и безмолвных, без проблеска огней. С тех пор как он занял свой пост, из селения не донеслось ни звука; лишь временами где-то в загоне глухо мычали кау.

Тело священника казалось расслабленным, лицо — спокойным, но он был готов к сражению и к бегству. Копье в правой руке, на предплечье левой — щит, рукоять меча трется о шею. При нужде он мог, метнув копье, мгновенно выхватить из-за спины свой короткий клинок. Вряд ли ему удалось бы выбрать лучшую позицию для защиты; теперь оставалось только ждать и наблюдать.

Он нашел подходящее дерево и забрался наверх еще засветло, перед тем как угас последний солнечный луч. Он поел, и после долгих недель мясной диеты вкус грубого хлеба показался ему чудесным. С приходом темноты Иеро начал осторожные попытки зондирования, посылая широким веером свой ментальный сигнал. Его ожидал сюрприз — буквально через несколько минут он коснулся чужого сознания!

Едва обнаружив это неощутимое, как перышко, прикосновение, странный разум закрылся, отпрянув и свернувшись тугим клубком, словно испуганная змея. Еще не успев вступить в контакт, Иеро ощутил это паническое бегство и догадался, что обнаруженный им разум не знает о попытке связи, как и о том, что его разыскивают. Испуг был инстинктивной реакцией, он сработал автоматически, с той же скоростью, что и собственная защита священника. Кому бы ни принадлежал этот мозг, в него было встроено что-то похожее на предохранитель, блокирующий любую попытку контакта.

Эту информацию стоило обдумать. Сам Иеро приобрел такое же умение в результате долгих тренировок и смертельных поединков со слугами Нечистого, но существо, с которым он попытался связаться, не нуждалось в обучении; его мозг обладал врожденной защитой.

В ночной тишине, овеваемый прохладным ветерком, чуть слышно шелестевшим среди листьев, он попробовал снова нащупать чужой разум. Его ждал еще один сюрприз. Мышцы священника напряглись, дыхание стало частым; тут была целая группа подобных существ — вероятно, не меньше полудюжины!

Снова пришли в действие предохранители; их разумы ускользнули от ищущей мысли Иеро, скрывшись за ментальными барьерами, столь прочными, что священник не мог пробиться сквозь них. В то же время он заметил, что одно из этих созданий вроде бы ощутило его мимолетное присутствие. Он поймал слабую тень удивления — раньше, чем она исчезла. Существо не знало, кто коснулся его разума, но ментальный сигнал был им воспринят. Теперь стоит посидеть спокойно, решил Иеро; замереть, ничем не выдавая своего присутствия, и, возможно, удастся что-нибудь разузнать таким пассивным способом. Подождать и послушать: вдруг эти существа, столь ловко ускользающие от контакта, попробуют найти его сами.

Долгое время он просидел так, не в силах ничего уловить.

Затем что-то случилось — что-то, находившееся на грани восприятия и не имевшее отношения к нему. Не мозг, но слух принес первый сигнал: далеко в саванне, к северу от молчаливых стен и домов деревни, раздался едва слышный крик перепуганного зверя. Отсутствие крупных животных вблизи поселка давно удивляло священника; раньше, по пути сюда, он чувствовал их постоянно. Жизнь переполняла прерию, но сейчас разум замершего на ветви странника тщетно обшаривал окрестности. Никого и ничего! Ни хищников, ни копытных, на которых они охотятся; только змеи, ящерицы, мелкие грызуны, ласки да несколько лисиц. Долетевший же из тьмы вопль принадлежал крупному зверю, смертельно испуганной жертве, существу, на которое шла охота. Иеро ощущал это своим сознанием, слышал своими ушами. Он сосредоточился. Из степи донесся слабый, чуть заметный топот копыт, затем мозг свя-

щенника уловил волны ужаса. Да, это было большое травоядное; зверь мчался изо всех сил, пока не остановится сердце, не прервется дыхание. Иеро чувствовал его приближение — животное двигалось быстро.

Луна пробилась сквозь пелену облаков, и он наконец увидел призрачную охоту — черные тени, выгравированные на серой поверхности равнины. Вначале показалась большая антилопа с изогнутыми лирой рогами; она неслась, делая отчаянные скачки. За ней пришли охотники, и священник, изумленный, на миг зажмурил глаза.

Они были двуногими и двигались с невообразимой, нечеловеческой быстротой; любой из них легко оставил бы позади самого быстрого из бегунов-му'аманов. Иеро хорошо представлял, с какой скоростью мчится перепуганная антилопа, но эти существа бежали еще стремительнее.

Напрягая глаза, он рассмотрел, что преследователей было с полдюжины; они выглядели тонкими, гибкими и высокими. Кем бы ни оказались эти создания, Иеро решил пока не касаться их разумов. Погоня быстро приближалась к рощице, на опушке которой он сидел, и, если охотники были теми самыми тварями, с мозгами, скользкими, как мыло в воде, сейчас не время привлекать их внимание.

Через десять секунд ему стало ясно, что выбирать не приходится. Он понял, что антилопа ведет себя странно: любое копытное животное мчалось бы в степь, в простор саванны, обещавшей спасение, но этот зверь бежал прямиком к его роще; кажется, у него тоже не было выбора. Его гнали именно сюда.

Застыв словно камень, он наблюдал конец погони. Антилопа прижалась к стволу, прямо под ветвью, на которой он сидел; бока ее тяжело вздымались, и он слышал бурное дыхание животного. Сейчас, метнув копье, Иеро мог бы пронзить низко склоненную шею сразу за угрожающе выставленными вперед рогами.

Конец наступил быстро. Один из охотников неуловимым для человеческого глаза движением метнулся к зверю; он проскочил мимо смертоносных рогов на расстоянии,

не превышавшем толщины клинка. Видимо, это был отвлекающий маневр; второе существо с той же стремительностью скользнуло к антилопе, на миг слившись с ее телом. Затем что-то сверкнуло в лунном свете, и убийца отпрянул в сторону. Антилопа мотнула головой, пытаясь удержаться на ногах; темная струя крови хлестала из ее рассеченного горла. С предсмертным хрипом животное повалилось на землю, его бока дрогнули раз, другой, потом темнеющая под деревом масса замерла в каменной неподвижности. Иеро подумал, что никогда еще ему не доводилось наблюдать такого быстрого убийства. Он отвел взгляд от тела животного, пытаясь разглядеть охотников, но в сумрачной полутьме перед ним лежала только притихшая саванна; двуногие существа исчезли.

Поразительно! Секундой раньше шесть гибких высоких теней замерли полукругом около издыхающего зверя; в следующий миг степь была пуста. Если бы не труп антилопы, темневший под деревом, священник решил бы, что вся эта сцена привиделась ему во сне.

Он терпеливо ждал. Едва ли простая случайность привела эту странную погоню к его укрытию. Нет, что-то еще должно произойти, и лучше быть готовым ко всему.

То, что случилось потом, не имело отношения к ментальным силам; он просто ощутил нарастающий ужас. Страх не был оформлен в конкретную мысль; ничего такого, что поддавалось бы ясному определению. Скорее это чувство напоминало то угнетенное состояние, то ощущение томительного дискомфорта, которое испытывает человек, когда барометр начинает падать и тяжелая духота, повисшая в воздухе, предвещает наступление бури.

Нечто страшное приближалось, подкрадывалось к нему, и он, беспомощный и бессильный, не мог защититься. Во мраке под деревьями и кустами вспыхнули оранжевые и желтые огоньки хищных глаз; они горели яростным пламенем, пожирая застывшую на ветви жертву. Ночной ветерок принес странный запах; неприятный, зловещий и смутно знакомый, он внушал ужас. Пальцы священни-

ка судорожно стиснули древко копья, словно якорь спасения.

Этот инстинктивный жест словно укрепил его душу, избавив от наваждения; голова стала ясной, и Иеро вдруг понял, что чуть не покорился злым чарам, с которыми не сталкивался раньше. Он, охотник, сам едва не стал добычей. Нет, хуже, много хуже — беспомощной жертвой!

Эта мысль одновременно разгневала и приободрила его; избавившись от страха, он попытался проанализировать странный способ нападения.

Никто не пытался захватить его разум; такую атаку он распознал бы без труда и смог бы легко защититься. Но что же вселило в него страх? Что подверглось нападению? Его тело? Но, кроме запаха, едкого и неприятного, он не ощущал никаких физических воздействий. Однако не было сомнений в том, что на него напали и нанесли намеренный удар. Ощущение ужаса еще не исчезло, он продолжал гнездиться в нем, уже подконтрольный и неспособный причинить вред ни телу, ни разуму.

Горевшие в ночи глаза были иллюзией, порождением страха.

Страх еще минуту назад сжимал тисками его горло, орошал потом виски. Только страх, иррациональный ужас, не способный нанести ни физических, ни ментальных ран; чувство, с которым он сумел совладать.

Запах? Этот едкий неприятный смрад?

Да, сколь ни удивительно, решил священник, он подвергся химической атаке. Цель ее была ясна — привести в смятение чувства, одурманенные страхом, превратить его в испуганное животное. Глаза Иеро сузились; он не сомневался, что его догадка верна, и мысленно принес извинения обитателям замершей неподалеку деревушки. Скорее всего, они не были ни глупыми, ни тупыми, ни начисто лишенными любопытства. Если перенесенный им ужас являлся частью их жизни, то мертвое молчание поселка, крепко запертые двери и отсутствие огней становились вполне понятными. Меры предосторожности, не более того.

Каким-то образом эти существа, бегущие в ночи, умели воздействовать на самые глубинные, животные уровни психики. Запах — вероятно, их естественное оружие — использовался, чтобы усилить ужас, вызванный концентрацией злой воли. Никакой интеллект не мог защитить от его воздействия; минуя мозг, он ударял по нервной системе, вызывая один из основных рефлексов, таких же древних, как первый крик новорожденного или слюноотделение у собаки при виде пищи. Вероятно, эти ночные охотники научились влиять на эмоциональные центры своих жертв, угрюмо подумал священник. Им удалось напугать его почти до смерти — раньше, чем гибельный клык, коготь или нож вонзились в его тело. При желании они могли сделать беспомощным и недвижимым любое существо, как сковали ужасом антилопу, лежавшую сейчас под деревом, чтобы потом подойти и спокойно перерезать ей глотку.

Могли, но не сделали. Почему? Иеро подумал, что знает ответ.

В первый раз с тех пор, как он обнаружил этих созданий, губы путника искривились в мрачной усмешке. Он чувствовал, как растет нетерпение ночных охотников, алчное и раздраженное; он ощущал это так ясно, словно мог погладить кончиками пальцев исходившие от них ментальные волны. Почему их жертва не спускается вниз, не подставляет беззащитное горло? Раздражение перешло в ярость; Иеро уловил жар гнева, нависшего над ним, словно темный давящий туман. Скоро они начнут действовать! Этим существам не нравилось сопротивление. Что ж, пусть! Теперь, когда его ментальный контроль держал страх в узде, Иеро приступил к проверке своей нервной системы и химизма тканей. Все было в порядке, если не считать охватившей его холодной ярости. Он даст этим тварям хороший урок!

Соскользнув по ветви вниз и найдя подходящую развилку, священник прижался к стволу; легкий ночной ветерок гладил его волосы. Теперь он находился ближе к земле, но все еще достаточно высоко, чтобы выполнить задуман-

ное. Он был осторожен, помня о невероятной скорости врага. Если его предположения верны, то дело придется иметь с одним противником — во всяком случае, для начала.

Облака вновь затянули небо, скрывая лунный диск; Иеро сжался, стараясь слиться с темной грубой корой дерева. Форма ближайших ветвей и расстояния до них отпечатались в его голове. Он вытащил меч, прислонил копье к стволу и стал ждать, уверенный, что наживка в его капкане не останется без внимания.

Когда луна исчезла совсем, тихий шорох и царапанье когтей подтвердили эту мысль. Темная фигура карабкалась на дерево, подобная взлетающему вверх призраку; она двигалась едва ли медленнее, чем на земле, но Иеро был готов ее встретить. Как только круглый череп показался у его колен, священник с большой аккуратностью опустил на него плашмя свой клинок. Послышался треск, скрежет сдираемой с ветвей коры — видимо, полуоглушенное существо пыталось зацепиться и остановить свое стремительное движение вниз, к земле; затем раздался глухой стук. Услышав его, Иеро громко расхохотался — насмешливо, вызывающе. То был обдуманный поступок; он хотел взбесить своих внимательных слушателей и не просчитался — ярость, бушевавшая у подножия дерева, ударила по его чувствам подобно выпущенному из пращи снаряду. Он приготовился к новой атаке.

Второй противник полез на дерево с большей осторожностью, хотя и его движения были очень быстрыми. Видимо, он испытывал полную уверенность в победе; благословляя его плоской стороной клинка, Иеро заметил что-то вроде веревки или кожаного лассо, свисавшего с плеча охотника. Похоже, его собирались взять живьем! Снова раздался треск сучьев, скрежет когтей и гулкий звук удара о землю. Но на этот раз последствия падения оказались более тяжелыми, если судить по гневному визгливому воплю, достигшему ушей Иеро. Он снова расхохотался, чувствуя, как глумливый смех вызвал у затаившихся внизу

врагов новый приступ бешеной ярости. Их реакция была именно такой, на какую он рассчитывал; теперь, поступившись гордостью, они послали на дерево двоих.

На равнине эти создания перемещались с молниеносной быстротой, но густая древесная крона слегка замедлила их движения. Иеро, твердо стоявший на широкой надежной развилке, считал, что не уступает им в скорости. Первому из нападающих достался сокрушительный удар краем щита в висок, и он рухнул вниз, увлекая за собой водопад листьев и обломанных ветвей. Второй был хитрее; он лез по противоположной стороне ствола и успел добраться до развилки чуть раньше, чем меч Иеро плашмя обрушился ему на шею — как раз под ухом. Пальцы предприимчивого охотника разжались, звякнул выпавший нож, а его хозяин бессильно повис на ветке у ног Иеро.

В эту минуту луна вырвалась из облачной пелены, и священник увидел одного из своих врагов.

В мягком лунном свете, пробивавшемся сквозь лиственный полог, она выглядела прелестно. Высокая — не ниже Иеро — с телом, покрытым нежной светлой шерсткой, которую украшали разбросанные тут и там темные точки и пятна. Кончики ее маленьких грудей были безволосыми — как и нос, тупо срезанный, с широкими и слегка вывернутыми ноздрями. Лоб, по которому бежали темные полоски шерсти, выглядел широким, но едва выдавался над линией глазных дуг; таким же, едва намеченным, был и подбородок. Глаза, сейчас закрытые, показались Иеро огромными; остроконечные уши, посаженные выше, чем у человека, покрывал светлый пушок. Череп был узким, но расширялся к затылку, и священник не испытывал сомнений, что места для мозгов в нем вполне хватало.

Настороженно прислушиваясь к доносившимся снизу звукам, он ощупал конечности своей пленницы. Ноги и руки, гибкие и длинные, очень походили на человеческие, если не считать покрывавшей их шерсти. Но острые втягивающиеся когти вместо ногтей! На них сходство кончалось. Иеро еще раз осмотрел эту самку неведомой в лесах

севера расы. Она была совершенно нагой, лишь талию стягивал кожаный пояс с небольшой сумкой и пустыми ножнами кинжала. Он выпрямился и удовлетворенно кивнул головой, как человек, чьи подозрения подтвердились.

Люди-кошки! С того момента, как слабый запах этих созданий впервые коснулся его ноздрей, а мозг ощутил их ментальные волны, все его рефлексы, вся интуиция и память, все знание животной жизни, которую он изучал едва ли не с момента рождения, все кричало ему — кошки! С такой удивительной мутацией священник никогда не сталкивался прежде и даже не предполагал, что она может существовать. Он был уверен, что и в архивах аббатств тоже отсутствуют сведения о подобных существах. Эти бегущие сквозь ночь охотники являлись чем-то совершенно новым в человеческом опыте. Вероятно, лишь жители затерянных на этой равнине деревень сталкивались с ними, и последствия этих встреч было нетрудно предугадать. Иеро вспомнил истории о внезапно исчезнувших странниках и пропавших караванах, ходившие среди торговцев. Теперь он мог легко представить сцену у ночных костров, когда страх темной волной обрушивался из тьмы на ничего не подозревавших людей — страх, за которым появлялись леденящие кровь иллюзии. Горящие во мраке глаза, нагнетающий ужас запах и, наконец, смерть!

У подножия дерева раздавались едва слышные звуки какой-то возни. Если они навалятся всей кучей, когда луна опять уйдет за облака, ему не выстоять, понял священник. Большинство умрет, но конец может быть только один. Пожалуй, надо испробовать что-то новое — и быстро!

Он прижал ногой распростертое перед ним тело, чувствуя через подошву сандалии, как слабо вздымается и опадает грудь пленницы; затем протянул вниз невидимый луч ментального щупа. В этот раз мозг, на который он наткнулся, не стал ускользать; его обладатель был очень сердит и возбужден. Иеро с удивлением ощутил, что не он является причиной гнева ночного охотника; нет, она — самка, которая так внезапно исчезла.

Этот разъяренный разум явно принадлежал вождю, уверенному в своих силах, ни разу не терпевшему поражения. Как он был разгневан! Священник почти зримо мог представить зловещий блеск янтарных глаз, взъерошенную на загривке шерсть, нервное подергивание усов и настороженные уши.

Первой реакцией на проникновение Иеро в ментальный диапазон, в котором общались люди-кошки, было пораженное молчание, затем — гнев. Связь, однако, не прервалась; существо, чей разум он нащупал, не хотело отступать.

«Где она? Где Младшая? Ты, безволосый! Спускайся вниз со своего обезьяньего насеста, или мы прикончим тебя! И ты умрешь не слишком быстро!»

Сообщение было совершенно ясным для любого, кто обладал ментальной тренированностью Иеро. Видимо, эти существа использовали мысленную речь для повседневного общения — передаваемые образы были четкими и недвусмысленными. И столь же недвусмысленное презрение звучало в словах насчет обезьяньего насеста.

«Прикончить меня непросто,— ответил странник с насмешкой.— Кое-кто из твоего племени уже убедился в этом, заработав пару-другую синяков. А я мог убить их очень легко, даже не выпустив когти.— Он решил, что сможет пользоваться их собственным оборотом.— Поразмышляй, охотник, на этот счет. И запомни еще вот что: твоя Младшая здесь, в моей власти. Она цела и невредима, если не считать царапины на голове, но только до тех пор, пока мое терпение не лопнуло».

В его ответе звучали вызов и угроза — сила являлась лучшим аргументом для собравшихся внизу хищников.

Ментальная связь оборвалась, будто перекушенная острыми зубами; образ, по мнению Иеро, вполне подходящий для кошачьего племени. Снизу до него долетали неразборчивый шепот и бормотание. Глупостью эти коты не отличались! Незнакомец сбросил с дерева их воинов, легко вступил в ментальный контакт — возможно, он способен

и на большее. У мышки оказались острые зубы! Лучше подождать, не выдавая своих планов, и поглядеть, не обернется ли мышка крысой или чем похуже.

Иеро тем временем ощутил первое содрогание тела под своей ступней. Быстро наклонившись, он расстегнул пояс своей пленницы и связал ей ремнем руки за спиной; затем, вытащив из сумки кусок веревки, туго обмотал лодыжки. Если его атакуют, пусть эта красотка полежит спокойно. Кто знает, чего можно ждать от разъяренной дикой кошки? Когти у нее внушительные...

От предводителя стали поступать новые сигналы:

«Пошли Младшую вниз. Если она цела, мы будем думать дальше. Если нет, придем и убьем тебя!»

В переменчивом свете луны, то тающей за облаками, то ронявшей бледные лучи на кроны деревьев, священник задумчиво опустил взгляд на свою пленницу. Была ли угроза ее сородичей блефом, простой уловкой? Вождь ведь ничего определенного не обещал... Когда молодая самка вернется к сородичам, они все еще могут напасть и даже получат преимущество еще на одного бойца. С другой стороны, он потеряет ценного заложника...

Иеро колебался, взвешивая все, что было ему уже известно об этом народе и его происхождении; он думал, как они могут реагировать на новую ситуацию. Вероятно, с присущей их породе безжалостностью, если уверятся в том, что он представляет для них угрозу... Однако тут было еще одно обстоятельство — точнее, целых два. Первое: существо, вступившее с ним в связь, казалось искренним или, точнее, не знакомым с ложью и не нуждавшимся в ней. И второе, более существенное, на что он надеялся все это время. Весьма забавный момент... Пожалуй, такая штука не убьет котов, но она должна помочь... Очередной раз в своей наполненной бурными событиями жизни священник положился на судьбу и выбрал риск.

Его пленница очнулась; огромные глаза, втрое больше его собственных, пристально глядели на священника, и в них разгоралось яростное пламя. Широкий, почти безгубый рот приоткрылся, обнажив острые зубы; без сомнения, она пустила бы их в ход при первой же возможности. Длинные белые волоски на верхней губе, точное подобие кошачьих усов, встопорщились. Не свяжи он эту красотку, решил Иеро, хлопот с ней было бы предостаточно.

«Мир, маленькая сестра! Я тебя не трону. Я отпущу тебя вниз, на землю. Твой вождь,— он излучил спектр частот, характерный для мысленной речи предводителя,— просил освободить тебя».

Он медленно развязал веревку на ее лодыжках и стягивающий локти ремень, все время оставаясь настороже, помня о фантастической скорости ее реакций. Конечно, он не побоялся бы схватиться врукопашную с этим стремительным и гибким существом, однако ее зубы и когти невольно внушали уважение.

Она осторожно поднялась на ноги, не спуская взора с Иеро; теперь в огромных янтарных зрачках скорее светилось удивление, чем гнев. Глаза ее расширились еще больше, когда священник протянул ей пояс с кинжалом, который он раньше воткнул в древесный ствол. Единым движением, легким и слитным, она приняла оружие из рук человека и метнулась вниз, бесшумно скользя меж ветвей. Иеро уселся на своей развилке и стал ждать. У него было чувство, что ждать придется долго.

Ночь шла на убыль, луна спускалась с горизонта и наконец исчезла. Вдалеке раздался вой шакалов; большой филин сел рядом со странником, потом заметил неподвижную человеческую фигуру, возмущенно заухал и сорвался с ветки. Предрассветная тишина накрыла саванну, но Иеро знал, что он не одинок. Ему не требовалось спускаться со своего обезьяньего насеста, чтобы проверить, сколько глаз наблюдают за ним из темноты. Вступить в контакт с отдельным мозгом было проще, но он мог чувствовать рост ментального излучения всей группы, по мере того как все больше и больше ночных бегунов собиралось на совет. Должно быть, они сгрудились вокруг дерева целой толпой. Размышляя о том, не сулит ли ему эта ночь кровавый ко-

нец, Иеро вознес свои утренние молитвы, особенно испрашивая благость милосердия и всепрощения. Пожалуй, в данном случае он имел в виду не Господа и тем более не себя самого; скорее — собравшихся внизу творений Божьих, которые могли в единый миг наложить на него свои когтистые лапы.

Ожидаемое сообщение пришло с той же внезапностью, как прочие реакции, которые Иеро наблюдал у людей-кошек.

«Спускайся вниз, если не хочешь, чтобы тебя разорвали в клочья,— пригласил вождь.— Мы уходим и заберем тебя с собой.— Затем, с явной неохотой, он добавил: — Можешь оставить у себя оружие. Но не вздумай им пользоваться!»

Сработало! Священник ликовал про себя, неторопливо спускаясь с дерева. Пока его предположения были верны, но через несколько мгновений выяснится, не станет ли разорванное горло платой за излишнюю самонадеянность. Он не тешил себя надеждами, что сможет справиться с целой толпой этих необычных мутантов. С последней молитвой было покончено, когда ноги его коснулись земли.

Под деревом царила тьма, однако не настолько густая, чтобы он не мог различить кольцо высоких фигур вокруг и сердитый блеск янтарных глаз. Иеро невольно подумал о людях — десятках, сотнях человек, видевших такую же картину в свои последние минуты, перед тем как упасть на колени под парализующей волной ужаса и без сопротивления расстаться с жизнью. Его рука крепче сжала копье. Нет, он не встанет на колени... и уж во всяком случае, паралич от страха ему не грозит!

«Пошли! — Этот приказ пришел от вождя.— Ты можешь идти своим обычным шагом. Мы будем двигаться медленно... так медленно, как привыкли тащиться существа твоей породы».

Мысль, исполненная презрения, относилась к обитателям деревни.

«Я не оттуда,— сообщил Иеро,— и ты, я думаю, давно это понял».

Он ощутил вызов в своем ответе и довольно ухмыльнулся. Его противник вряд ли привык к противоречию — во всяком случае, не со стороны людей.

Вождь, однако, сдержал раздражение. Теперь он нависал прямо над Иеро — высокий, не меньше семи футов ростом, насколько можно было определить в сумраке занимавшегося утра.

«Нет, конечно, ты не такой, как они. Ты можешь говорить так, как говорят иир'ова.— (Иеро не мог подобрать более похожего звукосочетания, которое, видимо, означало название этого народа.) — Другие не слышат нашу речь. И ты сопротивлялся нашей убивающей мысли... даже "ветру смерти"!»

Вероятно, вождь имел в виду ужасный запах, способный сломить волю к сопротивлению у любого существа.

«Нет,— продолжал человек-кот,— ты не из тех, что обитают здесь. Ты — существо другой породы, и, возможно, гораздо худшее! У нас есть легенды, дошедшие из прошлого, о таких, как ты... Старейшины иир'ова помнят их лучше меня. И если ты — тот, о ком я думаю, то лучше бы тебе умереть в ветвях дерева!»

Теперь они двигались прочь от деревни, в сторону открытой степи, поросшей высокой травой; они шли на восток под темным облачным небом. Иеро шагал в центре группы, окруженный рослыми фигурами ночных охотников. Был ли он дичью или почетным пленником? Во всяком случае, не стоило проверять это бегством; на равнине он не мог тягаться со стремительными иир'ова.

Их предводитель вновь заговорил; в его беззвучной речи Иеро почувствовал сомнение.

«Я надеюсь, ты — не тот, что мы подозреваем.— Тут была пауза, почти физически ощущаемая нерешительность.— Ты был храбр. Ты сошел вниз по одному моему слову. И те, кого ты ударил своим большим ножом, утверждают, что рука смерти едва не коснулась их, но ты позволил им жить.— Снова пауза.— Ты понравился Младшей, хотя ее голова в крови. Она — Владычица Ветра.— По интонации вождя

Иеро сообразил, что этот титул является весьма почетным.— Младшие, даже Владычицы, любят с чем-нибудь поиграть. Они таскают детенышей у этих обезьян, дрожащих за своими деревянными стенами, и пытаются приручить их. Но все детеныши умирают».

Иеро вознес молчаливую молитву за упокой души всех младенцев, похищенных у несчастных обитателей деревни.

«Назови свое имя — так, как оно звучит на твоем языке»,— внезапно прервал он вождя.

Ответом были раскатистые рычащие звуки, которые не могла воспроизвести гортань человека. Иеро безуспешно попробовал повторить их, выдавив наконец что-то похожее на «Б'ургх». Он чувствовал, что его попытки веселят собеседника, и ничего не имел против. Любой пустяк, который позволит укрепить зародившуюся приязнь, работал сейчас на него.

Они прошли около мили, и Иеро вновь ощутил ментальный сигнал Б'ургха.

«Ты, чужестранец, такой же охотник, как и мы.— На самом деле слово, которым обозначил его вождь, скорее походило на «странный» или «загадочный».— Те существа, что живут за стеной, используют ловушки и ямы, прикрытые травой. А ты — ты можешь, подобно нам, охотиться в темноте?»

«Да,— ответил Иеро,— только медленней. Я вижу ночью не так хорошо, как твой народ. И я не могу так быстро бегать. Никогда не встречал подобных вам бегунов»,— добавил он с невольным уважением.

«Никто не в силах догнать нас.— В словах Б'ургха прозвучала гордость.— Мы — дети Ночного Ветра. Однако,— на мгновение он сделал паузу,— есть неплохие охотники и среди малого племени — из тех, кто подстерегает в засаде. Иногда мы встречаемся с ними... и тогда не все иир'ова возвращаются на свои равнины».

Иеро понял, что собеседник явно имеет в виду людей — новое странное племя, почти равное или, по крайней мере, не испытывающее страха перед его народом. Вождь

признавал это, несмотря на все свое высокомерие. Однако здесь присутствовало и нечто иное — то, о чем священник догадался в убежище на ветвях лесного гиганта. Вожак иир'ова был любопытен; он нашел себе новую забаву и не собирался с ней расставаться. Котенок разыскал еще один клубок ниток! Видимо, не только Младшим нравилось играть с маленькими безволосыми зверьками! Иеро ухмыльнулся в темноте, вообразив, что вместо мягко шагавшего рядом исполина у его ног крадется пушистый кот.

«Нам не нравятся обезьяны из-за стен... те, что копаются в земле и разводят глупых рогатых зверей. Хотя молоко у рогатых вкусное, и мы его пьем, когда придет охота.— Вожак помолчал, затем мысль его вновь коснулась разума Иеро.— Ты видел Младшую — ту, что была с тобой на дереве. Скоро ты встретишь других таких же... И вероятно, узнаешь, почему мы не любим твой род. Я начинаю вспоминать плохое... очень плохое... это случилось давно... Однако мы не станем говорить больше, пока не придем в воздушные логова».

Тон последнего замечания не слишком приободрил Иеро.

Прошло с полчаса, и смутные тени обступили их, закрывая небо. Они подошли к полосе леса. Эта роща казалась больше той, где прятался Иеро, и она не пустовала. По отдельности люди-кошки еще могли укрыться от его ментального взора, но поселение этих существ он чуял без ошибки — над ним, словно пар над водой, висел своеобразный туман мысленных излучений. Значит, это и есть воздушные логова! Как бы ему не испустить тут дух...

Через минуту они были уже под сенью огромных деревьев, пробираясь узкой тропинкой вдоль опушки. Она петляла и поворачивала, словно прихотливо изгибавшийся ручей, но спустя некоторое время вывела их на поляну, затененную низко нависшими ветвями. Иеро видел достаточно хорошо в этом полумраке, чтобы заметить лестницы, что тянулись к древесным кронам. К одной из них его и направили — вежливо, но твердо.

Лесенка была невероятно крутой и уходила, как казалось ему, в самое поднебесье. Наконец они с Б'ургхом достигли

внешнего края большой платформы, сделанной из гибких ветвей, переплетенных лианами. Они были здесь вдвоем. Так ли? Иеро присмотрелся. Нет. Тут присутствовал и третий — неясная фигура, скорчившаяся на циновке в дальнем конце этого воздушного убежища. Огромные глаза, в которых играли оранжевые отблески, пристально изучали его; затем плавное движение руки сопроводило приказ: «Садитесь!»

Бок о бок человек и рослый самец иир'ова опустились на корточки; таинственный наблюдатель перед ними пребывал в молчании. Он не пытался вступить в ментальный контакт, но Иеро необъяснимым образом знал, что видит старейшину. Он чувствовал, что это создание сейчас просто припоминает, размышляет и сопоставляет, изучает и делает выводы. Такая работа требовала времени, и священник терпеливо ждал. Наконец темная фигура поднялась со своей циновки и шагнула к гостям, попав в сумеречный свет занимавшегося утра.

Она оказалась старой, очень старой и дряхлой, как заметил странник. Но энергия жизни переполняла ее, разум и дух были крепки, хотя спина сгорбилась и мышцы высохли. Несомненно, Б'ургх был превосходным бойцом и предводителем на войне и на охоте, но сейчас перед Иеро стоял настоящий вождь иир'ова.

«У меня нет имени, Чужой, даже в нашем языке.— Ее ментальный голос оставался юным и свежим, несмотря на возраст. В огромных глазах мерцали огоньки, но разум был спокойным и ясным; ни гнева, ни следа раздражительности или нетерпения, которые Иеро замечал у Б'ургха.— Я — Та, Что Помнит, и Та, Что Говорит. С тех времен, когда мы обрели свободу, подобные мне хранят память племени. Они никогда не должны забывать о страшных временах, о том, что случилось в другом месте за много восходов и закатов до того, как мать моей матери впервые раскрыла глаза. Теперь пришел ты... и, может быть, это главное, для чего я жила... я и все остальные Помнящие, те, которых давно унес Ночной Ветер».

Она придвинулась ближе, и Иеро понял, что ему разрешено говорить. Смутная догадка о прошлом этой расы промелькнула у него в голове, но он отложил ее до времени и мягко ответил:

«Я не враг твоему народу. И я говорил главному среди ваших охотников, что не отношусь к людям, обитающим на равнине за деревянными стенами. Думаю, он поверил мне».

Сухой ответ последовал быстро:

«Неважно, во что он поверил; главное, чтобы поверила я, Безволосый! Потому ты и находишься здесь! — Ее ментальный сигнал был холодным и вызывающим, но в следующий миг тон изменился: — Ты думаешь, мы враги этим существам, что сгрудились за своими стенами, более жалкие и трусливые, чем те животные, которые питают их? Нет, не так! Они приносят нам пользу. И есть еще одна цель в их существовании... цель, которая касается тебя, ибо ты стоишь гораздо ближе к ним, чем к нам. Ты догадываешься об этой цели?»

Священник думал быстро, стараясь не выдать своих колебаний; вопрос был непрост и коварен. Перед ним разверзлась пропасть. Одно неверное слово — и он умрет в считанные минуты! Он должен что-то ответить — и немедленно! Иеро выбрал рискованный ход.

«Эти люди с равнины, похожие на меня, но такие беспомощные и безобидные, они служат как бы напоминанием... Они помогают сохранить память о прошлых временах. О временах, когда другие, подобные им телесно, не были ни беспомощными, ни безобидными!»

Он перевел дыхание, не отрывая глаз от вертикальных оранжевых зрачков Помнящей. Она тоже вздохнула — глубоко и с видимым облегчением.

«Значит, ты знаешь? И если знаешь, то как много? — Ее глаза сузились.— Но сначала, главное: откуда пришло твое знание?»

Свой мысленный ответ Иеро формулировал с предельной тщательностью; он понимал, что все еще ходит по лез-

вию ножа. Одно неосторожно сказанное слово, одно неверное движение, и огромный иир'ова, сидевший рядом, стиснет его плечи раньше, чем он успеет пошевелиться. А затем... стоит только старой кошке кивнуть...

«Поверь, я не знаю ничего. Но я скитаюсь всю свою жизнь и видел много земель, населенных странными существами. Часто мне приходилось сражаться с ними... Одни походили на меня, другие — нет. Но самые страшные враги, самые злобные твари относились к моей расе.— Он сделал паузу, усиливая эффект своих слов.— Но только по виду. К тому же они были настоящими Безволосыми — ни волоска на теле и на голове.— Действительно ли пылающие зрачки чуть дрогнули? Он продолжал: — В тайных местах, вдали от света солнца, они выводят рабов — существ иных пород, которых превращают в слуг зла. Таких, как эти». Он послал Помнящей образы волосатых ревунов, обезьяноподобных лемутов и страшных людей-крыс.

Едва заметная дрожь пробежала по ее телу, но огромные глаза не отрывались от лица священника.

Теперь в ее ментальной речи появился оттенок просьбы; раздражение исчезло — во всяком случае, оно не относилось к Иеро.

«Если тебе ничего не известно, то ты не ведаешь о позоре, который мы, свободное племя, носим до сих пор?»

«Разве можно считать бесчестьем, если слуги зла силой захватили тебя? А ведь со мной случилось такое — меня схватили и пытали. Но я убежал! Я и сейчас бегу, пробираюсь на север к своему народу. Так же, как бежали в далеком прошлом дети Ночного Ветра, почуяв сладкий запах свободы!»

Он слегка успокоился. Детали мозаики становились на место; его проницательному уму хватило намеков, чтобы воссоздать цельную картину. И слова Помнящей лишь подтвердили то, что он уже предчувствовал.

«Покажи мне твоего врага! Покажи в своих мыслях! Того, кто властвует над остальными!»

Выполнить эту просьбу было нетрудно; ненавистное лицо С'даны, адепта Нечистого, смертельного и страшного врага, часто всплывало в памяти священника. Бледная кожа, безволосый череп, глаза почти без зрачков, горящие дьявольским огнем, аура злобной силы, окружавшая колдуна... Иеро передал Помнящей этот адский образ.

Она зашипела, как разъяренная рысь; вождь, беспокойно шевельнувшийся рядом с Иеро, вторил ей. Гнев затопил сознание иир'ова; гнев, не остывший в череде многих поколений, родившихся свободными. Эта раса была самой независимой, самой гордой из всех существ, искусственно выведенных колдунами Нечистого, и ненависть к тем, кто осмелился когда-то наложить на них оковы, стала инстинктивной.

«Это один из них, из проклятых, чтоб им сгореть в небесном огне! Пусть смерть поразит их в пещерах — там, где они приносят боль своими острыми ножами! Они держали нас под землей, беспомощных, скованных властью их злых мыслей... они смеялись, когда мы терпели страдания... они говорили, что хотят сделать из нас полезных слуг! Да, мы стали бы хорошими слугами, если б их мощь сломила нашу волю! Слушай, Чужой... ты, который ненавидит их так же, как мы! Я, Помнящая, поведаю тебе о тех временах — так, как говорила мне мать и как было рассказано ей самой ее матерью. Запомни эту историю — так, как запоминают ее детеныши иир'ова. Если ты ненавидишь их — а я чувствую, я знаю, что ты не лжешь,— то прими помощь Восточного прайда!»

Иеро прислонился к плетеному ограждению платформы; теперь он мог позволить себе расслабиться. Усилия Нечистого помогли ему найти новых союзников. Забавная ситуация! И вряд ли она порадовала бы С'дану!

Ночь убывала, восток разгорался первыми отблесками рассвета. Устроившись на краю воздушного гнезда иир'ова, священник слушал историю их пленения, случившуюся далеко отсюда, в иной земле, за сотни миль от вольной прерии. Он полагал, что адепты Нечистого вывели эту ра-

су для битв — ментальных и тех, где используется более осязаемое оружие,— однако не стал делиться своими догадками с Помнящей.

Но какую ошибку допустил враг! Сражение мыслью требует мощного высокоразвитого мозга, а такой разум не способен к бездумному подчинению. И вскоре новосотворенное племя воинов поняло, что является лишь орудием в руке хозяина, ничтожной частью его великого зловещего плана. Боль и мучения научили иир'ова терпению, ложь их владык — проницательности, жажда свободы — сотрудничеству. Они объединились и восстали.

И наступил час отмщения, ночь крови и огня! Они застали врасплох своих владык и вырвались из пещер и пылающих лабораторий, потеряв многих; тех же, кому удалось выжить, преследовали долго и упорно. Они бежали, упрямые гордецы, бежали, пока их сердца не начали рваться из груди, бежали, пока их самки могли нести детенышей. Они были уже вне пределов досягаемости прежних хозяев, и разум их стал свободен от ментальных оков, но они шли день за днем, пока не достигли новых земель. Здесь они остались, но не забыли того, что минуло. Их история, трагическая и мрачная, повторялась все новым и новым поколениям; кровоточащий шрам воспоминаний не зарастал плотью забвения.

Когда первые группы переселенцев и странствующих пастухов появились в этих краях, внимательные глаза наблюдали за ними из тенистых рощ. Единственные представители рода людского, которых знали иир'ова, были слугами Нечистого, и горячие головы решили, что пришельцев нужно истребить — полностью и без жалости. Но мудрость победила. Понаблюдав за чужаками, они сообразили, что эти существа относятся к другой породе, безвредной и робкой. Пришельцы даже оказались полезны: мясо их животных было вкусным, молоко — восхитительным. Итак, поселенцам разрешили остаться в их деревнях; они жили под бдительным присмотром, обложенные данью.

Ни эта дань, ни тайное владычество детей Ветра не были обременительными, если не считать строгого исполнения немногочисленных законов. Любой человек, увидевший вблизи одного из своих неведомых повелителей, умирал; исключения тут не признавались. Старейшины иир'ова полагали, что пришельцы являются не только источником легкого пропитания; нет, они могли служить и другим целям. Они были живым напоминанием о прошлом и, при нужде, стали бы маскирующим фактором, если б слуги Нечистого появились в саванне. Итак, две расы, два племени жили бок о бок; насколько Иеро мог установить, это продолжалось две сотни лет.

После заката люди затворялись в своих жилищах, за деревянными заборами деревень. Ночь принадлежала детям Ветра. Искусные охотники, они истребляли опасных зверей, которые могли бы угрожать скоту или людям. В округе было три человеческих поселения, и по их числу племя иир'ова делилось на три рода, или прайда. Пришельцы скоро проведали о своих незримых покровителях — возможно, это знание пришло жестоким путем. Их жизнь проходила рядом с призраками. Вскоре они поняли, что должны в определенный час оставлять пищу и молоко в отмеченных местах; они узнали, что призраков можно увидеть лишь ночью и что слишком любопытные исчезнут навсегда. Страх надежно держал их за стенами деревень. Изредка, в предрассветных сумерках, сидевший на дереве часовой мог разглядеть стремительные фигуры охотников, скользившие среди высокой травы; он знал, что то были таинственные боги его народа, вершители безжалостного закона.

С философским спокойствием Иеро подумал, что он встречал немало племен, обладавших, на первый взгляд, тем, что они называли свободой, но живших много хуже. Когда-нибудь придет день, и он сам или другие поразмыслят над этим странным несоответствием человеческих культур и поищут пути их изменения.

История была завершена, и Помнящая разрешила человеку перебраться на одну из плетеных платформ, где он мог спокойно отдохнуть. Наступал день, период сна для иир'ова, хотя для этого им требовалось меньше времени,

чем людям. Обычно в светлые часы они занимались какой-нибудь несложной работой — выделывали ремни из шкур, плели корзины и лепили грубые глиняные горшки.

Около полудня Б'ургх разбудил гостя. Восточный прайд собрался на поляне в центре рощи, и Иеро был представлен всем от мала до велика, не исключая совсем крохотных детенышей. К двум остальным родам отправили посланцев, чтобы сообщить о новом союзнике. После этого священник обрел полную свободу и смог удовлетворить свое любопытство.

Они были простым народом, эти иир'ова; их материальная культура примерно соответствовала уровню австралийских аборигенов. Они не имели даже оружия, кроме длинных ножей, обсидиановых или металлических; последние, несомненно, являлись частью взимаемой с деревень дани. Пожалуй, решил священник, они и в самом деле не нуждались ни в чем. Их невероятная подвижность да «ветер смерти» делали охоту слишком легкой! У них было все, что надо для жизни, и никто не желал большего. Иир'ова пользовались огнем, но только ради тепла и света; они предпочитали сырую плоть печеному мясу. Дикие груши и другие плоды разнообразили их стол; они ели растительную пищу, когда чувствовали необходимость в ней. Еще они знали несколько целебных трав; этим ограничивалась их примитивная фармакология.

Два пушистых малыша, обитавших на соседней платформе, показались Иеро очаровательными. Они, в свою очередь, решили, что этот странный безволосый чужак является превосходной игрушкой. Теперь Иеро, прогуливаясь вечерами по стойбищу, тащил на каждом плече теплый мохнатый подпрыгивающий комочек. Сзади тянулся хвост детенышей постарше и подростков, засыпавших гостя таким количеством вопросов, что у него гудело в голове от безуспешных попыток разобраться, кому и что он должен ответить. У любого костра его ждал радушный прием, и, обходя их изо дня в день, он старался разделить трапезу с каждым членом племени.

По вечерам он наносил обязательный визит Помнящей — иир'ова были весьма щепетильны в вопросах вежливости. Иеро проводил с ней не меньше часа; иногда к ним присоединялись Б'ургх и Младшая — та, которая познакомилась с его мечом на дереве вблизи деревни. Теперь он знал ее имя — М'рин; со временем ей предстояло стать новой Помнящей Восточного прайда.

Взаимоотношения между членами племени были тонкими, порой почти неуловимыми и непонятными. Встречались пары, питавшие друг к другу несомненную и глубокую привязанность, но многие не искали устойчивых семейных связей. Одни самки предпочитали постоянных партнеров, другие часто меняли приятелей. Впрочем, детенышам никакие любовные пертурбации старших не доставляли хлопот — они считались общими. Иеро выведал, что иногда дети Ветра устраивали нечто вроде праздников, во время которых переставали действовать все правила и законы. Они жгли на кострах какую-то траву, дым которой приводил их в дикое возбуждение, почти неистовство.

Помнящих тщательно отбирали среди молодых самок, и затем они проходили длительное обучение. Что касается Б'ургха, то, как предполагал Иеро, он завоевал свой титул главного охотника и военного вождя в поединке; в один из дней его мог вызвать на битву кто-нибудь из младших самцов, и если юный воин переживет такое сражение, то будет принят в почетный круг старших — тех, к чьим советам прислушивается Помнящая.

Иногда по ночам прайд устраивал нечто вроде хорового пения — Иеро не мог подобрать лучшего слова. На его взгляд, эти музыкальные фестивали были слегка шумноваты, так как песни иир'ова напоминали вопли огромных котов. Иногда завывания и протяжные мяукающие рулады становились чуть тоньше и мелодичнее, но тут же с новой силой обрушивались на человека, терзая слух. Иеро вежливо внимал, кивая головой, изображая безграничное удовольствие. Эти сборища устраивались в честь гостя и нового союзника; за неделю, которую он провел с прайдом, ему пришлось не раз в них участвовать.

Но в целом племя детей Ночного Ветра приводило священника в восхищение. Ему даже удалось кое в чем помочь своим хозяевам. Старейшин уже давно беспокоило падение рождаемости в Восточном прайде, и Иеро быстро установил причину — приток свежей крови из двух других родов почти прекратился, прайд стал замкнутой группой. Он осторожно намекнул Помнящей и ее советникам, старшим самцам, что молодежь из разных прайдов должна встречаться почаще. Слова гостя были восприняты с благодарностью, и старейшины заверили его, что обязательно выполнят эту рекомендацию — конечно, в той мере, в которой она не стеснит личной свободы юных иир'ова. Последнее замечание удивило священника, и он обратился за разъяснениями к М'рин. По словам Младшей, никто не мог отдавать таких приказов членам племени; допускались только деликатные предложения и вежливые напоминания. Однако М'рин считала, что все произойдет так, как посоветовал гость,— правда, это потребует времени.

Примерно каждую вторую ночь те дети Ветра, кому позволяли возраст и силы, охотились. Конечно, они брали с собой и нового друга — его не приходилось долго упрашивать. Так как Иеро не мог поспеть за стремительным бегом ночных охотников, дичь пригоняли прямо к нему.

«Ветер смерти» не использовался ни разу; иир'ова применяли это свое оружие лишь на войне и в случае большой опасности. Иеро казалось нетактичным интересоваться им; он предполагал, что газ является выделением специфических желез, подстегнутых снадобьем из какого-то редкого растения. Секретом владели лишь Владычицы Ветра, несколько обученных самок. Иир'ова открыли свою удивительную способность много лет назад и надеялись, что она поможет племени в борьбе с Нечистым.

Дичь, которую обычно предпочитали ночные охотники, редко попадалась в окрестностях, но как-то раз они обнаружили подходящее животное и взяли с собой Иеро — видимо, с целью проверить, на что он способен. Гостя оставили в определенном месте, выбрав позицию недалеко от

деревьев, и велели ждать в полной готовности. Иеро понимал, что ему предоставлена честь прикончить добычу — но вот какую? Об этом ему не сказали ни слова. Дети Ночного Ветра обладали довольно странным чувством юмора, как мог заметить священник; так что ему лишь оставалось надеяться, что охотники не пригонят к роще одного из бродивших в саванне гигантов, с ногами, подобными древесным стволам.

Он испытал большое облегчение, услышав топот копыт и сердитое фырканье какого-то травоядного. Однако, когда зверь возник перед ним в лунном свете, энтузиазм Иеро слегка приугас.

Судя по форме головы, это был огромный бык. Над глубоко посаженными крохотными глазками выдавались два длинных прямых рога — мощное, смертоносное оружие; кроме того, на широкой морде торчал третий, разветвлявшийся посередине и выглядевший весьма зловеще. Иир'ова гнали разъяренного зверя к священнику, и на миг его охватило удивление — как ночные охотники, при всей их стремительности, ухитрялись избегать смертельных ударов страшных рогов? В следующую секунду ему стало не до раздумий; огромный бык очутился прямо перед ним. Нанести удар в этот толстый, увенчанный рогами череп было бы самоубийством; он швырнул копье в широкую грудь зверя и отскочил в сторону, выхватив меч.

Лезвие копья погрузилось в мохнатую тушу, на мгновение остановив чудовище. В тот же миг Иеро с трех ярдов метнул свой клинок, целясь в налитый кровью, выпученный глаз животного. Лезвие вошло по рукоять. Взревев в последний раз, бык рухнул на землю под аккомпанемент диких воплей охотников; мозг его был пронзен насквозь. Внезапно Иеро почувствовал, что у него дрожат колени.

Когда он вытащил меч и осмотрел морду животного, его ноги совсем ослабли. Глазницу окружала мощная черепная кость; если бы удар пришелся в сторону, клинок отскочил бы, оставив лишь царапину на толстой шкуре. На миг прикрыв глаза, Иеро вознес благодарность Создателю за добрый бросок.

«Ты ловко управился с четырехрогим,— пришла одобрительная мысль Б'ургха.— Никто даже не успел помочь.— Он сделал паузу и добавил: — Мы любим охотиться на него... бывает, ему достается сам охотник. Этот рогач не боится хорошей схватки».

С витиеватой вежливостью Иеро принес благодарность за предоставленную честь и отличное развлечение. Не стоило показывать, что он чувствовал сейчас на самом деле.

Глава 8

ГРОЗА НАД НИАНОЙ

Хопперы, отборные скакуны королевской гвардии, очень устали. Весь этот бесконечный день они носились вслед за своей владычицей с одного края поля битвы на другой. Принцесса поспевала всюду; ее золоченые доспехи и яркий плюмаж сверкали то перед шеренгами копьеносцев в прочных тяжелых доспехах, нуждавшихся в королевском ободрении, то впереди лавины атакующих всадников. Ее видели в каждом месте, где дело принимало тяжелый оборот, и, вдохновленные ее присутствием, воины Д'Алви бились насмерть.

Бой тем не менее был проигран: враг обошел королевскую армию с флангов, подавил численным превосходством, и войска Д'Алви отступили. Мятежный герцог Амибал Аэо или один из его советников оказались неплохими стратегами, и силы неприятеля двигались вперед гораздо быстрее, чем рассчитывали Лучар и король, ее отец. К тому же хитрый Амибал использовал кое-какие неожиданные трюки, что говорило либо о его остром уме, либо о тайной поддержке Нечистого. Во всем этом ощущалась направляющая рука Джозато; однако, мрачно подумала Лучар, Амибал оказался его достойным учеником. Не успели отряды короля покинуть столицу, как ее потряс бунт нищих, воров и присоединившихся к ним недовольных лавочников. С восстанием быстро покончили, вздернув главарей у городских ворот, но это потребовало времени и сил. В результате, когда две армии встретились в двадцати милях к югу от столицы, королевские войска были уже измотаны уличными схватками и недосчитывались многих бойцов.

Амибал, который, надо отдать справедливость, оказался храбрым и решительным военачальником, привел не только бойцов своего герцогства, но и орды дикарей; некоторые принадлежали к неведомым и чудовищным расам. Особенным бедствием стали толпы маленьких бледнокожих человечков, выпускавших тучи отравленных стрел из луков и духовых трубок. Но было кое-что и похуже: колдуны Нечистого на этот раз пришли в открытую вместе с войском бунтовщиков. И на один фланг армии Д'Алви обрушились обезьяны, волосатые ревуны, в то время как яростно визжащие люди-крысы опустошали другой.

К тому же Амибал продвигался так быстро, что далеко не все части королевской армии успели вовремя добраться до города. Отряды му'аманов, лучших пехотинцев Д'Алви, вызванные с равнин запада, еще не подошли. Придут ли они позже? Не успели собраться ни деревенские ополченцы, ни рыбаки, обитающие на побережье Лантика, бойцы безжалостные и упорные; не было еще и частей, сосредоточенных на границах королевства.

Итак, в поле оказались только отряды, охранявшие столицу, да личные дружины верных королю нобилей, чьи владения располагались поблизости. Сражение было тяжелым. В один из моментов центр войск Д'Алви дрогнул под яростным натиском мятежников, и только неожиданный удар двух эскадронов графа Камила Гифтаха, подоспевших вовремя, спас армию от разгрома. Если у Лучар и имелись какие-либо сомнения насчет графа, упорно не отзывавшегося на королевские рескрипты, теперь они были рассеяны. Гифтах бился, словно дьявол, перед строем своих всадников и сумел отбросить пехоту противника.

Увы, этого оказалось недостаточно. Сплотив ряды, упрямо огрызаясь на вылазки врага, королевская армия от-

катилась обратно — не сломленная, но и не способная продолжать битву. Здесь не было выбора. Уже падала ночная тьма, и Лучар, вызвав к себе командиров, велела разместить войска на окраине столицы. Из отдаленных областей страны сообщений не поступало, и слухи о завтрашнем штурме поползли по притихшему городу. Солдаты, мрачные и усталые, в изнеможении падали на землю и засыпали; нигде не было слышно ни смеха, ни обычной болтовни.

Четыре молчаливые фигуры скорчились рядом с крохотным костром. Огонек пылал в углублении причудливо изогнутой ветви дерева, столь огромного, что его крона могла бы прикрыть целый городок. Чуть выше виднелась еще одна фигура — видимо, часовой. Далеко внизу, скрытое даже днем от солнечного света бесчисленными листьями, побегами и лианами, лежало ночное болото, почва которого породила этого древесного гиганта много веков назад.

Иеро совещался с М'рин, Б'ургхом и За'рикшем, сильным молодым воином. Ч'урш, другой молодой иир'ова, стоявший на страже, при желании мог присоединиться к их мысленной беседе. Обычно двое младших детей Ветра предпочитали молчать, когда говорили старшие, но иногда они с чем-нибудь не соглашались и имели право на то, чтобы их выслушали. Сейчас собеседники хранили ментальное молчание, вслушиваясь в звуки, которые издавала трясина в сотнях футов под ними.

Чудовищный рев раздался вдалеке, низкий, горловой, всколыхнувший насыщенный запахом цветущих деревьев воздух; мириады лесных шумов, шорохов и писков испуганно стихли при этом звуке.

«Что это, Иеро?» Б'ургх, как и все остальные, знал, что их новый друг умеет воспринимать мысли других созданий, тогда как ментальный дар иир'ова ограничивался только их соплеменниками.

Иеро, сосредоточившись, прикрыл глаза; над его головой покачивался и испускал чудесный аромат огромный

цветок. Итак, еще один странный монстр, чей яростный рев на мгновение поколебал листву... Он расслабился и улыбнулся:

«Не знаю. Возможно, старый эливенер, один из моих друзей, о котором я вам рассказывал, встречал такого зверя. Он и его братья изучают все живое... все, что растет, двигается, дышит. Я не умею различать многих животных — тех, у кого крошечный вялый мозг. Может, это рептилия, вроде огромной ящерицы или змеи... Но думаю, этот зверь скорее похож на амфибию, на лягушку или саламандру. Мозгов у них еще меньше, чем у рептилий. Сейчас у меня возникло ощущение огромной и беспричинной злобы... Что-то подобное мне встречалось раньше — в Пайлуде, большом болоте на севере. Фроги, гигантские хищные жабы, с интеллектом столь ничтожным, что его нельзя определить. Во всяком случае, мне это оказалось не под силу».

«Фрог! Если это жаба, то она может прыгнуть сюда»,— пришла мысль от Ч'урша.

«Тварь, наделавшая столько шума, слишком тяжела для высоких прыжков,— возразила М'рин.— Она только раскачает дерево.— Младшая невольно вздрогнула, свет заиграл на ее гладкой пятнистой шкурке.— Я рада, что мы путешествуем поверху и не спускаемся вниз, в эту гнилую мерзость...»

Иеро решил не упоминать о том, что фроги Пайлуда прыгают совсем неплохо. Он чувствовал, что монстр внизу принадлежал к иной породе — какая-то огромная ползающая тварь, копавшаяся в грязи и воде у подножия деревьев.

Маленький отряд уже две недели пробирался на север; последние дни их путь пролегал через болото. Джунгли, раскинувшиеся у подножий колоссальных деревьев, грозили опасностью днем и ночью, но, когда они наткнулись на трясины, стало ясным, что продолжать путь по земле нельзя. Следы, которые странники обнаружили по краю болот, отбили у них всякую охоту соваться вглубь. К то-

му же люди-кошки были равнинными охотниками и ничего не знали об этой бездонной чавкающей грязи и ее обитателях. Но гигантские деревья, тянувшиеся из болота с такой естественной простотой, словно темная вода у их корней являлась обычной почвой, подсказали путникам вполне логичное решение. Они пошли поверху. Конечно, это отнимало много времени, и иногда воздушная дорога, тянувшаяся по огромным ветвям, перевитым лианами, заводила в тупик и они были вынуждены возвращаться. Но Иеро знал, в какой стороне лежит его дом; внутренний компас лесного рейнджера работал безотказно. Кроме того, он мог наблюдать за солнечным диском, просвечивавшим сквозь листву, что тоже помогало выдерживать направление на север.

Верхний путь имел и другие преимущества. И сам Иеро, и дети Ветра умели ловко карабкаться по деревьям, а болотные чудища — вроде того, что сейчас ярилось внизу — не обладали талантами обезьян и не могли добраться до путников. Воздух тут был прохладным и свежим, дичи тоже хватало — и птиц, и животных. В этот полдень Б'ургх, внезапно метнувшись в заросли, точным ударом перерезал горло большой птице, сидевшей в гнезде. Ее, вместе с выводком наполовину оперившихся птенцов, вполне хватило на обед всем пятерым, и кое-что еще осталось на завтра.

Разумеется, кроны лесных великанов не гарантировали полной безопасности. Однажды священнику и его спутникам пришлось спасаться бегством от древесных гадюк, потревоженных в своем дупле; в другой раз стадо обезьян зловещего вида, очень похожих на волосатых ревунов, долго преследовало путников, не решаясь перейти к открытой атаке. Это были огромные короткохвостые звери с глянцевито-черной шерстью, зеленокожими физиономиями и устрашающими клыками. Они сильно раздражали людей-кошек, и сам Иеро не раз был готов прикончить одну из наглых тварей, даже рискуя потерять копье. К счастью, священник и его спутники достигли какой-то не-

видимой границы, у которой преследователи остановились; пятеро беглецов поспешили дальше, оставив за собой толпу визжащих и недовольно бормочущих волосатых монстров.

Оба молодых охотника были разъярены, они хотели вернуться назад и преподать орде кровавый урок. Б'ургх, однако, что-то грозно рявкнул, положив конец дальнейшим спорам.

Поглядывая на своих могучих спутников, Иеро размышлял о выпавшей ему удаче. Путешествие в одиночку через чудовищные леса юга грозило смертельной опасностью. Правда, он уже бывал тут, в иное время и в другой компании, а значит, имел представление об угрозах и зле, таившихся в джунглях. И, после встречи с Солайтером, он больше не был беззащитным... Но все же ему требовался сон! Ни один человек не может сохранять бдительность двадцать четыре часа в сутки.

Он был приятно удивлен, когда Помнящая вызвала его и спокойно сообщила, что четверо иир'ова пойдут с ним: Б'ургх, военный вождь, а также Младшая, хозяйка «ветра смерти», и два молодых воина, вызвавшихся добровольно.

«Ты можешь встретиться с великим Злом, столь же страшным, как то, о котором ты рассказывал,— заявила Помнящая,— и потому ты нуждаешься в охране».

Новость была приятной. Волей-неволей Иеро поведал ночным охотникам кое-что о своих недавних приключениях, однако он не знал, поверили ли они его словам; искусство рассказывать длинные, занимательные и совершенно неправдоподобные истории было хорошо развито среди детей Ветра.

Покрытая мягкой шерстью рука легла на его запястье, и в голове вновь зазвучал ровный голос Помнящей:

«Иеро, друг, ты идешь сражаться с нашим древним врагом — так, как сражается с ним сейчас твоя женщина на берегу соленых вод. Если эти мучители, убийцы детенышей, эти безволосые со смердящими мозгами победят, долго ли мы останемся в безопасности? Даже если об иир'ова давно позабыли, нас быстро найдут... намеренно или слу-

чайно. Детей Ветра немного, и никто не знает про нас, кроме тебя. Но враг, с этими ужасными машинами, о которых ты говорил, начнет выискивать и сокрушать всех, кто еще способен бороться... И потому мы должны помочь! Ты рассказывал, как они ненавидят тебя, как пытались убить много раз, и я знаю, что ты не лгал нам. Должно быть, ты — один из их главных противников... возможно, самый главный! Друзьям надо помогать, и мы поможем тебе.— На миг она остановилась, затем Иеро уловил чуть заметную насмешку в ее тоне: — Наша жертва будет небольшой — ведь этого старого хвастуна Б'ургха с дырявой шкурой, этот склад оленьего мяса, нетрудно заменить...»

Помнящая вздохнула; теперь в ее ментальном голосе явно звучало сожаление:

«Хотелось бы мне пойти с тобой... увидеть новое и узнать о неведомом мире за краем степи... Но я пошлю М'рин! Она будет моими глазами и ушами. А если она пропадет... что ж, придется обучить другую, хотя у М'рин очень подходящая голова... не пустая, как у большинства самцов, что молодых, что старых. Еще двое пойдут с тобой, два молодых болвана, любители приключений из наших лучших охотников. Они будут охранять тебя, а в крайнем случае вспомни, что М'рин знает секрет "ветра смерти"!»

Душа Иеро преисполнилась благодарности. Ему нравился этот народ; хотя иир'ова были творением слуг Нечистого, но претерпели от них столько горя, что могли теперь с честью послужить целям Господним. Еще более теплые чувства охватили его, когда ночные охотники сделали другую вещь — ту, о которой он не рискнул просить. Они поклялись, что оставят в покое людей в деревнях и, если те не выдадут тайну их существования, человеческим жизням не будет грозить опасность. Иир'ова не станут больше красть их детей для забавы и не коснутся пастухов или крестьян, случайно оставшихся в саванне после заката. Это обещание являлось большой уступкой со стороны ночных охотников.

Теперь четверо иир'ова окружали Иеро. Он бросил взгляд на их лица с резкими чертами, которые оживляло загадочное мерцание огромных глаз, на покрытые буграми мышц тела и гибкие члены со смертоносными когтями... Враги, ставшие друзьями... Кто бы мог предположить такое две недели назад? Эти нежданные спутники оказались ему чрезвычайно полезны. Просеивать мысли бесчисленных обитателей джунглей было очень непросто, и, хотя священник старался делать все, что в его силах, многие опасные твари могли ускользнуть от его внимания. К примеру, те, похожие на обезьян... Они обладали весьма немалым интеллектом, а он как раз настроился на плотоядных хищников и низшие формы жизни... При встрече с обезьянами отряд спас За'рикш — молодой воин услышал треск ветвей, заметил колебание листвы и предупредил спутников о засаде. Обоняние у иир'ова было неважным, тут даже Иеро превосходил их, но зрение и слух оказались фантастическими. Однажды М'рин уловила шелест змеиных тел, скользивших по стволу, и они избежали встречи с целым выводком гадюк. К счастью, тогда им попалось несколько широких ровных ветвей, позволивших быстро удалиться от опасных соседей.

Да, они были неплохой компанией и имели достойную цель, хотя этого Ч'урша стоило распять за его шуточки! Мало приятного, проснувшись, обнаружить на своей груди огромного, скользкого, но вполне безобидного червяка!

Иеро весело ухмыльнулся. Тогда он с воплем отшвырнул прочь предполагаемую змею, даже не разглядев ее. Крик разбудил Б'ургха, который, разъярившись, решил тут же оскальпировать молодого воина; однако вмешалась М'рин, и дело кончилось строгим нагоняем. Хотя будущая повелительница Восточного прайда была еще очень молода, от ее слов провинившийся прижал уши и повесил голову. Учитывая его чистосердечное раскаяние, Иеро ограничился кратким замечанием о молодых идиотах, добавляющих мнимые опасности там, где вполне хватает реальных. На этом история закончилась. Впрочем, шутка была забавной!

«Хотел бы я знать, где мы.— Мысль Б'ургха нарушила сосредоточенное молчание, в котором пребывали все пя-

теро, прислушиваясь к реву и чавканью копавшегося в грязи чудища.— Далеко ли еще до моря, до Большой Воды, о которой ты рассказывал нам, Иеро? Я видел его в твоих мыслях, но до сих пор не могу поверить... Столько воды в одном месте!»

«О, это действительно так,— ответил священник.— Много воды, огромное пространство, и нам предстоит каким-то образом пересечь его. Я должен бороться с Нечистым... должен узнать, что случилось с моим народом, должен выяснить, что замышляют враги. Я ведь даже не уверен, что к нам на север попали записи о машине, которая думает обо всем...— Это было лучшее описание компьютера, которое он мог предложить иир'ова.— Я не знаю, что происходит в моей стране... существует ли она еще, и получены ли вести с юга, от моей жены... Единственное, в чем я уверен,— путь в обход Внутреннего моря займет много недель. Мы должны перебраться через него, и мы это сделаем!»

Снова наступило молчание, пока люди-кошки обдумывали новую и столь необычную идею. Великие воды... Подобный феномен казался очень странным воинам степного племени, видевшим только ленивое течение маленьких рек в саванне. И мысль о том, что по воде можно перемещаться в долбленых стволах, похожих на плывущую в ручейке ветку! Это пугало и в то же время казалось чудесным!

«Эти корабли, суда, о которых ты говорил...— начала М'рин,— как они движутся? Я понимаю, если много людей начнет отталкиваться шестами от воды, эта вещь... корабль... двинется вперед. Но чтобы ветер гнал его... заставлял двигаться... Как поверить в такое?»

Вероятно, в сотый раз Иеро начал рассказывать о парусах и о том, для чего они предназначены. Улыбаясь про себя, он подумал, что из кошачьего племени получились бы превосходные матросы. Они не боялись высоты и карабкались по стволам и ветвям словно... словно настоящие кошки! Пожалуй, с ними не сможет состязаться ни один

экипаж из опытных моряков-людей! Им надо только объяснить главную идею... ну, еще немного тренировки... Конечно, оставались еще проблемы вроде морской болезни, но Иеро был уверен, что такие мелочи не смутят его новых друзей. Он все еще усмехался, погружаясь в дремоту; огромный трехмачтовый барк скользнул перед его мысленным взором, взвились белоснежные паруса, а на реях судна затанцевали гибкие, похожие на сказочных эльфов фигуры...

На следующий день путникам пришлось сделать внезапную остановку. Была середина дня; они быстро двигались вперед по дороге, пролегавшей меж небом и землей, по скрещивающимся, простирающимся вдаль огромным ветвям, одолевая милю за милей с той же легкостью, словно шли по городской улице. Вдруг священник поднял руку, и спутники его замерли, готовые и к сражению, и к бегству.

Как всегда, Иеро мысленно изучал предстоящий им путь, но сейчас он занимался этим тщательнее и на большем расстоянии, чем обычно. Неожиданно он понял, что где-то недалеко перед ними лежит берег Внутреннего моря. Иного объяснения не было — он ощущал, как мощное изобильное биение жизни, формировавшей биосферу титанических лесов, вдруг прервалось, словно обрезанное ножом; за ним царила полная пустота. Жизнь кончалась; во всяком случае, та буйная и непрерывная жизнь, к которой *он привык за долгие дни путешествия в джунглях.*

Просигналив спутникам, чтобы они сохраняли неподвижность, Иеро скорчился на ветке, вслушиваясь в это бездонное, необъятное пространство со всей ментальной силой своего исцеленного мозга. Впервые за последние месяцы он ощутил присутствие людей — так называемых цивилизованных людей. И эти люди очень ему не нравились.

Он был уверен, что обнаружил команду судна Нечистого!

Возникшее ощущение нельзя было объяснить иначе. Люди находились близко друг к другу, плотной группой,

это он мог легко определить; их окружала хорошо знакомая ему пустота — морской простор, тянувшийся на многие мили. В море тоже обитали разнообразные жизненные формы, но водные существа редко поднимались на поверхность, и их ментальные излучения относились к другим диапазонам, чем у людей. К тому же ни одно создание, рожденное в этих безбрежных пресных водах, не могло обладать ментальным щитом Нечистого! Лишь люди, совершенно определенные люди, имели подобные устройства! Он хорошо изучил их во время своих недавних странствий и знал, что их можно засечь, когда владелец передает ментальное послание. Обычно они защищали мысли слуг Нечистого, не пропуская ничего, но сейчас один из врагов начал передачу, и священник сразу же нащупал ауру мысленного излучения. Более того, он смог перехватить и само послание! Оно оказалось небезынтересным.

«Не встретили ни одного нашего корабля. Вообще нет никаких судов, даже лоханок этих подонков торговцев. Кажется, что кто-то начисто вымел прибрежные воды к западу от Нианы. Мы в двух днях хода от порта. У всех такое чувство, будто случилось нечто странное. Ни одного купца! Вообще никого! Думаю, надо прислать сюда брата, владеющего могуществом, на новом секретном корабле. Мы возвращаемся в порт и будем ждать дальнейших приказаний. Конец сообщения. Сулкас».

Иеро вслушивался в повисшую тишину; каждый нерв его дрожал от возбуждения. Никакого ответа! Если ответ и пришел, то наверняка слишком слабый из-за дальности расстояния, чтобы можно было его уловить. Но, скорее всего, никто не ответил на послание Сулкаса. Кем бы ни являлся этот раб Нечистого, он, несомненно, не был членом Темного братства. Интеллект достаточно высок, но мозг явно не того калибра... Доверенный слуга, не более того... Какой-нибудь пират вроде Лысого Рока, павшего на «Морской деве» от меча капитана Гимпа... Пока иир'ова

быстро переговаривались на своем гортанном языке, священник опустился на корточки и попробовал проанализировать донесение неведомого Сулкаса.

Вероятно, оно было послано в заранее оговоренное время и не требовало ответа. Иеро знал, что адепты Нечистого контролировали Ниану, крупный порт на южном берегу Внутреннего моря. Судно вышло оттуда — небольшое судно с дюжиной человек на борту, явно посланное в разведку. Команда ничего не нашла, кроме пустынных вод, и забеспокоилась, так как сезон и погода благоприятствовали морским перевозкам. Донесение, конечно, отправлено на главную базу, в Ниану... И в нем содержалось предложение, чтобы один из членов братства, адепт Нечистого, прибыл на «секретном корабле» для выяснения ситуации.

Иеро хорошо представлял, о каком судне идет речь. Он был пленником на таком «секретном корабле», движимом таинственной силой, и, подобно старому эливенеру Альдо, был уверен, что колдуны Нечистого овладели энергией атомного распада. Мерзкой, отвратительной, греховной, упоминаемой разве что в проклятиях! В своих подземных лабораториях ученые Темного братства сотворили множество жутких вещей. Они построили машины, способные усиливать ментальную мощь и порабощать человеческий разум, они превратили опасных животных в верных слуг-лемутов, хотя иногда их постигали неудачи... Тут Иеро бросил взгляд на своих спутников. Однако все это было слишком незначительным в сравнении с завершающим аккордом — Смертью, вселенским ужасом, столь чудовищным, что при мысли о нем любое нормальное существо содрогалось в отвращении и страхе.

Иеро вспомнил, какие странные чувства охватили их — его, Лучар, брата Альдо и Горма,— когда они спустились в ту гигантскую пещеру, полную безмолвных, закрытых пластиковыми чехлами машин... Орудий уничтожения, ждавших своего часа, хранивших ужас прошлого — Смерть, готовую раскинуть над миром свои черные крылья... Брат Альдо, поклонявшийся живому, стал почти больным!

Священник сидел, размышляя над услышанным, и решение его крепло. Итак, Нечистый собирается уничтожить мир... обрубить ветви, выдернуть корни, спалить ствол... уничтожить всех от мала до велика... до последнего раба, до самой крохотной букашки... Что ж, его предназначение — не допустить этого!

Он повернулся к своим спутникам. Он знал, что хочет сделать, но объяснить это детям Ветра было непросто. Ну, по крайней мере, стоит попытаться...

«Должно быть, мы находимся чуть южнее главного пути, ведущего с запада в город наших врагов. Этот старый тракт тянется с юго-востока на северо-запад, пересекая много других дорог. Нам надо двигаться вдоль него, но на безопасном расстоянии, подальше от дороги. Это единственный путь с востока в Ниану — единственный, который ведет через южные леса. На запад от города есть много других дорог, и я думаю, что там более открытая местность, но мне не приходилось там бывать. Я видел тот район лишь на карте, мельком... Берега моря очень опасны для нас, в это время года корабли встречаются часто...»

Далее он объяснил, что собирается делать. Где-то в прибрежных водах находится вражеский корабль, и они должны быть очень, очень осторожны. Если судно удалилось от порта всего на пару дней плавания, значит, местность вокруг не безлюдна. В любой момент они могут столкнуться с чем-нибудь таким, что лучше встретить подготовленными.

«Нам придется охранять свой разум,— добавил священник.— Говорите друг с другом вслух и старайтесь пореже обращаться ко мне. Ваш народ использует необычные ментальные частоты... это хорошо, вряд ли кто-нибудь прослушивает такой диапазон. Но у Нечистого много слуг... не людей, других существ, с которыми говорят его колдуны. Так что будьте бдительны! Все эти создания наблюдают и слушают, так как должны получать приказы от своих хозяев. Мы будем красться словно тени... Что-то странное случилось на море, и это обеспокоило наших врагов. Я не

знаю, что произошло, но все, что во вред им, на пользу нам!»

Иир'ова поняли его, хотя мысль о том, что древний ненавистный враг находится так близко, привела их в дикое возбуждение. Когда Иеро объяснил, что в его планы входит захват какого-нибудь маленького судна, это задача не смутила ночных охотников. Несложное дело — смести тех, кто встанет на пути, и завладеть кораблем.

«Я выпущу на них "ветер смерти", а затем мы приблизимся и перережем им глотки!» М'рин судорожно стиснула висевшую на ее поясе сумку.

Иеро понадобилось время, чтобы успокоить их и убедиться, что его спутники не совершат ничего неосмотрительного. Вскоре он был уверен в этом. Первая вспышка ярости прошла, и обычная расчетливая осторожность вернулась к ночным охотникам.

Они шли вперед весь этот день, соблюдая необходимую осторожность. Теперь иир'ова общались с Иеро только жестами; друг с другом они говорили на своем гортанном языке. Ночью путники разбили лагерь на естественной платформе, которую образовала изогнутая ветвь дерева. Иеро обжарил несколько кусков мяса; затем огонь залили, чтобы никто не мог заметить случайных отблесков костра или рдеющих в темноте углей. Вода здесь не являлась проблемой — дупла и углубления в стволах накапливали ее, а огромные эллипсовидные листья хранили целые маленькие озера.

Вечерний полумрак сгустился, сменяясь тьмой тропической ночи. Люди-кошки дремали, опустив головы на колени; человек посылал свою мысль в темноту, исследуя не только предстоявший им завтра путь, но и местность вокруг лагеря до самого побережья. Если чувства не обманывали его, распространявшийся веером ментальный сигнал вскоре достиг Нианы, лежавшей к северо-востоку от их ночевки. Он не мог прочесть мысли каждого жителя города, но ощущение, порожденное большим количеством людей, сгрудившихся в одном месте, было безошибоч-

ным; он словно касался теплой дрожащей ауры, что нависала над Нианой подобно шапке смога. Да, несомненно, на северо-востоке лежал город, крупный город, и теперь он окончательно уверился в этом!

Иеро не собирался приближаться к нему — во всяком случае, на небольшое расстояние. Опасность и так возрастала с каждым шагом на север; адепты и слуги Нечистого были бдительны. Обдумывая планы похищения корабля, священник понимал, что крупный порт остается под запретом. Где же тогда взять судно? Он ничего не знал о других городах и портах на востоке; капитан Гимп во время их плавания на «Морской деве» не упомянул ни одного, хотя на побережье, конечно, есть небольшие поселения. О западной части Внутреннего моря у священника тоже не имелось подробных сведений. Он знал, что там находился крупный порт Намкуш, посещаемый при случае караванами, что везли товары из Канды на юг, но этот город лежал где-то в северо-западной части морской акватории, за многие мили от тропических лесов. Впрочем, аббат Демеро еще год назад не советовал появляться в Намкуше, где кишели шпионы Нечистого и лишь немногим торговцам можно было доверять. Пересекая зеленые просторы Тайга, к Намкушу струилась река — главный, хотя и небезопасный торговый путь, связывавший республику Метс с побережьем Внутреннего моря. Но в любом случае в Намкуш не попадешь пешком; разве что удастся привести туда похищенный корабль.

Он погрузился в сон, но мозг, настороженный и недремлющий, продолжал нести охрану. Однако утром Иеро почувствовал себя отдохнувшим.

Путники прошагали всего несколько часов, когда впереди показалась полоска накатанного тракта. Повинуясь жесту Иеро, вся группа спустилась ниже; теперь их путь пролегал по огромным, чудовищной толщины ветвям, нависавшим в сотне футов над землей. Трясина кончилась еще вчера, и могучие лесные исполины побережья возносили свои титанические кроны над твердой почвой.

М'рин, которая шла в передовом дозоре, первая увидела дорогу. Подав сигнал, она остановилась; остальные собрались вокруг нее, разглядывая петлявшую внизу тропу.

Этот торговый путь был довольно широк и хорошо утоптан, хотя и извилист. Дорога струилась подобно ручью, огибая чудовищные стволы лесных гигантов, с которыми не могли справиться ни топор, ни огонь, ни ураган. Тракт извивался меж этих несокрушимых древесных башен, одетых в толстую грубую кору, то отступая, то вновь устремляясь вперед и сохраняя примерное направление с востока на запад. Иеро никогда раньше не видел эту дорогу, оставив ее далеко в стороне во время своего предыдущего путешествия по южным лесам. Однако он знал, что тракт, разветвляясь на множество других дорог и троп, связывает Ниану с Д'Алви и другими королевствами на побережье Лантика; по нему везли ткани и шерсть, шкуры и металлические изделия, фрукты, пряности, вино и другие товары, не исключая и рабов. Вполне возможно, что сейчас с востока в Ниану гонят новые толпы невольников, среди которых бредет его жена... Он боялся думать об этом.

Дорога текла мимо него, пустая и молчаливая, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь зеленые облака крон, яркими пятнами ложились на примятую траву. Присев на корточки, дети Ветра терпеливо ждали, пока человек с осторожной тщательностью перебирал частоты ментального спектра, пытаясь нащупать вражеский след. Без сомнения, Нечистый недреманным оком следил за этой дорогой, главной торговой артерией между востоком и западом, и Иеро совсем не хотелось внезапно наткнуться на вражеский сторожевой пост. Но он не обнаружил ничего, ни на востоке, ни на западе, и это его удивило. Далекое облако ментальной активности, которое, как он был уверен, висело над Нианой, стало плотнее, чем утром, но в ближайших окрестностях царило безмолвие. Почему? Неужели на дороге никого нет? Ни торговцев, ни патрулей Нечистого? Это казалось странным, и он погрузился в раздумья.

Ментальная защита, которую Нечистый стал использовать со времени его последних странствий на севере, могла

бы объяснить такую тишину, но это было маловероятным. Иеро полагал, что щиты-медальоны являлись редкими и дорогими устройствами — в смысле времени и сил, затраченных на их производство. Он не сомневался, что эти медальоны выдавались лишь самым доверенным людям, начальникам воинских отрядов, капитанам кораблей и членам Темного братства. Вряд ли кто-нибудь в простом дорожном патруле обладал подобным прибором, разве что командир... Но тогда он должен был бы слышать мысли солдат, которых не защищало коварство Нечистого! Однако в ближайших окрестностях царило полное, абсолютное молчание, и это казалось необъяснимым.

Уменьшив интенсивность ментального сигнала до такого уровня, чтобы его можно было уловить лишь на расстоянии нескольких ярдов, священник передал иир'ова несколько приказов. Им надлежало провести разведку по обеим сторонам дороги, двигаясь в восточном направлении, причем не слишком торопливо и с предельной осторожностью. Если обнаружится нечто заслуживающее внимания, его союзники подадут сигнал криком; он решил, что пронзительный мяукающий вопль детей Ветра вряд ли будет подозрительным в тропическом лесу. Сам он пойдет в арьергарде, обеспечивая разведчикам ментальную защиту. М'рин с Б'ургхом должны оставаться поближе к нему с левой стороны тракта, двое молодых охотников пойдут направо.

Итак, решение было принято, и путники начали спуск вниз, где над почвой, усыпанной гниющей корой, лианы и воздушные корни переплетались в густую сеть из гибких стеблей, листьев и цветов. Наконец они ступили на землю и разделились.

Медленно, осторожно разведчики продвигались вперед. Все подозрительные заросли и пещерки, образованные каскадами воздушных корней, были осмотрены и отмечены. Для этого пришлось обойти кругом не одно дерево, а некоторые из них достигали чудовищной толщины. Путники стремились не терять дорогу из виду, в то же время оставаясь незамеченными для любого взгляда, который мог бы бросить с ее обочины самый зоркий наблюдатель. Священник особо предупредил иир'ова, чтобы они следили за кронами деревьев, и вскоре его опасения подтвердились — хотя, к счастью, до столкновения с врагом дело не дошло.

Слабый протяжный крик Ч'урша, долетевший с другой стороны дороги, заставил тройку Иеро насторожиться. Они собрались вместе и, прячась за кустами на краю довольно широкого в этом месте тракта, разглядели вдали фигурки молодых воинов, стоявших под деревом. Ч'урш и За'рикш жестами показывали вверх, на какое-то инородное сооружение, темневшее в развилке лесного гиганта; его ствол и крону оплетали лианы толщиной с руку, а кое-где из щелей в толстой коре пробивался кустарник. Напрягая глаза, Иеро рассмотрел некую конструкцию, едва заметную среди густой листвы.

Они потратили пять минут на проверку ближайших окрестностей, прежде чем осторожно вскарабкаться наверх. Перед ними находился тайный наблюдательный пункт врага — платформа из жердей под навесом, так ловко замаскированная ветвями, что заметить ее с дороги было невозможно. Она оказалась пустой. Правда, покинули пост совсем недавно — груда спелых плодов в углу, еще не тронутых гниением, и корзинка с хлебом и сушеным мясом подтверждали этот вывод. Вблизи входа, на новом кожаном ремне с бронзовыми заклепками и пряжкой, был подвешен полупустой бурдюк с вином. Отхлебнув глоток, Иеро нашел его весьма сносным.

Тут висел слабый кисловатый запах, который священник узнал без труда.

«Люди-крысы,— сообщил он спутникам, опять до предела понизив уровень сигнала,— мерзкие твари, которых Нечистый призвал себе в помощь. И с ними был человек... они не пьют эту дрянь, что налита в кожаный мешок. Их вызвали внезапно, и я не представляю зачем».

Он подумал с минуту, затем решил рискнуть. Очень осторожно он начал зондировать морское побережье, ле-

жавшее всего в нескольких милях к северу; мысль его скользила все дальше и дальше над лоном хрустальных вод. Наконец он обнаружил нечто интересное, хотя не смог бы точно определить свою находку.

В море двигался некий предмет... или совокупность предметов... Однако чем бы ни являлась эта смутно ощущаемая формация, Иеро не удалось выяснить ее природу, надежно скрытую ментальным барьером. Он сумел нащупать лишь гигантское ментальное облако, сложное переплетение сотен или тысяч разумов, остававшихся недоступными для контакта. Несомненно, облако двигалось; и шло оно к Ниане, хотя не очень быстро.

Лишь однажды он встречался с похожим явлением — когда корабль Нечистого с орудием, стрелявшим молниями, едва не захватил его, Лучар и Горма в затонувшем городе на северном берегу. Он снова вернулся к изучению моря, прибрежных джунглей и дороги. Ничего. Ничего, кроме таинственного сгустка ментальной энергии, в который он не мог проникнуть! Оставив эти попытки, Иеро переключил внимание в другую сторону — туда, где, по его предположениям, лежала Ниана. Тут его шансы казались более реальными.

Ниана напоминала бурлящий котел ментальной энергии. Мысли ее жителей, растерянных, устрашенных, метались, как у муравьев, чье гнездо разворошили палкой. Должно быть, маленький отряд Иеро находился ближе к порту, чем он предполагал,— милях в трех-четырех от городских границ. Теперь ему стало ясно, почему вдоль тракта не идут караваны и что значит покинутый наблюдательный пост. Зондируя различные разумы, он быстро выяснил, что Ниана подверглась нападению! Всех, подходящих по возрасту и сноровке, послали к морю, на помощь тем, кто защищал побережье и подходы к гавани. Удар, встревоживший муравейник Нечистого, был нанесен именно оттуда, и не требовалось сложных умозаключений, чтобы понять: его источником является то самое ментальное облако, которое Иеро обнаружил пятью минутами раньше. Итак, Ниана атакована... Но кем же, во имя Творца?

Он ухитрился наладить устойчивый контакт с одним из приспешников Нечистого, довольно скверным малым, который, похоже, был из числа младших командиров городского гарнизона. Группа его подчиненных строила сейчас баррикаду из бревен и мешков с песком поперек выходившей к порту улицы. Они отчаянно спешили. Из разума своего подопечного Иеро извлек картину большого флота — не меньше тридцати кораблей! — который надвигался на город с севера. Затем он выяснил, что колдуны Нечистого не в силах подчинить своей власти людей на борту судов. Это стало известно и населению, и войску и очень не понравилось солдатам. На свой лад они рассуждали верно, эти убийцы, привыкшие иметь дело с теми, чью волю сломили темные мастера — в то время как их самих защищало колдовское искусство хозяев. Похоже, адепты злых сил ошиблись, подумал Иеро; сраженные удивлением, они позволили распространиться по Ниане слуху об их бессилии.

Он продолжал копаться под черепом у своего сержанта. Этот мерзавец, хотя и был обеспокоен, не потерял доверия к хозяевам. В голове его бродила мысль, что скоро в море выйдут два секретных корабля. Будет забавно поглядеть на флот дикарей, когда их орудия метнут огненные стрелы!

Прислонившись спиной к плетеному бортику платформы и закрыв глаза, Иеро попытался успокоить ломоту в висках, вызванную столь сильным и долгим ментальным напряжением. Отгородив разум от звуков и излучений внешнего мира, он думал над тем, что же теперь делать. Идти в Ниану ему не хотелось. Однако если он со своими друзьями не может попасть на корабль этого странного флота, то лучшее, что оставалось,— завладеть в сумятице подходящим суденышком. Пожалуй, ради этого стоило рискнуть.

Повернувшись к иир'ова, он рассказал им о результатах своей мысленной разведки.

«Мы пойдем в город,— добавил священник,— тот, что у большой воды. На него напали, и я думаю, дела у за-

щитников идут неважно. Очень неважно, иначе они не решились бы вызвать на помощь патрули и охрану с дороги. Сейчас все их воины на побережье... может быть, оставлена застава у въезда в город, но немногочисленная. Убивайте, если понадобится, только тихо. Не самок и не детенышей... чтобы они молчали, достаточно их оглушить».

Покинув наблюдательную платформу, путники снова вышли к дороге. Теперь они двигались вперед намного быстрее; Иеро вел молодых охотников с одной стороны тракта, Б'ургх и М'рин скользили с другой.

Они мчались словно тени, огибая древесные стволы, мелькая в пятнах солнечного света, что пробивался сквозь зеленый полог листьев. Иеро постоянно прощупывал петлявшую рядом с ними дорогу; он не жаждал непредвиденных встреч и опасался наскочить на патруль Нечистого, скрытый от его мысленного взора ментальными щитами. С этими квадратными медальонами из голубоватого металла он познакомился в прошлом году, во время плавания на «Морской деве». Даже тогда, будучи во всеоружии своей телепатической мощи, способный убить врага одним волевым усилием, он не мог проникнуть сквозь защитные барьеры этих устройств; и он был уверен, что это и сейчас ему не под силу. В то же время в его подсознании шевельнулась неясная мысль, тоже имевшая отношение к прошлому. Что-то он забыл... нечто важное, такое, что могло пригодиться теперь... Дьявольщина, что же это было? Он мысленно пожал плечами. Придется потерпеть! Сейчас он не мог ждать, пока воспоминание всплывет на поверхность, пробившись сквозь толщу времени.

Быстрым шагом они прошли около мили. Вдруг Б'ургх поднял длинную, испещренную пятнами руку, подавая сигнал к остановке. Затем он быстро перебежал к Иеро на другую сторону тракта и, схватив его за плечо, приставил ладонь к уху. Отряд остановился; священник, напрягая слух, попробовал различить, что встревожило его более чутких спутников. Наконец он тоже услышал это — отдаленные гвалт и рев, на фоне которых иногда раздавались высокие

пронзительные звуки. Несомненно, шум сражения! Иногда его гул перекрывался тяжким грохотом — казалось, целое здание или огромное дерево падает на землю. Лес притих, словно испуганный бушевавшим вдали взрывом человеческой ярости.

Иеро приказал увеличить скорость; теперь они почти бежали, стараясь, однако, скрываться за деревьями. Пожалуй, в этом не было особого риска; он чувствовал, как возрастает впереди ментальная активность — там, где грохотал и ярился бой. Теперь с каждым шагом он все лучше и лучше ощущал ауру отдельных людей. Он мог уже уловить мысли перепуганных ребятишек, женщин и тех мужчин, которые не принимали участия в битве, но пытались скрыться. Темные мастера Нианы по-прежнему затаились в своих убежищах, и их присутствие можно было обнаружить лишь по внезапному воодушевлению, которое охватывало сражавшихся воинов и лемутов; оно эхом отдавалось среди торговцев и прочего люда, не знавшего — или предпочитавшего не знать,— кто на самом деле правит в городе. Большинство из этих людей были сейчас в панике и думали лишь о том, как бы выбраться из опасного места.

Путники приближались к Ниане, и теперь Иеро мог уже слышать крики и стенания несчастных, чей мир рухнул в единое мгновение. Но мысли адептов Нечистого по-прежнему оставались ему недоступными — их, несомненно, прикрывали ментальные щиты, те механизмы, с которыми он встречался раньше. Он понимал, что бесполезно пытаться их обнаружить. Он снова попробовал коснуться разумов нападающих, но те, кем бы они ни являлись, тоже были недоступны за своим огромным предохранительным щитом. Священник ощущал их напор, смутное возбуждение большой толпы, но и только. Он не мог постоянно сканировать ментальный хаос над городом, дорога тоже требовала внимания. К тому же непрерывный мысленный поиск очень истощал силы.

Шум и грохот сражения уже бил в уши. Лес редел, они начали ощущать запах дыма, едкий и вонючий. Черные

завитки становились все гуще, затмевая солнечный свет, извиваясь меж деревьев; иир'ова фыркали и судорожно чихали. Все пятеро теперь продирались сквозь заросли кустарника; Иеро мчался впереди с мечом в руке, щит и копье мотались на ремнях за плечами. Похоже, предстояла неприятная работа, но он все еще надеялся ее избежать. Крики и завывание впереди сменились ревом огня, регулярно повторявшийся грохот как будто стал реже. К гари и дыму теперь примешивался другой запах, острый и резкий; Иеро никогда не ощущал прежде чего-либо подобного.

Они очутились в городе, даже не успев понять, как это произошло. Минутой раньше они бежали сквозь редкий невысокий буш, а в следующее мгновение уже были на узкой улочке среди рядов жалких хижин, наполовину скрытых клубами дыма. Вонь отбросов, навоза и человеческих фекалий стала так сильна, что перебивала запах горящего дерева.

Б'ургх предостерегающе зашипел, когда какие-то смутные фигуры возникли из дымного облака впереди. Порыв ветра на минуту развеял темную пелену, и обе группы почти одновременно увидели друг друга.

Пара крупных людей-крыс, обвешанных оружием и тащивших мешки — либо с припасами, либо с награбленным,— стояли, недоуменно моргая, перед человеком с мечом и четырьмя детьми Ветра; и грозные лики иир'ова были последним, что лемуты увидели перед смертью. Прежде чем успели шевельнуться их огромные уши и когтистые лапы потянулись к оружию, оба рухнули с невнятным хрипом; их глотки были перерезаны, тела с голыми короткими хвостами подергивались в агонии. Иеро в изумлении раскрыл рот, в очередной раз потрясенный скоростью, с которой действовали его союзники. Молодые воины уже стояли рядом с ним — с обнаженными клинками, готовые к новой схватке,— а тела лемутов еще не успели опуститься на землю!

«Убивайте всех вооруженных,— велел священник.— Пойдем вперед, нам надо найти место, с которого видны гавань и город. Ищите! Здесь нет деревьев, но местные безволосые строят высокие хижины, выше нашего роста. И здесь слишком много людей... много разумов, очень возбужденных... мне трудно слушать всех сразу. Мы должны пользоваться своими ушами и глазами».

Он попытался припомнить, что рассказывали ему про Ниану брат Альдо и Гимп. Лучар тоже проходила здесь, вместе с караваном рабов.

Что же они говорили? Город был очень стар; возможно, в том или ином виде он существовал еще до Смерти. Нечистый владел этим местом, слуги его кишели повсюду, но главные адепты скрывались в тайных убежищах. Здесь сохранились древние церкви, заброшенные и полуразрушенные, в которых давно не велась служба. Здесь были каменные здания и башни. Возможно, в них засели гарнизоны Нечистого или их использовали для наблюдения... Стоило попытаться найти их; блуждать наугад в этом дымном тумане, среди одуряющих запахов и охваченных паникой жителей казалось большим риском.

Пока он взвешивал шансы за и против, впереди вновь раздался загадочный грохот, и земля под ногами содрогнулась. Где-то вдали раздавались такие же звуки, ослабленные расстоянием. Что это значило? О, если бы найти место, с которого он мог увидеть гавань!

Иеро бросил взгляд на людей-кошек. В молчании они стояли позади него, плотно прижав уши к голове; шерсть на их загривках поднялась дыбом. Должно быть, ужасно, подумал он, нырнуть в этот смрад и гарь после чистого лесного воздуха, слушать чудовищный грохот, пробираться по лабиринту узких улиц, грозящих неведомой опасностью... Но его бойцы явно не собирались отступать, они рвались в битву. Священник почувствовал облегчение, хотя уже не первый раз он сожалел о том грузе ответственности, который лег на плечи четырех иир'ова.

Медленно и осторожно они прокладывали путь сквозь клубы дыма, выглядывая из-за углов, прежде чем пересечь перекрестки, напрягая зрение и слух в попытке обнаружить

врагов — раньше, чем те найдут их сами. Темная грязная пелена затопила город; Иеро, несмотря на риск, связанный с использованием телепатии, передал:

«Держитесь поближе ко мне, протяните друг другу руки. Б'ургх, пойдешь сзади. Убивай любого, кто заметит нас».

Он сожалел о своем приказе, но Бог ведает, на кого они могли наткнуться в этом вонючем тумане. Слишком давно и слишком прочно враг обосновался в этом городе, и лишь полная скрытность могла служить гарантией их безопасности. Пробираясь вдоль деревянного частокола, сейчас расшатанного и местами рухнувшего на землю, священник разумом и слухом воспринимал многоголосый вопль, повисший над Нианой. Мягкая ладошка М'рин дрогнула в его пальцах, и он попытался использовать этот контакт, чтобы передать Младшей частицу своей силы.

На миг он замер, когда вытянутая вперед рука коснулась чего-то твердого, прочного, массивного. Камень! Чуть склизкий от копоти, полированный, с гнездами щербинок, которые могло оставить лишь время.

Иеро стоял, ощупывая стену ладонью, зная, что остальные тоже не двигаются и, вытянувшись цепочкой за его спиной, впитывают охвативший его трепет возбуждения.

Ни криков, ни воплей не слышалось вблизи, хотя в отдалении по-прежнему грохотала битва. Грязный пар горячим одеялом покрывал всех пятерых, но что еще таилось за его темной завесой? Священник попробовал прикинуть, сколько сейчас времени — вероятно, за полдень. Они находились в городе не более часа... Он невольно вздрогнул от близкого грохота, долетевшего с соседней улицы; земля под ногами качнулась, затем последовал ряд более слабых толчков. Звук следующего разрыва донесся издалека, откуда-то из района гавани.

Он сжал руку М'рин, приказывая двигаться медленнее, и, всматриваясь прищуренными, слезящимися от дыма глазами в каменную стену, пошел вдоль нее. Пальцы скользили по древним камням, ощупывая то ровную шлифованную поверхность, то заделанные цементом швы. Десять футов, двадцать... Стена тянулась дальше, и, подняв руку, он не мог достать до края; казалось, она уходит к небесам.

Новая волна удушливой гари накрыла их. Иеро, кашляя и протирая глаза, согнулся у стены. Потом рука его скользнула дальше, и он замер, нащупав резную канавку в камне, какой-то орнамент за ней и гладкую поверхность массивной деревянной двери. Она была открыта. Моргая от едкого дыма, священник стоял, напрягая разум и слух, у входа в древнее святилище.

Глава 9

ВЕТЕР УДАЧИ

Тут не было никого и ничего вблизи, кроме защитного ментального устройства, которое Иеро распознал с легкостью. Он находился вместе со своими спутниками в нижнем зале высокого здания, вероятно, одной из заброшенных церквей, которые описывала Лучар. Он протянул свои ментальные щупальца дальше, чувствуя присутствие других разумов, чуждых и враждебных, таившихся вверху и внизу — в подвалах и в высокой башне, венчавшей здание. Впрочем, и там и тут было всего лишь человека три-четыре. Продолжая ментальный поиск, священник направился сквозь полумрак и клубы дыма туда, где слабый проблеск света падал на узкие ступени. Остальные шли следом, в возбуждении издавая чуть слышные шипящие звуки.

«Надо взглянуть, что там, наверху,— передал он.— Б'ургх, останься здесь на страже. Если кто-нибудь появится... один или двое — убей их! Если больше, дай сигнал и поднимайся к нам».

Он понимал, что поручение, возможно, не понравится вождю — тот был любопытен. Что ж, пусть утешается мыслью, что тыл положено охранять сильнейшему из воинов.

Обнажив меч, Иеро начал карабкаться вверх по крутой лесенке, завивавшейся тугой спиралью; трое иир'ова шли по пятам. Ступеньки были выщербленные и потемневшие, что свидетельствовало о солидном возрасте. Дым, поднимаясь вверх, клубился над их головами, застилая глаза; каждую ступень приходилось осторожно нащупывать ногой. В молчании они миновали первый этаж, где Иеро не смог определить ни жизни, ни движения; за разбитой дверью зияла пустота коридора. Чем выше они поднимались, тем легче было дышать; дым истончался, превращаясь в редкие сизые пряди. Другая раскрытая дверь была пройдена без звука, затем Иеро жестом подал сигнал приготовиться. Они достигли самого верха, и сквозь щели в последней двери пробивались тонкие лучики солнечного света. По его кивку все четверо выскочили на площадку, обнесенную колоннадой, что поддерживала шпиль древнего храма,— вероятно, в минувшие тысячелетия здесь висели колокола. Теперь же тут располагался наблюдательный пост, и те, кто занял старую звонницу, явно оказались не готовы к внезапной атаке.

На небольшой квадратной площадке находилось четверо существ; все пристально вглядывались в северный горизонт, в спокойные воды Внутреннего моря, хорошо различимые даже сквозь дымовую завесу, что окутывала нижнюю часть здания. Пара людей-крыс и один воин-человек умерли мгновенно; ножи иир'ова пронзили шеи наблюдателей с такой быстротой, что те не поняли, кто их атакует. Последний человек обмяк под точным ударом, нанесенным Иеро,— ребром ладони по затылку, прямо под обрез железного шлема. Две-три секунды, и наблюдательный пост был захвачен. Велев молодым воинам присматривать за оглушенным врагом, Иеро шагнул к деревянному парапету, ограждавшему площадку,— он казался еще более древним, чем потемневший камень стен. Осторожно опираясь о перила, священник бросил взгляд вниз, на удивительную картину, что открывалась с высоты.

Как он и подозревал, большая часть Нианы была в огне; старые деревянные строения пылали словно сухой трут.

Всюду ярилось пламя, дым стлался над улицами и кварталами, огонь стремительно перебирался от дома к дому вдоль деревянных заборов. Здесь и там над темной пеленой с яркими всполохами пламени вздымались древние каменные башни, сопротивлявшиеся натиску пожара. Ветер тянул то с востока на запад, то менял направление — легкий бриз, переменчивый и постепенно набиравший силу.

Внизу, на узких улицах, отряды войск Нечистого двигались к гавани. Им приходилось пробиваться через огонь и сквозь толпы охваченных паникой жителей Нианы, устремившихся в прямо противоположном направлении — на юг, подальше от берега. Вероятно, никто и никогда не составлял планов обороны города на случай серьезной атаки. Мастера Нечистого просто не рассматривали такую возможность и теперь пожинали плоды своей гордыни и самомнения. Ужасаясь, священник глядел на группу волосатых ревунов, мечами прокладывавших путь сквозь толпу; они отбрасывали людей к стенам, устилая свой путь окровавленными телами. Крики и вопли вздымались над городом, заглушая шум сражения.

Взгляд Иеро скользнул к побережью. Противник атаковал порт, и большинство старинных торговых складов и доков пылало; лишь ограждавшая гавань древняя каменная стена сопротивлялась огню. Однако не это привлекло внимание священника; главные события разворачивались на воде.

Пять больших кораблей с угловатыми формами выстроились в ряд на внешнем рейде, ясно различимые сквозь клочья дыма. Жерла пушек, торчавших в распахнутых портах, с методичной регулярностью изрыгали пламя. Суда не имели парусов; посередине каждого возвышались две дымовые трубы, на корме торчали короткие мачты. И флаги, развевавшиеся на них, заставили сердце Иеро подпрыгнуть к самому горлу. Зеленый круг на белом фоне, с крестом и мечом в центре! Флаг аббатств! Республика Метс ударила на врага!

Дыхание Иеро участилось. Он видел множество парусных судов, сгрудившихся за пятью странными кораблями.

Эта экспедиция не являлась безрассудным набегом; перед ним был флот вторжения. Он отбросил догадки насчет извергавших пламя орудий, чьи снаряды взрывались сейчас на улицах и служили источником регулярного грохота, который путники слышали последние полчаса. В конце концов, его не касалось, как они действовали; вероятно, по тому же принципу, что и его давно утраченный метатель, оставшийся в подземельях Мануна.

Рука священника стиснула перила; напрягая разум, он попытался войти в контакт с кем-нибудь на атакующих судах. Бесполезно. Мощный ментальный щит, равно непроницаемый для его мыслей и любых ухищрений Нечистого, накрывал флот невидимым колпаком. Но он обладал сведениями, которые были сейчас так необходимы там, на кораблях... Он знал нечто жизненно важное, должен был предостеречь, помочь... Иеро с силой опустил кулак на деревянный брус перил; отчаяние сжимало его горло.

Шерстистая рука легла на его плечо, вернув к реальности. Это была М'рин.

«Б'ургх пришел. Он говорит, что много, много злых вышли наружу. Они не видели его. И больше здесь никого нет, мы остались одни в этом каменном гнезде...» Позади Младшей маячила высокая фигура вождя иир'ова.

Почти бессознательно Иеро отметил, что ветер усиливается; теперь он дул с юга, со стороны джунглей. Он снова бросил взгляд на метсианский флот. Что же делать? Из мозга сержанта Нечистого он почерпнул, что где-то поблизости скрывались два секретных корабля, суда с металлическими корпусами, движимые яростной энергией атома. И на их палубах находились орудия, метавшие электрические стрелы-молнии... Сможет ли флот аббатств выстоять против них? Эти новые корабли, хотя и такие громадные, выглядели неуклюжими, как выброшенные на берег черепахи. Он заметил, что суда были заякорены в линию, друг за другом, нос к корме. Видимо, чтобы вести прицельный огонь, они нуждались в полной неподвижности и безветрии. Но если погода переменится...

Он обернулся и взглянул на очнувшегося пленника. Тот едва ворочал головой, бросая испуганные взгляды на Иеро и детей Ветра. Физиономия этого человека показалась священнику довольно мерзкой, но был он сравнительно чистым и хорошо одетым, а башмаки и сверкающий шлем выглядели совсем новыми и дорогими. На его шее висело металлическое изображение желтой спирали, украшавшей плащи мастеров Нечистого. Видимо, он являлся офицером довольно высокого ранга. Прикоснувшись к его мозгу, Иеро без особого удивления встретил непроницаемый барьер защиты.

«Разденьте его!» — передал он иир'ова.

В один миг острые когти содрали с человека куртку и рубаху, обнажив до пояса. На груди у него болтался плоский квадратный медальон на цепочке из голубоватого металла — защитное устройство, которое использовали колдуны Нечистого, чтобы предохранить разум своих слуг. В следующий момент Иеро сорвал его и вышвырнул за ограждение площадки. Затем он вслух обратился к пленнику, используя батви, универсальный язык торговцев.

— Говори правду и только правду — возможно, это сохранит тебе жизнь. Солжешь, и я отдам тебя в лапы моих приятелей.— Он заметил, как человек содрогнулся под безжалостным взглядом желтых зрачков.— Ну, говори! Где секретные корабли? Сколько их тут? Какова численность городского гарнизона? Ожидаются ли подкрепления? Когда? Сколько в них солдат? Где прячутся твои хозяева-колдуны?

Стремительно выпаливая вопрос за вопросом и не дожидаясь ответов, он прислушивался к реакции незащищенного теперь мозга. Его специально обучали подобной технике допроса, и за последний год он настолько усовершенствовался в ментальном искусстве, что сейчас действовал почти автоматически. Пленника не надо было пытать и вытягивать информацию раскаленными щипцами; он просто спрашивал, а затем читал мысли слуги Нечистого.

Этот человек не был трусом и обладал весьма высоким рангом, равным посту командира легиона республики. Его

звали Эблом Горд, и он знал немало интересного. Он пытался лгать, что не играло большой роли для священника, который лишь старался придать лицу безразличное выражение, выслушав очередную побасенку.

Оказалось, что вблизи Нианы есть лишь пара кораблей с извергающими молнии орудиями; их уже вызвали, и они должны были явиться с минуты на минуту. Городской гарнизон еще держался, но оборона могла рухнуть в любой момент, если только флот аббатств не будет рассеян или уничтожен. В самом городе страшные электрические пушки отсутствовали. Нечистый, правда, собрал значительную воинскую силу, но не здесь, не в Ниане, а на какой-то секретной базе далеко к востоку; вряд ли эти отряды успеют на помощь. Еще большая армия формировалась на северном побережье Внутреннего моря, откуда было запланировано вторжение в Канду. Атака метсами оплота Нечистого была полной неожиданностью; республика успела нанести первый удар. Все вызванные подкрепления могли застать лишь пепелище Нианы, и только метавшие молнии корабли могли изменить баланс сил.

Узнав все, что ему требовалось, Иеро пристально поглядел на офицера.

— Ты лгал в ответ на каждый вопрос,— холодно заметил он,— и понесешь наказание.

Резкий жест, сигнал для Б'ургха, был стремительным, но вождь иир'ова действовал еще быстрее; слуга Нечистого не успел вздохнуть, как нож уже торчал в его горле. Иеро окинул труп равнодушным взглядом. Теперь он знал слишком многое о прошлом этого мерзавца, насильника и убийцы, чтобы сожалеть о его смерти.

Перешагнув распростертое тело, он поморщился, заметив капли крови на своих сандалиях, и снова обратил взгляд на военный флот аббатств, продолжавший с методичной пунктуальностью и завидной точностью бомбардировать противника. Ветер крепчал, ворошил волосы на затылке Иеро; он превратился в постоянный ровный бриз и, за исключением отдельных порывов, дул на север, в

сторону моря. «Ветер,— с отчаянием думал священник,— почему в мыслях моих ветер?» Корабли врага идут быстро... серые угрюмые корабли, которым не нужны ни паруса, ни ветер...

Почему же он думал о ветре, несущемся над землей и над поверхностью моря? Почему? Тут в голове у него прояснилось. Он знал ответ!

Быстро повернувшись к своим спутникам, он стал отдавать приказы, перемежая их редкими вопросами. Ментальный совет шел так стремительно, что занял не больше минуты; решение было принято, и маленький отряд начал спускаться вниз по ступенькам.

Нижняя часть здания по-прежнему казалась тихой и пустынной; сквозь широко распахнутые двери тянуло гарью. Вдалеке раздавались крики, стоны и злобный вой лемутов, треск пламени и грохот разрывающихся снарядов. Острие атаки, отметил Иеро, переместилось к западу, словно флот республики двигался в этом направлении. Что ж, это вполне совпадало с его планами.

В полном молчании пять фигур, подобно призракам, выскользнули из древнего храма и заторопились вниз по узкой улице. Иеро шел впереди; в этом людском муравейнике его знания и способности являлись более важными, чем слух, зрение и феноменальная скорость его союзников. Вскоре они достигли маленькой площади и были вынуждены спрятаться за развалинами стены — орущая напуганная толпа прокатилась мимо их убежища. Мельком коснувшись мыслей людей, Иеро понял, что они мчатся в панике, без цели, не разбирая дороги, пытаясь выбраться из-под обстрела. Когда последние фигуры исчезли за поворотом, путники выбрались из-за стены, быстро пересекли площадь и исчезли в дымной пелене одной из улиц. Они ориентировались по слабому уклону в сторону моря, характерному для многих городских улиц. Бросив взгляд на купол оставшейся позади церкви, Иеро решил, что до берега не более нескольких минут хода. Его отряд двигался быстро. Один раз чей-то силуэт возник перед ними, бес-

форменный и безликий в дымной мгле; но, разглядев пять стремительных фигур, едва освещенных бледными солнечными лучами, человек дико вскрикнул и метнулся в переулок.

«Сейчас нам надо действовать еще осторожнее,— передал священник.— Мы приближаемся к воде, там собралось много вражеских воинов. Надо пробраться сквозь их отряды и найти судно».

«Вода недалеко,— ответила М'рин.— Я чувствую ее запах. Хотя в воздухе дым и гарь, от воды тянет свежестью».

Неожиданно, еще раньше, чем предполагал Иеро, морская ширь открылась их взорам. Они бежали по узкому проходу, вымощенному старым кирпичом, хрустевшим под ногами, когда улица вдруг резко оборвалась. Перед ними лежал лабиринт старинных пирсов, наполовину сгнивших и покосившихся, словно спьяну; одни еще возвышались над болотистой почвой побережья, другие пылали, подожженные бомбами или случайной искрой. Ветер продолжал подталкивать их в спины, выдувая из охваченного пожаром города клубы сизого дыма.

Иеро быстро произвел ментальный поиск. Тут не было слуг Нечистого — по крайней мере, вблизи. Он ощущал присутствие большого отряда солдат, но достаточно далеко. Священник прислушался, зная, что вместе с ним насторожили чуткие уши дети Ветра. Грохот метавших снаряды орудий сместился налево, к западу, и благодаря какому-то акустическому эффекту там, где стояли путники, воцарилась относительная тишина. Он мог слышать плеск крохотных волн, набегавших на берег, да шипение огня, пожиравшего очередной пирс.

Затем на глаза ему попался некий предмет, полускрытый одним из покосившихся причалов и чуть заметно качавшийся в ритме набегавших на берег волн. Именно эти слабые колебания привлекли взгляд священника; присмотревшись внимательнее, он проверил окрестности, и ментально, и с помощью глаз стараясь обнаружить что-нибудь подозрительное. Он не нашел ничего, но предостережение инстинкта, более древнего, чем разум, становилось все более ясным. Здесь кто-то был — кто-то, следивший за ними!

Не имеет значения, сказал себе Иеро. Время слишком дорого, чтобы тратить его на проверку смутных подозрений.

«Ждите тут и наблюдайте,— велел он спутникам.— Если вон та штука под деревянным настилом, которая болтается в воде, то, что нам нужно, я дам знать».

Не ожидая ответа, он быстро пересек открытое пространство и устремился к причалам. Через минуту, оказавшись на борту небольшого суденышка, Иеро столкнулся с его единственным матросом — без сомнения, местным рыбаком.

Должно быть, тот собирался выйти в море — в баркасе лежали весла, корму загромождала сеть. Рыбак был безоружен, если не считать короткого ножа на поясе, который стягивал кожаные штаны; торс его прикрывала фуфайка. Он, по-видимому, собирался отплыть, когда его сразили выстрелом из арбалета — стрела пробила шею рыбака насквозь. Рукояти весел упирались ему в подмышки, и Иеро подумал, что несчастный, еще одна жертва войны, расстался с жизнью в тот момент, когда уже хотел оттолкнуть лодку от причала.

Он сотворил над покойным молитву, полагая, что простой рыбак вряд ли был приспешником Нечистого; затем поднял тело и перебросил его за борт. Пока его спутники, повинуясь призывному взмаху руки, стремительно неслись к пирсу, священник занялся прочной веревкой, привязанной к почерневшей от времени опоре настила. Спустя секунду четверо иир'ова, перепрыгнув узкую полоску воды, очутились в лодке. Иеро сунул весла в уключины и, навалившись на гладкие рукояти, направил суденышко в открытое море.

Позади, с берега, чей-то ненавидящий взгляд впился ему в спину, словно молния, выпущенная из узкой щели притворенного окна. Бледные пальцы судорожно стиснули висевший на голубоватой цепочке медальон; затем, ко-

гда его обладатель принял решение, снова легли на подоконник. Миг, и облаченная в плащ с глухим капюшоном фигура метнулась к выходу.

Маленькое суденышко, футов пятнадцати в длину, резало волны приподнятым форштевнем, подгоняемое сильными ударами весел. Дети Ветра, со сверкающими глазами и вставшей дыбом шерстью, скорчились на дне лодки; пара — на носу, пара — прямо у ног Иеро. Все четверо трепетали от возбуждения и новизны впечатлений, однако они скорей простились бы с жизнью, чем выдали свою слабость. Когда волнение усилилось, иир'ова только прижали к черепу остроконечные уши, терпеливо ожидая команды своего вождя и друга.

Иеро проверил ветер, выбирая оптимальный курс. В его стратегических планах зияли такие прорехи, что лишь редкостная удача могла спасти всю операцию от полного краха. Если бы только продержался южный ветер! Он оглянулся через плечо, наблюдая, как постепенно редеет дым городских пожаров, до сих пор мутной пеленой висевший над лодкой.

Горизонт уже был ясен, и слева от их курса, на внешнем рейде, священник разглядел мачты флота метсиан. Пять дредноутов, при взгляде с воды еще больше похожие на черепах или плывущие по течению крыши амбаров, теперь медленно перемещались обратно к востоку, с еще большим усердием поливая город потоком снарядов. Если клочья дыма, которые нес прибрежный бриз, и затрудняли поиск целей, на интенсивности бомбардировки это не сказывалось. Видимо, разрывов в окутавшем город темном тумане было достаточно для канониров. За дредноутами неторопливо потянулись на восток и парусные суда, ожидая команды к высадке десанта. Над морем продолжал дуть устойчивый южный ветер.

Корабли Нечистого приближались с востока — быстрее любого парусника, стремительнее, чем новые паровые суда республики. Секретные корабли врага шли на выручку Нианы, вызванные темными мастерами, и их страшные орудия были готовы сокрушить флот метсов.

Иеро не питал надежд на победу в морской баталии.

Метсианские паровые дредноуты были достаточно сильны, чтобы внезапной атакой захватить порт, но он не сомневался ни на минуту, что им не выстоять в сражении с кораблями Нечистого. Конечно, эти новые суда спроектированы и построены по распоряжению Совета аббатств и отца Демеро, но их инженеры не располагали временем, чтобы добиться той мощи и быстроходности, которая отличала корабли противника. Священник с ужасом представлял, как запылает флот республики, эти огромные, похожие на плавучие форты дредноуты, под ударами молний. Гроза надвигалась с востока и становилась все ближе!

«М'рин,— торопливо передал он,— приготовься! Торопись, враг приближается! Нам надо лечь на дно, чтобы лодка казалась пустой. Это вызовет меньше подозрений».

«Она уже начала,— отозвался Б'ургх.— А я — я вижу этих безволосых обезьян! Как быстро они мчатся по воде!»

Теперь и сам Иеро заметил их — две темные точки, стремительно летевшие с востока; они росли с каждой минутой. Он стиснул кулаки. Если бы только он мог пробиться сквозь ментальный барьер, окружавший его соратников, и сообщить им, что происходит! Нырнув вместе с иир'ова за низкий борт лодки, он постарался успокоиться. Внезапно священник ощутил волну ужаса, взметнувшуюся над их суденышком, и возликовал в душе. Сумка, висевшая на поясе М'рин, была раскрыта, и руки ее лихорадочно двигались, что-то растирая, смешивая, пересыпая из ладони в ладонь. Темный животный страх исходил от нее; он как будто совсем не действовал на иир'ова, но тело человека отзывалось каждой клеточкой, каждым нервом! «Ветер смерти» обрел крылья и взлетел над морем в поисках жертв. Он понесся вперед вместе с клубами темного дыма от чадивших пирсов, придавая им смертоносную силу ядовитых газовых атак далекого прошлого.

Иеро бросил торопливый взгляд на запад. Там все шло хорошо: флот аббатств вытянулся в линию вдоль побережья, готовясь высадить десант. Большие дредноуты прекра-

тили бомбардировать город, парусные суда огибали их защитный строй, направляясь к берегу.

«Они пришли,— сообщил Б'ургх.— Сейчас мы увидим».

Иеро зажмурил глаза и начал молиться. Он сделал все, что мог; теперь оставалось уповать лишь на милость Божью. Еще мгновение, и колдуны Нечистого почувствуют силу этого оружия, как это случилось в прошлом, когда иир'ова, сбросив цепи рабства, вырвались на свободу.

Он молился, пока не услышал знакомые звуки, которых ждал с ужасом и отчаянием. Молнии Нечистого! Казалось, воздух наполнился шипением и потрескиванием. Неужели враги собирались уничтожить их крохотное суденышко? Один выстрел мог испепелить их всех во мгновение ока! Не в силах больше сдержаться, Иеро чуть приподнял голову над бортом. Остальные последовали его примеру, и теперь все пятеро с благоговейным страхом наблюдали картину морской баталии.

Колдуны Нечистого, что направляли бег стремительных узких кораблей, явно не собирались прибегать к тактическим ухищрениям. Это им не требовалось; их таинственные корабли намного превосходили в скорости и смертоносности любого мыслимого врага. Хищные темные корпуса устремились прямо к метсианскому флоту, а орудия на их палубах со всей возможной быстротой извергали огненные стрелы. Корабли двигались близко друг к другу, будто соревнуясь в стремлении насладиться безнаказанным убийством. Казалось, они даже не заметили одинокую лодку, дрейфующую в четверти мили к югу от их курса; впереди ждала более крупная и соблазнительная добыча.

Молнии били в цель. Как и опасался Иеро, страшные орудия Нечистого превосходили по дальности боя неуклюжие пушки метсианских дредноутов. Уже задымилось одно из неповоротливых судов, в корпусе его зияла большая пробоина, однако оно еще держало строй. И священник понимал, что флот республики будет сражаться до последнего, пока на плаву останется хоть один корабль, а на его палубе — хоть один живой боец. Он снова взмолился о чуде,

глаза его слезились от дыма и горечи — ибо что могло быть тяжелее, чем бессильное сожаление о гибнущих соратниках!

И чудо, как бывает иногда, когда мужество и стойкость нуждаются в поддержке, свершилось.

Оба корабля Нечистого, обтекаемые и стремительные, еще целились острыми форштевнями в метсианский флот, но экипажи их внезапно обезумели. Иеро увидел, как идущее левее судно вдруг резко вильнуло в сторону и ринулось прямо в борт своему соседу. Треск и шипение орудий, метавших молнии, смолкли, и скорчившиеся на дне лодки мореплаватели услышали дикие вопли, что неслись над молчаливыми водами. Корабли с грохотом столкнулись, и крохотные фигурки, размахивая руками, посыпались в море; остатки обеих команд, охваченные смертным ужасом, искали спасения в волнах. Затем наступил конец. Ближайший к берегу корабль неожиданно отвернул в сторону и, вздымая гигантскую волну, устремился на мелководье. Струйка дыма показалась над темным корпусом, затем — ослепительная вспышка взрыва, заставившая пятерых в лодке зажмурить глаза. Последовал чудовищный грохот; Иеро и люди-кошки прижались к смоленым доскам, прикрывая головы руками. Удар обжигающего ветра обрушился на лодку, ее экипаж замер в ужасе под хлынувшим через борт потоком воды.

Переборов панику, Иеро приподнялся — как раз вовремя, чтобы заметить набегавший яростный вал. Он бросился к веслам и одним движением развернул суденышко носом к огромной волне. Оно высоко взлетело, на миг зависнув на гребне, затем рухнуло вниз, в глубокое зеленоватое ущелье. Напрягая все силы, бешено работая веслами, священник удержал лодку поперек волны; вторая и третья были гораздо ниже, и он справился с ними без труда. Затем, бросив весла и потирая горевшие ладони, Иеро кивнул остальным; теперь они могли встать и полюбоваться на результаты своих усилий.

Там, где корабли Нечистого встретили свой конец, крутилась расширяющаяся воронка, и южный ветер сглажи-

вал ее, посылая череду невысоких волн. Обломки дерева, снасти и шпангоуты покачивались на воде, искореженные и раздробленные мощным взрывом. Но ни единого тела, ни мертвого, ни подающего признаки жизни, не замечалось. Мрачные таинственные корабли, столь долго державшие в страхе южное побережье, исчезли, растворились вместе со своими командами из лемутов и человеческого отребья, вместе с темными мастерами, повелевавшими на их палубах.

На носу рыбачьего баркаса, сокрушившего силу Нечистого, сидела М'рин; на коленях — кожаная сумка, острые ушки стоят торчком, на выразительном личике — широкая улыбка, приоткрывавшая острые зубы. «Ветер смерти» помог одержать победу над врагами ее племени — такую победу, о которой они даже не могли мечтать. О ней будут петь у родных очагов, она сохранится в легендах для грядущих поколений! Безгубые рты иир'ова растянулись в торжествующих ухмылках, и низкий горловой звук, то ли рычание, то ли смех, затопил лодку. Они радовались, они были переполнены счастьем: те, кто осмелился когда-то наложить цепи на вольных детей Ночного Ветра, мертвы!

Иеро улыбался, наблюдая за сверкающими глазами и вздыбленными загривками своей команды. Он с удовольствием присоединился бы к их дружному хору, если бы обладал вокальными способностями. Но вместо того священник вознес молчаливую молитву Создателю. Он, Всемогущий, податель всех благ, даровал им удачу! И время, и место, и оружие, сразившее Нечистого, были выбраны верно! Но никто не мог рассчитывать, что такие чудеса будут продолжаться бесконечно, и потому полагалось приступить к делу. Выиграна только первая стычка в кровопролитной битве, в тяжелой войне, которая растянется на долгие годы и многие мили.

Он с сожалением прервал триумфальную песнь детей Ветра, вернув их к суровой действительности.

«Друзья,— его ментальная речь была наполнена дружелюбием и теплотой,— сражение еще не закончено. Нам

надо действовать — и в первую очередь встретиться с моим народом. Вот то, ради чего я проделал такой длинный путь с юга.— Он вытянул руку в сторону метсианских кораблей, на палубах которых царило легкое замешательство, вызванное столь внезапным и эффектным концом баталии.— Успокойтесь и сядьте; сейчас я постараюсь подплыть ближе к этим большим лодкам. И молитесь Ночному Ветру, чтобы мои приятели не обрушили на нас свои громы прежде, чем разберут, кто мы такие».

Впрочем, это оказалось несложным. Метсианские боевые корабли неторопливо перемещались вдоль линии побережья, и маленькое суденышко, устремившееся к флоту, было тут же замечено. Передовой дредноут замедлил ход, клубы дыма, извергаемые двумя высокими трубами, исчезли, из рулевой рубки на носу появилась группа людей. Заметив, что пара пушечных жерл развернулась в их направлении, Иеро бросил весла, встал и скрестил руки над головой. Затем он медленно осенил крестом свою широкую грудь — так, чтобы на судне могли ясно разглядеть этот жест и понять его смысл.

На миг наступило молчание; он стоял неподвижно, рыбачья лодка тихо покачивалась на волнах. Затем баситый голос, усиленный рупором мегафона, проревел:

— Ну, поглядите-ка на эту грязную рожу! На это тощее брюхо! На голодную ухмылку этого пожирателя навоза! Я же говорил вам, что даже лысая бестолочь Нечистого побрезгует подвесить за ребро самого тупоумного и бесполезного священника аббатств! Он таки жив!

Иеро с облегчением рассмеялся.

— Что ты делаешь на этом плавучем гробу — ты, старый лесной хорек? Вот уж не думал, что тебя возьмут в плавание. Ведь ты так боишься воды, что отродясь не мылся!

Огромный человек поглядывал на него с борта судна с небрежной благосклонностью. Пер Эдвард Маларо не уступал ростом самому высокому иир'ова, весил вдвое больше и обладал бычьей силой, а также пухлой щекастой физиономией невинного дитяти. Кроме того, он являлся ве-

тераном стражей границы, умелым бойцом и одним из лучших друзей Иеро; они встретились впервые в школе аббатств, еще десятилетними мальчишками.

— Кто там с тобой, коротышка? Ну, тебе сильно повезло! Ты видел, что мы сейчас сделали? Мой корабль и четыре остальных?

Иеро взялся за весла и подгреб к массивному корпусу судна. Затем он поднял насмешливый взгляд вверх, на столпившихся у борта людей.

— Вы сделали? Вас всех — и тебя, толстяк,— объедали бы сейчас крабы на дне морском, если бы не эти мои приятели.— Священник кивнул в сторону четырех иир'ова.— Ты думаешь, что отродья Нечистого сошли с ума и протаранили друг друга, испугавшись твоей немытой физиономии?

Глаза пера Эдварда сузились, на широком лбу пролегла морщина; какая-то смутная мысль бродила в его голове. Наконец он кивнул:

— Значит, это был ты? Что ж, я мог бы и догадаться... Ты уже не раз натягивал нос этим грязным выродкам... И хвала Создателю за это! Теперь слушай: давай-ка быстро на борт! У нас новая ментальная защита, слишком прочная, чтобы я мог говорить с твоими приятелями. Залезайте сюда, пойдем на мостик и примемся за работу. Скоро войне конец! Мы выметем это змеиное гнездо!

В одно мгновение все пятеро оказались наверху и, миновав узкий проход, по скошенной к воде палубе направились к мостику. Они встали там, разглядывая недавно покинутый город, пока пер Эдвард отдавал приказы. Мигом позже грохот большого орудия где-то под ними и дрожь палубы указали на возобновление бомбардировки. Выбирая минуту между командами рулевым, канонирам, сигнальщикам и десятком других дел, пер Эдвард засыпал гостей отрывистыми вопросами. На нем были кожаные штаны и куртка, обычное одеяние стражей границы, но над козырьком фуражки Иеро увидел серебряный значок, с которым никогда не встречался прежде. Он пригляделся. Кораблик с

квадратным парусом был изображен так, словно он смотрел на него спереди; под ним — скрещенные якорьки, окруженные извивающейся цепью.

— Что это такое? — повторил пер Эдвард вопрос Иеро.— О, мы все носим этот знак, отец Демеро раскопал его в каких-то древних книгах. Обычная глупость, я полагаю, но людям нравятся такие вещи. У нашего адмирала — а им стал полковник Бирейн — золотой значок; капитаны носят серебряный, а у тех, кто рангом пониже, кораблик из бронзы. Мы теперь моряки, друг мой...— Он хмыкнул, поглядывая на пылающий город.— Нам хватило времени, чтобы собрать металл для пушек. Эта бронза, я полагаю, доставлена из какого-то древнего города. Корпуса судов? Нет, они не металлические, всего лишь дерево, но их армировали пластинами керамического материала. Неплохая защита от огня и всего прочего... Конечно, кроме этих дьявольских пушек, что мечут молнии. Готов допустить, мой мальчик, что в этот раз мы сохранили головы лишь благодаря тебе. Эй, рулевые! — Он повернулся лицом к команде.— Куда правите, медные лбы?! Решили, что это каноэ? При таком курсе мы расстреляем соседа, а не доки! Левей, болваны! Да, корабли...— Он снова обращался к Иеро.— Ну, отец Демеро собрал моряков с западного побережья на озере за Намкушем. Прекрасное озерцо, знаешь ли, и народ Плотины помог перекрыть речку, что вытекает из него. Они теперь сотрудничают с нами... Многое изменилось с тех пор, как ты отправился геройствовать на юг, мошенник!

Он погрозил Иеро пальцем толщиной с доброе топорище, потом снова начал реветь на парней, стоявших у огромного двойного рулевого колеса. Через минуту пер Эдвард опять повернулся к приятелю:

— Да, так мы о кораблях... Понимаешь, тут нет ничего нового. Бог знает, откуда взялись все нужные сведения, но выглядело это так: мы задавали вопрос, и нам отвечали. Довольно быстро, надо сказать. Думаю, помогли записи,

что хранятся в аббатствах. Там есть что угодно... Как построить все эти проклятые штуки и разные машины... Они называются «паровыми двигателями высокого давления», и мы разнесли две штуки в клочья, прежде чем научились управляться с ними. К счастью, никого не задело... Старые корабли, которые мы копировали, строились так же, но с железными корпусами. Ну, столько железа нам было не набрать, во всяком случае быстро. Но мы откопали состав этой керамики — она похожа на кровельную черепицу, но раз в двадцать прочнее. Хорошая штука... Теперь я даже рад, что нам не хватило железа... Один удар проклятых электрических стрел мог поджарить всех нас как на сковородке! Одним словом, мы построили пять таких кораблей, Народ Плотины открыл свои шлюзы, и мы отправились вниз по реке к Намкушу... и прибыли туда, дай-ка вспомнить... ранним утром три недели назад. Мы тащили за собой баржи с двумя легионами, и через полчаса город был наш. Ни один корабль не удрал из гавани! Слуг Нечистого там было немного, но шпионов — торговцев, пиратов и всякого отребья — выше макушки. Мы посадили всех под замок, допросили и часть мерзавцев повесили. Затем реквизировали пиратские корабли и те суда, что побольше, а к остальным приставили охрану; никто не мог предупредить Нечистого. Ну и двинулись мы вдоль побережья к югу, со всеми этими парусниками на хвосте... Шли довольно медленно, но вот мы здесь... Что тебе, сынок?

Остроглазый юноша примчался с кормы и встал навытяжку, подняв руку в салюте.

— Приказ адмирала, сэр. Двигаться к побережью и следить за его сигналами. Он дает команду парусникам пройти сквозь наш строй и высадить десант. Корабли должны прикрывать пехоту.

— Ясно. Эй, внизу! Прекратить огонь и ждать команды! — Он оторвался от переговорной трубы и первый раз пристально посмотрел на детей Ветра.— Твои друзья могут получить кресла в первых рядах, старый бродяга. Значит,

так: один большой разбойник, два молодых бандита на подхвате и эта... настоящая красотка! Где ты их подцепил? Никогда не слышал о таких лемутах... извини, чужаках.

Его взгляд, восхищенный и откровенный, скользнул по округлым формам М'рин, моментально преодолев естественный барьер между двумя расами. Младшая сердито прижала ушки, но промолчала.

— Полегче, парень,— осадил приятеля Иеро.— Эта юная леди, что так сердито на тебя поглядывает, недавно обратила в прах два корабля Нечистого — те самые, что могли превратить твое корыто в погребальный костер. Хочешь, чтобы она и с тобой проделала такую же штуку?

При этом поразительном сообщении глаза пера Эдварда расширились, но он слишком хорошо знал Иеро, чтобы сомневаться в его словах. Склонив голову перед столь необычными гостями, капитан метсианского дредноута с изысканной вежливостью произнес:

— Я счастлив встретить таких храбрых воинов, друзей моего старого товарища. И я приношу глубокую благодарность от всех нас за помощь — она была весьма своевременной. Те, кто возглавляет наш народ, вожди и мудрецы, скажут вам то же самое при встрече. А сейчас мы рады считать вас дорогими гостями и союзниками на борту этого судна. И все, что мы можем сделать для вас, будет сделано. Вам надо только сказать.

Иеро перевел речь приятеля и стал ждать, любопытствуя, кто же ответит. Оказалось, что Б'ургх; видимо, военный вождь все же считался главным среди четырех иир'ова, несмотря на высокое положение М'рин в прайде.

«Мы благодарим тебя в ответ. Мы пришли издалека, чтобы помочь нашему другу Иеро и его народу. И мы хотим сражаться с теми, кого вы зовете слугами Нечистого; наше название для них еще хуже. Загляни в разум каждого из нас, и ты убедишься, что мы желаем только искренней дружбы. Нельзя ли, однако, сделать так, чтобы мы могли дышать чистым воздухом? Запах от города и от твоей пла-

вающей в воде большой черепахи угнетает нас... Можно ли сделать его не таким сильным? Если нет, мы потерпим. И я обещаю: мы пойдем туда, куда пойдешь ты, будем есть, пить и сражаться вместе с тобой, и умрем, если будет нужно, с твоими воинами».

Закончив перевод, Иеро заметил, что слова огромного иир'ова произвели впечатление на его друга.

— Пожалуйста, скажи им,— торопливо начал пер Эдвард,— что я постараюсь при первой возможности перевести их на вспомогательное парусное судно. Там воздух почище... нет этого дыма и угольной пыли. Честно говоря, меня и самого временами мутит от запахов... Ну, ладно, а теперь мне надо прикрывать высадку десанта. Гляди, первый парусник уже приближается к берегу.

Пока шла беседа, корабли со стражами границы миновали строй дредноутов и начали с осторожностью продвигаться к вытянутым в море причалам. Разговоры на мостике смолкли; все застыли в напряжении, всматриваясь в берег и ожидая контратаки. Иеро попытался вытянуть к городу ментальный щуп, но наткнулся на непроницаемую стену. Барьер, который воздвигли аббатства над своим военным флотом, был непроницаемым изнутри — так же, как и снаружи. Священник не мог ни послать, ни принять сообщение; его ментальные силы были ограничены палубой корабля. Шепотом он сообщил об этом перу Эдварду.

— Да, правильно, аббат Демеро предупреждал нас. И еще я слышал, что за последний год ты стал прямо рекордсменом в таких вещах! Теперь у нас много народа занимается этим... наверно, они будут счастливы заполучить тебя обратно! А что касается щитов... Знаешь, большие люди — я имею в виду Совет — решили, что в наших рядах есть пара-другая мерзавцев, а потому каждому навесили эти штуки. Так что утечка любых сведений исключена.

Иеро кивнул, и они обратились к созерцанию стройных шеренг пехоты, шагавших мимо причалов к затянутым дымом узким улочкам, что вели в центральную часть Ниа-

ны. Кроме отдаленных воплей, доносившихся сквозь треск и шипение огня, других звуков не было слышно. Не замечалось и каких-либо попыток к сопротивлению — во всяком случае, на территории порта. Второе парусное судно подошло к пирсу, и с него хлынул поток воинов. Офицеры — некоторых из них Иеро знал — выкрикивали команды, строили своих людей и вели их в глубь городского лабиринта. Один корабль за другим причаливал к берегу, выплескивая свой человеческий груз, пока Иеро не подсчитал, что в город вошли уже два полных легиона, не меньше четырех тысяч бойцов.

Чувство невольной зависти охватило его. Он был офицером разведчиков-рейнджеров, элитных частей военных сил аббатств, и сейчас не мог сдержать желания, немного детского, как он сам понимал, ринуться вместе со стражами границы на завоевание Нианы. Частично его ощущение было условным рефлексом профессионального солдата, у которого чешутся руки в предвкушении битвы. Но он был достаточно мудр, чтобы глубже разобраться в собственной душе. Целый год он не видел людей своего племени. Он прошел тысячи миль, подаривших ему новых друзей, жену, новое положение — все, о чем стоило мечтать. Однако новое оставалось новым, а сейчас он чувствовал себя так, словно вернулся к родному очагу. И пока монолитные ряды пехоты пересекали предпортовую площадь, исчезая в разверстых зевах улиц, ему страстно, до боли захотелось стать одним из этих парней, рядовым бойцом роя, стаи, легиона, корпуса. Чувство, древнее как мир! Иеро не догадывался, что в этот миг его глазами смотрит один из ветеранов-легионеров, что пронесли римских орлов от болот Британии до обожженных солнцем плоскогорий Ирана.

Однако он был не только солдатом; он был еще и священником.

И невольно слова благодарности Творцу начали складываться у него в голове; Господь благословил его, дозволив лицезреть поступь воинов Божьих по земле врага. Он знал, что лишь гордости своей обязан этим смятением ду-

ши. Господь благословил его и не раз вел к победе; Он даровал своему рабу много больше, чем тот потерял, и пер Дистин, смиренный служитель Божий, ни в чем не мог упрекнуть Создателя. Но как он хотел бы маршировать в этих молчаливых шеренгах!

Его раздумья были прерваны некоторым оживлением, воцарившимся на мостике. Кто-то подымался по трапу — несколько человек, как Иеро успел мельком заметить, но все взгляды были прикованы к первому из них. Он был уже немолод и почти лыс — редкий случай для чистокровного метса. По гладко выбритому лицу было трудно угадать возраст — он мог быть любым, от сорока до шестидесяти. Он не носил фуражки, но левый рукав украшала знакомая эмблема — золотой якорь и кораблик с распущенным парусом. В остальном его одежда казалась столь же простой, как у остальных, но ни один из стоявших на мостике моряков не сомневался, кто к ним прибыл.

Быстро повернувшись к Иеро, адмирал ответил на его салют и произнес:

— Пер Дистин? Рад приветствовать тебя, сын мой. Юстус Бирейн, милостью Божьей командир этой эскадры. Я слышал странные вещи насчет тебя...— он сделал паузу,— и твоих друзей. И если все понял верно, то, значит, корабли Нечистого были уничтожены благодаря твоим усилиям? Расскажи-ка мне все с самого начала.

Это потребовало времени. Затем Иеро представил детей Ветра, и адмирал, быстро установивший с ними ментальный контакт, произнес все приличествующие случаю благодарности и комплименты. Одновременно он раздавал указания посыльным и курьерам, подходившим непрерывной чередой.

Прислушиваясь к их докладам, Иеро получил собственное представление о том, как шли дела. Казалось, сопротивления, кроме незначительных стычек, не было. Город выглядел пустым — видимо, охваченные паникой жители покинули его. Войска республики продвигались вперед без затруднений. Малочисленные отряды лемутов, которые рис-

ковали ввязаться в бой, полегли на месте. Ни одного из темных мастеров найти не удалось. Некоторые улицы были завалены трупами сотен людей, мужчин и женщин. Кое-где начались грабежи, но им тут же был положен конец. Твердая рука аббатств сомкнулась над Нианой.

— Я предлагаю, сэр,— заметил Иеро,— чтобы наши офицеры допросили пленных и выяснили, где находится вражеский центр. Тут была очень крупная база, и у них не хватило времени, чтобы все уничтожить. Вряд ли мы схватим кого-нибудь из главарей, но они не могли обходиться без помощников и слуг. Можно многое узнать, и я думаю, что самое важное скрыто под землей... Так что скажите нашим людям — пусть, ради бога, будут поосторожнее, когда полезут вниз.

Бирейн в молчании с минуту глядел на него; видимо, он не привык выслушивать советы от молодых соратников, и к тому же высказанные столь твердым тоном. Иеро выдержал его взгляд. Он был принцем Д'Алви и справедливо полагал, что испытания последнего года сделали его равным любому из высших офицеров. Наконец адмирал отвернулся и посмотрел на пылающий город. Пер Эдвард затаил дыхание, ожидая взрыва. Но, не обладай Бирейн острым умом, он не стал бы крупным военачальником. Слабая улыбка коснулась его губ; это было все.

— Ты прав, пер Дистин, мне самому стоило бы об этом подумать. Готов ли ты высадиться на берег? Я дам тебе людей; можешь обшарить все подвалы в Ниане. Ты лучше нас знаешь, где и что искать.

Итак, Господь услышал Иеро и явил очередную милость. Через несколько минут священник уже шагал мимо пирсов и причалов к городу; за ним торопились четверо иир'ова и десяток метсов-пограничников под командой сержанта. Один из молодых офицеров, адъютант Бирейна, проводил их на центральную площадь, куда была согнана сотня пленников. Иеро представился охранявшему их капитану и приступил к проверке — и зрительной, и ментальной.

Вдруг он указал на рослого человека, пытавшегося пробраться в последний ряд группы захваченных.

«Ну-ка, притащите сюда вот этого... да разденьте его! Думаю, у него на шее кое-что висит».

Под удивленными взглядами метсианских солдат четверо иир'ова ринулись в толпу и мгновенно содрали с человека куртку и рубаху. Получив голубоватую металлическую пластину, Иеро швырнул ее наземь и раздавил ударом каблука, не спуская пристального взгляда с вражеского офицера. Затем он произнес на батви:

— У тебя есть шанс сохранить жизнь, приспешник зла, один-единственный шанс. Скажи правду: где расположен центр колдунов?.. где находятся их записи?.. где ваши дьявольские машины? Поторопись! Секунда отделяет твою душу от вечности... если у тебя, конечно, есть душа.

Офицер Нечистого не был трусом; возможно, он бы не дрогнул, приняв смерть от пики или меча в открытом бою. Но эти огромные создания, внезапно схватившие его... их устрашающие когти, вмиг содравшие одежду, явившие свету тайный знак доверия хозяев... их яростные пылающие глаза... Слуга Нечистого был сломлен, устрашен! Захлебываясь слезами, он рухнул к ногам Иеро.

— Пощады! — Он попытался облобызать пыльную сандалию священника, но тот с отвращением отдернул ногу.

— Ты проживешь до первой лжи, слетевшей с твоих грязных губ! Слушай и отвечай!

Это получилось лучше, чем надеялся Иеро. Пленник оказался третьим по должности среди командиров сил городской обороны и знал многое. С веревкой на шее, он повел отряд Иеро через площадь к ближайшей башне. В стене ее была маленькая неприметная дверь, с трудом поддавшаяся усилиям солдат; за ней, как и ожидал священник, истертые скользкие ступени вели вниз, в темноту.

Им пришлось подождать, пока не принесли факелы. Затем люди и иир'ова, возглавляемые пленником, держа оружие наготове, приступили к спуску. Лестница уходила вниз, вниз, вниз; она тянулась бесконечной спиралью, иногда переходя в маленькие площадки без дверей. Когда наконец показался голубоватый свет, позволивший погасить факелы, Иеро понял, что они находятся очень глубоко под землей.

Вместе со спутниками он очутился в сыром и узком каменном коридоре, уходившем в обе стороны. Холодное голубоватое сияние светильников, закрепленных на потолке через равные промежутки, не скрывало ничего; здесь царила мрачная тишина. Иеро подтолкнул пленника вперед острием копья. Жест был достаточно красноречив, и тот, повернув налево, уверенно направился по коридору. Остальные последовали за ним в молчании, которое нарушалось только звуком шагов да случайным звоном оружия.

Они прошли довольно большое расстояние, не найдя ничего, кроме пустоты, когда Иеро, подняв руку, велел отряду остановиться. Разум его прикоснулся к чему-то, и в следующий миг он с гримасой отвращения понял, что это было. Священник бросился бегом по коридору, безжалостно подгоняя впереди себя пленного. Внезапно каменные стены разошлись, и отряд очутился в большой овальной комнате, по периметру которой шло множество небольших дверей. И все они были распахнуты! Тошнотворным запахом смерти и крови тянуло из них — столь явственно, что люди на секунду замерли. Одного быстрого взгляда в каждую из камер оказалось достаточно. Мужчины, женщины, даже дети — злоба Нечистого не миновала никого. Все были скованы цепями, и все были мертвы. Раздробленные кости и плоть, страшные раны от мечей и топоров показывали, как пленники встретили конец; и, вероятно, смерть являлась самой большой милостью, которой они могли ждать от своих тюремщиков. Теперь Иеро не сомневался, что там, в коридоре, поймал последнюю вспышку агонизирующего сознания.

— Раны свежие, сэр,— сказал сержант.— Должно быть, мерзавцы только что сбежали.

— Да, и мы последуем за ними. Теперь глядите повнимательней. Негодяй, что ведет нас, говорил, что главная

камера впереди. Проход тянется прямо туда... Ну, парни, за ними!

Трое мастеров Нечистого, не успевшие ускользнуть на поверхность или воспользоваться для бегства секретным туннелем, были обнаружены в большом помещении в конце коридора. Возможно, им удалось бы сбежать, если бы их не задержала последняя вспышка садистской жестокости, с которой они перерезали беззащитных заключенных. Когда Иеро со своими людьми ворвался в обширную комнату, они еще не успели отворить тайную дверь, скрытую за портьерами. Вместо этого все трое пытались уничтожить огромный проволочный экран. Световые точки, что раньше двигались на нем, уже погасли, но колдуны Нечистого хотели превратить этот нервный центр Желтого круга в кучу обломков; видимо, они не ожидали, что их выследят так скоро. Серые одеяния адептов, запятнанные кровью, взметнулись, когда они сделали шаг навстречу атакующим. Их руки крепко сжимали оружие, но три высокие гибкие фигуры скользнули вперед, и колдуны захлебнулись собственной нечистой кровью.

Подняв взгляд от распростертых на каменных плитах трупов, Иеро осмотрел комнату и попытался сообразить, что же ему удалось найти.

Глава 10

СНОВА НА СЕВЕР

Его преподобие Кулас Демеро, глава Совета аббатств республики Метс и главнокомандующий республиканской армии, был очень занятым человеком. Худое смуглое лицо аббата прорезали морщины усталости — он слишком мало спал. Характер его, и в молодые годы весьма вспыльчивый, теперь напоминал сухой трут; и горе тому несчастному, по чьей вине он потерял бы без пользы хоть минуту.

В этот момент он проводил некое совещание, в ходе которого возникли кое-какие трудности. Ему приходилось

одновременно сдерживать свой темперамент и пытаться понять собеседника. Не в первый раз, и даже не в десятый, он пожалел об отсутствии брата Альдо, главы эливенеров и своего тайного союзника на протяжении долгих лет. Аббат обладал превосходным мозгом — как, несомненно, и это создание напротив,— но он был гуманоидом, а оно — нет! Аббат мог использовать свои ментальные силы, чтобы повлиять на умонастроение любого человека в республике. Но только — человека!

Он вздохнул и попытался вникнуть в мысли своего собеседника. Чароо, главного строителя народа Плотины — так, за неимением лучшего, звучал на языке людей его титул,— было нелегко понять.

Чароо, даже присев на задние лапы, казался столь же высоким, как старый священник, и обладал гораздо большей массой. Его тупо срезанная голова с огромными резцами напоминала бочонок, маленькие уши были плотно прижаты к массивному черепу. Он не носил одежды и не нуждался в ней; плотный темно-коричневый мех покрывал его тело от головы до основания огромного голого веслоподобного хвоста. Он сделал жест когтистой лапой — на удивление осторожный и точный жест, если учесть массу его тела; его глаза-бусинки ярко блеснули в попытке сформулировать мысль так, чтоб сделать ее понятной для человека. От него тянуло острым запахом бобровой струи и мускуса, заполнявшим небольшую комнату. Демеро, с трудом превозмогавшему кашель, почудилось, что они находятся не в человеческом жилье, а в норе Чароо на некоем отдаленном озере.

«Не можем — (непереводимо) — уничтожить зло, если не — (непонятная мысль) — (невероятный образ) — вода. Водный народ — (отрицание) — мы должны — (мысль о каком-то определенном месте) — (снова отрицание) — не можем покинуть. Должны быть *там* — (утверждение) — (конец передачи)».

Огромные мутировавшие бобры возникли, подобно многим другим существам, вскоре после Смерти. Робкие, ли-

шенные агрессивных инстинктов, они распространились в далеких и забытых северных озерах. Медленно, очень медленно, после многих случаев, когда водный народ помогал раненым охотникам или разыскивал и возвращал потерявшихся детей, люди прониклись уважением и доверием к нему. Долгие годы в районах совместного обитания обеих рас действовала система молчаливого товарообмена. И хоть метсы никогда не причинили бы вред кому-либо из водного народа, они не стали друзьями. Каждый держался своего рода; гуманоиды избегали озер, занятых народом Плотины, а те были нечастыми гостями в человеческих поселениях. Они предлагали свои товары — строевой лес и корни целебных растений — в обмен на ножи, металлические орудия и овощи, но этим исчерпывалось сотрудничество. В аббатствах имели представление об их высоком интеллекте, но лишь сравнительно недавно выяснили, что гигантские бобры владеют письменностью.

Аббат Демеро, подвигнутый своим приятелем-эливенером, был первым, кто попробовал вступить в переговоры с племенем вод, и его попытка была успешной, так как братство Одиннадцатой заповеди заранее подготовило почву. К тому же в недавнем прошлом отряды Нечистого совершили рейд по северным озерам, обитатели которых имели только две вещи, интересующие темных мастеров: мясо и шкуры! Все это сделало народ Плотины естественным союзником республики, но союз складывался непросто. Бобры были слишком миролюбивы по натуре, и объяснить им предстоящие задачи требовало огромных трудов.

Они с готовностью согласились построить дамбы и прокопать каналы, необходимые, чтобы провести республиканский флот в Намкуш, но аббат желал от них много большего. И он не собирался отступать, хотя его подстерегали определенные трудности. Скажем, иерархическая организация водного народа, которая оставалась тайной за семью печатями. Конечно, Чароо обладал некоторой властью, но насколько она велика? Мог ли он говорить от лица всего народа Плотины или отвечал только за свое собственное поселение?

Мысленно вздохнув, аббат наклонился к собеседнику, чтобы продолжить переговоры. В этот момент с порога подземной камеры долетел низкий хрипловатый смешок. Демеро в ярости обернулся, готовый стереть в порошок глупца, посмевшего прервать столь важную беседу, однако гнев его тут же перешел в радостное удивление.

— Иеро? Сын мой! — Он подскочил к молодому священнику и сердечно обнял его, снова и снова похлопывая по спине.— Я знал, что ты доберешься сюда, но не имел представления, как быстро... Но послушай! Ты должен помочь мне. Я хотел бы понять, что говорит эта... гм... достойная личность. Как ты полагаешь...— Он не закончил фразу, так как Иеро уже застыл перед Чароо в полнейшем молчании. Затем руки его задвигались, производя некие сложные жесты.

Верхние конечности Чароо заплясали в ответ, его круглые маленькие глазки загорелись еще ярче. Старый аббат ощутил биение мысли, наполнившее маленькую тихую подземную комнату. Четыре руки продолжали свой странный танец; сейчас их движения переплетались, словно собеседники ткали невидимую паутину. Это продолжалось минуту, другую, затем оба шагнули назад и замерли, пристально глядя друг на друга.

— Чирруп,— вдруг произнес огромный бобер. Опустившись на все четыре конечности, он прошествовал мимо людей и выскользнул в полуотворенную дверь. Они услышали, как лязгают его когти по камню ступенек, затем Чароо исчез в ночном мраке.

— Ну,— заметил аббат,— надеюсь, тебе удалось добиться большего, чем мне. Но могу ли я поинтересоваться, как ты узнал, что я хочу сказать?

Иеро плюхнулся в кресло и рассмеялся:

— А вот как, досточтимый сэр: прибыв в Намкуш, я тут же отправился повидаться с вами и, к своему стыду, подслушивал с той минуты, как перешагнул порог этого дома.

— Понимаю,— медленно произнес аббат.— Значит, ты уговорил Бирейна послать тебя вперед на одном из его

новых военных кораблей. Нелегкий он человек, этот Бирейн... А твоя сила действительно велика, мой мальчик! Я уже слышал кое-что... Надеюсь лишь, что в сердце твоем сохранился страх Божий, ибо только Он властен давать и отнимать. Не было еще человека, не существовало христианской души, одаренной такой ментальной силой... Понимаешь ли ты, пер Иеро Дистин, что мог бы натворить, будь твой разум во власти зла? — Демеро пристально посмотрел на своего бывшего ученика.

Иеро открыто встретил его взгляд.

— Вы можете исповедать меня, как только захотите, досточтимый отец мой,— спокойно произнес он.— Но не пожелаете ли раньше узнать, о чем говорили мы с Чароо?

На миг в комнате повисло молчание, затем старик хихикнул. Сев в деревянное кресло напротив Иеро, он лукаво улыбнулся и прищурил глаза.

— Да, дерзкий соблазнитель, пожелаю! Я успею еще разобраться с твоими грехами... уверен, что за целый год их накопилось в избытке. А теперь скажи-ка мне, чего хотел этот старый водяной боров.

— Ну, во-первых, у них есть довольно сложный язык жестов, дополняющий мысленную речь. Я извлек некоторые знаки из его мозга, пока вы вели переговоры, используя другую ментальную зону. Их мышление протекает на довольно странных частотах... правда, не таких странных, как у моих новых друзей, которых я вам скоро представлю. Итак, он хочет помочь, но не уверен, что сумеет. Его народ не может удаляться от воды, это очевидно. Но что менее очевидно, так это их ограниченность. Кроме молодых самцов и самок по весне, они не любят покидать свое озеро. У них совершенно фантастическая привязанность к тому, что может быть названо привычным ареалом обитания. Я полагаю, это наследственный признак... Вот что он пытался вам втолковать. У них есть своего рода совет, и он имеет в нем изрядный вес... Они посещают другие поселения и другие озера, но — в этом-то вся трудность — ненадолго. Он старался объяснить вам, что нельзя рассчитывать на его племя, если речь идет о длительных походах и путешествиях. Они просто сойдут с ума.

— Понимаю... Ценные сведения, мой мальчик! Это значит, что если нам понадобится их помощь в большом сражении, то его надо планировать где-то неподалеку от их озер...

— Правильно,— кивнул Иеро,— и лучше всего — на воде. Но сейчас, отец мой, я сам нуждаюсь в помощи.— Он глубоко вздохнул, будто собирался нырнуть в бездонный омут.— Есть ли какие-нибудь новости с юга? Получали ли вы что-нибудь от брата Альдо? Никто на всем флоте не знает, что случилось с моей женой, но у вас, возможно, есть новые сведения... Так что же вы слышали?

Он давно сдерживал свой страх и тревогу, но сейчас был близок к тому, чтобы сорваться. Только высокое ментальное искусство, позволившее закапсулировать все воспоминания о Лучар, позволило Иеро вынести этот груз. Страдание исказило черты молодого священника, и при взгляде на него аббату Демеро захотелось сидеть в любой другой комнате, кроме этой.

— Я полагаю, ты ничего не выяснил у пленников в Ниане? — наконец выдавил он. В определенном смысле это тоже было ответом; правда, не тем, который ему хотелось бы дать.

— Ничего,— тусклым голосом подтвердил Иеро, уставившись в пол.— И никто, кроме проклятых колдунов, не мог дать такие сведения. Мы поймали троих, после зверского убийства десятков людей... и тут же перерезали им глотки.— В комнате, казалось, потемнело, хотя маленький светильник под потолком горел с прежней яркостью.

— Ты заслужил правду,— кивнул Демеро,— по крайней мере, ту правду, которой я располагаю. Брат Альдо и я — старые приятели... мы знакомы дольше, чем ты можешь представить. Много лет я был в контакте с ним, не сообщая ничего Совету республики. Он предупреждал меня о замыслах Нечистого, а я... я пытался привлечь его братство к более активному участию в борьбе. Я послал ему сообщение, когда ты впервые отправился на юг, вот поче-

му он так легко нашел тебя. Давно, очень давно, еще до твоего рождения, он был большим человеком в Южных королевствах.

Он принес найденные тобой книги, благодаря которым мы сумели построить компьютеры, а потом научились пользоваться ими. Вот почему нам удалось так быстро спустить на воду новые корабли... мы почти мгновенно извлекали всю нужную информацию из старых записей. Эти компьютеры сэкономили нам уйму времени... а сейчас — еще больше...

Но, прости! Ты, наверно, хочешь услышать о своей принцессе. Брат Альдо был в Саске не так давно и принес кое-какие новости о Д'Алви; они прошли много миль, чтобы добраться до нас. Там сейчас междоусобица... Не слишком радостные вести, правда? Брат Альдо снова отправился на юг... возможно, сейчас он знает больше.

Молодой священник опустил голову. Да, новости были невеселые! Дела на юге обстояли так плохо, что брат Альдо поспешил туда сам! Однако Лучар знала о мятеже. Ее отец был жив, и она сумела послать вслед Иеро прыгуна с оружием и припасами... она всегда отличалась предусмотрительностью... Что же могло произойти? Внезапно он с бесконечной остротой почувствовал свою беспомощность. Чем он способен помочь ей — тут, на севере, в сотнях миль от побережья Лантика? Оставалось утешаться лишь старой воинской поговоркой: терпи, солдат, в генералы выйдешь!

Когда он повернулся к аббату Демеро, лицо его напоминало застывшую маску.

— Я знаю, отец мой, что вы постараетесь узнать больше и сообщите мне. Ну а я... я ничем не могу помочь Д'Алви, разве что косвенно. А потому вернемся к нашим делам. Говорил ли я, что мы захватили тайный центр Нечистого в Ниане почти неповрежденным? Там находится огромный экран из пересекающихся проволок с сотнями крохотных огоньков. Однако мы нигде не обнаружили источник энергии... во всяком случае, ничего похожего на такой источник. Я попробовал разобраться с этой штукой,

и у меня возникло довольно странное ощущение. Если исходить из наших достижений в ментальной науке, прибор Нечистого — вершина мастерства. И хотелось бы, чтобы на него поглядели лучшие специалисты аббатств по компьютерам. Я подозреваю, что это тоже компьютер, но довольно странный, питаемый ментальной энергией. Так что...

Заметив, что к Иеро вернулся обычный самоконтроль, старый аббат сделал усилие, чтобы вникнуть в его слова. Но за ними, за спокойным тоном своего ученика, он постоянно ощущал темную бездну отчаяния.

Терпи, солдат... Пусть Бог поможет тебе...

Зеленая стена кустарника раздвинулась, и на лесную поляну выскочил огромный черный зверь. Клоц зашагал по прогалине, тяжелый подгрудок мерно мотался под могучей шеей. В центре поляны он поднял голову и принюхался, разбираясь с новостями, которые ветер донес до его широких ноздрей и длинных ушей. Однако он услышал лишь пульсацию крови в тех местах, где со временем на развесистых рогах проклюнутся новые отростки. Он фыркнул, просеивая воздух, напоенный запахом огромных сосен и гигантских дубов. Затем, снова вскинув голову, он заревел: баоо-ох! Трижды эхо подхватывало этот зов, бросая его в лесную чащу. Клоц насторожил уши, словно пытался поймать ответ; но если он и пришел, то был недоступен чувствам.

Далеко, очень далеко — там, где рев лорса превратился в едва уловимый отзвук, другой зверь внезапно замер, прислушиваясь к нему. Горм присел на лохматые задние лапы, его уши и нос подрагивали, глаза застыли в ментальном напряжении. Затем медведь удовлетворенно рыкнул и направился туда, откуда долетел зов.

Клоц внезапно опустил морду и, пошатываясь, с тяжеловесной грацией пересек поляну и исчез в лесу. Он двигался бесшумно, скользя между деревьев словно тень — но тень одушевленная и стремящаяся к определенной цели.

Королевская армия Д'Алви отступала. Все, что время и суровые обстоятельства позволили собрать и взять с собой, было собрано и взято. Многие люди и животные были изранены. Все чаще усталые тела отказывались служить им, исчерпав запасы жизненной энергии. Этой темной ночью, когда никто не имел сил помочь соседу, было так легко потерять упавших наземь воинов и скакунов. Немногочисленные оставшиеся телеги безнадежно отстали, хотя хлысты погонщиков не щадили тащивших их быков.

Возок короля затерялся где-то позади. Часть кавалеристов потеряла своих зверей; усталые и мрачные, они шагали пешком. Выжившие хопперы прихрамывали; почти у всех были повреждены ноги. Остатки разбитого войска тащились в ночи, спаянные воедино дисциплиной и верностью. Но и то и другое быстро убывало.

Случалось, истомленный усталостью человек оборачивался назад и смотрел на красные отблески, игравшие на южном небосклоне. Столица Д'Алви пылала. Многие воины были уроженцами города, там остались их семьи. Они закрывали глаза, пытаясь не видеть, не думать о том ужасе, который царил позади.

Принцесса ехала в авангарде, ее прыгуна все еще окружала плотная группа всадников. Рядом, с правой рукой на перевязи, скакал граф Камил Гифтах, его изможденное лицо было мрачным, но в глазах горел упрямый огонек. У армии не имелось сейчас другой цели, кроме поисков места, пригодного для отдыха и обороны. Все, и люди, и животные, смертельно устали. И никто не сомневался, что утром враг ринется в погоню.

Два дня назад, потерпев поражение в первой битве, армия отошла к городу. Но воины оставались сильны и телом, и духом; никто не сомневался, что они сумеют удержать стены, пока не подойдут подкрепления с востока и запада, рыбаки с побережья и непобедимая пехота му'аманов с великих равнин. Когда это случится, королевское войско вновь выйдет в поле, разъединит отряды восставшего герцога и его союзников, а затем сотрет их в порошок.

Но этого не произошло; случилось нечто ужасное. Мятеж нищих, воров и уличного сброда, подавленный неделей раньше, был всего лишь репетицией, проверившей бдительность стражи. Не успели городские ворота затвориться за последними отрядами королевских войск, как началось светопреставление. Тяжелые решетки, перегораживающие каналы, и люки, что вели к подземным трубам для слива нечистот, оказались в одних случаях поднятыми, в других — незамкнутыми. Из маслянистых темных вод на улицы города хлынули ужасные твари, чудовища, от которых столицу Д'Алви столетиями предохраняли камень и металл. Пока свежие силы атакующих лезли на стены города, внутри него армия боролась с ордами кровожадных рептилий и с паникой, охватившей население. Но это было еще не все. Время от времени стали появляться призраки — странные человекообразные существа чудовищного вида, едва различимые в дневном свете. Они направляли безмозглых рептилий, загоняя их целыми стаями прямо в тыл бившимся на стенах отрядам.

Когда сообщения об этом участились, Лучар собрала совет; немногие вельможи и полководцы, еще оставшиеся в живых, участвовали в нем. И лучшее, что они могли посоветовать,— пробиться в джунгли через северные ворота. Мало кому удалось дойти до леса; большинство полегло на стенах и улицах города. Когда Лучар попыталась оценить свои силы, стало очевидным, что королевская армия сократилась вчетверо, да и эти жалкие остатки состояли из раненых, измученных людей. Тут не было иных возможностей, кроме отступления, вернее — бегства. Да, герцог Амибал и помогавшие ему силы зла оказались слишком могущественными! И если не удастся в считанные дни сплотить и поднять на борьбу всю страну, королевство будет потеряно.

Так размышляла Лучар, покачиваясь в седле в непроглядном мраке южной ночи. Мысли ее были невеселыми. И она так устала! Никто из беглецов не сомкнул глаз больше чем на пару часов за три последних дня.

Где же Иеро? Надежда, что он жив, не покидала ее. Они были связаны так сильно, так прочно, что Лучар не могла поверить, что муж ее ушел в Вечное Странствие. Она ждала и надеялась. Где-нибудь, когда-нибудь он вернется к ней... Ее голова клонилась все ниже и ниже к теплой шее хоппера; она не заметила, как граф Гифтах, подхватив повод из ее ослабевших рук, протянул его одному из гвардейцев. Со вздохом облегчения она позволила себе уплыть в благодетельное беспамятство сна.

Иеро пробудился внезапно. Его узкая кровать стояла у окна небольшой комнаты на третьем этаже массивного бревенчатого здания, нового форта в Намкуше. Койка слабо скрипнула, когда он сел, инстинктивно потянувшись к мечу. Что же его разбудило? Он покосился на распахнутое окно, за которым серебрились залитые лунным светом небеса. Прислушавшись, он разобрал оклик часового и ответ его напарника. С берега доносился слабый плеск волн и другие звуки, слабые ночные шорохи; больше ничего.

Однако что-то случилось, это было несомненным — он привык доверять своему инстинкту. Где-то глубоко в сознании крошечный колокольчик прозвенел тревогой. Затем... затем он услышал едва различимый шорох, доносившийся из коридора,— то ли шум крадущихся шагов, то ли подавленное сопение.

Бесшумный, как смерть, он поднялся с постели, сжимая меч, и шагнул к двери. Он слушал — как всегда, и звуки, и мысли. Ментальная волна не принесла ничего, но звук повторился. Теперь он был уверен — там, по ту сторону двери, кто-то стоит! Кто-то подстерегает его — создание, скрывающее свой разум за ментальным щитом! Но разве мог убийца пробраться сюда, в крепость, которую охраняли сотни зорких глаз?

Внезапно его сомнения были разрешены. Откуда-то снизу, с первого этажа, долетел тревожный сигнал горна — и, словно эхо, со стен и от ворот ответили другие трубные звуки. Враги пробрались в форт!

В тот же мгновение дверь треснула под чудовищным ударом, и массивная темная фигура ввалилась в маленькую спальню; лунный свет играл на лезвии высоко поднятого топора.

Убийца ринулся к пустой постели, но у него не хватило времени осознать свою ошибку. Тяжелый короткий меч Иеро свистнул в воздухе и с ужасной силой врезался между плечом и шеей лемута. Вскрик, сменившийся хрипом агонии, фонтан крови, и все было кончено. Грузное тело рухнуло ничком, застыв на полу в смертельной неподвижности.

Иеро стремительно развернулся к темному проему двери, готовый к схватке, но убийца пришел один. Коридор был пуст, и быстрый ментальный поиск подтвердил это. Однако священник, прижавшись к стене, не двигался, пока снаружи не заплясал свет факелов и гулкий топот бегущих ног не наполнил коридор. Только тогда он опустил меч и шагнул навстречу патрулю.

Через десять минут, когда солдаты покинули комнату, оставив Иеро наедине со старым аббатом, он опустил глаза на порождение ночного кошмара, лежавшее на полу.

— Альдо рассказывал о таких монстрах,— задумчиво произнес Демеро, разглядывая труп.— Кажется, ты бился с одним из них на корабле, когда вы плыли по Внутреннему морю... Мерзкая тварь, даже для лемута! Впрочем, все они мерзкие твари. Что это за чудище?

— Глит. Так назвал его Рок, капитан пиратов, прежде чем мы с Гимпом прикончили обоих.— Иеро посмотрел вниз на серый череп без ушей, безносое лицо и клыки, торчавшие из разверстой в агонии пасти, на могучие конечности, покрытые мельчайшей чешуей. Существо было одето в форму метсианского солдата, но вряд ли ему удалось бы сойти за человека даже в зыбком свете факелов. Его оружие — тяжелый топор — закатилось под кровать священника.

— Как он здесь очутился? — спросил отец Демеро, гневно приподняв брови.— Тревогу поднял один из этих приборов с маятником, изготовленных нашими учеными. Я показывал тебе такое устройство, помнишь?

— Возможно, прибор поднял тревогу, но слегка запоздал.— Встав на колени, Иеро ощупывал труп монстра. Неприятный запах поднялся в комнате, несмотря на открытое окно.— Поглядите, отец мой! Эта тварь имеет ментальный щит — вот эту пластинку на цепочке... Что ж, я так и думал... Бог знает, что предостерегло меня. Может быть, мой разум как-то настроился на присутствие врага... Но времени, сказать по совести, у меня было немного.— Он поднял пластинку голубоватого металла и задумчиво уставился на нее.— Хотел бы я знать, как работает эта штука... Так же, как наши маятниковые устройства?

— Боюсь, наши ученые не слишком-то понимают принцип их действия... Ладно! Предупреждение пришло, хотя и поздновато, как ты сказал. Но все-таки пришло! Тут немало загадок, которые стоит предложить нашим умным головам в Саске... когда я доберусь до них... Но я хотел бы знать,— он подчеркнул эти слова,— как такая мерзкая тварь могла пробраться мимо стражи?

— Думаю, что ответ мне известен: эти монстры обладают колоссальной гипнотической силой. Тот, на корабле, едва не усыпил меня... прежде чем расстался с головой. Стоит пошарить в мозгах у наших часовых — наверняка кто-то из них видел эту пародию на человека и счел его своим. Ну, что еще вас интересует, отец мой?

— Как будто ты сам не понимаешь! Возможно, я впадаю в старческий маразм, но не с такой же скоростью... Выводы очевидны — он искал тебя! Итак, Нечистый выяснил, что ты здесь, и послал убийцу... Затем могут быть посланы другие... Откуда же им известно, что ты в Намкуше? В этом здании? Что ты вообще жив?

— Не знаю. Мне помнится лишь одно: кто-то видел меня в Ниане... Да, иной возможности нет... Они действуют быстро, не так ли? — Глаза Иеро сузились, он пристально оглядел распростертое на полу тело.— Что ж, я могу гордиться! Они действительно ненавидят меня.

Старый аббат усмехнулся:

— Ты всегда пренебрегал классической литературой, Иеро... Так вот, много, много тысяч лет назад, за многими землями и морями, жил могущественный властелин, и было у него любимое изречение. Я уж не помню его имени... даже того, плох он был или хорош... Но его девиз я не забыл. Oderint dum metuant!* Пусть ненавидят, лишь бы боялись! Это на латинском... Вот тебе и ответ! Думаю, что, захвати Нечистый целый наш легион, он с радостью променял бы его на раба Божьего пера Дистина... Ты, мой мальчик, наше тайное оружие, и пришла пора это оружие использовать. Есть какие-нибудь идеи?

— Я полагаю так,— медленно начал Иеро.— Мы должны держать их в напряжении. Если вы дадите мне несколько крепких парней, лучших из рейнджеров, я прихвачу своих котов и выйду на охоту. Пошарим к северу от Пайлуда, на восточных границах Атви. Где-то там враг копит силы. Я думаю, они захотят отомстить за Ниану. Мы не пытались удержать город, но нанесли им чувствительный удар. Их архивы похищены, большой экран разобран и увезен на север, два лучших корабля взорваны, трое мастеров Желтого круга убиты. Ничего подобного с ними раньше не случалось! Теперь нам надо побеспокоиться еще о двух сворах — о С'дане с его Голубым кругом и о Красном; оба — на севере Внутреннего моря. Я знаю, где главная база голубой нечисти — на острове Манун. Где остальные, не имею понятия, но думаю, что наша охотничья экспедиция поможет внести ясность. Наверняка у них не очень много этих кораблей... ну, вы понимаете. Какой бы мощью они ни располагали, металл и высокая технология пока что редкость. Сомневаюсь, что на всем Внутреннем море больше трех таких судов... Одно уничтожил брат Альдо, и два — мои коты. Пожалуй, у них ничего не осталось в запасе.

---

* Слова Атрея из одноименной трагедии Акция (римский трагик, 170–90 гг. до н. э.). По свидетельству Светония, были любимым изречением императора Калигулы. *(Прим. перев.)*

Теперь он вышагивал взад-вперед по комнате; старый аббат в немом изумлении слушал, как Иеро развивает свой план.

— Вы уверены, что подойдут войска из Атви? Кажется, они обещали помощь — еще до того, как я отправился на юг.

— Им надо пройти длинный путь... К тому же они далеко, и Нечистый не так сильно язвит их... Они боятся военных расходов... И, вспомни, Иеро, они не совсем похожи на нас. В них больше от старой породы и немало других примесей. Наше население более однородно, а это значит, меньше головной боли, меньше небольших групп, которые еще не осознали себя частью единого целого... Но они придут! Я получил слово от их Совета.

— Тогда,— продолжал Иеро,— скажите им, пусть держатся на север от моря. Я имею в виду — севернее дорог, что проходят мимо Пайлуда. Чем меньше враг будет знать о них, тем лучше.— Он повернулся к окошку, задумчиво оглядев розовеющее на востоке небо.— Я хотел бы отправиться побыстрее, отец мой. И мне не надо больше четырех-пяти человек и этих шерстистых ребят с юга. Мы пойдем пешком, без лорсов, хотя дети Ветра могли бы оставить позади даже моего Клоца.— Тень мелькнула на его лице при упоминании о пропавшем друге, но он подавил грусть и спокойным голосом закончил: — Пешком надежнее. Я не знаком с теми землями и не знаю, где мы можем очутиться.

Тяжелая поступь послышалась в коридоре, и объемистая фигура пера Эдварда Маларо возникла в проеме двери. Ему пожелали доброго утра, после чего беседа возобновилась, но не надолго. Вскоре вновь прибывший прервал ее гулким басом:

— Эй, приятель, ты опять собираешься гулять по лесам, пока я глотаю дым на вонючей барже? Все, хватит! Отец аббат, прошу вас! Подумайте, кто защитит этого малыша? Словом, я подаю в отставку из флота и отправляюсь с ним! — И великан вызывающе уставился на своих собеседников.

На губах аббата Демеро заиграла спокойная улыбка.

— Не знаю, что скажет отец Бирейн, но попробую уломать его. И если тебя, сын мой, не повесят к вечеру за дезертирство, можешь отправляться. Осмелюсь предположить, на корабле найдется офицер, способный заменить тебя?

Это был праздный вопрос. Несмотря на несколько шумные манеры и изрядный вес, пер Эдвард обладал острым умом и необходимой твердостью. Все три его помощника были вышколены как надо; капитаном мог стать любой.

Иеро пришел в восторг; он хорошо представлял таланты своего старого друга. В прошлом они проторили вместе немало опасных дорожек, и мысль, что эта могучая рука и светлый разум поддержат его в пути, была ободряющей. Старый аббат тоже был доволен. Он понимал, что должен чувствовать человек, жену которого, возможно, пытают сейчас в застенках Нечистого. В такой ситуации поддержка верного друга окажется совсем не лишней.

— Хорошо, пер Эдвард, собирайся,— кивнул Демеро великану и поднял взгляд на Иеро.— Ты сам выберешь остальных, сын мой, но я хотел бы рекомендовать еще одного парня. В местном гарнизоне есть молодой священник, которого стоит взять в этот поход. А почему, ты увидишь сам.

Аббат выглянул в коридор, отдал приказ охране, и вскоре юноша уже стоял перед ними. Он был гибок и невысок, ростом с Иеро, и носил обычное кожаное одеяние метсианского солдата; на груди покачивался серебряный медальон с изображением креста и меча. Судя по гладким щекам, которых нечасто касалась бритва, ему стукнуло не больше восемнадцати. Черные глаза, отсутствующие и мечтательные, смотрели куда-то в бесконечность; казалось, они просто скользят по поверхности предметов, в то же время каким-то удивительным образом прозревая их внутреннюю суть. Иеро чувствовал силу, исходившую от этого юноши; с подобной мощью он никогда не встречался прежде. Она не носила ментальной природы, как его собственная; то была неизмеримая сила духа. Да, со временем Универсальная церковь получит великого вож-

дя, целителя душ, подумал Иеро, с невольным трепетом и смирением взирая на юношу. Конечно, если парень выживет, добавил он про себя. И тогда у церкви Канды будет пророк и реформатор, каких, возможно, не знала история в прошлом.

— Это пер Карт Сагенай, Иеро.— Аббат кивнул вошедшему.— Садись-ка, сынок, и послушай, что мы скажем тебе. Вот пер Дистин, про которого ты наверняка слышал — он выполнил на юге непростую работу. Ну, пера Маларо ты знаешь. Я просил их, особенно пера Дистина, взглянуть на тебя. Пока мы трудимся здесь, воздвигая оборону против врага, пер Дистин поведет разведчиков в его тылы. Я желал бы, чтобы ты принял участие в этом походе. И я знаю, что ты, как все верные сыны церкви, готов повиноваться ее приказам. Но только пер Дистин скажет, был ли мой выбор правильным.

Иеро не колебался ни секунды.

— Ты не ошибся, отец мой, и я согласен с твоим выбором. Однако я хотел бы услышать от самого пера Сагеная, что он готов отправиться с нами.

Молодой человек склонил голову. Его голос, мягкий, негромкий, но сильный, наполнил комнату; и когда юноша смолк, казалось, слова его еще звенели под низким потолком.

«Какой оратор! — подумал Иеро.— Ну, посмотрим, что будет дальше».

— Досточтимый отец и вы, благородные перы матери нашей церкви, я не рожден воином. Те небольшие таланты, что Господь отпустил мне, лежат скорее в сфере духа, а не действия. Я имею кое-какой опыт с сорока символами...

Аббат Демеро хмыкнул.

— Иногда он вытягивает двенадцать за раз! В нашей школе еще не видели ничего подобного!

Все, что мог сделать Иеро,— испустить мысленное «Ух!». Прекогнистика, или искусство предвидения будущего с помощью сорока символов, крохотных изображений, вырезанных из дерева, преподавалась на старших курсах школы аббатств. Сам Иеро обычно вытаскивал два-три символа и толковал их с изрядной неопределенностью; его способности были не выше средних. И он никогда не слышал, чтобы самым талантливым предсказателям доставалось больше шести фигурок. Да, если этот парень пойдет с ними, шансы на успех сильно возрастут!

Бросив на старого аббата красноречивый взгляд, пер Сагенай продолжал:

— Ваше предложение большая честь для меня. Честь тем большая, что я молод и не имею иного опыта, кроме полученного в стенах аббатств. Я могу только ждать вашего решения, сэр.

В решении сомневаться не приходилось. Они поговорили еще с полчаса, пока рассвет не залил алым пламенем восточный горизонт, потом разошлись на отдых. По плану отряд разведчиков должен был покинуть Намкуш вечером следующего дня.

С'дана был в ярости; но, как и прочие проявления его чувств, она казалась холодной как лед.

— Намкуш захвачен! Конечно, город не принадлежал нам полностью, но мы, по крайней мере, не имели с ним хлопот. И ни слова предупреждения! Два корабля, охранявших южное побережье, уничтожены, Ниана взята штурмом и разграблена; только двум братьям из пяти, которые находились в городе, удалось бежать. Можете ли вы представить,— он поочередно вперил мрачный взгляд в лица членов Совета,— что С'дига, глава желтых братьев, скитается сейчас в лесу, не имея возможности даже связаться с нами? А мы — мы почти отрезаны от Юга, источника нашей силы! С'тарн и я, Красный круг и Голубой, остались на севере в одиночестве!

Совет Голубого круга Темного братства безмолвствовал. Затем один из адептов поднял бледную ладонь:

— Однако у нас есть кое-какие добрые вести из южных краев, Старший Брат. Дикари Д'Алви разгромлены, а эта тощая девчонка, что называет себя принцессой, уничто-

жена. Наши союзники взяли власть над королевством в свои руки. Разве не так?

С'дана окинул его мрачным взглядом. В подземной камере, перед большим экраном, сотканным из проволок и световых пятен, его пурпурные зрачки отливали кровью.

— О да, наш брат С'лорн из Зеленого круга проделал большую работу! Все Южные королевства зажаты теперь в его кулаке.— Ледяные глаза сверкнули дьявольским пламенем.— Но чем закончились его старания насчет нашего смертельного врага? Этого пера Дистина, так называемого принца Д'Алви? Единственного, кто сумел убежать из Мануна? Он жив, братья, он жив!

Голос его перешел в шипение змеи.

— Какой толк в том, что варварские королевства юга падут? Насколько это важно для нас — здесь и сейчас? Наши цели на севере таковы: утвердиться, окрепнуть и сокрушить недоумков, что называют себя истинной церковью! Вот она, главная угроза и главная задача! Можно разгромить Д'Алви, схватить его ничтожного короля и зарезать девчонку, его дочь... Но что это даст нам, кругам севера?

Он с гневным видом прохаживался вдоль ряда кресел, придвинутых к длинному овальному столу, уменьшенной копии стола Великого совета. Наконец С'дана с заметным усилием продолжил:

— В последний раз случилось слишком много невероятных и неожиданных вещей. И, в заключение, эливенеры открыто выступили против нас! Только глупец может думать, что они бессильны; нет, они обладают мощью и в первый раз за всю свою дурацкую историю решились поддержать одну из сторон — не нашу! Запомним это!

Четыре блестящих черепа, четыре бледных бесчувственных лица поворачивались в такт его шагам.

— И С'дига видел *его* в Ниане! Так что не надо гадать, кто уничтожил наши корабли! Я получил сообщения от наших шпионов об этих чудовищных баржах, что метсы спустили на воду. И с какой скоростью! Нет, здесь что-

то не так... Я чувствую руку пера Дистина... Проклятый! Он долго будет висеть в камере пыток, прежде чем умрет! Как мог он выбраться с юга — беспомощный пленник, оглушенный наркотиками — и оказаться за сотни миль на севере в нужное время и в нужном месте? Возможно, эливенеры могли бы кое-что рассказать об этом... Ясно одно: он получил помощь, и нам не известно, кто этот проклятый доброхот... Кто-то работает против нас; с каждым днем я все больше убеждаюсь в этой мысли. Нечто неощутимое, нечто обращающее в прах наши планы, причем такими способами, которых мы не в силах предвосхитить... Но я найду его! Вырву с корнем и истреблю!

Резко обернувшись к соратникам, С'дана остановился. Он снова усилием воли подавил гнев, и слабый румянец, окрасивший его щеки, исчез. Затем предводитель Голубого круга начал раздавать приказы, анализировать информацию и уточнять планы. Его собратья склонились над столом, делая заметки вслед полученным указаниям.

Отряд покинул новый форт в Намкуше без торжественных церемоний, рева труб и салютов. Ночное небо было затянуто облаками, и полный мрак воцарился над берегом моря, рекой и городом, когда разведчики отправились в дорогу. Иеро не хотел, чтобы чьи-то любопытные глаза следили за началом их путешествия. Главное он сделал — попрощался с отцом Демеро в его маленьком кабинете.

Люди и иир'ова миновали главные ворота форта, скользнув в ночь через боковую калитку. Несколько солдат сопровождали их до тех пор, пока, покружив в лабиринте предпортовых улиц, отряд не оказался на краю города. Здесь Иеро покинул тропу и уверенно углубился в заросли неистребимого кустарника, который горожане выжигали каждый год, пытаясь отвоевать место для своих садов и огородов. Через полчаса последние следы цивилизации остались позади; они достигли южной границы Тайга, огромной лесной страны, простиравшейся на севере континента.

Иеро шел первым, ничем не отличаясь от остальных рейнджеров; лишь на лбу его больше не было привычных знаков — желтого кленового листа и кадуцея*.

— Больше я не принадлежу одним аббатствам, отец мой,— смущенно сказал он Демеро, который заметил отсутствие знаков.— Я сражаюсь за две страны, за юг и север. Надеюсь, вы простите меня, ведь я был послан вами в южные страны. Теперь я принц Д'Алви и не могу носить эмблему северной армии.

Старик взглянул на него, затем ободряюще похлопал по плечу:

— Сынок, ты священник, преданный Богу, а это главное. И я не боюсь за твою веру, ибо истинная вера несет освобождение нашим братьям во всех землях, близких и далеких. У тебя на груди крест и меч; значит, ты все еще наш. Иди же в путь, мой мальчик, и, с моего благословения, носи что хочешь.

Размышляя над словами старого аббата, Иеро шагал под огромными соснами Тайга. Оставался ли он в самом деле священником? Во всяком случае, он был не таким священником, как остальные,— особенно в сравнении с пером Сагенаем. Впрочем, даже старый отец Демеро, которого он любил и искренне уважал, сейчас больше был похож на солдата и политика, чем на святого или пророка.

Иеро вздохнул. Ладно, все они любят Бога, все называют себя христианами, и хватит об этом! Господь приемлет помощь от всех, и, чтобы делать добро, не надо быть святым. Мысли его обратились к другим материям, когда он бросил взгляд на свою команду. Лучшие парни во всей армии! Он подбирал людей на совесть.

Сразу за ним шагал старый друг пер Маларо. На руке великана висел щит, на плечах покачивалось излюбленное оружие, которое он предпочитал копью и мечу. Это была колоссальная секира, древний боевой топор, с которым в давние тысячелетия крестьяне Европы, затерянной где-то во времени и пространстве, шли штурмовать рыцарские замки. На верхушку четырехфутового топорища было насажено загнутое крючком лезвие — смертельная штука в руках такого мастера, как пер Эдвард. Когда Иеро обернулся, великан подмигнул ему. Прирожденный лесной бродяга, пер Эдвард наслаждался походом.

За ним шли Б'ургх и М'рин с пером Сагенаем. К изумлению Иеро, юный священник и люди-кошки мгновенно нашли общий язык. Сагенай очень быстро подстроился к ментальной частоте, которую использовали дети Ночного Ветра, и теперь, если исключить Иеро, юноша общался с ними уверенней и лучше, чем остальные участники экспедиции. Будь он эливенером, это не показалось бы столь удивительным, но обычные священники-метсы значительно уступали членам братства в умении контактировать с чуждым разумом.

Юноша был вооружен мечом и кинжалом, за спиной у него висел длинный лук. По его словам, он имел некоторый опыт в метании стрел.

Молодые иир'ова, За'рикш и Ч'урш, прикрывали фланги; подобно призракам, они скользили в лесу, докладывая Иеро о результатах разведки.

Наконец, в тылу маленького отряда шагали еще двое мужчин. Эти люди не являлись священниками, но легенды о них ходили вдоль всего побережья; оба — темнокожие, гибкие, с неотличимыми лицами. Иеро думал, что им около пятидесяти, но это относилось к области догадок и предположений. Прошли годы с того дня, как братья Мантаны, вернувшись к себе на лесную заимку, нашли тела своих изуродованных и замученных жен и детей. С тех пор у них осталась одна цель — искать и убивать тварей Нечистого. Ветераны сотен кровавых стычек в дебрях Тайга, они были немногословны; за них говорили клинки.

Братья не состояли на службе аббатств. Время от времени они появлялись в поселках, получали все необходимое и вновь, как тени, исчезали в лесах, торопясь продолжить свою нескончаемую вендетту. Их знали от границ

* Кадуцей — обвитый двумя змеями магический жезл Гермеса; в эмблеме, которую носили священники-метсы, жезл больше походил на копье. *(Прим. перев.)*

Атви до западного побережья, и никто не отказывал им в пище и помощи. Они напоминали Иеро двух угрюмых гончих, молчаливых и не знающих устали. Аббат Демеро извлек их из леса только ему ведомым способом, наказал присоединиться к экспедиции и слушать молодого командира как родного отца.

У Мантанов было странное, почти не используемое на севере оружие — шестифутовые духовые трубки, выточенные из темного дерева и стрелявшие короткими дротиками, отравленными смертельным ядом. Запас стрел братья несли в специальных сумках из плотной кожи; их снаряжение дополняли длинные ножи и топоры с наголовьем, увенчанным остроконечной пикой. Мрачные и неразговорчивые, всегда настороже, они выглядели посланцами неумолимого рока. Иеро знал, что эти лесные охотники стоили целого отряда бойцов. Даже иир'ова прижимали уши под неумолимым взором их запавших глаз.

Маленький отряд двигался все дальше и дальше под ветвями гигантских сосен и елей, под кронами пальм, сквозь заросли кустарника. Мрак постепенно рассеивался, восточный небосклон начал розоветь, потом защебетали птицы, приветствуя наступление дня. Возможно, кто-то из лесных обитателей заметил крошечные темные фигурки, безостановочно скользившие меж стволов, но они пронеслись подобно зыбким лесным теням; миг, другой — и они пропали в чаще, исчезли, словно мелькнувшее на секунду видение.

Глава 11

В ДЕБРЯХ ТАЙГА

Послеполуденный летний зной плыл над бескрайними лесами севера. Колонны солнечного света, пробившись сквозь плотный полог листвы, падали на землю золотистыми пятнами; мириады мошек и комаров вились, суетились,

мельтешили в их теплых потоках. Но в целом глубины лесного океана Тайга наполнял зеленый полумрак. Там, где море хвойных отступало перед каким-нибудь лиственным гигантом, мутировавшим тополем или кленом, тени сгущались, образуя прихотливые узоры на мягких коврах травы и мха. Кое-где среди обнажений горных пород заросли колючих кустов и покрытые лишайником гранитные и доломитовые глыбы создавали непроходимые лабиринты; редкие прогалины, почва которых не давала надежной опоры для корней лесных гигантов, заросли миртом и папоротником.

В скрытном месте, под непроницаемой кроной огромного дерева, был разбит лагерь; и сейчас у чуть мерцавших углей прогоревшего костра шла жаркая дискуссия. Оба Мантана, неутомимые разведчики, рыскали где-то в чаще, так что предводителю маленького отряда пришлось иметь дело только со своими собратьями-священниками. Иир'ова сидели кучкой поодаль, не вмешиваясь в разговор; видимо, людские споры не вызывали у них интереса. Поигрывая ножами, они наблюдали за своими спутниками, ожидая решения Иеро.

— Согласись, дружище,— с горячностью произнес пер Эдвард,— мы искали усердно и не нашли тут ничего. Ни знака, ни звука, ни запаха, ничего вызывающего подозрение. Следы на юге, у берегов, оставлены нашими людьми. Мы осмотрели западную часть района — там, где год назад ты встретил колдуна Нечистого. Пусто! Ничего! Поэтому я спрашиваю опять: что мы здесь потеряли? Я не собираюсь возвращаться, но к чему это бесполезное ожидание? Пойдем! Пойдем дальше, туда, где мы можем принести какую-то пользу, что-то сделать. Ты знаешь, я выполню любой твой приказ... Но объясни, какой смысл торчать здесь, кружиться на этом чертовом пятачке? Ты сказал, что тут подходящее место, и, видит Бог, я не хочу спорить с тобой... Но чем оно тебя прельстило? Не понимаю!

Великан прислонился спиной к стволу, сердито попыхивая своей коротенькой трубочкой. Он был единствен-

ным курящим среди путников и сейчас, с крохотной огненной искоркой, мерцавшей в огромной ладони, походил на бога огня — величественное и могучее воплощение древней силы языческих времен. Его прищуренные глаза следили за Иеро сквозь завитки белесого дыма, и тот встретил взгляд приятеля с некоторым смущением.

Хмыкнув, пер Эдвард сказал:

— Мне кажется, дружище, мы не новички в лесу. Во всяком случае, я не гожусь на роль бессловесного башмака. Да и пер Сагенай тоже.— Он кивнул в сторону молодого священника.

— Н-нет,— задумчиво протянул юноша, поднимая спокойный взор на предводителя отряда.— Я, как и пер Маларо, готов следовать за тобой повсюду, но... но не стану отрицать, что нахожусь в некотором смущении. Ты не просил меня использовать мой маленький талант, дар Божий... я имею в виду сорок символов... Ни предсказания, ни признаков врага... а вы, лучшие следопыты севера, нашли бы их обязательно... Мы блуждаем в потемках...— Он приподнялся на локте, и ясный чистый голос прозвенел под темным пологом нависшей листвы: — Может быть, брат мой, ты поделишься своими мыслями и мы сумеем тебе помочь?

Иеро встал и, склонив голову, долго прислушивался к лесным шорохам, щебету птиц и тонкому комариному гудению. Потом он заговорил:

— Я мог бы рассказать вам о многом, что случилось в прошлом и что подтверждает мои подозрения... И все же я не объяснил бы вам ничего. Я не знаю... я только чувствую и предполагаю.— Он глубоко вздохнул, уставившись на покрытые пеплом угли.— Три недели мы в пути. Дня два назад я внезапно почувствовал — другого слова мне не подобрать,— что район, в который мы попали, нечто вроде критической точки... и что мы должны оставаться здесь. Почему, не могу вам сказать... я сам не знаю... Где-то тут таится враждебная жизнь. Я чувствую ее, ощущаю, хотя и не могу объяснить! И еще — что-то движется, то-

ропится сюда. Этого не замечают ни иир'ова, ни вы, ни Мантаны, превосходящие нас всех охотничьим чутьем... Но я уверен, что не ошибся! Мы находимся в месте... в месте встречи, так его можно назвать.

Иеро поднял голову, лицо его было задумчивым и чуть грустным. Положив руку на серебряный медальон, висевший на груди, он подался вперед, к своим спутникам, сидевшим по другую сторону погасшего костра.

— Люди аббатств годами не забредали сюда. Наши разведчики проходили западнее или севернее. К югу лежит Пайлуд, а за ним — побережье Внутреннего моря. Тут неизвестный уголок Тайга, вы это знаете. И говорю вам, тут что-то готовится...— Он перевел взгляд на юного священника.— Я не хочу использовать твой дар, пер Сагенай, по одной причине: мы не знаем, чему научились враги за прошедший год. Вспомни, когда ты провидишь будущее, твой разум открыт, его можно обнаружить, и подобная вещь едва не погубила меня в прошлом! Я не хочу повторять ошибки. Мы на краю, на границе чего-то огромного и непонятного. Наше дело — провести разведку, но лес вокруг нас пуст, ментально пуст! Такого не бывает. О, тут есть гроконы, олени, зайцы... но и те — вялые, немногочисленные... Лишь меньшие существа, птицы, мыши, насекомые, обитают здесь в обычном числе.— Иеро сделал паузу; пальцы, сжимавшие медальон, побелели, но голос его, когда он вновь заговорил, оставался спокойным.— Итак, друзья, боюсь, что вам придется просто поверить моим словам. Здесь собираются тучи, и мы должны взглянуть, на что будет похожа гроза.

Сагенай первым прервал воцарившееся молчание.

— Брат Дистин, ты — наш вождь, а остальное не важно. Зло сгущается вокруг, и ты не только наш командир, но и наш защитник... самое чуткое орудие в руках Господа. Как ты скажешь, так и будет.

Спокойные слова юноши положили дискуссии конец. Пер Эдвард хмыкнул пару раз, подбросил хвороста в костер и окинул взглядом усевшегося напротив Иеро. Все трое

молчали, словно зачарованные пляской крохотных огоньков на высохших серых сучьях. Тревожное и томительное чувство ожидания охватило их; затерянные в глубине гигантского леса, что простирался до северных пределов континента, они вслушивались в привычные шорохи, свист, шепот и негромкий монотонный гул насекомых в поисках инородных звуков.

Все путники носили следы утомительных странствий; дорога от Намкуша на север и на восток до этой неведомой земли была неблизкой. Даже Мантаны, исходившие тысячи миль по лесам Канды, никогда не забредали сюда. Теперь разведчики шли вперед, повинуясь лишь интуиции их вождя.

Иеро предупредил их, что всем им надо оставаться под лесным пологом. Воспоминание о том, как он вступил в контакт с пилотом летающей машины Нечистого, не погасло, и он знал, что это случилось где-то неподалеку, на восток от нынешнего лагеря. Отчет об этой встрече, переданный в Саск через брата Альдо, дал толчок к глубоким размышлениям и экспериментам; в результате Иеро был теперь вооружен кое-какой информацией. Машина, которую он видел, являлась безмоторным планером; сведения о подобных аппаратах, давно забытых, нашлись в центральном архиве. Законы, позволявшие планеру держаться в воздухе, оставались пока тайной, но никто не сомневался, что такие машины не могут подняться в высокие слои атмосферы, подобно воздушным шарам. Кроме того, планеры наверняка были редкостью — ведь лишь один Иеро видел летательный аппарат. Однако он полагал, что предосторожности не будут лишними.

День клонился к вечеру. Дети Ветра спали, свернувшись на грудах опавшей листвы. Люди сидели у костра, иногда перебрасываясь двумя-тремя фразами. До заката оставалось часа три, но пока ничто не потревожило покой и мир в огромном лесу.

Они были прерваны внезапно и безмолвно. Перед костром возник Рейн Мантан, словно появившийся из лесного полумрака призрак; его сухощавая мрачная физиономия казалась совершенно невозмутимой. Он заговорил — как всегда, резко, отрывисто, но выразительно.

— После полудня я оставил Гиора одного и решил пройтись по окрестностям. Я двинулся на восток, хотел обойти лагерь по кругу.

Братьям было велено держаться вместе, но Иеро никак не прокомментировал это явное нарушение приказа. Мантаны выслушивали его распоряжения и выполняли их так, как считали нужным. Впрочем, они не относились к стражам границы и обладали столь большим опытом, что требовать от них скрупулезного соблюдения дисциплины было бы смешно.

Рейн присел, сгреб под колени охапку листьев и начал чертить на земле карту кончиком кинжала.

— Мы здесь, видишь? Я пошел на восток, потом взял немного к северу.— Он нарисовал ломаную линию.— Здесь камни... обломки скал, погруженных в болото. Неприятное место! Запаха нет, но смердит, как от падали. Встречалось мне такое на побережье...— Рейн имел в виду берег Великого Западного океана, за многие сотни миль отсюда, за огромными горами. Он задумчиво постучал клинком по своему чертежу.— Там словно что-то шевелится... трудно разглядеть... но я чувствовал какую-то возню... может быть, не одной твари. Странное движение — только с севера на юг, по прямой. Что-то вроде границы... или пограничной охраны. Хочешь взглянуть?

Все были уже на ногах; дети Ветра тоже вскочили с горящими от возбуждения глазами.

— Что ты видел на побережье? Где? — нетерпеливо спросил Маларо.— Почему ты думаешь, что здесь что-то похожее?

— Трудно сказать. На западе, у океана, оно напоминало круг... этакое пятно... Но чувство было таким же — запаха нет, а смердит! Противно. Мы с Гиором туда не пошли. В тех краях лишь несколько иннейских стойбищ, а иннейцы близко не подходят к тому месту. Говорят, опас-

но. Коли б мы с Гиором тогда не торопились, так проверили бы. Ну, решай сам! Я сказал, что видел.

Иеро задумался. Один из лучших северных рейнджеров обнаружил в лесу нечто странное... такое, что он даже не может описать... Но этот человек долгие годы сражается с Нечистым... ненавидит его... и, несомненно, обладает чутьем, пусть не телепатического характера... скорее — чутьем разъяренного волка... Запаха нет, а смердит! Можно ли лучше описать ментальную эманацию врага?

Священник повернулся к Мантану:

— Зови брата, и пойдем.— Он кивнул остальным.— Двигайтесь осторожно. Рейн, ты первым. И никакой мысленной связи! — Он коротко передал детям Ветра суть своих распоряжений, и разведчики начали собираться. Все, что надо было сделать, было сделано; мешки собраны, оружие — приготовлено. Этому отряду не требовалось много времени, чтобы выступить в поход.

Примерно с час они осторожно пробирались среди исполинских стволов, словно тени в мире теней. Рейн, к которому вскоре присоединился Гиор, шел впереди, остальные, сбившись в плотную кучку, за ними. Вдруг их проводник предостерегающе поднял руку. По сигналу Иеро разведчики растянулись цепью и залегли, используя ближайшие укрытия. Сам священник выбрал позицию позади огромного пня и, чуть приподняв голову, приступил к осмотру.

Место, которое описывал Рейн Мантан, было теперь перед глазами Иеро; он начал изучать его зрительно и ментально. Подобный ландшафт не раз встречался им прежде; для северных краев он не был особенно примечательным. Влажную болотистую почву низины окружали ряды невысоких скал, перемешанных с кустарником. Широкие полосы маслянистой темной воды сверкали там и тут в лучах заходящего солнца. Изредка попадались деревья, невысокие и какие-то скособоченные; иногда — просто сухие стволы с голыми ветвями. Местами прямо из воды возносился желтый камыш или торчали заросли ядовито-зеленой осоки.

И все они заметили кое-что еще. В болотистой ложбине царила полная тишина; ни одна птица не плескалась в воде, не было видно ни цапель, ни уток, ни куликов, и лишь ветер шевелил плотные метелки камышей, издававших едва слышное потрескивание. Казалось, они вступили в землю вечного молчания.

Снова и снова Иеро напрягал разум, направляя вперед веер ментального излучения, столь же тонкий и неощутимый, как пушинка, несомая порывом ветра; его прикосновения напоминали ласку, но не удар, чуть заметную прохладу воздушной струи, но не опаляющий жар самума. Постепенно он прошелся по всем длинам волн, начиная от принадлежавших насекомым, до диапазона, который использовали существа с высокоразвитым интеллектом. Снова и снова, с бесконечным терпением, он повторял свои попытки, концентрируя сознание на лежавшей перед ними впадине.

Контакт! Священник резко отдернул свой ментальный щуп, затем осторожно вытянул его вперед, нацелившись в определенное место. Объект контакта перемещался; как и докладывал Рейн, это движение не было хаотическим, но следовало некой невидимой линии, пересекавшей их собственный маршрут. Иеро ощущал теперь почти невыносимое отвращение; видимо, он наткнулся на источник того, что смердело без запаха.

Он не был в полном смысле связан с мозгом этого существа — скорее, лишь присутствовал в его эмоциональном центре. Кем бы ни являлась эта тварь, мозг ее обладал защитой, но не искусственного характера, которой Нечистый снабжал своих слуг. Вероятно, ментальный заслон возник в процессе эволюции и служил маскирующим экраном, необходимым при выслеживании добычи, чувствительной к телепатическим волнам.

Однако, невзирая на этот барьер, Иеро мог кое-что уловить, и ощущения его были малоприятными. Прежде всего — ярость, бешеная ярость, которая была сущностью этой твари и которую она не могла подавить. Еще — злоба и

свирепая, дьявольская хитрость. Но главное, голод! Голод доминировал надо всем! Священник поморщился. Пожалуй, лишь Дом, тот странный вампир в огромной пещере, с такой же неутолимой алчностью жаждал добычи. Тварь, с которой его сейчас соединял неощутимый луч ментальной связи, хотела рвать и терзать, дробить кости и насыщаться плотью, погасить жизнь в беспомощном трепещущем теле и впитать ее в себя вместе с кровью и мясом жертвы.

«Гиена,— подумал Иеро,— чудовищная гиена, одержимая страстью к убийству!»

Однако ей не позволяли удовлетворить эту жажду, что и было причиной непреходящей ярости. Тварь пребывала в строго ограниченном пространстве и не могла вырваться из него по своей воле. Сдерживал ли ее некий странный барьер, ментальный или силовой?

Иеро размышлял, одновременно с помощью насекомых и редких птиц собирая информацию о странном болоте. Эта смесь грязи, воды и заросших кустарником скал простиралась довольно далеко на север и юг. Обойти ее непросто, это займет немало времени, а время его беспокоило: вожди республики нуждались в информации, а пока что его группа ничем не могла похвастать. Наконец он принял решение и взмахом руки велел разведчикам отходить. Они торопливо зашагали назад и через четверть часа собрались плотной кучкой под тяжелыми лапами чудовищной ели. Рассказав о своих исследованиях, Иеро набросал план действий и отдал приказы.

Три воина-священника уселись под защитой хвойного полога, переговариваясь едва слышным шепотом. Иир'ова и оба Мантана исчезли в лесу. Теперь оставалось только ждать, наблюдая за угасавшим на западе светом дня, вслушиваясь в лесные шорохи.

— Эта тварь — скорее, твари,— свирепеет от голода,— тихо сказал Иеро.— Я подозреваю, что Нечистый установил барьер, который держит их там. У них, мне кажется, не слишком много мозгов, а хитрость... Ну, хитрости и Мантанам не занимать! Они выведут котов к нужному месту, а те сделают остальное.

Спустя некоторое время Иеро протянул в сгущавшийся полумрак нить ментального сигнала и почти сразу же с облегчением вздохнул:

— Они на месте, и охота началась. Надеюсь, деревья не слишком помешают иир'ова. Вообще-то они равнинные жители.

Забившись в глубину елового шатра, они напряженно ждали.

Вскоре раздался треск сухой хвои и топот копыт. Иеро определил, что напуганный олень мчится в их сторону. Иир'ова не использовали «ветер смерти»; им вполне хватало собственных быстрых ног. Двигаясь в линию, загонщики то показывались в нужных местах, пугая зверя, то выскакивали вперед, предупреждая все его попытки уклониться в сторону. Наладив мысленное наблюдение за погоней, священник в который раз подивился охотничьему искусству детей Ветра — они направляли животное прямо к невидимой границе, хотя олень явно не хотел бежать туда. Позади иир'ова со всей возможной скоростью двигались Мантаны, торопившиеся поспеть к развязке.

Наконец троица, сидевшая в укрытии, увидела зверя, стрелой промелькнувшего меж коричнево-золотистых сосновых стволов. Они хорошо знали эту породу: большой пятнистый олень, не слишком отличавшийся от полностью вымершего вапити; в это время года на его голове вместо рогов с двумя острыми зубцами виднелись только мягкие отростки. Иеро подавил невольную жалость к беспомощному животному; он понимал, что без приманки не обойтись. Метсы вскочили на ноги и бросились за зверем, зная, что стремительные дети Ветра будут ждать их на краю зловещих трясин.

Они действительно нашли там своих союзников, а вскоре к отряду присоединились оба запыхавшихся Мантана. Люди и иир'ова скорчились за кустами, разглядывая простиравшуюся перед ними низину. След большого оленя четко отпечатался в грязи — там, где он свернул на жуткую пустошь, предпочитая опасность, поджидавшую в болоте, той, что грозила в лесу.

Мысль Иеро догнала его. Он уловил начало атаки, внезапной и яростной; затем волна смертельной муки затопила мозг священника. Теперь они все услышали низкий угрожающий рык, что перекрыл вопль агонизирующего в зарослях камышей оленя. Людям этот звук показался голосом дьявола, и даже дети Ветра, гордые охотники равнин, прижали уши.

Ожидание кончилось. Заметив, что братья-рейнджеры восстановили дыхание, Иеро махнул рукой, и отряд, как единое целое, ринулся к болоту. Они бежали, приготовив оружие, огибая темные лужи, прячась за камнями; бежали молча и целеустремленно, стараясь не производить шума. Схватка в камышах завершилась, но звуки борьбы сменились еще более жутким чавканьем и хрустом костей, которые дробили могучие челюсти.

Маленький отряд был уже близко. Внезапно звуки кровавого пиршества смолкли, и разведчики поняли, что обнаружены. Они рванулись вперед, уже не заботясь о производимом шуме; сейчас главное было выбраться из этой смеси грязи, скал и непроходимых зарослей на свободное место. Они бежали, растягиваясь в шеренгу, и вдруг почти одновременно очутились у цели. Дети Ветра и люди замерли, успокаивая дыхание и разглядывая открывшуюся перед ними картину.

Болотистая почва здесь чуть понижалась, скатываясь в мелкую воду, из которой торчали пучки остроконечной бурой травы. Ни деревьев, ни камышей вокруг; грязь да темная водная гладь, посреди которой лежала окровавленная полуобглоданная оленья туша. А над ней возвышался сам убийца, озирая новую добычу безумным и яростным взглядом.

Этот монстр отдаленно напоминал гигантского гризли, вставшего на мощные задние лапы; но если остальные представители семейства медвежьих в той или иной степени сохранили сходство с древним предком, это чудище под влиянием атомной радиации гораздо сильнее отклонилось от первоначального образца. Почти безволосая кожа отли-

вала грязно-серым, огромная голова была словно срезана спереди, голые уши плотно прижаты к черепу. На верхней губе и по краям разинутой пасти торчала похожая на проволоку щетина; чудовищные клыки, остроконечные и обагренные кровью, усеивали челюсти. Выкаченные красноватые глазки под скошенным лбом горели злобой, но в них, несомненно, читались также хитрость и некие зачатки интеллекта. Свидетельство этого, причем довольно весомое, монстр сжимал в могучей лапе — палицу из сломанного древесного ствола размером в рост человека. Пораженный Иеро заметил, что его передние конечности, без сомнения, были руками с когтистой пятипалой ладонью, причем большой палец противостоял остальным!

В те краткие секунды, пока чудище и разведчики глядели друг на друга, священник вспоминал давние уроки в школе аббатств. Имевшиеся сведения были редкими и скудными, но тот, кто видел ужас Тайга, нечасто оставался в живых. Перед ними был вербэр, жуткий ночной призрак, невидимая смерть, чьи кровавые следы являлись почти единственным доказательством того, что этот кошмар — не плод извращенной фантазии. Однако развалины лесных заимок, растерзанные тела и исчезнувшие охотничьи партии говорили об обратном. К счастью, подобные твари попадались крайне редко; видимо, они предпочитали уединение. Все эти сведения молниеносно вспыхнули у Иеро в голове; тем временем сражение уже началось.

Три снаряда одновременно мелькнули в воздухе — Мантаны выпустили отравленные дротики из своих духовых трубок, а Сагенай метнул стрелу. Промахов не было; ядовитые шипы торчали в окровавленной морде чудовища, стрела глубоко вошла в покрытое редкой шерстью брюхо.

Раздался ужасный вопль; сознание мутилось от этого крика.

Сжимая палицу, исполин неуклюже шагнул к разведчикам, расплескивая воду и жидкую грязь огромными плоскими ступнями. Он шел прямо на пера Эдварда Маларо — видимо, потому, что тот был самым рослым и стоял посередине цепочки нападавших.

Дети Ветра ринулись вперед, обходя чудовище по двое с каждой стороны; вода и вязкая почва чуть замедляли их движения. Иеро увидел, как М'рин молниеносно отпрянула, избежав удара чудовищной палицы. В следующий миг все четверо полосовали ляжки гиганта своими длинными ножами; словно шершни, они били острыми жалами, успевая отскочить назад, когда монстр поворачивался к ним.

Сагенай и Мантаны выстрелили снова; стрела глубоко засела в боку вербэра, дротики вонзились рядом с устрашающими челюстями. Иеро придвинулся ближе, его тяжелое копье свистнуло в воздухе, и покрытый грязью живот монстра окрасился кровью. Видимо, широкий отточенный наконечник проник глубоко; исполин снова взревел, его ужасающий рык сотряс воздух подобно взрыву. Багровый выкаченный глаз навис над священником, полный боли и неутомимой ярости; спасаясь от когтистой лапы, тот покатился в грязь, в болотные травы. Позади тенькнула тетива, и стрела засела прямо в центре страшного ока.

«Боже,— мелькнуло в голове у Иеро,— этот Сагенай великий стрелок! Но когда же проклятая тварь сдохнет?»

Монстр возвышался над ним, уронив бесполезную палицу, прижимая огромную ладонь к искаженному мукой лицу; затем он рухнул ничком, окатив нападавших ливнем воды и грязи, смешанным с его собственной кровью. Он умер. Огромная туша, темным бугром торчавшая над бурой осокой, окаменела; ни дрожи, ни судорог, ни хрипа. Девять разведчиков придвинулись ближе с оружием наготове; они смотрели и ждали. Наконец Иеро облегченно вздохнул и повернулся к товарищам.

— Ты замечательный стрелок, пер Сагенай,— сказал он юноше,— и вы тоже, охотники.— Иеро кивнул братьям Мантанам.— Думаю, это ваш яд прикончил его. Удивительное дело! Еще удивительней того, что сам вербэр оказался не сказкой.— Он послал ментальное сообщение детям Ветра и ощутил гордость в кратком ответе Б'ургха. Да, о подвигах четырех иир'ова будут долго петь у костров Восточного прайда!

— Мне так и не удалось подобраться к нему поближе,— разочарованно заявил пер Эдвард, опуская свою секиру.

— Он рвался прямо к тебе, дурачок, когда наши друзья его остановили,— с улыбкой заметил Иеро.— Еще немного, и ты был бы проглочен вместе с твоим топором. А теперь помолчите! Я попробую пошарить вокруг.

Он начал ментальный поиск, и ему не пришлось долго ждать! По тому, как внезапно застыло его лицо, как напряглись мышцы, остальные поняли, что новости будут тревожными. Разведчики снова подняли оружие.

А в сознании священника ударами набата раздавался голос, которого он не слышал уже много месяцев: «Рано торжествуешь, грязный дикарь! К вам идет еще один... с севера... идет быстро! Возмездие надвигается, и мы придем вместе с ним!»

В тот же момент Иеро поймал волну черной злобы и жажды убийства — те же эмоции, что исходили полчаса назад от твари, лежавшей сейчас у его ног. Значит, их двое! Проклиная сгущавшиеся сумерки, он повернулся к зарослям, и вся его маленькая армия, изготовившись к бою, выстроилась по обе стороны от него. Вторая атака не застала их внезапно.

Новый враг проломил желто-зеленую стену камыша и, ощерив пасть, ринулся на разведчиков. Со стороны его движения выглядели неуклюжими, но мчался он со скоростью улепетывающего хоппера, сжимая в каждой когтистой лапе по огромному валуну. Едва появившись из зарослей, монстр с убийственной точностью метнул камень.

Возможно, мышцы Б'ургха с возрастом сделались уже не такими гибкими и эластичными, возможно, удача покинула его, заставив броситься в неверном направлении... Камень ударил вождя иир'ова в грудь; раздался хруст, и Б'ургх, словно изломанная кукла, отлетел в сторону. Тонкий вопль М'рин, крик ярости и горя, перекрыл торжествующий рев врага.

Пропела стрела Сагеная, и наконечник из закаленной бронзы глубоко засел в предплечье чудовища. Дротики

братьев Мантанов с коротким шипением вырвались из духовых трубок; на таком расстоянии они не могли промахнуться. Но ядовитые шипы, столь смертоносные для обычной жизни, действовали очень медленно в этой чуждой плоти. Иеро вырвал копье из трупа поверженного врага и теперь стоял прямо на пути второго вербэра, готовый встретить его острой сталью. На мгновение руки его дрогнули, словно в предчувствии страшного удара; сердито мотнув головой, он прогнал слабость. Тусклый свет заходившего солнца не позволял отчетливо разглядеть тварь, но на фоне гигантского расплывчатого силуэта Иеро ясно видел наконечник своего копья. Рядом с ним, широко расставив ноги и сжимая обеими руками топорище, встал Эдвард.

Второй камень, который монстр сжимал в лапах, был остроконечным обломком гранита; вербэр не собирался швырять его, но использовал как палицу. Размахнувшись, Иеро метнул копье, раздался лязг металла по камню, и в следующий миг чудище темной громадой нависло над ним. Он нырнул вбок, прикрываясь щитом; мощный удар гранитной глыбы обрушился на него, и левая рука онемела от плеча до запястья. Толчок отбросил священника к туше мертвого вербэра, прямо в жидкую болотную грязь.

Снова раздалось низкое торжествующее рычание, но, когда Иеро встал на ноги и выхватил меч, рев уже перешел в вопль боли. Покачнувшись, он поднял взгляд и увидел, что случилось.

Пока вербэр пытался вышибить из него дух, Эдвард Маларо не терял времени даром; его топор взлетел вверх и обрушился на левую лапу монстра. Огромная когтистая кисть, перерубленная у запястья, с плеском упала в воду, и фонтан багровой крови, почти черной в лучах заката, излился в вечерний воздух.

Когда исполин повернул к Маларо уродливую башку, священник ударил его в бедро своим коротким тяжелым клинком. Вербэр, однако, с поразительной быстротой уклонился; к тому же Иеро сам почувствовал, каким слабым и неуверенным был его выпад. Сквозь кровавый туман,

плававший перед глазами, промелькнула стрела Сагеная, утонув в серой расплывчатой туше.

«Он прикончит нас прежде, чем сдохнет сам»,— подумал Иеро.

Словно в полусне он наблюдал, как чудовищная морда разворачивается к нему; он увидел желтые, покрытые пеной клыки, когда гигант сделал шаг и наклонился, чтобы раздавить потревожившего его пигмея.

Удар отшвырнул священника в сторону, меч вылетел из пальцев. Беспомощный и беззащитный, он покачивался на ослабевших ногах; темная пелена, сгустившаяся перед ним, не позволяла рассмотреть финал схватки.

Он не видел, как большой черный зверь вынырнул из зарослей, прорезав их со скоростью летящего копья. Отбросив Иеро плечом, нежданный спаситель, столь же мощный и массивный, как вербэр, ринулся на чудище с силой и точностью выпущенного из катапульты снаряда. Поднявшись на дыбы в последнем бешеном скачке, он обрушил копыта с острыми краями прямо на череп монстра. Раздался треск, и демон северных лесов, с шумом выдохнув воздух, повалился ничком; жизнь покинула его мгновенно.

Барахтаясь в воде, пытаясь приподняться и стереть с лица грязь, Иеро обозревал длинные ноги зверя, которые явно были ему знакомы. Он еще не привел в порядок чувства и мысли, когда длинный шершавый язык прошелся по его лицу и теплое мощное дыхание взъерошило волосы на затылке. Теперь он узнал!

— Клоц! Ах ты, протухший собачий хвост! Как ты меня напугал! — Священник прижался к могучей шее, стараясь спрятать навернувшиеся слезы. Сколько же сотен миль одолел его верный скакун, сколько прошел земель, чтобы найти его тут в самый разгар смертельной битвы? Иеро заморгал, чувствуя, как лорс мягко отстранился; в следующий момент шершавый язык вновь заботливо лизнул его щеку, стирая воду и грязь, кровь и слезы.

Разлепив веки, священник поднял взгляд на своих товарищей. Пер Эдвард, опираясь на свою секиру, возвышал-

ся в нескольких ярдах — покрытый грязью, но, похоже, невредимый. Обменявшись взглядом с Иеро, он начал неторопливо чистить пучком травы свое оружие, что-то насвистывая под нос. Мантаны и Сагенай выдергивали стрелы из трупов чудищ, прополаскивали их в болотной воде и прятали в колчаны. Затем священник увидел трех молодых иир'ова, собравшихся в кружок над распростертым в камышах телом, и вспомнил, что вождь их мертв. Он сделал шаг к детям Ветра, когда весьма раздраженный голос вдруг зазвучал у него в голове. Иеро остановился так внезапно, что трусивший позади Клоц едва не сбил его с ног.

«Друг Иеро, если вся эта суматоха закончилась, может быть, ты скажешь своим приятелям, что меня не надо рассматривать как мишень для этих острых палок с колючими концами. Тогда я, пожалуй, вылезу из-за скалы.— Пока священник соображал, кого же он слышит, мысленный голос ядовито добавил: — Тебе, знаешь ли, надо благодарить не только Клоца!»

Глубоко вздохнув, Иеро произнес:

— Эй, послушайте меня! К нам пришел друг... мой старый друг. Не стреляйте, во имя ран Христовых! Это он привел Клоца на помощь.

Люди повернулись, с интересом взирая на пушистый комок темно-бурой шерсти, возникший из-за высокого валуна и покатившийся им навстречу. Ни один, однако, не глядел на это создание с большей радостью, чем сам Иеро. Прошло много месяцев с тех пор, как они расстались у выхода из огромной пещеры, взлетевшей на воздух вместе с Домом и прочим неприятным содержимым.

Священник заметил, что Горм изменился, стал крупнее и его движения потеряли угловатость неуклюжего подростка. Он еще не достиг полного веса, но выглядел превосходно, излучая уверенность и внутреннюю силу, которыми явно не обладал раньше.

Приблизившись к Иеро, медведь встал на задние лапы; теперь его темные зрачки были выше глаз человека. Узкий язык нежно коснулся носа священника, затем Горм снова принял привычную позу и довольно фыркнул.

«Ну и занятие нашел ты себе, должен отметить,— пришла его ясная четкая мысль.— Счастье еще, что Клоц както унюхал тебя! Мы несколько дней пытались пересечь болото, но тут бродили двое *этих*, и мы не могли рисковать. Но ты потерял друга, Иеро... Посмотри, чем можно помочь остальным... А потом нам надо уходить отсюда. Быстро!»

В сотый раз подивившись скорости и точности ментальной передачи Горма, священник двинулся туда, где молчаливые иир'ова застыли над павшим вождем. Должно быть, Б'ургх умер мгновенно — его грудная клетка была расплющена чудовищным ударом. Яростные янтарно-золотистые зрачки вождя погасли, но безгубый рот кривился в угрюмой усмешке, словно и его смерть, и даже гибель целой Вселенной были всего лишь горькой шуткой судьбы.

Иеро обнял поникшие плечи М'рин и перешел в диапазон, в котором общались люди-кошки.

«Он был великим воином, Младшая. И он умер так, как желал, в битве с древним злобным врагом, моим и вашим. Когда вы вернетесь к прайду, то сложите о нем сказание, чтобы все помнили о подвигах вождя — до тех пор, пока живет ваше племя. А теперь... теперь нам надо позабыть о горе. М'рин, ты стала новым вождем. Скажи, как полагается проводить Б'ургха на вечный отдых. Но торопись — враги близко! Б'ургх не хотел бы, чтобы они застали нас врасплох».

Подняв тело павшего, иир'ова перенесли его на клочок сухой земли и, с помощью остальных, вырыли узкую неглубокую могилу у подножия гранитного валуна. М'рин пропела короткие слова прощания, потом пер Сагенай спросил, может ли он вознести молитву Богу над воином, погибшим от руки Нечистого. Посовещавшись с минуту, иир'ова согласились.

«Мы далеко от Ночного Ветра южных равнин,— сказал Ч'урш Иеро.— Ваши боги сильны здесь, и они вернут дух павшего в родные степи, где он обретет вечный покой».

Иеро согласился с этим и вознес про себя мольбу к Великому Творцу.

«О Боже,— просил он,— Ты должен помочь этому воину, который пал, сражаясь за Тебя. Не обойди же Своей милостью его душу!»

Он закончил словами заупокойной молитвы, и дело было сделано.

Когда разведчики покинули невысокую могильную насыпь, священнику показалось, что он улавливает растущее нетерпение Горма. Он помнил, что медведь являлся изрядным скептиком в вопросах религии и рассматривал обращения к Вышним Силам как пустую трату времени. Агностицизм — одно из старых заблуждений человечества, подумал Иеро, но, если его изобретут новые расы, это воистину станет загадкой для Церкви. Он усмехнулся про себя, вспомнив, что в его команде есть молодой и пылкий проповедник. Что ж, скоро ему предстоит столкнуться с достойным противником.

Спустя недолгое время путники уже сидели у маленького костра. Около часа Иеро вел свой отряд обратно в глубины Тайга, пока не решил, что опасность им больше не грозит и можно остановиться на отдых. За тесным кругом разведчиков возвышался молчаливый Клоц; его широкие ноздри раздувались, фильтруя лесные запахи, чуткие длинные уши ловили доносившиеся из чащи звуки. Его рога уже достигли пары футов в длину. Он выглядел слегка отощавшим, как и молодой медведь, но был полон сил и боевого духа, что и доказала недавняя баталия.

Горм развалился в середине, у самого огня, наслаждаясь теплом; отблески огня играли в его густой коричневой шубе. Когда он заговорил, его мысленная речь прозвучала столь ясно для всех слушателей, что они, не исключая Иеро, вздрогнули от удивления. Дети Ветра тоже могли понимать медведя без каких-либо проблем. Закончив возведение ментального щита, прикрывавшего всю их группу, священник с насмешливым любопытством следил за реакцией невозмутимых Мантанов. Изумленно переглянувшись при первых словах медведя, братья раскрыли рты и вытянули шеи, уставившись на мохнатого оратора. Малаго гулко расхохотался, а на губах юного Сагеная появилась спокойная улыбка.

«Для начала скажу, что я — всего лишь первый посланец моего народа. Медведи придут, но на это нужно время. Мы не грудимся толпами в деревнях, как вы, мы живем семьями. И собрать всех, готовых сражаться, дело не быстрое. Но наши старейшие приказали, и мы двинулись в поход. Мы не очень хорошие ходоки, а ведь нужно осилить долгий, очень долгий путь с севера, чтобы присоединиться к людям. И нужно идти скрытно, огибая места, в которых властвует Нечистый,— вроде той чащи, где мы впервые повстречались с Иеро; иначе нас могут заметить и остановить. Меня послали передать слово вашим старейшим. По дороге я услышал странный звук.— Он послал ментальный образ беспомощного олененка, зовущего мать.— Вопил этот длинноногий пожиратель сорной травы... наверно, ждал, что Иеро сам прибежит к нему. К счастью, я догадался, кто способен так драть горло, и вступил с ним в контакт. Впрочем, он не так глуп, как выглядит, и многое мне рассказал...»

Тут раздалось негодующее фырканье Клоца — очевидно, кое-какие медвежьи шуточки были ему понятны. Священник взглянул на темный силуэт своего скакуна; разум его, отринувший напряжение недавней битвы, купался сейчас в ясном спокойствии. Внезапно, пока медведь размышлял над продолжением своей истории, странные образы начали возникать в мозгу священника. И они пришли явно не от Горма!

«Ленивый — толстый — (неизвестное понятие) — просился ко мне на спину, когда уставал — (неясно) — не может сражаться! Кому-где — нужен такой!»

С восторгом Иеро догадался: Клоц понимает, что мысли его достигли хозяина, и хочет, чтоб тот это знал! Было ясно, что лорса не мучают сомнения в собственной ценности, так что сарказм его мохнатого приятеля бил мимо цели.

С приходом ночи тени сгустились; лес, окружавший костер разведчиков, казался мрачной черной стеной. В ред-

ких просветах меж кронами виднелись клочки темного неба, расшитые яркими звездами, что холодно и безмятежно сияли над лесным морем Тайга. Лишь шипение пламени да треск пылающего хвороста нарушали тишину.

Горм продолжал свои беззвучные речи.

«Да, у Клоца были кое-какие важные новости. От него и от гонцов, что пришли к брату Альдо, я узнал о случившемся на юге, далеко от этих мест. Важные новости, но плохие! Враг уже выступил, и он торопится, он идет, пока мы сидим у костра. Он движется по дуге с восхода на закат и потом на юг — так же, как мой народ. Но их путь короче, он пролегает по внутреннему полукругу; и, хотя мы выступили раньше, враги почти нас догнали. Они всего в двух переходах позади».

Заговорил пер Эдвард:

— Иеро, я слышу его, но не могу с ним говорить. Спроси, как велико войско Нечистого? Что он знает о расположении боевых частей?

Ответ был не слишком ободряющим:

«Они собрали всех, каждый отряд, каждую тварь, что может сражаться! Мы знаем многие из их тайных крепостей и мест сбора. Мы думаем, что там остались сейчас лишь самки и молодняк. Если они ударят и мы сломим их силу, весь север будет очищен! Идут собаки, крысы и эти, похожие на обезьян... ты, друг Иеро, называл их волосатыми ревунами... Все, все с ними! Сумеем ли мы их победить?»

Горм замолчал, и последние слова повисли невысказанным сомнением.

«Видел ли ты машины? — спросил Иеро.— Их корабли и пушки, бросающие молнии? Вспомни: такая же вещь, как та, что ударила меня на берегу год назад. Вы наблюдали за небом? Появлялись ли там птицы, огромные неживые птицы? И если их замечал кто-нибудь, то когда и где?»

«Да, мы следили за всем этим,— ответил Горм.— Корабли видели не раз, но далеко на восходе солнца и давно, несколько месяцев назад. Не знаю, сколько их было. Мы

сами не можем наблюдать за морем и островами; это делали эливенеры, но самых последних известий у нас нет. Неживую птицу видели только раз или два и тоже давно... Я думаю, она была одна и разбилась...— Тон медведя стал задумчивым.— Старейшие говорят, что полеты в небе не понравились колдунам... иначе почему же они не сделали множество злых птиц и не выпустили их на нас? Нет, они любят ночь и темные норы гораздо больше, чем чистый воздух и солнце. Они могут сражаться при свете дня, но их подлинный союзник — мрак! Они похожи на тех двух Убийц-из-Тьмы, которых вы уложили на болоте. Ударить из засады, напасть ночью, истязать беспомощных, расправиться со старыми, уничтожить самок и детенышей — вот это по ним!»

«Надеюсь, они не будут сражаться с такой яростью, как те Господни недруги, которых мы встретили на этот раз!»

Мысль, ясная и четкая, пришла от Карта Сагеная. Немного тренировки, подумал Иеро, и парень сможет говорить хоть с дьяволом, хоть с Богом! Он заметил, что Горм оценивающе глядит на молодого священника.

«Убийц-из-Тьмы, я думаю, заставили. Ты должен знать, друг Иеро, у колдунов есть вещи вроде тех, что гасят мысль, но с другим назначением. Может быть, они держали Убийц-из-Тьмы на болоте с помощью таких вещей. Держали как злых собак на цепи... Но сейчас не время разбираться с этим. Враг идет, сильный враг... И только одну добрую новость могу я поведать, друг Иеро... Наши старейшие и эливенеры чувствуют, что стая Нечистого движется в ярости и злобе... ни холодного расчета, ни хитрых планов... словно что-то взбесило их. Но что?»

Священник подумал о разрушении Нианы и двух затонувших кораблях. Да, это должно было взбесить слуг Нечистого!

Следующая мысль Горма была направлена ему.

«Я думаю, нам с тобой легко догадаться, кто их ведет. Там много других колдунов и много дурных мыслей... Но лишь один ненавидит тебя, словно лютый зверь... Он не успокоится, пока ты жив».

С'дана! Иеро уставился на оранжевые язычки пламени. Бледное лицо и безволосый череп повелителя Голубого круга, его красноватые зрачки, источающие злобу, всплыли перед священником. Да, среди вражеских войск могли быть другие члены Совета Темного братства, другие адепты Нечистого, повелители сил зла... Но он знал, что Горм прав — эту армию ведет С'дана, его величайший недруг. Наконец-то они выступили из тени, надеясь сокрушить республику, уничтожить ее одним ударом, пока она не расправила крылья... Если так, то враги ошиблись — крылья северного орла уже окрепли. Десятки разбойничьих рейдов, коварных засад, тайных убийств, ночных нападений... Лишь сильная рука могла отразить эти удары — множество сильных рук и отважных сердец!

Иеро поднялся.

«Тушите костер,— приказал он.— Мы идем на юго-запад, к озерам, где назначено место встречи. Республика нуждается в нас».

«И пусть Бог защитит правых»,— добавил пер Сагенай.

Глава 12

БИТВА У ОЗЕРА СЛЕЗ

Над темной гладью озера клубился холодный утренний туман. Этот обширный водоем — вероятно, протяженностью миль в двадцать — метсы называли озером Слез. Согласно легенде, в давние времена в нем утопилась какая-то девица — предположительно, от несчастной любви. Более важным, по мнению Иеро, являлся тот факт, что озеро Слез было связано с Намкушем через другое озеро, Опадающих Листьев, и Дождливую реку. Озеро Слез, глубокое, с голубыми водами, формой напоминало бумеранг, изгиб которого указывал почти точно на северо-восток.

В нем было несколько островков: одни — покрытые скалами, другие — увенчанные зеленой короной деревьев; их

кроны сейчас плавали над белесым маревом тумана. Здесь и там Иеро заметил движущиеся контуры. Весельный баркас ходко шел от одного островка к другому. Туман, уступая натиску солнечных лучей, рассеивался, позволяя разглядеть темные очертания больших парусных кораблей. Над некоторыми островками вился дымок. Везде ощущалось скрытое движение — активное, но не слишком заметное чужому взору.

Священник, верхом на Клоце, находился в самом конце длинного мыска, вдававшегося в озерную гладь рядом с изгибом. Место было подходящим для наблюдения и вполне соответствовало его новому рангу генерала, командующего центром метсианских войск; в этом качестве он подчинялся лично Демеро. Когда состоялось назначение, старый аббат, предупреждая споры, решительно заявил, ткнув Иеро в грудь сухим пальцем:

— Кто знает врага лучше тебя? Никто! Кто встречался с ним чаще всех и ухитрился выжить? Ты! Даже Юстус Бирейн сказал, что будет рад служить под твоей командой. Неужели ты собираешься спорить с ним? Я включаю в твой штаб Маларо и молодого Сагеная. И оба Мантана, нечестивые бунтовщики, не желают подчиняться никому, кроме тебя! Вся армия знает о твоих котах; они будут связными. Чего же еще ты хочешь? Все, хватит! Принимайся за работу, мой мальчик!

Теперь принц Д'Алви и командующий центром мрачно усмехался, изучая окрестные берега сквозь подзорную трубу. Сзади доносились тихие голоса младших офицеров и сержантов, толпившихся в почтительном отдалении. Наконец-то до Иеро начало доходить, что он стал живой легендой, и данное обстоятельство не вызывало у него восторга. В глазах молодых парней и девушек, служивших под его командой, читалось благоговение, но с этим воин-священник не мог ничего поделать. Он постарался сосредоточиться на текущей задаче, оценивая расположение своих войск. Тут приходилось пользоваться лишь памятью и глазами, своими и чужими; весь район был накрыт непрони-

цаемым ментальным колпаком. Вероятно, Нечистый таким же образом защитил свои войска. Время покажет, чей ментальный щит прочнее.

После битвы с вербэрами и тревожных новостей, принесенных Гормом, их отряд с невероятной скоростью двинулся на юго-запад. Им удалось выиграть четыре дня ценой страшного напряжения; во время этого похода люди соперничали в скорости с неутомимыми иир'ова. Каждая минута была дорога, и Иеро гнал разведчиков, не жалея сил, используя безотказного Клоца, чтобы подвезти уставших. Обычно на лорсе путешествовал юный пер Сагенай, не столь привычный к лесным странствиям, как остальные. Но дня за три до того, как они выбрались к передовым линиям метсов, Гиор Мантан растянул лодыжку и был вынужден с проклятиями взгромоздиться на широкую спину Клоца. Иначе разведчикам пришлось бы оставить его в лесу.

Они подарили республиканским войскам и их союзникам целую неделю — немалый срок в подобной ситуации. Отряды Атви были еще далеко и уже столкнулись по пути с некоторыми трудностями. Видимо, С'дана повел на запад не все свои силы, что заставляло призадуматься о соблюдении секретности в руководстве Атвианского союза.

«Из-за того, что С'дана ненавистен мне,— подумал Иеро,— нельзя совершить ошибку, недооценивая его хитрость и ум. Этот выродок неплохо соображает! Он сделал все, чтобы отрезать помощь, на которую мы рассчитывали. Конечно, ту, о которой проведал. Ну, будем надеяться, что лысой твари не все известно».

Он опустил глаза вниз — молодая девушка-лейтенант застыла перед ним, подняв руку в воинском салюте. Иеро окинул ее одобрительным взглядом. Кроме короткой юбки из оленьей замши, ее форма ничем не отличалась от его собственной, и он знал, что женщины в его отрядах не хуже мужчин владеют оружием и умеют пользоваться мозгами. К тому же она была прехорошенькой.

— Сообщение от генерала-аббата, сэр. В лесу, в двенадцати милях к северо-востоку, идет тяжелый бой. Наши передовые части медленно отходят, пытаясь разведать силы противника. Кавалерия на лорсах отступила, там неподходящая для всадников местность. Аббат передает, что будет держать вас в курсе событий.

Иеро улыбнулся прямо в черные дерзкие глаза, отдал салют и поблагодарил девушку, затем забыл о ее существовании.

«Пока кавалерия вне игры,— думал он.— В лесу парадругая всадников сгодятся как посыльные, но крупный отряд не может маневрировать. Демеро ограбил весь север, чтобы сколотить эти два легиона на лорсах; такие усилия не должны пропасть втуне».

— Пер Сагенай,— он повернулся к юному священнику,— принеси мне карту местности — той, что перед нами, и западного района.

Вместе они изучили рельеф ближайших окрестностей. Почва там была вязкая и болотистая, но глубокие воды отсутствовали; только лужи да медленные потоки струились в торфянистых берегах. Деревья почти не росли на болоте, покрытом травами и камышом. Южная его часть полого спускалась к озерному берегу слева от них, примерно в полумиле, где озеро переходило в болото. Неважное место для размещения войск, но вполне подходящее, если нужно пассивной обороной сковать противника и прикрыть левый фланг. Теперь оставалось выяснить, примет ли этот план генерал-аббат, который отличался изрядным упрямством.

Поговорив недолгое время с Сагенаем, Иеро отослал его обратно к штабной группе, затем что-то нацарапал на маленьком клочке бумаги и подозвал М'рин. Солнце уже разогнало последние клочья тумана над озером; блики, отраженные голубым зеркалом в зеленой раме листвы, слепили глаза.

«Отнеси это нашему вождю, Младшая, и возвращайся поскорее. Сегодня у нас много дел».

Она помчалась, словно ветер родных степей иир'ова; люди следили за гибкой фигуркой, пока она не исчезла вдали. Ч'урш и За'рикш нетерпеливо переминались с ноги на ногу, готовые ринуться вперед по первому приказу.

Эдвард Маларо шагнул вперед и рассеянно похлопал Клоца по могучему загривку. Другой рукой он, словно тросточку, вертел свою тяжелую секиру, царапая лезвием землю.

— Что ты думаешь о наших флангах, дружище? Левый меня особо не беспокоит — там только озерный рукав да болото. Справа — другое дело! Там озеро Опадающих Листьев, длинное и неширокое; оно переходит в Дождливую реку и ручей Тетивы. Прямой путь к Внутреннему морю, и слишком длинный, чтобы охранять его на всем протяжении.

— Демеро знает об этом, как и мы с тобой. Я думаю, что и противник скоро догадается, если уже не догадался. Ну, что ж... Тут у нас четыре полных легиона стражей границы и еще два вспомогательных, из ополченцев. И женщины, и мужчины в них неплохо подготовлены... конечно, не так, как стражи, но совсем неплохо. Шесть легионов — это семь тысяч человек, да еще саперы и обозные... Прибавь сюда два легиона кавалерии и отряд разведчиков, который сейчас ведет бой с Нечистым. Потом — наших водных союзников, чьи силы пока неясны, а также все, что ты видишь на озере.— Иеро кивнул на парусники Бирейна и, подумав, добавил: — Плюс то, что не видно, что спрятано на востоке и западе. Про воинов Атви лучше забыть; они вышли слишком поздно и сейчас находятся позади врага. Может быть, они придут через неделю, может, не придут вообще... Но нам, вероятно, помогут сородичи Горма. Я не знаю... никто не знает точно. Горм пошел искать их, но ему надо проскользнуть мимо фланга Нечистого... Очень рискованное дело... И это, мой друг, все. Все! У нас нет ни резервов, ни других союзников. Тут наша первая армия, наш первый военный флот. Мы не имеем опыта таких больших сражений, но здесь, на севере, его нет ни у кого, и у Нечистого тоже.

Он перегнулся в седле, пристально всматриваясь в голубые воды, потом поднял взгляд к южному небосклону. Там, на юге, тоже бились армии... Внезапно страстное желание увидеть Лучар наполнило его. Он представил, как выскакивает из леса во главе отряда копьеносцев... их хопперы мчатся стрелой, ветер рвет султаны на шлемах... он летит к своей любимой, к своей принцессе...

«Отец Всемогущий,— с тоской подумал Иеро,— пошли ангела ей во спасение!»

Утро разгоралось. Время от времени подбегали гонцы с депешами о силах и направлении удара Нечистого, о потерях республиканских войск и прочими сведениями. Кое-что было весьма многозначительным. Отряды врага несли множество легких суденышек, от каноэ, способных вместить десяток воинов, до одноместных челноков. И все это добро тащили в первых рядах наступающего войска.

— Похоже, они отлично знают, где мы находимся.— Иеро склонился с седла к перу Эдварду.— Конечно, вся эта местность полна озер и речушек, но большинство можно перейти вброд... Нет, они задумали что-то другое! Пошли сообщение Бирейну и во все наши отряды. Пусть будут наготове.

М'рин, давно вернувшаяся, подошла к нему вместе с двумя молодыми иир'ова. Позади маячили угрюмые физиономии братьев Мантанов.

«Мы различаем шум битвы, Иеро. Эти двое, люди с отравленными гневом сердцами, тоже слышат. Они объяснили нам знаками».

— Истинная правда, сэр,— подтвердил Рейн.— Только коты услышали первыми.

Иеро насторожился. С озера долетали плеск весел и скрип снастей, слова команд, далекий зов горна и грохот якорных цепей. Затем сквозь эти звуки он уловил приглушенный расстоянием шум. Еще немного, и монотонный гул распался на обертоны; до него долетали словно бы высокие птичьи вскрики на фоне басовитого жужжания насекомых, затем послышалась серия глухих ударов — лег-

чайшая вибрация воздуха, и только. Но этого было достаточно.

— Принимайся за дело, Эдвард,— сказал он Маларо.— Если хочешь, возьми Сагеная в помощь. И запомни, что я сказал: ни одного движения, пока не придет время. Они уже близко.

Затем священник обернулся к близнецам. С застывшими, холодными лицами они глядели в сторону леса — два волка, почуявших добычу.

— Вы сумеете управиться с лорсами? Если я найду пару? Иначе вам придется куковать здесь.

Гиор кивнул:

— Попробуем. Мы должны быть с вами... Другого дела у нас нет.

— Хорошо. Пойдем на баркасе. Клоца я заведу на палубу.

Он махнул иир'ова, и те затрусили вслед за Клоцем. О них можно было не беспокоиться — дети Ветра не отстанут от кавалерии. Лорс резво преодолел прибрежный откос, затем двинулся на запад по тропинке, что извивалась вдоль озера. Минут через двадцать всадник и пятеро его спутников спустились в крохотную бухточку, где покачивался на волне палубный баркас. Иеро завел на борт своего скакуна; остальные последовали за ним. Краткий приказ сержанту, и десять длинных весел взбили пену; суденышко шло туда, где чистые воды озера мешались с бурыми потоками болотистой низины.

Звуки сражения становились все громче, все ближе. Уже можно было расслышать лязг металла и резкие, пронзительные всхлипы вражеских труб; иногда их перекрывали звонкие голоса метсианских горнов. Рев, рычание, вопли, стоны раненых и победные крики атакующих дополняли картину. Иеро знал, что по мере приближения к берегу оборона становилась все плотней, схватка — все более ожесточенной. Однако лязг и грохот нарастали с пугающей быстротой; видимо, Нечистый бросил в сражение все отряды, каждого бойца, не беспокоясь о потерях. Иеро скосил глаза

на яркий солнечный диск, проверяя показания своих ментальных часов. Было около одиннадцати, но скорость, с которой продвигался противник, ломала все расчеты. Гребцы сильней навалились на весла, баркас прибавил ход, огибая с подветренной стороны маленький островок. Они прошли уже три четверти пути, и с палубы открывался хороший обзор всего северного побережья, уходившего от изгиба озерного бумеранга к западу и востоку.

Шум продолжал нарастать, и наконец Иеро увидел, как первые отряды метсов, покинув лес, скатились к урезу воды, к длинной линии судов, тянувшейся вдоль берега. Моряки начали переводить на борт раненых, за ними — остальных бойцов. Иеро довольно улыбнулся; маневр проходил безукоризненно, без паники и суеты. Все больше и больше людей появлялось на травянистом откосе, суда загружались одно за другим и, взбивая веслами воду — день выдался безветренным,— скользили по озерной глади. Наблюдая за операцией в свою подзорную трубу, священник видел, что ни один корабль не отплывает без приказа; их палубы были заполнены воинами.

Он перевел взгляд на берег. Цепочки вооруженных луками разведчиков, ветеранов границы, появились на опушке — последний отряд, прикрывавший отступление. Иеро видел, как лучники одной из групп на секунду замерли, дали залп и, стремительно перебежав ярдов на пятьдесят, развернулись для второго. В их рядах падали люди; по мере приближения к берегу шеренга становилась все короче, строй уплотнялся.

Среди золотисто-коричневых сосновых стволов наметилось движение, затем из-за деревьев выскочила стая псов скорби с лемутами на костлявых спинах. То были волосатые ревуны, гориллоподобные мутанты, потрясавшие дубинами и топорами; раз за разом они с убийственной точностью швыряли длинные дротики. Чудовищные собаки приходились по плечо рослому мужчине; их кожа, почти лишенная шерсти, пестрела оранжевыми и красными

пятнами, уши свисали, мотаясь у глаз, из ощеренных пастей стекала слюна.

Стрелки перебили половину, затем забросили луки за спины и взялись за топоры и мечи — выжившие мутанты были уже рядом. Начался ближний бой. Псы скорби неистовствовали среди шеренг метсов; тех, кто попадал в капкан огромных челюстей, они трясли, словно безвольных кукол. Ревуны сражались яростно; обуреваемые страстью к убийству, они не заботились о своей безопасности, не обращали внимания на раны. Схватка закончилась быстро. Поредевшая цепочка метсов двинулась к берегу, оставив позади усеянное телами поле. Воины несли раненых, но их было немного.

Теперь сражение развернулось вдоль всего берега.

Разведчики отстреливались и отступали к воде. На многих судах прекратили грести, и лучники с палуб начали метать стрелы, прикрывая товарищей. Смертоносный ливень обрушился на атакующих — раз, другой... Последние разведчики карабкались по трапам; их оставалось немного. Лучники удвоили усилия — снарядов на кораблях хватало, и стрелы сыпались градом. Один из отрядов крупных людей-крыс, серых, с голыми хвостами, попал под такой залп, превративший его в гору трупов.

Последние суда с разведчиками отходили от берега. Иеро с болью заметил, что на них хватало места; палубы казались полупустыми. Гнусаво запели трубы Нечистого, и отряды лемутов начали отступать под защиту леса. Когда последние твари исчезли, стрельба прекратилась, и отбившие атаку корабли начали медленно продвигаться за линию тех, кто отплыл раньше. Теперь между водой и лесом простиралась мертвая зона, заваленная телами убитых и раненых.

Внезапно баркас дрогнул, и Иеро, обернувшись, увидел, что нос суденышка коснулся берега. Он вскарабкался на спину Клоцу, и тот прыгнул прямо в жидкую грязь, доходившую человеку до колена. Впрочем, огромного лорса это не беспокоило; его широкие раздвоенные копыта позволяли преодолеть любую трясину.

— Держитесь за стремена,— предложил Иеро близнецам,— больше я ничем не могу вам помочь. Вымокнете, конечно, но сами напросились!

Иир'ова вымокли еще раньше. Это им не нравилось, но они были готовы стерпеть и большее. Маленький отряд пустился в путь мимо заросших осокой кочек и луж, простиравшихся между ними. Иеро оглянулся; со спины Клоца он мог ясно разглядеть берег и прибрежные воды.

Суда, занятые поредевшим арьергардом метсов — вернее, тем, что от него осталось,— медленно уходили к югу. Парусники, подошедшие к ним от цепочки лесистых островков посреди озера, принимали на борт раненых или высаживали гребцов — там, где их не хватало. Вдоль южного берега тянулась едва заметная цепочка солдат; солнце поблескивало в их медных шлемах. И всюду, тут и там, развевались белые с зеленым флаги республики.

Внезапно картина изменилась: армия Нечистого плотной молчаливой массой потекла из-за деревьев, затопив северный берег. Видимо, враги успели подготовить следующий удар. Каждый боец, человек или лемут, тащил либо небольшой челнок, либо сгибался вместе с десятком соратников под тяжестью длинного каноэ. Люди-крысы первыми вошли в воду; им, расе пловцов, лодки были не нужны. Войска двигались в полном порядке, что говорило о долгих часах, потраченных на обучение. Иеро разглядел в воде стаю гибких, покрытых коричневым мехом созданий и вспомнил схватку с гигантскими норками у ручья год назад. Похоже, Нечистый собрал все свои силы... Удастся ли сломить их?

Взгляд его скользнул дальше, к стене деревьев, из-за которой текли все новые и новые отряды. Сейчас он пробирался со своими спутниками в глубь болота, по топкой, насыщенной влагой почве, кое-где поросшей высоким камышом. На таком расстоянии от врага мысленный поиск был бесполезен — барьеры, поставленные аббатствами и Нечистым, гасили ментальные волны. Все, что он мог,— переговариваться с иир'ова, и то вблизи.

Впереди появилась темная движущаяся полоска, и священник поспешно потянулся к зрительной трубе. Это было то, чего он ждал! Клоц вытянул длинную шею и затрубил от восторга. Устремившись вперед, он через несколько мгновений оказался перед длинными шеренгами всадников, словно по волшебству возникшими среди вод, осоки и зарослей камыша. Иеро поднял руку, приветствуя свое воинство.

Тут затаились два полных легиона, сбившихся плотным квадратом под защитой бурых стен тростника. Священник знал обоих командиров; они были значительно старше его. Если вспомнить прошлое, то он служил под командой полковника Саклара и учился у полковника Льюиса в военной академии. Оба — типичные воины-метсы с суровыми бронзовыми лицами; жизнь их прошла в седле, в бесчисленных схватках и пограничных стычках. Вместе со своими адъютантами они встретили молодого командира, вытянув руки в воинском салюте. Иеро ответил тем же, испытывая некоторую неловкость.

Но Саклар быстро развеял ее.

— Мы оба просто в восторге от такого начальника. Еще бы! Стоит вспомнить твои прошлые подвиги...— Тут он чуть прищурил насмешливый черный глаз, что могло сойти за подмигивание. Иеро облегченно вздохнул, и все трое, улыбаясь, соединили руки. Не было сомнений, что в этой битве они встанут как один, плечом к плечу.

— Кстати, я нашел пару лорсов, хотя у нас не так много запасных,— сказал Льюис, с интересом поглядывая на Мантанов.— Мы все слышали об этих парнях. Думаю, ты захочешь держать их при себе... как и котов... О них тоже всем известно. Чудные творения Господа! Ну, ладно, еще успеем на них полюбоваться. Пойдем, командир! Мы тут приготовили одну штуку... тебе, наверное, пригодится.

Штука действительно оказалась полезной. Неподалеку, на холмике, который полководцы далеких веков назвали бы «генеральской высоткой», группа людей и лорсов трудилась над установкой наблюдательного пункта — платформы с тремя массивными подпорками. Вскоре бревна

треноги были закреплены в вязком грунте и к верхней площадке приставлена лестница. Очевидно, все детали этого сооружения заготовили впрок и проволокли сюда через болото.

Минутой позже Иеро и оба полковника уже стояли наверху, изучая поле битвы в подзорные трубы. С платформы открывался превосходный обзор северных берегов и озера Слез; наблюдатели едва поспели к началу следующего этапа сражения.

Войска Нечистого, люди и лемуты, все еще текли из леса нескончаемым потоком. Не меньше тысячи судены-шек, совсем крохотных и побольше, роилось у северного берега; легкие и юркие, они были сделаны из шкур, натянутых на деревянные каркасы. Вся эта стая двигалась в сторону редкой линии метсианских парусников, медленно уходивших к спасительному южному берегу. Иеро заметил, что суда с ранеными уже почти пересекли акваторию; те же, что были ближе к врагу и несли боеспособный экипаж, явно не торопились.

«Все идет как надо,— подумал он,— но, великий Боже, сколько еще тварей вылезет из леса! И они тащат лодки — все больше и больше!»

Чудовищные огромные собаки плыли целыми стаями; на некоторых восседали ревуны — видимо, командовавшие сворой. Большинство волосатых ревунов уже находилось в лодках, но из леса по-прежнему прибывали свежие отряды людей-крыс, тут же бросавшихся в воду. То здесь, то там перед фронтом наступавшей орды маячили гладкие головы гигантских норок.

Иеро перевел дыхание. Когда же прозвучит сигнал?

Саклар тронул его за плечо.

— Надень-ка вот это,— сказал он, протягивая прочную кожаную кирасу и бронзовый шлем, защитный доспех всадника. Саклар и все остальные офицеры уже облачились в боевую одежду.

Иеро не заметил, как оба полковника натянули на него жесткую кирасу и приладили наголенники; он даже не

обратил внимания на увенчанный белым генеральским плюмажем шлем. Взгляд его блуждал по воде. Основная масса судов противника уже достигла цепочки островов; берега их поросли лесом, длинные поникшие ветви купались в озере.

Внезапно звонкая трель горна эхом раскатилась над голубыми водами, перекрыв вопли и завывания орд Нечистого. Затем послышались всплески — это, вздымая фонтаны брызг, падали в воду ветви и целые древесные стволы. Из тайных бухточек и протоков между островками выплывал метсианский флот: пять дредноутов, испускавших клубы дыма, впереди, а за ними — сонмы парусников. Юстус Бирейн был человеком основательным и неторопливым; он ударил тогда, когда почувствовал — время пришло! Пушечные порты в бортах кораблей были раскрыты, и широкие жерла извергали не ядра и бомбы, а шрапнель — смесь обломков керамической черепицы с камнями и металлической дробью. Вслед за пароходами двигался целый флот гребных галер со стрелками и пращниками; их прикрывали установленные вдоль бортов щиты, деревянные и плетенные из ивовых прутьев. Град стрел обрушился на врага, довершая опустошение и панику, что вызвали первые пушечные залпы.

Под этим шквалом огня, камня и железа, потоком стрел и тяжелыми корпусами дредноутов, дробивших каноэ в щепки, противник подался назад. Хрипло взвыли трубы, и из леса потекли новые орды, торопясь к воде.

Тут и там в плотных рядах людей и лемутов Иеро видел теперь облаченные в серые плащи фигуры. Колдуны Нечистого! Что они собираются делать? Контратака флота была полнейшей неожиданностью для них, но слуги зла учились быстро!

Он опустил взгляд на стройные шеренги метсианской кавалерии, тянувшиеся у подножия холма, и почувствовал облегчение. Четыре тысячи всадников застыли в грозном молчании — цвет республиканской армии, ее ударная сила. Шлемы сверкают, длинные пики вытянуты в ряд, ог-

ромные скакуны словно выточены из черного базальта. У лестницы, что вела на платформу, переминались трое детей Ветра; рядом, с неистощимым терпением лесных жителей, ждали Мантаны. Чуть поодаль стоял Клоц и еще два лорса, предназначенные для братьев.

Иеро повернулся к полковникам.

— Скоро наш черед,— задумчиво произнес он.— Пока все идет по плану. Вот только как обстоят дела на нижнем озере... там у нас всего один пароход, самый новый... Правда, есть кое-какие сюрпризы... Ну, еще немного, и все станет ясным.

Они продолжали следить за баталией. Сражение ярилось на всем водном пространстве и было доступно наблюдению вплоть до того места, где изгиб восточного озерного рукава скрывал происходящее. Рев и стон, крики людей и животных, грохот канонады неслись над водой; а вслед за ними — потоки стрел, клубы дыма и смертоносная шрапнель.

— Хвала Создателю, конец виден,— буркнул Саклар, направив трубу на лесную опушку.— И так уже достаточно. Я думаю, они заняли половину Тайга... Но смотрите!

Это заметили уже все, и Иеро вознес про себя благодарственную молитву. Устрашенные бойней, воины Нечистого в лодках и плывущие в воде твари повернули назад. Их хрупкие суда с кожаными бортами не могли защитить ни от стрел, ни от ливня камня и железа. Довершая разгром, дредноуты врезались в гущу вражьей стаи; они давили, сокрушали, опрокидывали каноэ и челны, одновременно перемалывая бортовыми залпами скопища пловцов. Те снова и снова бросались в атаку, пытаясь преодолеть скользкую керамическую обшивку и забраться на палубу, но каждый раз их отбивали. Галеры с лучниками шли в кильватере паровых кораблей, прочесывая стрелами поверхность воды; парусники с арьергардом, ветеранами границы, которые час назад бились на берегу, вдруг повернули и полным ходом устремились на врага. За ними шли все новые и новые суда — те, что скрывались в бухточках южного побережья.

Иногда на борт небольшого корабля прыгала прямо из воды гигантская норка или группа ревунов цеплялась за скользкие доски; люди-крысы тоже пытались применить такую же тактику. Но ивовые плетенки и деревянные щиты сдерживали одних и позволяли быстро расправиться с другими. Что касается человеческой пехоты Нечистого, то солдаты в ней были не слишком опытными пловцами; огромные же псы скорби оказались совершенно беспомощными в воде. Вскоре поверхность озера покрывал слой трупов самых разнообразных существ; он выглядел столь плотным, словно по нему можно было пройти, не замочив ног. Тут и там в массе мертвых тел темнели перевернутые лодки, обломки их разбитых корпусов и изрешеченные шрапнелью шкуры.

Вражеские трубы взвыли пронзительно и тревожно; люди и лемуты, остатки разгромленного войска, устремились к северному берегу. Впрочем, отступление началось даже раньше, чем прозвучали сигналы. Разбитые, отчаявшиеся, но все еще многочисленные, воины Нечистого плыли и гребли изо всех сил, устрашенные ликом смерти, глядевшей на них из жерл метсианских пушек. Ни одному из них не удалось шагнуть на откосы южного побережья, где плескались на слабом ветру флаги республики.

Дредноуты двигались за этой обезумевшей толпой, поливая ее картечью. Пушечные залпы вымели берег, стрелы сыпались сквозь темный дым. Взглянув на солнце, Иеро сообразил, что уже полдень; всего лишь час миновал с той минуты, когда первые лодки Нечистого поплыли по голубым водам озера Слез. На этот раз название его оправдалось! Но как обстояли дела восточнее? Враг все еще обладал большой силой, и, если он сплотит свои ряды, бой будет нелегким. Иеро решил, что осторожность не помешает.

— Треногу убрать,— распорядился он, поворачиваясь к Льюису и Саклару.— Если их отряды двинутся к западу, наш пост сразу заметят.

Они спустились вниз по длинной лестнице, вышку тут же повалили, и три полководца медленно поехали вдоль

фронта замершей в плотном строю кавалерии. Саклару и Льюису достались правый и левый фланги, Иеро взял на себя центр. Прислушавшись, он уловил отдаленный грохот орудий, но гул канонады постепенно стихал. Вскоре лишь случайный выстрел доносился с озера — видимо, подворачивалась подходящая цель.

Священник наклонился к детям Ветра, ожидавшим у его стремени.

«Для вас, друзья, особая задача, очень опасная,— передал он.— Мы должны знать о всех передвижениях врага, знать очень быстро. Ч'урш, ты пойдешь налево; За'рикш, тебе — правое направление. Старайтесь говорить со мной мысленно; если не получится, возвращайтесь назад. Убивайте только в крайнем случае, мне нужна информация, а не трупы. Понятно? М'рин, ты пойдешь впереди нашего строя, но не беги так быстро, как твои братья. Все, что услышишь от них, передавай мне».

Они даже не ответили. Три стремительные тени мелькнули, словно сказочные эльфы, меж тростников и зарослей осоки и исчезли.

— Было бы тут посуше, я послал бы и вас в разведку,— сказал Иеро близнецам.— Но я не хочу, чтобы враг увидел хоть одного всадника, а по грязи вы не можете бегать со скоростью наших котов.

Мантаны одновременно кивнули и расслабились в седлах, отдыхая перед боем.

С томительной неторопливостью тянулось время. Иеро пытался размышлять о будущем; оно, если учесть события на юге, не радовало, и священник сосредоточился на ближайших задачах. Их было две, и обе требовалось решить быстро.

«Первая,— думал он,— разнести к дьяволу остатки орды! Разнести и уничтожить! Вторая — добраться до горла этой бледной нечисти, С'даны.— Он судорожно сглотнул; ненависть сжимала ему горло.— Ты здесь, лысая мразь, я знаю! Ты вывел всех — и людское отребье, грязных предателей, и своих лемутов, оскверняющих очи Божьи! Ты не мог остаться в Мануне в такое время!»

Позади него тихо фыркали лорсы, изредка побрякивал металл.

Все всадники были в седлах, все ждали только его слова. Где же коты?

Мысль М'рин, словно молния, пронзила облака изголодавшихся москитов, что вились вокруг людей и животных.

«Мы возвращаемся! Мои воины нашли их! Они идут от опушки, их много, очень много! Будь осторожен!»

Иеро махнул рукой, и гул оживления, смешанный со скрипом седел, пыхтением лорсов и звоном оружия, пробежал по рядам в обе стороны, словно рябь на воде от брошенного камня. Дети Ветра вынырнули из зарослей; они мчались зигзагами, стремительные, как гончие псы, частокол дротиков вырастал буквально на их следах.

Пика генералу не полагалась. Белый плюмаж на шлеме Иеро дрогнул, когда он, склонившись, потянул длинный прямой меч из подвешенных к седлу ножен. Оба Мантана находились по обе стороны от него и чуть сзади; каждый сжимал боевой топор на длинной рукояти. Стена тростника впереди рухнула, втоптанная в грязь, и вражья орда, люди и лемуты вперемешку, покатилась по болоту.

Правой рукой, по локоть укрытой латной рукавицей, Иеро поднял меч и резко опустил его вниз.

«Вперед, парень! — мысленно пришпорил он Клоца.— Пришло наше время!»

Позади потрескивал камыш под быстрыми ногами иир'ова.

В кулаке, защищенном чашеобразным эфесом, Иеро сжимал рукоять длинного кавалерийского тесака; он выставил клинок вперед словно пику. Пока Клоц набирал скорость, его всадник мог слышать долетавший сзади плеск и грохот копыт. Он покосился налево, потом — направо. Добро! Атакующий строй оставался плотным и ровным.

Затем левое крыло, северные шеренги кавалерии, не ломая рядов, начало медленно заворачивать. Правое повторило маневр; теперь строй напоминал полумесяц. Левый фланг должен был ударить первым, смять тылы врага, отрезать от леса и выжать основную массу войск Нечистого в открытое пространство болотистой равнины.

Уже не оставалось времени, чтобы мысленно проиграть еще раз давно обдуманную стратегию; Иеро сосредоточился на том, что ждало впереди.

Воспоминания о днях и неделях, ушедших на разработку планов, исчезли, словно дым; сейчас он был только киллменом, машиной, предназначенной для убийства, и ничем более. Клоц, в предчувствии битвы, яростно взревел, и тысячи глоток его сородичей подхватили этот крик; подобный грому, он раскатился от одного конца строя до другого.

Орда Нечистого остановилась — раздробленная, ошеломленная. Для крыс и уже немногочисленных псов скорби болото не представляло серьезного препятствия, лишь слегка замедляя их скорость. Но люди, хорошо обученные и готовые биться до смерти на твердой земле, скользили по воде и грязи, спотыкались о кочки, поросшие осокой. Большая часть ревунов шла в пешем строю, и почва под ногами нравилась гориллоподобным монстрам не больше, чем их человеческим союзникам. Когда перед ними возник лес рогов и сверкающих наконечников копий, многие ударились в бегство. Другие, потверже духом или же состоявшие под командой более опытных офицеров, попытались сформировать каре. Результат был плачевным! Крики, вопли, приказы, противоречащие один другому,— в войске противника воцарился хаос!

Развернув полумесяцем фланги, раскинувшись слева направо на добрую милю, страшная кавалерия Севера шла в атаку!

Под мечом Иеро треснул череп огромного ревуна; Клоц подался в сторону, помогая всаднику освободить клинок. Молодой предводитель оглянулся. Каждое копье нашло цель, поразив как минимум одного врага в передних рядах или в тылу орды. Затем пики были выдернуты из трупов и нацелены вновь; сверкающие острия по-прежнему жаждали добычи.

Уже не имело значения, кто из приспешников Нечистого пытается скрыться, а кто готов принять бой; там, где не поспевали меднокожие всадники, дело заканчивали их разъяренные скакуны. Тяжелые копыта дробили кости, их острые края рассекали плоть, рога и каменно-твердые лбы таранили людей и лемутов, отбрасывали бездыханными в грязь, а зубы, тоже пущенные в ход, перекусывали конечности, словно ивовые прутья.

Чудовищный пес — глаза налились кровью, с клыков капает слюна — прыгнул на Иеро слева. Не раздумывая, священник бросил поводья и прикрылся щитом — даром своего далекого странного друга. Рядом свистнул топор; одним ударом Рейн Мантан раскроил собаке череп.

Могучий напор кавалерийского удара медленно, но неизбежно теснил орду к лесу. Всадники не давали возможности бойцам Нечистого остановиться и занять оборону; впереди уже маячили лесные гиганты, возносившие к синим небесам могучие ветви. Враги, сломленные, скованные теснотой в беспорядочной толпе, уже не пытались сопротивляться; они жаждали лишь поскорей найти убежище в зеленой крепости Тайга. Те, кому удалось добраться до деревьев, начали метать стрелы и дротики в отчаянном усилии остановить страшных всадников. Кое-где опустели седла, но лорсы, даже потерявшие своих хозяев, не были беззащитной мишенью! Они продолжали оставаться в строю, сражаясь все так же яростно, сокрушая врагов копытами и рогами. Иногда огромный зверь падал, пронзенный десятком стрел, но тут же другой, со всадником или без него, заступал место погибшего, продолжая атаку. Наибольшие потери нес левый фланг; однако, сплотив ряды, ни на миг не ослабляя напора, всадники разрезали орду, оттеснив основную массу визжащих лемутов вместе с их закутанными в серые плащи повелителями от спасительной опушки.

Иеро не получил ни царапины, но правая рука его отяжелела. Огромный зверь под ним, глыба неистовой ярости, заработал десяток легких ран; впрочем, Клоц не обращал

на них внимания. Он ревел, как боевая труба, не замечая боли; глаза его налились кровью. Рейн Мантан и М'рин, с длинного клинка которой сочились багровые капли, обороняли своего командира слева; двое молодых иир'ова и Гиор Мантан — справа. Оба брата держали круглые щиты, обитые бронзой и непроницаемые для дротиков и стрел, надежно прикрывая Иеро от метательных снарядов врага.

Молодой предводитель, охваченный холодной яростью, не присматривался к тем, кто заступает ему дорогу; он рубил и колол с неослабевающей силой. Наконец-то перед ним был враг, до которого он мог добраться! Он мстил за дни беспамятства, за свою потерянную любовь, за боль и предательство! Смерть им всем! Уничтожить этих гнусных тварей, освободить от них землю раз и навсегда!

Сильная рука перехватила повод, и громкий голос прорвался сквозь безумие битвы, овладевшее Иеро. Он опустил меч, сообразив наконец, что кто-то из соратников пытается привлечь его внимание. Со всхлипом втянув воздух, он почувствовал, как ходят под ним бока Клоца. Багровый туман в голове медленно рассеивался; еще немного, и звуки начали складываться в слова, слова — в фразы.

— Остановись, генерал! Мы разбили их! Может быть, четверть удрала в лес, не больше. А остальные... Ты только погляди!

Почти против воли Иеро повернул голову. Полковник Льюис, свесившись с высокого седла, показывал на заваленную телами врагов болотистую пустошь.

Итак, свершилось! План сработал! Поредевшие отряды Нечистого, сокрушенные в водах озера Слез, выползли на берег и объединились с войсками, ожидавшими под прикрытием леса. Эта орда все еще представляла немалую силу, и ее вожди повернули направо, в казавшееся пустым болото. Несомненно, они хотели смести заслоны республиканских войск, обогнуть западный рукав озера и зайти в тыл армии ненавистных метсов.

Так могло бы случиться, если б не одно маленькое обстоятельство. Мудрый старый аббат и его ученик, намерен-

но вызвавшие этот маневр врага, обладали единственной с сотворения мира кавалерией, способной сражаться на болоте не хуже, чем на сухой земле. И теперь результаты попытки Нечистого лежали перед Иеро — груды, холмы, горы трупов! Он не мог в это поверить, хотя сам помогал разрабатывать план!

Остатки орды Нечистого, устрашенные атакой конницы, отрезанные от спасительного леса, сгрудились на топком берегу. Эта толпа спотыкающихся, сломленных существ, людей и лемутов, оказалась зажатой между шеренгами всадников со смертоносными пиками и водами озера. В плотном строю кавалерии не было щелей. В сражении на болоте республика лишилась, вероятно, восьмой части своей конницы, но оставшихся сил вполне хватало, чтобы втоптать в грязь обезумевшую толпу врагов. За линией воинов и лорсов, у самой опушки, растянулся цепью заградительный отряд, но в лесу царили безмолвие и тишина.

А позади последних приспешников Нечистого лежала смерть.

Там, застыв в молчаливом ожидании на воде озера, высились громады пяти дредноутов; за ними — галеры и парусники со стрелками. Яркое послеполуденное солнце освещало картину готовящегося уничтожения. Пропели горны метсов, и всадники остановились, сплачивая ряды и ровняя строй. Шеренги конницы вытягивались полумесяцем; в центре его находилась вопящая в панике толпа грязных людей и грязных монстров, неумолимо теснимая туда, где край болота упирался в озеро.

Иеро довольно наблюдал за этой картиной сквозь полуприкрытые веки. Приказ гласил: «Не щадить!» Было хорошо известно, на что способны эти твари; что ж, здесь они, по крайней мере, примут скорую смерть. Впервые за долгие годы попытка избавиться от приспешников Тьмы была близка к завершению. Возмездие близилось! Тем, кто породнился со Злом, отказано в искуплении; и сейчас, под ярким светом солнца, они растают как дым. Навсегда!

В рядах всадников снова запели горны, и копья опустились, сверкая широкими остриями; полумесяц пришел в движение, и битва — скорее, бойня — началась. Это было нетрудно. Утопая по колено в грязи, сторонники Нечистого умирали, не надеясь на побег. С воды за ними бдительно следили жерла молчаливых пушек и лучники, выстроившиеся на палубах малых судов. Выживших не осталось. Никого.

Когда конец стал очевиден, Иеро повернул к середине пустоши, вглядываясь в линию лорсов и всадников, наблюдавших за зеленой стеной Тайга.

Он сунул в ножны у седла свой длинный клинок. Оба полковника сопровождали его, и под их восхищенными взглядами Иеро чувствовал себя довольно неуютно.

«Почему они так смотрят? — мелькнула мысль.— Ведь эти люди когда-то учили меня...»

У его стремени М'рин обматывала длинным лоскутом голову За'рикша, пока Ч'урш пытался вычистить из шерсти грязь. Они тоже с обожанием поглядывали на своего командира. Братья Мантаны, вышедшие из битвы целыми и невредимыми, с невозмутимыми лицами восседали на своих скакунах, но глаза их говорили о многом!

«Я же ничего не сделал,— напомнил он себе.— Немного предусмотрительности и четкое планирование... все, в основном, заслуга старого Демеро. Может быть, я слегка помог... Но это не стоит такого поклонения! — Иеро начал молиться, устремив взгляд к сияющему небу: — Вседержитель, охрани ничтожнейшего из слуг Твоих от греха гордости! Кроме того,— смиренно добавил священник,— я же и вправду не сделал ничего особенного!»

Бог — или замещавшая его Судьба — прервал эти благочестивые размышления: перед ними возник курьер на перемазанном грязью лорсе, вручивший Саклару депешу. Быстро вскрыв пакет, полковник углубился в чтение, потом воскликнул:

— Ну и ну! Дело касается той банды, что успела удрать в лес. Они идут обратно — мчатся прямо на наши пози-

ции! — Саклар вскинул взгляд на Иеро.— Ваш план, сэр, сработал еще лучше, чем ожидалось. Примите мои поздравления! — Глаза его возбужденно блестели.— Ты понимаешь, Иеро, сейчас мы возьмем всех! Всех!

Вдруг полковник смущенно улыбнулся:

— Простите, генерал... Я забылся. Но, во имя ран Христовых, кто же остановил их в лесу?

— Отряды союзников, о которых никто не знает,— вполголоса произнес Иеро, наклонившись к старому бойцу.— Однако, полковник, какие новости с востока? Мы отбили атаку здесь, а что творится на нижнем озере и реках, ведущих к Намкушу?

— У меня есть сведения, сэр.— Это был молодой человек, один из адъютантов Саклара. Иеро заметил, что левая рука юноши висит на перевязи — он тоже побывал в бою.

— Выкладывай, парень! — Восторг, светившийся в глазах юного офицера, не вызывал ответных чувств у Иеро. Сколько таких ребят легло в землю этим утром?

— Сэр, все их попытки продвинуться на востоке оказались безуспешными. Наши корабли и народ Плотины блокировали каждый водоем. У нас там было одно паровое судно да баркасы с лучниками — вполне достаточно... разбежавшихся прикончили бобры. Нечистый послал туда лишь несколько отрядов.

— Значит, оборона выстояла... Хорошие новости! — Радостная волна нахлынула на Иеро, но он помнил, что вторая задача еще не решена.

С'дана! Где же проклятый колдун?

Он заставил себя вникнуть в смысл слов юного офицера. Народ Плотины! Сколько же молодых самцов и самок из племени Чароо больше не увидят света дня? Сколько малышей потеряли родителей, которые никогда не вернутся в свои уютные хижины? Вероятно, эти восточные реки и ручьи стоили немало жизней... Он глубоко вздохнул, отгоняя мрачные мысли.

Было еще что-то, нечто важное, сказанное им самим... Да, о никому не известных союзниках! По крайней мере,

неизвестных ему. Но он мог догадаться, кто пришел на помощь людям.

Иеро резко повернулся в седле, поймав взгляд Саклара, потом — Льюиса.

— Командиры! Войско — в парадный строй! — Его голос сорвался, он заметил недоумение на лицах офицеров и попробовал успокоиться.— Новые союзники идут к нам с севера, и я хочу встретить их с почестями. Эту мерзость,— он кивнул на горы трупов,— свалите у воды. Пусть на равнине выстроятся все войска и приветствуют наших гостей.

Но где же С'дана? Странно, священник не ощущал ни одного щита Нечистого вблизи... Поставленный их колдунами барьер рухнул; значит, он должен был бы обнаружить С'дану или хотя бы его ментальный щит... Но ничего подобного не замечалось.

Иеро испытывал тревогу, смешанную с радостью. Как хорошо, что Горм успел вовремя! Приятно знать, что он где-то вблизи... даже приятней, чем известие о полностью очищенных тылах...

Копьеносная конница республики застыла в плотном строю, когда три фигуры друг за другом показались на опушке, направившись к молодому генералу. М'рин преклонила колено; ее примеру последовали оба самца. Дети Ветра никогда не оказывали такого почтения Иеро, но он не мог упрекнуть их.

За массивными телами двух посланцев медвежьего народа Горм был едва заметен. Гигантские, мощные, они превосходили размерами даже древних кадьяков и бурых медведей сибирской тайги. Лишь высокие лбы, под которыми сверкали маленькие глазки, да просторные черепа говорили о разумности этих созданий. Они двигались по болотной грязи иноходью, покрывая расстояние с поразительной быстротой.

Предводитель — судя по важности, с которой он держался, в его ранге не было сомнений — сел на задние лапы; его голова находилась теперь на том же уровне, что и у Клоца. Инстинктивно Иеро отметил, что его скакун не

обеспокоился из-за подобной близости. Шерсть гиганта, тронутая серебристой сединой, перемазанная в крови и грязи, пахла отвратительно.

«Я останусь безымянным,— пришла мысль от огромного существа.— По крайней мере до тех пор, пока лучше не познакомлюсь с твоим народом. Люди, которых вы зовете эливенерами, эти сторонники мира, попросили нашей помощи в войне. Но что такое мир? Дни, проведенные в покое. Мы хотим покоя и потому пришли сражаться. Думаю, мы не ошиблись».

Второй медведь, с пропорциями жителя Бробдингнега, опустился в лужу и теперь перекатывался там с боку на бок, очищая шерсть. Иеро осторожно скосил глаза на своего приятеля, меньшего из всей троицы. Кавалерия метсов попрежнему застыла в парадном строю с поднятыми вверх пиками.

«Я полагаю,— ментальный сигнал был отчетливым и мощным, что странным образом не вязалось с тяжеловесностью фразы,— эти мыслящие, твои братья, стоят так, чтобы почтить нас? Нет необходимости.— Маленькие глазки гиганта уставились прямо на Иеро.— Ты — тот, кто взял нашего малыша на Юг? Наш народ в долгу перед тобой... Но мы знаем, что такое благодарность... и мы принесли дар. Малыш, покажи его».

Горм шагнул вперед. Ремни, охватывавшие его шею и туловище, удерживали на спине грубый короб, сплетенный из коры. Медведь наклонился и вывалил его содержимое на землю.

Две лысые головы, два блестящих черепа, два ненавистных лица... Головы покатились по мокрой траве под ноги Клоцу. Одно лицо казалось незнакомым; другое же... другое Иеро не забывал никогда. Голова С'даны, грубо оторванная от тела, лежала перед ним; губы кривились в смертельной агонии.

Предводитель медвежьего народа все еще продолжал:

«Мы подумали, что такой мрази нет места в мире. И дарим их тебе. Это два вождя, которых ты искал, Красный

и Голубой. Их круги уничтожены. Мы знаем, как много ты сделал для этого... И наш малыш считает так же, а он никого не станет лизать зря. Придет день, и он достигнет настоящей мудрости. И это будет хорошо для него и для тебя.— Гигант покачал мохнатой головой и уставился на человека оценивающим взглядом.— По нашим понятиям, слишком уж ты скор... Но ничего! Ты можешь стать первым из своего народа, достигшим мудрого равновесия».

Когда Иеро оторвался от созерцания головы своего врага, две огромные мохнатые фигуры уже исчезли в лесу. Он вскинул глаза. Горм был рядом.

«Они сказали, что я могу остаться,— передал молодой медведь.— Дело ведь еще не закончено, друг Иеро. Где Лучар, твоя самка?»

Этот внезапный вопрос прорвал стену, возведенную Иеро в своем сознании. Воспоминания о принцессе, собранные в точку и спрятанные под непроницаемый колпак, взметнулись мощным взрывом, затопив разум.

Лучар! Где ты, Лучар?

Эпилог

Лучар чувствовала, что хоппер под ней вот-вот упадет.

Обессиленный зверь остановился; секунду она сидела неподвижно, затем спрыгнула на землю. Ее ноги налились усталостью, и, чтобы устоять, молодая женщина прижалась к тяжело вздымавшемуся боку прыгуна. Словно в полусне она заметила, как один из сопровождающих тянется, чтобы поддержать ее. Отрицательно мотнув головой, Лучар выпрямилась, собирая остатки энергии и рассматривая трех своих спутников.

Три человека — только три! Сколько часов — или дней — прошло с той минуты, как граф Гифтах забрал последних гвардейцев и двинулся назад, чтобы прикрыть ее бегство? Кажется, она потеряла чувство времени... Когда они свернули в лес, пытаясь раствориться в бескрайних простран-

ствах джунглей? Когда же наступит конец? К чему привели эти недели скитаний и бесконечных битв?

Собравшись с мыслями, она вернулась к настоящему и посмотрела вокруг. Узкая тропинка, по которой они ехали, обрывалась; колоссальные деревья, расступившись, давали место поляне. День клонился к вечеру, солнце низко висело над западным горизонтом; однако, после царившей в лесу полутьмы, свет под открытым небом был неожиданно ярок. Внезапно странное чувство узнавания охватило ее, словно она побывала здесь раньше, в другой, более счастливой жизни.

Трое мужчин, истомленных долгим переходом, занялись разбивкой лагеря, собирая сучья для костра и охапки травы, чтобы устроить ложе. На ужин, как помнила Лучар, у них еще были остатки вчерашней охотничьей добычи. Один из ее спутников склонился над кучкой сухих ветвей, разжигая огонь; кольцо опаленной земли свидетельствовало, что костер будет гореть тут не в первый раз. Смутные воспоминания вновь охватили молодую женщину.

Она стояла, пытаясь справиться с ощущением некой странности, почти нереальности происходящего. Это чувство все росло и росло, пока Лучар не обнаружила его источник. Внезапно она поняла, что лес охвачен удивительным молчанием; ни шороха ветвей, ни птичьего щебета, ни крика зверя. Она насторожилась, прислушиваясь; тишина звенела, словно натянутая нить, уходившая куда-то на север, к бескрайним морским водам, зеленому океану Тайга и дальше, в бесконечность полярных ледяных пустынь.

И вдруг... вдруг она услышала!

«Лучар!»

Зов был слабым, едва заметным, чуть различимым... Но ей казалось, что он снова и снова медным колоколом грохочет в голове.

«Лучар! Где ты, Лучар?»

Затем все исчезло.

На крыши и стены Намкуша давно спустилась ночь, но суета вокруг одного из военных кораблей, застывшего массивной громадой у пирса, не затихала. В капитанской каюте, за маленьким столиком с единственной горевшей на нем свечой, сидели два белобородых старика. Они одновременно подняли взгляды, когда дверь отворилась и на пороге возникла фигура молодого человека.

— Мне сказали, что я найду вас здесь, отец аббат,— начал Иеро. Вдруг он запнулся; радостная улыбка промелькнула на его лице, когда он увидел брата Альдо. Эливенер поднялся, приветствуя своего друга.

— Мне говорили, ты выиграл сражение,— произнес он.— Жаль, что я прибыл слишком поздно и не смог увидеть этого своими глазами. Но, Иеро, сын мой, ты выглядишь так, словно не спал неделю!

— Да, времени на сон остается немного,— кивнул молодой священник.— Дел невпроворот.

Демеро указал на кресло; лицо его стало мрачным.

— Садись, мой мальчик. Брат Альдо вернулся с новостями с юга, ужасными новостями... но я предпочитаю, чтобы ты знал правду. Столица Д'Алви потеряна, королевская армия разбита... Король и Лучар исчезли, никто не знает, где они... И нет уверенности, что твоя жена еще жива.

— Она жива,— заявил Иеро.— И я даже знаю, где ее искать.

— Она вступила с тобой в контакт? — Голос Альдо был полон сомнения.

Иеро медленно покачал головой:

— Нет, у нее не хватило бы сил — слишком велико расстояние. Я сам установил ментальную связь, и я уверен, что не ошибся. Вот почему я здесь.— Он склонил голову перед Демеро.— Отец аббат, прошу разрешения отправиться на юг, чтобы разыскать ее. Клоц, Горм и дети Ветра пойдут со мной. Ну и еще несколько добровольцев. Они тоже просят, чтоб вы благословили их.

— Что ты собираешься делать потом? — спросил брат Альдо, не дожидаясь ответа старого аббата.— Я имею в ви-

ду, после того как найдешь Лучар, о чем я буду молить Создателя... Готов ли ты отправиться в такие края, где лишь воин с твоим опытом и талантом может противостоять Нечистому? На восток, сын мой, на восток!

— На востоке океан,— удивленно откликнулся Иеро.— Безбрежные соленые воды Лантика... Что мне делать на востоке?

Демеро и седобородый эливенер переглянулись.

— Океан не безбрежен,— ворчливо заметил аббат.— За солеными водами лежат другие континенты, мой мальчик, и ты об этом должен знать, если припомнишь, чему тебя учили. Там, в Старом Свете, престол наместника Божьего на земле, там камни Израиля, которых касался стопой Спаситель, и там...

— ...источник силы темных колдунов! — нахмурившись, произнес брат Альдо.— Это не древние легенды о Спасителе и его наместниках, а истина, пер Иеро! Наше братство имеет сведения... туманные, собранные по крохам... информацию о том, что обитель Нечистого — в той, другой половине мира.— Эливенер смолк, потом, словно про себя, пробормотал: — Нечистый... нечто злобное, могущественное, страшное... но реальное, клянусь жизнью и ее Творцом!

Иеро невольно вздрогнул, вспомнив предупреждение Солайтера о Другом Разуме, злобном и могучем существе, обитающем где-то на востоке. Ответ мог быть только один.

— Я пойду и туда, если отец Демеро разрешит. И если мне удастся преодолеть океан.

— Хорошо.— Старый аббат поднялся, будто их встреча уже подошла к концу.— Хорошо, мой мальчик, ты получишь разрешение! Сразить Нечистого — великий подвиг, и я благословляю тебя во имя Господа нашего и матери Церкви! А сейчас... сейчас ты можешь отправляться к своей принцессе. Только сначала отоспись за все последние дни.

— Но у меня нет времени! — запротестовал Иеро.— Путь вокруг Внутреннего моря долог и опасен, отец мой, и, даже если нам улыбнется удача, мы одолеем его не раньше осени... Нет, нам надо выходить немедленно!

Эливенер, усмехаясь, погладил бороду; аббат Демеро тоже улыбнулся и положил ладонь на плечо своего ученика.

— Ты полагаешь, пер Иеро Дистин, что я не догадывался, зачем ты пришел? Не считай меня идиотом! Я знал все, едва ты переступил через порог — и еще раньше! Как ты думаешь, с какой целью на этот корабль грузят горючее и припасы? — Он негодующе фыркнул.— Иеро, корабли могут не только разрушать, но и плавать! Ну, назови мне имена своих добровольцев... Назови их, а потом ложись в постель, прямо здесь, в этой каюте. И когда ты проснешься, то будешь уже на пути к своей принцессе.

Лучар свернулась на ложе из свежей травы, далеко на юге, под пологом теплой ночи, но она не спала. Слишком о многом ей предстояло подумать.

Иеро был жив, здоров и свободен! Все сомнения, терзавшие ее, исчезли, вытесненные очевидным и неопровержимым фактом — он дотянулся до ее разума! Он придет за ней! И она должна остаться здесь, должна надеяться и ждать.

Взгляд Лучар метнулся вдоль поляны, залитой сейчас серебристым лунным светом. Она узнала это место: здесь год назад они разбили лагерь во время долгой дороги на юг, как раз перед тем, как встретили этих странных женщин, обитающих на гигантских деревьях. Лучар вслушивалась в молчание леса, вспоминая, что такая же тишина предвещала появление Вайлэ-ри и ее бледнокожих дриад.

Они не забыли ее... они дадут ей безопасное убежище в своих древесных гнездах... и ей, и трем мужчинам... особенно мужчинам!

Улыбнувшись, она повернулась на бок и закрыла глаза.

Комментарии

Аббатства — теократическая структура Кандианской конфедерации, охватывающая республику Метс на западе и союз Атви на востоке. Каждое аббатство выполняет военно-политические, научные и религиозные функции; Совет аббатств обладает властью, аналогичной прерогативам палаты лордов в Англии восемнадцатого века, и возглавляется первым гонфалоньером.

Батви — торговый жаргон; искусственный язык, используемый в областях, граничащих с Внутренним морем.

Баферы — гигантские быки, результат мутации бизонов. Огромные стада баферов ежегодно мигрируют через западные кандианские районы.

Вербэр (медведь-оборотень) — малоизвестный вид лемутов. Он является не обычным медведем, а разновидностью гризли с коротким мехом и обладает невероятной силой, неким подобием рук и странной способностью к гипнозу, с помощью которого завлекает своих жертв. Пользуется примитивными орудиями. В основном бродит ночью; вербэров видели мельком только один или два раза. Их также относят к Нечистому, но они кажутся скорее его союзниками, чем слугами. Их современный аналог неизвестен. К счастью, они являются очень редкими.

«Ветер смерти» — зелье в виде порошка, приготовляемого специально обученными самками иир'ова (владычицами «ветра смерти»); вызывает чувство необоримого ужаса.

Внутреннее море — большое море, образованное в древности в результате слияния Великих американских озер; в нем имеется множество островов. Многое во Внутреннем море не отмечено на картах. Его берега усеяны руинами древних городов. По водам Внутреннего моря осуществляются интенсивные торговые перевозки, несмотря на постоянную угрозу со стороны пиратов. Наиболее крупные порты: Намкуш — на северо-западе; Ниана — на юго-востоке.

Волосатые ревуны — наиболее опасная разновидность лемутов. Это большие, покрытые мехом бесхвостые приматы с высоким интеллектом, они используются Нечистым в качестве солдат. Ревуны ненавидят всех людей, кроме своих темных мастеров. Более всего они походят на огромных бабуинов.

Глиты — один из видов лемутов, выведенных Нечистым (возможно, произошли от рептилий). Чешуйчатые и очень сильные физически, обладают разумом, способны к гипнозу; находятся в полном рабстве у темных мастеров.

Грантер — большая хищная рептилия, напоминающая крокодила; водится в болотах Д'Алви.

Грокон — гигантский потомок современной свиньи, обитает в северных лесах. На гроконов интенсивно охотятся, но они могут быть очень опасны для охотника, так как достигают размеров крупного быка и отличаются умом и ловкостью.

Города-государства — Д'Алви, Чизпек, Кэлин и другие. Расположены на побережье Лантического океана, на месте современных мегаполисов Бостон, Нью-Йорк, Филадельфия, Вашингтон; населены, в основном, расой чернокожих. Называются также Южными, или Черными, королевствами, так как в этих странах монархическая система правления.

Давиды — народ Давида, потомки чернокожих иудеев, проживающие в Южных королевствах и сохранившие свою религию. По внешнему виду не отличаются от остального населения.

Д'Алви — крупнейшее и наиболее развитое государство на восточном побережье Лантического океана. Королевство организовано по принципу просвещенной деспотии, однако рядовые члены общины — крестьяне и ремесленники — пользуются в нем очень немногими правами. В королевстве существует низшая ветвь Универсальной церкви.

Дети Ночного Ветра — см. *Иир'ова.*

Длиннорыл — хищный осетр-мутант размером с крокодила; водится в реках и озерах Канды, а также на Евразийском материке.

Забытые города — города древних, разрушенные в период Смерти.

Защитник — прибор, разработанный Темным братством; создает искусственный ментальный барьер, защищающий разум своего обладателя. Имеет форму квадратного медальона с цепочкой.

Змееглавы — гигантские всеядные рептилии, небольшие стада которых обитают в глубине южных лесов. Преимущественно питаются мягкими ветвями растений и фруктами, но также едят падаль. Очень похожи на доисторических двуногих динозавров, но на самом деле происходят от небольших рептилий, существовавших в период до наступления Смерти.

Золотистая утка — утка величиной с лебедя с золотистым оперением и алым клювом; водится в Канде.

Зоны Смерти — то же самое, что и пустыни Смерти.

Иир'ова — самоназвание людей-кошек, искусственной расы, выведенной адептами Нечистого; дословно означает «Дети Ночного Ветра». Иир'ова обитают в великих прериях; непревзойденные охотники и воины, они отличаются исключительной подвижностью и быстротой реакции. Ведут ночной образ жизни.

Иннейцы — потомки чистокровных индейцев, обитающие в Канде; весьма немногочисленны.

Канда — территория древней страны Канады, сохранившая свое наименование почти неизменным, хотя во времена Иеро многие об этой стране уже забыли. Память о ней сохранилась только в центральных районах республики Метс и Атвианского союза, на западе и на востоке соответственно.

Кандианская Универсальная церковь — государственная религия Метсианской республики и союза Атви. Образовалась в результате слияния наиболее распространенных направлений протестантской церкви с католицизмом, хотя контактов с Римом не было в течение тысячелетий. Из древних христианских религий в Универсальной церкви сохранились многие обычаи — такие как причастие, исповедь, символ креста и т. д. Родственные церкви, хотя менее строгие и цельные, существуют во всех Южных королевствах на побережье Лантика, таких как Д'Алви. В некоторых моментах они отличаются от Кандианской церкви — например, на юге священники соблюдают целибат (обет безбрачия).

Кау — вьючное животное, используемое для сельскохозяйственных работ и верховой езды в районах южнее Внутреннего моря (подобно волу в современной Корее). Большой бык; по-видимому, почти не изменившийся с древних времен потомок домашнего рогатого скота.

Киллмен — исключительно опытный и умелый воин республики Метс, прекрасно тренированный физически, прошедший длительное обучение военному искусству в специальной академии в Саске, владеющий всеми видами оружия. Киллмены автоматически являются офицерами стражей границы, а также используются в качестве лесных рейнджеров, стражей и специальных агентов аббатств. Иеро — человек необыкновенный (хотя и не исключительный), так как он является также священником и заклинателем. Подобная комбинация способностей высоко ценилась, но встречалась крайне редко.

Круги — административные области, обозначаемые определенными цветами, принадлежащие Нечистому и его мастерам из Темного братства. Иеро во время своих путешествий пересек все четыре круга — Красный, Голубой, Желтый и Зеленый. Верховные мастера кругов: С'тарн (Красный), С'дана (Голубой), С'дига (Желтый, столица — Ниана), С'лорн (Зеленый).

Лантический океан (соленое море Лантик) — древний Атлантический океан, хотя линия его западного побережья сильно изменилась. Не сохранилось документов о существовании каких-либо трансатлантических контактов в течение последних трех тысячелетий.

Лемут — термин обозначает животное или другое негуманоидное существо с человеческим разумом, которое служит Нечистому. Медведя Горма и народ Плотины никогда не считали лемутами. Этот термин образован сокращением слов «летальный мутант», обозначавших животное, которое не может выжить и воспроизводиться в естественных условиях. Во времена Иеро смысл этого термина был изменен; под ним понимали существо, враждебное нормальным людям и нормальной жизни во всех ее видах. По мере расширения исследованной территории постоянно открывают новые разновидности лемутов — например, такие как обнаруженные Иеро люди-жабы. Однако не все эти новые создания являются лемутами.

Лорс — основное пахотное и верховое животное Канды. Впервые было выведено в республике Метс. Является очень крупной разновидностью современного канадского лося, обладает зачатками интеллекта. Используется в кавалерии.

Лоун — невероятно огромная нелетающая водоплавающая птица, которая была найдена в отдаленных районах Внутреннего моря. Питается рыбой. Хотя лоун очень пуглив и робок, у него мало врагов, так как эта птица достигает восьмидесяти футов в длину при соответствующем весе. Лоун встречается очень редко, хотя не раз упоминается в легендах.

Лукинага — наркотическое средство, известное аббатствам. Используется священниками для усиления духовной мощи, когда они вступают в мысленный контакт. В малых дозах лукинага расслабляет и вызывает сон.

Люди-жабы — лемуты-амфибии, которые обитают в Забытых городах на побережье Внутреннего моря.

Люди-крысы — огромные, величиной с человека грызуны. Один из наиболее свирепых видов лемутов, часто используется Нечистым в качестве воинов. Вероятно, мутация крысы, на которую они походят во всем, кроме мозга и размеров тела.

Манун (Мертвый остров) — скалистый остров на севере центральной части Внутреннего моря, место, где Иеро был взят в плен. Один из главных центров Голубого круга Темного братства.

Метатель — гладкоствольный карабин, который заряжается с дула. Огнестрельное оружие в республике Метс, очень редкое и дорогое.

Метс — преобладающая раса в Канде, которая образовалась в результате смешения индоевропейской («белой») и индейской рас. Метс является сокращением древнего слова «метис». Метсы выжили в период Смерти в большей пропорции относительно других рас, так как они селились в древности маленькими группами в отдаленных сельских и лесных районах Канды. В результате атомные и бактериологические болезни уничтожили относительно немногих. Метсы, проживающие в Восточной Канде, на территории Атвианского союза, имеют более светлую кожу, так как в их генах примесь индоевропейской крови больше.

Му'аманы — одно из темнокожих племен, обитающих в Д'Алви; занимаются скотоводством. Они — великолепные бегуны; отличаются воинственностью и поставляют лучших пехотинцев в королевскую армию. Истоком их религии является мусульманство.

Намкуш — город и порт в северо-западной части акватории Внутреннего моря. Стоит в дельте Дождливой ре-

ки, которая, вместе с озерами Слез, Опадающих Листьев и другими, является кратчайшим водным путем, связывающим республику Метс с Внутренним морем. До захвата Намкуша метсианскими войсками он носил статус вольного торгового города, однако фактически находился под контролем Красного круга братства Нечистого.

Народ Плотины — водные грызуны, обладающие высоким интеллектом и размерами превосходящие людей. Живут в искусственных озерах на территории республики Метс; находятся под охраной соглашения о взаимной терпимости. Являются результатом мутации бобров. Очень миролюбивы.

Нечистый — общий термин, обозначающий как дьявола, так и Темное братство и всех его слуг и союзников — так же как и все другие формы жизни, осмысленно стремящиеся уничтожить нормальных людей и разрушить естественные законы природы и общества со злыми целями.

Ниана — крупнейший порт на юго-восточном побережье Внутреннего моря, торговый центр. Фактически в нем правит Нечистый; совет купцов города выполняет, как правило, его указания. В действительности Ниана является главным центром Желтого круга Темного братства. Тот, кто опасается зла, не задерживается в Ниане. Она расположена примерно на месте древнего города Толидо.

Обитающий (Бродящий) в Тумане — таинственное злобное существо, обитатель Пайлуда; питается телепатической энергией своих жертв. Даже колдуны Нечистого опасаются этого ментального вампира.

Озеро Слез, озеро Опадающих Листьев, Дождливая река, ручей Тетивы — система озер и рек к западу от Намкуша, где разыгралось сражение между армией республики Метс и войсками Красного и Голубого кругов.

Олень Смерти — чудовищный мутант, обитающий в пустынях Смерти. Обладает невероятной живучестью, очень

силен, плотоядный хищник. Свое название получил из-за растущих на морде шипов, похожих на оленьи рога.

Отр — огромный морской зверь, водится во Внутреннем море и других водоемах; результат мутации тюленей. На него охотятся с гарпуном, как на китов древности.

Пайлуд — обширнейшее из всех северных болот. Пайлуд тянется на сотни миль вдоль северного побережья Внутреннего моря. Его избегает даже Нечистый. Много странных форм жизни, не обнаруженных в других местах, существует в его безбрежных просторах. Ужасные лихорадки часто поражают тех, кто отваживается проникнуть в Пайлуд. Его точные границы на карту не нанесены и неизвестны.

Парз — крупное травоядное животное с четырьмя бивнями. Обитает в южных лесах, достигает двенадцати футов высоты в холке. Его предок неизвестен.

Пер — сокращенное «патер» (отец). Уважительный титул священника кандианской Универсальной церкви.

Помнящая — самка иир'ова, глава прайда, которая хранит историю племени.

Протестаны — протестанты, последняя секта в Канде, присоединившаяся к Универсальной церкви около двух тысячелетий тому назад.

Псы скорби — чудовищные собаки размером с крупного пони. Используются в отрядах Нечистого в качестве ездовых животных для волосатых ревунов. Очень сильны и свирепы.

Пустыни Смерти — клочки земли, пораженные древней атомной радиацией в результате бомбардировок. Здесь мало или совсем нет воды и растений. Однако жизнь существует даже в этих ужасных местах, хотя по большей части она странная и враждебная, развивающаяся в условиях сильной радиации и свирепой борьбы за существование. Некоторые пустыни занимали площадь в сотни квадратных миль, и во времена Иеро их сторонились, как самой Смерти. Пустыни редко встречались в Канде, но на юге их было много. Наиболее страшные из них испускают ночью голубое радиоактивное сияние.

Республика Метс — государство на территории центральной и западной Канды, входящее в Кандианскую конфедерацию (см. *Аббатства*). Столицей Метсианской республики является город Саск, чье название происходит от древней канадской территории Саскачеван. В Саске расположено Центральное аббатство, его школы, архивы и научные лаборатории.

Синюки — народ с синеватой кожей, обитающий рядом с пустынями Смерти.

Смерть — болезни, вызванные радиацией и применением химического и бактериологического оружия, уничтожившие основные населенные центры и большинство людей пять тысяч лет тому назад. Во времена Иеро эти события давнего прошлого все еще оставались синонимом ужаса и неотвратимой опасности. Существовала поговорка: «Все зло мира принесла Смерть».

Снапер — огромная хищная черепаха размером с легковой автомобиль. Нападает на крупных животных в воде, является свирепой и почти неуязвимой.

Сорок символов — крошечные фигурки-символы, вырезанные из черного дерева, с помощью которых прошедший обучение священник-заклинатель может предсказывать будущее. При этом используется магический кристалл, позволяющий гадателю быстрее входить в состояние транса. В романах упоминаются следующие символы:

Копье — битва (все виды сражений) или опасная охота;

Рука (Раскрытая Рука) — друг;

Рыболовный Крючок — скрытая опасность или скрытое значение чего-либо, тайна, загадка;

Рыба — вода и все, с ней связанное (корабли, верфи, сети, мореходство и т. д.; также обозначает мужскую силу);

Крест и Глаз — Зло; опасность, угрожающая не только телу, но и душе;

Скрещенные Руки — друг, очень близкий, на всю жизнь;

Молния — буря, шторм, плохая погода; сильный гнев, который может испытать гадающий; молния, которая попадет в гадающего;

Сапоги (или *Башмаки*) — долгое путешествие;

Дом — сам по себе этот символ означает кров, убежище, но в сочетании с другими знаками допускает множество толкований;

Меч и Щит — гадающему предстоит опасная схватка;

Лист, проколотый Мечом — Мир и Война, с возможностью выбора между ними;

Череп — символ древней Смерти (или гибели, которая настигнет гадающего или близких ему людей);

Пес — собака или волк; смысл символа зависит от других фигурок, которые попадутся гадающему вместе с ним;

Птица — нечто связанное с воздухом;

Слеза — знак печали;

Округленные Губы — нечто новое, удивительное (может оказаться как хорошим для гадающего, так и плохим);

Книга — знак Библии, Священной Книги; толкуется как надежда или Божья помощь.

Союз Атви — государство на территории восточной Канды, братское Метсианской республике, получившее свое название от древнего города Оттава. Союз меньше республики и отделен от нее обширным пространством диких земель и Тайга, через который проходит несколько дорог. Между обеими странами установлены тесные контакты, в обеих существуют аббатства (см.), выполняющие роль правительства как в союзе, так и в республике.

Стражи границы — армия или лица, входящие в состав вооруженных сил республики Метс. Союз Атви имеет аналогичное формирование. В Метсианской республике имеется шестнадцать легионов или полков, полностью автономных воинских частей. Они находятся под командованием Совета аббатств, который, в свою очередь, докладывает нижней палате (Ассамблее) о своих решениях, которые всегда одобряются. Стражей грани-

цы обычно возглавляют священники. Численность легиона составляет от тысячи до двух тысяч бойцов. Более мелкие подразделения — стая и рой (эквиваленты батальона и роты).

Тайг — великий хвойный лес Канды, не похожий, однако, на современный; он содержит много лиственных деревьев и даже некоторые виды пальм и кактусов. Деревья в среднем стали выше, чем в настоящее время, на далеком юге растут еще более гигантские деревья.

Темное братство — самоназвание союза мастеров Нечистого. Используя слово «темный», они подчеркивают, что пытались завоевать мировое господство и уничтожить жизнь; они гордятся этим, понимая, что главное зло исходило от них. Аналогом этой организации является современный сатанизм.

Фрог — чудовищный лягушкоподобный монстр, обитающий в болотах Пайлуда.

Хопперы (прыгуны) — домашние ездовые животные, напоминающие огромных кроликов или кенгуру, которых разводят в Южных королевствах. Сила и скорость хопперов позволяют использовать их в качестве скакунов в армии Д'Алви.

Чизпек, Кэлин — небольшие королевства на побережье Лантического океана, то выступающие в союзе с Д'Алви, то воюющие с этим своим ближайшим соседом. Чизпек расположен к северу от Д'Алви, Кэлин — к югу.

Эливенеры — братство Одиннадцатой заповеди («Да не уничтожишь ты ни Земли, ни всякой жизни на ней»). Группа ученых, экологов и социологов, которая образовалась после Смерти с целью сохранить человеческую культуру и знания, проповедующая любовь ко всему живому. Эта группа проникла во все сферы социальной жизни человечества на американском континенте и постоянно сражается с Нечистым, часто тайными путями.

Содержание

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЕРО 7

ИЕРО НЕ ЗАБЫТ 367

Стерлинг

ЛАНЬЕ

Sterling E. Lanier

ISBN 978-5-699-27302-7

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА